АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

ЭТИМОЛОГИЯ
1971

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА
1973

Настоящий том ежегодника «Этимология» объединяет новейшие исследования советских и зарубежных лингвистов в области этимологии. Большая часть статей посвящена проблемам славянской и русской этимологии, главным образом — конкретной этимологизации славянской и русской лексики.

Э $\frac{0711-0119}{042(02)-73}$ 366-73

СТАТЬИ

Ж. Ж. Варбот

К РЕКОНСТРУКЦИИ И ЭТИМОЛОГИИ НЕКОТОРЫХ ПРАСЛАВЯНСКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ОСНОВ И ОТГЛАГОЛЬНЫХ ИМЕН. I

*ščebati.

Русские *щебень* 'битый измельченный камень, природный мелкий камень' и *щебло́* 'дрань, лучина, щепка' рассматриваются как родственные с глаголом *скоблить* и далее — с лит. *skebérda* 'осколок', лтш. *skabar̃da* то же [1]. Глагол **skobliti* (русск. *скоблить*, чеш. морав. *vyskoblit*, словен. *oskobliti*) — явно отыменное образование от **skobľь*, **skobľa* (ср. русск. *скобель*, чеш. *skoble*, слвц. *skobľa*, словен. *skôblja*, польск. *skoblica*), родственного литовскому *skõbti*, *skabiù* 'долбить, рвать, щипать', лат. *scabō* 'царапать', др.-в.-нем. *scaban* то же [2].

Судя по **skobľь*, **skobľa* и глагольным соответствиям для него в родственных языках, можно предполагать утрату славянскими языками (возможно, еще на праславянском уровне) глагола с корнем **skob-*, вероятно — **skobiti*. Помимо **skobľь*, **skobľa*, производными от этого глагола являются, например, вторичный глагол русск. диал. псков. и твер. *скобону́ть* 'дать кому тумака, ударить' [3] и имена: русск. диал. псков. и твер. *скобень* 'кто чешется' [4], кур., смол. и блр. *ска́ба* 'щепка, лучинка, заноза' [5] (удлинение корневого гласного свидетельствует о праславянской древности этого образования).

Наличие имен *щебень*, *щебло*, родственных со **skobľь* и **skobiti*, позволяет, далее, предполагать глагольную основу, родствен-

---

[1] Vasmer III, стр. 444.

[2] Vasmer II, стр. 640; Machek², стр. 546—547; О. Н. Трубачев. Ремесленная терминология в славянских языках (этимология и опыт групповой реконструкции). М., 1966, стр. 156.

[3] Дополнение к Опыту, стр. 243.

[4] Там же.

[5] Даль² IV, стр. 189; Vasmer II, стр. 630.

ную со **skobiti*, при корневом вокализме **e* или в ступени редукции — **ь*, т. е. с корнем **ščeb-* или **ščьb-*. Как продолжения этой глагольной основы могут рассматриваться укр. *щеба́ти*, *-ба́ю* 'отщипывать, обрывать'[6], *пощеба́ти* 'исколоть'[7], русск. диал. псков. *щеба́нить* 'бить, колотить'[8] и, может быть, укр. *пощиба́ти* 'отряхнуть' и *прищиба́ти* 'сгонять'[9]. Исходной была, вероятно, инфинитивная основа на *-a-* при основе настоящего времени на *-je-*: **ščebati*, **ščebjǫ* или **ščьbati*, **ščebjǫ*. Обобщение инфинитивного *-a-* для основы настоящего времени могло дать укр. *щеба́ти*, *-ба́ю*, а образование итеративного глагола с удлинением корневого гласного — укр. *пощиба́ти*, *прищиба́ти* (ср. **-dirati* при **dьrati*).

Как производное от предполагаемого праслав. **ščebati* может быть истолковано русск. диал. волог. *заско́бина* 'щербина'[10] (разумеется, через промежуточную ступень бессуффиксального имени **zaskoba*).

*storčiti и *potorča

Сопоставление укр. *насторо́чити*, *насторо́чувати* 'наставить, поднять' (*насторочила* свиня щетину мов їжак), н. ву́ха ='навострить уши', *насторо́шити* то же[11], *понасторо́чувати*, *понасторо́шувати* то же (вітряки на горбах *понасторошували* крила), *понасторо́шуватися* 'наставиться, подняться' (Квіточки, як зірочки, *понасторошувались*)[12] с укр. *на́сторч* 'вертикально'[13] и всем гнездом слав. **(s)tъrčati* (русск. *торчать*, укр. *сторча́ти* 'торчать', болг. *стърча* то же, словен. *stŕčati* то же, чеш. *trčeti* то же, слвц. *trčat'* то же, польск. *sterczeć* то же)[14] позволяет толковать приведенные украинские глаголы как продолжения праслав. **storčiti* 'ставить, поднимать', которое является каузативом к **(s)tъrčati*. Появление *š* вм. *č* в некоторых образованиях может быть обязано аналогическим влияниям со стороны **nastrašiti* (от **straxъ*) 'напугать' и **nastoržiti* (от **storžь*) 'приготовиться, насторожиться в ожидании чего-либо' (относительно возможности сближения слов со значением 'поднять', 'поставить', с одной стороны, и 'напугать', 'насторожиться', с другой стороны, ср.: волосы, шерсть *от страху встали дыбом*, *насторожить* уши).

В польском языке представлена целая группа глаголов, близких структурно и семантически приведенным украинским глаголам: *nastroszyć*, стар. *nastrożyć*, *nastorzyć*, диал. *nastruszyć*,

---

6 Гринченко IV, стр. 523.
7 Гринченко III, стр. 397.
8 Дополнение к Опыту, стр. 310.
9 Гринченко III, стр. 397, 454.
10 Дополнение к Опыту, стр. 62.
11 Гринченко II, стр. 524.
12 Гринченко III, стр. 308.
13 Гринченко II, стр. 524.
14 Vasmer III, стр. 127—128; Machek², стр. 650.

nastrożyć, редк. *nastorczyć* 'взъерошить, поднять', *n.* uszy='поднять' насторожить уши; нагромоздить, насыпать с верхом'[15]. Как редкие отмечены также бесприставочные глаголы: *stroszyć* 'взъерошить, поднять' (наряду с *strożyć* 'взъерошивать; приготавливать')[16] и *struszyć* 'взбивать, взъерошивать'[17]. В отношении образования этих глаголов также можно предполагать действие аналогии. При этом в числе исходных глаголов были бесспорно *(na)strożyć* и *(na)storczyć*, сохранившие этимологическую прозрачность. Глаголы же *(na)stroszyć*, *(na)struszyć*, как и укр. *насторóшити*, можно возвести к **(na)stroczyć* < праслав. **storčiti*, которое подверглось изменениям под влиянием *nastraszyć* 'испугать'. О возможных условиях такого влияния можно судить по контексту: Dudek *przestraszony* czub *nastrosza*[18].

В рамках этимологического гнезда **(s)tъrčati — *(s)tъrčь — *storčiti* возможно объяснение (как соответствующего отглагольного образования) имени существительного **potorča*: русск. диал. *поторóча* кур. 'встреча, случай, событие, происшествие', смол. 'пострел, выскочка, кто везде суется'[19], псков. *поторóчье* 'помеха, препятствие'[20], укр. *поторóча* 'привидение, призрак, пугало'[21]. Русские диалектизмы были включены в гнездо *торчать* еще Далем[22], но Фасмер (с сомнением) связал *поторча* с *торкать*[23], относительно же родства *торкать* с *торчать* определенно не высказался (если не считать отнесения *сторчь* одновременно к *торкать* и *торчать*[24]).

В пользу непосредственного родства **potorča* с **tъrčati* можно указать на значение 'мешать, препятствовать', представленное в некоторых продолжениях праслав. **tъrčati* (русск. диал. твер. *торчáться* 'мешать своим присутствием'[25], чеш. диал. мистрш. *trčí* to do tvého? = překáží ti to?[26]) и объясняющее значение *поторóчье* 'помеха, препятствие'. Как производное от этого значения может быть понято 'случай, происшествие'. Что же касается

---

[15] Варшавский словарь III, стр. 171.
[16] Варшавский словарь VI, стр. 461.
[17] Там же, стр. 467.
[18] Варшавский словарь III, стр. 171.
[19] Даль[2] III, стр. 358. — В «Опыте областного великорусского словаря» (стр. 174) на основании контекста «Расскажи нам свою *поторочу*» дано значение 'рассказ о каком-либо происшествии, приключении' (см. также у Даля). Кажется, однако, что и здесь значение *поторча* — собственно 'приключение' (ср.: рассказать случай).
[20] Опыт, стр. 174.
[21] Гринченко III, стр. 381.
[22] Даль[2] III, стр. 358.
[23] Фасмер III, стр. 344.
[24] Там же, стр. 21.
[25] Дополнение к Опыту, стр. 269.
[26] I. Malina. Slovník nářečí mistřického. Praha, 1946, стр. 128.

значений ʻпострел, выскочка' и ʻприведение, призрак, пугало', то они прямо связаны с основным значением *tъrčati ʻстоять, выдаваясь вперед или вверх; тянуться вверх'.

*šarъpati

Русское *шáрпать* ʻрвать, дергать, тереть, грабить, разорять', укр. *шáрпати* ʻрвать, щипать', блр. *шáрпаць*, польск. *szarpać* ʻдергать, рвать, трясти', чеш. *šarpat* ʻдергать, рвать', слвц. *šarpat'* то же — слова неясного происхождения [27]. Если исключить возможность заимствования (см. возражения Фасмера против заимствования из ср.-в.-нем. *scharben*), то можно предполагать исконное **šarъpati* ʻрвать, драть'. Некоторые вариантные формы славянских лексем могут рассматриваться как свидетельство в пользу существования экспрессивной приставки *ša-*: ср., например, *каверза*, *каверзить* и диал. твер. *шáверзить* ʻпроказить, прокудить, портить, мешать', *шáверзни* ʻсплетни' [28]; колым. *шабаркáть* ʻболтать, разговаривать' [29] и волог. *бóркать* ʻбормотать, ворчать, бурчать' [30]; олон. *шалатáнья* ʻхудая, рваная одежда, лохмотья' [31] и *лáтанье* ʻхудая одежда, рубище' [32]. Это дает возможность предполагать в **šarъpati* приставку *ša-* и корень **rъp-*, который может быть включен в гнездо слав **rypati*.

Слав. **rypati*, для которого можно предполагать первичное значение ʻрыть, копать', ʻрвать' (ср. чеш. *rypati* ʻкопать, рыть', польск. диал. *rypać* ʻстучать, отбивать, есть, копать, крошить' [33]) и вторичное ʻбеспокоиться' (русск. *рыпаться*, болг. *-рúпам* ʻметаться', в.-л. *rypać* ʻприставать, надоедать') [34], было истолковано Брюкнером как производное от *ryp* (образование от *ryti* с *p* суффиксальным) [35]. Однако наличие славянских образований с тем же *-p-* и другой — в ступени **o* — огласовкой корня типа **rupa* ʻяма' (болг. *рýпа*, с.-хорв. *rupa*, словен. *rupa*, укр. *рупа*) [36] и **rupiti sę* ʻбеспокоиться' (польск. *rupić się*) [37] свидетельствует скорее о принадлежности *-p-* к исходной глагольной основе (вероятно, производной, в свою очередь, от и.-е. **reu-*, давшего и слав. **ryti*). Поэтому более точным представляется толкование

---

[27] Vasmer III, стр. 378; Machek², стр. 603.
[28] Даль² IV, стр. 618; Vasmer I, стр. 363.
[29] Васнецов, стр. 347.
[30] Даль² I, стр. 115.
[31] Картотека Словаря русских народных говоров (Ленинград).
[32] Даль² II, стр. 240.
[33] Варшавский словарь V, стр. 795.
[34] О. Н. Трубачев. Славянские этимологии 29—39. «Этимологические исследования по русскому языку», вып. II. М., 1962, стр. 40; Machek², стр. 527.
[35] Brückner, стр. 472.
[36] Младенов, стр. 564.
[37] A. Brückner. N- und U-Doubletten im Slavischen. — KZ 42, 1908, стр. 363.

Махека, предполагающего, что слав. **rypati* является итеративом от несохранившегося глагола **rupti*, которой соответствовал бы лит. *raũpti* [38]. Однако предполагаемый исходный глагол, кажется, следует реконструировать в форме **rъpati*, поскольку продолжения ее сохранились: это укр. *пóрпати* 'копаться, разгребать, выгребать (о курах и пр.), возиться, рыться в чем' [39], болг. диал. пирдоп. *ръпам*, *ръпна* 'резать тупыми или выщербленными ножницами или серпом, резать плохо, неровно, с трудом из-за неумения или из-за плохих ножниц' [40], польск. диал. *parpać* 'рыться, копаться' [41] (литер. *paprać* — вероятно, результат метатезы).

Значения 'рыть' и 'рвать' могут быть представлены в едином этимологическом гнезде (ср. этимологическое родство слав. **ryti* и **rъvati*), и это является достаточным семантическим основанием для отождествления корня глагола **šarъpati* 'рвать' с рассмотренным выше **rъpati* 'рыть'. Могут быть сопоставлены также и вторичные значения **rypati* и **šarъpati*: ср. русск. *рыпаться* 'беспокоиться' и чеш. диал. *šarpač se* 'злиться на кого-либо' [42].

*čьrsnǫti, čьrxati/*čьrsati

Представляется возможным возвести к этим праславянским основам следующие глаголы: чеш. арх. *čerchati* 'делать черты, штрихи, исписывать (каракулями)' [43], укр. *черсáти*, *-саю*, *чéрснути* 'чесать; тереть, провести чем-либо по чем; бежать, побежать' [44], русск. диал. псков. *черснýть* 'сильно ударить кого' [45] и, через промежуточную ступень какого-то образования с суффиксом *-l-*, польск. диал. *oczerchlić* 'обить кору на дереве, чтобы оно засохло' [46]. Вариантность *x/s* в глагольной основе на *-a-*, при закономерности в этой позиции (после *r*) для славянских языков звука *x*, можно объяснить аналогическим влиянием *-nǫ-* основы, где сохранение *s* оправдано позицией перед согласным. Первичным значением было, вероятно, 'чесать, драть, царапать'.

Как производное от одной из этих глагольных основ может быть истолковано слав. **korsta* (русск. *корóста* 'струпья', укр. *корóста* 'чесотка', полесск. 'костра', ст.-слав. краста ψώρα, болг.

---

[38] Machek², стр. 527.
[39] Гринченко III, стр. 354.
[40] Иван Кънчев. Говорът на село Смолско, Пирдопско. Сб. «Българска диалектология», кн. IV. София, 1968, стр. 140.
[41] Варшавский словарь IV, стр. 65.
[42] A. Lamprecht. Slovník středoopavského nářečí. Ostrava, 1963, стр. 131.
[43] PSJČ, 1, стр. 303.
[44] Гринченко IV, стр. 459.
[45] Дополнение к Опыту, стр. 299.
[46] Варшавский словарь III, стр. 559; ср. также кашуб. *čorχac są* 'тереться', *občorχnǫc* 'содрать себе кожу' (Sychta I, стр. 175—176), в.-луж. *čerchać* 'шаркать ногами'.

краста 'короста', с.-хорв. *краста* то же, словен. *krásta* 'струп', др.-чеш. *krásta*, чеш. *chrásta* 'струп', слвц. *chrasta* 'кровь, запекшаяся на ране', польск. *krosta* 'прыщ, оспинка, оспа, чесотка, костра'), которое обычно связывают с лит. *kar̃šti* 'расчесывать, чесать', лтш. *kãrst* то же, нов.-в.-нем. *harsch* 'шершавый, жесткий,' ср.-нж.-нем. *harst* 'грабли' [47]. Реконструируемые глаголы **čьrsnǫti*, **čьrxati* — ближайшие славянские соответствия для приведенных балтийских глаголов, а также хетт. *karš-*, *karšii̯a-* 'обрезать': все они являются продолжениями и.-е. **kers-* 'резать', которое в свою очередь, как и **kert-* (слав. **čersti*, *čьrtǫ*, **čьrtati*), восходит как расширение к и.-е. **(s)ker-* [48].

Продолжениями исходного и.-е. **(s)ker-* в славянских языках являются **ščeriti* [49] и **čeriti* (укр. *черúти* 'облупливать кору' [50]), которые образованы от несохранившегося отглагольного бессуффиксального имени **(š)čer-*. Следы исходного глагола, который может быть реконструирован как **čerti*, *čьrǫ* (ср. лит. *skìrti*, *skiriù*), возможно, сохранились в укр. *чрéсти*, *чру* 'сдирать кору' [51], точнее — в основе настоящего времени *чру* (инфинитивная основа, вероятно, испытала влияние родственной *-t-* основы).

Др.-польск. *czyrśl* 'часть леса, где деревья высохли после вырезания на стволах кругообразных полос коры' [52], восходящее к **čьrslь*, может быть истолковано трояко: как производное с суффиксом *-slь* от **čerti*, *čьrǫ*, как производное с суффиксом *-slь* от **čersti*, *čьrtǫ* или как производное с суффиксом *-lь* от **čьrsnǫti*, реконструкция которого предложена выше. Родственный глагол польск. *oczerchlić* 'обить кору на дереве, чтобы оно засохло' (см. выше) образован от какого-то имени с суффиксом *-l-*, возможно — от **čьrslь*, но в глаголе представлено *x* вместо *s*, что в положении перед *l* фонетически неоправданно, поэтому приходится предполагать аналогическое воздействие со стороны формы, где это *x* закономерно, вероятно — со стороны глагола **čьrxati*. Замена *s* на *x* могла произойти как в имени, так и в отыменном глаголе, но более вероятна в глаголе, так что *oczerchlić* является производным от **čьrslь*, т. е. первоначально **čьrsliti*, с последующей заменой *s* на *x* под влиянием **čьrxati*.

*prъtiti и *prytь

Эта глагольная основа с возможными производными и родственными образованиями, кажется, впервые анализируется во

[47] Фасмер II, стр. 335; Fraenkel, стр. 224; см. также В. А. Меркулова. Народные названия болезней (на материале русского языка), II. «Этимология. 1970», стр. 184—186.
[48] Pokorny I, стр. 938—945.
[49] Vasmer III, стр. 450; Machek², стр. 627.
[50] Гринченко IV, стр. 457.
[51] Там же, стр. 473.
[52] Sł. stpol. I, стр. 427.

втором издании Этимологического словаря В. Махека: в статье *prtit* Махек (ссылаясь на А. Матла) сопоставляет чеш. диал. ход. *prtit* 'прорастать, всходить' с с.-хорв. диал. *prtit* 'вырастать из земли' и возводит к этому глаголу чеш. *pryt* 'побег растения' (<**phru-to-s*, с удлинением *u* > *ū*), предполагает возможность родства с этой группой для праслав. **prǫtъ* и связывает далее этот славянский глагол с лат. *frutex* 'куст, ветви', *fruticō* 'давать побеги, обрастать ветвями', слав. **brъstъ* (<и.-е. **bhru-d-to-s*) и и.-е. **spreu-d-* (нем. *sprießen* 'пускать ростки', *Sprosse* 'побег') [53]. Автор не дает реконструкции праславянской глагольной основы, но, судя по предлагаемым сравнениям и реконструкции для чеш. *pryt*, следует исходить из **prъtiti*.

Представляется, что, следуя своему правилу — сближать лишь слова тождественного значения, Махек оставил за пределами рассматриваемого этимологического гнезда некоторые глаголы, восходящие к тому же **prъtiti*. Это, прежде всего, слвц. *prtit'*, *prtet'* 'возиться, копаться, копошиться, рыться (о насекомых и под.)', которое в первом издании словаря Махека сближалось с чеш. *prtit*, и болг. *рътя* 'пускать ростки, прорастать', упоминавшееся в первом издании как рифмующееся с чеш. *prtit* [54].

Далее, с.-хорв. *пр̏тити*, помимо указанного выше значения 'вырастать', имеет также значение 'уходить, убираться' [55], что позволяет включить в то же гнездо словен. *pŕtiti* 'лезть куда, тащиться' [56] и группу чеш. (*š*)*prtati*: диал. *prtnouti* 'отодвинуть', *vyprtat* 'выскользнуть', *šprtati* 'двигать; рыть, копаться; скрести' (например, *šprtati fazole*), *šprtati se* 'двигаться, соваться, крутиться' (например, stařenka *šprtají* se do kostela, ryba *šprtá* na suchem), *šprtati sebou* 'хромать', *ušprtati*, *ušprtnouti* 'влезать, вскарабкаться', *vyšprtati* 'повернуть, выскользнуть' [57]. Оценивая возможности семантического сближения этих глаголов с **prъtiti* 'прорастать, всходить, расти', следует учитывать, что обозначение процесса роста растения в славянских языках часто оказывается связанным с глаголами движения: ср. русск. хлеба *взошли*, первые *всходы*, зеленые *побеги*, чеш. *vyhonek* 'побег', польск. *odskok* 'отросток, ответвление' [58]. Ср. также значение с.-хорв. *prtiti se* 'выпрямляться, вставать' [59]. Что касается формы чеш. *šprtati*, то начальное *š*, возможно, экспрессивного происхождения.

Сопоставление **prъtiti* с *(*š*)*prъtati*, **prъtnǫti* позволяет предполагать, что **prъtiti* восходит к более древней основе на *-ě-* — **prъtěti*, для которой вокализм в ступени редукции был бы

---

[53] Machek[2], стр. 487.
[54] Machek[1], стр. 397.
[55] RJA 53, стр. 514—515.
[56] Pleteršnik II, стр. 357.
[57] Kott II, стр. 1212; IV, стр. 1054; III, стр. 937; IV, стр. 462, 1137.
[58] Варшавский словарь III, стр. 661.
[59] RJA 53, стр. 515.

так же закономерен, как для *-a-* и *-nǫ-*основ, и которая подверглась аналогическому влиянию со стороны соответствующей основы настоящего времени на *-i-* (ср. то же направление развития в глаголе **mьněti* > **mьniti*). Прямым продолжением **prъtěti* является слвц. *prtet'* (см. выше).

Наконец, к рассматриваемому гнезду могут быть также отнесены польск. диал. *pryciać*, *pruciać* 'бегать, рыскать; выискивать, копаться, рыться; семенить, топтаться'[60] < **prytjati*, **prutjati* от **prъtiti* (или **prъtěti*), **prutiti*.

Таким образом, на основании данных южно- и западнославянских языков для праславянского могут быть реконструированы глагольные основы **prъtěti* (>**prъtiti*), **prъtnǫti*, **prъtati* и **prutiti* со значением 'прорастать, всходить; подниматься, напрягаться; двигаться, копаться, рыться'. Как соответствующее отглагольное имя Махек рассматривает чеш. *pryt* 'побег растения'. Представляется возможным образование в данном гнезде также имени **prytь*, известного в восточнославянской языковой области (русск. *прыть* 'быстрота, скорость; проворство, живость, удальство, хватские приемы, молодечество'[61], блр. *прыць* 'прыть'[62]).

Наиболее вероятной этимологией для **prytь* Фасмер считал сближение с лит. *spráusti*, *-džiu* 'втискивать, впихивать', *sprū́sti*, *-stu*, *-dau* 'выскальзывать', лтш. *sprautiês* 'подниматься, прорастать', ср.-в.-нем. *spriezen* 'давать побеги' и т. д., которые восходят к и.-е. **spreud-*[63]. С этой же индоевропейской основой Махек связывает и чеш. *prtit* (см. выше). Непосредственное возведение **prytь* к гнезду **prъtiti* делает этимологию **prytь* более реалистичной, т. к. фонетически максимально вероятно (ср. различие конечных согласных в **prytь* и и.-е. **spreud-*), и расширяет географию гнезда **prъtiti*, т. к. обнаруживает его рефлексы также в восточнославянских языках.

Семантическим основанием для введения имени **prytь* в гнездо **prъt-* является наличие в этом гнезде глаголов со значениями 'двигаться, бегать': ср. приведенные выше чеш. *vyprtat* 'выскользнуть', *šprtati se* 'двигаться, крутиться', польск. *pryciać*, *pruciać* 'бегать, рыскать'.

С точки зрения формы **prytь* является бессуффиксальным именем с основой на *-ĭ-*, образованным от одной из глагольных основ с корнем **prъt-* (**prъtnǫti*, **prъtati*, **prъtěti*), по типу ст.-слав. оушьдь (ср. основу причастия шьд-), или от основы

---

[60] Варшавский словарь V, стр. 9 и 8.

[61] Даль² III, стр. 530.

[62] Носович, стр. 536.

[63] Фасмер III, стр. 390—391. Славский предполагает далее родство со слав. **prǫdъ*, **prǫdъkъjь*, допуская сосуществование еще на праиндоевропейском уровне корневых *-en-* и *-eu-*, формантов *-t-* и *-d-* (см. Fr. Sławski. Oboczność *ǫ* : *u* w językach słowiańskich. — SOc 18, 1947, стр. 283—284).

*pryt(j)ati по типу ст.-слав. чинь (от чинати). Отношения формы вост.-слав. *прыть* и чеш. *pryt* подобны отношениям ст.-слав. оушидь и оушидъ, а отношения их значений — набору значений русск. *побег*: 'бегство' и 'новый росток', или польск. *pęd*: 'стремление, порыв' и 'росток'. Можно предполагать, что **prytь* и **prytъ* были вариантными, диалектно различными образованиями.

Прилагательное **prytъkъjь* может быть и отыменным (от **prytь*), и отглагольным (от **prytati*) образованием. Кажется, оно представлено, в отличие от **prytь*, не только в восточнославянской языковой области: ср. чеш. диал. силез. *pryntký*, *prytký* 'быстрый, горячий' [64] (если только эти чешские диалектизмы не являются полонизмами — ср. польск. *prędki*, от слав. **prędati*).

*mъxnǫti, *mušiti

Младенову принадлежит заслуга установления родства болг. *мýша*, *-их*, *мýхна* 'колоть, бодать, совать' с лит. *mũšti* 'бить, колотить, ударять' [65]. Судя по морфологической структуре болгарских глагольных основ, вокализм *у* < **ou* исконен для первой из них — *мýша* < **mušiti*, во второй же он появился по аналогии вместо ожидаемой ступени редукции — **mъxnǫti*. Возможность ступени редукции позволяет ввести в это этимологическое гнездо словен. *mašíti*, *zamašíti*, *zamešíti* 'затыкать' [66], *məšítə* 'придавливать' [67], причем здесь приходится предполагать обратную аналогию: появление вокализма в ступени редукции в основе на *-i-* под влиянием основы на *-nǫ-*.

В болгарских диалектах в глаголах, родственных литературному *мýша*, представлены иные значения: сюда можно отнести родоп. *замушêвам* 'прикрыть' и *смýшва са* 'стаскиваться', 'сниматься (об одежде, повязке и под.)' [68], поскольку их значения могут быть выведены из 'совать'. В тех же родопских говорах зафиксировано и *мушѝ* 'моросить (о дожде, снеге)' [69]. Лексика славянских языков свидетельствует о том, что обозначение дождя часто связано с глаголами, имеющими значение 'ударять, бить, сечь': ср., например, польск. диал. *ciepnąć* 'ударить; о дожде: моросить' [70], словен. *hlíščati* 'сильно лить (о дожде)' и *hlístati* 'ударять кнутом' [71], русск. дождь *хлещет* и *хлестать* 'стегать, бить',

---

64 K o t t II, стр. 1228, 1229.
65 М л а д е н о в, стр. 309.
66 P l e t e r š n i k I, стр. 556; II, стр. 851, 852.
67 J. Š a š e l in F. R a m o v š. Narodno blago iz Roža. Arhiv za zgodovino in narodopisje, knj. II. Maribor, 1936—1937, стр. 109.
68 Тодор С т о й ч е в. Родопски речник. Сб. «Българска диалектология», кн. II. София, 1965, стр. 164, 269.
69 Там же, стр. 211.
70 Варшавский словарь I, стр. 330.
71 P l e t e r š n i k I, стр. 273.

укр. *чу́стрити* 'бить, сечь' и 'о дожде: лить' [72]. Поэтому возможно отождествление литер. *му́ша* 'колоть, бодать, совать' и диал. *муши́* 'моросить', а это, в свою очередь, открывает перспективы для этимологизации группы чешских и словацких глаголов.

Ближе всего к болг. *муши́* 'моросить' — чеш. диал. *vomejchnout* 'моросить' (Vono muší každej den drobet *vomejchnout*) [73], которое можно возвести к **тъхnǫti*; к той же основе, через посредство какой-то именной *-l*-формы, восходит слвц. *smoklit' sa*, *smochlačit'* 'моросить, плакать' [74] [ср. Už *se vysmochlilo* (padal sníh s deštěm). Na Ostrav.[75]]. Естественным представляется семантический переход 'моросит, идет дождь' → 'пасмурно, мрачно' → 'хмурый (и о погоде, и о человеке)', а это дает возможность объяснить из **mušiti* 'моросить' чеш. диал. морав. *zamoušeno* na dejšč 'пасмурно к дождю', *smouší se* 'темнеет', *zasmoušelý* den [76].

Итак, предполагаются слав. **тъхnǫti* и **mušiti* с исходным значением 'колоть, бодать; пихать, совать' и вторичными значениями, распределенными по диалектам: 'затыкать', 'прикрывать', 'стаскивать', 'моросить', 'хмуриться'. Продолжения этих глаголов обнаруживаются в южнославянских и западнославянских языках. Сопоставление славянских глаголов с лит. *mùšti* требует истолкования литовского *š* (как и слав. *x/š*) из и.-е. **s*, а в таком случае возможно предположение об их родстве с др.-инд. *muṣ-* 'грабить, красть, отнимать, похищать, увлекать' [77] (переходной ступенью от значения 'колоть, бодать' к 'грабить, похищать' может быть 'совать, пихать' → 'отталкивать, отодвигать').

*tьrxati, *toršiti

Русскому просторечию и говорам известны глаголы *обтерха́ть* 'истрепать, оборвать (одежду)', *обтерха́ться* 'об одежде: истрепаться, оборваться' [78] (ср. нижегор. *истерха́ться*, *отерха́ться* 'обноситься, носить изорванную одежду' [79]). Близкие образования обнаруживаются и в других славянских языках: укр. *рос-*

---

72 Гринченко IV, стр. 479.

73 B. Vydra. Popis a rozbor nářečí hornoblanického. Praha, 1923 (=Fakultas philosophica Universitatis Carolinae pragensis. Prace z věd. ústavů, III), стр. 124.

74 Machek[1], стр. 459 и Machek[2], стр. 561 предполагают родство с *mokrý*.

75 Kott IV, стр. 1095.

76 A. Konîř. Přispěvek k dialektickému slovníku moravskému. — Μνῆμα. Sborník vydaný na pamět' čtyřicitiletého učitelského působení prof. Josefa Zubatého na Universitě Karlově 1885—1925. Praha, 1926, стр. 300. — Махек предполагает происхождение из *smùtiti* (Machek[2], стр. 563).

77 O. Böhtlingk. Sanskrit-Wörterbuch in kürzerer Fassung, 5. Teil. St. Petersburg, 1884, стр. 91.

78 Ушаков 2, стб. 717.

79 Дополнение к Опыту, стр. 74, 166.

тúрхати 'раздергать, разбросать'[80], польск. арх. *tarchać* 'трепать; буркнуть', *tarchnąć* 'зашуметь, зашептать', арх. *otarchać* 'обтрепать', диал. *obtarchać* то же, диал. *roztarchać* 'разодрать, растрепать'[81], чеш. *trchati* (At' z pelecha *trchá* = vstává)[82].

Русские и украинская формы предполагают исходное **tьrxati* (укр. *ростúрхати* — соответствующий итератив с поздним удлинением корневого гласного). Чешское *trchati* может восходить как к **tьrxati*, так и к **tъrxati*. Польское *tarchać* Брюкнер, исходя из значения 'шуметь, шептать', связал с русск. *торкнуть* и под.[83] Авторы Варшавского словаря в ряде статей, посвященных приставочным образованиям, толкуют *-tarchać* как контаминацию польск. *targać* с заимствованным чеш. *-trhati*[84]. Вероятно, в истории польского *tarchać* действительно имела место контаминация, но несколько иного происхождения: аналогические влияния на рассматриваемый глагол шли с двух сторон — со стороны *tarkać* 'болтать, шуметь, стучать' и со стороны *targać* 'дергать, трепать'. Можно предполагать, что объектом этих влияний был глагол, продолжающий праслав. **tьrxati*. Влиянию *tarkać* и *targać* он обязан изменением своей формы — *tarchać* вместо ожидаемого **cierchać*, влиянию *tarkać* — появлением дополнительных значений 'шуметь, бурчать' при первичном 'дергать, трепать' (ср. русск. *трепать* языком).

Итак, предполагается праслав. **tьrxati* со значением 'трепать, драть, рвать'. Относительно его происхождения представляется справедливой точка зрения Даля, поместившего русск. *о(б)терхáться* в статью *о(б)тирать*, *о(б)тереть*[85]: **tьrxati* является расширением корня, представленного в **terti*, **tьrǫ*; *x* — закономерное развитие **s* после *r* и перед гласным. Возможно, однако, что в некоторых случаях сохранилось исконное *s*: так можно объяснить укр. *тéрсувати* 'не беречь (вещей), истаскать'[86], а также укр. *тóрсати* 'трясти, двигать, толкать, дергать'[87] (в последнем случае появление *о* вместо *е* обязано каким-то аналогическим воздействиям, ср. польск. *tarchać*).

В соответствии с **tьrxati* может быть реконструирован старый итератив с *-i*-основой — **toršiti*: основанием для этого являются с.-хорв. диал. *тра̏шити* 'скребя, вытягивать кожу с краю'[88] и русск.-ц.-слав. *въстрашити*: *въстраши* сѣдины свои (ἀναξύρισον τὰς πολιάς, rade canos) «Ипполита епископа съказанiя о Христосѣ

---

[80] Гринченко IV, стр. 79.
[81] Варшавский словарь VII, стр. 23, 28 (статья *tarknąć*); III, стр. 900; V, стр. 710.
[82] Kott IV, стр. 175.
[83] Brückner, стр. 565.
[84] Варшавский словарь III, стр. 900 (статья *otarchać*).
[85] Даль² II, стр. 626.
[86] Гринченко IV, стр. 258.
[87] Там же, стр. 277.
[88] Караџић, стр. 770.

и о антихристѣ» по рук. Чудова монастыря XII в.[89] 'стричь, брить'. Возражением против сопоставления **tьrxati* и **toršiti* может быть лишь различное лингвогеографическое распределение их: продолжения **tьrxati* представлены западно- и восточнославянским материалом, продолжения **toršiti* — южнославянским. Возможно, однако, что это распределение не отражает сущности явления и объясняется лишь неполнотой материала.

Обе реконструированные праславянские глагольные основы имеют соответствия в литовском языке: лит. *teȓšti*, *-šiu* 'грязнить; мусорить, рассыпать (солому); быстро идти'[90] сопоставимо с праслав. **tьrxati*, хотя различны ступени огласовки корня и типы основ; лит. *taršýti* 'трепать, ерошить, теребить, дергать, смешивать, взрывать, подстрекать, загрязнять, пачкать'[91] — точное фонетическое и структурное соответствие славянскому **tóršiti*[92].

Возможно, что, наряду с *s*-расширением, корень **ter-* выступал в славянских языках также с расширением *sk*. Продолжением основы **tьrskati* может быть чеш. диал. *trškať* 'полоть', *otrškať* ofce 'остричь'[93]. Соответствующая итеративная *i*-основа **torščiti* отражена в русск. диал. печор. *торбщить* 'чесать'[94]. Ср. также полесск. *оттара́скатыс'* 'отвязаться, отцепиться'[95]. Приведенные глаголы по значениям ('стричь, чесать, полоть, отвязаться') близки к **tьrxati*, **toršiti* 'трепать, драть, скрести'. Более отдаленными семантически, но родственными образованиями, восходящими к **torščiti*, могут быть русск. диал. *торбщиться*, волог. новг., перм. 'беспокоиться, хлопотать', новг., псков. 'о курице: топорщиться в то время, когда она хочет снести или снесла яйцо'[96] (если 'беспокоиться'='трепаться, дергаться' и 'топорщиться'='растрепаться') и *тара́щить(ся)* в разных значениях: *тара́щить* глаза 'вытаращить, пучить, пялить, выставить, уставить', *тара́щить* пальцы 'расставить, растаращить', *тара́щиться* 'упираться, упрямиться, противиться, нейти, тянуться куда или за чем, пялиться'[97], яросл. *тара́щиться* 'тихо ехать или идти'[98], вят. *та-*

---

89 Срезневский I, стб. 423.

90 Fraenkel, стр. 1083; Niedermann — Senn — Brender IV, стр. 645—646.

91 Fraenkel, стр. 1063; Niedermann — Senn — Brender IV, стр. 610.

92 Предполагаемые Френкелем (Fraenkel, стр. 1083, статья *teȓšti*) в качестве родственных для литовских глаголов лат. *stercus* 'навоз, помет', кимр. *trwnc* 'моча', брет. *stroñk* 'экскременты', др.-исл. *þrekkr* 'грязь' уступают приведенным славянским формам с точки зрения фонетической и семантической близости к литовским словам.

93 F. Svěrák. Karlovické nářečí. Praha, 1957, стр. 137.

94 Картотека Печорского словаря (Ленинград).

95 Ф. Д. Климчук. Специфическая лексика Дрогичинского Полесья. Сб. «Лексика Полесья». М., 1968, стр. 54.

96 Опыт, стр. 231.

97 Даль² IV, стр. 391.

98 Мельниченко, стр. 198.

ра́шиться 'тащиться; идти, как бы таща, чуть волоча ноги; идти, приходить, когда это нежелательно' [99], *тара́щиться* костр. 'реветь, плакать в голос, петь непристойно', новг. 'упрямиться, щетиниться, оскаливаться', тамб. 'показываться' [100], ср. также костр., влад. *вытара́скивать* 'таращить, пялить глаза' [101]. Представляется, что большинство из приводимых для *таращить(ся)* значений может быть объяснено из 'трепать, драть' (присущих **tьrxati* и всему этому гнезду): ср. *таращить* глаза — *вылупить* глаза; *таращиться* 'реветь. . .' — *драть* горло; *таращиться* 'тащиться, идти. . .' — *выдраться* откуда, *вздираться* куда. Последнее значение — 'тащиться, идти. . .' — находит соответствие в чеш. диал. *trchati* 'вставать, выбираться' (см. выше).

Фонетическая форма глагола *таращить(ся)* может быть следствием аналогического выравнивания по итеративным (на *-ива*) образованиям, где удлинение *о* > *а* закономерно (ср. *вытара́щивать*, диал. *вытара́скивать*), и влияния акающих говоров.

*o(b)tonъ

Русскому просторечию известно слово *отонки* в значении 'плева, перепонки на мясе'. В говорах значение несколько шире: кур. *óтонок* 'перепонка, тонкая оболочка, кожура, скорлупка, либо плева' (Зерно в *óтоночке*. *Óтонка* сусальщиков, золотобитная *óтонка* — брюшинка, плева, на коей плющат золото и серебро, для позолоты) [102]. В этимологических словарях это слово не рассматривается, в словаре Даля отнесено к гнезду *ота́нивать* 'оттонить, сделать потоне'.

Близкое по значению, но структурно отличное образование — рязан. *пото́нок*, *пото́нка* 'пленка' [103], действительно, свидетельствует в пользу отглагольного образования и выделения корня *тон-*, но этот корень вряд ли следует отождествлять с корнем прилагательного *тонкий*. Если учесть, что плева и перепонки на мясе, оболочка зерна идут обычно в отходы обработки этих продуктов, лишь вторично используемые, то представляется возможным родство приведенных слов со слвц. *otonec* 'отрубленный кусок' [104] и их общее происхождение от глагола **tęti*, **tьnǫ* 'рубить, резать': ср. семантически аналогичные *отруби* 'остатки от просеянной муки, измельченная под жерновом рубашка зерна; . . . высевки', *отрубь* 'сухая кожица, сходящая пылью и чешуй-

---

[99] Васнецов, стр. 314.
[100] Опыт, стр. 226.
[101] Филин 6, стр. 38. Родственное **terščiti* > чеш. *třeštiti oči*, слвц. *vytrieštat'*, польск. *wytrzeszczyć*.
[102] Даль[2] II, стр. 709.
[103] Деулинский словарь, стр. 449. Наряду с *пото́нок*, *пото́нка* с тем же значением представлено и *óтонок*, *óтонка* (стр. 379).
[104] Machek[1], стр. 319 (статья *nátoň*).

ками; . . . перхоть' [105], производные от *рубить*. Интересно, что к и.-е. **tem-* 'резать' (которое дало праслав. **tęti*) восходят в конечном счете ср.-ирл. *tond*, *tonn*, кимр. *ton* 'кожа' [106].

Поскольку образование имени с корнем **-ton-* от глагола **tęti* невозможно в отдельных славянских языках (=после монофтонгизации дифтонгов), приходится отнести к праславянскому состоянию по крайней мере бессуффиксальное **o(b)tonъ*, к которому восходят и **o(b)tonъkъ*, **o(b)tonъka* (русск. *отонок*, *отонка*), и **o(b)tonьcь* (слвц. *otonec*).

*o(b)tara

Это имя, производное от глагола **toriti*, реконструируется как праславянское образование на основании, с одной стороны, польского диал. *otara* 'пустые обмолоченные колосья' [107] и, с другой стороны, словен. *otâra* 'трепало' [108] (ср. и с.-хорв. *târ* 'размельченная солома' [109]). В восточнославянских языках родственное и близкое по значению и словообразовательной структуре имя характеризуется иной, краткой, огласовкой корня: русск. диал. юж. и зап. *отóра* 'хлебный обой, от молотьбы; смесь мякины, охоботья, пустой колос, мелкая солома и пр. корм скоту' [110], укр. *атóра* 'полова' [111], *отóра* 'закваска' [112], блр. *отóра* 'обмолоченные пустые колосья' [113].

Кажется, однако, что и для восточнославянской языковой области можно предполагать вариант **o(b)tara*. Прежде всего, представляется возможным истолковать таким образом русск. диал. тамб. и рязан. *отáра* 'внутренности животного' [114]. Обозначение внутренностей, потрохов часто связано с понятием небольших кусков, мелких частей: таковы русск. *потроха* и родственные им слова других славянских языков, польск. *podróbce*, *podrobki* (по мнению Фасмера, это собственно «мелкие части убитого животного, которые варятся вместе» [115]). Иногда совмещается в одном слове обозначение внутренностей и отходов, отбросов: напри-

---

[105] Даль² II, стр. 752.
[106] Pokorny I, стр. 1063.
[107] Варшавский словарь III, стр. 899.
[108] Pleteršnik I, стр. 868.
[109] Miklosich, стр. 352—353.
[110] Даль² II, стр. 743. О возможностях истолкования соотношения имен **o(b)tora*, **o(b)tara* и подобных и родственных глаголов см. Ж. Ж. Варбот. К реконструкции количественных чередований гласных в некоторых славянских этимологических гнездах. «Этимология. 1970».
[111] Гринченко III, стр. 76.
[112] С. І. Дорошенко. Матеріали до словника діалектної лексики Сумщини. «Діалектологічний бюлетень», вип. IX. Київ, 1962, стр. 104.
[113] Носович, стр. 376.
[114] Опыт, стр. 145; Деулинский словарь, стр. 375.
[115] Фасмер III, стр. 345.

мер, словен. *drôb* 'мелкие кусочки чего-либо, сенная труха, труха на дне улья, отходы металлообработки; внутренности' [116]. Поэтому кажется допустимым предположение о взаимной связи значений 'отходы молотьбы' (='мелкая солома') и 'внутренности животного' (как 'мелкие части, являющиеся отходами резки, разделки') и о генетическом тождестве соответствующих лексем, равно восходящих к праслав. **o(b)tara*.

Кроме того, известно, что имена, производные от глаголов гнезда **terti*, **toriti*, могут иметь значение 'убытки, издержки': таковы, например, русск. *прóтори* мн. 'убытки, судебные издержки', блр. *прóтор* 'убыток', др.-русск. *проторъ* 'убыток, расходы' [117]. В таком случае справедливо предположение Миклошича, что к этому гнезду принадлежит и древнерусский юридический термин *отарица* 'имущество, данное господином закупу во временное пользование' [118]: Аже гнъ переѡбидить закоупа, а оувѣдить вражду ѥго или *ѡтарицю*, то то ѥмоу воротити (Русская Правда) [119]. Судя по другим употреблениям, это слово могло обозначать также личное имущество, частную собственность, ср.: Мнихомъ ничто же подобаеть своего имѣти. . . где же суть ѿ плевелъ сѣющаго диꙗвола възрастъша. въ общемь житии глемыꙗ *отарица*. не достоить нарицати тѣхъ общихъ. нъ разбоиникъ сѣдалища. сщньнокрадениѥ. и всеꙗ злобы неприꙗзни ны сдѣлници (Пандекты Никона Черногорца XIV в., л. 13 об. б) [120]. Этот термин сохранился с различными значениями в белорусском языке: Срезневский, со ссылкой на Путешествие Ходаковского, приводит минское *отарица* 'оброк господский', а современный автор дает *атáрыца* 'участок земли, который крестьянин засевал для себя по договоренности с паном' [121]. Можно думать, что терминологическое, юридическое значение слова *отарица* является вторичным: в качестве термина, связанного с возникновением определенных общественно-экономических отношений, было использовано древнее образование с первоначальным значением 'расходы, издержки' (='то, что отделено, отторгнуто' > 'то, что истрачено или может быть истрачено').

---

[116] Pleteršnik I, стр. 174.

[117] Фасмер III, стр. 383.

[118] Памятники права феодально-раздробленной Руси XII—XV вв., вып. II. Составил А. А. Зимин. М., 1953, стр. 411; Miklosich, стр. 353.

[119] Срезневский II, стб. 756.

[120] Картотека Словаря древнерусского языка XI—XIV вв. (Институт русского языка АН СССР).

[121] Срезневский II, стб. 757 (статья *отарица*); I. Я. Яшкін. Беларускія геаграфічныя назвы. Мінск, 1971, стр. 16. Ср. также *атáрица* 'приданое' в статье: Н. И. Чудовский. Материалы для изучения белорусских говоров. Слуцкий говор. — РФВ XL, 1898, стр. 69.

*pěšьjь II

Помимо прилагательного **pěšьjь* ʻпешийʼ, восходящего к и.-е. **pēd-* ʻногаʼ, для праславянского языка может быть реконструировано также прилагательное **pěšьjь* ʻслабый, усталыйʼ, ср. возможные производные от него: н.-луж. *pěšak* ʻстарый гриб, негодный к употреблениюʼ[122], русск. диал. *опéшать* ʻтише пойти от усталости, замешкаться, умедлить; испугаться, растеряться, стать в тупикеʼ[123], *опешать* ʻсконфузиться, обеднеть, оскудетьʼ[124], польск. *opieszały* ʻмедлительный, вялый, неповоротливый, ленивый, нерадивыйʼ[125], кашуб. *opěšałi* то же[126], словен. *pêšati* ʻуставать, слабеть, приходить в упадокʼ (njiva, drevo *peša*; oči mi *pešajo*)[127], хорв. *opješati*, *spješati* ʻослабетьʼ[128], др.-чеш. *pěšěti* ʻболеть, слабетьʼ, чеш. диал. *opěšávati* ʻослабеватьʼ[129].

Возможно, некоторые из приведенных образований связаны с **pěšьjь* ʻпешийʼ, как, например, объясняют русское *опешить*[130], но метафора ʻлишиться коняʼ > ʻстать слабым, медлительнымʼ представляется недостаточной для объяснения возникновения прилагательного **pěšьjь* ʻслабый, негодныйʼ почти на всей славянской языковой территории. Также вряд ли подходит такое объяснение для русск. диал. яросл. *пéший* ʻпорожний (о посуде)ʼ[131] и болг. диал. *пешáк* м. ʻцеликом очищенная кукурузаʼ[132]. Кажется, именно эти слова и могут послужить ключом к этимологии **pěšьjь* ʻслабый, негодныйʼ: они являются основанием для предположения о связи последнего со слав. **pьxati*.

Праслав. **pьxati*, **pixati*, судя по его продолжениям в славянских языках, имело значение ʻтолкать, колотьʼ, специально ʻобдирать толчением зерно от шелухиʼ[133]: ср., например, русск. диал. волог. и олон. *опихáть* ʻобдирать пестами в ступе от шелухи рожь, пшеницу и проч.ʼ[134] Есть родственные глаголы и с вокализмом **ě*: чеш. *pěchovati* ʻутрамбовыватьʼ[135], русск. диал. яросл. *пéшить* ʻотпихивать, отталкиватьʼ[136]. Последнее дает основание

---

[122] Мука II, стр. 34.
[123] Опыт, стр. 143.
[124] Добровольский, стр. 533.
[125] Варшавский словарь III, стр. 799.
[126] Sychta III, стр. 330.
[127] Pleteršnik II, стр. 28.
[128] RJA 39, стр. 61.
[129] Machek², стр. 446. Махек предлагает для слав. *-*pěšati* родство с лит. *pė̃žti* ʻиметь болезненный видʼ.
[130] Фасмер III, стр. 144.
[131] Мельниченко, стр. 145.
[132] Иван Кънчев. Говорът на село Смолско, Пирдопско. Сб. «Българска диалектология», IV. София, 1968, стр. 130.
[133] Фасмер III, стр. 268; Machek², стр. 448.
[134] Опыт, стр. 142.
[135] Machek², стр. 441.
[136] Мельниченко, стр. 145.

предполагать праславянский итератив **pěšiti*. От **pьxati* образованы название орудия для очищения зерна в ступе — **pěstъ* и названия круп (как продуктов, получаемых в результате обтолчения, очищения зерна от шелухи) — **pьšeno*, **pьšenica*. Учитывая приведенное выше болг. диал. *пешáк* 'целиком очищенная кукуруза', можно предполагать, что от глагола **pьxati* через промежуточную ступень бессуффиксального существительного (**pěxъ*?) или непосредственно от глагола **pěšiti* было образовано также прилагательное **pěšьjь* со значением 'обтолченный', которое могло первоначально равно относиться и к полученному очищенному зерну (отсюда болг. *пешáк* 'очищенная кукуруза'), и к отходам, отбросам — полове (чеш. диал. *opěšky* 'мякина')[137], что обусловило развитие 'обтолченный' → 'отброшенный, пустой, негодный' (отсюда яросл. *пеший* 'порожний'). Это последнее значение, при активном употреблении продолжений **pьxati* в славянских языках в значении 'толкать, колоть', могло приобрести дополнительный оттенок 'слабый, больной, истощенный' (= 'избитый'?).

С точки зрения возможности предполагаемого развития значений **pěšьjь* 'обтолченный' → 'пустой, негодный' интересно также кашуб. *opešënë*, *-ov* plt. 'земля, оставленная необработанной'[138]. Судя по русск. диал. симб., пенз. *тóлок* и *толóка*, курск. *толóк* 'пар, на котором скот пасется, выгон'[139] и обычному использованию пара как выгона, кашубское слово может быть по происхождению связано непосредственно со значением 'толочь, пихать' = 'топтать' глагола **pьxati*, **pěšiti*, но как русск. диал. *толока*, *толок*, так и кашуб. *opešënë* могут в их современном значении восприниматься также как обозначения земли п у с т у ю щ е й.

Некоторые словенские образования позволяют думать, что и в глаголах гнезда **pьxati* могли развиваться вторичные значения, близкие к **pěšьjь* 'слабый, усталый'. Рефлекс праслав. **pьxati* — словен. *pehâti* имеет значение не только 'бить, толкать', но и 'гнать'[140], поэтому можно предполагать, что ему родствен глагол *pệhati* 'мучить, утомлять'[141] (обычно о лошади): ср. *izpệhati* 'утомить быстрой ходьбой, бегом' (konja *izpệhati*)[142], *opệhati* 'замучить, загнать (лошадь)'[143]. *Pệhati* является в таком случае вторичным итеративом (ср. и чеш. *pěchovati*) от **pěšiti* (русск. диал. *пéшить* — см. выше). Ср. семантически близкое русск. *толочи́ть* 'тревожить кого, беспокоить, надоедать, докучать'[144].

---

[137] K o t t II, стр. 386.
[138] S y c h t a III, стр. 330.
[139] Д а л ь² IV, стр. 413.
[140] P l e t e r š n i k II, стр. 19.
[141] Там же.
[142] P l e t e r š n i k I, стр. 325.
[143] М. Х о с т н и к. Словинско-русский словарь. Горица, 1901, стр. 177.
[144] Д а л ь² IV, стр. 413.

И. П. Петлева

ПРАСЛАВЯНСКИЙ СЛОЙ ЛЕКСИКИ СЕРБОХОРВАТСКОГО ЯЗЫКА, II *

*madežь — мȁдеж, м.
мȁдēш, м. (Дубровник)
млȁдеж, м.[1]

*maxa — мâха, ж. 'крыло мережи' (Pavlinović)

*maxadlo — мáхало, ср. 'мотовило?' (Jambr., Bjelost.)

*maxati — 1. мáхати 'махать'
2. мȁхати (Караџић), мàхати (ИТ) 'трепать лен, коноплю'

*maxnǫti(sę) — 1. мáхнути(се), мáнути(се)
2. мàхнути, мàнути 'тереть руками что-л. сухое (полотно, колосья)' (Pavlinović)[2]

---

* Данная статья служит продолжением работы, первая часть которой напечатана под тем же названием в сб. «Этимология. 1968». М., 1971, стр. 114—156. Там же приведен и список сокращений использованной литературы, который следует дополнить работой Тентора, для которой введено сокращение Tentor LS (см. M. T e n t o r. Leksička slaganja creskoga narječja i slovenskoga jezika protiv Vukova jezika. Razprave, Dissertationes I. Ljubljana, 1950). Ссылки на авторов и источники, не зафиксированные в этом списке, приводятся по данным RJA. В статье использованы материалы картотек Сектора этимологии и ономастики Института русского языка АН СССР.

[1] С.-хорв. *мȁдеж* 'родимое пятно', русск. *мáдеж* и словен. *mâdež* (оба — с близкими значениями) приводятся Фасмером и Бернекером как не имеющие этимологии. Убедительное этимологическое объяснение предложил Б. Чоп (B. Č o p. Notes d'étymologie indoeuropéene. — SR IX, № 1-2, 1956, стр. 49—51), который связал их с рядом германских слов (норв. *mōt* 'изображение, знак, родимое пятно', голл. *moet* 'след, отпечаток', фриз. *mōt* 'пятно', англ. *mētan* 'рисовать, красить' и др.), а также лат. *macula* 'пятно' (< **mad-tlā*) и возвел их к и.-е. прототипу **mādo-*, **mādā-* или **mōdo-*, **mōdā*; у Покорного (Pokorny I, стр. 694) это **mad-* 'влажный'. Чоп объясняет семантическую связь 'влажный' и 'пятно' тем, что влажное место всегда кажется более темным.

Что касается с.-хорв. *млȁдеж*, русск. *мáлеж* и *мáтеж*, то это вторичные формы, возникшие под влиянием соответственно — с.-хорв. *млȃд*, русск. *малúна* и *мать* (Ф а с м е р II, стр. 556).

[2] С.-хорв. *мàхнути* (*мàнути*) 'тереть руками' и *мàхати* (*мȁхати*) 'трепать лен', очевидно, семантически связаны с *мáхати* 'махать' и должны быть отнесены к одному этимологическому гнезду.

*maxъ	— mâх, м.	
	ма(х) 'сколько можно захватить косой' (Вис. 14)	
	мав, м. 'размах' (Pavlinović)	
*majati(sę) 1	— мȁјати(се) 'мучить(ся)'	
*majati 2	— маjати 'кивать, качать(ся)' [3]	
*maka	— мака, ж. 'болото' (стар. — Даничић)	
*makati	— ма́кати 'мочить, макать' (сев.-вост.)	
*maklenъ	— мȁклēн, м.[4]	
*makovica	— мȁковица, ж. 'род мака' (Караџић; Šulek im.)	
	Маковица, ж. (топон.)	
*makovina	— маковина ж. (в загадке: танак без као *маковина* — Караџић)	
*makovišče	— мȁковӣште, ср.	
	Маковиште, ср. (топон.)	
*makovъ	— мȁков	
*makъ 1	— мȁк, м. 'мак'	
*makъ 2	— мâк, м. 'умакање' (Пригорье)	
*malę, -ęte	— малета 'маленький вол' (Мић. 33)	
	Мȁлета, м. муж. имя	
	[мȁлетӣна 'подросток 15—17 лет' — Sus. 166]	
*malica	— малица, ж.[5]	
	Малица, ж. жен. имя и кличка дом. жив.	
*malina 1	— мȁлина, ж. 'малина'	
*malina 2	— малѝна, ж. 'меньшинство; мелочь'	
*maliti(sę)	— ма́лити(се)	
*malostь	— мȁлōст, ж.	
*malъ(jь)	— мȁо	
	мâлӣ	
	[мâлӣ, м.	
	мâлā, ж.]	
*malъžena	— малжена 'супруги' (стар.)[6]	
*malyšь	— мȁлӣш, м.	

[3] С.-хорв. *маjати* в знач. 'колебать(ся)' приводится в RJA только со ссылкой на Стулли. Слова нет ни у Ивековича-Броз, ни в этимологических словарях Бернекера, Фасмера, Преображенского. Не к этому ли корню и с.-хорв. *зȁ-мајац* 'маховое колесо, маятник'?

[4] С.-хорв. *мȁклēн*, м. 'платан; горный клен'; укр. *маклен*, словен. *maklèn*, *meklȩ̀n* рассматриваются как сложения с и.-е. отрицанием **mē* 'не' (см. A. Musić. Prilog negaciji u grčkom i u latinskom jeziku. — Rad 242, 1931, стр. 183 и Komparacija i negacija. — Rad 222, стр. 270; K. Oštir. Japodi. — Etnolog III, 1929, стр. 102, 104).

[5] С.-хорв. *малица*, ж. отмечено в разных значениях: 'малое количество', 'девочка, девушка' (сев.-чакав.), а также — 'зрачок' (*ма̏лица* — Nemanić) (ср. аналогичное семантическое развитие в латинском: *pūpilla* 'девочка-сирота' → 'зрачок, зеница'.

[6] *Малжена* приводится у Фасмера (II, стр. 562—563) с пометой «хорватское». См. там же о двух этимологических объяснениях данного слова и его славянских соответствий (частичная калька др.-в.-н. *mâl-wîp* 'супруга' или сложение типа *mǫžьžena*).

*malьcь	— ма̏лац, м. ма́лац, м. ‘малыш’ (Лика) Малац, м. муж. имя (XV в.) и кличка коня
*mama 1	— ма̂ма, ж. ‘приманка’ мама, м. ‘тот, кто приманивает’ (пример XVII в. и Bjelost.)
*mama 2	— ма̏ма, ж. (ИТ) ма́ма, ж. (RJA) } ‘мама’
*mamica	— мамица, ж. ‘приманка’ (Stulli) ма̂мица, ж. ‘земляника’ [7]
*mamidlo	— ма́мило, ср. ‘приманка’ (Pavlinović) ма́мило, м. ‘приманщик’ (Stulli) Мамило, м. муж. имя (XIV в.)
*mamilьcь	— ма́милац, м.
*maminъ	— ма̏мин (ИТ) ма́мин (RJA)
*mamiti(sę)	— ма́мити(се)
*mamьcь	— ма́мац, м.
*man-	— [*за-ман* ‘зря’]
*mara, *marь, *marъ	— мара, ж. (стар.) ма̂р, ж. (стар.) ма̂р, м. [8]
*marati	— ма́рати ‘заботиться’ (сев.-зап.)
*mariti	— ма́рити
*maslěnica, *maslьnica	— маслѐница масленица (Вис. 49) ма̏сленица ма̀саоница ма̀со̄ница (Паштровци) ма̀са̄ница (Лика) ма̏со̄ница (Вук. 390) } ж. ‘род лепешки (кушанья)’
*maslěnъ(jь), *maslьnьnъ(jь)	— маслен маслени
*maslě(ь)nъka	— ма̀сле̄нка, ж. ‘маслобойка’ (хорв.), ‘пахта’ (хорв.) масленка, ж. ‘род растения’ (Ниш) масле̂нка, ж. ‘масленка’ (Ел. I)
*maslo	— ма̏сло, ср.

[7] *Ма̂мица*, ж. ‘земляника’ может быть связана с глаголом *ма́мити* ‘манить’ (‘манящая ягода’).

[8] Слова с корнем *мар-* (**mar-*) в значении ‘забота’ представлены только в ю.-слав. языках, однако они рассматриваются П. Скоком (Эт.) вслед за Ст. Младеновым (Славянские этимологии. 9. Южно-слав. *mariti*. — РФВ, т. LXV, вып. 2, 1911, № 2, стр. 367—369) как исконно праславянские (а не заимствованные из др.-в.-нем., как считал Миклошич), родственные (Скок присовокупляет сюда же *мраморити* ‘заботиться’ — редупликацию корня *мар-*) латинскому *memor*, *memoria*, греч. μερμερίζω, др.-инд. *smarati* < < и.-е. **(s)mer-*.

*maslьcь — ма̏слац, м. ‘сливочное масло’ (ИТ)
маслац, м. вид растения (RJA)
*mastidlo — ма̀стило, ср. ‘(о)краска, цвет’, ‘чернила’
*mastiti(sę) — ма́стити(се)
*mastь — ма̑ст, ж.
*mastьja — ма́шћа, ж. ‘жир, -ность’ (зап. Славония)
*mastьnica — ма́сница, ж.
*mastьnъ(jь) — ма́стан
ма́сан
ма́снӣ
*maša — ма̏ша, ж. ‘промах’
ма̀ша, ж. ‘железная лопаточка для углей; кочерга’
*mata — мата, ж. } ‘приманка’ (см. RJA)[9]
*matadlo — матало, ср. }
*matati — матати ‘приманивать’ (Далмация)
*materica — ма̏терица, ж. ‘матка’
‘болезнь, hysteria’;
‘соборная церковь’
*materina — материна, ж. ‘болезнь, hysteria’ (XVIII в. — Vladmirović)
‘материнство’ (Stulli)
*materinъ — ма̏терин
*materьnъ(jь) — ма̏тēрнӣ
матерни (Stulli)
матеран (Stulli)
*mati, -ere — ма̏ти, ж.
мат, ж. (чакав., шток.)
матер, ж. (шток.)
*matica — ма̏тица, ж.
*matjexa — ма̏ћеха, ж.
ма̏ћаха, ж. (Караџић)
маћаја, ж. (Nk 277)
ма̏ћаа } ж. (Караџић)
ма̏ћа }
ма̏ћуха } ж. (диал.)
ма̏ћуа }

[9] С.-хорв. слова *мата*, ж. и *матало*, ср. в значении ‘приманка’ и гл. *матати* ‘приманивать’ связываются с корнем **ma-* ‘махать, колебать’, к которому — с иными расширителями — относятся слав. **mam-*, **man-*, **mar-*, **maj-*, **max-*. Семантическое развитие было таким: ‘махать, колебать’ → ‘приманивать’. К **mat-* принадлежат чеш. *mátati* ‘неуверенно двигаться’, *mátoha* ‘привидение’, польск. *matać* ‘обманывать’, словен. *matoga* ‘привидение’, русск. *матоши́ть* ‘беспокоить’, *сумато́ха* и др. См. B e r n e k e r II, стр. 25, P o k o r n y I, стр. 693, а также — M i l o š N o h a. Čes. *omatem* a slova příbuzná. — MNĚMA. Sborník vydaný na pamět' čtyřicítiletého učitelského působení prof. Josefa Zubatého, 1926, стр. 451—456. Однако М. Ф а с м е р (II, стр. 582) не исключает возможности связи **mat-* с **mot-* (русск. *мота́ть* и др.).

*matorica — Мȁторица, ж. кличка свиньи (Славония)
*matorina — маторѝна, ж. 'старость' (Караџић)
мȁторина, ж. 'шерсть, которую стригут весной' (Конавли)
маторина 'шерсть (остриженная)' (Мић. 53)
*matoriti — мȁторити
*matorъ — мȁтор
*matorъka — мȁтōрка, ж. 'старая (женщина, птица, пчела)' (Караџић и др.)
*matorьсь — матóрац, м.
*matorьnica — мàтōрница, ж. 'конопля, оставленная на поле для вызревания семени' (Preradović)
*m(')aukati — маўкати (ИТ)
маȕкати (RJA)
мјаўкати (Лика)
мијàукати (RJA)
мијаȕкати (ИТ)
*m(')auknǫti — маўкнути
мјаўкнути (Лика)
*mazati (sę) — мȁзати(се)[10]
*maznǫti — мȁзнути
*mazь — мâз, м. (ИТ)
мâз, м. и ж. (RJA)
*mečati — мéчати
?*mečьka — мȅчка, ж.[11]
*meděnica — медèница, ж. 'кадка для меда'
меденица, ж. 'напиток', 'медовое печенье (пряник)' (RJA)
*meděnъ — мȅден
*medica — мèдица, ж.
*medina — медѝна 'мед' (Sus. 167)
*mediti — мèдити
*medja — мèђа, ж.
*medjina — међина, ж. 'межа' (стар.)
*medjiti — мèђити
*medjenьсь — међенац, м. 'сосед' (тимоч.-луж.)

---

[10] Сюда же относится и более позднее образование *мáзити* 'льстить, угождать; баловать, изнеживать', *мáза* 'баловство', 'баловень, неженка; подлиза'; аналогичные переносные значения — ('давать взятку', 'льстить') — на базе основного 'мазать (красить; пачкать') — развились и у глагола *мȁзати*. Подобная семантическая эволюция характерна и для других славянских языков, в частности чешского (*mazati* 'мазать, пачкать', *mazati se* 'няньчиться', *mazliti* 'нежничать, баловать', *mazadlo* 'мазь, смазка' и 'взятка') и русского (*мáзать* 'мазать, красить; пачкать', *подмáзаться* 'подлизаться, подольститься', *подмáзать* 'дать взятку').

[11] Существует несколько этимологических объяснений с.-хорв. *мȅчка* (русск. *мéчка*, болг. *мéчка*, ц.-слав. *мечька*) — см. Фасмер II, стр. 613.

*medju — međу } предл.
međ (шток.)
*medjьnъ — међан 'межевой' (стар.)
*medovica — медовица, ж. 'напиток'
Медовица, ж. (топон. и гидрон.)
*medovina — медо̀вина, ж.
*medovъ — медов (Stulli)
*medovьсь — медовац, м. 'напиток' (Bolić slov.)
Медовац, м. (топон.)
*medunica — меду̑ница, ж.
*medunica — меду̑ника, ж. назв. раст.
*medunъ — мѐду̑н, м. 'вид граната' (Караџић)
меду́н, м. 'пчелиный клей' (Истрия)
*medunъkъ — меду̑нак, м. 'медуница'
меду̑нак, м. 'вид груши' (Ел. I)
*medunьсь — медунац, м. раст. Quercus pubescens (Šulek im.)
*med(ъ)va — мѐдва, ж. 'род виноградной лозы' (Брач)
*medvědevъ — мѐдведов 'медвежий' (Караџић и др.)
*medvědica — мѐдведица, ж.[12]
*medvědina,
*medvědjina — мѐдведина, ж.
мѐдвеђина, ж. 'медвежья шкура'
*medvědjь(jь) — мѐдвеђӣ
медвеђ (стар.)
*medvědьkъ — медве́дак, м. 'птица-нырок' (Караџић : вост.)
*medvědь — мѐдвед, м.
*medvěnika — медвеника, ж. 'род груши' (Šulek im. : Загреб)
*medvěnъ — медвен 'медовый' (кайк. и чакав., редко — шток.)
*medъ — мêд, м.
*medъkъ — мȅдак, м. 'шалфей' (ИТ)
*medьnъ — мȅдан
*medьnica — мѐдница, ж. 'род сладкой груши' } (Караџић)
'бочонок для меда'
'медовый напиток' (Jačke)
*medьnikъ — мѐднӣк, м. 'род груши' (Pavlović)
*meka — мȅка, ж.
*mekati — ме́кати 'блеять' (Лика)
*meknǫti — ме́кнути
*melča — Млеча, ж. (топон.)
*melči, -ьve — млȅчва, ж. 'род гриба' (Славония)
*melčino — мљечино, ср. 'мушко семе у рибе, жабе, гада' (Крк)
*melčiti(sę) — млѐчити (се) 'доить' (Stulli и др.)

---

[12] Стулли указывает, что взял это слово из русского словаря, однако его фиксирует целый ряд с.-хорв. авторов — Караџић, Микаля и др.

*melčь — млêч, м. 'молоки у рыб' (ИТ)
млеч, м. 'пчелиное молочко'
название ряда растений, рыб и гриба (RJA)
млȅч, ж. название растений (Караџић: Черногория), 'род молочного блюда' (Славония)

*melčьсь — млȅчац, м.

*melčьnica — млȅчница, ж. 'молочное блюдо'

*melčьnъ(jь) — млêчан 'род гриба'
млêчнӣ

*meldьnъ?
*mьd(ь)lьnъ? — млêдан 'худой, слабый'
мли́дан 'медленный, вялый' (Оток)
мледан 'безвкусный, несоленый' (Крк)[13]

*melivo — мȅљӣво, ср.
мејиво, ср. (Крк)

*mel'ava — мељáва, ж.

*melko — мле́ко, ср.

*melti — млȅти

*meltva — мљетва, ж. 'зерно для помола' (хорв.)

*melvo?
*mlivo? — млêво, ср. (вост.)
млӣво } ср. (южн.)
млиjево

*melza — мљȅза, ж. 'молозиво' (Брач)

---

[13] Приводимые нами различные праформы отражают существующие в науке этимологические версии. Наиболее убедительным кажется сравнение с лтш. *mę̧ldi*, мн., лит. *meldaĩ* 'Binsen', греч. μέλδομαι 'мягчать', др.-англ. *meltan*, далее — к слав. **moldъ* (см. Mülenbach-Endzelin II, стр. 594—5). Г. Ильинский присовокупляет сюда же русск. *меледá* 'тягостная, бессмысленная работа, мешкотное дело', *меледи́ть* 'темнеть в глазах' (арханг.), *меле́дкий* 'медленный' < **meld-* (ИОРЯС 22, 1, стр. 196). И формально и семантически связь с.-хорв. слов. *млêдан* 'худой; слабый', *мли́дан* 'медленный, вялый; слабый' (диал. — Оток и др.), *мледан* 'несоленый, безвкусный, пресный' (диал. — Крк), *мледност*, ж. 'худоба; слабость', *мледњети* 'худеть; слабеть', а также словенского *mlẽden*, *omleden* 'безвкусный, пресный' со слав. **moldъ* не вызывает возражений: 1. Покорный приводит праформу *mel-d-* (*m(e)le-d-*, *m̥ldu-*, *m(e)l-du̯i*) 'мягкий', давая для славянских языков ее вариант **moldo* (русск. *молод* и др.). 2. Первичным для с.-хорв. слов следует считать именно значение 'слабый, вялый (→ безвкусный, пресный, несоленый)' — см. аналогичные значения у слов, приводимых, в частности, Фасмером (II, стр. 643) в качестве и.-е. параллелей к русск. *молодóй*, — слав. *moldъ: греч. ἀμαλδύνω 'размягчаю, ослабляю', лат. *mollis* (< **moldvis*) 'мягкий', арм. *melk* 'изнеженный, вялый, слабый', др.-инд. *mṛdúṣ* 'мягкий, нежный, кроткий'.

Менее вероятными являются иные этимологические объяснения: из **mlědьnъ* к **mlinъ* — Berneker II, стр. 64; из **mlědьnъ* или — к ст.-слав. мъдльнъ — V. Jagić. Podmladjena vokalizacija u hrvatskom jeziku. — Rad IX, 1869, стр. 95; из с.-хорв. *блêд* (< **blědъ* под влиянием *мр̏шав* и *мȁдал* *б* > *м*) — Скок Эт.

*melzivo — мљезиво, ср. 'молозиво' (ulek rječn.; PopovićŠ)
*melzti — млисти 'доить' (стар. хорв.)
*melьba — мȇљба, ж.
меоба, ж. (Šulek rječn.)
*mene — мѐне, р. п. мест. *jâ*
*merati? — ме́рати 'бить, колотить (одежду при стирке)'
*měrati? (Караџић : Лика)[14]
*merna 1 — мрȅна, ж. 'род рыбы'
*merna 2 — мрȅна, ж. 'бельмо, катаракта' (Bjelost., Voltiġ.); 'тонкая кожица под скорлупой у яйца' (Хорв., Славония)
мрѐна, ж. 'бельмо' (Истрия)[15]
*mernica — мрȅница, ж. 'pia mater' (Bjelost., Jambr.)
'retina' (Jambr.)
'катаракта' (Jovanović-Batut.)
'тонкая кожица около ядра ореха' (Хорв.)

---

[14] С.-хорв. *ме́рати* 'бить, колотить', связывалось Ф. Сольмсеном с др.-инд. *mr̥ṇati* 'дробить, крошить, разрушать' (см. F. Solmsen. Über einige slavische Wörter mit dem Wurzelelement *mar-*. — Jagić — Festschrift. Zbornik u slavu Vatroslava Jagića. 1908, стр. 508), однако Покорный относит это др.-инд. слово к и.-е. корню **mel-* 1. 'молоть' (см. Pokorny I, стр. 635) — и тогда с ним нельзя связывать с.-хорв. *ме́рати*.

На наш взгляд, указанное с.-хорв. слово нужно относить к и.-е. корню **mer-*, **merə-*5. 'тереть, растирать, уничтожать' и 'грабить', куда относятся, в частности, др.-инд. *mr̥ṇāti*, *mr̥ṇati* 'грабит', и др.-исл. *merja* 'бить, разрушать' (Pokorny, там же). Сюда же следует отнести и более позднее с.-хорв. образование *мерӯхати* 'мять, размягчать; давить, месить, тискать' (Milas: диал. — Стон), которое составители RJA считали темным. Возможно, что и с.-хорв. *мȅрати*, которое сейчас имеет значение 'растапливать воск' (ИТ, стр. 403), должно быть рассмотрено в составе этой же группы при условии реконструкции для него первоначального значения 'размягчать, мять, раскатывать': ср. *ӯмерати* 'размягчить (например, воск, разминая его)' (ИТ, стр. 999) и *мерљив* 'растяжимый' (RJA VI, стр. 606) — см. семантически близкие образования, приводимые у Покорного (там же): др.-в.-нем. *mürbe* 'мягкий, трухлявый, тонкий', кимр. *merw* 'слабый, мягкий'.

[15] С.-хорв. *мрȅна* (*мрѐна*), ж. (см. указ. выше значения), а также словен. *mrẹ̑na* ж. 'оболочка, плева; бельмо' (М. Хостник. Словинско-русский словарь. Горица, 1901, стр. 119) рассматривались составителями RJA и М. Хостником (вслед за Ф. Миклошичем) как заимствования из лат. *membrana*, что кажется неприемлемым, в первую очередь, с формальной стороны. Эти слова, думается, можно связать с рассмотренным выше *ме́рати* 'бить, колотить (тискать, размягчать)'. Эволюция значений должна была быть таковой: 'бить' → 'отбивать, лущить' → 'что-л. отбитое, отброшенное, содранное' → 'отбросы; содранная шелуха, луска, кожица, пленка' → 'кожица, пленка на глазу' → 'бельмо'. Ср. семантически близкие примеры: с.-хорв. *лӯпити* 'ударять, бить', *лӯпити* 'обдирать, очищать, лущить', *лу̏пина*, ж. 'кора, корка; кожица, пленка в яйце' (RJA VI, стр. 226) и польск. *łupać* 'обдирать, лупить; бить', *łupież* м. 'содранная кора, шкур(к)а, луб' и 'шкурка, пленка в глазу, мешающая зрению' (Linde II, стр. 1310—1311). Покорный под указанной праформой **mer-*, **merə-*5 приводит ряд примеров, семантически близких сербохорватскому слову *мрȅна*: др.-швед. *morþ* 'отбросы, отходы', с.-хорв. *мр̏ва* 'крошка',

*merzga — мре́зга, ж. 'складка, морщина' (Черногория, Босния)
*merža — мрȅжа, ж.
*meržica — мрȅжица, ж.
*meržiti — мрежити 'ловить мережой' (Stulli и др.)
?*meržьka — мрȅшка, ж. 'складка, морщина' (Лика)
*meržьnъ(jь) — мрежан, мрежни (Stulli и др.)
*mesti — мѐсти
*metadlo — мѐтало, ср. 'количество сена, даваемое за раз скотине (Караџић), лошади' (сев. Далмация)
*meta(d)lišče — мѐталиште, ср. 'место зимнего хранения корма для скота' (Ужица), 'место метания' (Лика)
*meta(d)lьcь — металац, м. 'стрелок из лука' (Mikal̦a и др.)
*metalь, — метаљ, м. 'глазная болезнь' (Бачка)
*metalьje мѐта̄ље, ср. то же (Черногория)
*metati(sę) — мѐтати(се)
*metavica — метавица, ж. 'метель' (Obradović basne)
*metenica — мѐтеница, ж. 'обрат' (Pavlinović)
*metivo — метиво, ср. 'подметание' (Vodopić dubr.)
*metja — мȇћа, ж. 'заболтка (пойло)'
*metjava — мѐћава, ж. 'метель'
*metlo — ме́ло, ср. 'лопатка (типа мастерка)' (Брач)
*metnǫti(sę) — мѐтнути(се)
*metulica — метуљица, ж. 'бабочка, мотылек' (Živanović)
*metulь — метуљ, м. 'бабочка' (кайк.)
*metъ — мȇт, м. 'место заброса сети' (Караџић и др.)
*met(ъ)vica — мȅтвица' ж. 'диафрагма, грудобрюшная преграда, перепонка' (Черногория)[16]
*mety-, -ъve? — мȅтвица, ми̑твица, млитвица, млитва — ж. 'коленная чашечка' (диал. — Далмация и др.)[17]
*męty, -ъve

---

[16] П. Скок (Эт.) считает с.-хорв. *мȅтвица* 'диафрагма' образованием от праслав. корня **met-* (с.-хорв. *метати*, *мести* 'бросить, поставить, положить'). В пользу этой этимологии, кажется, свидетельствуют многочисленные синонимы, приводимые в RJA (VI, стр. 636) к слову *мȅтвица* 'диафрагма': *препонка*, *препорка*, *пречага*, *браница*, *срчана*, *преграда* и др. Следовательно, *мȅтвица* — 'то, что поставлено в качестве перегородки, преграды', ср. русск. *пере-мёт* 'сеть, которая ставится поперек реки, перегораживая ее'.

[17] П. Скок (Эт.) считает с.-хорв. *мȅтвица*, ж. 'коленная чашечка' также образованием от праслав. **met-* (с.-хорв. *метати*, *мести*), но *млитва* — то же — он связывает (со ссылкой на Бернекера) не с этими глаголами, а с *млӣтав*, *млӣво*. Однако *млитва*, *млитвица* появились, видимо, как икавские варианты непосредственно к *мȅтвица* в результате осмысления *е* < *ě*, а появление *л* на территории Далмации в такого рода примерах также закономерно, ср. *мљечвина* 'мякушка (о хлебе)' (Истрия) < < (**tęk-*, *мљѐзиница*, *мјезиница* < **mězinica* и т. п. Иначе — из **męty*, *-ъve*,

*metylь — мѐтӣљ, м.
*metyrь — метир, м. 'бабочка' (Bjelost.)
*metьla — мѐтла, ж.
*metьlica — мѐтлица, ж.
метљица, ж. назв. раст. (Далмация)
*metьlika — метлика, метљика } ж. назв. раст.
*metьlikъ — метлик, м. назв. раст. (Šulek im.)
*metьlina — метљина, ж. назв. раст. (Lambl)
Метлина, ж. (топон.)
*metьnica — мѐтница, ж. 'род мережи' (Караџић)
*metьn'a — ме́тња, ж. 'препятствие' (Лика)
*měděnica — медѐница, ж.
*měděnъ — мё̏ден 'медный' (диал.)
*měděnъka — мѐдēнка, ж. 'медная булавка' (Pavičić)
'зеленая плесень на медном сосуде' (Šulek rječn.)
*mědь, *mědo — мё̑д, ж. (диал.), медо, мидо, ср. (диал.) } 'медь'
*mědьnica — медница, ж. 'мелкая монета' (Sava glasn.)
*mědьnъ — медан 'медный' (Bella, Stulli)
*měxonoša — мјехоноша, м. 'носильщик мехов' (Stulli)
*měxovъ — [мехо̀вит]
*měxuna? — мехуна, ж.
*mъxuna? махуна, ж.
мохуна, ж.
*měxurь — мё̏хӯр, м.
мѐхӯр, м. (хорв.)
*měxъ — мê̑х, м.
*měxyrь — мјѐхир, м. 'мех, бурдюк, пузырь' (Бока, Крк и др.)
— мјехијер, м. 'мочевой пузырь' (Mikaļa)
*měla — мела, ж. 'сирово жито' (Pavlinović)
Мела, ж. (топон.)
*mělina — милина, ж. 'мель' (зап.)
*měl'a — мела, ж. 'мука' (кайк.)
*mělъ, *mělь 1 — мел, м. 'белесая, сухая, рыхлая (песчаная) земля' (Крк)
ме́л, м. 'пыль' (Истрия)
мё̑л 'мелкий песок (для штукатурки)' (Kan. 396)
мељ, м. 'мелкий песок' (Истрия)
ме́љ, м. 'плодородная земля' (Nemanić)
мё̑л, ж. 'мелкий песок' (чакав. — Tentor LS 78)

как вариант праслав. **mǫty*, *-ъve* 'мутовка' — см. Ж. Варбот. О возможностях диахронического истолкования морфонологической вариантности в славянских отглагольных именах. Доклад к 7-ому Съезду славистов.

*mělь 2 — мељ, м. 'отмель' (стар.)
*mělo — мело, ср. '(песчаная) отмель' (Marulić)
мӣло, ср. 'отмель (морская)' (Полица)
Мело, ср. (топон.)[18]
*mělъkъ — миок 'мелкий' (стар.)
меако (хорв. — Zoranić)
*mělьnъ — мелан 'песчаный' (Kožičić)
*měna — ме́на, ж.
*měniti(sę) 1 — ме́нити(се) 'менять(ся)'
*měniti(sę) 2 — менити(се) 'вспоминать, думать, говорить' (стар.)[19]
*měn'ati(sę) — ме́њати(се) 'менять(ся)'
*měra 1 — ме̏ра, ж.
*měra 2 — мје̏ра, ж. 'намерение' (стар.)
*měrica — ме̏рица, ж.
*měridlo — ме̏рило, ср. (RJA)
мѐрило, ср. (ИТ)
ме̏рила, ср. мн. 'весы; безмен' (диал.)
*měriti(sę) — ме̏рити(се)
*měrьnъ — мјеран 'относящийся к мере' (Stulli и др.)
*měsęcь — ме̏се̄ц, м.
*měsęčьnъ(jь) — ме̏сечнӣ
месечан (Stulli и др.)
*měsęčina — ме̏сечина, ж.
*měsiti — ме́сити
*měsivo — мјесиво, ср. (Stulli)
*městiti(sę) — местити (се) 'помещать (ся)' (Marulić и др.)
ме̑стити се 'перемещаться' (Cres)
*město — ме̏сто, ср.
*městьnъjь — ме̏сни
местан (Stulli)
?*měščaninъ — ме̏штанин, м.
?*měščanъka — ме̏шта̄нка, ж. (Вук: Герцеговина; Stulli и др.)
*měša(d)lica — мијешалица, ж. 'мешалка' (Bella)
*měšati(sę) — мешати(се) (Bella)
*měšavina — мѐшавина, ж.
*měšina — мѐшина, ж.
мљѐшина, ж. (Караџић: юго-зап.)

[18] С.-хорв. примеры с *мел-* из **měl-* (или, по мнению составителей RJA, возможно и из **mel-*) являют собой образец теснейшего переплетения значений 'песок, пыль' и 'отмель'. Они ярко демонстрируют становление значения 'мель': 'песок; пыль («измельченная» земля)' → 'песчаный нанос' → 'песчаная отмель' → 'отмель (мель)'.

[19] С.-хорв. стар. *менити(се)* 'вспоминать, полагать, думать, говорить' родственно ст.-слав. мѣнити 'вспоминать', словен. *mëniti* 'полагать, думать', др.-чеш. *mieniti* 'полагать, намереваться', польск. *mienić* 'думать, полагать' и далее — др.-в.-нем., ср.-в.-нем. *meinen* 'думать, полагать' — см. Фасмер II, стр. 633.

*měšьсь	— мјешац, м. 'род морской рыбы' (Žore rib. ark.) мијешац, м. ум. от *мех* (Bella и др.)
?*měšьka	— мјешка, ж. 'бурдюк (для вина)' (Nar. pjes. petr. и Nar. pjes. hörm.)
?*měšьkъ	— мијешак, м. 'перепонка, пузырь' (Šulek riečn. и др.)
*měšьnъ	— мијѐшан 'относящийся к бурдюку' (Далмация)
*měta	— мéта, ж.[20]
*mětati	— [на-мӣтȁти 'грузить'][21]
*mězga	— мéзга, ж. мéзгра' ж. млезга, ж. (чакав.) мрéзгра, ж. (Караџић)[22]
*mězgati	— мѐзгати мѐзграти
*mězinica	— мезӣница, ж. (Лика) мѐзимица, ж. (Караџић) мѝзиница, ж. (Караџић: зап.) мизимица, ж. (Hrv. nar. pjes.) мјȅзиница, ж. (Bogdanović: Лика и др.) мљȅзиница, ж. (Караџић) мљѐзимица, ж. (Osvetn.)
*mězinъka	— мѐзӣнка, ж. 'младшая дочь' (Лика)
*mězinъkъ	— мезӣнак, м. 'младший сын' (Лика)
*mězinьсь	— мѐзимац, м. мезинац, м. 'младший сын' (Даничић) мљѐзинац, м. (Караџић)
*měž-	— [на-меж-ӯрати се 'морщиться'][23]
*mę	— ме, в. п. от мест. jâ
*męča	— меча, ж. 'хлебная мякоть' (хорв. Загорье) 'мясо без костей' (Mikaļa и др.)
*męčiti	— мéчити
*męčь 1	— мêч, м. 'лекарство (мягкое, жидкое), накладываемое на рану' (Bella и др.)
*męčь 2	— мêч, м., ж. 'хлебная мякоть' (Истрия)
*męčьkъ 1	— мечак, м. 'мяч' (Mikaļa)

[20] Составители RJA (VI, стр. 619) считают это слово заимствованным в с.-хорв. язык из латинского (*meta*).

[21] С.-хорв. икавское *на-мӣтȁти* 'грузить' вместе с русск. *от-метáть*, ст.-слав. помѣтати 'бросать' и др. — из **mētati*, по мнению М. Фасмера, — удлиненной ступени к **metati* — см. Фасмер II, стр. 609.

[22] Отрембский объясняет появление с.-хорв. формы *мéзгра* (с -*р*-) процессом контаминации двух слов *мезга* (< **mězga*) и *мéздра* (< **męzdra*) (см. *J. Otrębski*. Życie wyrazów w języku polskim. Poznań, 1948, стр. 303 (57)—304 (58)).

[23] Ступень с -*ě*- (ср. ст.-слав. и русск. *смежить* (*очи*) сохранилась в с.-хорв. языке только в приставочных образованиях со значением 'сморщить(ся)' — *смежурáвати се*, *намежӯрати се*.

*męčьkъ 2 — мечак, м. ʻхлебная мякотьʼ (Истрия)
*męknǫti — мȅкнути
*mękostь — мȅкōст, ж.
*mękota — мекȍта, ж.
мȅкота ʻпашняʼ (Nk 278)
*mękotica — мекотица, ж. ʻнебольшой участок земли для посадки овощейʼ (Крк)
*mękotina — мекȍтина, ж. ʻбольшой участок нивыʼ (Лика)
*mękotь — мекот, ж.? м.? ʻобработанная земляʼ (Крк)
*mękuša — мѐкуша, ж.
*mękъ(jь) — мȅк
мȅкӣ
мêкӣ (RJA)
*mękyna — мѐкиње, ж. мн.
*mękyšь — мѐкӣш, м. ʻмякишʼ
мȅкиш, м. ʻмягкотелый, неженка, слюнтяйʼ
мекиш ʻкусочки глины (отходы) в гончарном делеʼ (ЛМ 55)[24]
*męso — мêсо, ср.
*męsti(sę) — мéсти (се)
*męsьna — мéсна, ж. ʻзадʼ (Карацић : Рисна)
*męsьnikъ — месник, м. ʻчирейʼ (Stulli)
*mesьnъ(jь) — мѐсан
месен
мéснӣ
*męta, — мета
*mętica метица } ж. ʻмятаʼ (чакав.: Истрия, Врбник)
*mętežь — мéтēж, м.
?*mętežьnikъ — мѐтежнӣк, м.
*mętežьnъ — метежан ʻнемирный, мятежныйʼ (Stulli и др.)
*męti — мети ʻмятьʼ (Bjelost.)
*mętja? — мêћа, ж.
*metja?
*męty, -ъve
(*mętъva?) — мȅтва
*mętъvica мȅтвица } ж. ʻмятаʼ
*męzdra — мéздра, ж.[25]
(< *męsd(ь)ra)

---

[24] С.-хорв. слова, приводимые под праформой **męč-* (**męk-*), являются производными непосредственно от основы **męk-* (ʻмягкийʼ), не осложненной суффиксом -(*ъ*)*k*(*ъ*.)

[25] Существуют различные объяснения слав. **męzdra* (**męsd(ь)ra*). Обычно его связывают со слав. *męso*, лат. *membrum*, греч. μηρός, возводя к **mēms-ra* (A. Bezzenberger. Etymologien. BB I, 1877, стр. 340—341 и др.), причем *-d-* считают вставным, а *-zdr-* < *-str-* — так (вслед за Миклошичем) Ливер (F. Liewehr. Über expressive Sprachmittel im Slawischen. — ZfS I, 1956, стр. 17). Но есть и иные объяснения: вторую часть слова **męsd(ь)ra* связывают с корнем **dьr-*/**der-* (Р. Брандт. Допол-

*miga — мига, ж. 'ресница' (хорв. Загорье)
*migadlo — мȉгало, м., ср. 'кто мигает' (Stulli и др.)
*migati — мȉгати
мȉгат 'бежать, убегать' (Kan. 396)
*migavica — мȉгавица, ж. 'род птицы'
'раковина (с моллюском)'
'род сети' (Крк, Хвар)
*migavina — мигавина, ж. 'блеск молнии' (Истрия)
*migavъ — мȉгав
*migavьсь — мȉгавац, м. 'род птицы' (Караџић и др.)
*mignǫti — мȉгнути
?*migoliti(sę) — мȉгољити се
ми́гољити се
ми́голити (се) (Лика)
?*migorępъ — мȉгорēп, м. 'птица Motacilla alba' (Глина)
*migъ — мȉг, м.
*milati sę 1 — милати се 'миловаться' (Лика)
*milati sę 2 — ми́лати се 'высунуться немного, показаться' (Караџић)[26]
*milěti? — ми́љети 'ползти'[27]
*gъmylěti

нительные замечания к разбору этимологического словаря Миклошича. — РФВ, т. XXII, 1889, стр. 254; R. Thurneysen. Irisches. — KZ XLVIII, 1917, стр. 48—75 — непосредственно с греч. δορά 'кожа'), а некоторые видят в ней суффиксальный элемент (и.-е. **dhr-*) (K. Brugmann. Alte Wortdeutungen in neuer Bedeuchtung. — IF XVIII, 1905—1906, стр. 436 и сл.); G. Shevelov (A Prehistory of Slavic. Heidelberg, 1964, стр. 147) (он допускает возможность и второго объяснения — из корня **dьr-/*der-*).
Этимологическое решение на основе связи **męzdra* с **mězga* (см. W. J. Doroszewski. Monografie słowotwórcze. — PF 15, 2, 1931, стр. 279 — вслед за Вондраком и Брюкнером) кажется менее убедительным, см. (против) J. Otrębski. Życie wyrazów w języku polskim. Poznań, 1948, стр. 303 (57)—304 (58).

[26] Чаще всего это слово рассматривается как однокоренное с с.-хорв. *из-мдлити се*, *ро-мдлити*, *про-мдлити* 'показываться, высовываться' (RJA VI, стр. 667; Skok Et. и др.) — см. под **moliti*. А. Потебня (Обзор поэтических мотивов колядок и щедровок. — РФВ, т. XIV, 1885, стр. 23—24) сопоставляет его еще и с укр. *милати* 'виднеться' и далее — к русск. *млéться* (тульск.), *мли́ться* (вят.) — 'представляться, чудиться', однако последние могут быть из *мни́ться*. Сюда же он относит луж. *milina*, греч. μέλας, лтш. *melns* и, неуверенно, — лат. *mils* 'привидение'.

[27] С.-хорв. *ми́љети* 'ползти, лезть' связывалось Ст. Микуцким с др.-инд. *mil* 'идти, сходиться, собираться' и лит. *milas* 'толстое сукно домашней работы' (см.: Выписка из 8-го отчета кандидата Ст. Микуцкого. — ИОРЯС, т. V, 1856, стб. 59). Однако наличие с.-хорв. дублетных форм *гми́љети* и *хми́љети* в том же значении, что и *ми́љети*, заставляет принять другое этимологическое решение. Видимо, следует исходить из первичности *гми́љети* (> *хми́љети*), а *ми́љети* считать вторичной формой, получившейся в результате отпадения начального *г-*, так, см. Скок (Эт.), ср. *Мӣза* (прозвище женщины) < *Гмӣза* то же (RJA VI, стр. 781). Уже

*milica — ми̏лица, ж. 'милая' (RJA : 2 примера)
'кличка коровы' (Kurelac)
*milina — мили̏на, ж.
*militi(sę) — ми̏лити(се)
*milostivъ — ми̏лостив
*milostь — ми̏ло̄ст, ж.
*milostьnъ(jь) — ми̏лостан
ми̏лосан
ми̏лоснӣ
*milostyni — ми̏лостиња, ж.
милости́ња, ж.
*miloščь — ми̏лошта, ж.
ми̏лоћа, ж. (чакав.)
ми̏лошча, ж. (кайк.)
*milota — мило̀та, ж.
*milovati — ми̏ловати
*milъ(jь) — ми̏о
ми̏лӣ
*milьсь — милац, м. 'милый' (в песнях); кличка вола (Лика)
Милац, м. муж. имя
*mimo — ми̏мо, нареч. и предл.
*minovati — миновати (стар.)
*minǫti(sę) — ми́нути(се)
*minьjь — ми́њи, ми́њи 'маленький' (Истрия)[28]
мињи 'меньший' (Stulli и др.)
*miriti(sę) — ми́рити(се)
*mirovati — миро̀вати
*mirovina — миро̀вина, ж.
*mirov- — [ми̏ров-ан, миро̀в-на, ж.]
*mirъ — ми̑р, м.
мир 'деньги (плата) за невесту; свадебный обычай' (Вис. 165, 174)
*mirьnь(jь) — ми́ран
ми́рнӣ
*mitě — ми́ће 'попеременно', нареч.

А. Брюкнер объединяет *гми́љети* (без *ми́љети*) с семантически тождественным *гми̏зати* (*га̏мзити*) (также в знач. 'ползать'), которое из **gъmyzati* (см. A. Brückner. Über Etymologien und Etymologisieren. — KZ XLVIII, 1918, стр. 177—178). Следовательно, *(г)ми́љети* < **gъmylěti*, ср. образование с другим сонорным (*r*) от того же корня — польск. *gmerać* 'копошиться' (< **gъmyrati*).

[28] Г. Ильинский (Славянские этимологии. XVI. — РФВ, т. LXII, 1909, стр. 245—247) приводит серб. *ми̏њи* с пометой «боснийское», вычленяет в нем корень **min-*, чередующийся с праслав. **mьn-* (с.-хорв. *ма̏њӣ*, ср. степ. от *ма̏о* 'маленький').

*mititi sę 1	— митити се 'перехлестнуть полы одежды', 'врубать бревно в бревно (концами в разные стороны)' (диал.)[29]
*mititi sę 2	— митити(се) 'пройти, миновать' (Pavlinović и др.)[30]
*miz-	— [мизуља, мизоња — ж.][31]
*mižati(sę)	— ми̏ждати 'моросить' (Лика) ми̏жати(се) 'мочиться' (Караџић: Черногория; Stulli и др.) мицати 'мочиться' (Герцеговина)[32]
*mižati 2	— ми̏ждати 'подремывать' (Лика)
*mižavica 1	— ми̏ждавица, ж. 'мелкий дождь' (Лика)
*mižavica 2, *mižavьci	— ми̏ждавица, ж. } 'прострел, ми̏ждāвци, м. мн. } 'колотье' (Лика)
?*mižežь	— мижеш (Bella, Stulli) } м. 'моча' мижеж (Mikaļa) }
*mižiti 1	— мижити 'моросить' (Zoranić) ми̏ждити — то же
*mižiti 2	— ми̏ждити 'поблескивать, вспыхивать (угасая)' (Далмация)
*mlačina	— млачѝна, ж.
*mlačiti (sę)	— мла́чити (се) 'подогревать(ся)'
*mlačьnъ	— мла́чан 'теплый'
*mlaxavъ (*mloxavъ) < *mlakavъ? или *mьdl-?	— млахав (Bjelost.: шток.) мло̏хав[33]

---

[29] Это слово надо связывать с с.-хорв. *усу̏мит*, *су̏митицē* 'вдвоем, лежа валетом' и с.-хорв. *ми̏ће* 'попеременно', польск. диал. *mitus*, *mituś* 'крест-накрест', ст.-слав. митѣ 'попеременно' и др. — см. Фасмер II, стр. 628, где приведены только префиксальные с.-хорв. соответствия.

К данному гнезду, казалось бы, следовало отнести и с.-хорв. *митити се* 'меняться', но, по мнению составителей RJA (VI, стр. 776—777), этот глагол связан с *мита́рити се* 'линять, менять перья (о птицах)', который заимствован из лат. или ит. (*mutare*).

[30] Соотносится RJA (VI, стр. 777) с *ми̏нути* 'миновать' (с указанием, что *-m-* остается неясным). Не целесообразнее ли отнести данное слово к **mititi sę* 1? Эти формально идентичные лексемы (*митити се* 1 и 2) семантически близки: из значения 'миновать, пройти мимо' выводимы как частные случаи — 'лежать валетом', 'запахивать (перехлестывать) полы одежды' и др.

[31] С.-хорв. диал. (Босния, Герцеговина) *мизуља*, ж. и *мизоња*, ж. — 'корова, которая лижет соль из рук человека', а также, возможно, *мизе* 'козленок с белыми коленями', надо объединять с укр. *ми́зати* 'лизать', *мизатися* 'ласкаться', чеш. диал. *mízati se* — то же, польск. *umizgać się* то же (о них см. V. Machek. — LF 51, стр. 243).

[32] В с.-хорв. примерах представлен вокализм *i* (*ми̏жати се*, *ми̏ждати*, *мицати*, *мижити*), также — в русском (*ми́згать*, 'квелиться, плакать'). В славянских языках отмечены кроме того примеры с вокализмом *ě* (с.-хорв. *ме́зга*, русск. *мезга́* и т. п.) и *ь* (укр. *мжи́ти* 'моросить', *мжа* 'изморозь' и др.) (см. Фасмер II, стр. 617 и др.).

[33] С.-хорв. *млахав* 'слабый' (Bjelost.: шток., Jambr. и др.), *мло̏хав* 'сла-

*mlakavica	— млакавица, ж. 'теплая и тихая погода' (Stulli)
*mlakavъ	— мла̏кав
*mlakostь	— мла́ко̄ст, ж.
*mlakъ?	
*molkъ?	— мла̑к 'тепловатый; вялый, равнодушный'[34]
*mlaskati,	— мла̏скати (стар.)
*mlěskati	мља̏скати
	мља̏цкати
	мље̏скати
*m(ь)lidlo?	— млило } ср. 'мельничный постав, дробилка' (Šu-
	мљело } lek rječn.)
*mlinьcь	— мли̏нац, м. 'раскатанное тесто' (хорв.)
	'слоеный пирог' (Bjelost.; Ivеković: хорв.)
*mlitati	— млитати 'лениться' (Popović и др.)
	'блуждать, скитаться' (Lubiša)
*mlitavъ	— мли̏тав 'медленный, ленивый, слабый'[35]
*moča	— мо́ча, ж.
	мо̀ча, ж. (Nemanić)
	мо̏ча, ж. (Раб, Крк, Черногория)
	Моча, ж. (топон.)
*močalina	— мо̀чалина, ж.
*močalъ	— Мочао, м. (гидрон.)
*močala	Мочали, ж. мн. (топон.)
*močati	— мо̀чати 'мочиться' (Лесковац)

бый; изнеженный' имеет соответствие в словенском — *mlahav* то же. И. Эндзелин приводит *млахавъ* (с пометой «ц.-слав.»), сопоставляемое обычно с греч. βληχρός, 'слабый', соотнося его с греч. βλάξ, βλακός 'мягкий, вялый, ленивый' — И. Эндзелин. Славяно-балтийские этюды. Харьков, 1911, стр. 121.

Составители RJA (VI, стр. 932) писали о родстве с.-хорв. *мло̏хав*, *млахав* с с.-хорв. *млоба*, ж. 'слабость' (<**mъdloba*, **mъdloba*).

[34] Покорный дает праформу **mlakъ*, сближая ее со слав. **mьlčati* (русск. *молча́ть* и др.) (Pokorny I, стр. 718), также — Бернекер. Если же принять сопоставления с ирл. *malcaim* 'гнию', лит. *mu-smelkiù* 'позволяю пропасть, душу' (см.: G. Strachan. Keltische Etymologien. — IF II, 1893, стр. 370), лит. *smal̃kas* 'дым, чад, пар, испарение' (см. F. Bezlaj. Einige slovenische und baltische lexische Parallelen. — Linguistica VIII, 1, 1966—1968, стр. 66 — для однокоренных с с.-хорв. *мла̑к* — с.-хорв. *мла́чан*, словен. *mláčen* 'теплый'), то правомерной будет праформа **molkъ* (**(s)molkъ*).

С.-хорв. *мла̏ка*, ж. 'ленивая, медлительная, вялая женщина' (Лика), по мнению составителей RJA (VI, стр. 832), — «темное», стоит в прямой связи с *мла̑к*, которое имеет переносное значение 'вялый, равнодушный, медлительный'.

[35] С.-хорв. *мли̏тав* составители RJA (VI, стр. 932) связывали с **mel-ti* 'молоть' (<и.-е. **melēi-*), непосредственно с его нулевой ступенью **mlī-*, расширенной формантом *-t-* (ср. образование от нее с другим формантом (*-n-*) — **mli-n*(ъ): русск. *блин* и др.); так же см. G. S. Lane (Celtic Notes. — Language 13, 1937, № 1, стр. 21—22) и Skok (Et.). П. Скок (там же) отмечает, что в славянских языках нет образований от и.-е. **melēi-*: **mlī-* с формантом *-t-*, кроме указанного выше с.-хорв. слова *мли̏тав*,

*močidlo — мо̀чило, ср. 'место в воде (реке), где замачивают лен (коноплю)' (Караџић и др.)
мочи́љ, м. то же (Истрия)
Мочила, ж.? ср. мн.? (топон.)

*močьvьnъ (< *moči, -ьve) — мо̏чаван 'мокрый' (Раб)[36]

*močina — мо̀чина, ж. 'сырая дождливая погода' (Караџић)

*močiti — мо̀чити

*močь — мо̑ч, м. 'моча' (Ел. I)
моч 'сырая погода, сырость' (Skok)

?*močьka — мо̀чка, ж. 'моча' (Лесковац)

*močьnъ — мочан 'мокрый, влажный' (Риека и др.)

*mòdlitelь — мо̀литељ, м.

*modliti — мо̀лити

*modlitva — мо̀литва, ж.
молитав, ж. (стар. чакав.)

*modlьba — мо̀лба, ж.
мо́лба, ж. (Mikaļa, Bella)
мољба, ж. (Славония)
мо́ба, ж.

*modrica — мо̀дрица, ж.

*modrina — модрѝна, ж.

*modriti (sę) — мо̀дрити (се)

*modrostь — модрост, ж. (Mikaļa, Stulli)

*modrъ(jь) — мо̏дар
мо̀дар (Хорватия)
мо̏дрӣ

*mogǫtъ — Могут, м. фамилия

*mogǫtьcь — могутац, м. 'богач' (Pavlinović)

*mogyla — мо̀гила, ж. 'груда камней' (стар.)
'холм, бугор' (Пожаревац)
Могила, ж. (топон.)

*mojь — мо̑ј, мест.

*moknǫti — мокнути 'мочить' (Bjelost.)

*mokošь — Мокош, м. стар. фамилия (Хорватия)

*mokošica — Мокошица, ж. (топон.) (Далмация)

*mokrica — мокрица, ж. 'животное из семейства раков' (Popović)
Мокрица, ж. (топон.)
Мокрице, ж. мн. (топон.)

---

[36] С.-хорв. диал. *мо̏чаван*, видимо, дает основание для реконструкции **moči, -ьve* 'сырость (влажность)', ср. праслав. **moky, -ъve* 'сырость' (русск. *мо́ква*, укр. *моква*, слвц. *mokva*). О существовании в древности данной лексемы свидетельствуют, возможно, и такие с.-хорв. слова, как *мо̏чв-а̄р*, ж. 'сырость' (< **močьv-arь?*), *мочв-ара*, ж. 'лужа, болото' (< **močьv-ara?*), *мочв-и́р*, м. 'сырая земля' (< **močьv-yrь?*).

*mokrina — мокри̏на, ж.
*mokriti(sę) — мо̀крити (се)
*mokrostь — мокрост, ж. 'сырость, влага' (Stulli; Barakovič jar.)
*mokrota — мокрота, ж. 'влага' (Stulli: из русск.; Popović)
*mokrъ(jь) — мо̏кар
мо̀кар (Хорватия)
мо̏кри̑
*mokryni? — мокри̏ња, ж. 'влага, сырость, ненастье' (Ел. I)
*mokrina?
*mogti — мо̀ћи
*mogtь — мо̂ћ, ж.
*mogtьnъ — мо̏ћан
*molda — мла̂да, ж.
*moldanъ, — Младан, м. муж. имя и кличка бычка
*moldьnъ
*moldena — Младена
Млађена (Младјена) } ж. жен. имя
*moldenovъ — Младенов, фамилия
*moldenъ, — Мла̏ден
*molděnъ? Младин
Младјен } м. муж. имя
Мла̏ђен
Младен, м. кличка бычка
младен 'последний изгиб наверху рогов у овцы и козы' (Мић. 32)
*moldenъka — младе̂нка, ж. 'не̏веста' (кайк. — около Загреба)
Младенка, ж. кличка коровы (Вировитица)
*moldenьcь — мла̏денац
*molděnьcь мла̏дјенац } м. 'отрок; жених'
младенци
мла̏дијенци } м. мн. 'молодожены'
мла̏ђе̄нци
*moldežь 1 — младеж, м. 'молодой месяц' (Budmani)
*moldežь 2 — мла́деж, ж. собир. 'молодежь'
*moldę, -ęte — мла̏де, ср. 'молодожены' (стар. — Сербия)
*moldica — мла̀дица, ж.
мла̂дица, ж.
?*moldika — мла̀дика, ж.
*moldikъ — мла̀ди̑к, м. 'молодой человек' (Ančić)
'молодая лоза'
'молодой кустарник' (Reļković)
'молодой лес' (Славония)
Младик, м. (топон.)
*moldina — млади̏на, ж.
*moldinъ 1 — мла̂дин 'принадлежащий невесте' (Караџић)
*moldinъ 2 — младин 'невинный' (Ančić)

*moldiny	— младине, ж. мн. 'мелкое место в море' (Стон) 'лужи по краям разлившейся реки' (Poslov. danič.) Мла̏дине, ж. мн. (топон.)
*molditi(sę)	— мла́дити (се)
*moldivo	— младиво, ср. 'молодой побег' (Reǉković)
*moldjь	— мла̏ђ, м. 'молодой виноградник' (Караџић) 'молодой лес' (Далмация) 'молодой месяц' (Popović) 'вид растения' (=*млађа*) (около Винковцев)
*moldostъ	— мла̏до̄ст, ж.
*moldovati(sę)	— младо̀вати(се)
*molduxъ	— младух, м. 'поросенок нескольких месяцев' (Истрия)
*moldunica?	— младу̀ница? ж. 'девушка' (Miličević s duh.)
*moldunika?	младу̀ника?
*moldunьсь	— младу́нац, м. (ИТ)
*moldъ(jь)	— мла̑д мла̑дӣ
*moldъka	— мла̏тка, ж. 'молодуха' (Винковци)
*moldyni?	— младиња, ж. 'молодежь' (Сербия)
*moldina?	младиња́, ж. — то же (тимоч.-луж.) млади̏ња, ж. — то же (Ел. I)
*moldь	— мла̑д, ж. собир.
*moldьсь	— мла̑дац (стар. шток.) мла́дац } м. 'молодой человек' младац, м. 'молодая пчела' (сев. Далмация)
*moldьje	— младје (младја) 'молодой лес' (Kan.)
*molica	— мољица, ж. 'моль' (Banovac)
*moliti	[из-мо̀лити(се) по-мо̀лити(се) } 'высунуться'][37]
*molka	— мла̏ка, ж. 'лужа'
*molky, -ъve	— мла̏ква, ж. 'род травы, употребляемой на сено' (Караџић : Лика)
*molky, -ъve? / *mlaky, -ъve?	— мла̑ква, ж. 'лужа, не замерзающая зимой'[38]

---

[37] С.-хорв. *-молити* встречается только в сочетании с префиксами: *из-мо̀лити(се)* 'показаться, высунуться', *по-мо̀лити(се)* — то же, *промо̀лити(се)* — то же, см. еще итератив *изма̏љати(се)* 'высовываться'. Слово имеет соответствия в ц.-слав. и словен. языках, оно сравнивается с лтш. *mala* ж. 'берег, побережье', алб. *mal* 'гора', греч. μολεῖν 'идти, дойти' и др. (P o k o r n y I, стр. 721; B e r n e k e r II, стр. 74; S k o k Et. — с литературой). Слово связывается с с.-хорв. *Из-ми́ла̄ти(се)* 'высунуться, показаться' (<*-*mil*-) — см. П. С к о к (там же).

[38] С.-хорв. *мла̏ква*, ж. относилась Фасмером (II, стр. 645) вслед за Бернекером к корню **molk-*: **melk-* (русск. *молокита*, ж. 'болото', болг. *млака́* 'болото', с.-хорв. *мла̏ка* 'лужа; болотистое место'). В. Томанович считает

*molnъ	— малан (Лика, Брач) } м. 'толстая палка, которой млâн (Крк) } вращают жернов' [39]
?*molta	— млата, ж. 'смолотое и сваренное на пиво зерно' (Popović) [40]
*moltidlo	— мла̀тило, ср. 'молотило' (Popović)
*moltiti	— мла́тити
*moltitьba	— млатидба, ж. 'молотьба' (Iveković: сев. Хорватия; Stulli; Bella)
*moltišče	— Млатишта, ср. мн. (стар. топон. — XIV в.)
*moltivo	— млативо, ср. 'молотьба' (Reļković)
*moltjenica	— мла̀ћеница, ж. 'обрат' млаћаница, ж. — то же (Кап., Мић.)
*moltnǫti	— мла̏тнути
*moltъ	— млâт, м.
*moltьba	— Младба } ж. (топон.) Млатьба (стар. — XIII в.) }
*moltьcь	— млатац, м. 'небольшой молот' (Mikaļa, Bella, Stulli) 'цеп' (Хорватия, Лика) 'молотильщик' (Bjelost. и др.) 'рабочая одежда' (Popović)
*moltьje	— млаће, ср. 'молотьба' (Lex.)
*moltьnica	— млатница, ж. 'долбня, молот' (Mikaļa, Bella и др.)
*moltьn'a	— мла́тња, ж. 'смолотое зерно' (Šulek rječn.) 'место, где молотят зерно' (Далмация) 'время молотьбы' (Popović)
*moltьnь	— млатан 'относящийся к молоту' (Stulli)
*molva 1, *molvica	— млава } ж. 'прут, ветка' (чакав.) [41] мљава } млавица, ж. 'прутик' (Истрия)

это слово разультатом контаминации *мла̏ка* и *ло̏ква* (см.: В. Томановић. Мешање речи. — ЈФ XVII, 1938—9, стр. 210—211).

Нельзя ли связать это слово, исходя из значения 'не замерзающий' (т. е. 'теплый)', с *млâк* (<**mlakъ*) 'тепловатый'?

[39] С.-хорв. чакав. *млâн*, м. (*малан* — вторично) выводится П. Скоком из праслав. **molnъ* (к и.-е. **mel-*, праслав. **melti*), а с.-хорв. *му̑н*, м. то же (Крк) — из **mьlnъ* (см. далее) (Скок Эт.).

[40] См.: Фасмер (II, стр. 644), где приводятся укр. *мóлот* 'солод', блр. *мóлот* — то же, словен. *mláto*, чеш. *mláto* 'выжимки, подонки', польск. *młóto* (но не фиксируется с.-хорв. соответствие) и допускается их германское происхождение (см. там же литературу).

[41] С.-хорв. *млава*, ж. 'прут' (откуда затем *мла̏вити* 'бить'), а также словен. *mláva*, ж. 'ореховый прут для обруча' связывают обычно с гот. *gamalwjan* 'дробить, растирать, размалывать', лит. *mal̃vinti* 'мучить, надоедать' и далее — с и.-е. корнем **mol-* (праслав. **moltiti*), расширенным суффиксом *-u̯a-* (см.: Skok Et., там же литература). Шарпантье сближал слав. **molva* с др.-инд. *mūrvā* (< **ml̥u̯ā*) Sanseviera roxburghiana (J. Charpen-

*molva 2? — млава, ж. 'река' (Osvetn. и др.)
*mьdl-? млава, ж. 'медленно текущая вода (поток)' (GTer)
Млава, ж. (гидрон. и топон.) [42]
*molviti 1 — мла̏вити 'бить, ударять'
*molviti 2? — мјавит 'дремать, спать' (Tentor LS 78) [43]
*melviti
*molzъ — мла̂з, м.
*molь — мо̏љ, мол } м. 'моль' (Bjelost. и др.)
мо́љ, м. то же (Истрия)
*molьcь — мо́љац, мо̀љац } м. 'моль'
*molьkъ — мо́љак, м. 'моль; червь (в сыре и мясе)' (Bella, Карацић)
*moma — мо̏ма, ж. 'девушка; невеста' [44]
*momъkъ — мо̀мак, м. 'парень'
*mora — мо̀ра, ж. 'ночное удушье, ночной кошмар', 'ведьма, которая душит во сне' (RJA)
мо̂ра 'невидимое женское существо, которое превращается в кошку или козу' (ЛМ 567)
мора̏ 'колдунья (ведьма), которая может превратиться в кошку, муху, блоху'. (Kan. 397)

---

t i e r. Slavische Etymologien. — AfslPh XXXVII, 1920, стр. 52), но Бернекер дает праформу **mlava*.

[42] Составители RJA (VI, стр. 932) предполагали родство *млава* 'река' с *млава* 'прут, ветвь': реки назывались в таком случае по сходству формы с веткой — 'узкие и длинные, как прут (ветка)'. Но отмеченное значение 'м е д л е н н о текущая (река, вода)' наталкивает нас на иные решения: к **mьdl-?* или к **molviti* 2 (с.-хорв. *мјавити* 'дремать')?

[43] М. Фасмер (II, стр. 643) отвергает связь русск. *моловить* 'казаться' со словен. *mlẹ́viti* 'двигать тело туда-сюда; точить', предложенную Торбьёрнсоном. Ф. Безлай, наоборот, поддерживает ее, возводя оба слова к **melviti* — и.-е. корню **mel-* 'обманывать' (присовокупив сюда же русск. *мы́лить*, укр. *милити*, польск. *mylić*, чеш. *mýliti*, слвц. *mýlit'*, в.-луж. *mýlić* — 'вводить в заблуждение' (Ф. Б е з л а й. Опыт работы над словенским этимологическим словарем. — ВЯ, 1967, № 4, стр. 47—48).

Однако с.-хорв. диал. *мјавит* (<*млавити*) ни с русским словом, ни со словенским никем, кажется, не сравнивалось, в то время как, на наш взгляд, представляется очевидная возможность объединить все три слова под праформой **molviti* (**melviti*). Формальная сторона затруднений не вызывает, что касается семантической, то сочетание значений 'делать колебательные (однообразные) движения (двигать туда-сюда, точить)' (словен.) — 'дремать' (с.-хорв.) — 'казаться' (русск.) является распространенным и подтверждается, в частности, такими примерами: русск. *ма́р* 'зной, мгла, сон', *мара́* 'призрак, грезы, наваждение' (ср. укр. *мрі́яти*, *мрі́ти*, 'мерещиться, мечтать') этимологически родственны русск. *ма́ять* 'махать', *нама́ять* 'дать знать знаком; обмануть', укр. *ма́яти* 'двигать туда-сюда, махать', словен. *májati* 'двигать туда-сюда' и т. п. (см. Ф а с м е р II, стр. 571, 668, 587).

[44] С.-хорв. *мо̏ма* 'девушка' (откуда и *мо̀мак*), болг. *мома́* — то же считают ономатопоэтическими образованиями, как и русск. *мо́ма* 'мама', *му́ма* — то же (Ф а с м е р II, стр. 649, B e r n e k e r II, стр. 74).

мора, ж. 'род бабочки (ночной?)' (Šulek rječn.)[45]
мура, ж. то же (Bjelost., Jambr.)

*morča — мрача, ж. 'мрак' (Magazin 1863: из песни)
*morčati — мрачати (Stulli)
*morčiti(sę) — мра́чити(се)
?*morčьnostь — мрачност, ж. (Bjelost.; Stulli: из русского)
*morčьnъ(jь) — мра́чан
мра́чнӣ (ИТ)
мра̂чнӣ (RJA)
*mor'e — мо̏ре, ср.
*morica — морица, ж. 'молодая (незамужняя) женщина-колдунья, которая «морит» детей' (Zore rib.)
*moriti — мо̀рити
*morka — мрака, ж. 'мрак' (Stulli)
мрака, ж. 'болезнь? зло?' (стар. — Дубровник)
*morkъ 1 — мра̂к, м. 'мрак'
мрак, м. 'невидимый злой дух' (как дым) (Kan. 397)
мра̂к 'страшилище, которым пугают детей' (Tentor LS 79)
мра̊к = мора (Sus. 167)
мрак, м. 'растение Pimpinella saxifraga' (Šulek im.)
?*morkъ 2 — мрак 'мрачный, темный' (Mrnavić istum.)[46]
*morsa — мра̏се, ж. мн. 'оспины' (RJA)
мра̏са, ж. 'корь' (ИТ)[47]

---

[45] Составители RJA (VI, стр. 928) связывали с.-хорв. *мо̀ра* с *мо̀рити*, т. е. *мора* — 'ведьма, которая душит (*морит*) человека'. Они пишут о возможной связи *мора* 'род бабочки' с *мора* 'ведьма' при условии, если существует представление, что *мора* ('ведьма') может появляться в образе бабочки. Это предположение кажется убедительным: см. *мора̏* — 'ведьма, которая может превратиться в муху, блоху. . .' (Kan.).

С другой стороны, с.-хорв. *мора* 'ведьма' со славянскими соответствиями (словен. *móra*, ст.-слав. мора, чеш. *můra*, укр. *мора*, блр. *мора*, русск. *кики́мора*) считают связанными аблаутными отношениями со ст.-слав. мара 'потеря сознания', русск. *мара́* 'призрак, грезы, наваждение', польск. *mara* 'сновидение, призрак' и др. — см. J. F r a n c k. Mittelniederländisch *mêre*, lateinisch *murus*. — KZ XXXVII, 1904, стр. 128 и след.).

[46] Составители RJA (VII, стр. 36) указывают, что с.-хорв. *мрак* 'темный', зафиксированное по их данным только в одном примере, ненадежно, т. е. оно может быть там употреблено ради рифмы (вместо *мр̏к*).

[47] С.-хорв. *мра̏се*, ж. мн., зафиксированное в Словаре В. Караджича со значением 'Masern, maculae, verrucae = 'корь; (пятна?) оспины, бугорки' (отсюда — *мра̏сав* 'с оспинами (пятнами?), сыпью на лице' — там же) не имеет убедительного этимологического объяснения. Его сравнивали с с.-хорв. *мр́сити* 'есть скоромное' (M i k l o s i c h, стр. 204), словен, *maróga* 'пятно', чеш. *maržena* 'красная краска', греч. μορύσσω 'пачкаю, мараю', ирл. *meirg* 'ржавчина' (J. L o e w e n t h a l. Zur baltisch-slavischen Wortkunde. — AfslPh XXXVII, 1920, стр. 302), с нем. *Maser* 'прожилка, узор; наплыв' (Š a m š a l o v i ć — согласно Скоку (Эт.), с лит. *markė* 'пятна (рябинки), остающиеся после сыпного тифа или оспы' (M a t z e n a u e r — согласно Скоку (Эт.).

*morsavъ — мрс̆асав

*morvica — мравица, мрављица } ж. 'муравей' (Bjelost. и др.)

*morvin- — мравињак 'навильник (сена)' (Вук. 14)
мра̀виња̄к, м. 'муравейник'

*morvinъ(jь) — мра̀вињ
мра̀вињӣ

*morvinьcь — мравинац, м. 'муравей' (Истрия)
'муравейник' (Ivšić : Шаптиновац; Reǀković), название ряда растений (Bella и др.)

*morvinьje — мравиње, ср. собир. 'муравьи' (Reǀković)

*morvišče — мравиште, ср. (Jambr.), мрављиште, ср. (Истрия) } 'муравейник'

*morv(ь)ja — мравља, ж. 'муравей' (Jambr.)

*morv(ь)jь — мра̑ваљ, м. 'муравей' (Черногория)

*morvul- — мра̀ву̏љица, ж. 'небольшая кучка сена' (Лика)
мраву́љак, м. — то же (Лика, Хорватия)

*morvъ — мра̑в, м.

*morvъkъ — мра́вак, м. 'маленький муравей'
мра́вци, м. мн. 'мурашки'

*morvьcь — мравац, м. 'муравей' (Славония, Истрия, Лика)

*morvьje — мравље, ср. собир. 'муравьи' (Šulek rječn.)

*morvь(jь) — мра̏вљ
мра̏вљӣ

*morza — мраза, ж. 'ненависть, злоба' (Stulli)

*morziti(sę) — мра̏зити(се) 'враждовать'

*morznǫti(sę) — мразнути(се) 'замерзать' (Bella и др.)

*morzъ 1 — мра̏з, м. 'мороз; изморозь; лед'
мра̏с 'лед' (Sus.)

*morzъ 2 — мраз, м. 'ненависть, злоба' (Kolunić и др.)

Думается, что для с.-хорв. слова *мра̏се* самыми близкими славянскими соответствиями могут служить русск. *моросить* 'накрапывать, идти мелкому, тихому дождю', *мо́рох*, м., *моро́ха*, ж. (тверск.), *моро́сь* ж. — 'мелкий дождь (изморось)', о дальнейших и.-е. связях которых см. у Фасмера (II, стр. 657—8). С фонетической стороны для данного сопоставления нет затруднений, что касается семантической, то сочетание значений 'падать, сыпать, идти (о дожде), кропить, брызгать' — 'дождь' и 'род сыпи; оспа, сыпь (веснушка)' уже отмечалось в литературе — см., в частности, Ж. Ж. Варбот. Заметки по славянской этимологии. «Этимология. 1966». М., 1968, стр. 103—104, где приводятся как родственные образования (корень **pьrx-/*pъrx-/*porx-*) чеш. *pršeti* 'падать; брызгать, кропить; сыпать(ся); идти (о дожде)', *prš* 'дождь', *prch(a)* 'дождь' и чеш. (диал.) *perš(a)* 'веснушка', польск. *pierzchnice* мн. 'род накожной сыпи, лишай' (устар.), 'красная оспа', русск. *пе́рхоть* и русск. диал. *перша́* 'перхоть'. Ср. еще с.-хорв. *су̏пати* 'сыпать(ся), лить(ся)' (<праслав. **sypati*), *су̏пити* 'моросить (о дожде)' — и *о̏спа* 'сыпь; оспина' (<праслав. **o-sъpa*), *о̏спице* 'оспины; оспа', *о̏сип* 'сыпь' и др. См. также статью В. А. Меркуловой (Народные названия болезней, II (на материале русского языка). «Этимология. 1970».

*morzьnъ(jь) 1 — мра̏зан, мра̏знӣ } 'морозный'

*morzьnъ(jь) 2 — мра̏зан, мра̏знӣ } 'мерзкий, противный' (редк.)

*morъ — мо̑р, м. 'мор, смерть' (Караџић и др.; Stulli: из русского)

*morьnъ 1 — моран 'умертвляющий, смертельный' (Kavańin)

*morьnъ 2 — моран 'морской' (Š. Menčetić)

*morьskъjь — мо̀рскӣ 'морской'

*mostina — мо̀стина, ж. 'большой мост' (Лика)
мостинка 'мост' (ЛМ 182)
Мостина, ж. (топон.)
Мостине, ж. мн. (топон.)

*mostiti — мо̀стити 'строить мост' (Popović; Stulli: из русского)
'переходить через мост' (Лика)

*mostov- — [мо̏стов-нӣ 'мостовой' (Šulek rječn.)]

*mostъ — мо̑ст, м.

*mostьnica — мо̏сница (Лика), мошта̀ница } ж. 'мостки'
мо̀сница, ж. 'доска моста' (Хорватия, Славония)

*mostьnъjь — мо̏снӣ 'мостовой' (Stulli)

*mošьna — мошна, ж. 'кошелек' (Ant. Dalm. nov. tešt.)
мо̏шња, ж. 'кошелек' (Mikaļa и др.)
'стручок' (Pavlinović и др.)
'мошонка' (Stulli)
мо̑шња 'кошелек' (Cres)
мошње, ж. мн. 'мошонка' (Босния, Далмация, Черногория, Хорватия)

*mošnьica — мошница, ж. 'кошелечек' (Mikaļa)
мо̏шњица, ж. 'кошелечек' (Крк, Хорватия)
'мошонка' (Bjelost.)
'стручок' (Раб, Крк и др.)
мошнице, ж. мн. 'мошонка' (Караџић)

*motati(sę) — мо̀тати(се)

*motina — мотина, матина } ж. 'палка, жердь' (тимоч.-луж.)
мати̏на, ж. 'жердь, которой прижимают на возу сено' (Ел. I)
матина 'палка над очагом' (ЛМ, 126)[48]

*motovidlo? — мото̀вило, ср. 'мотовило'
мотовило 'мер(к)а (при измерении ткани)' (Вис.)

[48] Формы с *-а-* следует, видимо, считать вторичными (*матина*) по сравнению с формами с корневым *-о-* (*мотина*). Это замечание относится к целому ряду слов: *ма(о)товило*, *ма(о)тузица*, *ма(о)тика* (см. ниже).

Мотòвило } ср. (гидрон.)
Матòвило

*motovǫzica — мотузица } ж. 'веревка, завязка'
мàтузица (Караџић)

*motovǫzъ — мотуз, м. 'веревка, завязка'
мотуз, м. 'клубок, моток' (Брач)
мотвуз, м. 'род украшения на полотне' (Хорватия)

*motriti — мòтрити

*motulь — Мотул? (Мотуљ?), м., муж. имя

*motъka — мȍтка, ж. 'палка'[49]
мотка 'мера пряжи' } (Ел. I)
мȁтка = мотка

*motъkъ — мотак, м. 'моток ниток' (Šulek rječn.)

*motyka — мòтика, ж.
матйка, ж. 'мотыга';
'мера земли (особенно виноградника)' (Ел. I)
Мотика, ж. фамилия и топон.
Мотике, ж. мн. (топон.)[50]

*mozgovati — [мозговање, ср.]

*mozgovъ — мозгов 'мозговой' (Šulek rjěcn.)

*mozgъ 1 — мȍзак, м. 'мозг'

*mozgъ 2 — мозак, м. 'один из клиньев, соединяющих попарно части внешнего обода колеса' (Miličetić : Крк)

*mozolь — мозољ } м. 'чирей, мозоль' (Bjelost., Jambr. и др.)[51]
мозол
мозуљ
[музолац, м. 'чирей' (Врбник)]

*moždž- — мòждāк, м. 'клин, скрепляющий доски' (Pavlinović)

*moždžěn- — можденьак, м. 'род сверла' (Šulek rječn.)
'клин, скрепляющий две доски (в частности, две боковые доски в бочке)' (Hefele: Посавина)

*moždžěnikъ — можда̀нӣк, м. — то же, что *мозак* 2[52] (Караџић; Magazin 1873)

---

[49] Составители RJA (VII, стр. 26) пишут, что *мȍтка* 'палка' (к **motati*) первоначально имело значение 'палка, около которой что-л. наматывали'.

[50] Относительно этимологии — см. Фасмер II, стр. 665 (с литературой и дополнениями О. Н. Трубачева). Ср. еще русск. *мотыль* 'инструмент вроде кирки' (<**motylь*) (Мельниченко, стр. 113) и *мотырь* 'кол, вбиваемый наклонно над огнем для привешивания на него котла' (арханг. мезен.) (<**motyrь*) (Данилевский. Дополнение к Опыту, стр. 10).

[51] О существующих этимологических версиях — см. Фасмер II, стр. 638—639. Ср. с.-хорв. *музолац* и русск. *музóль*, *музлú* (вторичное удлинение *о* > *у*).

[52] Относительно с.-хорв. *можда̀нӣк*, м. 'скрепляющий клин' были выдвинуты разные этимологические гипотезы.

Составители RJA сравнивают это с.-хорв. слово с лит. *mezgu* 'связывать, плести', *mãzgas* 'узел', нем. *Masche* 'петля, спонка' (VII,

*moždžěnъ(jь) — мождан (Stulli и др.)
мо̏жданӣ
можден (Proroci, Pavlinović и др.)
*moždžěny, — мо̏ждāни, м. мн. } 'мозг; мозговое вещество'
*moždžěna можденa, ср. мн.
*moždžidlo — мождило, ср. 'род орудия' (Šulek rječn.)
*moždžina — мо̀ждина, ж. 'костный мозг'
*moždžiti 1 — мо́ждити 'давить, мять' (ИТ)
мо̀ждити (RJA)
*moždžiti 2 — мождити 'скреплять клиньями' (Šulek rječn.)
*moždžьсь — мо̀ждац, м. 'скрепляющий клин' (Далмация, Лика)
?*možьnъ — мо̏жан 'сильный, мощный' (Zoranić; Osvetn.) 'возможный' (Kavańin и др.) 'способный, могущий' (Marulić; Osvetn.)
*mǫčitelь — му̏читељ, м.
*mǫčiti(sę) 1 — му̏чити (се) 'мучить(ся)'
*mǫčiti 2 — мучити 'посыпать мукой' (Bella)
*mǫčьnъ(jь) — му̏чан } 'мучительный'
му̏чнӣ
*mǫčьnъ(jь) 2 — мучан } 'мучной' (Stulli и др.)
мучни
*mǫdastъ — мудаст (Šulek rječn.) } '(bene) testiculatus'
*mǫdatъ — му̏дат (Караџић)
*mǫdo — му́до, ср. 'мошонка' (Bella, Караџић и др.)
*mǫdrica — му̏дрица, ж. 'мудрая женщина'
Мудрица, ж. фамилия
*mǫdrina — мудри̏на, ж.
*mǫdriti — мудрити
*mǫdrostь — му̏дрōст, ж.
*mǫdrota — мудрота, ж. 'мудрость' (Караџић: из нар. песни)
*mǫdrovati — мудро̀вати
*mǫdrъ(jь) — му́дар
му̑дрӣ

стр. 32). К этому же корню *mă/čzg/k- по Оштиру (см. K. Oštir. Japodi. — Etnolog III, 1929, стр. 103) относятся русск. *мазгáрь*, *мизгúрь* 'паук' < **mazgarь*, **mězgyrь*. В таком случае главный семантический признак, легший в основу названия (в слове *можданик*), — это 'связующий, связь'. О связи словен. *mozník*, *zamuzka* с лит. *mazg-*, *mezg-* 'вязать узел' см. уже у Зубатого (J. Zubaty. Etymologien. — AfslPh XV, 1893, стр. 479).

С другой стороны, выдвигалось предположение о том, что данное с.-хорв. слово (вместе со словен. *mozník*, *zamôzka*, *mozgâj*, чеш. *mozek*, польск. *możdżeń* со значениями, близкими с.-хорв. слову, — 'скрепляющий клин, шип') связано со слав. **mozgъ* (1) и сравнимо с греч. *μόσχος* 'ветвь, порог, отросток' (K. Strekelj. Slavische Wortdeutungen. — AfslPh XXVII, 1905, стр. 55—56).

Родственными с.-хорв. слову являются с.-хорв. *мо̀ждāк*, *можде́њак*, *мо̀ждац*, *мозак* 2.

*mǫdrьcь — му̀драц, м.
мудàрац, м. (Bella, Stulli и др.)

*mǫdьnъ — мудан } 'genitale'
мудни } (Bella, Voltiģ., Stulli)

*mǫka 1 — му̏ка, ж. 'мучение'

*mǫka 2 — му̏ка, ж. 'мукá' (диал.) (ИТ)
му́ка, ж. (RJA)
мука 'хлеб из покупной муки' (Миħ. 96)
мӯкȁ 'мукá' (Sus. 168)
му́ка 'род мучной каши' (около Сплита); 'кукурузная мука' (Maš. 442)

*mǫtežь — му̑теж, м. (ИТ), м. и ж. (RJA)

*mǫtina — мутина, ж. 'навоз' (Pavlinović)

*mǫtiti (sę) — му̑тити (се)

*mǫtь(ъ) — му̑т, м. 'муть; осадок; тьма' (Stulli, Popović, Iveković)
му̂т 'осадок, муть, подонки' (Sus. 168)

*mǫtьnъ(jь) — му̑тан
му̑тнӣ

*mǫž- — мужак, м. 'мужчина' (Budmani и др.)
'самец (у птиц)' (Reļković и др.)
му̀жјāк, м. 'самец у животных' (Караџиħ)

*mǫžatica — му̀жатица, ж. 'замужняя' (Bella, Stulli, Караџиħ)
'блудница' (Караџиħ)

*mǫžati sę — мужати се 'мужаться, быть мужественным' (Stulli; Glasnik)

?*mǫžica — мужица, ж. 'блудница' (Хорватия)

*mǫžiti sę — мужити се 'выходить замуж' (стар.—Даничиħ)

*mǫžь — му̑ж, м.

*mǫžьskъjь — му̏шкӣ
мужаски (RJA)

*muditi — мудити 'терять время' (Bjelost., Voltiģ., Stulli)

*muxa — му̏ха, ж.
му̏ва, ж.

*mukati — му́кати

*muknǫti — му́кнути

*mukъ — му̑к, м.

*muklica — му̀клица, ж. 'кровоточащая ссадина, опухоль (у лошадей)' (Stojanović)

*muklivъ — му̀кљив 'мокрый, влажный' (Караџиħ: западн.; Bogdanović: Лика)[53]

---

[53] Согласно Фасмеру, Петерссон дает с.-хорв. *му̀кљив* в одном ряду с греч. *μύξα* 'слизь', лат. *mūcus* 'слизь, сопли', ирл. *mocht* 'мягкий, короткий', лтш. *mukls* 'топкий' (см. Ф а с м е р III, стр. 16—17), см. еще: P o k o r n y (I, стр. 744), где также к **meuk-*. Составители RJA считали с.-хорв. *му̀клица*, ж. 'болезнь (у лошадей)', определяемая ими синонимом *кр̏вавица* (характерным признаком этой последней является кровь, сочащаяся сквозь

*mulica 1 — мулица, ж. кличка овцы (вероятно, безрогой) (Kurelac)
мулица, ж. 'курица без хохла' (Kurelac)[54]
*mulica 2 — му̏лица, ж. 'колбаса' (Истрия)[55]
*mulina — мулина, ж. 'род земли' (Полици)
муљина, ж. 'песчаная земля' (Черногория)
Мулина, Муљина } ж. (топон.)
*muliti 1 — му́лити 'крошить, дробить' (Риека, Бакар)
'шелушить, лущить' (Лика, Бакар)
'обрывать листья с ветвей' (Лика)
муљити — то же (Лика и др.)
*muliti 2 — му́љити 'наносить ил' (Reȷković; Bogdanović: Лика)
*mul'adlo — му̏љало, ср. 'мялка, давило (для винограда)' (Караџић)
муљало — то же (ФГ)
*mul'ati — му̏љати 'мять, давить' (Караџић)
му́љати 'жевать, чавкая (шамкая)' (Bella)

кожу), неясным словом. Думается, что оно состоит в непосредственном родстве с *му̀кљив* на основе их самой тесной семантической близости: 'влажный изнутри (сочный)' — 'сочащийся, просачивающийся сквозь кожу'.

На наш взгляд, данные с.-хорв. примеры могли бы быть объяснены и иным образом — через связь с чеш. *mlklý* 'сырой', *mlkvý* — то же, слвц. *ml'kvy* 'сырой, незрелый', которые приводятся Фасмером (II, стр. 645) в качестве родственных (с другой ступенью корневого вокализма) др.-русск. *молокита* 'болото, топь', с.-хорв. *мла̏ка* 'водянистая почва' (<**molk-*), далее — к русск. *молоко́*, с.-хорв. *мле́ко* (<**melk-*). Следовательно, здесь представлены случаи чередования **molk-*/**melk-*/**mьlk-* (**mъlk-*?) — и тогда *му̀кљив*, *му̀клица* <**mьlkl-ivъ*, *-ica* (ср. аналогичные в отношении фонетической эволюции с.-хорв. *мустаћ* < **mьlst-*, *му́кнути* < **mьlknǫti* и другие.

[54] С.-хорв. *мулица* (а также: *мулеш*, *мулин*, *мулак*) приводятся как клички животных (очевидно, комолых) — см. RJA VII, стр. 147. Там же они сопоставляются со словенскими *mula*, *mulec*, *mul*, имеющими близкие значения, а также — с с.-хорв. глаголом *му́лити* 'дробить, крошить; лущить; обрывать (листья)', словен. *múliti* 'обрывать (листья)'. Словенские слова (без сербохорватских соответствий) связываются обычно с лит. *mùlas* 'комолый', лтш. *mūlis* 'комолый бык, вол', *mūle* 'комолая корова' — см.: К. Буга. Славяно-балтийские этимологии. — РФВ LXXII, 1914, стр. 193; J. Otrębski. Studia indoeuropeistyczne. Wilno, 1939, стр. 6, 203; F. Bezlaj. Eseji o slovenskem jeziku. Ljubljana, 1967, стр. 101 (источником словенского *mul-* Ф. Безлай считает иллирийское **mūllo*).

[55] С.-хорв. *му̏лица*, ж., приводимое в RJA со ссылкой на одного автора (Nemanić) в значении 'kobasica, farcimen' (='колбаса'), имеет соответствие в словенском и характеризуется как «темное». Думается, что это слово должно быть связано с *му́лити* 'дробить, мельчить, крошить', т. е. *му̏лица* — это первоначально 'дробленая (рубленая?)' (колбаса), ср.: *кобаса* — ... 'црево танко или дебело надевено исецканијем сланијем месом и сланином' (RJA V, стр. 134) (='тонкая или толстая кишка, начиненная рубленым соленым мясом и салом'). См. еще латинский семантический эквивалент к с.-хорв. словам *му̏лица* и *кoба̏сица* — *farcimen*, что значит не только 'колбаса, сосиска', но и 'фарш, начинка'.

*mulь 1	—	му̑љ, м. 'ил, муть'
*mulь 2	—	му̑љ, м. то же, что *муљало* (Караџић : Черногория)
*mumati, *momati	—	му̏мати 'бормотать, ворчать' (Дубровник) 'жевать чавкая, шамкая' (Mikaļa, Stulli)[56]
*mumiti, *momiti	—	мумити 'реветь (о медведе)' (Stulli) 'мычать (о корове)' (Nar. prop. vrč.)
*mura 1	—	му̏ра, ж. 'ил, грязь' (Караџић : Бачка) 'строительный раствор' (Šulek rječn.) мура, ж. 'плодородная земля' (Сербия) Мура, ж. (топон. и гидрон.)[57]
*mura 2	—	Мура, ж. кличка пса (Trateńak); кличка козы (Hirc : Славония)[58]
*murava	—	му̏рава, ж. 'род морской травы' (Караџић : Рисна; Slovinac : чакав. и др.)
?*murmurati	—	мурмурати то же, что морморати (см. RJA)
*murъ 1	—	мур, м.? (ж.?) 'мелкий песок' (Šulek rječn.)
*murъ 2	—	мур, м. 'пес' (южноморавск. говор в Сербии)
*murьnica	—	мурница, ж. 'илистая земля' (Kurelac)
*mušica	—	му̏шица, ж.
*mъxastъ	—	ма̏хаст 'моховой, мшистый' (Bella, Stulli, Voltiģ.)
*mъxatъ	—	ма̀хат — то же, что ма̏хаст (Nar. pjes. ћörm.)
*mъxorъ	—	махор 'пушок, первые волосы на лице у юноши' (Ровинский: Черногория)[59]
*mъxovina	—	ма̀ховина, ж. маовина 'пакля' (ЛМ)
*mъxъ, *mъxa	—	ма̏х, (ма̑х) м. 'мох' (Reļković, Nemanić и др.) 'плесень' (Караџић) 'пушок, первые волоски на лице у юноши' (Zoranić и др.)

[56] С.-хорв. *мумити*, *му̏мати*, а также *му̀млати* 'бормотать, ворчать' (Караџић), *му̀мљати* 'бубнить', 'реветь (о медведе)', 'жевать, слишком сильно двигая челюстями', *мумнити* 'ворчать; рычать' (Radojević), *мумољити* 'шамкать, чавкать' (Bošković), *му̏моњити* 'бормотать, ворчать' по Бернекеру — образования звукоподражательного характера, имеющие многочисленные соответствия в славянских и других и.-е. языках (эти слова объединяются под праформой **mom-ati*).

[57] Данные с.-хорв. слова должны быть соотнесены с чеш. *mour* 'сажа, чад', слвц. *múr* — то же, русск. *мур* 'плесень', затем — с лит. *máuras*, мн. *mauraĩ* 'грязь, ил'; с другой ступенью вокализма: лит. *mūras* 'размягченная земля, грязь' и др.; далее — к *мул* 'ил' (см. Ф а с м е р III, стр. 10—11 — без с.-хорв. примеров).

[58] С.-хорв. *Мура*, ж. кличка пса, козы, *мур*, м. 'пес' (вероятно, о темных, черных животных) следует связывать с русск. *му́рый*, *сму́рый* 'темно-коричневый', чеш. *moura* 'серая (бурая) корова', словен. *mȗr* 'черный конь', *mura* 'черная кобыла', далее — с греч. ἀμαυρός 'темный' (см. Ф а с м е р III, стр. 15 — без с.-хорв. и словен. примеров).

[59] С.-хорв. диал. *махор*, обнаруженное нами у П. Ровинского (П. Р о в и н с к и й. Черногория в ее прошлом и настоящем. СПб., 1905. Сб. ОРЯС, т. XXX, № 2, стр. 661), имеет соответствия в русск. *мохо́р*, м., *мохра́*, ж., блр. *мохра́*, ж. — см. Ф а с м е р II, стр. 366 (без с.-хорв. примера).

'пушок у птенцов' (Marulić)
'мелочь' (Vetranić и др.)
ма́ха, ж. 'mosco' (Budmani)

*mъknǫti (sę) — ма̀кнути (се)
*mъkti (sę) — ма̀ħи (се)
*mъlinica — млѝница, ж. 'мельница; ограда вокруг мельницы' (Bella, Stulli, Караџиħ)
млиница 'водяная мельница' (Кап.)
малѐница, ж. (Истрия)
ма̏леница } ж. 'мельница'
малени̏ца } (Nemanić)
Млиница, ж. (топон.)
Млинице, ж. мн. (топон.)
*mъliniščе — млѝнӣште, ср. 'земля, на которой стоит мельница' (Даничиħ и др.)
'место, где прежде была мельница' (Bogdanović: Лика)
Млиниште, ср. (топон.)
*mъlinъ — млѝн, м.
мѐлин (Црес)
ма̏лин (чакав.)[60]
*mъlni — му́ња, ж. 'молния'
муња 'гром' (Куч.)
муњаја 'молния' (Lex.)
*mъlniti — муњити 'сиять, блистать' (Mikaļa и др.)
*mъlnitva — му̀нӣтва, ж. 'обман' (Караџиħ)[61]
?*mъln'enъ — муњен 'пораженный молнией' (Kavańin)
'глупый; сумасшедший' (Kavańin, Bogdanović: Лика; а также — Бакар, Крк, Истрия, хорв. Приморье)[62]

---

[60] С.-хорв. *млѝн*, м. 'мельница' (вместе с русск. *млин*, чеш. *mlýn*, словен. *mlîn* и др.) обычно считают заимствованием из др.-в.-нем. *mulîn* или нар.-лат. *molīnum* (см. Фасмер II, стр. 632), однако М. Тентор рассматривает его как исконное образование (M. Tentor. Prilog Bernekerovu rječniku. — ЈФ V, 1925—1926, стр. 213).

[61] С.-хорв. *му̀нӣтва* приводится как «темное» (см. RJA VII, стр. 153), Ф. Безлай связывает его с с.-хорв. (чакав.) *муњав* 'smušen' (в RJA этого слова нет), словен. *molnjen*, *molnjav* (диал.) и *mûnjen* 'безумный', далее (с другой ступенью вокализма) — с русск. *мылить* 'обманывать; шутить; мешать', укр. *милити* 'вводить в заблуждение', чеш. *mýliti* 'приводить в беспорядок' и др., затем (с другим вокализмом) — словен. *mlẹ́viti* 'мешкать', русск. *моловить* 'казаться', а также — н.-луж. *moliś* 'обманывать' — все к и.-е. корню **mel-* 'обманывать' (Ф. Безлай. Опыт работы над словенским этимологическим словарем. — ВЯ, 1967, № 4, стр. 47—48).

[62] Существует мнение о связи с.-хорв. *му́њен* с глаг. *му́њити* 'сиять' и далее — с *му́ња* 'молния' (см. RJA VII, стр. 155). Это предположение кажется убедительным. Семантическая модель 'свет, блеск (молния)' → 'сумасшедший' реализуется в целом ряде примеров: русск. *луд* 'дурак', с.-хорв. *лу̑д* 'сумасшедший' и др. родственны русск. *луда́* 'ослепительная белизна снега при солнечном свете' (см. Фасмер II, стр. 528, где утверждается

*mъlnǫti — му́нути 'ворваться, выскочить' [63]
*mъnogъjь — мно̏гӣ
млȍгӣ (Славония и др.)
*mъnožati — множати (Stulli)
*mъnožiti(sę) — мно̀жити (се)
*mъrčati — мр́чати 'ворчать, рычать, злобиться' [64]
*mъrdati (sę) — мр̏дати (се) [65]
*mъrdnǫti (sę) — мр̏днути (се)
*mъrgoda? — мр̏года, м. [66]
*mьrgoda?
*mъrkъ — мрк, м. 'ворчание, бормотание' (Nemanić: Истрия)
*mъrky, -ъve — мр̏ква, ж.
*mъrmoriti — мр̏морити [67]
*mъrmorъ — мрмор, м.
*mъrmotati — мрмотати
*mъrmotъ — мрмот, м.

их родство); ст.-польск. *blesny* 'безумный' связывалось С. Роспондом с польск. диал. *blesk*, *bleskot-* < **blьsk-* (S. Rospond. Czy są nazwy miejscowe onomatopeiczne? — PJ 1964, t. 8, стр. 355).

[63] Составители RJA сопоставляют это слово с *му́ња* 'молния', т. е. *му́нути* — 'ворваться (вырваться) с быстротой молнии' (RJA VII, стр.153).

[64] С.-хорв. *мр́чати* 'ворчать, рычать; злобиться', а также *мрк* 'ворчание' следует связывать с русск. *моркота́ть* 'ворчать', укр. *моркнути* — то же, словен. *mŕkniti* — то же, польск. *markotać* — то же, чеш. *mřkotati* 'бранить' < **mъrk-*, звукоподражательного характера (см. Фасмер II, стр. 656 — без с.-хорв. соответствий).

[65] С.-хорв. словам, восходящим к **mъrd-*, соответствуют словен. *mŕdati*, болг. *мъ̀рдам*, *мрѐдвам*, *мрѐдна*, польск. *mardać*, *merdać*, др.-чеш. *mrdati* (все — с близкими значениями: 'двигать, тронуть, шевелить'), далее — лит. *murdyti* 'трясти' (см. RJA VII, стр. 52—53). Сравнение с с.-хорв. *вр̏днути* (Iveković-Broz I, стр. 709), очевидно, следует отвергнуть.

[66] С.-хорв. *мр̏года*, м. 'хмурый человек' составителям RJA (VII, стр. 59) казалось затруднительным в семантическом отношении связать с русск. *морга́ть* и — в фонетическом — с с.-хорв. *мр̏кнути* 'меркнуть, темнеть', однако в современной науке утвердилось мнение об их родстве под общей праформой **mr̥k/g-* (см. Фасмер II, стр. 605, 652 и др.; Chr. S. Stang. L'alternance des consonnes sourdes et sonores en indo-européen. — «To Honor R. Jakobson» III, стр. 1890). В с.-хорв. языке также есть яркие примеры их общности — это случаи, когда слова с основами *мрк-* и *мрг-* употребляются в одних и тех же значениях: *мркосити*=*мргодити се* 'хмуриться', *мргуда*=*мрка* 'кличка темной (черной) овцы' (RJA VII, стр. 67, 59 и 62).

[67] С.-хорв. слова со значением 'бормотать, ворчать', объединяемые праформой **mъrm-* (звукоподражательного характера) (кроме *мрморити* и *мрмотати* это еще и *мрмљати*, *мрмаљати*, *мрмљити*, *мрмњати*, *мрморати*, *мрмошати*, *мрмошити* и др.), имеют соответствия в славянских (русск. диал. *мормота́ть*, словен. *mrmráti*, болг. *мърмбря*, слвц. *mrmrat'*) и других и.-е. языках (лит. *murmėti*, лат. *murmurō*, арм. *mŕmŕam* и т. д.) — см. Фасмер II, стр. 566, а также — Fr. Sławski. Рец. [С. Младеновъ. Етмологически и правописенъ речникъ.] — RS, т. 16, ч. 1, 1948, стр. 93.

*mъrsiti (sę) 1 — мр̏сити (се) ʽесть скоромное'
ʽдавать лизать соль (скоту)'[68]
*mъrsiti(sę) 2 — мр̏сити (се) ʽзапутать; смущать, приводить в замешательство'; ʽстирать, уничтожать'
*mъrsivo — мрсиво, ср. ʽскоромная еда' (боснийско-герцегов.)
*mъrska — мр̏ска, ж.
*mъrskati — мр̏скати ʽморщить' (Stulli)
*mъrskavica — мрскавица, ж. ʽхрящ'
*mъrsъ 1 — мр̑с, м. ʽскоромная пища', ʽвремя, когда разрешалось есть скоромное'
мрс ʽсырье (жир) для мыла' (ЈШ)
мрс ʽчерный прыщ'; ʽмасноћа, смок' (Kan.)
*mъrsъ 2 — мрс, м. ʽпутаница', ʽчто-н. запутанное' (Grupković, Baraković)
*mъrsьnъ(jь) — мр̑сан
мр̑снӣ (ИТ)
мр̏снӣ (Караџић)
мр̑снӣ (Хорватия)
*mъršča(d)lica — мр̑шталица, ж. (RJA) } ʽхрящ'
мр̀шталица, ж. (ИТ) }
*mъrščina — мр̏штина, ж. ʽморщина, складка' (Popović и др.)
*mъrščiti sę — мр̏штити се
*mъrzg- — мр̀ждерити } ʽморосить (о мелком дожде)'
мр̀ждорити } (тимоч.-луж. говор в Сербии)[69]
*mъs(ь)kъ, — ма́сак, м. (Караџић : Черногория)
*mьs(ь)kъ, — мазг } м. (Bjelost. и др.)
*mъzьkъ мезг }
мазаг, м. (Stulli)
мазак, м. (Voltiǵ. и др.)
ма̀зга, ж.
ма̀згōв, м.[70]

[68] См. славянские соответствия: словен. *mrsiti*, *mȓs*, *mrsen* и болг. *мрьсен* ʽгрязный' (RJA VII, стр. 79), а также ц.-слав. *мръсити* ʽfoedari', которое связывалось А. Беценбергером и А. Фиком с греч. μορύσσω ʽпачкать, грязнить' (см.: A. Bezzenberger, A. Fick. Nachträge zum indogermanischen Wörterbuch. — BB, VI, 1881, стр. 239). Составители RJA (там же, стр. 80) высказывают осторожное предположение о возможной связи *мрсити* 1 с *мрсити* 2 (последний имеет укр. соответствие *омерснути ся* ʽзапутаться'). Однако затруднения, вызываемые семантическими различиями данных глаголов (ʽпутать' и ʽесть скоромное'), могут быть поставлены под сомнение, если учесть значения прилаг. *мрсан*, зафиксированные в RJA (это не только ʽскоромный', но и, видимо первоначальные, — ʽжирный' и ʽгрязный, запачканный'), а также принять во внимание характерное сочетание значений ʽпутать, перемешивать' и ʽпачкать, марать', представленное, в частности, в с.-хорв. *брљати* и греч. φορύνω.

[69] Существует предположение о возможности связи этого с.-хорв. глагола с русск. *морозга́* ʽмелкий дождь', *морозжи́ть* ʽморосить' (RJA VII, стр. 104).

[70] Данное слово широко распространено как в славянских языках, так и за их пределами — в алб., рум. и т. д. Обычно источником этого бродя-

*mъstъ, — мȁст, м. 'виноградное сусло'[71]
*mьstъ
*mъševina — мàшовина, ж. 'мох' (Pavlović)
*mъšina — мàшина, ж.
*mъšiti — машити 'затягивать лужу мхом' (Hefele : Бистрац)
?*mъšьkъ — ма́шак, м.
*mъždžiti — маждити } 'моросить, накрапывать (о дожде)'
ме́ждити } (Grupković : Сев. Далмация)
мажђити — то же (Zore paļetk., Pavlinović)[72]
*my — мȋ, мест. 1. л. мн. ч.
*mydlo — мȉло, ср.
*mykati — мȉкати 'двигать' (Skok)
мȉкати 'трепать (чесать) (лен, шерсть)' (Bjelost., Jambr. и др.; Ivšić: Хорватия)
[мȉцати 'двигать', 'взвешивать']
*myknǫti — мȉкнут '(с)двинуть' (Ел. I)
*mysliti (sę) — мȉслити (се)
*myslь — мȋсао, ж.
мисаљ, м. (Pavlinović)
*myslьnъ — мȉслен
мȋсаон
?*myšelovica — мишоловица, ж. 'мышеловка' (Rešetar : Прчањ)
?*myšelovъ — мишолов, м. 'вид рыбы' (Medić)
?*myšelovъka — мишо̀ло̄вка, ж. 'мышеловка' (Stulli и др.)
'вид змеи' (Zborn. za nar. živ.)
'вид птицы' (Караџић)
*myšica 1 — мȉшица, ж. 'мышь (самка)'
*myšica 2 — мȉшица, ж. 'мышца'
'часть руки от плеча до кисти (или до локтя)'
?*myšl'ati — мишљати 'размышлять' (в песнях)
*myšь — мȉш, м.
*myšьca — мишца, ж. 'часть руки от плеча до кисти (или до пальцев)' (Даничић и др.)
*myšьjь — мȉшјӣ
?*myšьka — мȉшка, ж. 'часть руки от плеча до локтя, кисти или пальцев'; 'мускул' (Šulek rječn.)
?*myšьkъ — мишек, м. 'мускул' (Bjelost.)

чего слова считают иллирийский — см. Фасмер II, стр. 607 (где представлены и другие этимологические версии).

[71] С.-хорв. *мȁст*, м. (вместе с русск. *мост* 'сусло, сок', болг. *мъст* и др.) считают заимствованием из лат. *mustum* 'сусло' — см. Фасмер II, стр. 663.

[72] С.-хорв. слово должно быть соотнесено с русск. *можжи́ть* 'мочить, замачивать', *мзга* 'сырая погода', 'гниль, плесень' — см. Фасмер II, стр. 617, 637, где приведены только русские примеры.

*myšьnica — мишница, ж. 'часть руки от плеча до кисти (или до пальцев)' (Radnić и др.) 'часть руки от плеча до локтя' (Bella и др.)
*myta — мита, ж. 'подкуп, взятка' (Bjelost.)
*myti — мѝти
*mytiti — мѝтити
*myto — мѝто, ср. 'плата, награда' (Kožičić и др.) 'подарок, дар' (Bjelost.) 'подкуп, взятка'
*mytъ — мȋт, м. 'плата' (Zoranić) 'подкуп, взятка' (Даничиħ, Stulli и др.)
?*mytьnikъ — мȋтнӣк, м. 'взяточник'
*myvadlišče — мивалиште, ср. 'место, где умываются' (Bjelost., Voltiġ.)
*myvadlo — мивало, ср. 'умывальник' (Bjelost., Voltiġ.) 'мыло' (Kurelac)
*myvati — мивати 'умывать' (Bjelost., Voltiġ.)
*mьčь — мȁч, м.
меч. м. (чакав.)
*mьčьnъ — мȁчан 'относящийся к мечу'
*mьdloba, *mъdloba — млоба, ж. 'слабость' (Marulić)[73]
*mьdlobьnь, *mъdlobьnъ — млобан 'слабый' (Marulić, Lucić, Gazarović)
*mьgla — мàгла, ж.
*mьglica — мàглица, ж.
*mьglina — мàглина
маглѝна, ж.
*mьgliti (sę) — мàглити (се)
*mьgnǫti — мàгнути
*mьlčati — мỳчати
*mьlknǫti — мỳкнути
*mьlkъ — мȗк, м.
*mьlnъ — мȗн. м. 'ручка от жернова' (Крк)[74]
*mьlsa — мȗса } ж. 'древесный сок'
мýса }
Муса (<Мльса), м. муж. имя (Glasnik)[75]

---

[73] Составители RJA относили это слово к корню *mьdl- (*mъdl-), сравнивая с чеш. *mdloba*, укр. *млоба* и др. (см. RJA VI, стр. 932).

[74] В RJA приводится как темное. П. Скок (Эт.) объясняет из *mьlnъ — далее к *molnъ (с.-хорв. *млан*) и к *melti* (с.-хорв. *мљѐти*).

[75] Составители RJA считают имя *Mlьsa* (стар.) неясным. Кажется, его возможно связать с *мýса* 'древесный сок' — и затем с русск. *молсáть* 'сосать', чеш. *mlsati* 'лизать, облизываться', польск. *pomłoski* 'лакомства, сласти' (см. RJA VII, стр. 163).

*mьlsavъ? — му̏сав 'грязный, запачканный' (Славония)[76]
*musavъ?
*mьlst- — мустаħ, м.[77]
*mьlza — му́за, ж. 'дойная корова (овца, коза)' (Караџиħ: горное Приморье)
*mьlzava — Музава, ж. кличка коровы
*mьlzga — му̏зга, ж.
*mьlzgati? — музгати 'пачкать' (Stulli)
*mьlzivo — мѝзиво 'молозиво' (Skok)
*mьlzlica — му̏злица, ж. 'подойник'
*mьlznǫti — музнути (диал. — Belić)
*mьlzti — му̏сти
(< *melzti)
*mьlzьnica — музница, ж. 'подойник' (Kurelac; Zoričić)
му̏зеница, ж. 'дойная корова (овца, коза)' (Лика)
му́зница 'дойная овца' (Вук.)
'овца, которая дает много молока' (Шаул.)
мӯзни̏ца, ж. 'дойная корова, дающая много молока' (Ел. I)
*mьlzьna — музна 'дойная' (Osvetn.)
*mьlz- — му̏зи̏ља, ж. 'доильщица'
*mьlža — му̏жа, ж.
*mьniti 1 — ма́њити 'уменьшать'
*mьniti 2 — мни̏ти 'мнить, считать, полагать'
мли̏ти — то же (диал.)
*mьn'ati — мњати 'мнить' (Postila и др.)
*mьn'e (je) — ма̏ње 'меньше', нареч.
*mьn'ьjь — ма̏њӣ 'меньший'
*mьnь — [ма̀ниħ (Караџиħ) / мањак (Vijenac) / мењек (кайк.)] м. 'род рыбы — Lota bulgaris Cuv.']
*mьnьšati (sę) — маньшати (се) 'уменьшать(ся)' (стар.)
*mьnьšiti — ма̀њшити
*mьnьšьjь — ма̏њши 'меньший', ср. степ. от *ма̏о* (стар. чакав.)

---

[76] Слово считается темным (см. RJA VII, стр. 164). Оно сопоставляется (там же) с кайк. *musa* 'грязная женщина (корова)', *musača* 'грязная корова' (примеры приводятся со ссылкой на словарь Плетершника). Нельзя ли связать эти слова с **mьls-* 'сосать', предположив такую семантическую эволюцию: 'сосать' → 'сосать, слюнявить, пускать слюни' → 'пачкать слюною; грязнить'? Или, скорее, — с русск. *муслить* 'слюнить, пачкать слюною; сосать', *за(об)му́слить* 'запачкать', *мусляк* 'слюнявый, неопрятный' (< **mus-*)?

[77] Слово *мустаħ* 'оно земље што се увукло у воду', сопоставляемое Фасмером (II, стр. 647) с русск. *мблость* 'непогода, слякоть', приводится им с пометой «с.-хорв.», однако оно не фиксируется с.-хорв. словарями (RJA, Iveković-Broz). Ф. Безлай дает его лишь в качестве локального слова, отмеченного в нижнем течении Неретвы (см.: Ф. Безлай. Опыт работы над словенским этимологическим словарем. — **ВЯ**, 1967, № 4, стр. 53).

*mьrcati — мрцати ʻтемнеть, меркнуть’ (Starine)
*mьrčati — мр̀чати ʻсмеркаться’
*mьrčava — мр̀чава, ж. ʻчащоба; мрак’
*mьrčina — мрчина, ж. ʻтемнота, мрак’ (Osvetn.)
*mьrčiti(sę) — мр̏чити (се) ʻмазать(ся), грязнить(ся)’
мрчити ʻчернить, красить в черный цвет’ (Kan.)
*mьrčьnъ — мр̏чан ʻчерный, темный, мрачный’
*mьrxa 1 — мрха, ж. ʻтруп, падаль’ (Bjelost., Nemanić: Истрия)[78]
*mьrxa 2 — ма̂рва, марха, мрха } ж. ʻскот’[79]
*mьrkati 1 — мр̏кат ʻкивать головой («клевать носом»), когда засыпаешь сидя’ (Cres)
*mьrkati(sę) 2? *mъrkati(sę)? — мр́кати се ʻспариваться’ (о животных: овцах, козах, рыбах)
мркати ʻупаљивати се’ (о кошках)[80]
*mьrknǫti — мр̏кнути ʻтемнеть, меркнуть’
*mьrkti — мр̏ћи — то же
*mьrkъ 1 — мр̑к ʻтемный, смуглый, мрачный’
*mьrkъ 2 — мр̑к, м. ʻспаривание’ (овец, коз)
*mьrlina — мрлина, ж. ʻтруп; падаль’[81]
*mьrl’ati? *mъrl’ati? — мр́љати ʻпачкать, грязнить’[82]
*mьrl’avъ — мр́љав ʻгрязный’ (Stulli)
*mьrlь, *mьrl’a — мрљ, м. (Bella, Stulli), мр́ља, ж. (Popović) } ʻпятно’

---

[78] С.-хорв. *мрха* вместе с другими славянскими соответствиями (словен. *mȓha*, чеш. *mrcha*, польск. *marcha*) возводятся к **mьr-*/**mer-* (см. RJA VII, стр. 59).

[79] Это слово рассматривается как заимствование из др.-в.-нем. (см., в частности, RJA VII, стр. 59; VI, стр. 472).

[80] С.-хорв. *мр́кати се* ʻспариваться’ (сюда же составители RJA присоединяют и *мркати* ʻраспаляться’ (о кошках), *мр̑к*, м. ʻслучка овец’), а также блр. *меркáч* ʻбаран’ и болг. *мъркам се* ʻспариваться’ (об овцах), болг. диал. *мъркалéц* связывают с русск. *мерéча* ʻболото’ (смол.), укр. *мороквá* — то же, далее — с лит. *meȓkti* ʻмочить’, *miȓkti* ʻмокнуть’, затем — с другим расширителем — русск. *моросúть*, др.-инд. *marṣati* ʻопрыскивает’ и др. (см.: О. Н. Трубачев. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960 г., стр. 81; Фасмер II, стр. 602—603, где приведена обширная литература).

[81] С.-хорв. слово имеет соответствия во многих славянских языках: словен. *mrlína*, кашуб. *myrlina*, чеш. диал. *mrlina*, *mrlena* и др.

[82] Данное с.-хорв. слово, по мнению составителей RJA, — образование звукоподражательного характера: ср. с близкими значениями с.-хорв. *бр́љати* и *пр́љати* (см.: RJA VII, стр. 70). Эту точку зрения разделял и П. Скок, который присовокуплял сюда же *мрљ*, м., *мр́ља* ж. ʻпятно’ (Skok Et.).

*mьrsknǫti? — мрснути (Grupković : Далмация; Rosa) } 'быстро вбежать, выскочить'[83]
*mъrsknǫti? — мршнути (Черногория) } 'быстро вбежать, выскочить'[83]

*mьrša, — мр̏ша, ж. 'падаль; худоба'
*mьršь — мрш, ж. 'труп' (Starine)[84]
*mьršavъ — мр̏шав 'худой; плохой, слабый; скудный'
*mьrtvica — мр̏твица, ж. 'мертвая' (Bella и др.) 'вялая' (Лика)
*mьrtviti — мртвити 'умерщвлять' (Stulli)
*mьrtvъ — мр̏тав
*mьrtvьcь — мр̏тавац, м.; мрта́вац, м. (Starine и др.)
*mьrtvьnъ — мртаван 'смертельный' (Danilo)
*mьrtъ — мрт 'мертвый'
*mьrtьcь — мр̏тац, м. (Mikaļa и др.)
*mьrva — мр̏ва, ж.
*mьrvica — мр̏вица, ж.
*mьrvina — мрвина, ж. 'крошка' (Bjelost.), 'опилки' (Bjelost., Jambr.)
*mьrviti — мр̏вити
*mьrvьcь — мрвац, м. 'моль' (Medić)
*mьrza 1 — мр́за 'ненавистный человек' (Novaković); Мрза, ж. жен. имя
*mьrza 2 — мрза, ж. 'род болезни (озноб)' (диал.)
*mьrziti — мр́зити 'ненавидеть; питать отвращение'
*mьrzlica — мр̏злица, ж. 'лихорадка', 'обмороженное место'
*mьrzlь — мр̏зао, ж. 'мороз' (Bogdanović : Лика)
*mьrsznǫti 1 — мр̏знути 'мерзнуть'
*mьrznǫti 2 — мр̏знути 'становиться мерзким'
*mьrzostь — мр́зо̄ст, ж.
*mьrzota — мрзота, ж. 'ненависть, злоба; отвращение'
*mьrzъkъ(jь) — мр̏зак, мр̏скӣ 'ненавистный, противный'
*mьrzьnъ 1 — мрзан 'холодный' (Marulić)
*mьrzьnъ 2 — мр̏зан 'ненавистный, противный'

---

[83] Слово считается темным (см. RJA VII, стр. 81). Его следует, видимо, объединять с чеш. *mrskati* (sebou) 'быстро двигаться, сдвинуться', *mrskati* (koho) 'хлестнуть', в.-луж. *morskać* 'сильно ударить, отлупить', польск. *mierskać* — то же — см. о них (но без с.-хорв. примера) В. Махек (V. Machek. Slavische Verba mit suffixalem *sk*. — SR X, 1957, стр. 74) и — ранее — А. Шахматов. (К истории звуков русского языка. ИОРЯС, т. VII, кн. 2, 1902, стр. 344).

[84] Ср. укр. *мерша* 'падаль' (Гринченко II, стр. 419), а также болг. *мѣрша* — то же, далее — через **mьrx* — к **mьr-/*mer-* см.: P. Skok. O bugarskom jeziku u svjetlosti balkanistike. — JФ XII, 1933, стр. 85—86 (без укр. параллели).

Л. В. Куркина

К РЕКОНСТРУКЦИИ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ ОСНОВ С ДИФТОНГОМ НА *-u̯*.

Унаследованные индоевропейские дифтонги со вторым компонентом *-u̯* (*-ĕu̯*, *-ŏu̯*, *-āu̯*) подверглись монофтонгизации на раннем этапе развития праславянского языка. Отражение дифтонгов зависело от позиции по отношению к следующему звуку: перед гласными это *-ev*, *ĕv*, *ov*, *av*, перед согласными *-u*. Новые отношения перекрывали древнее и.-е. чередование *ŏu̯* : *ŭ*, которое отражалось в праславянском в позиции перед следующим согласным как *u* : *y*, *u* : *ъ*[1].

В сложном комплексе проблем, связанных с отражением дифтонгов на *-u̯* в славянских языках, как наиболее существенные можно выделить три вопроса: 1) чередование *eu̯* : *ou̯*; 2) чередование *u* : *y* в глагольных и именных основах; 3) так называемые билатеральные чередования в основах со структурой *cvcc* : *ccvc*, где *c* — согласный, *v* — гласный.

Происхождение чередований в связи со структурой корня, сфера действия того или иного чередования, направление развития его и многие другие вопросы являются основными, отправными моментами этимологических исследований.

Праславянская система чередований основ неоднократно перестраивалась, и во многом эти изменения были обусловлены процессом утраты основами исходной мотивированности. Фонетическая и семантическая удаленность основ привела к разрыву генетических связей. Собственно основная задача этимологии сводится к реконструкции исходных генетических отношений на основе закономерностей апофонического и семантического характера.

В предлагаемой работе делается попытка на основе разработанной теории чередований восстановить этимологические связи для некоторых основ, отнесенных этимологическими словарями к числу изолированных. Некоторые из них могут получить простое и, на наш взгляд, удовлетворительное объяснение, если

---

[1] С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, стр. 136, 194—198; G. Shevelov. A Prehistory of Slavic. The Historical Phonology of Common Slavic. Heidelberg, 1964, § 19.

предположить, что на более древнем уровне они подчинялись регулярным чередованиям.

Работа состоит из трех частей, в каждой из которых в соответствии с определенным типом чередований рассматриваются возможные этимологические связи основ.

I. *eu̯ : ou̯*

Древнее индоевропейское чередование *eu̯* : *ou̯* отражается в праславянском в виде *ju* : *u* независимо от интонации и фонетического окружения. Впервые на различное отражение этих дифтонгов в балтийских и славянских языках указал Й. Шмидт. В последовавшей за его выступлением дискуссии было уточнено и обосновано действие этой фонетической закономерности [2]. Основанием для реконструкции того или иного дифтонга служат показания языков, в первую очередь германских и балтийских, сохранивших различия дифтонгов *eu̯*, *ou̯* (ср. *eu̯* : *ou̯* > лит. *iau* : *au*, прусск. *eu* : *au*, др-в.-нем. *iu* : *au*).

Круг основ с чередованием *eu̯*: *ou̯* поначалу предполагался широким, но в дальнейшем видоизменялся, уточнялся и все более сужался по мере того, как осознавалось действие тенденции к выравниванию основ внутри парадигмы. Для праславянского реконструкцию этих основ правомерно ограничить случаями, где предполагаемое чередование имело своим следствием чередование заднеязычных — шипящих.

В этимологической литературе отмечено небольшое число основ с чередованием *eu̯* : *ou̯*, среди них **čučati*: **kučati* [3], **čuka*: **kuka* [4], **čudo*: **kuditi* [5], **čup-*: **kup-* [6], болг. *čur* 'дым': **kuriti* [7], словен. *čura* 'курица': **kurъ* [8], ц.-слав. *tuždь*: русск. *чужой* [9], **žuliti*: **guliti*, **žuriti*: **gurati* [10].

Выявление чередующихся основ требует определенных этимологических изысканий, и вероятность того или иного сближения зависит от достоверности выдвигаемой этимологии.

---

[2] См. J. Schmidt. Was beweist das *e* der europäischen Sprachen für die Annahme einer einheitlichen europäischen Grundsprache? — KZ XXIII, стр. 333 и след. См. обзор на эту тему: E. Berneker. Von der Vertretung des idg. *ĕu* im baltisch-slavischen Sprachzweig. — IF X, 1899, стр. 145—167; G. Jljinskij. Der Reflex des indogermanischen Diphthongs *ĕu* im Urslavischen. — AfslPh XXIX, 1—4, 1907, стр. 481—497.

[3] Berneker, стр. 161; Machek [1], стр. 78.

[4] А. М. Селищев. Старославянский язык. I. М., 1951, стр. 255.

[5] Machek [1], стр. 78.

[6] Sławski I, стр. 126—127.

[7] Младенов, стр. 689.

[8] Berneker, стр. 650.

[9] С. Б. Бернштейн. Указ. соч., стр. 197.

[10] Фасмер II, 65, 68, но отсутствует указание на возможность этого чередования в словарях Махека и Бернекера, ср. Machek [1], стр. 598, Berneker, стр. 362—363.

Ниже излагается попытка реконструировать чередование еще для трех пар основ, связь которых обычно игнорируется этимологическими словарями [11].

***čula-: *kula-**

Основу **čula-* характеризует довольно четкий ареал распространения. Наиболее широко и последовательно отражают эту основу карпатоукраинские г-ры: *чýлий* 1. 'безухий или с маленькими ушами (о животных)', 2. 'безрогий или с маленькими рогами', *чýлиться* 'прижать уши', 'съежиться', 'сердиться, хмуриться' 'повязать голову так, чтобы лоб был закрыт', *чулáвий* 'человек, которому не по себе' [12]. В южнославянских языках эту основу представляют с.-хорв. *чула* 'овца, у которой маленькие уши, или овца без ушей', прил. *чулав* [13], болг. диал. *чулó* 'животное без ушей', *чул* 'с отрезанным ухом', *чýла* 'овца с маленькими ушами', *чули* 'навострить уши', [14], словен. *čula* 'расколотый пень, кусок пня', 'болван', 'боров' [15], диал. *čúliti*, *čȗlim* 'навострить уши' [16].

Примерно в том же значении выступает слвц. *čulek* 'penis' [17], *čuła* 'коза', 'овца', *čulka* 'белая коза, овца' [18], *čul'ic śe* 'ежиться, сжиматься' [19].

Махек, рассматривая словацкие образования, связывает их с рум. *ciul* 'существо с маленькими ушами' [20].

Обращает на себя внимание формальное сходство корневой части, при условии чередования *e/o*, семантическая близость с основой **kul-*, представленной разными словообразовательными вариантами на более широкой территории. Полный обзор всех

---

[11] В работе частично используются материалы словарной и этимологической картотек Сектора этимологии и ономастики.

[12] С. Б. Бернштейн, В. М. Иллич-Свитыч, Г. П. Клепикова, Т. В. Попова, В. В. Усачева. Карпатский диалектологический атлас. М., 1967, Карта № 197.

[13] RJA II, sv. 5, стр. 99.

[14] Г. П. Клепикова. Славянская пастушеская терминология. Рукопись.

Семантика и ареал распространения основы **čula-* детально анализируются в главе «Некоторые термины пастушества, связанные с обозначением животных по внешнему виду, полу, возрасту».

[15] Pleteršnik I, стр. 117.

[16] F. Bezlaj. Slovenski jezik v luči leksikologije. — «Radovi XXXV. Odjeljenje društvenih nauka», knj. 12. Akad. nauk i umjetnosti Bosne i Hercegovine. Sarajevo, 1969, стр. 88.

[17] F. Kott. Dodatky k Bartošovu Dialektickému slovníku moravskému. — «Archiv pro lexikografii a dialektologii», číslo 8. Praha, 1910, стр. 14.

[18] F. Svěrák. Karlovické nářečí. «Sborník vědeckých prací vyšši pedagogické školy v Brně». II. Praha, 1957, стр. 111.

[19] F. Buffa. Nárečie Dlhej Lúky v Bardejovskom okrese. Bratislava, 1953, стр. 141.

[20] Machek [1], стр. 78.

этих образований дают этимологические словари Фасмера, Махека, Славского [21]. Как наиболее распространенные словообразовательные типы отметим *kulati, -iti, -ěti (укр. диал. *кулітu* 'хромать', блр. *куляць* 'низко наклониться', польск. *kulić* 'стягивать, искривлять', *kuleć* 'хромать', возможно, из укр.), **kulьgati* (ст.-польск. *kulhać* 'хромать', чеш. *kulhati*, русск. диал. *кульгать*) и некоторые другие.

Семантически ближе всего к основе **čul-* некоторые южнославянские и чешские образования: словен. *kȗlj*, *kúlja* 'корова с кривыми рогами или без рогов', прил. *kúljav* 'с кривыми рогами или без рогов', 'безволосый', *kúljhav*, 'безволосый', *kúljhati*, *kȗljham* 'обрезать волосы', *pokúljiti vola* 'сбить волу рога' [22], чеш. диал. *kulka*, *kulice* 'курица без хвоста', вал. *kułka*, *kulena* то же, *kulbatá koza* 'коза без рогов' [23].

Ф. Безлай в одной из своих статей, обозревая лексемы, родственные словен. *čúliti*, *kȗlj*, производит их от разных корней. Основы с корнем *čul-* выводятся из и.-е. **keu-t-lo* или **keu-lo*, ср. лит. *kiaũsti* 'приходить в упадок, приостанавливаться в развитии'. Аспирированный вариант этого корня **kheu-*/**khou-* предполагается для словен. *kȗlj*, польск. *kulić się* и для словен. *húliti*, *hȗlim se* 'сгибаться, наклоняться', чеш. *chouliti se* и для словен. *šȗl*, *šúlav* 'с маленькими ушами' [24].

Представляется правомерным объединение рассматриваемых основ **čul-* и **kul-* в одно этимологическое гнездо с исходным корнем **keu-/kou-* 'гнуть, сгибать'. Если принять чередование *e/o* для этого корня, то предложенную этимологию подтверждает точность фонетического соответствия и близость семантического развития.

*čum-: *(s)kum-

Данное чередование объединяет две большие группы основ, в этимологическом отношении обычно не сопоставляемые. Чтобы яснее представить себе их отношения, последовательно рассмотрим те и другие основы со всеми их производными.

Основа **(s)kum-* объединяет блр. *скумаць* 'разуметь, догадываться', чеш. *skoumati* 'исследовать, изучать', *koumati* 'замечать, наблюдать, понимать' [25], польск. *skumać* 'изучать' [26], словен. *skumati* 'тихо, неясно выражать свои желания', 'иметь подозре-

---

[21] Фасмер II, стр. 412—413; Machek [1], стр. 246; Sławski III, 4—5, стр. 342, 346—350.

[22] Pleteršnik I, стр. 486, II, стр. 124.

[23] Machek [1], стр. 246—247.

[24] F. Bezlaj. Slovenski jezik v luči leksikologije, стр. 88—89.

[25] О. Н. Трубачев. О составе праславянского словаря. — «Славянское языкознание. V Международный съезд славистов». М., 1963, стр. 182—183.

[26] Варшавский словарь VI, стр. 196.

ние на к.-л.' [27] В полесских говорах отмечено *скума́сни* 'нудный, поганый, страшный' [28].

Близкородственной основой признается слав. **čuti*, **čujǫ* с исходным и.-е. корнем **keu̯-/skeu̯*. Аналогичное отношение корней отражают греч. κοέω 'замечаю, слышу' <κο(Ϝ)έω и θυοσκόος 'Opferschauer' <θυο-σκόος <σκοϜός, гот. *hausjan* 'слышать' и *skauns* 'красивый' [29]. Таким образом, слав. *(*s*)*kum-* на индоевропейском этимологическом срезе представляет корень **kou-* с *s*-mobile и детерминативом *-m*.

Продолжением этого корня в иной позиции — перед гласным, по мнению Р. Айтцетмюллер, является ст.-слав. КОВЪ 'ἐπιβουλή, преследование' [30].

Для раннего этапа развития праславянского можно предположить родство основ *(*s*)*kum-* и **čum-* на основе чередования *e/o*. Основа **čum-* представлена словен. *čȗm, čúma* 'дремота' (ср. *v čumi ležati*), *čuméti, ím* 'дремать, сидеть на корточках' [31], с.-хорв. *čȕmijati, čȕmijâm* 'увянуть' [32], возможно, русск. *очуметь* сев., вост. 'одуреть, забыться временно, быть в беспамятстве от головокружения, угара' [33]. Из других славянских языков, по нашим наблюдениям, только чешский продолжает эту основу: *čuměti, -ějí* 'выступать, выдаваться', 'поджидать, зевать (по сторонам), долго ждать' [34].

Сопоставлению основ *(*s*)*kum-* и *čum-* мешает, на наш взгляд, народноэтимологическое отождествление основы **čum-* с названием болезни *чума* 'Pest' [35].

Во многих славянских языках выступает семантически близкая основа **čьma*, обычно сопоставляемая этимологическими словарями со слав. **ščьměti*, русск. *ком* [36]. Общность семантики и некоторые закономерности апофонии дают основание для иного истолкования **čьma*, а именно как ступени редукции исходной для нее основы **čuma*. Предположение о родстве **čьma* и **čuma* на основе чередования, хотя и не отвергает полностью известной этимологии для **čьma*, но дает более удовлетворительное фонетическое объяснение этим формам и позволяет в какой-то степени понять семантическую близость этих основ в некоторых славянских языках.

---

[27] Pleteršnik II, стр. 501.

[28] П. С. Лисенко. Словник діалектної лексики середнього і східного Полісся. Київ, 1961, стр. 60.

[29] Berneker 1, стр. 643, Machek², стр. 716, Pokorny, стр. 587, Frisk Lfg. 9, стр. 695, Lfg. 10, стр. 890—891; Feist, стр. 431.

[30] R. Aitzetmuller. Abg. kovъ, ἐπιβουλή, Nachstellung. «Wiener slavistisches Jahrbuch» II, 1952, стр. 155—156.

[31] Pleteršnik I, стр. 117.

[32] RJA II, стр. 100.

[33] Даль³ II, стб. 2022.

[34] Kott I, стр. 200.

[35] Фасмер относит *чума* к тюркизмам. Обзор литературы см. Vasmer III, стр. 354.

[36] Berneker, стр. 167; Pokorny, стр. 555.

Ср. с.-хорв. *čáma* 'languor', *čámati*, *čámiti* 'languescere', *čmavati* 'долго спать' [37], *učmànuti*, *učmàsti* 'увядать' [38] и словен. *čeméti*, *ím* 'сидеть на яйцах, ждать' (ср. *čemeti kje v kotu brez dela*) [39], 'неподвижно, тихо сидеть', 'находиться в полусонном состоянии' [40], *čȃjmati se*, *-miti se* 'постепенно приходить в сознание', 'умнеть', 'помнить', *čáma* 'глупая', но с несколько иным значением *čaméti*, *-í*, *čami me* 'мне грустно, жутко,' *čȃm* 'дрожь, жуть, страх' [41]. Словенский представляет основу с продлением ступени редукции: *čímiti*, *čímim* 'медлить', *číma* 'медлительный человек' [42].

Из западнославянских языков следы этой основы сохраняет кашуб.: ср. *čam̃ec*, *čam̃ic* 'устало идти', 'мучиться' [43].

Можно думать, что основу **čьma* в сочетании с различными суффиксами (*-ар-*, *-ур-*) отражают и некоторые восточнославянские образования, среди них укажем русск. диал. *чмáра* 'нужда, нищета, гнет', *чмарить* ряз. 'чахнуть, хиреть', 'прозябать в нужде', *чмура* 'житье в неволе, в черном теле', *чмур* зап., псков. 'хмель в голове, опьянение, одурение', 'угар, чад' [44]. В укр. засвидетельствовано *чмáнíти* 'угорать, одуревать' [45].

Объединяя все эти основы в одно этимологическое гнездо, мы исходим из допущения, что и.-е. корню **(s)keu-* в славянских языках соответствовал ряд чередований: **skum-*: **čum-*, **čьm-*.

*čur-: *kur-

В восточнославянских языках основа **čur-* представлена в русск. *чурак*, *чурка*, *чурбак*, *чурбан* 'короткий обрубок бревна, жерди, круглого дерева', тверск., перм., сиб. 'колода, пень, улей' [46], укр. *цурка* 'палочка, большей или меньшей длины, употребляемая для различных надобностей' [47]. Обычно сопоставляют с лит. *kiáuras* 'дырявый, дыра', лтш. *caũrs* то же [48]. Если реконструировать исходный корень **skeu̯r-* от и.-е. **(s)keu-/*(s)kou-* 'резать', то продолжением корня с огласовкой *o* можно было бы признать некоторые образования, распространенные преимущественно в севернорусских областях. Ср. русск. *курúк* онеж. 'клин из затесанного полена для колки дров', олон. 'палка с толстым концом; род деревянного молота, легче и меньше чекмаря; ци-

[37] RJA I, sv. 1, стр. 885—886; sv. 5, стр. 55.
[38] Iveković-Broz II, стр. 618.
[39] Pleteršnik I, стр. 98.
[40] Slovar slovenskega knjižnega jezika I, стр. 287.
[41] Pleteršnik I, стр. 92.
[42] F. Bezlaj. Etyma slovenica, стр. 167.
[43] Sychta I, стр. 179.
[44] Даль³ IV, стб. 1355.
[45] Гринченко IV, стр. 466.
[46] Даль³ III, стб. 1379.
[47] Гринченко IV, стр. 437.
[48] Vasmer III, стр. 359.

линдрической формы кусок дерева, прикрепленный к снасти, чтобы она засела в ил', *ку́рица*, *окру́чье* арханг., олон. 'загнутый конец балки, на котором лежит желоб для стока дождевой воды', *ку́рки* олон. 'сосновые и еловые шишки', *ку́рок* 'шкворень, пропускаемый сквозь ось для скрепления передка телеги с ее кузовом' [49].

Фасмер относит *кури́к* 'дубина, колотушка' к числу заимствований из карельск. *kurikka-*, фин. *kurikka* [50].

Однако представляется возможным предположение о генетической связи основ **čur-* : **kur-* чередованием *e/o*. Допустимость такого этимологического истолкования семантически подтверждают, возможно, образования с корнем **(s)keu-/*(s)kou-* в других и.-е. языках: ср. греч. *καυκίον* 'кубок', лат. *caudex* 'чурбан' [51].

II. *u*:*y*

Чередование *u* : *y* является продолжением и.-е. отношения *ōu̯* : *ū*, т. е. полной ступени и ступени редукции, в основах типа **xul-*: **xyl-* (ср. русск. *хула* и *хилый*) [52], **ud-*: **vydmę* (ср. русск. диал. *у́дить*, *у́деть* 'набухать' и *вымя*) [53].

В корнях со структурой **tou̯ə-*: **tū-* это чередование представляют слав. **kovati*: **kyjь*, **zovǫ*, **zъvati*: **zykъ*, **tukъ* 'жир', **tučьnъ* 'жирный': **otava* 'вторая трава': **tyti*, **tylъ* [54]. На несколько более позднем хронологическом уровне отражением этого отношения можно считать русск. диал. *сныч* 'засов дверного замка', 'шпонка, скрепляющая доски' и гл. **snovati* [55], русск. *сова* и *сыч* [56].

Корневое *y* в качестве продления ступени редукции выступает в апофоническом ряду *u* : *ъ* : *y*. Ср. слав. **kuka*: др.-чеш. *kčica* 'волосы', словен. *kêčka* 'коса' < **kъka*: **kyka* [57], **guzъ*: польск. *giezek* 'конец голени': **gyža* [58], русск. *су́слик*: болг. *səsel*: чеш., слвц. *sysel* [59].

Исторически вторично складывается удлинение корневого гласного как средство образования некоторых морфологических категорий. Морфологическая противопоставленность итеративных и интранзитивных глаголов выражается суффиксальными сред-

---

[49] Куликовский, стр. 46; Подвысоцкий, стр. 78.
[50] Фасмер II, стр. 425.
[51] Ю. В. Откупщиков. Из истории индоевропейского словообразования. Л., 1967, стр. 172—173.
[52] Vasmer III, стр. 241, 277—278.
[53] Фасмер I, стр. 368—369.
[54] Shevelov. Указ. соч., стр. 97; Arumaa. Urslavische Grammatik. Bd. I. Heidelberg, 1964.
[55] Vasmer II, стр. 682—683.
[56] Shevelov. Указ. соч., стр. 281.
[57] Там же, соч., стр. 97.
[58] Sławski I, стр. 281, 279, 380.
[59] Shevelov. Указ. соч., стр. 106.

ствами и продлением корневого вокализма. Ср. **lukati* : **lъkati* : **lykati*, **učiti*: **vyknǫti*[60].

Механизм появления ступени *y* в ряде славянских основ остается не вполне ясным. Это случаи, 1) когда древний аблаутный ряд не представлен и и.-е. *ū* стоит особняком (ср. балтослав. **tūsimtįā* 'тысяча' > ст.-слав. *tysęšta*), 2) когда в древних корневых именах *ū* чередуется с *ŭ* (ср. и.-е. **lūk'* 'лиса' > ц.-слав. *rysь* и арм. *lusanunk'* с кратким *u*)[61]. Появление *y* на славянской почве в ряде случаев объясняют как заменительное удлинение, развившееся после выпадения *n* в группе *un* + согласный: ср. слав. *lyko*: лит. *lúnkas*, прусск. *lunkan*, слав. *vyknǫti*: лит. *junkstu*[62].

В славянских языках представлены основы с корневыми *u*, *y* не из и.-е. *ōu̯* : *ū*. Отношения их не вполне определены. Восстановление генетических связей для этих основ во многом опирается на допущение промежуточной ступени редукции, по отношению к которой складывается ступень продления *y*. Так, наличие в ст.-польск. основы *giezek* с отражением ступени редукции позволяет восстановить полный апофонический ряд и объясняет отношения **guzъ* : **gyža*. Исходный для них и.-е. корень **geu-* в сочетании с различными расширителями широко отражается славянскими языками, но в силу ослабления этимологических связей основы с этим корнем в разных ступенях огласовки рассматриваются изолированно друг от друга, их этимология остается очень неопределенной, ср. **guga* и **gyga*, **gula* и **gyla*. Включение в одно этимологическое гнездо этих основ с корне-

---

[60] F. Miklosich. Uber die Steigerung und Dehnung der Vocale in den slavischen Sprachen. Wien, 1878, стр. 31—43; J. Kuryłowicz. L'apophonie en indo-européen. Wrocław, 1956, стр. 289—298.

Вторичное удлинение *ō* > *ā* в глаголах на *-iti* и бессуффиксальных именах с корневым апофоническим *o* рассматривается в ст. Ж. Ж. Варбот. «К реконструкции чередования гласных в некоторых славянских этимологических гнездах». «Этимология. 1970», стр. 55—64.

[61] Arumaa. Указ. соч., стр. 64.

Соотношение краткой ступени и ступени продления в и.-е. корневых именах специально рассматривается в ст. Вандриеса и Махека. Вандриес (Sur le vocalisme *ī* et *ū* en indoeuropéen. «Choix d'études linguistiques et celtiques». Paris, 1952, стр. 110—114) описал и.-е. имена с *ī*, *ū* в соответствии с краткими *ĭ*, *ŭ*. Это случаи типа санскр. *vīráh*, лит. *výras* 'мужчина, человек' ~ лат. *vir* ирл. *fer*, слав. *kypitĭ* ~ санскр. *kúpyati* 'кипит'. Maxek (Expressive Vokaldehnung in einigen slavischen Nomina. — ZfS 1, 4, 1956, стр. 33—40) продолжил эти изыскания, показав на славянском материале примеры с продленным корневым вокализмом: ср. слав. *chytrъ*: лит. *kutrùs*, *lysъ*: др.-инд. *ruśan-*, *lěpъ*: лат. *lepidus*, *slabъ*: др.-в-нем. *slaf*, *pyskъ*: др.-инд. *pucchaḥ*, *těsnъ*: греч. στενός и др.

Оба автора полагают, что удлинение во всех рассмотренных ими образованиях выполняет чисто экспрессивную функцию.

Однако приведенные ими примеры количественных чередований не всегда имеют убедительные этимологические сближения и поэтому в ряде случаев остаются только вероятными.

[62] W. Vondrák. Vergleichende slavische Grammatik. I. Göttingen, 1924—1928, стр. 104.

выми *и*, *у* и обоснование их отношений через ступень редукции, частично утраченную, во многом упрощает и облегчает истолкование трудных лексем.

Ниже на примере нескольких основ излагается попытка расширить круг корневых имен, связанных чередованием *и* : *у*. При этом чередование *и*:*у* либо восходит к и.-е. *ōu̯* : *ū*, либо является частью апофонического ряда *и* : *ъ* : *у*.

*gur-: *gyr-

Первая основа представлена в глагольных и именных образованиях с общим значением 'сжиматься, искривляться' — 'масса, нарост'. Ср. с.-хорв. *гӳрити се* 'сжиматься, корчиться', *гȕра* 'горб, нарост', *гȕрав* 'сгорбленный', также 'худой, слабый' [63], словен. *gúrati* 'притуплять, зазубривать; мучить' *gúra*, 'утолщение из смолы' [64], укр. *гýра* 'масса, гурьба' [65], возможно, сюда же относится русск. *гурьба*, укр. *гурбá* 'ворох, громада'.

Продолжением основы **gyr-* являются др.-русск. *гыря* [66], русск. *гúря* 'гиря, груз', кур. 'остриженный человек, голова; плешивый, безволосый; рыло, лицо, рожа', *гиря́вый* юж. 'стриженый, плешивый, безволосый; паршивый' [67], укр. *гúря* 'низко остриженный' [68], *гыр* 'вершок дерева', *гы́ра* 'чуб, чуприна' [69], *гиря́вый* 'человек с плохими волосами на голове' [70], польск. диал. *gira* 'большая несгибающаяся нога', слвц. *hýra* 'шишка' [71], словен. *gir*, *girin* 'сук', *gírjav* 'сучковатый' [72].

Этимологические связи основы **gyr-* остаются неясными в словарях Фасмера, Славского. Фасмер не дает определенного объяснения русск. *гиря* [73], Славский проблематично соотносит с *gyża* при условии фонетического перехода *ž* > *r* [74].

На наш взгляд, слав. **gyr-* получает удовлетворительное объяснение с фонетической и семантической стороны, если принять чередование основ **gur-* : **gyr-*. Точное соответствие в балтийских языках: ср. лит. *gùras* 'выступ горы', *gurẽlis* 'шарик', *gū̃rinti* 'передвигаться маленькими шагами в согнутом положении', *gū̃-*

---

[63] RJA III, sv. 11, стр. 502—504.
[64] Pleteršnik I, стр. 261.
[65] Гринченко I, стр. 340.
[66] Срезневский I, стб. 619.
[67] Даль³ I, стб. 865.
[68] Гринченко I, стб. 283.
[69] М. Й. Онишкевич. Словник бойківского діалекту. Львів, 1960. Рукопись.
[70] В. Ващенко. Словник полтавьских говорів I. Харків, 1960, стр. 24.
[71] Sławski I, стр. 280.
[72] Pleteršnik I, стр. 210.
[73] Фасмер I, стр. 408.
[74] Sławski I, стр. 280.

ras 'неразговорчивый человек', лтш. *gūrât(iês)* 'показываться вдалеке, медленно двигаться, находиться в согнутом положении и др.', норв. *kūra* 'сгибать', греч. *γῦρός* 'круглый, согнутый'[75]. Исходный корень **gōur-/*gūr-* восходит к и.-е. **geu-* с расширителем *-r-*.

Еще А. Потебня сопоставлял русск. *гиря* с *гвор* 'пузырь, шишка', *гворатый гвоздь*[76]. Ф. Безлай нашел для этой основы соответствие в словен.: ср. долен. *gor* 'куча навоза', *gorjáča* 'сучковатый ствол', возможно сюда же *garjáča, grjača* то же[77] и *gára* диал. 'разросшееся дерево, толстая рогуля'[78]. Ср. также ст.-болг. *гворъ* 'дождевой пузырь'[79].

Этимологические словари, как правило, игнорируют связи рассматриваемых основ, изучают их изолированно, без учета возможного чередования **gōur-* : **gūr-* : **gvor-*. В этом ряду чередований основа **gvor-* является примером билатерального чередования[80].

*guk-: *gyč-

Это чередование позволяет связать с.-хорв. *gȕka* 'нарост на теле, gibbus', 'масса, глыба', *gȕkav* 'бугристый, шишковатый'[81] с основой **gyč-*, распространенной преимущественно в северно-славянских языках: ср. польск. *giczoł*, *giczał*, *giczel* 'голень', великопольск. *gicz* 'бедро, нога', морав. *hyčała* 'грубая кость', *hyča* 'качан капусты', русск. кур. *гычка, гичка* 'рубленая свежая капуста', укр. *гич* 'стебли с листьями', *гúчка* 'листва на растениях, ботва, качан капусты', *гичáль* 'стебель, толстое ребро, жила листа'[82].

Соответствия за пределами славянских языков неясны. Но исходный корень тот же, что и в предыдущем случае, — **geu-* с расширителем *-k-*. Можно думать, что слав. **guk-* : **gyč-* продолжает и.-е. отношение **gōuk-* : **gūk-*.

*gula : *gyla

Первая основа подробно рассматривается в словарях Фасмера и Славского. В ряду соответствий указываются русск. диал. *гýла* 'шишка', польск. *gula* 'опухоль, шишка, нарост', *gulka* 'пенек',

---

[75] J. Endzelin. Baltica. — KZ XLIV, 1911, стр. 68, Mülenbach-Endzelin I, стр. 686; Fraenkel Lfg. 3, стр. 177.

[76] А. Потебня. Этимологические заметки. — РФВ III, 1880, стр. 164, Фасмер I, стр. 399, 408.

[77] F. Bezlaj. Eseji, стр. 137.

[78] Slovar slovenskega knjižnega jezika I. Ljubljana, 1970, стр. 669.

[79] БЕР, стр. 234.

[80] J. Schütz. Zur Abstufung und Erweiterung in diphthongischen Wurzeln im Slavischen und Baltischen. «Die Welt der Slaven» VIII, 4, 1963—1964, стр. 337—348.

[81] RJA III, sv. 11, стр. 497.

[82] Sławski I, стр. 275—276.

слвц. *gul'a* 'шар', укр. *гула* 'шишка, нарост на корнях', болг. *гулия*, *гулка* 'подсолнечник с наростами на корнях, грубый корень', с.-хорв. *gula* 'горб' только у Поповича [83]. Дополнить этот ряд соответствий могут словен. *gúla* 'сучковатое полено, которое не рубится', *húla* 'бугор, выпуклость на ровной или пологой земле' [84], *gȗlj* 'бедро', 'колотушка', *zagȗljek* 'затвердение кожи, мозоль, затвердение раны' [85].

Возможным продолжением основы **gyla* являются некоторые восточнославянские образования: ср. русск. *гыля* урал. 'неуклюжий человек', ряз. 'долговязый человек' [86], пск. *гыль* (?) 'частая рыболовная сеть' [87], укр. *гилá* 'грыжа', *гилинувáтий* 'больной грыжей'. Не совсем ясно, как соотносятся с приведенными основами русск., укр. *гиля* 'род игры с мячом, шаром' [88].

Как и в разобранных выше случаях, обе основы могут рассматриваться как продолжение и.-е. корня **geu-*, расширенного элементом *-l*, со значением 'гнуть, сгибать, становиться выпуклым'. Точным соответствием этим образованиям являются др.-инд. *gōlā* 'шар, круглый кувшин', др.-норв. *kūla* 'шишка, шар', др.-в.-нем. *kūli*, совр. нем. *Kaule* 'палка с толстым концом' (прагерм. **kūlōn-*) [89].

Трудно объяснить появление огласовки *y* на основе аблаута, если принять во внимание изолированный характер этих образований, принадлежность к той части лексики, которую трудно признать нейтральной. Представляется вполне вероятным предположение о вторичном, позднем происхождении образований типа русск. *гыля*.

*guga : *gyga

Продолжением первой основы с огласовкой *u* являются русск. диал. *гýгала*, *гýгали* 'качели', *гýгаться* 'качаться', словен. *guga*, *gúgalica* 'качели', *gugati(se)* 'качаться' [90], а также некоторые образования со значением 'опухоль, шишка': ср. русск. диал. *гýгля* 'шишка', польск. *guga* то же, слвц. *guga* 'зоб, опухоль, клубень', *gugač* 'выпуклой формы сосуд для воды' [91], болг. *гỳгла* 'островерхий колпак; куча сена' [92].

---

[83] Sławski I, стр. 376.
[84] Slovar slovenskega knjižnega jezika I, стр. 775, 840.
[85] Pleteršnik I, стр. 260; II, стр. 833.
[86] Даль³ I, стб. 1018; Сл. Сред. Урала, стр. 130.
[87] Картотека Псковского областного словаря.
[88] Гринченко I, стр. 282.
[89] Sławski I, стр. 376; Pokorny, стр. 397.
[90] Фасмер I, стр. 469.
[91] Фасмер I, стр. 470; Machek¹, стр. 118; Sławski I, стр. 376.
[92] БЕР, стр. 292.

Некоторые исследователи видят отражение ступени редукции этого корня в русск. топ. *Гжатск*, гидр. *Гжата* < **gъžata* [93]. Если это предположение верно, то продление ступени редукции представляют русск. диал. *гыга* 'мерзляк; тот, кто боится холода, часто мерзнет' [94] и словен. *gíg*, *-a* 'легкая открытая повозка на двух колесах', 'длинная легкая лодка на веслах при военном корабле', [95] но последнее может быть заимствованием.

Бернекер, а вслед за ним и другие этимологи относят основу **gug-* к числу звукоподражательных из детского языка, объясняя их как слова, которые выкрикивались при качании [96]. Вполне допустимо предположение, что наряду со звукоподражательной основой **gug-* (ср. лтш. *gug'êt* 'бормотать') существовала идентичная ей основа с корнем **geu-* и расширителем *g-*. Близким соответствием ей является лит. *gugà* 'круглое возвышение, горб, холмик', *gaũgaras* 'вершина горы', исл. *kjūka* 'кость', норв. диал. *kjuka* 'сук' [97].

(s)kul-: *kyl-

Представляется возможным объединить этим чередованием праслав. **skula*, **kul-* (см. выше) и *kyla*.

Праслав. **skula* не имеет определенной этимологии. Преображенский, Махек сближают со *скала*, *щель*, предполагая, таким образом, исходный корень **skel-* [98]. Брюкнер сравнивает с лит. *káulas* 'кость'; Ильинский — с греч. σκύλλω 'раздираю, мучу', ср.-в.-нем. *schiel* 'осколок, ком' [99]. Если признать исходным корень **skel-*, то фонетически трудно объяснить появление огласовки *u* в **skula*.

Многие трудности фонетического и семантического характера снимаются, если предположить, что **skula* входит в группу родственных слов, производных от и.-е. корня **(s)keu-* с подвижным *s-*. Этот корень, как и и.-е. **geu-*, получал различные расширители. Мысль о родстве слав. **skula* и **kulav-* как будто бы поддерживается Ф. Безлаем [100].

Основа **skula* с общим значением 'опухоль', 'щель', 'царапина' имеет общеславянское распространение: ср. русск. *скула* 'челюсть', юж., зап. 'личная простудная болезнь и опухоль в лице, на шее, пухлые железы и пр., также веред, чирей' [101],

---

[93] Fraenkel Lfg., 3, стр. 175.
[94] Сл. Сред. Урала, стр. 130.
[95] Slovar slovenskega knjižnega jezika I, стр. 682; в словаре Плетершника не отмечено.
[96] Berneker, стр. 361; Machek[1], стр. 118.
[97] Fraenkel Lfg., 3, стр. 175; Pokorny, стр. 394.
[98] Преображенский II, стр. 315; Machek[1], стр. 450.
[99] Vasmer II, стр. 654.
[100] F. Bezlaj. Slovenski jezik v luči leksikologije, стр. 89.
[101] Даль[3] IV, стб. 231—232.

укр. *ску́ла* 'нарыв, веред, болячка' [102], блр. *скула* 'скула, чирей, фурункул' [103], чеш. *skoula*, *škoula*, *skula*, *skulka* 'щель, трещина', *skulina*, *škulina* 'узкое продолговатое отверстие, щель' [104], польск. *skuła* 'скула, веред; болезнь горла' [105], с.-хорв. *skȕla* 'опухоль, чирей, короста', *skulica* 'маленькая царапина' [106], словен. *skȗla* 'гнойный нарыв, флюс', 'сыпь' (Толмин), 'царапина, рубец' (вост. Штирия), *skȗlec* 'сталактит', *skulíka* 'яблоко' (кайк.), *škula* 'плоский камень; льдина', *škulj*, *škúlja* 'дыра, нора', *šo̗la* = *skula* [107], болг. *скула* 'скула'.

Общеславянской является также основа **kyla* со значением 'опухоль, нарост, выпуклость' [108]. Точным соответствием может служить лит. *kū́la* 'затвердение, нарост', *kū́las* 'выпуклость', с другой огласовкой греч. ион. κήλη, κᾱ́λη < κᾱϜελα 'повреждение сосуда в теле, грыжа', др.-исл. *haull*, др.-в.-нем. *hôla* 'перелом, грыжа' [109].

Можно думать, что продолжением и.-е. чередования основы **(s)kōulā* : **kūlā* являются слав. **skula*, **kulav-* и **kyla*.

Семантический переход 'гнуть, сгибать, быть выпуклым' → 'опухоль, вздутие, выпуклость' обычен для лексической группы с общим значением 'tumor': ср. словен. *grča* 'сук на дереве', чеш. *hrče* 'нарост, опухоль' < **gъrčiti* 'кривить, сгибать' [110], праслав. **gulja* 'опухоль, нарост' от и.-е. **geu-* (см. выше).

*pug-(z) : *pyž-

Фасмер указывает на возможность этого чередования для русск. *пуга* 'тупой конец яйца', *пузо* и *пыж* 'ком' [111]. Обе основы продолжают и.-е. корень **pōu-*: **pū-* 'дуть, надуваться' с расширителем *g*/*g'*. То же колебание в отражении детерминатива показывают др.-инд. и балт. соответствия: ср. др.-инд. *pūgas* 'куча, множество, толпа' с *g* и лтш. *pàuga* 'подушка, мягкая подкладка хомута', лит. *pū̃žas* 'толстобрюхий' с *g* и *g'* [112].

Основа **pug-*/**puz-* имеет широкий ареал распространения и отражается в русск. *пуга* юж. 'гузка яйца, тупик, пятка', *пу́жка* то же, *пу́зо* 'брюхо, живот, чрево, полость брюшная со всеми чревами и покровами, особ. желудок и кишки, вздутое место на чем,

---

102 Гринченко IV, стр. 146.
103 Носович, стр. 588.
104 PSJČ V, стр. 299, 320.
105 Варшавский словарь VI, стр. 196.
106 RJA XV, стр. 365—366.
107 Pleteršnik II, стр. 501, 638, 640.
108 Sławski II, zesz. 2 (7), стр. 163—164.
109 Фасмер II, стр. 232; Fraenkel Lfg. 4, стр. 306.
110 Miklosich, стр. 80; Berneker, стр. 369.
111 Vasmer II, стр. 472.
112 Там же; Shevelov. Указ. соч., стр. 142; Fraenkel Lfg. 7, стр. 553; Lfg., 9, стр. 682.

горб или короб', *пуз* 'старая хлебная мера' [113], 'утолщение на веретене' [114], укр. *пу́зо* 'брюхо, пузо', *пуха́* < **puga* 'тупой конец яйца, ямка на поверхности круто сваренного яйца' [115], *пужи́на* 'пустое зерно, легковесное зерно', *пу́житися* 'щетиниться' [116], чеш. *pouk*, *pouch* 'тупой конец яйца', 'нечто выпуклое, округленное; пустая скорлупа', возможно *pouch* стар. 'горизонтальный брус, на который опирается верхний конец балки' [117], польск. *puzo* 'живот', *pużyna* 'верхушка колоса; ость у колоса', видимо, из чешского [118], словин. *p*ᵘ*uza* 'толстая щека' [119], н.-луж. *puzawa* 'луговик (сорная трава), полевица, ситник' [120]. Южнославянскими соответствиями являются словен. *púgelj*='koštrun (баран)', ср. *tolst je kot pugelj*; *pûgeš* 'козье имя' (Башка дол.), *pužina* 'сердцевина яблока или груши', *opúžiti* 'сдирать (кожуру), очищать', *pužiti* 'очищать плоды от косточек' (Врхника). Ступень редукции этого корня, видимо, представляют словен. *pèžek*, *žka* 'косточка, зерно', *pežína* 'кожица вокруг зерен плодов' [121].

Словообразовательным вариантом этой основы является **puzъro* со вставным *-d-*: русск. диал. *пузро́*, *пу́здро́* 'пузо' [122], укр. *пу́здря* 'прыщ; волдырь', *пуздро́* 'мочевой пузырь', 'мошна у животных', 'погребец' [123], чеш. *pouzdro* 'твердая упаковка', устар. 'маленький незаметный человек' [124], польск. *puzdro* 'коробка, банка', ветер. 'napletek' [125], с.-хорв. *pȕzdra* 'хвост, penis quadrupedum', также *puzdro*, *puždra* [126], словен. диал. *púzrovina* 'плохое мясо' [127].

Основа **pyž-* представлена несколько у́же. Ср. русск. диал. *пыж* 'неоплодотворенное, заглохшее в зародыше семя растения; бесплодное, невсхожее семя, без зародыша, часто встречается в конопле, гнилой орех с сухой плесенью, пылью; пустышка', *пыж*, *пыжи́на* 'клуб, ком, сверток пеньковый, шерстяной, которым прибивают заряд; вообще затычка', вост., сев. 'конопляная мякина, обоина от всей шишки, идет на удобрение', *пыжик* 'малорослый, надутый человек', *пы́жить* 'надувать, взбивать пышно',

---

113 Даль³ III, стб. 1407.

114 Картотека Псковского областного словаря.

115 Л. С. Паламасчук. Словник специфічної лексики говірки с. Мусіївки (Вчорайшенського р-ну, Житомирської обл.). — Лекс. бюл. VI. Київ, 1958, стр. 30.

116 Гринченко III, стр. 498.

117 PSJČ IV, стр. 876.

118 Варшавский словарь V, стр. 447.

119 Lorentz II, стр. 94.

120 Muka II, стр. 282.

121 Pleteršnik I, стр. 846; II, стр. 34, 362, 367.

122 Даль³ III, стб. 1407.

123 Гринченко III, стр. 498.

124 PSJČ IV, стр. 889.

125 Варшавский словарь V, стр. 447.

126 Iveković-Broz II, стр. 291.

127 F. Bezlaj. Etyma slovenica, стр. 163.

пыжиться 'издуваться, силиться' и др.[128], укр. *напізитися* 'надуться, напыжиться, важно держать себя', 'оттопыриться' [129], н.-луж. *pyzeliś se* 'пузыриться; бить ключом, пыжиться' [130], болг. *пижо* 'прозвище некрещеного ребенка' [131].

Чередование славянских основ **pug-(z-)* : **pyž-*, как правило, не принимается во внимание. Известны попытки сближения слав. **pug-(z-)* с лит. *paũtas* 'яйцо'. На основе этого сопоставления реконструируется дослав. **pout-dro* [132]. Махек выдвигал идею о заимствовании герм. *fōdra-*[133]. Основа **pyž-* не пользуется вниманием этимологов.

Предполагаемый для слав. **pug-(z)* : **pyž-* и.-е. корень **pōu̯-* : **pū-* имеет продолжение с другим расширителем *-n-*: ср. русск. *пыня* 'чванливый, надутый человек', лит. *pūnễ* 'тупой конец яйца', лтш. *puns*, *pune* 'нарост на дереве, возвышение', др.-инд. *pūlas* 'связка' [134].

*ul- : *vyl-

Основа **ul-* представлена слав. **ulьjь*, **ulica*, корневое имя отражают польск. *ul* 'свищ', словен. *ul*, *uljẹ̑*, *ẹ̑sa* 'опухоль'. Чередующаяся с ней основа имеет своим продолжением русск. *выль* 'шишка, нарост' [135], словен. *vilovína* 'некая болезнь: колтун (plica polonica)' [136].

Исходный корень **ōu̯l-*: **ūl-*, ср. лит. *aũlas* 'голенище', лтш. *aũle* то же [137]. Наиболее близким соответствием является арм. *uł*, *ułi* 'дорога': *yłi* (с *ū*) 'беременная' [138].

*ur- : *vyr-

Словен. *úriti*, *ȗrim* 'упражняться', 'ускорять', 'созревать', 'быть благоприятным', *uren* 'гибкий, податливый' (вост. Штирия), ср. *urna šiba*, *urna zemlja* 'рыхлая земля', также отмечено *uren* в значении 'изворотливый', 'юркий, проворный' [139]. Ф. Безлай особо выделяет *uren* 'гибкий, мягкий' и, допуская замену $r > \check{z}$, сближает с *užikati* 'делать мягким, гибким' и далее, связывает с праслав. **žija*, ср. лит. *gijà* 'нитка' [140]. Омонимичным признается

---

[128] Даль³ III, стб. 1435.
[129] Гринченко III, стр. 508.
[130] Muka II, стр. 288—289.
[131] Vasmer II, стр. 472.
[132] Vasmer II, стр. 461; Shevelov. Указ. соч., стр. 184.
[133] Machek², стр. 476.
[134] Vasmer II, стр. 473.
[135] Vasmer I, стр. 368.
[136] Pleteršnik II, стр. 769.
[137] Fraenkel Lfg. 1, стр. 25—26.
[138] Pokorny, стр. 88—89.
[139] Pleteršnik II, стр. 730—731.
[140] F. Bezlaj. Eseji, стр. 35.

uren 'быстрый, проворный' и сравнивается со слав. **žuriti (sę)* 'торопиться', для которого, в свою очередь, предполагается **vъz-juriti*. Из близких для него славянских соответствий приводятся чеш. диал. *urný* 'сильный, большой', слвц. *urno* 'пылко, быстро, стремительно' [141], укажем также польск. *jurny* 'похотливый, распутный', укр. *jurnyj*, русск. *юркий* [142].

Полагаем, что нет достаточного семантического основания для разделения всей этой группы лексем на омонимы. Целесообразно объединить словен. *uren* во всех значениях, которые не исключают друг друга, а, напротив, очень близки, в одно гнездо родственных слов вместе с польск. *jurny*, чеш. *uren* с исходным для всех них корнем **(j)ur-*. Дальнейшие этимологические связи остаются неясными. Существующие этимологии трудно признать убедительными. Одни сближают с лтш. *aũrêt* 'трубить в охотничий рог; охотиться, манить и др.', другие усматривают связь с лтш. *jũŗa*, *jũra* 'море', перен. 'бурный', лит. *jáura* 'болотистое место', *jūrúoti* 'волноваться, колыхаться' [143].

Оставляя в стороне эти этимологические сближения, очень неубедительные на наш взгляд, ограничимся указанием на одно из возможных сопоставлений с некоторыми русскими, преимущественно глагольными, образованиями, имеющими в основе **vyr-*. Ср. русск. диал. *вырéть* тверск. 'привыкать, навыкать', *навы́рéть*, *навырять*, *навы́ревать* влад., волог., псков., тверск. 'навыкать, применяться, приучаться к делу, к работе, наметываться, натореть, набивать руку, перенимать приемы', *навы́рливый*, *навы́рчивый* 'навычливый', *навы́ристая биткá (баба)* 'сручая, ловкая' [144], возможно, олон. *обыреть* 'очувствоваться' [145].

Доказательство этого соотношения упирается в поиски исходного этимона. Мы ограничимся лишь констатацией как одного из возможных чередований **ur-* : **vyr-*.

Корневое *y* как продление ступени редукции характеризует продуктивную категорию итеративных глаголов. Соотнесенность производящей и производной основ ясно выражена, но в ряде случаев связи у этих глаголов ослаблены и восстанавливаются на основе этимологического анализа. Разрушение первоначальных отношений сопровождается утратой основы со ступенью редукции. Реконструкция этой промежуточной ступени на основе реликтовых форм, сохраняющихся в некоторых славянских диалектах, дает полный набор ступеней чередований

---

[141] F. Bezlaj. Einige slovenische und baltische lexische Parallelen. «Linguistica», VIII/1. Ljubljana, 1966—1968, стр. 78.
[142] Sławski I, стр. 592.
[143] Там же.
[144] Даль³ I, стб. 763; II стб. 1016.
[145] Куликовский, стр. 69.

и : *ъ* : *у* и позволяет на основе аблаута объяснить родство некоторых глагольных основ. Восстанавливаемое для славянских языков чередование основ **rupiti* (ср. русск. диал. *рупить*, *рупиться* 'думается, видится, мнится', *рупа* 'тоска' [146], укр. *ру́пати* 'быть желательным' [147], словен. *zarúpiti se* 'становиться горьким, противным', 'краснеть', *rupèč*, *ę́ča* прил. 'красный от ожога, стыда' [148] и др.): *rypati* (*sę*) (ср. русск. *ры́паться* 'беспокоиться, метаться' и др.[149]) приобретает достоверность при включении в апофонический ряд ступени редукции, отражаемой словен. *zarepẹ́ti*, *ím* 'покраснеть (от стыда)' < **rъpěti* [150].

При отсутствии соответствующей основы со ступенью редукции чередование *и* : *у* складывается, видимо, на морфологической основе: регулярное появление огласовки *у* в итеративах при исходном глаголе с корневым *и*. Эта морфологическая регулярность определяет отношения некоторых основ.

Учитывая все эти особенности чередования *и* : *у* в глагольных основах, попытаемся восстановить или предположить некоторые из возможных отношений глаголов.

*klup- : *klyp-

Глаголу **klupiti*, представленному преимущественно в западнославянских языках (ср. польск. *klupić się* 'клониться, сгибаться', чеш. *klípiti* 'опускаться вниз, свисать') [151], соответствует итератив **klypati* восточнославянских языков (ср. русск. зап. *клыпа́ть* 'ковылять, хромать, припадать на ногу' [152], блр. *клы́паць* 'прихрамывать, иметь приседающую походку') [153]. То же отношение **klup-* : **klyp-* представлено и для соответствующих именных основ: ср. болг. диал. *клуп* 'петля, скоба' [154], словен. *klup* 'веко' [155] и русск. яросл. *клы́пы* 'неловкие, неумелые руки' [156], возможно, словен. *klíp* 'кукурузный початок', *klîpka* 'треска (соленая и сухая)', с.-хорв. *klipka* 'початок' [157].

Общепризнанно, что основа **klup-* < **kleup-*, расширенная элементом *-s*, лежит в основе праслав. **kl'usę*, **kl'usati*. Ср. др.-

---

[146] Даль[3] III, стб. 1714.
[147] Гринченко IV, стр. 88.
[148] Pleteršnik II, стр. 445, 874; см. также F. Bezlaj. Slovenski jezik v luči leksikologije, стр. 96.
[149] О. Н. Трубачев. Славянские этимологии 29—39. «Этимологические исследования по русскому языку», II. М., 1962, стр. 40.
[150] Pleteršnik II, стр. 419.
[151] Machek[1], стр. 207; Sławski II, zesz. 3, стр. 242—243.
[152] Даль[3] II, стб. 303.
[153] Гарэцкі, стр. 81.
[154] Sławski II, zesz. 3, стр. 242—243.
[155] Pleteršnik I, стр. 413.
[156] Мельниченко, стр. 87.
[157] Pleteršnik I, стр. 407.

русск. *клюся* 'жеребенок', словен. *kljúse* 'кляча, плохая лошадь'[158], а также русск. диал. *клюсить* перм., вят. 'идти ситничку или моросить, бусить'[159], возможно, болг. *кљсим* 'скитаться; тащиться последним'[160]. Если для этой основы предположить итератив на *-ati* типа **klypsati*, то как продолжение его могут быть истолкованы некоторые южнославянские образования, очень неясные в этимологическом отношении, и среди них словен кайк. *klisati* 'скакать галопом', с.-хорв. *klísati*, *klīsām*, *klísiti*, *klısīm* 'прыгать', *klîs* 'острый камень; заостренная кровля', *nä-o-klis* 'сужаясь к концу', напр. *njiva ide naoklis*[161].

Миклошич сравнивает эти образования с **klinъ*[162], Бернекеру представляется такое сопоставление неудовлетворительным.

Думаем, что южнославянские формы могут получить объяснение на основе чередования **klups-* : **klyps-*. Значение и структура этих форм не противоречат общим правилам образования итеративов.

*kut- : *(s)kyt-

Слав. **skytati sę* 'vagari' не имеет определенной этимологии[163]. По структуре принадлежит к итеративным глаголам, что дает основание предположить существование некой глагольной основы, неитеративной по отношению к **skytati*. Решающее значение имеют данные словенского языка, сохранившего прозрачные связи обеих основ. Еще Миклошич вскользь обратил внимание на отношение слав. **skytati sę* и словен. *skutiti* 'о птицах, которые в брачную пору оставляют свое гнездо', 'совершать вероломство, оставлять без помощи'[164]. Показателем префиксального *-s* служат такие словенские образования, как *kutiti se* 'нагибаться, склоняться, прятаться, сидеть на корточках' (вост. Штирия), *prekútiti se* 'опрокинуть, перевернуть' (Горишко); 'сделать поворот к лучшему', ср. *bolezen se mu je prekutila* 'кризис миновал' (Подкрна), *pokutiti se* 'отойти, уклониться', *ukutiti* 'становиться непристойным'[165].

В словен. *skitati se* идентично *skútati se* 'бродить, блуждать (о детях, покинувших родительский дом)'.

Дальнейшие связи остаются неясными. Обычно сравнивают с лит. *kutė́ti* 'трясти, шатать', *kùsti* 'выздороветь, окрепнуть'. Можно предположить исходный и.-е. корень **keu-* 'гнуть'.

---

[158] Berneker, стр. 529; Фасмер II, стр. 258; Machek[1], стр. 207.

[159] Даль[3] II, стб. 306.

[160] Л. Гълъбов. Говорът на с. Доброславци, Софийско. — БД II, стр. 86.

[161] Pleteršnik I, стр. 407; Berneker, стр. 520.

[162] Miklosich, стр. 306.

[163] Vasmer II, стр. 638.

[164] Miklosich, стр. 306.

[165] Pleteršnik I, стр. 491; II, стр. 247, 485, 502, 719.

*r'um- : *rym-

Русск. диал. *рюмить* 'плакать', *рюма* ряз., сиб. 'плакса, рева', блр. *рюмзаць* 'плакать', укр. *рюмати*, *рюмсати* то же отражают основу **r'um-* < **reum-*. Итератив на *-ati* представляют не только русск. псков., тверск. *рымонить* 'реветь', зап. *рымзать* то же, *рымза* 'плакса' [166], но и с.-хорв. *rȉmati* 'хныкать, плакать (о маленьких детях)' [167]. В круг близкородственных основ входят **rydati*, **reveti*. Из неславянских соответствий укажем лит. *riaumóti* 'реветь (о быке)', лат. *rūmor* 'шум, крик, молва', др.-исл. *rymr* 'рев' [168].

Укр. *ре́мстити* 'роптать, быть недовольным, претендовать', возможно, отражает ступень редукции этого корня [169].

*(s)mul-: *(s)myl-

Русск. *хмы́ли́ть* 'плакать, хныкать', 'ухмыляться, улыбаться, усмехаться', 'скучать, горевать' и многочисленные приставочные образования (ср. *ухмыляться*, *ухмыла* 'улыбка', *ухмыл*, *захмылка* 'залом, провес, впадина') [170], в плане деривации соотносятся с укр. *хмула́* 'флегматик', *хму́лавый* 'вялый, слабый, мутный' [171], *хмули́стый* 'ворчливый, нечистый', польск. *chmulić się* 'мрачнеть, становиться грустным' [172], словен. *smuliti*=*cmuliti* 'плакать' [173]. Начальное *x* экспрессивного происхождения.

В эту же группу можно, видимо, включить словен. *múliti* 'ласкать, льстить' (Марибор), *muljȉv* 'льстивый' [174].

Аналогичные отношения представляют русск. *хмурый*, *смурый* при словен. *murẹ́ti* 'придавать лицу мрачное выражение, дуться', *múriti se* 'хитро, лукаво смотреть' [175] и *хмыра* 'плакса', *хмыриться* 'дуться, сердиться', *мыриться* псков. 'плакать, горевать, скучать' [176].

В том и другом случае подвижное *-s*, легко переходящее в *x*-.

Во всех рассмотренных выше примерах огласовка *y* как результат вторичного продления корневого вокализма морфонологизовалась в итеративных основах.

---

166 Vasmer II, стр. 556, 559.
167 RJA XIV, стр. 162.
168 Fraenkel Lfg. 10, стр. 727.
169 Гринченко IV, стр. 12.
170 Даль[3] I, стб. 1645; IV, стб. 1110, 1203.
171 Р. Смаль-Стоцький. Українська мова ветн мольогічному словарі Е. Бернекера. «Slavia» V, 1, 1926, стр. 45.
172 Vasmer III, стр. 252.
173 Pleteršnik II, стр. 524.
174 Pleteršnik I, стр. 619.
175 Там же.
176 Даль[3] II, стб. 954.

Особый случай чередующихся основ представляет отношение: огласовка *u* в корневых именах — огласовка *y* в глагольных основах. Рассмотрим это чередование на примере двух основ.

***gruz-: *gryz-ti**

имеет в исходе отношение и.-е. корней **grōug'-*: **grūg'-*, которое в балтийских языках отражается в противопоставленности лит. *gráužti* 'грызть' и *grūžinėti* то же, *grūžtìs* 'режущая боль в животе'[177]. Слав. **gryzti* апофонически соотносится со слав. **grustь*, словен. *grúže* pl. 'чесотка'[178], польск. *gruzła* 'ком', в.-луж. *hruzła*, н.-луж. *gruzła* 'ком земли'[179]. Славский, напротив, связывает польск. *gruz*, *gruzeł* с **gruda* < **ghreu-d*[180].

***tuta : *tyti**

Слав. **tyti*, **taviti* соответствует именная основа с расширителем *-t-*: с.-хорв. *tùtulja* 'зоб', *tȕtlić* 'сорт яйцеобразной тыквы'- болг. *ту́туля* 'цевка'[181], возможно, сюда же принадлежат словен. *túta* 'брюзга; недовольный, неразговорчивый человек; болван'[182] и русск. диал. *ту́та* калуж. 'печаль, апатия, скука'[183].

Буга сопоставляет русск. *тута* с лит. *tautà* 'скорбь', *taũsti* 'тосковать, грустить'. Френкель сомневается в возможности такого сближения[184]. Ильинский предполагал для серб. и болг. форм исходный корень **teut-* 'нечто овальное, шарообразное'.

III. Славянские языки отражают билатеральные чередования, при которых в корнях изучаемой структуры складывается отношение: согл.+*u̯*+глас./согл.+глас.+согл., ср. **kypěti* : **kvasъ*, **xvor-* : **xur*,- **xvala* : **xula*. Случаи подобных чередований нередки в славянских языках, в значительной степени унаследованы из и.-е. эпохи, в какой-то своей части сложились на славянской почве[185].

Билатеральное чередование служит основой для реконструкции этимологических связей некоторых основ.

---

177 Arumaa. Указ. соч., стр. 169; Fraenkel Lfg. 3, стр. 164—165; Machek², стр. 186.

178 Pokorny I, стр. 461—462, 486.

179 Berneker, стр. 358.

180 Sławski I, стр. 361—362.

181 Г. Ильинский. 3 слав. этимологии. — ЈФ IX, 1930, стр. 288—289.

182 Pleteršnik II, стр. 703.

183 Даль³ IV, стб. 876.

184 Fraenkel Lfg. 14, стр. 1070.

185 Shevelov. Указ. соч., стр. 120—121; Arumaa. Указ. соч., § 40. Следы билатеральных чередований изучались на корнях различной структуры. Г. Ильинский (G. Jljinskij. Der Spirant *v* vor *o* aus idg. *ə* im Urslavischen. — AfslPh XXIX, 2—3, стр. 161—169), опираясь на случаи фонетического исчезновения *v* перед *o* типа *hošč* ~ *hvošč*, *hoja* ~ *hvoja*, восстанавливает для некоторых основ корни с *v* перед *o* из и.-е. *ə* в позиции

*tvor-: *tur-

Слав. **tvoriti* лежит в основе семантически отличных лексем с префиксом *по-*: русск. *потворить*, *потворствовать* 'поблажать, потакать и т. д.', *потвбры* мн. 'зелье, чары, колдовство, ворожба' [187], укр. *потвбра* 'урод, чудовище', *потворйтися* 'зариться, желать чего, хотеть, иметь' [188], блр. *потвбра* 'потворство', *потворіць* 'потворствовать, баловать', чеш. *potvora* 'чудовище' и др.[189]

Иную ступень отражают русск. диал. *потурáть* кому юж. зап. 'потакать, поблажать' [190], укр. *потурáти* 'потворствовать, поблажать; обращать внимание', *пбтур* 'поблажка, потворство' [191].

Ср. аналогичное отношение представляют лит. *tvérti* : *turė́ti* 'держать' [192].

*svěp- : *svap- : *sup-

Словен. *svę́pati* 'качаться, ковылять' с фонетическими вариантами *švę́pati*, *šę́pati* [193] входит в одно гнездо родственных слов вместе с русск. ц.-слав. *свепетати* 'качаться, двигаться туда-сюда', др.-русск. *свѣпатися* 'кивать, качать' [194], с.-хорв. *шéнути*, *шȇнêм* 'свернуть (с дороги); двинуть, шевельнуть', *шȅпав* 'хромой', *шепȅљити* 'ковылять, идти вразвалку' [195]. Близкородственной основой считается слав. **sъpǫ*, **suti*, **sypati*, ср. лит. *sùpti*, *supù* 'качать, баюкать'.

после *g*, *k*, *kh*, ср. русск. *копоть* ~ лит. *kvãpas* < **qu̯əp-*. Й. Шютц (J. Schütz. Zur Abstufung und Erweiterung in diphthongischen Wurzeln im Slavischen und Baltischen. — «Die Welt der Slaven» VIII, 4, 1963—1964, стр. 337—348), давая небольшую историю вопроса, особенно подчеркивает краткость корней со структурой *cvc-* по отношению к корням с долгим дифтонгом. Отношения слав. *sokъ* ~ лтш. *svaka*, лат. *sūcus*, с.-хорв. *svȍta* 'сумма' — **syt-*, польск. *suty* аналогичны отношениям полной ступени и ступени редукции в корнях с сонантом: ср. **chr̥m-* в ст.-слав. *ochrъmǫ*, чеш. *ochrnouti* 'хромать' при праслав. прил. *chrom-*; русск. *зябнуть* < **zęb-nǫti* — *зноб* < **zn-o-b-*. Из ряда чередующихся основ с последовательным отражением полной ступени, ступени удлинения и ступени редукции (ср. **chŏut-*: **chūt-*: **chut-* > чеш. *chut'* 'радость': слав. **chytiti* : с.-хорв. *htjȅti* < **chъtěti*) выпадает основа со ступенью редукции и начинает функционировать как нормальная ступень, на базе которой складывается корень со структурой **chu̯-o-t-* (ср. русск. *охота*, *охвота*), новое удлинение корневого гласного отражает слав. *chvatъ* < **chu̯-ō-t-*.

[186] В. Кипарский. О так называемых двухсторонних чередованиях гласных. «Исследования по славянскому языкознанию». М., 1971, стр. 418.

[187] Даль³ III, стб. 922.

[188] Гринченко III, стр. 376.

[189] Vasmer II, стр. 418.

[190] Даль³ II, стб. 939.

[191] Гринченко III, стр. 383.

[192] Vasmer III, стр. 87.

[193] Pleteršnik II, стр. 606, 624, 652.

[194] Vasmer II, стр. 589; Shevelov. Указ. соч., стр. 121; Arumaa. Указ. соч., стр. 124.

Словенский отражает и другие ступени чередования этой основы. Полную ступень корневого вокализма представляет словен. *sûplje* plur. 'детские лыжи, состоящие из двух досок' [196] при отражении ступени редукции в слав. **sъpǫ*, лит. *sùpti*. В ряду билатеральных чередований выступает и основа *švapiti* 'идти вразвалку', *švapljáti* то же, *švâplja* 'старая плохая обувь', 'плоскостопие', *svâplјеž* 'плоскостопие' [197].

*šu- : *sv-

Русск. диал. *шуя́* симб., пенз. 'пыж, пелева, полова конопляного семени, которое под лузгой или под шелухой' [198], *ошуя* 'человек никем не любимый' [199], укр. *шу́я* 'сволочь, шваль' [200] отражают корень, для которого можно предположить чередующуюся ступень в русск. диал. *шваль* собир. 'шушваль, шушера, сброд, дрянной люд' и *шушваль* 'дрянной люд, сброд' [201] с экспрессивным начальным *šu-*.

Этим сопоставлением исчерпываются внутриславянские ресурсы для реконструкции исходного типа основ. Дальнейшие связи неясны. Учитывая, что многочисленные наименования шелухи, мякины, различных отходов произведены от глагольных основ со значением 'бить, трепать, давить, лущить и т. д.', можно в порядке гипотезы высказать предположение о возможной связи данных чередующихся основ с гл. **sovati*. Замена *s* > *š* в таком случае носит экспрессивный характер.

*kuka : *kvek-

Полный набор ступеней аблаута представлен для и.-е. корня **kou-* 'гнуть' в славянских языках. Для основы с расширителем *-k-* это чередование **kuka* : **kъka* : **kyka* [202]. Отражением билатерального чередования для этой основы можно считать отношение слав. **kuka*: словен. *kvę́ka* 'нечто согнутое; калека', *kvę́čiti* 'сгибать, искривлять; вдавливать, изуродовать' [203]. Без расширителя основу с этим корнем представляет словен. *kávelj* 'крюк', 'росток', 'сильный человек' [204].

---

195 В. Караџић, стр. 865.

196 F. Bezlaj. Einige slovenische und baltische lexische Parallelen, стр. 80.

197 Pleteršnik II, стр. 604, 651.

198 Даль³ IV, стб. 1490.

199 И. Свенцицкий. Опыт сравнительного словаря русских говоров (Галицко-бойковский говор). — Ж. Ст., год десятый, 1900, в. I—II, стр. 223.

200 Гринченко IV, стр. 521.

201 Даль³, IV стб. 1489.

202 Vasmer II, стр. 231, 403—404; Sławski II, 2, стр. 135—136.

203 Pleteršnik I, стр. 493.

204 Там же, стр. 391.

О. Н. Трубачев

ЗАМЕТКИ ПО ЭТИМОЛОГИИ НЕКОТОРЫХ НАРИЦАТЕЛЬНЫХ И СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

Русск. диал. *чичер*, сербохорв. *чи̏ч*, *ци̏ч* и родственные

Русское слово, названное в заглавии данной первой заметки, неизвестно литературному языку и существует только в составе лексики ряда народных говоров (главным образом — южновеликорусских, см. ниже обзор примеров). Приходится констатировать, что ясность относительно этимологии этого слова еще не достигнута. Собственно говоря, его происхождения очень бегло касались только Преображенский и Фасмер. Первый из них сближает русск. *чичер* с санскр. *śiśira-* 'холод, холодное время', но случайность этого сближения была очевидна и его автору, который говорит о нем как о «любопытном совпадении» тем более, что древнеиндийский пример помещен им недвусмысленно в ряду форм от и.-е. **k'el-* [1]. Фасмер отвергает сближение Преображенского; сам он при этом ограничивается сравнением с русск. диал. *чи́чега*, *чи́чела*, *чи́чала* 'иней, изморозь, мокрый снег' [2], но последнее засвидетельствовано как слово исключительно северновеликорусское, конкретно — олонецкое. Географическая отдаленность от ареала слова *чичер* (см. ниже) заставляла отдельных исследователей искать истоки олонецкого диалектного слова в карельск. *tšipšu* 'мокрый снег' (см. Калима у Фасмера, там же, который, впрочем, эту этимологию оспаривает). Обособленность распространения, формы (отчасти — семантики) и, вероятно, происхождения заставляет нас оставить пока вопрос о северновеликорусском слове в стороне и сосредоточить внимание на слове *чичер* тем более, что оно не получило достаточного освещения в этимологической литературе и, видимо, не считается древним (так, оно пропущено в «Славянском этимологическом словаре» Бернекера).

Перейдем к обзору форм интересующего нас слова: *чи́чер* м. р., *чи́чера* ж. р. (тул., орл., тамб., ряз.) 'резкий, холодный осенний ветер с дождем, иногда и со снегом' [3], *чи́чер* 'пурга с ветром, дождливая изморозь, мелкий дождь с ветром' [4], *чи́чер* м. р. 'холодный ветер с изморозью и дождем; осенний дождь с холодным ветром' (дон., орл., тамб.), 'метель' (тул.) [5], *чи́чер* 'сумо-

---

[1] Преображенский II, стр. 319.
[2] Vasmer III, стр. 344.
[3] Даль² IV, стр. 609.
[4] Миртов. Донской словарь, стр. 359.
[5] Опыт, стр. 259.

розь' [6], *чи́чер* 'осенний холодный ветер с дождем и снегом; северный ветер' [7], *чи́чер* (ч'и́ч'ар) м. р. 'резкий холодный ветер на открытом месте': . . .Ло́шъд'и т'ип'е́р' н'а вы́йдут' из л'е́су, там ч'и́ч'ар вон како́й, а з'д'ес' [в лесу] т'и́ха. На ч'и́ч'ир'и — е́тъ йа ду́май, бур'а́ така́йа, ч'и́ч'ар заву́т'. . .[8] Слово *чичер* в значении 'резкий, холодный ветер' встречается, между прочим, в повести С. Есенина «Яр» [9]. По-видимому, трудно объяснить происхождение и состав слова *чичер*, оставаясь в пределах русского материала. Созвучные гидронимы *Чечера*, *Чечора*, *Чичора*, *Чичара* в бассейнах рек Сожа, Десны и др. имеют особое, как обычно считают, — балтийское происхождение [10] и едва ли помогают разъяснению этимологии апеллатива *чичер*. Образование апеллатива от гидронима в данном случае кажется маловероятным, как, впрочем, и прямое заимствование слова *чичер* из балтийского. В последнем нас, в частности, убеждает, помимо отсутствия подходящего источника в лексике балтийских языков, существование некоторых родственных форм в славянской лексике, например сербохорв. *чи̏ч* м. р. 'сильная стужа, холод', в словаре Вука — *ци̏ч*, *цић* м. р. (черногорск.) в выражении: *пукао цич* (о большом холоде, морозе), также *ćić* м. р. 'иней' [11]. Эта лексика тоже, в свою очередь, пропущена в словаре Бернекера, возможно, не без влияния мнения авторов Загребского академического словаря сербохорватского языка, относивших сербохорватское слово к экспрессивным образованиям вроде сербохорв. *cičati*, *ciknuti*. Между тем сравнение сербохорв. *чи̏ч* 'сильная стужа, холод' (формы вроде *ćić* могут содержать вторичную, экспрессивную палатальность) и русск. *чичер* (см. выше) показывает старый суффиксальный производный характер русского слова и делает вероятным древнее образование непроизводного сербохорватского слова.

На основании сравнения упомянутых сербохорватского и русского слов, распространенных на изолированных и не соседствующих друг с другом территориях, можно допустить отражение в названных словах архаизма: русск. *чичер* $<$ **kīker-* или, скорее, **kei̯ker-*. Эту последнюю реконструированную форму мы считаем этимологически родственной и словообразовательно наиболее близкой лит. *kaĩkaras* 'высокий и сутулый', 'лодырь' [12]

---

[6] Е. Будде. К диалектологии великорусских наречий. Исследование особенностей рязанского говора. — РФВ XXVIII, 1892, стр. 68.

[7] Диттель. Сборник рязанских областных слов. — Ж Ст. VIII, 1898, стр. 226.

[8] Деулинский словарь, стр. 599.

[9] См. словарик, составленный А. А. Есениной, в изд.: С. Есенин. Собрание сочинений в трех томах. Том 3. М., 1970, стр. 344 (Примечания).

[10] В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962, стр. 219 (там же прочая литература).

[11] RJA II, стр. 136.

[12] Fraenkel I, стр. 202. Отношение русск. *чичер* : лит. *kaĩkaras* в вокализме суффикса аналогично отношению слав. **večerъ* : лит. *vãkaras*.

и др.-инд. *kekara-* 'косой, косоглазый' [13]. Далее, сюда же относятся лат. *caecus* 'слепой; темный' и близкородственные др.-ирл. *caech* 'одноглазый', гот. *haihs* 'то же' [14]. Они продолжают и.-е. **kai-ko-*, производное с суффиксом *-ko-* от **kai-* 'один, единственный' [15].

Из этой семантической первоосновы хорошо объясняются значения 'одноглазый', 'косоглазый', 'слепой' перечисленных выше слов (литовские значения 'сутулый', 'разболтанный', 'ленивый' укладываются в более широкую семантическую рубрику 'наделенный недостатком, в частности физическим'). На первых порах отнесение сюда же русского слова *чичер* представляется по меньшей мере затруднительным семантически. Однако почти для всех примеров употребления этого русского диалектного слова наиболее характерно значение 'резкий, холодный ветер' или близкие ('осенний холодный ветер' и т. п., см. выше). Подобно тому как форму русск. *чичер* мы вправе возвести к более древнему **kei̯ker-*, современное его значение 'резкий, холодный ветер' мы могли бы объяснить как эволюцию из более древнего 'слепящий, слепой ветер'. На такую мысль наводит нас вскрытие диахронической семантической модели 'слепой' → 'холодный, северный ветер' в некоторых индоевропейских языках: греч. *καικίας* 'северо-восточный ветер', сближаемое при этом обычно с лат. *caecus* 'слепой' [16], лат. *aquilō* 'северный ветер' — лат. *aquilus* 'темный' и др.[17]

Как уже было сказано ранее, русск. *чичер* может продолжать и.-е. **kei̯ker-*; в то же время привлеченная индоевропейская лексема 'слепой' обнаруживает такую особенность вокализма, как наличие гласного *a* (лат. *caecus*, др.-ирл. *caech*), характеризующего нередко корень слов, обозначающих недостаток или болезнь [18]. Экспрессивная функция этого неапофонического индоевропейского *a* могла сглаживаться путем последующих апофонических выравниваний или ассимиляций; последнее могло иметь место в дославянском **kei̯ker-* < **kai̯ker-/*kai̯kor-*.

Изложенная выше гипотеза по этимологии русск. *чичер* (и сербохорв. *ч̏ӣч*) может представить интерес в плане дальнейших поисков отражений и.-е. **kai-* 'один, единственный' в славянском, где до сих пор они указывались в формах **cělъ*, **cěglъ*.

---

[13] A Sanskrit-English dictionary... by M. Monier-Williams. Oxford, 1964, стр. 308.

[14] Mayrhofer I, стр. 264 (с сомнением ввиду позднего характера свидетельств. др.-инд. слова); Walde-Hofmann I, стр. 129; Ernout-Meillet[3], I, стр. 147 (без др.-инд. слова).

[15] Pokorny I, стр. 519—520.

[16] Frisk I, стр. 753—754; Hofmann, стр. 128; сомнения по поводу этой этимологии см., в частности, Boisacq[4], стр. 390—391.

[17] См. Walde-Hofmann I, стр. 129.

[18] См. об этом Ernout-Meillet[3] I, стр. 147.

Др.-русск. *очюнной* (русск. *очень*), в.-луж. *cuni*, словин. *cãnï*

Типично русское слово, не имеющее, как обычно полагают, соответствий в других славянских языках, — наречие *очень* насчитывает к настоящему времени целый ряд этимологий в литературе и, можно сказать, еще не получило удовлетворительного объяснения до сих пор. Нас не могут удовлетворить этимологии *очень* от *око*, от *очнуться*, *очутиться*, из **отъчьнь*[19]. Более древней и одновременно этимологически наиболее авторитетной формой слова является древнерусская огласовка *очунь*. А. С. Львов, ранее объяснявший *очень* из *очунь* 'дурно', 'чрезвычайно', 'весьма', наречия от глагола *очунѣти*[20], пришел позднее к заключению, что *очунь* — существительное с суффиксом *-нь* от глагола *очути*, ср. *дань* : *дати*. По мнению А. С. Львова, от существительного *очунь* было образовано прилагательное *очюнной* 'дурной' (Иван Грозный, 1578 г.). Переход *очунь* из существительных в разряд наречий автор сравнивает с аналогичным переходом слов *страх*, *жаль*[21]. Доводы А. С. Львова логичны, но исходят из молчаливого допущения, что речь идет о русском новообразовании. Привлечение родственных данных из других славянских языков, к которым мы обратимся ниже, меняет оценку явлений. В нижеследующих примерах можно заранее выделить устойчивость элемента *-n-* (*-н-*), по А. С. Львову — вторичного суффикса. Все сравниваемые ниже слова — прилагательные. В русских формах мы также видим прилагательные: полное — *очюнной* и краткую адвербиализированную форму *очюнь*. Родственные формы находим в западнославянском: в.-луж. *cuni* 'мягкий, нежный', 'тонкий'[22], словин. *cãnï* 'красивый, хорошенький'[23], *cёnï* 'то же'[24]. Верхнелужицкую и кашубско-словинскую формы может объединить вместе с древнерусской формой *очюнной* только праславянская реконструкция **otjunъjь* — прилагательное, полученное сложением префикса *ot-* и основы *jun-*. Дальнейшая история форм в западнославянском привела к переразложению, вследствие чего *o-* было осмыслено как префикс и затем отделено и новым началом слова оказалось *tj-* > зап.-слав. *c-*. Благодаря Махеку мы можем в деталях проследить это развитие на одном этимологически родственном образовании, которое вместе с тем настолько обособилось от наших прилагательных, что сам Махек упустил из виду наличие этих этимологически родственных соответствий. Непосредственным предметом анализа

---

[19] См. Vasmer II, стр. 295.

[20] А. С. Львов. Из лексикологических разысканий. «Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР» X. М., 1956, стр. 68 и след.

[21] А. С. Львов. Из лексикологических наблюдений. 2. Еще раз об этимологии *очень*. «Этимология. 1965». М., 1967, стр. 194—195.

[22] Pfuhl, стр. 63, Jakubaš, стр. 71.

[23] Lorentz Slovinz. Wb. I, стр. 98.

[24] Lorentz Pomor. I, стр. 90.

Махека послужило чеш. диал. (зап.-мор.) *coun* 'молодой побег, отросток' [25], также *cun*, с одной стороны, и ст.-чеш. *ocún* 'растение Colchicum' — с другой. Если в первом издании этимологического словаря Махека мы читаем под coun помету «неясное» [26], то во втором его издании это слово убедительно проэтимологизировано как тождественное *ocún* < **otjunъ*, первоначально — 'молодой отросток, побег вообще' [27]. Специальное внимание Махек уделяет при этом функции префикса *ot-*, принимая для него здесь значение 'вновь, опять' (со ссылкой на аналогии в балтийском) из первоначального значения взаимности, т. е. в любом случае — значение более древнее, чем теперешнее разграничительное. Махек приходит к выводу, что в ст.-чеш. *ocún* 'растение Colchicum' (а также в чеш. диал. *coun* 'молодой побег, отросток') представлено субстантивированное прилагательное особого типа [28]. Если Махек приходит к констатации адъективного характера данного образования лишь путем реконструкции, то тем более ценны для нас свидетельства в.-луж. *cuni*, словин. *cãnï*, *cënï*, др.-русск. *очюнной*, функционирование которых в качестве прилагательных очевидно и не требует доказательств. Не должна вызывать принципиальных возражений как будто и реконструкция **otjunъjь* для этих прилагательных (см. выше). Что касается семантики названных прилагательных и возможного характера ее связи со значениями слав. **junъ* 'молодой, юный', то здесь намечаются определенные отличия. Связь значений западнославянских прилагательных — в.-луж. 'мягкий, нежный', 'тонкий', словин. 'красивый, хорошенький' — со значением 'молодой' может быть, кажется, принята как самоочевидная. Древнерусское значение 'дурной', думается, развилось из 'чрезвычайный, сильный' (ср. значения *очунь*, *очень*), а последнее опять-таки восходит к значению 'молодой', в чем мы согласны с Р. Ф. Брандтом, который, в отличие от Миклошича и ряда более поздних исследователей, именно так, в частности, объяснял ст.-слав. оунии melior (Супр.): 'моложе' → 'сильнее, лучше' [29]. Требует оговорки и функция префикса *ot-* в реконструированном прилагательном **otjunъjь*: не исключено, что мы здесь имеем своего рода суперлатив (ср. значение родственного др.-инд. *áti* 'чрезвычайно, очень', авест. *aiti-*) 'очень молодой, юный' → 'нежный', 'красивый'; 'сильный, чрезвычайный'.

---

[25] Bartoš. Slov., стр. 40.
[26] Machek[1], стр. 61.
[27] Machek[2], стр. 89.
[28] Там же, стр. 408.
[29] Р. Ф. Брандт. Дополнительные замечания к разбору Этимологического словаря Миклошича. Варшава, 1891, стр. 177—178. — Иначе см. Miklosich, стр. 372; Vasmer III, стр. 184 (с литературой); Sadnik-Aitzetmüller. Handwörterbuch, стр. 325.

Укр. *Говерла*, название горы в Карпатах

Говерла — так называется наивысшая вершина (2.058 метров над уровнем моря) Украинских, Лесистых Карпат. Другие попытки этимологизации оронима *Говерла* нам неизвестны. Это название может продолжать более раннее **оверла* (с вторичным развитием протетического придыхания перед этимологически чистым начальным гласным[30]) < **ob-vьrtla*. Близкое этимологическое соответствие находим только в сербохорватской апеллативной лексике: *ȍvr̂l̥* м. р. 'вид женского головного убора', ср. пословицу Gizdavoj nevi ne možeš *ovrl̥* oko glave obmotati; сюда же, далее, *Ovrl̥e*, топоним в Далмации, *Ovrl̥ica*, местное название в Боснии; *ovr̀l̥ina* ж. р. 'женский головной убор, кичка'. Любопытно здесь отметить и форму с протетическим *h- hovrlica* ж. р. 'старинный женский головной убор в Винодоле' (с XIII в.)[31]. Метафорическое употребление названия женского головного убора, кички в качестве названия горы кажется естественным. Этимологическое тождество *Говерла*: сербохорв. *ovrl̥* представляет интерес в ряду других карпатских «южнославянизмов» украинского[32].

Восточнославянский гидроним *Суходров*

Речь идет о названии малой реки, левого притока Шани, левого притока Угры, в бассейне Оки. Гидроним известен в целом ряде вариантов — *Суходров*, *Суходрев*, *Суходровь*, *Суховъ-ровъ* в списках, картах и документах древнего и нового времени[33]. Относя часть вариантов названия за счет народноэтимологических переосмыслений (таковы, по нашему мнению, *Суходрев*, *Суховъ-ровъ*), выделяем как наиболее авторитетный этимологически, т. е. главным образом не отражающий явной тенденции осмысления и вторичной ассоциации, вариант Суходров. Перед нами — гидронимическое сложение, которое можно лучше понять, сопоставив с практически тождественным сложным гидро-

---

[30] См. о протезе *г-* перед *о-* в украинских диалектах: J. Z i ł y ń s k i. Opis fonetyczny języka ukraińskiego. Kraków, 1932, стр. 108; J. П а н ь к е в и ч. Українські говори Підкарпатської Руси і сумежних областей, ч. I. Praha, 1938, стр. 107; Г. Ф. Ш и л о. Явище протези в слов'янських мовах. «Вопросы славянского языкознания». Кн. II. Львов, 1949, стр. 231, 233, 234; Ф. Т. Ж и л к о. Нариси з діалектології української мови. Київ, 1955, стр. 111.

[31] RJA IX, стр. 499; III, стр. 673.

[32] См. в целом об этой проблеме вступительную статью к изд.: С. Б. Б е р н ш т е й н, В. М. И л л и ч - С в и т ы ч, Г. П. К л е п и к о в а, Т. В. П о п о в а, В. В. У с а ч ё в а. Карпатский диалектологический атлас. М. [б. г.], ротапринт.

[33] Книга Большому чертежу или древняя карта Российского государства. Изд. 2, СПб., 1838, стр. 119; Книга Большому чертежу. Подготовка к печати и редакция К. Н. С е р б и н о й. М.—Л., 1950, стр. 119. Сведения о гидрониме *Суходров* и вариантах взяты из работы: Г. П. С м о л и ц к а я. Список рек бассейна р. Оки (рукопись).

нимом на территории Литвы: в старых записях — *Савсдравы*, *Совздровисъ*, современное лит. *Saũdravas*[34], далее — *Sausdrãvas*, *Sausdrãvė*[35]. В литовском гидрониме выделяется компонент *saus-* 'сухо-', этимологически идентичный начальному *Сухо-* русского гидронима. Второй компонент лит. *-drav-* так же точно соответствует русск. *-дров*, дополнительно подтверждая наличие здесь особого этимона, не связанного ни с дровами, ни с древом (см. вторичные варианты русского гидронима, выше). Это особая гидронимическая основа, выступающая, в частности, и на восточнославянской территории, ср. например название реки *Адров/Одров*, в Поднепровье, как, впрочем, и на балтийской территории, ср. др.-прусск. *Drawe*, название ручья. Своеобразие случая *Суходров* состоит в том, что полное соответствие ему находим в балтийской гидронимии, но второй его компонент не находит опоры ни в славянской, ни в балтийской апеллативной лексике (созвучные лексемы со значениями 'дрова', 'дерево' в славянских языках, 'борть, дупло' и т. д. в балтийских языках здесь явно не подходят). По-видимому, здесь налицо реликты индоевропейской именной отглагольной основы, прослеживаемой в старой гидронимии разных индоевропейских территорий (иллир. *Dravos*, польск. *Drwęca*, галльск. *Druentia*, др.-инд. *Dravantī-* : *drávati* 'бежит, течет' < и.-е. **dreu̯-*[36]).

---

[34] K.-O. **Falk**. Wody wigierskie i huciańskie. I. Uppsala, 1941, стр. 191.
[35] «Lietuvos TSR upių ir ežerų vardynas». Vilnius, 1963, стр. 143.
[36] Обзор форм см. Pokorny I, стр. 205.

Л. В. Куркина

СЛАВЯНСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ

Укр. *піхур*

Укр. *піхур* 'пузырь'[1] сопоставимо с ц.-слав. пѣхырь m. 'πομφόλυξ bulla', пѣхыри[2], чеш. *pěchúr* 'uterus'[3]. Выделяемый в них корень **pěx-* можно предположить и для с.-хорв. *pijèhati*, *pȉjehâm* 'дуть, дышать, пыхтеть, тяжело дышать; хрипеть (об умирающем), вздыхать, всхлипывать', *pijèhnuti*, *pȉjehnêm* у В. Караджича в значении 'испустить дух, скончаться' (Черногория), *pijèhńa* 'одышка, тяжелое дыхание'[4].

Дальнейшие связи этих основ не вполне ясны. Но допустимо предположение об исходном и.-е. корне **(s)pei̯s-* 'дуть' (ср. лат. *spīrō*, *-āre* 'дуть', др.-инд. *piččhōrā* 'флейта, дудка'), который в славянских языках отражается в ступени **poi̯s-* (ср. кимр. *ffun* 'дыхание' < **spoi̯-nā*)[5]. Мысль о принадлежности ц.-слав. пѣхырь к семье родственных слов с и.-е. корнем **poi̯so* принадлежит Х. Петерссону и представляется убедительной[6].

Ф. Прусик, признавая родство чеш. *pěchový* 'жеребенок' и *pěchúr* 'uterus', сравнивал их с греч. πη-ός, дор. πᾱ-ός < πᾱσ-ος, реконструируя в качестве прототипа **pēs-*. Думается, что следует разделить чешские образования, отнеся первое к лексической группе **pěx-*, *пеший*, а второе связав с изучаемым кругом основ.

Семантический переход 'дуть, надувать' → 'пухнуть, набухать, отекать' давно отмечен в этимологической литературе и подтверждается многими примерами; ср. русск. *опухоль*, с.-хорв. *пу̏ха* 'пузырь, опухоль' из и.-е. **peus-* : **pŭ-* 'дуть'[7], русск. *ветреница* 'болезнь emphysema, ветряная или воздушная опухоль'[8].

Словен. *smogor*

Словен. *smogọ́r* фиксируется словарем Плетершника в следующих значениях: 'сучок', 'нарост, желвак', 'сыпь', 'надутый

---

[1] Гринченко III, стр. 189.
[2] Miklosich LP, стр. 762.
[3] F. Prusík. Slavische Miscellen. — KZ XXXV, 1899, стр. 601.
[4] RJA IX, sv. 42, стр. 839—840; Iveković-Broz II, стр. 31.
[5] Pokorny I, стр. 796.
[6] H. Petersson. Germanische Worterklärungen. — PBrB XLIII, 1917, стр. 149—153.
[7] Vasmer II, стр. 469—470.
[8] Даль³ I, стб. 822.

человек' (вост. Штирия), производный от него гл. *smogoriti* значит 'дуться' [9].

Словен. лексемы могут дополнить уже известный небольшой ряд соответствий с вокализмом *o* в корне, соотносимый с праслав. основой **smaga*, **smažiti* 'жечь', отражающей ступень продления. По данным словарей Брюкнера и Фасмера, основу с корневым *o* представляют н.-луж. *smogoŕ* 'торф', польск. топ. *Smogor*, *Smogorzewo* [10]. Суффиксы *-orь*, *-yrь*, *-urь* обычно оформляют имена со значением 'tumor', ср. русск. *пузырь*, укр. *піхур*, словен. *bűhor*, *puhor* 'водяной пузырь' и др.

Словен. *voleki*

Словен. *voleki* pl. 'почки' [11] впервые сопоставлено Ф. Безлаем с чеш. *vole*, с.-хорв. *volja* 'зоб'. В словенском однокорневым образованием следует признать *zavǭlek* 'узел', перен. 'запутанное дело, напр. жалоба, иск' [12]. Не очень ясна соотнесенность с этими основами словен. *volej* 'дикая роза, Rosa canina' [13].

Ф. Безлай, допуская возможность родства с основой *uljê*, *uljêsa* 'гнойное образование', в качестве исходной основы для отмеченных выше образований признает **vol-* со значением 'нечто набрякшее', набухшее' [14].

К близким выводам в свое время пришел Г. Ильинский, разбирая отношения русск. *выль*, словен. *ul* 'опухоль' и польск. *wol* 'подгрудок, птичий зоб', с.-хорв. *vȍlja* и др. Признав все эти образования родственными, он связал их последовательно чередованием **ōul-* : **ūl-* : **ъl-*, т. е. видел в основах типа польск. *wol* отражение ступени редукции [15].

Представляется неправомерным сближение слав. **vol-* с чередующимися основами **ul-*/**vyl-* прежде всего по фонетическим причинам: для предполагаемой основы **ъl-* недопустимо единообразное преобразование по славянским языкам.

Другой подход к поискам этимологических связей находим у Махека, который реконструирует исходный корень **(s)vel-* 'надуваться', сравнивая праслав. **vol'e* с нем. *schwellen*, *Schwulst*, *Wulst* 'опухоль' [16]. Предположение Махека кажется вполне вероятным, и цель данной небольшой заметки — дать по возможности более полное обозрение славянских соответствий.

---

[9] Pleteršnik II, стр. 520.
[10] Brückner, стр. 502; Vasmer II, стр. 674.
[11] Pleteršnik II, стр. 784.
[12] Там же, стр. 897.
[13] F. Bezlaj. Eseji, стр. 136.
[14] Там же.
[15] Г. Ильинский. Славянские этимологии. — Изв. ОРЯС XXIII, 1, 1918, стр. 174—175.
[16] Machek[1], стр. 572.

В этимологических работах на слав. **vol'e* приводятся, как правило, отдельные славянские образования. Наиболее полный перечень соответствий, особенно чешских, находим в словаре Махека: ср. чеш. *vole* 'опухоль желез', ум. *volátko*, прил. *volatý*, *volavý*, ст.-чеш. *návolavy* 'горбатый', *volavka* 'цапля', *voláč* 'зобатый голубь' [17]. Далее наряду с укр. *воло* 'зоб, жирный подбородок; подгрудок (у быка)' [18] можно привести полесск. *пудво́лыц'а* 'нижняя часть подбородка, переходящая в шею' [19], русск. олон. *воль*, *волы́нка* 'опухоль, нарыв' [20], блр. *во́ля* 'зоб', прил. *волюва́тый* [21]. Возможно, что этот корень содержит арханг. *подволя́ть* '(о ветре на воде по отношению к парусам) — подымать, надувать(ся)' [22].

Из польских соответствий обычно указывается *wole* 'зоб (у птицы)', 'желудочек у пчел, наполненный медом', 'передняя часть плуга', отметим также производные *wolat* 'имеющий зоб', *wolaty*, *wolowaty* то же [23], *wół* 'зоб' [24].

В южнославянских языках — это с.-хорв. *вȍља*, *вȍље*, *вȍљка* 'зоб у птицы, guttur' [25].

Грубор, разбирая сербохорватские основы, обратил внимание на то, что некоторые русские диалекты отражают синонимичную основу с корневым *а*. Ср. русск. смолен. *вальё* 'птичий зоб, куда пища валится до перехода в желудок', также *вал* пенз., волог. 'желвак от ушиба или толстый рубец на теле от раны и т. д.'; арханг. 'нарост' [26], *вало́к*, *валки́* мн. 'нарост, бугор на дереве, обозначающий иногда заросшие гнилые сучки' [27]. Грубор высказал предположение, что слав. **vol'e* и **val-* связаны количественным чередованием и родственны **valiti*, лит. *velti*. Отражением ступени редукции этого корня является ст.-слав. облъ 'круглый', лит. *vilnis* и т. д.

Признавая объяснение Грубора как одно из возможных, мы отдаем предпочтение этимологии Махека, исходя из общих структурно-семантических особенностей лексической группы с общим значением 'tumor', которая в своей значительной части складывается из основ с первоначальным значением 'жечь, гореть', 'дуть, набухать', 'гнуть, сгибать'. Славянские языки продолжают древний и.-е. корень **su̯el-* 'набухать, жечь' (ср. нем. *schwel-*

---

[17] Там же.
[18] Гринченко I, стр. 250.
[19] Ф. Д. Климчук. Специфическая лексика Дрогичинского Полесья. «Лексика Полесья». М., 1968, стр. 64.
[20] Куликовский, стр. 11.
[21] Фасмер I, стр. 348.
[22] Подвысоцкий, стр. 125.
[23] Варшавский словарь VII, стр. 687.
[24] Brückner, стр. 630.
[25] Ђ. Грубор. Етимологиjе. — JФ VIII, 1928—1929, стр. 13—17.
[26] Даль³ I, стб. 398.
[27] Подвысоцкий, стр. 14.

len, лит. *svìlti* 'жечь, гореть без огня', жем. *svelti* 'набухать') [28], но без начального *s*-. Вариантом этой основы с расширителем -*d*- является русск. *волдырь* 'шишка, опухоль на теле от ушиба; нарыв, гнойный пузырь; нарост; неуклюжая избенка особняком; малорослый чванный человек' [29]. Мысль Г. Ильинского о родстве русск. *волдырь* с отмеченными выше образованиями кажется вполне справедливой [30]. Далее Ильинский включал в то же этимологическое гнездо топ. *Волынь*, с которым можно было бы сопоставить южнослав. топонимы: словен. *Vóława*, с.-хорв. *Voluja*, *Volujak* [31] и др.

Словен. *rībast*

Словен. *rībast* прил. 'полосатый' отмечено в р-не Толмина [32]. По форме представляет производное образование, исходная форма словарями не фиксируется. Ф. Безлай сравнивает словен. *rībast* с лит. *ráibas* 'пестрый', лтш. *ràibs* то же, др.-прусск. *roaban* 'полосатый', реконструируя исходный корень **rei̯-*/**roi̯-* и суффикс **bho-* [33]. Более точным соответствием являются балтийские основы со ступенью редукции корневого гласного, а именно: лит. *ribĕti* 'мерцать, завиваться, переливаться, стремительно нестись', *rìbti* 'мерцать', *rìba* 'светлая полоса в лесу'. В этот круг близкородственных основ, возможно, входит русск. олон. *ри́бать* 'часто мигать', арх. *ри́буши*, *ри́бушки* 'рубище, лохмотья' [34].

Следует заметить, что укр. *ribyj*, обычно включаемое в число параллелей, имеет *i* из *ě* и потому из ряда идентичных словенско-русско-балтийских основ должно быть исключено.

rę̄b-*/rǫb-*

Праслав. глагольная основа **rǫbati* сохранила следы корня с огласовкой *e* в отдельных славянских языках. Ступень *e* реконструируется для словен. *rebę̂n* 'пустой, губчатый, ноздреватый', *rę̂belj* 'бахрома', *rę̂bati* 'глодать (кость)' [35], ср. синонимичные

---

[28] Pokorny, стр. 1045.
[29] Даль³ I, стб. 508.
[30] Г. Ильинский. Указ. соч.
[31] F. Bezlaj. Krčevine. — SR VIII, 1—2, 1955, стр. 10—11.
[32] K. Štrekelj. Iz besednega zaklada narodovega. — «Letopis Matice Slovenske», 1892, стр. 34.
[33] F. Bezlaj. Etyma slovenica, стр. 156; Он же. Slovenski jezik v luči leksikologije. «Radovi XXXV. Odjeljenje društvenih nauka», knj. 12. Sarajevo, 1969, стр. 96. См. также Fraenkel Lfg. 9, стр. 686; E. Fraenkel. Etymologische Miscellen. «Сб. статей, посвященный акад. Я. Эндзелину». Рига, 1959, стр. 106—107.
[34] Куликовский, стр. 100; Подвысоцкий, стр. 147. Фасмер считает их заимствованием из карельск. См. Vasmer II, стр. 521.
[35] F. Bezlaj. Einige slovenische und baltische lexische Parallelen. «Linguistica» VIII/1. Ljubljana, 1966—1968, стр. 68—69.

основы с огласовкой *o*: *robav* 'пустой', напр. *robava repa* 'губчатая, морщинистая репа'[36], *robelj* 'кусок дерева'.

Чередование **ręb-* : **rǫb-* представляют некоторые русские диалектные формы. Словарь Даля отмечает *ре́без*, *ребезо́к* калуж. 'шелковый обрезок ткани, кромка, полоска, лоскут лентой, обрезок', *ребези́ть в глазах* псков. 'рябить, мельтешить, мелькать'[37]. Этим лексемам, отражающим корень **ręb-*, соответствуют синонимичные однотипные по структуре *рубе́з*, *рубезок* 'тесьма, узкая полоска, оторванная, остриженная от ткани, бумаги'[38] с огласовкой *о*.

Таким образом, из славянских языков словенский и русский продолжают и.-е. чередование основ **remb-* : **romb-* 'насекать, делать зарубки'[39].

**pel-/*pelv-*

Гнездо родственных слов с корнем **pel-* включает глагольную основу **pelti* и разнообразные имена с расширителями *-n*, *-v*, ср. *полова*, *пелена*[40]. Отдельные славянские языки, и прежде всего русский и словенский, отражают корневое имя **pel-v* без расширителя в сочетании с различными суффиксами. Махек рассматривает эти основы как результат усечения праслав. **pel-v*[41]. Фасмер выделяет в словообразовательном отношении *пелёва*, реконструируя наряду с праформой **pelv-* особую форму **pelev-*.

В число указанных корневых имен входит русск. диал. *пела́* нвг., *пе́лы* мн. перм., *пелы́* псков. 'плевела, пушина, мякина, шелуха, лузга', производными от них являются *пеле́чник* псков., тверск. 'сарай для мелкого корма для скота, мякинница', *пельни́к* псков., тверск. то же[42]. В словен. это — *pèlek*, *lka* 'плодовые косточки, виноградная кожура', *pelka* то же[43], соотносящиеся с гл. **pelti* так же, как основа *melek* 'плохо размолотая мука' — с **melti* 'молоть'[44]. Точным словообразовательным соответствием является русск. диал. *пе́льки* мн. тамб., ворон. 'виски, кудри, волосы, космы, патлы, пакли'[45]. В этот ряд входит, видимо, и словен. *pelod* 'цветочная пыльца', с.-хорв. *pelud* то же[46].

Приведенный материал показывает, что на ограниченной территории в качестве названия шелухи, мякины представлена сино-

---

[36] J. Jurančič. O leksike v Panonskih govorih. «Panonski zbornik». Murska Sobota, 1966, стр. 31—34.
[37] Даль³ III, стб. 1664.
[38] Там же, стб. 1727.
[39] Pokorny, стр. 864—865.
[40] Vasmer II, стр. 331—332, 394.
[41] Machek¹, стр. 375.
[42] Даль³, III, стб. 66, 68.
[43] Pleteršnik II, стр. 20.
[44] Pleteršnik I, стр. 568.
[45] Даль³, III, стб. 68.
[46] Pleteršnik II, стр. 21; RJA IX, sv. 42, стр. 768.

нимичная основа **pel-*, состоящая из корня в сочетании с различными суффиксами.

Ф. Безлай, касаясь словен. *pelek*, довольно широко и неопределенно обрисовывает круг родственных для него лексем, включая в этимологическое гнездо с корнем **pelə-*, **pelā-*, **plā-* словен. *splä́z* 'вообще', слав. **splošь*, **ploxъjь* и многие другие образования [47].

Словен. *skólke*

Словен. *skólke*, *-i* 'катафалк' сближается Ф. Безлаем с лит. *skelbsti* 'объявить', лтш. *skalš* 'громкий', русск. *сколить*, чеш. *skoliti* 'лаять' [48].

Более вероятным представляется родство со словен. *kə̀łk*, *kółka* 'бедро, выступ скалы' < праслав. **kъlkъ* [49] и далее с русск. *колк* 'костяной комель под рогом коровы или быка', болг. *кълка* 'бедро'. Из неславянских соответствий лат. *calx* 'пятна', 'основание мачты, подсадка на винограднике' в какой-то степени разъясняет внутреннюю форму словен. *skólke* 'катафалк'. Идея поддержки, опоры, была основной, мотивирующей это обозначение.

Словен. *čȗžje*

Словен. *čȗžje* 'кукурузная шелуха', *čȗžka* 'коса; шелковый пояс; раст. Phalaris canariensis', *čȗžek*, *čužki* 'скользкие грибы, растущие на старых пнях', гл. *čúžiti* 'сдирать солому' [50], *čúžka* 'трава, чьи семена используются для корма птиц' [51]. Отсутствуют, по нашим наблюдениям, близкородственные славянские соответствия, но можно указать на балтийские параллели: лит. *čiaũžti* 'скользить', *čiuĩžti* 'mingere', также 'heimlich schleppen', лтш. *čužas* 'сухие листья', *čuži* 'старая солома или сено для подстилки' *čūkšļi* 'мусор', *čužinât* 'шушукаться'. Френкель считает их звукоподражательными [52].

---

[47] F. B e z l a j. Etyma slovenica, стр. 156—157.
[48] F. B e z l a j. Eseji, стр. 127.
[49] Ф а с м е р II, стр. 291—292.
[50] P l e t e r š n i k I, стр. 118.
[51] Slovar slovenskega knjižnega jezika I, стр. 325.
[52] F r a e n k e l Lfg. 1, стр. 74.

Владимир Шаур

К ВОПРОСУ О РЕКОНСТРУКЦИИ ПРАСЛАВЯНСКИХ НАЗВАНИЙ МЕСЯЦЕВ

Об этимологии славянских (т. е. нелатинского происхождения) наименований месяцев имеется богатая литература [1], однако многие данные следует толковать более правильно и точно. Настоящая статья представляет собой опыт целостной оценки в основном старшего слоя названий месяцев. Основную проблему мы видим в том, что только 12 (13) наименований придется признать первоначальными, остальные же, которых насчитывается в славянских языках десятки, следует отнести не к праславянскому в собственном смысле, а к более позднему времени. Некоторые названия, напр. болг. *симеоновски*, луж. *jatšownik*, *hodownik* и др., несомненно более позднего образования, ибо они отражают христианский календарь.

Распространено мнение, что один и тот же месяц праславяне обозначали несколькими словами. По нашему мнению, данные диалектов обнаруживают такое состояние в историческую эпоху, однако для эпохи праславянского единства то же самое предполагать нельзя. Измерение времени (календарь) столь важно для сельскохозяйственных работ, что в эпоху, когда время можно было измерять только при помощи данных, полученных из наблюдений над небом и погодой, необходима была самая точная одно-

---

[1] K. J. Erben. Jména měsiců slovanská vůbec a česká zvláště. «Časopis českého musea», ročn. 23, svaz. 1, Praha, 1849, стр. 133—176; F. Miklosich. Die slavischen Monatsnamen. «Denkschriften der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften», philosophisch-historische Klasse, Bd. 17, 1868, стр. 1—32. (Далее — Миклошич); И. Головацкій. Венок русинам на обжинки, ч. 2. Київ, 1847, стр. 242—247; Й. Заимов. Българските народни имена на месеците. «Известия на Института за български език», София, 1954, в. 3, стр. 101—147. (Далее — Заимов); О. Горбач. Наші назви для днів тижня та для місяців. «Відбитка з Християн'ского Голосу», 12, стр. 20—23; T. Hołyńska-Baranowa. Ukraińskie nazwy miesięcy na tle ogólnosłowiańskim. Wrócław, 1969. (Далее — Голыньска); K. Weinhold. Deutsche Monatsnamen. Halle, 1869 (объясняются и некоторые славянские, в частности лужицкие, имена); E. Hofmann. Kultur und Sprachgeist in den Monatsnamen. KZ 59, стр. 120 и след. (продолжение — в 60-ом томе); M. P. Nilsson. Primitive time-reckoning. Lund, 1920.

Энциклопедические труды: Н. М. Карамзин. История государства российского, т. I. СПб., 1816; L. Niederle. Slovanské starožitnosti, díl 1—4. Praha, 1906—1925 (разд. 3, 2 о календаре славян); J. Łoś. Początki piśmiennictwa polskiego. Изд. 2, 1922, стр. 135 и сл.

Из этимологических словарей преимущественно использованы чешские; Holub-Kopečný, Machek[2],

значность и определенность соответственных названий отрезков времени. Очень существен и мифологический элемент, т. е. представления древних народов о «сверхъестественной силе», определяющей движение Луны и изменения климата. Кажется, по представлению праславян, этой силе не дóлжно было противиться, а «противлением» можно считать и произвольное толкование понятий, относящихся к ней: ведь не желательно пострадать от «наказания» в виде продолжительной зимы или неудобной для хозяйства погоды. Можно предполагать замещение некоторых названий, особенно зимних месяцев, вследствие табу, однако не следует говорить о семантической равноценности нескольких названий. И вообще нельзя предполагать, что в одно и то же время одним и тем же словом одни праславяне называли один месяц, другие же — другой. Различия такого рода восходят ко времени принятия христианского календаря, когда славяне уже жили разъединенно. В течение письменной истории возникли более глубокие расхождения между диалектами; в некоторых языках наименования месяцев так разошлись, что оказалось невозможным употреблять народные названия в качестве литературных. Это состояние, наблюдаемое в XIX—XX вв., сложилось в процессе развития отдельных диалектов, и поэтому не следует его имплицировать в праславянскую эпоху.

Одним месяцем праславяне называли отрезок времени с новолуния до новолуния (по точному исчислению 29 дней 14 ч. 14 мин.)[2]. Так как 12 таких отрезков равны 355 дням, а астрономический год имеет продолжительность на 10 дней больше, надо было приблизительно раз в три года вставлять внеочередный месяц. Как считали праславяне, год начинался с весны; поэтому мы предполагаем, что этот тринадцатый месяц вставляли в качестве последнего зимнего месяца, это видно из приведенного ниже анализа отдельных названий.

Известные затруднения возникают оттого, что одно название нередко обозначает по славянским языкам и диалектам разные месяцы. Однако в случае семантического несоответствия названий оказывается «перемещенным», как правило, последовательно целый ряд месяцев. С этой точки зрения особенно интересно состояние сербохорватского (и отчасти с ним совпадающее состояние македонских и болгарских диалектов), где почти все месяцы «перемещены» на один раньше в сравнении с общеславянским состоянием. Наоборот, в русских диалектах названия, особенно относящиеся к весне, смещены на месяц позже. Это обусловлено

---

[2] Ср.: K. M o s z y ń s k i. Kultura ludowa Słowian. Wyd. 2, t. 1. Warszawa, 1967, стр. 168. (Далее — M o s z y ń s k i). Мнение Нидерле (указ. соч. 3, 2, стр. 746), о том, что фазы Луны считали с полнолуния до полнолуния, не отвечает этнографическим сведениям. Само обозначение *новолуние* (подобным образом и в остальных славянских языках) сигнализирует, что именно тогда начинался новый отрезок времени.

более быстрым или медленным развитием природы в соответственной местности. Точно так же осенью на Балканском полуострове вследствие сухого климата деревья теряют листья раньше, чем в Средней и Восточной Европе. Если, в соответствии с представлениями праславян, мы будем считать месяц пробуждения природы первым, следующий — вторым и т. д. и изобразим этот ряд в виде таблицы, в которой, как сказано, на юге все месяцы расположены на один раньше, то получим следующую картину (см. таблицу 1, куда не включены названия узко территориальные).

Из таблицы видно почти полное единство названий 6-ого (в праславянском порядке) месяца — *sъrpъnь* — и 9-ого — *listopad*. Названия остальных месяцев рассмотрим подробнее.

1-ый месяц назван праславянами по березе, зеленеющей в числе первых деревьев: др.-русск. и ц.-слав. *брѣзьнь*, русск. диал. и укр. *березень*, др.-польск. *brzezień*, чеш. *březen*, слвц. и словен. диал. *brezen*, с.-хорв. *брезањ*, с преобразованием ц.-слав. брѣзок, русск. диал. *березовик*, укр. диал. *березозол*, *березотік*, *березовень* и их производные. Поэтому мы предполагаем праслав. **berzъnь*. Подобная мотивировка представлена в более позднем блр. и укр. названии от сок — *соковик*, *сочень*, блр. *сакавік* (березы в начале весны богаты соком). Юж.-слав. названия типа *lažujak*, *ožujak* («ложное», т. е. преждевременное, начало весны) образовано, вероятно, после разъединения славян.

2-ой месяц назван преимущественно по цветам: русск. диал. *цветень*, *цвитен*, укр. диал. *цвітень*, с.-хорв. *цветан*, польск. *kwiecień* и заимствованное из него блр. устар. *квецень*, укр. *квітень*. Однако некоторые формы обозначают и 3-ий месяц: чеш. *květen*, слвц. устар. *kveteń*, словен. диал. *cvetičnik*, болг. диал. *цветник* и укр. (в некоторых диалектах) *цвітень*; с.-хорв. *цветан* может означать 2-ой, 3-ий и даже 4-ый месяц. Остальные названия 2-ого месяца новые.

3-ий месяц в большинстве языков носит имя травы, цветущей в это время: др.-русск. и ц.-слав. трѣвьнь, трѣвень, чеш. устар. *traven*, словен. *(velki) traven*, с.-хорв. *траван*, укр. диал. также *травнік*. Однако, так как в укр. и словен. диалектах название 3-его месяца образовано от *květ-*, встает вопрос, почему надо предполагать для праславянской эпохи последовательность *květъnь*—*travьnь*, если отмечен и обратный порядок. По нашему мнению, в праславянское время *květъnь* предшествовал *travъn*-у, как видно из состояния русск. диал. и укр. литер. языка. Чеш. *květen* — новое заимствование (Юнгманом) из польского с изменением значения [3]. Словацкое *kveteń* отсутствует в старых памятниках. В словенском *cvetičnik* и болг. *цветник* суффиксы показывают, что эти слова — новообразования. В с.-хорв. *цветан* ввиду нали-

---

[3] Ср.: Machek[2], под сл. *květen*.

чия разных значений нельзя определить исходное. В паре «большой—маленький» (ср. словен. *mali traven—velki traven*) основное значение обнаруживает месяц, названный «большим». По нашему мнению, такая пара возникла оттого, что «большой» месяц в большей степени характеризовался явлениями природы, по которым он назывался, чем «маленький», «маленький» же касался их лишь отчасти.

В 4-ом месяце созревают первые плоды (черешня, земляника) и цветут растения, для которых характерен красный цвет (розы, пионы и др.); с названием «червонного» цвета связывают обозначения этого месяца Миклошич, Голуб, Копечный и др. Месяц носит названия в др.-русск. и ц.-слав. — *чрьвень*, в вост.-слав. *червень*, в чеш. *červen*, в с.-хорв. диал. — *червењ*, в макед. и болг. диал. — *црвеник*, в польск., блр., укр. устар. и русск. диал. также с *-ец* (в польск., наряду с *czerwiec*, и древнее *czerwień*, *czyrwień*). Считаем, что в праслав. было **čьrvьnь*. Нам кажется, что сознание связи с красным цветом возникло вторично, путем переосмысления. Действительным мотивом названия считаем тот, который определил Мошинский (Kultura ludowa Słowian 2, 144), т. е. от *čьrvь* 'Wurm', потому что в июне черви, наряду с другими вредителями, размножаются и их надо скорее истреблять во избежание потерь урожая. Вторичное осознание связи с цветами косвенно подтверждается наличием более поздних, образованных при помощи разных суффиксов названий того же месяца, относящихся к розам: луж. *róžownik* (5-ый месяц), *róžowc*, *róžowy*, чеш. устар. *růžen*, словен. *rožnik* (диал. *rožen*). Остальные названия 4-ого месяца мало распространены.

5-ый месяц назван преимущественно по липе, расцветающей в июле, — восточнослав. *липень*, слвц. диал. *lipeň*, словен. диал. *lipan* и с.-хорв. *липањ*; в русск. диал., блр., укр. диал. и польск. — названия с суфф. *-ец*, который имеется и в чеш. *červenec*, производном от *červen*. Из остальных названий шире распространены имена, образованные от обозначений уборки сена: русск. диал. *сенокос*, *сенозорник*, русск. и укр. диал. *косень*, укр. диал. *синьокос*, болг. диал. *сенокос*, *косач* (в некоторых диал. и как 6-ой месяц). Эта мотивировка моложе, чем название 6-ого месяца от **sьrpъ*, так как для уборки урожая на почве, образованной сожжением леса, серп больше подходит, чем применявшаяся позже коса [4]. В этот ряд можно включить и старое чеш. диал. *sečen* и более позднее луж. диал. *žňojski*.

Самое распространенное название 7-ого месяца — русск. диал. и укр. *вересень*, блр. *верасень*; в восточнославянских языках наряду с ним представлено заимствованное *вресень* (из польск. *wrzesień*); др.-чеш. *vřesen* и ц.-слав. врѣсьнь, врѣсенъ обозначают

[4] Ср. W. Hensel. Słowiańszczyzna wczesnośredniowieczna. Warszawa, 1956, стр. 22.

'сентябрь', а с.-хорв. диал. *вресењ* — 'август'. Формы восходят к праслав. **versьnь*, которое считаем исконным названием. Месяц назван «желтым» в русск. диал. *жолтень* (в некоторых диал. — 'сентябрь', в других — 'октябрь'), укр. *жовтень* (в литер. языке — 'октябрь', в диалектах — 'сентябрь'). Название по желтому цвету кажется более новым потому, что оно обозначает разные месяцы. С.-хорв. *коловоз*, диал. *коловез* основаны на признаке собирания урожая при помощи возов; в этом находит отражение более высокий уровень земледелия. Интересно др.-русск., русск. диал. и ц.-слав. *зарев*, *зарник*, в некоторых русских диалектах также *зорничник*, чеш. *září* (др.-чеш. *zářuj*). Оно образовано при помощи префикса *за-* от названия следующего месяца (т. е. 'месяц за *rujьn*-ом', раньше его), однако формы показывают, что в сознании говорящих значение подразумевается как 'месяц ясной погоды', что отвечает данным климатологии. Тем более удивляет, что тот же месяц в укр. диал. назван *сивень* [5]. От названия времени года образовано русск. название 7-ого месяца *осень*; то же в слвц. диал. *jaseň* и словен. диал. *jesenik*.

Из названий 8-ого месяца вост.-слав. *паздерник* (блр. также *паздзерник*, в русском источнике XVIII века и *паздернил*, ср. Голыньска, стр. 67) заимствовано из польск. *październik*; ср. и с.-хорв. диал. *паздерник*. Название происходит от *pazderьje* 'отбросы льна, обрабатываемого осенью'. Слово образовано от *derǫ/dьrati*, и префикс *paz-* здесь необычен; он вряд ли мог возникнуть через сращение *pa* и *jьz*, как считает Махек. Все-таки основное слово нам кажется более поздним. Более древним, исконно праславянским названием 8-ого месяца мы считаем **rujьnь*, отраженное в др.-русск. *рюень*, ц.-слав. ѹєнь, ѹинъ, др.-русск. и ц.-слав. *рюинъ*, с.-хорв., словен. диал. и болг. диал. *руян*, болг. и макед. диал. *руен*, русск. диал. *рюин*, чеш. *říjen*. Мы не согласны с допущением Голыньской [6], что *rujen*, *rujan* — первоначально южнославянское, обозначавшее 'желтый месяц', подобно вост.-слав. *жолтень*, *жовтень*. В действительности юж.-слав. прилагательное *руен* характеризует предмет не по цвету (хотя второстепенное его употребление в сочетании *руйно вино* значит 'красное вино'); его значение 'молодой, свежий, бодрый' связывает прилагательное (и вместе с ним и название месяца) с глаголом *rěvǫ/r'uti*, от которого назван и месяц, так как в соответствующее время происходит течка оленей, они «ревут». Наименования месяца, образованные от вина — словен. *vinotok*, польск. диал. *winnik*, луж. *winowc*, *winski*, также юж.-слав. *гроздобер*, болг. диал. *грездар*, — нельзя считать праславянскими, так как

[5] По Головацкому (указ. соч.), это 'месяц сеяния озимых'; так и Голыньска, стр. 61. По нашему мнению, в таком случае должно быть **севень*, несмотря на то, что озимые высеваются позже.

[6] Голыньска (стр. 63—64) возвращается к старому объяснению Карамзина (указ. соч.), справедливо отвергнутому другими.

виноделие по всем признакам праславянам не было известно. Блр. *кастрычнік* — калька разговорного *паздзерник*.

После ноября (о слове *listopad* — выше) наступает период зимы. Для первого его месяца мы предполагаем праславянское название **grudьnь*, ср. др.-русск. и ц.-слав. *груденъ*, русск. *грудень*, слвц. *hruden* и болг. диал. *груден*, с.-хорв. диал. *грудан* 'декабрь', польск. *grudzień* (древнепольск. также 'ноябрь', сейчас — 'декабрь'), укр. *грудень* (в диалектах, где *листопад* — 'ноябрь', *грудень* — 'декабрь'; там, где *листопад* — 'октябрь', *грудень* — 'ноябрь') [7], блр. устар. *грудзень* и др.-чеш. *hruden*, *hrud(e)nec*, помещаемое в качестве 13-го месяца, обычно между *listopad* и *prosinec* [8] (как, впрочем, и на второе место среди зимних месяцев), что является исключительно чешским развитием. Это название мотивировано замерзанием земли, образующей груды. Другие названия месяца, следующего за листопадом: блр. *снежань*, русск. диал. *студень*, *солноворот*, укр. диал. *студень*, *мочарець*, *трусим*, слвц. *studeň*, с.-хорв. и болг. диал. *студени*; все они отражают признаки погоды во время наступления зимы, поэтому нам кажется, что эти названия вытеснили, вероятно очень давно, старое **grudьnь*.

Вторым праславянским зимним месяцем был **prosinьcь*: русск., укр., болг. *просинец*, др.-польск., чеш., словен. *prosinec*, с.-хорв. *просинац*, в др.-чеш. ошибочно измененное в *prasinec*. Где *grudьnь* или заместившее его название обозначает 'ноябрь', там *prosinьcь* — 'декабрь'; где же *grudьnь* — 'декабрь', там *prosinьcь* — 'январь'. В украинском, белорусском и польском после *grudьn*'а следует сразу *sěčьnь*. По нашему мнению, **prosinьcь* в этих языках отсутствует по той же причине, по которой в чеш. исчезло *hruden*: это имя обозначало раньше тринадцатый месяц и в христианском календаре стало излишним.

Приведем названия следующего месяца: др.-русск. *сѣчень*/*сѣчьнь*, русск. диал. и блр. *сечень*, др.-польск. *seczen*, укр. диал. (также в литер. языке, где он идет после грудня) *січень*, слвц. диал. (*velký*) *sečeň*, словен. диал. *sečen*, с.-хорв. *сиjечањ* (диал. *сечко*, *сичен*, *свечан*, *свиничар*), болг. и макед. (*голям*) *сечко*, иногда и *големин*, *големият месец* и пр. Предполагаем, что праславянское **sěčьnь* получило название как период года, наиболее удобный для рубки леса с целью получения деловой древесины. Вторичной является мотивация по обрезанию плодовых деревьев (в январе и феврале они содержат наименьшее количество древесного сока, что садоводы узнали на высшей степени земледелия), и народным кажется объяснение по большому морозу, который «сечет». По нашему мнению, к **sěčьnь* относятся и польск. *styczeń*, словен литер.

---

[7] Материал и комментарии находим у Голыньской, 68—71, 117—118.
[8] Ср. слово *hrudeň* в словаре Юнгмана (Jungmann I, стр. 771) и примечание о нем Я. А. Коменского в произведении «Janua linguarum. . .».

и с.-хорв. диал. *svečan*, с.-хорв. диал. *свиничар*, а также луж. *sweckowny*, изменившиеся ввиду того, что мотивировка осталась непонятой, *styczeń* обязано переосмыслению [9] в 'месяц на стыке двух годов', *svečan* и *śweckowny* ошибочно связаны с праздником Сретения Богородицы, когда зажигают свечи, *свиничар* (подобно др.-чеш. *prasinec*) отнесено к убою свиней. Другие названия месяца соотносятся или с обозначениями зимней погоды (чеш. *leden*, слвц. диал. *l'aden*, блр. *студзень*, луж. *zimski*, *wezimski* — к ним принадлежит и болг. и макед. диал. *коложег*, по нашему мнению, заимствованное из греч. диал. παλουκοκαύτης, πασσαλοκαύτη[ς]) [10], или с обычаями (болг. и макед. диал. *свадебний*, *лобзаец*, луж. *zachopny*).

После *sěčьn*'а только в ограниченном количестве диалектов сразу следует первый месяц весны; в большинстве языков необходимо вставить еще один зимний месяц. Он называется различно, чаще всего — как «маленький сечень» [11]; ср. укр. диал. *січенько*, *сішненько*, *січник*, *січень другий*, слвц. диал. *malý sečeň*, болг. диал. (уже в староболг.) *малък сечко*; в болг. и макед. диал., где предшествующий месяц называется *големин*, настоящий именуется *малкият* или *сечко*, *сечка*, *сечен*. Кажется, что такая же мотивировка, как в болг. диал. *големин*, представлена и в с.-хорв. *вељача*, диал. *вељак*; удивляет только обратный порядок противопоставления «маленький—большой».

Происхождение других названий месяца связано с погодой. О том, что последнего месяца зимы население славянского севера боялось, свидетельствуют русск. диал. *лютой*, блр. *люты*, диал. *лютый* (в некоторых диалектах после него еще *палютый* — оттого, что до начала весны осталось еще время), укр. *лютий*, диал. *лютень*, *лютовень*, польск. *luty*. На славянском юге, вследствие других климатических условий, последний месяц зимы назван «сухим»: словен. *sušec*, с.-хорв. *сушац*, ц.-слав. и болг. диал. *сух*, *сухи* (мотивировка названия может восходить или к меньшему количеству осадков, или к высыханию полей после таяния снега). К погоде относится и чеш. *únor* (от основы, которая представлена в глаголе *нырять*), русск. диал. *снежа*, укр. *казидорога*, *казибрід*, сокращ. *кажо* (оттепель портила дороги и броды). Возможно, что разные принципы наименования последнего зимнего месяца свя-

---

[9] Объяснение *styczeń*- 'месяц на стыке' дал Rakowiecki (Prawda ruska. Варшава, 1820, стр. 56). Миклошич и др. исходят из **styd-ъk-ьn*, т. е. 'холодный месяц', однако словообразование при этом необычно, а наличие аналогично образованного названия месяца от формы *stud*- в других языках делает это объяснение сомнительным.

[10] Так считает A. Šimčík (См. RÉS 15, 1935, стр. 230—231). Й. Заимов стремится доказать славянское происхождение, однако семантическая мотивировка греческих форм ясна, тогда как о славянском названии этого сказать нельзя.

[11] Различие «большого» и «маленького» месяцев, происходящее отсюда, сохранилось в луж. *welki/mali rožk*, образованном как калька нем. *Hornung*.

заны с тем, что у праславян это был вставной тринадцатый месяц, которого они боялись. Если после истечения 12 вышеупомянутых месяцев еще не были заметны признаки весны, следующий месяц получал название или «второго сечня», или иначе, по неприятной погоде. (Возможно, что один из мотивов суеверия о неблагоприятности цифры 13 заключается именно в этом.)

Из вышесказанного вытекает, что праславяне назвали 12 месяцев года именами в следующем порядке: 1. *berzьnь*, 2. *květьnь*, 3. *travьnь*, 4. *čьrvьnь*, 5. *lipьnь*, 6. *sьrpьnь*, 7. *versьnь*, 8. *rujьnь*, 9. *listopadъ*, 10. *grudьnь*, 11. *prosinьcь*, 12. *sěčьnь* (кроме одиннадцатого месяца все они трехсложные!). Остальные названия месяцев образованы позже упомянутых: некоторые из них — в более позднее праславянское время (вследствие табу), другие — после утраты сознания мотивировки, некоторые же — после принятия христианства.

Кроме сложного слова *listopadъ*, все эти названия имеют суффикс *-ьnь*, у двух летних месяцев отмечено колебание *-ьnь/-ьcь* и только у **prosinьcь* — оконч. *-inьcь*[12]. Этот факт важен для этимологии слова **prosinьcь*, объясняемого несколькими способами, даже от *prositi* (это мотивировка по христианскому обычаю во время Рождества, несмотря на проблематичное основное значение глагола), **porsę* (по поводу чеш. *prasinec*, однако вост.-слав. формы и юж.-слав. ударение обнаруживают фонетическую несостоятельность такого объяснения) или *proso*; последнее кажется наиболее вероятным, как будто без фонетических или семантических препятствий. Однако словообразование показывает несостоятельность и этого объяснения, даже если не принимать в расчет также соображения семантического характера (никакие сельскохозяйственные работы с просом в то время не проводятся, и ритуальная мотивировка оказывается недостаточной). Если бы месяц был назван по просу, название должно было бы быть **prosьnь* (не **prosinь*; или *prosěnь*; производящее существительное не *a-* основа!). Нельзя предполагать вставленное *-ьcь* по примеру *čьrvьcь*, *lipьcь*; форма *prosinecь* отмечена практически во всех славянских языках с самого древнего времени, форма без *-ьcь* пока не отмечена, тогда как *čьrvьnь*, *lipьnь* имеются. Вероятно, *-ьcь* в названиях летних месяцев появилось по примеру **prosinьcь*, которое следует делить не **pros+inьcь*, а **prosin+ьcь*, что пока-

---

[12] На *-ъnьcь* не указывают даже ц.-слав. просеньць (о нем Заимов, стр. 106) и единственный случай с древнепольской записью *proschyen* (Łoś. Указ. соч., стр. 136—137): эти две формы несомненно поздние; в древнепольском более обычны записи *prosinec*, и *-e-* в *prosenьcь* не может быть вм. ь (нечетного). Голыньска предполагает возможность исходной формы **prosěnьcь*, что убедительно; записи рефлекса *ě* в с.-хорв. и укр. диал. являются исключениями, их легко объяснить как ошибки, и церковнославянское написание с *-ě-* может отражать внутреннее развитие болгарских диалектов с их чередованием *и/я(е)* под влиянием форм прошедшего времени.

зывает правильность толкования Голуба, Копечного и Махека: префикс *pro*+основа *sin*+суффикс *-ьсь*; мы добавляем, что поводом для появления иного конечного суффикса, чем у остальных названий месяцев, считаем наличие *-n* в конце основы. Из-за неудобства конфигурации *-sin+ьnь* образовалось *-sin+ьсь*, от которого *-ьсь* проникло по аналогии в другие названия. Следовательно, первоначальное значение имени *prosinьсь* — 'месяц, когда небо покрыто синими (в праславянском значении, т. е. 'свинцовыми') тучами'.

Из анализа видно, что существуют характерные словообразовательные черты самых распространенных названий месяцев, которые позволяют считать эти названия наиболее древними. Остальные наименования месяцев кажутся более поздними новообразованиями отдельных языков и диалектов.

Р. М. Цейтлин

ЗАМЕТКИ ПО СТАРОСЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ

1. Брѣгъ

В Словаре старославянского языка ЧСАН слово брѣгъ переводится словами «breg; берег; Ufer» при основных греческих соответствиях κρημνός, αἰγιαλός, ὄχθη, χεῖλος[1]. Между тем анализ всех двадцати семи случаев употребления этого слова, известных нам по старославянским памятникам[2], показывает, что это слово в старославянском языке имело значение 'склон, откос горы, гора', а в словосочетаниях брѣгъ морꙗ, ѥзера, рѣкы — 'крутой берег, высокий, каменистый берег'. Греческие соответствия ὄχθη, κρημνός (в отличие от χεῖλος 'берег, край' и αἰγιαλός 'морской берег') обозначают не вообще 'берег', а всегда 'каменистый, крутой берег' или 'гора, круча, вал'. Для уточнения значения слова брѣгъ важно, что оно всегда соседствует с глаголами въврѣщи сѧ, оустрьмити сѧ, приметати сѧ, метати, т. е. с выражением таких действий, которые предполагают сбрасывание, падение с кручи, горы, обрыва. В известной евангельской притче о бесах свиньи утонули потому, что упали в море именно с большой высоты и в глубокое место. Например: бѣси же молѣахѫ и глѧште. аште ізгониши ны. повели намъ іти въ стадо свиное. і рече імъ. ідѣте. они же шьдъше вънидѫ въ свиниꙗ. і абие оустръми сѧ стадо все по брѣгоу въ море. і оумрѣшѧ. і оутопошѧ въ водахъ (Мт 8, 32 Зогр Мар Ас Сав).

Еще более очевидно значение слова брѣгъ в одном контексте со словом гора, где оно и обозначает склон этой горы: бѣ же тоу стадо свинии много пасомо въ горѣ ... і оустрьми сѧ стадо по брѣгоу. въ езеро. і истопе (Л 8 33 Зогр Мар Ас Сав); похоже

[1] Slovník jazyka staroslověnského I, Praha, 1966, стр. 146. И. И. Срезневский в своем словаре неправомерно ограничил др.-русск. *берегъ* (I, 69) современным значением и только для *брѣгъ* указал значения 'скала' и 'берег' (I, 185). Картотека ДРС показывает, что и полногласное слово имело два значения: 'высокий берег; обрыв, откос' и 'берег' (безразлично, крутой или пологий).

[2] Старославянскими памятниками мы называем следующие пятнадцать древнеболгарских рукописей: евангелия — Зографское (Зогр), Мариинское (Мар), Ассеманиево (Ас), Саввину книгу (Сав), Охридские отрывки (Охр), Листки Ундольского (Унд); Синайскую псалтырь (Син), Синайский евхологий (Евх), Синайский служебник (Служ), Клоцов сборник (Клоц), Супрасльскую рукопись (Супр), Хиландарские листки (Хил), Рыльские листки (Рыл), Зографские листки (Зогр л. л.), Енинский апостол (Ен),

Мк 5, 13 Зогр Мар. Ср. также: И прим҄аталъ сѧ [вместо примѣталъ сѧ] вьнезаапѫ Или із морѣ. іли іздрѣкы. Или із брѣгъ. Или іздръвеника. Или із лѫкъве ... (Евх 54в 14) (ср. толкование Я. Фрчека ou des escartements, т. е. с крутизны[3]); и обрѣтъ пештерѫ великѫ вь брѣзѣ рѣчьнѣѣмъ камѣнѫ (Супр 519, 1); повелѣ юго вь рѣкѫ вьврѣшти. и въ бездьнии оумрѣти ... воини ведоша надъ брѣгъ рѣкы. и възъмъше камы велии привазаша юмоу къ ногама. вьврѣшти и тако вь рѣкѫ (Супр 154, 1); и заблѫдивъ къ безпѫтъныѩ брѣгы заиде (Супр 289, 17).

В житии стааго ïωана епископа мльчаливааго ... (Супр, стр. 278—302), где, в частности, говорится о том, что святой без воды на скале вырастил смокву, читаем: мѣсто вь неиъже затворилъ сѧ юстъ стыи старцъ (sic!). брѣгъ имать на западъ. и высокъ зѣло ... брѣжъныи же камы. толма соухъ зѣло юстъ и безъ влагы ... (Супр 300, 1). В этом контексте помимо слова брѣгъ употребляется также относительное прилагательное брѣжьнъ. В Словаре старославянского языка ЧСАН этот гапакс толкуется так же неточно, как и брѣгъ «pobřežní; береговой; Ufer-, Strand-» (греческое соответствие τοῦ κρημνοῦ). Между тем это прилагательное является производным от брѣгъ не только по своей структуре, но и по своему значению, о чем недвусмысленно говорит приведенный контекст. Ср. значение др.-русск. *бережистый* (Срезневский, I, 69) «крутоберегий, ripis abruptis munitus». Например: Сташа оба полы рѣкы Влѣны. двѣ недѣли бьяхуться обои об рѣку ту. бѣ бо рѣка та твердо текущи, *бережиста*» (Ипат. лет., 6688 г.) или «славенского» *бреговитый* (Словарь Академии Российской. СПб., 1806, I, 309) 'имеющий крутой берег' (пример из Пролога).

Семантически близки к брѣгъ слова краи, поморию, отчасти приморию и предложное словосочетание при мори[4] в значениях 'морской берег', 'приморье' (при общем греческом соответствии αἰγιαλός). Например: іже егда іспльни сѧ. ізвлѣкъше і на краи (Мт 13, 48 Зогр Мар Сав) (в Ас — на соухо); і събъраша сѧ къ немоу народи мнози. і ѣко вълѣзъ въ корабь сѣде. і в'сь народъ на поморіі стоѣше (Мт 13, 2 Зогр Мар) (ср. Л 5, 11); колико островъ. колико рѣкъ колико приморию (Супр 431, 2); на мѣсто ... еже естъ при мори ἥτις ἐστὶν παραθαλασσία τοῦ αἰγιαλοῦ (Супр 235, 29). Ср.

---

[3] J. Frček. Euchologium Sinaiticum. Paris, 1933 (Patrologia orientalis, t. XXIV, fs. 5), стр. 766.

[4] На взаимозаменяемость этих слов в различных церковнославянских памятниках в идентичных контекстах указал И. В. Ягич: V. Jagić. Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Berlin, 1913, стр. 328.

при мори и при горѣ: бѣ же тоу стадо свино пасомо велье при горѣ (Мк 5, 11 Зогр Мар.). Здесь при горѣ означает 'на склонах горы', т. е. употребляется в том же значении, в котором обычно в старославянских текстах находим слово брѣгъ.

Таким образом, во всех известных нам контекстах слово брѣгъ сохраняет в своем значении 'склон, откос горы, гора' и в производном от него 'крутой, высокий, каменистый берег' непосредственную связь с исходным этимологическим значением, которое, по всей вероятности, имело славянское *bergъ (< *bher'gos), — 'откос, обрыв'[5].

О том, как изменялось первоначальное значение славянского *bergъ в истории отдельных славянских языков, в какой-то мере говорит адэкватное употребление таких слов, как брѣгъ и краи в старославянских и более поздних памятниках идентичного содержания. В приведенном контексте (Мт 13, 48) слово краи буквально значит 'край земли, граница между сушей и водой'. Это значение смежно со значением 'берег' (т. е. «край земли у водной поверхности; полоса суши, прилегающая к воде») и соприкасается со значением 'склон, откос (т. е. край) горы'.

Заметим, что первоначальное значение *bergъ с неизбежными модификациями известно всем славянским языкам, особенно древним и диалектным[6].

2. Дѣва — дѣвица

В. Ф. Мареш указал на параллелизм слов *вьдова — вьдовица* и *дѣва* (*дѣваѩ*) — *дѣвица* в славянских языках и писал о том, что

---

[5] Этимология славянского *bergъ окончательно не установлена. Об истории *bergъ обычно с приведением значительного фактического материала по славянским диалектам говорится в трудах: Фасмер, I, стр. 152—153; Младенов, стр. 53; Brückner, стр. 44; Sławski, I, стр. 46; Machek, стр. 47; Holub-Kopečný, стр. 76; Български етимологичен речник, св. II. София, 1963, стр. 84—85; В. М. Иллич-Свитыч. Лексический комментарий к карпатской миграции славян. — ИАН ОЛЯ, 1960, т. XIX, вып. 3, стр. 223—225; Ю. В. Откупщиков. Из истории индоевропейского словообразования. ЛГУ, 1967, стр. 112—114; Н. И. Толстой. Славянская географическая терминология. М., 1969, стр. 88—97. К сожалению, в названных работах, при всем внимании их авторов к славянской диалектной лексике, старославянский материал почти совсем не учитывается.

[6] Сошлемся хотя бы на материалы некоторых словарей, которые не упоминаются в названных выше трудах: Филин 2, стр. 244; Речник на съвременния български книжовен език, БАН, I, София, стр. 86; RJA I, стр. 647; V. Vážný. Čakavské nářečí v slovenském Podunají. — «Sborník Filosofické Fakulty University Komenského v Bratislavě», ročn. V, č. 47(2), Bratislava, 1927, стр. 256; SSJ I, стр. 129; Варшавский словарь I, стр. 689—690.

история употребления последних заслуживает специального рассмотрения [7].

Как убедительно показал В. Ф. Мареш синтаксическим и лексикологическим анализом употребления слова *вьдова*, это существительное происходит от краткого прилагательного *вьдовъ* и сохраняет самую тесную связь с классом прилагательных. Эта связь прежде всего проявляется в преимущественном употреблении существительного *вьдова* в функции именной части сказуемого (например, в языке старославянских памятников в Л 7, 12 Зогр Мар Ас Сав или пс 108, 9 Син и др.). В роли подлежащего *вьдова* в старославянском языке употребляется всего один раз — в Л 18, 3 в Зогр Мар и Ас. В Сав здесь — вьдовица. При существительном вьдова отсутствуют определения. В языке старославянских памятников В. Ф. Мареш отметил единственный случай этого рода: не бо юси оноѧ въдовы оубожаи (Супр 378, 27) [8]. Заметим, со своей стороны, что этот случай приходится на текст Супр, характерный среди старославянских рукописей своими инновациями.

Слово вьдовица в отличие от слова вьдова всегда выступает как существительное: в функции простого подлежащего или дополнения без определения, в функциях разных членов предложения часто с определениями, в родительном падеже как определение другого существительного [9]. Путем тщательного анализа всех фактов В. Ф. Мареш приходит к выводу, что слова вьдова и вьдовица в старославянском языке употреблялись в одном значении, но различались как по своим синтаксическим, так и по стилистическим функциям. «Вьдовица, — заключает исследователь, — было стилистически беспризнаковым словом; вьдова было, вероятно, архаизмом, беспризнаковым в готовых, традиционных оборотах, как та бѣ вьдова, вьдовѫ поѩти (торжественно), и признаковым в других случаях» [10].

При ряде параллельных особенностей со словами вьдова и вьдовица слова̀ дѣва (дѣваꙗ) и дѣвица, на наш взгляд, обладают и существенными отличительными особенностями.

Древнее по своему происхождению слово дѣва, как и слово вьдова, представляет собою субстантивацию краткого прилагательного — *дѣвъ*, не зафиксированного в языке старославянских памятников; слово дѣваꙗ представляет собой субстантивацию пол-

---

[7] В. Ф. Мареш. Славянское *вдова — вдовица*. — ВСЯ, вып. 5. М., 1961, стр. 146.

[8] См. В. Ф. Мареш. Указ. статья, стр. 139; см. также Slovník jazyka staroslověnského I. Praha, 1966, стр. 362 (ст. вьдова).

[9] В. Ф. Мареш. Указ. статья, стр. 140. Дополнительные примеры см. в указ. Словаре старославянского языка, т. I, стр. 362—363 (ст. вьдовица).

[10] В. Ф. Мареш. Указ статья, стр. 141.

ной формы этого прилагательного. Этот факт неоднократно отмечался исследователями[11].

Слово дѣвая известно в старославянском языке всего по двум употреблениям: анћлъ дѣвѣи възъпі (Клоц 14а 22), то же в Супр 452, 5 (в тексте Слова Епифания, где говорится о богоматери). Позднее это слово находим в ряде церковнославянских памятников — в Дечанском, Врачанском и Добрейшевом евангелиях (примеры см. ниже) и в некоторых списках апостола. На грани существительного-определения употребляется сложение приснодѣвая, дважды отмеченное в Евх: тѧ молимъ ... влаѕыдчѣстаааго сѧ отъ стааго дха. із мариѩ славънꙑѩ. и приснодѣвꙑѩ брца (Евх 61в 21); оумоленъ бꙑваѩ отъ стꙑѩ брцѧ. і приснодѣвꙑѩ мариѩ (Евх 93в 5). Ср. приснодѣва, четыре раза отмеченное в старославянских памятниках: в Служ (1 раз), в Супр (2 раза) и в Ен (1 раз). Например: Рождьство бцѧ и приснодѣвꙑ мариѧ (Ен 25в 12—13). Дѣвая и сложения приснодѣвая и приснодѣва употребляются в языке старославянских памятников только применительно к богородице.

Слово дѣва в старославянских текстах употребляется суммарно 46 раз. Оно известно в шести глаголических памятниках (Зогр Мар Ас Син Евх Клоц) и в трех кириллических (Сав Супр Ен), т. е. встречается во всех крупных рукописях. Во всех случаях, где можно указать греческий протограф, слову дѣва сответствует греческое παρθένος, там, где имеется латинский протограф, — *virgo*. Дѣва всегда означает 'девушка, девственница'.

В тексте евангелия и в большинстве других памятников это слово преимущественно употребляется, когда говорится о богоматери. В тексте евангелия оно также употребляется в притче о десяти девах-невестах. Например: Се дѣва въ чрѣвѣ прииметъ. и родітъ сна (Мт 1, 23 Ас Сав) (в тетрах эти листы утрачены; в церковнославянских евангелиях — Дечанском, Врачанском и Добрейшевом здесь — двая); Въ шесты же м'ць. посъланъ бꙑс аћлъ гавриілъ. отъ ба ... къ дѣвѣ обрѫченѣ мѫжеви. емоуже імѧ юсифъ ... імѧ дѣвѣ маріѣ (Л 1, 27 Зогр Мар Ас) (в Добрейшевом евангелии — къ дѣвѣи ... имѧ дѣвѣи мариа; в Остромировом и во Врачанском — кь двци ... двци мария); тъгда оуподоби сѧ црсие нбское. і дѣвъ (Мт 25, 1 Зогр Мар Ас Сав); то же Ен 36а 18 (то же во Врачанском и Добрейшевом евангелиях); похоже Мт 25, 7 и 11 Зогр Мар Ас Сав (то же во Врачанском и Доб-

[11] См. A. Meillet. Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave. Paris, 1902—1905, стр. 372—373; J. Kurz. K otázce doby vzniku slovanských adjektiv složených a jejich původního významu. — «Studie ze slovanské jazykovědu», Praha, 1958, стр. 214; О. Н. Трубачев. История славянских терминов родства. М., 1959, стр. 114—116.

рейшевом). В позднем старославянском памятнике этот евангельский стих цитируется со словом дѣвица вместо дѣва (Супр 368, 26).

Примеры из других старославянских рукописей: Привєдѫтъ ся црю дѣвы по нєи. Ї искрьнѩѩ єі прівєдѫтъ сѩ по тєбѣ (Пс 44, 15 Син); Рождьство твоє бцє дво радость възвѣсти вьсєи вьсєлєнѣи (Ен 25в 15); хъ отъ дѣвы роди сѧ (Клоц 14а 40); то же Супр 452, 23 (Епифаниева гомилия). В Евх дѣва употребляется, как и в евангельском тексте, когда говорится о деве Марии и в изложении притчи о десяти девах: 85а 25; 86а 24; 67а 18; 87в 22; 100в 5 и др. В Супр дѣва встречается 14 раз. Например: к'дє єстъ сєстра твоꙗ ѭжє ты манишѝ дѣвѫ сѫштѫ. си посълахъ ѭ на блѫдъ. да проидѫтъ ѭ вьси хотѧштєи. ѥштє дѣва єстъ (Супр 4, 16 и 18. Мучение св. Павла и Иулиании); отъ нєпорочьныѩ и прѣчистыѩ дѣвы (Супр 10, 29, то же 10, 21—22); отъ дѣвы изидє Іс (Супр 428, 12); дѣвы и ѥноша. облѥмъ тѣло твоѥ (Супр 513, 1).

Синтаксический анализ 46 контекстов старославянских памятников, в которых употребляется слово дѣва, показывает, что, в отличие от адекватного по происхождению въдова, оно употребляется всегда как существительное, преимущественно в роли подлежащего или различных дополнений, но редко в функции именной части сказуемого. Нередко слово дѣва имеет при себе определение, при этом в различных по характеру памятниках. Например: придошѧ прочаѩ дѣвы (Мт 25, 11 Зогр Мар Ас Сав); ликоу мѫдрыхъ дѣвъ (Евх 100в 5); Вєдѫтъ сѧ цревы дѣвы въ слѣдъ єѩ (Евх 77в 22); нъ въплъштъша сѧ отъ стыѩ дѣвы богородица (Супр 533, 7—8).

Слово дѣвица в старославянских текстах употребляется суммарно 74 раза, т. е. значительно чаще, чем дѣва. Оно известно в четырех глаголических памятниках (Зогр Мар Ас Евх) и в двух кириллических (Сав Супр), т. е. ареал его несколько меньше, чем слова дѣва, которое отмечено в девяти памятниках.

По особенностям своего употребления слово дѣвица так же, как соответственно слово дѣва от въдова, отличается от слова въдовица. В слове въдовица суффикс -ица вводит его в круг слов женского рода, соотносительных с соответствующими словами мужского рода того же корня[12], типа блѫдьница (ср. блѫдьникъ), владычица (ср. владыка), вратарица (ср. вратарь), грѣшьница

[12] Хотя данное парное слово *вьдовьць* и не отмечено в старославянских текстах. Оно моложе слов въдова и въдовица; во всяком случае, если оно и было известно старославянскому языку, то принадлежало к числу редко употребляемых. Эта особенность имеет свое историко-юридическое объяснение (об этом подробно говорит В. Ф. Мареш в указ. статье, стр. 145, там же дается и литература по данному вопросу).

(ср. грѣшьникъ), двьрьница (ср. двьрьникъ), исповѣдьница (ср. исповѣдьникъ), мѫченица (ср. мѫченикъ), отроковица (ср. отрокъ), плѣньница (ср. плѣньникъ) и т. п. В слове дѣвица выделяется аналогичный суффикс -ица, но иного, уменьшительного значения, который вводит данное слово в число слов, соотносительных с соответствующими однокоренными словами женского рода, значения которых нейтральны (не мотивированы) в плане выражения размера. Это слова типа дъщица (ср. дъска), кънижица (ср. кънигы), ладиица (ср. ладии), понѩвица (ср. понѩва), цръкъвица (ср. цръкы) и т. п.

В языке старославянских евангельских текстов слово дѣвица имело греческими соответствиями κοράσιον, κόρη, латинским *puella*. В старших старославянских памятниках, к которым относятся все известные нам старославянские рукописи евангелий, слово дѣвица означает ʽдевушка, девочка’, т. е. употребляется в значении, отличном от значения слова дѣва.

В евангельском тексте слово дѣвица употребляется в двух рассказах: о дочери Иродиады и о чудесном воскрешении девочки, дочери архисинагога. В обоих повествуется о дочерях[13] (ср. употребления слова дѣва, всегда связанные с рассказами о богородице или о девушках-невестах). Например: дьни же бывъшю. рождьства ιродова. плѧса дъшти ιродиѣдина по срѣдѣ. ι оугоди ιродоу. тѣмь же клѧтвоѭ ιздрече еи дати. его же аште въпроситъ. она же наваждена материѭ своеѭ. даждь ми рече на блюдѣ. главѫ ιоана кр͠стителѣ . . . ι принесоша главѫ его на блюдѣ. ι даша дѣвици. ι несе матери своеи (Мт 14, 6—11, Зогр. Мар; то же Мк 6, 28 Зогр Мар Ас Ср, также Мк 6, 22 и 28 Зогр Мар Ас).

В другом рассказе: чьто млъвите. ι плачете сѧ. отроковица нѣстъ оумрьла нъ съпитъ. ι рѫгаахѫ сѧ емоу. онъ же ιзгнавъ вьсѧ. поѩтъ о͠ца отроковици ι м͠рь . . . ι имъ за рѫкѫ отроковицѫ. г͠ла еι. талитакоумъ (арамейское выражение со значением ʽдевушка, или девочка, встань’. — *Р. Ц.*) еже естъ съказаемо. дѣвице тебе г͠лѭ въстани. ι абие въста дѣвица ι хождааше бѣ бо лѣтома ͠ι͠в (Мк 5, 39—42 Зогр Мар). В Вукановом евангелии, сербском памятнике рубежа XII—XIII вв., в этом месте один раз вместо старославянского отроковица употребляется дѣвица (Мк 5, 41, л. 64в 24, стр. 235). Ср. также: не оумрьтъ бо дѣвица нъ спитъ . . . (Мт 9, 24 Зогр Мар Ас Сав; похоже Л 8, 52 Зогр Ас Сав; Мт 9, 25 Зогр Мар Ас Сав); . . . ι имъ ѭ за рѫкѫ. възгласи г͠лѧ. отроковице

[13] Интересно, что в древнерусском языке аналогичное старославянскому дѣвица, уменьшительное по типу своего образования слово *дѣвъка* одним из своих значений имело ʽдочь’ (θυγάτηρ). Например: «Король же не вдасть *дѣвкы* своеи Ростиславу». Ип. л. 6746 г.; «Служебница и *дѣвка* твоа, королева и великаа княгини Олена, со слезами тебѣ государю и отцу своему низко челомъ біетъ». Пис. Польск. кор. Елены к в. к. Ив. Вас. 1503 г. (цит. по словарю Срезневского, I, 781—782).

въстани (Л 8, 54 Зогр Мар Ас Сав). В этом рассказе слово дѣвица перемежается с синонимичным ему по употреблению словом отроковица, что является косвенным подтверждением толкования значения слова дѣвица в этих контекстах как 'девушка, девочка, ребенок женского пола'. Греческими соответствиями слова отроковица являются слова παιδίον, ἡ παῖς, латинским — *puella*. Кроме названных выше слово отроковица в евангелиях употребляется еще в одном стихе: иди. изиде бѣсъ из дъштере твоеѩ. и шьдъши домови. обрѣте отроковицѫ лежаштѫ. на одрѣ. и бѣсъ ишьдъша (Мк 7, 30 Зогр Мар). Во всех случаях отроковица означает 'ребенок женского пола', возрастной диапазон здесь весьма значителен, как и в арамейском талита (греч. ταλιθά). Значение слова отроковица следует анализировать в связи со значением соотносительного с ним однокоренного слова мужского рода отрокъ (греческое ὁ παῖς, латинское *puer*), которое означает в старославянском ребенка мужского пола от младенческого до отроческого возраста[14]. Ср.: Тогда иродъ ... изби вьсѧ отрокъи сѫщѧѩ въ виѳлеемѣ. и въ вьсѣхъ прѣдѣлѣхъ еѩ . отъ двою лѣтоу и ниже (Мт 2, 16 Ас Сав, то же в Дечанском евангелии, в Зогр и Мар это место утрачено) и отрочѧ же растѣаше ...и хождааше родителѣ его. по вьсѣ лѣта въ иѯмъ ... егда бы с҃ б҃і лѣтъ... оста отрокъ ис҃. въ илмѣ ... (Л 2, 40—43 Зогр Мар Ас; в Сав — отрочѧ). Как видно из приведенных отрывков, значение слова отрокъ не имело строго определенных возрастных границ. Та же особенность свойственна и значению слова отроковица и в определенной степени значению слова дѣвица, хотя в данное значение не включалось понятие младенческого возраста в отличие от слов отрокъ и отроковица. Отсутствие четких возрастных границ между словами, обозначающими детей, характерно для многих древних языков. Яркий пример такого словоупотребления, характерного для древнерусского языка, привел Д. Н. Шмелев из Пролога начала XIV в.: «пришедьши же мати *отрочати* от баня и въниде к *дѣтищю*, да его надоить, и егда откры лице *младенцю* нача *дѣтя* по обычаю верещати»[15].

В отличие от разобранных случаев в поздних старославянских памятниках слово дѣвица начинает употребляться в новом значении. Как и слово дѣва, оно начинает выражать понятие 'девушка, девственница' и передавать греческое παρθένος[16]. В этом значении оно более 40 раз встречается в Супр (при 14 случаях

[14] Производным от этого значения является значение 'слуга'. См.: Ф. Копечный. К этимологии слав. *отрокъ*. «Этимология. 1966». М., 1968, стр. 54—61.

[15] Д. Н. Шмелев. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964, стр. 155.

[16] V. Jagič. Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Berlin, 1913, стр. 287.

дѣва в этом же памятнике) и три раза в Евх (в старом значении дѣвица здесь не употребляется). Так же, как и слово дѣва, дѣвица в новом значении употребляется преимущественно, когда идет речь о богородице. Например, в изложении евангельских сюжетов: не тъчьѭ ли слово рече надъ дѣвицѫ. талиѳа коумы (Супр 307, 6; ср. Мк 5, 41 и др.); тогожде ї҆ѡанна златооустааго слово. от тлъкованиꙗ еvаггелиꙗ. ꙗже отъ мат'ѳеꙗ о десѧти дѣвицъ (Супр 368, 23); Се дѣвица вь чрѣвѣ зачьнетъ. и родитъ снъ (Супр 245, 26; ср. Мт 1, 23). Еще примеры: дръзоѹхъ пристѫпити к тебѣ господи. твоѥꙗ дѣлꙗ матере и дѣвица. ꙗкоже ты ѥдинъ вѣси творьцъ и богъ. тоꙗ оубо дѣлма твоѥꙗ беспосагаꙗ матере и дѣвица (Супр 391, 25 и 27); Аще которъи причетьник[ъ] блѫд[ъ] сътворит[ъ] съ тоуждеѭ женоѭ . ли съ дѣвицеѭ (Евх 102в 10—11); то же 102в 20; ср. также Евх 52в 19.

Характерно, что в более поздних списках евангелия также иногда употребляется слово дѣвица на месте и в значении старого дѣва. Например, в Л. 1, 27 (при этом дважды) в Остромировом и во Врачанском евангелиях-апракосах (см. выше).

Из 45 случаев употребления слова дѣвица в Супр только единичные можно отнести к старому значению 'девушка, девочка' (и то с известной долей сомнения). Например: родителѣ ѥмоу съвѣштаста сѧ женити ї дѣвицеѭ именемь ан'на (Супр 24, 29), далее о том же лице обрати оумъ отроковици (Супр 25, 27; в обоих примерах словам девица и отроковица в греческом тексте соответствует κόρη).

В подавляющем же большинстве случаев слово дѣвица в Супр употребляется как вариант слова дѣва, при этом последнее воспринимается уже как архаизм, и архаизм высокого стиля. Так, например, в проповеди под названием «стаго Іѡана златооустаго слово на благовѣштениѥ богородици» (Супр, стр. 243—251), которое, по мнению исследователей, отличается архаичностью своего языка[17], слово дѣва употребляется один раз (в начале проповеди!), тогда как слово дѣвица в этом же значении встречается здесь 20 раз.

Распространенность и употребительность нового значения слова дѣвица подтверждается и тем, что отыменные прилагательные дѣвичь и дѣвичьскъ употребляются в старославянских текстах (в Евх и Супр) в значении 'девичий, девственный' и имеют греческими соответствиями всегда τῆς παρθένου или παρθενικός.

Таким образом, если в значении слов вдова и вдовица на протяжении их употребления в языке старославянских памятников не произошло изменений, они различались только своими синтаксическими и стилистическими особенностями, то в значении

[17] См. Ст. М. Кульбакин. Лексичке студије. «Глас Српске краљевске академије», CLXXXII, други разред, 92, Београд, 1940, стр. 9.

слова дѣвица в границах старославянского языка происходят существенные сдвиги. Слово дѣвица постепенно перестает употребляться в своем первичном значении 'девушка, девочка' (греческие κοράσιον, κόρη) и приобретает новое значение 'девушка, девственница' (греческое παρθένος), т. е. становится дублетом слова дѣва. Последнее постепенно вытесняется из употребления своим дублетом дѣвица и переходит на положение архаизма. В результате, первоначально стилистически нейтральное, оно приобретает стилистический оттенок высокого слога.

Слово дѣвица, таким образом, переходит из группы слов типа дъщица, ладиица, цръкъвица в категорию слов типа владычица, грѣшьница, отроковица. Последняя в старославянском языке была представлена значительно бо́льшим числом слов, чем соответствующая группа слов на -ица уменьшительного характера, и была весьма продуктивной. В то же время часть слов на -ица уменьшительного значения в старославянском языке постепенно утрачивала деминутивный характер. Ср. значения слов грълица 'горлица' (греческое τρυγών), мъшица 'комар' (греческие κώνωψ, σκνίψ), пътица 'птица' (греческое στρουθίον). Эти особенности семантики слов с суффиксом -ица и сказались на употреблении и значении слова дѣвица.

3. Младъ

В Словаре старославянского языка ЧСАН слово младъ переводится как «mladý; молодой; jung» с выделением трех семантических оттенков: a) о человеке и возрасте (основные греческие соответствия νήπιος, ἄωρος, μικρός); b) о деревьях и траве (греческие соответствия — ἁπαλός, χλοηφόρος); c) о сыре (греческое соответствие νεαρός)[18]. Между тем анализ всех двадцати случаев употребления этого прилагательного в языке старославянских памятников, а также одиннадцати однокоренных с ним слов (младеницы, младеньць, младеньчь, младеньство, младѣницы, младѣничь, младатьце, младѣньць, младьньчь, младьньць, младьнъ) убеждает в том, что значение 'молодой', т. е. 'находящийся в возрасте от отрочества до зрелых лет', не было известно старославянскому языку от этого корня; оно развилось в славянских языках позднее. Общим «семантическим знаменателем» (термин Р. О. Якобсона[19]) гнезда млад- является понятие 'только что родившийся, появившийся' иначе 'младенческий'. Например: възигра ся младьнецъ (τὸ βρέφος) радоштами въ жтробѣ моеи (Л 1, 44 Мар Ас Сав; в Зогр — младѣницть); із оустъ младьнечь (νηπίων) съсжщиихъ съвръшилъ еси хвалж (Пс 8, 3 Син); в Клоц в цитате из этого стиха — младенечъ

---

[18] Slovník jazyka staroslověnského, 18, Praha, 1968, стр. 218.

[19] Из доклада Р. О. Якобсона «Несколько замечаний по семантической лингвистике» (прочитанном в Институте славяноведения АН СССР 12 августа 1966 г.).

(1а 21); в Супр — младеништь (326, 2; Мт 21, 16) младьнечь — в Мар, младеньчъ — в Сав; тако блгви і се младатьце (τὸ παρὸν νήπιον) (Евх 8а 13—14; похоже 8а 9—10).

В значении 'молодой' в старославянском языке употреблялось прилагательное юнъ (νέος). Это понятие явилось общим семантическим знаменателем ряда однокоренных слов: юнъ, юность, юнота, юноша. Например: тако тъ оубо къ юнѣ крьстѣ троуждааше сѧ (Супр 279, 26); стари и юнии. припадаюмъ ти гробоу. дѣвы и юноша. обьюмъ тѣло твою. младеньци ꙗко и птишти вьзирающе к тебѣ зѣжште (Супр 513, 1—3); отвръже сѧ потрѣбъ мирьскыихъ. осмааго на десѧте своѧ връсты лѣта ... по вьсѧ же лѣта юности своюѧ. много полагааше спѣшению (Супр 279, 14 и 17).

Интересно, что *младость* в словарях Востокова (I, 214) и Миклошича (372) дается в своем первичном значении «τρυφερότης mollities nes. νεπιότης infantia», но без примеров. В словаре Срезневского оно, как и полногласное *молодость*, отсутствует. По данным Словаря современного русского литературного языка (6, 1074), слово *младость* впервые фиксируется в русской лексикографии в Лексиконе треязычном Ф. Поликарпова 1704 г. *Молодость* (там же, 6, 1188) — в Российском Целлариусе Ф. Гельтергофа 1771 г. Полногласное *молодость*, несомненно, слово вторичного происхождения — оно образовано по модели слова *младость* и первоначально употреблялось как его вариант. В значении 'молодость' в древнерусском языке иногда употреблялось слово *младеньство* (при основном значении 'младенчество'). Например: А Данилу бодену бывшу в перси, *младеньства* ради и буести не чюаше раны, бывши на тѣлеси его (Троицкая летопись, 6731 г., цит. по словарю Срезневского); в Ипатьевской летописи здесь *младьства* (под 6732 г.), в Московском летописном своде конца XV в. — *мужства* (под 6731 г.) (цит. по Полному собранию русских летописей, т. 25, М.—Л., 1949, стр. 120).

Старославянское младъ имеет значения 'младенческий' и 'свежий, ранний'. Непосредственно предшествует обоим этим значениям значение 'нежный, слабый, мягкий, гибкий' по отношению к живым существам (человеку или животному) или растениям, только что родившимся, распустившимся, появившимся на свет и именно поэтому обладающими теми качествами, которые и составляют основу значений данного слова. Это значение прилагательного младъ еще непосредственно связано с его этимологией. Ср. значение родственных слов: др.-инд. *mṛdús* 'мягкий, нежный, кроткий'; лат. *mollis* 'мягкий'; арм. *melk* 'изнеженный, вялый, слабый'; др.-ирл. *meldach* 'мягкий, нежный, приятный'[20]. Именно

---

[20] Подробнее: Фасмер, II, стр. 643—644; L. Sadnik und R. Aitzetmüller. Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. Heidelberg, 1955, стр. 269 (№ 526).

на ощущении этого значения ('мягкий, нежный'), не прямо возрастного, а прежде всего качественного по своему характеру (свойство данного возраста) и построен типичный для Супр стилистический прием противопоставления прилагательных младъ и жестокъ: млади поидоша по жестокоу пѫти (Супр 135, 1—2). В этом смысле младъ перекликается с прилагательным мѧгъкъ (ἁπαλός) в значении 'хрупкий, нежный'. Ср.: мѧкъкоѥ же ѥстъство воданоѥ (Супр 90, 9—10); телецъ мѧкокъ. і овенъ дръжимъ за рогъ (Евх 15в 6—7).

В старославянских евангелиях прилагательное младъ (отмечено всего шесть случаев) употребляется, когда говорится о молодых побегах: отъ смоковьницѧ же наоучите сѧ притъчи. егда оуже вѣтвь ѥѩ бѫдетъ млада і листвие прозѧбнетъ. вѣсте ѣко близъ естъ жѧтва (Мт 24, 32 Зогр Мар Ас Сав; то же Мк 13, 28 Зогр Мар). Ср. в Юрьевском евангелии 1119 г.: повелѣ имъ посадити на младѣ травѣ (Мк 6, 39; в Зогр и Мар, а также в Добрейшевом и в Вукановом — зеленѣ, перевод греческого χλωρός). Ср. однокоренные *младичьѥ* (в словарях Востокова и Миклошича) со значением 'ветвь, сук, верхушка растения' (толкование из словаря Дьяченко), *молодь* (Дополнение к Опыту областного великорусского словаря) 'молодой побег растения или дерева', *младокъ* (словарь Востокова) 'гибкая ветвь, прут' (ср. старославянское лѣторасль).

В тексте Супр прилагательное младъ в одиннадцати случаях из четырнадцати употребляется тогда, когда говорится о младенцах или о маленьких детях. Например: зѣло жалаштемъ о младыихъ чадѣхъ (ошибочно вместо чадъ) исѣчении. ѥгда младенииштъ кръвиѭ виѳлеѥмъ багримъ бѣаше (Супр 397, 14); отъ млада бо възраста кротость вь нѥмъ ѩви сѧ (Супр 546, 19); ... дѣтии младъ. сѫштъ тѣлеси молити прости начати госпоцеви. въ исповѣдании богомь наоученѫѭ пѣснь (Супр 320, 9); млады дѣти вѣиѥ възм'ше и вѣиѥмъ ѥмоу побѣдѫ гласаште (Супр 402, 30)[21].

В трех остальных случаях употребления прилагательного младъ в Супр общим исходным значением является 'мягкий, нежный'. Во-первых, в выражении из млада ногътии (ἐξ ἁπαλῶν ὀνύχων), т. е. с раннего детства, со времени, когда еще ногти были мягкими, нежными: анѳупатъ ... рече к нѥмоу. пооумилъ ли сѧ ѥси оубо кодрате. или ни. онъ же прѣвеликомъ гласомъ възъпивъ рече. измлада ногътии цѣломѫдръстъвоуѭ. из ѫтробы матере моѥѩ кръстиѩнъ ѥсмъ (Супр 117, 27). Во-вторых, в выражении млады сыры (νεαρὰ τυρία), т. е. только что приготовленные: имѣше же брѣмѧ хлѣбы чисты ... и млады сыры и аицѧ (Супр 291, 7—8). В-третьих, в переносном

[21] Ср. многочисленные наименования детенышей с корнем *млад* в истории чешского литературного и народного языка: J. Z u b a t ý. Studie a články. Sv. I. Praha, 1949, стр. 340—355.

употреблении 'свежий, гибкий (о растении)': ѥже прѣстарѣвъшѫ сѧ трьсть. прѣобразити на младъ онъ образъ (πρὸς χλοηφόρον σχῆμα) (Супр 249, 28). Северьянов предполагает и другое чтение — младьнъ вместо младъ, так как «онъ не отвечает греч. тексту» (см. примечание к 249, 28). Прилагательное младьнъ известно Супр еще в одном контексте: нъ ѥд'наче въ младьнѣи и млѣчьнѣи пишти сѫштє. лютомь гнѣвомъ града иродомъ биѥмы ... (Супр 397, 9), где означает 'нежный, младенческий' (греческое ἁπαλός), т. е. в употреблении, близком в Супр 249, 28. Ср. также макъкъ в этом же значении: веселитъ сѧ дѣтиштѹ привлачаштоу макъкѫ пиштѫ млѣка (Супр 312, 5).

Таким образом, прилагательное младъ во всех известных нам контекстах по памятникам старославянского языка употребляется в значениях, отличных от современных. Оно означает 'младенческий' или 'свежий, ранний', но никогда 'юный, молодой'.

В. В. Усачева

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ СЛОВАРЯ СЛАВЯНСКИХ НАЗВАНИЙ РЫБ. I
(семейство Cyprinidae)

Работа представляет собой словарь названий пресноводных рыб семейства карповых по всем славянским языкам. Карповые — наиболее популярные представители пресных водоемов; они обитают в водных пространствах Центральной и Восточной Европы, Балканского полуострова и Сибири. В славянских языках существует огромное количество местных наименований рыб, которые представляют интерес в словообразовательном, лексико-семантическом и лингвогеографическом отношении. Большая часть этих названий восходит к праславянскому периоду и в ряде случаев отражает диалектные особенности праславянского языка. Основная цель данной работы — свести воедино эти многочисленные наименования — диалектные, профессиональные, бытующие в языке рыболовов и рыбаков, литературные и номенклатурные, т. е. названия, принятые в ихтиологии. Материалом для словаря послужили лингвистические, этнографические, географическо-статистические, ихтиологические исследования, опубликованные в разных странах. Кроме того, приводятся неопубликованные материалы Атласа украинского языка, Карпатского диалектологического атласа, материалы полесских экспедиций. Особое место среди использованной литературы занимают лексикографические описания, в которых собраны названия рыб по отдельным славянским языкам. Это «Опыт словаря местных названий рыб» Н. Ф. Золотницкого, «Рыбопромышленный словарь Псковского водоема» И. Д. Кузнецова, «Słownik nazwisk zoologicznych i botanicznych polskich» Э. Маевского, «Slovenské názvoslovie rýb Československéj republiky» О. Ферианца и капитальный труд М. Хирца «Rječnik narodnih zooloških naziva». Эти исследования ценны тем, что в них приводятся местные названия рыб, часто взятые из рукописных источников, или записанные авторами во время экспедиций, путешествий, произведена их классификация по существующей в ихтиологии системе, почти всегда есть географические пометы, что позволяет определить ареал того или иного слова.

Словарь состоит из 28 тематических разделов. В каждом разделе объединяются слова с одним значением, т. е. названия, относящиеся к одному из видов семейства Cyprinidae. Значение определяется через русский и латинский термины, принятые ихтиологами для данного вида, и выносится в заглавие. В тексте значение

указывается только в тех случаях, когда приводится название какого-нибудь подвида, который не выделяется в самостоятельный раздел, так как отличается от вида признаками, не являющимися релевантными для неспециалистов, включая и рыбаков-профессионалов. Слова в каждом разделе располагаются по латинскому алфавиту; однокоренные объединяются по гнездовому принципу.

Если в словарной статье приводится материал нескольких славянских языков, в качестве заглавного слова выбирается наиболее распространенная словообразовательная модель, которая в заглавии статьи представлена наиболее часто встречающимся фонетическим вариантом. Например, с.-хорв. *crlena perka*, *crljenper*, *crvenpera*, *crljenoperka*, *crljenperka*, *crvemperka*, *crvenoperka*, *crvenperka* помещены под *červenoperka*, где находятся и укр. *червенопірка*, и болг. *червеноперка*, и макед. *црвеноперка*. Если трудно определить, какой из словообразовательных вариантов является наиболее употребительным, заглавием словарной статьи служит первое по алфавиту слово с этим корнем. Например, под *belan'* помещены слвц. *belaň*, болг. *белевица*, польск. *białucha*, *biełucha*, с.-хорв. *белун*.

Каждое слово, включенное в словарную статью, приводится на своем по алфавиту месте с отсылкой к заглавному слову.

Если какое-либо название отмечено только в одном языке, то заглавное слово является его транслитерацией. Следует заметить, что ни один из предлагаемых вариантов написания заглавного слова не должен рассматриваться как реконструкция праформы.

Для написания заглавного слова используется латинский алфавит. Польские буквы *cz*, *ó*, *rz* (*ź*, *ż*), *sz* (*ś*), *w* передаются соответственно как *č*, *o*, *ž*, *š*, *v*; чешские *ř*, *ů* — как *r*, *u*; польские носовые *ą*, *ę* и болгарская ъ пишутся без изменения; мягкость обозначается только перед гласными заднего ряда и передается апострофом справа от буквы — *l'*, *m'* и т. д.; при передаче чешских и словацких слов долгота в заглавном слове не указывается.

После заглавного слова приводится материал по каждому языку; вслед за названием в скобках указывается место, где оно употребляется, если таковые сведения имеются в источнике, за знаком тире (—) дается название источника как правило, фамилия автора, полностью или сокращенно, или сокращенное название работы и страница. Страницы указываются только в изданиях несловарного типа, а в словарях — если слово стоит не на своем месте. Фонетические варианты в пределах одной словарной статьи отделяются друг от друга запятой, данные разных языков — точкой с запятой. Если два фонетических варианта даются в источнике с одной и той же географической пометой, то они помещаются вместе, а не по алфавиту, например, укр. *алыч*, *ялыч* (Закарпат. обл. — Влад. 46).

Словообразовательные варианты в словарной статье располагаются по латинскому алфавиту.

Сравнительный материал дается, как правило, в конце словарной статьи, при этом значение приводимого для сравнения слова приводится на языке источника.

Сложные слова, имеющие один общий корень, например *červenoperka*, *krasnoperka*, *rdečeperka*; *červenoperka*, *červenooka*; *краснобрюшка*, *краснохвостка*, *красноглазка*, не объединяются в одной словарной статье, а располагаются каждое на своем по алфавиту месте.

Восклицательный знак (!), стоящий перед заглавным словом, сигнализирует о том, что обычно этим названием обозначается другая рыба.

В данном томе помещается 7 разделов: Елец, Голавль, Язь, Красноперка, Жерех, Линь, Верховка.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ *

в. т. р. — верхнее течение реки
и. т. — ихтиологический термин
л. п. р. — левый приток реки
м. н. — местное название рыбы
н. т. р. — нижнее течение реки
п. п. р. — правый приток реки
ср. т. р. — среднее течение реки

АБС — Архив Болгарского словаря (хранится на филологическом факультете Софийского университета).

Аксак. — С. Т. Аксаков. Записки об ужении рыбы. М., 1856.

Аленицын — В. Аленицын. Очерк Троицко-Челябинских озер Оренбургской губернии и их ихтиологической фауны. СПб., 1873.

Амброз — А. И. Амброз. Рыбы Днепра, Южного Буга и Днепровско-Бугского лимана. Киев, 1956.

АУМ — Картотека «Атласу української мови», т. 2. «Західні говори» (хранится в отделе языкознания Ин-та общественных наук во Львове).

Аутодаров — И. Аутодаров. На утренней зорьке. Днепропетровск, 1956.

Аўчын. — І. Т. А́ўчыньнікаў. Жыцьцё нашых вод. Менск, 1930.

Апостол. и др. — К. Апостолски, Н. Петров, О. Поповска, М. Сидоровски. Рибите во Македонија. Скопје, 1956.

Бабовић — Гл. Бабовић. Оролик. Историја, живот и обичаји једног сремског села. Београд, 1963.

Балов — А. В. Балов. Очерки Пошехонья. — Этнографическое обозрение, кн. 40—41, № 1—2. М., 1899.

Бар. — Л. И. Баранникова. Некоторые особенности современного состояния лексики. «Вопросы русской диалектологии». Куйбышев, 1965.

Белінг — Д. Белінг. До характеристики рибного населення Держзаповідника «Конча—Заспа». «Збірник праць Держ. заповідника «Конча—Заспа», т. І. Київ, 1928.

Белінг 1935 — Д. Белінг. Прибережне рибнаселення р. Десни. «Труди гідробіологічної станції Укр. АН», № 10, Київ, 1935.

Берг — Л. С. Берг. Рыбы пресных вод СССР и сопредельных стран, ч. 2. М.—Л., 1948.

Берг 1918 — Л. С. Берг. Бессарабия. Пг., 1918.

Берг 1948 — Л. С. Берг. Названия рыб и этнические взаимоотношения славян. — «Сов. этнограф.», 1948, № 2.

Берг РА — Л. С. Берг. Рыбы бассейна Амура. «Записки Имп. Академии наук», т. 24, № 9, физико-математическое отделение. СПб., 1909.

*См. также общий список сокращений данного тома.

Берг РК — Л. С. Берг. Список рыб Колымы. «Ежегодник Зоологического музея Имп. Академии наук», т. 13. СПб., 1908.
Берг ФЧПК — Л. С. Берг. Фауна черноморского побережья Кавказа. Гл. IV. Пресноводные рыбы западного Закавказья. «Труды об-ва для изучения черноморского побережья», т. 2, 1913.
Березин — И. Н. Березин. Замечания о восточных словах в областном великорусском языке. — ИОРЯС, т. I. СПб., 1852.
Берлізов — А. А. Берлізов. Лексика рибальства українських говорів Нижнього Подністров'я. Чернігів, 1959.
Бессараба — И. В. Бессараба. Материалы для этнографии Херсонской губернии. — Сб. ОРЯС, т. 94, № 4. Пг., 1916.
Бог. — В. Г. Богораз. Областной словарь колымского русского наречия. — Сб. ОРЯС, т. 68, № 4. СПб., 1901.
Бор. — П. Г. Борисов. Материалы к изучению Переславского озера и рыбного промысла на нем. «Изв. Иваново-Вознесенского политехнического ин-та им. М. В. Фрунзе», т. IX, 1926.
Бор. и Овс. — П. Г. Борисов и Н. С. Овсянников. Определитель промысловых рыб СССР. М., 1964.
Бородин — Н. Бородин. Азовско-донское рыболовство. Новочеркасск, 1901.
Брейдак — А. Брейдак. Влияние прибалтийско-финских языков на латгальские говоры Лудзенского района Латвийской ССР. «Взаимосвязи балтов и прибалтийских финнов». Рига, 1970.
Брок — О. Брок. Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда. — Сб. ОРЯС, т. 83, № 4. СПб., 1907.
БРС — Беларуска-рускі слоўнік. М., 1962.
Булыч. — Н. П. Булычев. Очерк флоры и фауны Ирбитского уезда. «Записки Уральского об-ва любителей естествознания», т. IV. Екатеринбург, 1878.
Бунина — И. К. Бунина. Словарь говора ольшанских болгар. — СМБД, вып. 5. М., 1954.
БХ — Банатске Хере. Нови Сад, 1958.
Вакар. — Хр. Вакарелски. Добруджа. София, 1964.
Вакуров — В. Н. Вакуров. Из истории терминологии рыболовного промысла в русском языке (на материале деловых памятников XIV—XVI вв.). «Вопросы истории русского языка». Изд. МГУ, 1959.
Варп. ЗИФР — Н. Варпаховский. Небольшие заметки по ихтиологической фауне России. — ВР, 1889, № 6—7.
Варп. ИФКГ — Н. А. Варпаховский. Очерк ихтиологической фауны Казанской губернии. «Записки Имп. Академии наук», т. 52, приложение № 3. Спб., 1886.
Варп. ИФМК — Н. А. Варпаховский. Ихтиологическая фауна реки Малой Кокшаги Царевококшайского уезда Казанской губернии. Б. м. и г.
Варп. ОПРЕР — Н. А. Варпаховский. Определитель пресноводных рыб Европейской России. СПб., 1898.
Варп. ОРБВ — Н. А. Варпаховский. Определитель рыб бассейна реки Волги (описание рыб Нижегородской губернии). СПб., 1889.
Варп. РИВ — Н. А. Варпаховский. Рыбы озера Ильменя и реки Волхова Новгородской губернии. «Записки Имп. Академии наук», т. 53. СПб., 1886.
Варп. РНГ — Н. А. Варпаховский. Материалы для изучения рыб Нижегородской губернии. «Записки Имп. Академии наук», т. 65, приложение № 73. СПб., 1891.
Варп. РС — Н. Варпаховский. Ихтиологическая фауна реки Суры. Приложение к протоколам заседания Об-ва естествоиспытателей при Казанском ун-те, № 73. Казань, 1884.
Вас. 1882. — И. И. Василев. Опыт статистическо-географического словаря Псковского уезда Псковской губернии. Псков, 1882.

Вас. 1884 — И. И. Василев. Опыт географическо-статистического словаря Псковской губернии. Великолуцкий уезд. Вып. 2. Псков, 1884.
Васн. — В. В. Васнецов. Промысловые рыбы внутренних водоемов. Изд. «Сов. Азия», 1932.
Вен. — Н. Вениаминов. Рыболовство в России всеми орудиями и во все времена года. М., 1876.
Виноградов — Н. Н. Виноградов. Рыбные ловли на Онежском озере четыре века тому назад. «Рыбное хозяйство Карелии», вып. III. Л., 1936.
Влад. — В. Владыков. Рыбы Подкарпатской Руси и их главнейшие способы ловли. Ужгород, 1926.
Волоцкий — В. В. Волоцкий. Сборник материалов для изучения Ростовского (Ярославской губернии) говора. Словарь Ростовского говора. — Сб. ОРЯС, т. 72, № 3. СПб., 1902.
Воронин — Ф. Н. Воронин. Рыбы Белорусской ССР. Минск, 1957.
Воронова 1967 — Л. А. Воронова. Из наблюдений над диалектными названиями рыб в говорах Беломорского р-на Карельской АССР. «Уч. зап. Карел. пед. ин-та», т. 17, 1967.
Воронова 1968 — Л. А. Воронова. О прибалтийско-финских заимствованиях в промысловой лексике беломорских рыбаков. «Уч. зап. Карел. пед. ин-та», т. 22, 1968.
Воронцов 1927 — Е. М. Воронцов. Рыбы и рыболовство реки Сож. Материалы по ихтиофауне Днепровского бассейна. «Труды Смолен. об-ва естествоиспытат. и врачей при Смолен. ун-те», т. II. Смоленск, 1927.
Воронцов 1928 — Е. М. Воронцов. Материалы по ихтиофауне Днепровского бассейна. II. Рыбы и рыболовство среднего течения реки Десны. «Научн. изв. Смолен. гос. ун-та», т. V, вып. 1. Естествознание. Смоленск, 1928.
Воронцов 1930 — Е. М. Воронцов. Материалы по ихтиофауне Днепровского бассейна. III. Рыбы и рыболовство верховьев реки Днепра. «Труды об-ва изучения природы Смолен. края». Смоленск, 1930.
ВР — Вестник рыбопромышленности.
Врх. — І. Верхратський. Знадоби для пізнання угорськоруских говорів. Львів, 1901.
Врх. ГБ — І. Верхратський. Говір батюків. Львів, 1912.
Врх. Лем. — І. Верхратський. Про говор галицьких лемків. Львів, 1902.
Врх. НЗн. — І. Верхратський. Нові знадоби номенклатури і термінології природописної народної, збирані між люд'ом. Львів, 1908.
Гальц. и Пенязь — М. З. Гальцова и В. С. Пенязь. Материалы по ихтиофауне рек Белорусского Полесья. «Труды комплексной экспедиции по изучению водоемов Полесья». Минск, 1956.
Георг. — М. Д. Георгиевский. Уженье рыбы в Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1900.
Герд ДД — А. С. Герд. Проблемы формирования научной терминологии (на материале русских научных названий рыб). Доктор. дисс. Л., 1968.
Герд и др. — А. С. Герд, А. И. Коренев, М. П. Рускова. Русские названия рыб. «Из истории слов и словарей». Изд. ЛГУ, 1963.
Герд ИГЗ — А. С. Герд. Из истории одного германского заимствования в славянские языки. «Типология и взаимодействие славянских и германских языков». Минск, 1969.
Герд ЛСБГ — А. С. Герд. Из лексических связей брянских говоров с другими славянскими диалектами. «Брянские говоры». Л., 1968.
Герд ПФНР — А. С. Герд. Из истории прибалтийско-финских названий рыб в русских говорах Причудья. «Тезисы диалектологич. конф.» Тарту, 1968.
Герд СА — А. С. Герд. О специфике словообразовательного анализа в рамках одной лексической группы. «Очерки по словообразованию и словоупотреблению». Изд. ЛГУ, 1965.

Герд 1968 — А. С. Герд. Из истории связей псковских говоров с другими славянскими языками и диалектами. «Псковские говоры», II. Псков, 1968.
Гинчев — Ц. Гинчев. Нещо по българската народна медицина. — СбНУ, кн. III. София, 1890.
Гладк. — Н. А. Гладков. Рыбы бассейна рек Свапы и Сейма в пределах бывшего Льговского уезда. «Изв. Курского об-ва краеведения», № 3—6. Курск, 1929.
Гол. и Коп. — И. Голанов и С. Копорский. Дополнение к словарю Якушкина. «Труды Ярослав. пед. ин-та», т. I, вып. II. Ярославль, 1926.
Грац. — В. И. Грацианов. Опыт обзора рыб российской империи. М., 1907.
Гримм 1896 — О. А. Гримм. Каспийско-волжское рыболовство. СПб., 1896.
Гримм 1899 — О. А. Гримм. Уловы рыбы в озере Пестово за время с 1882 по 1898 г. — ВР, 1899, № 5.
Гриценко — И. Д. Гриценко. Названия рыб в говоре русских рыбаков дельты Дуная. «Уч. зап. Кишинев. ун-та», т. 71. Кишинев, 1964.
Дан. — Н. Я. Данилевский. Описание рыболовства в северозападных озерах. СПб., 1875.
Демб. — А. С. Дембовецкий. Опыт описания Могилевской губернии, кн. I. Могилев, 1882; кн. II. Могилев, 1884.
Дзенд. КД — Й. О. Дзендзелівський. Українські говори Нижнього Подністров'я. Канд. дисс., ч. I. Одеса, 1951.
Добр. — В. Н. Добровольский. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.
Доброклон. — Н. П. Доброклонский. О расселении рыб в Павловском посаде Московской губернии Богородицкого уезда. «Труды ОИОА», т. I. М., 1887.
Домр. — П. Домрачев. Ихтиофауна верховьев реки Днепра (Рыбы Смоленского уезда). — ВР, 1913, № 4—6.
Домр. и Правд. — П. Ф. Домрачев и И. Ф. Правдин. Рыбы озера Ильменя и реки Волхова и их хозяйственное значение. «Материалы по исслед. р. Волхова и его бассейна», т. X, ч. I, 1926.
Доп. к Опыту — Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858.
Дрен. — П. Дренски. Рибите в България. София, 1951.
Дрозд. КД — В. П. Дроздовский. Українські говірки Бессарабського Примор'я (на матеріалі обстеження Саратського, Татарбунарського районів Одеської області). Канд. дисс. Одеса, 1962.
Дрягин РЛ — П. А. Дрягин. Река Летка, ее ихтиофауна и рыбный промысел. «Вятско-Ветлужский край», № 5—6, 1927.
Дрягин РБВ — П. А. Дрягин. Рыбы бассейна реки Вятки от города Вятки до реки Летки. «Труды Вятского НИИ краеведения», т. 6, 1933.
Дуров — И. М. Дуров. Опыт терминологического словаря рыболовного промысла Приморья. О. Соловки, 1929.
Ђорђевић — М. Ђорђевић. Живот и обичаjи народни у Лесковачкоj Морави. Београд, 1958.
Ел. РКМД — Гл. Елезовић. Речник косовско-метохиског диjалекта. св. I—II. Београд, 1932—1935.
Елизар. ЛБА — И. А. Елизаровский. Лексика беломорских актов XVI—XVII веков. Архангельск, 1958.
Емел. — П. И. Емельяненко. Рыбы Днепровского бассейна. Пг., 1915.
Ермолов — А. С. Ермолов. Подводное царство — рыбы и рыбачество. — ВР, 1904, № 3—4.
Жел. — Е. Желеховський, С. Недільський. Малоруско-німецкий словар, I—II. Львів, 1882—1886.
Жуков 1958 — П. И. Жуков Рыбы бассейна Немана. Минск, 1958.
Жуков РБ — П. И. Жуков. Рыбы Белоруссии. Минск, 1965.

Журавлев КД — В. К. Журавлев. Говор села Криничное, т. II. Тексты и словарь. Канд. дисс. М., 1957.
Завіст. — П. Завістовський. Стан рибальства на середній течії р. Дніпра, низових течіях рр. Прип'яті й Десни та його економічне значення. «Збірник праць держ. рибн. заповідн. «Конча-Заспа», т. І. Київ, 1928.
Загор. — А. Загорянский. Краткий рыбацкий словарь. — В кн.: Н. Ф. Рождественский. Справочная книжка рыбака. М.—Л., 1930.
Захариев — Й. Захариев. Каменица. — СбНУ, кн. X. София, 1935.
Збор. — М. Б. Зборовская. Рыболовство в северо-западном районе Онежского озера. «Рыбное хозяйство Карелии», вып. III. Л., 1936.
Зельцер — В. И. Зельцер. Из лексических связей брянских говоров (из материала речной и рыболовецкой лексики). «Брянские говоры». Л., 1968.
Зограф — Рыболовство и рыбоводство в северо-западном крае. Под ред. Н. Ю. Зограф и Ю. Н. Зограф. «Труды ОИОА», т. V. М., 1907.
Зол. — Н. Ф. Золотницкий. Опыт словаря местных названий рыб, населяющих воды Российской империи. «Труды ОИОА», т. I, приложение № 2. М., 1887.
Јовић. — А. Јовићевић. Скадарско језеро и риболов на њему. — СЕЗб, кн. 13. Београд, 1909.
Ихт. набл. — Ихтиологические наблюдения экскурсии студентов императорского Юрьевского университета, произведенные летом 1911 г. в Ковденском заливе Белого моря. — ВР, 1913, № 4—5.
Кабаив. — Я. Кабаивански. Нашето рибарство. София, 1947.
Кавр. — Ф. Каврайский. Переславское озеро. — ВР, 1893, № 4.
Карский — Е. Ф. Карский. Белорусы, вып. 2. М., 1956.
Карский МБГ — Е. Ф. Карский. Материалы для изучения белорусских говоров, вып. V. — Сб. ОРЯС, т. 82, № 8. СПб., 1907.
Карский МСМГ — Е. Ф. Карский. Материалы для изучения северно-малорусских говоров, а также переходных от белорусских к малорусским (Полесье), I. — ИОРЯС, т. III, кн. 3, приложение II. СПб., 1898.
Каст. — М. І. Касьпяровіч. Віцебскі краёвы слоўнік. Віцебск, 1927.
КДА — Материалы «Карпатского диалектологического атласа» (хранятся в секторе славянского языкознания Ин-та славяновед. и балкан. АН СССР. Москва).
Кес. 1860 — К. Ф. Кесслер. Путешествие с зоологическою целью к северному берегу Черного моря и в Крым в 1858 году. Киев, 1860.
Кес. 1864 — К. Ф. Кесслер. Описание рыб Санкт-Петербургской губернии. СПб., 1864.
Кес. 1868 — К. Ф. Кесслер. Материалы для познания Онежского озера и Обонежского края преимущественно в зоологическом отношении. СПб, 1868.,
Кес. 1870 — К. Ф. Кесслер. Об ихтиологической фауне реки Волги. «Труды С.-Петербургского об-ва естествоиспытателей», т. I. СПб., 1870.
Кес. 1877 — К. Ф. Кесслер. Рыбы, водящиеся и встречающиеся в арало-каспийско-понтийской ихтиологической области. «Труды арало-каспийской экспедиции», вып. IV. СПб., 1877.
Кес. 1882 — К. Ф. Кесслер. Отчет о путешествии по Днепру в 1844 году. СПб., 1882.
Кис. — К. А. Киселевич. Промысловые рыбы волго-каспийского района, их привычки и особенности. Астрахань, 1926.
Клыков — А. А. Клыков. Краткий словарь рыбацких слов. М., 1968.
Кміт — Ю. Кміт. Словник бойківського говору (А—К). «Літопис Бойківщини», № 3—11. Самбір, 1934—1939.
Коб. — Б. Кобилянський. Гуцульський говір і його відношення до говору Покуття. «Український діялектолог. збірник», кн. І. Київ, 1928.

Ковачев — Н. П. Ковачев. Речник на говора на с. Кръвеник, Севлиевско. — Българска диалектология, кн. V. София, 1970.
Коев и др. — Н. Коев, Н. Цанков, Н. Шивачев. Риболовен наръчник. София, 1959.
Кол. — І. І. Колюшев. Короткий визначник риб Закарпатської області УРСР. Ужгород, 1949.
Колесов — В. В. Колесов. Развитие акцентологических типов в псковском именном склонении. «Псковские говоры», II. Псков, 1968.
Колосов — М. А. Колосов. Заметки о языке и народной поэзии в области северновеликорусского наречия. — Сб. ОРЯС, т. 17. СПб., 1877.
Копор. — С. А. Копорский. Материалы для словаря народного языка Пошехоно-Володарского уезда Ярославской губернии. «Труды Ярослав. пед. ин-та», т. II, вып. 3. Ярославль, 1929.
Кочев — И. Кочев. Гребенският говор в Силистренско. София, 1969.
Кочин — Г. Е. Кочин. Материалы для терминологического словаря древней России. М.—Л., 1937.
Крив. — А. А. Кривицкий. Из словаря полесских рыболовов. «Полесье». М., 1968.
Кузн. ОРР — И. Д. Кузнецов. Очерк русского рыболовства. СПб., 1902.
Кузн. ПАБ — И. Д. Кузнецов. Отчет о поездке в 1886 году на Азовское море. «Материалы по изучению рыбных промыслов Азовского бассейна», вып. I. СПб., 1903.
Кузн. РС — И. Д. Кузнецов. Рыбопромышленный словарь Псковского водоема. «Труды промыслово-научной экспедиции по изучению Псковского водоема: бассейны Псковского, Теплого и Чудского озер», отд. II, вып. 3. Пг., 1915.
Кузн. ТРП — И. Д. Кузнецов. Терские речные и притерские морские рыбные промыслы. СПб., 1898.
Купр. 1965 — В. А. Купрэенка. Назіранні над лексікай рыбалоўнага промыслу ў старабеларускіх помніках XV—XVII ст. ст. «Пытанні мовазнаўства і методыкі выкладання моў». Мінск, 1965.
Кучин ИО — И. В. Кучин. Ильмень озеро — «золотое дно». Новгород, 1906.
Кучин РЗПО — И. В. Кучин. Рыболовство и рыбный промысел на зауральских и приуральских озерах. СПб., 1910.
Кучин РПИ — И. В. Кучин. Рыбный промысел на Ильмене озере. — ВР, 1904, № 1—2.
Кучин РУК — И. В. Кучин. Материалы по рыбоводству и рыболовству в Уральском крае. Екатеринбург, 1909.
Кювл. и Дим. — В. Кювлиева и К. Димчев. Речник на Хасковския градски говор. — Българска диалектология, кн. V. София, 1970.
Ларин СД — Б. А. Ларин. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса 1618—1619. Л., 1959.
Лаумане 1968 — Б. Лаумане. Русские заимствования в рыболовецкой лексике латышских говоров и лексика русских рыбаков от Чудского озера до Игналины. «Диалектологич. конф. по изуч. русск. говоров Прибалтики. Тезисы докл.» Тарту, 1968.
Лисенко — П. С. Лисенко. Словник діалектної лексики середнього і східного Полісся. Київ, 1961.
Лисенко СЛЧ — П. С. Лисенко. Словник специфічної лексики правобережної Черкащини. «Лексикограф. бюлетень», вип. 6. Київ, 1958.
Лукаш — Б. С. Лукаш. Рыбы нижнего течения реки Вятки. «Труды Вятского НИИ краеведения», т. 6. Горьк. краев. изд-во, 1933.
Лукаш РБВ — Б. С. Лукаш. Рыбы бассейна реки Вятки выше города Слободского. Вятка, 1925.
Лысенко СЖ — А. С. Лысенко. Словарь диалектной лексики северной Житомирщины. «Славянская лексикография и лексикология». М., 1966.

Ляш. — О. Ф. Л я щ е н к о. Риби нижньої течії р. Прип'яті. «Труди Інституту гідробіології», № 23. Київ, 1949.
Магн. — А. Н. М а г н и ц к и й. Краткий очерк распространения рыб в Пензенской губернии. «Труды Пензен. об-ва любит. естествознания и краеведения», вып. 12. Пенза, 1928.
Макаров АКД — В. И. М а к а р о в. Рыболовецкая лексика говоров Нижнего Дона. Ростов-н/Д., 1967.
Макаров РЛК — В. И. М а к а р о в. Из наблюдений над рыболовецкой лексикой говора станицы Кочетовской. «Тексты докл. предстоящей научно-теоретич. конф. аспирантов». Ростов-н/Д., 1964.
Макаров 1966 — В. И. М а к а р о в. К изучению исторических пластов в рыболовецкой лексике говоров Нижнего Дона. «Доклады 8 научно-теоретич. конф. Таганрог. пед. ин-та». Секция филолог. наук, т. 2. Таганрог.
Макс. — В. И. М а к с и м о в. Некоторые особенности суффиксального образования названий животных в диалектах (на материале лексики псковских говоров). «Лексика русских народных говоров». М.—Л., 1966.
Маринов — Д. М а р и н о в. Народна вяра и религиозни народни обичаи. — СбНУ, кн. XXVIII. София, 1914.
МБ — З матеріялів бюра народньої термінології ІІНМ. «Вісник Інституту української наукової мови», вип. II. Київ, 1930.
Меньш. — М. И. М е н ь ш и к о в. Рыбы реки Камы и ее долины в окрестностях города Перми. «Изв. биологич. НИИ и биологич. станции при Перм. ун-те», т. VI, вып. 6. Пермь, 1929.
М. и К. — О. П. М а р к е в и ч, И. И. К о р о т к и й. Визначник прісноводних риб УРСР. Київ, 1954.
МЈ — Македонски јазик.
Миккола — И. М и к к о л а. Объяснения некоторых славянских слов. — РФВ, т. XLVIII, № 3—4. Варшава, 1902.
Мил. — М. М и л о ш е в и ħ. Неколико података о риболову на средњем току Пека. «Гласник этнографског музеја у Београду», т. 14, 1939.
Милићевић — М. Ђ. М и л и ħ е в и ħ. Живот срба сељака. Београд, 1894.
Михеева КД — Н. В. М и х е е в а. Рыболовецкая лексика русских говоров Урала. Канд. дисс.
Мишарин — К. И. М и ш а р и н. Рыбы и рыбный промысел в Иркутской области. Иркут. обл. изд-во, 1950.
Млад. ГВ — М. С. М л а д е н о в. Говорът на Ново Село Видинско. София, 1969.
Младенов ИГ — М. С. М л а д е н о в. Лексиката на Ихтиманския говор. «Българска диалектология», кн. III. София, 1967.
Моров — Т. М о р о в. Сладководните риби в България. София, 1931.
Москаленко — А. А. М о с к а л е н к о. Словник діалектизмів українських говірок Одеської області. Одеса, 1958.
Мочар. — Н. И. М о ч а р с к и й. Подмосковные рыбы. «Труды ОИОА», т. I, вып. 2—3. М., 1887.
МС — Матэрыялы для слоуніка. Мінск, 1960.
Навозов — Н. Н а в о з о в. Материалы к ихтиофауне бассейна реки Урала. — ВР, 1912, № 8—10.
Немченко — В. Н. Н е м ч е н к о. Диалектная лексика русских старожильческих говоров Литвы, общая с лексикой литовского языка. «Уч. зап. Латв. ун-та им. П. Стучки», т. 92. Рига, 1968.
Нік. — В. Ф. Н і к о л а е в. Матеріяли до української наукової терминології, ч. І. Полтава, 1918.
А. Ник. — А. М. Н и к о л ь с к и й. Гады и рыбы. СПб., 1902.
Никитин КД — А. В. Н и к и т и н. Названия рыболовных угодий Калининской, Новгородской и Псковской областей. Канд. дисс. Новгород, 1967.

Никиф. — Н. Я. Никифоровский. Очерки простонародного житья-бытья в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности. Витебск, 1895.
Никончук КД — Н. В. Никончук. Лексика трех сел Житомирского Полесья (на материале лексики природы). Канд. дисс. Житомир, 1969.
Ниш. и Ореш. — М. Нишков, П. Орешаров. Спортен риболов. София, 1958.
Озерец. — Путешествие акад. Н. Озерецковского по озерам Ладожскому, Онежскому и вокруг Ильменя. СПб., 1812.
Озерецковский 1817 — Н. Озерецковский. Путешествие на оз. Селигер. СПб., 1817.
Онишк. — М. О. Онишкевич. Словник бойківського діалекту. (Рукопись).
Онышк. — М. О. Онышкевич. Словарь бойковского диалекта, буква Б. «Славянская лексикография и лексикология». М., 1966.
Паллас — П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российской империи, т. I—III. СПб., 1773—1788.
Пеев — К. Пеев. Белешки за лексиката и фразеологијата од Струмичко. — МЈ, XIX, Скопје, 1968.
Петковски — Р. Петковски. Некои карактеристични зборови од охридскиот говор. — МЈ, 1959, № 1.
Петренко — И. В. Петренко. Терминология рыболовного промысла в памятниках деловой письменности XIV—XVI вв. «Научн. зап. Днепропетров. ун-та», т. 79, вып. 19, 1963.
Петров — П. Я. Петров. Материалы для сравнительного и объяснительного словаря русского языка и других славянских наречий. — Сб. ОРЯС, т. I. СПб., 1852.
Петровић — П. Ж. Петровић. Живот и обичаји народни у Гружи. Београд, 1948.
Пешев и Боев — Ц. Пешев, Н. Боев. Фауна на България. София, 1962.
П.-Зел. — Э. И. Полторагнева-Зеленина. Словарь говора болгарского села Суворово Одесской области УССР. — СМБД, вып. 5. М., 1954.
Писк. — Ф. Пискунов. Словарь живого народного письменного и актового языка русских южан Российской и Австро-Венгерской империи. Киев, 1882.
Плетенев — И. Т. Плетенев. Уженье рыбы. М., 1910.
Погодин — А. Л. Погодин. Севернорусские словарные заимствования из финских языков. — Варшав. университет. изв., т. IV. Варшава, 1904.
Покр. — В. В. Покровский. Промысловые рыбы северо-восточного района Онежского озера. «Рыбное хозяйство Карелии», ч. III. Л., 1936.
Попов — А. И. Попов. Некоторые вопросы и задачи исследования лексики русских говоров. «Лексика русских народных говоров». М.—Л., 1966.
Попова — Н. Е. Попова. О некоторых терминах рыбного промысла. «Материалы и исследования по русской лексикологии». Красноярск, 1966.
Порохова — О. Г. Порохова. Лексика сибирских летописей XVII века. Л., 1969.
ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. I. А—Бибишка. Изд-во ЛГУ, 1967.
Прокоп. — В. А. Прокопенко. Лексика буковинських говірок. Канд. дисс. Чернівці, 1960.
Пушк. — Н. Н. Пушкарев. Рыболовство на Онежском озере. СПб., 1900.
Пушкина — Р. Г. Пушкина. Об экологии гибрида леща Abramis brama L. и сибирской плотвы Rutilus rutilus lacustris (Pallas) из озера Убинского. — Вопросы ихтиологии, 1964, т. 4, вып. 3,

РБК — О. С. Зверева, Е. С. Кучина, Л. Н. Соловкина. Рыбные богатства Коми АССР и пути их освоения. Сыктывкар, 1955.
РБР — Руско-български речник, I—II. София, 1960.
Ревн. — А. И. Ревнивых. О местных названиях рыб Урала. «Труды Уральск. отд. ВНИОРХ», т. III, 1941.
РЛ XVIII — Рукописный лексикон первой половины XVIII века. Изд-во ЛГУ, 1964.
PMJ — Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања, I—III. Скопје, 1961—1966.
Ровинский — П. А. Ровинский. Географическое и этнографическое описание Черногории. — Сб. ОРЯС, т. 69. СПб., 1901.
Рос. Цел. — Российской целлариус, или этимологической российской лексикон, изданный Ф. Гельтергофом. М., 1771.
РСБКЕ — Речник на съвременния български книжовен език, I—III. София, 1954—1959.
РСР — Рыбы средней России. М., 1887.
PCXKHJ — Речник српскохрватског књижевног и народног језика, 1—6. Београд, 1959—1969.
Рузский — М. Д. Рузский. Бассейн реки Свияги и его рыбы. «Труды об-ва естествоиспыт. при имп. Казан. ун-те», т. XVII, вып. 4. Казань, 1887.
Саб. — Л. П. Сабанеев. Рыбы России. М., 1911.
Саб. 30 — Л. П. Сабанеев. Жизнь рыб и рыболовство на зауральских озерах. М., 1874.
Саб. РСУ — Л. П. Сабанеев. Каталог зверей, птиц, гадов и рыб Среднего Урала. М., 1872.
Салян. — Ю. Саляніковіч. Расьліны и жывёлы Слуцкага раёну. «Случчына». Слуцак, 1930.
Сап. — А. П. Сапунов. Река Западная Двина. Витебск, 1893.
Сахаров — А. И. Сахаров. Язык крестьян Ильинской волости Болховского уезда Орловской губернии. — Сб. ОРЯС, т. 68, № 5. СПб., 1900.
СД — Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области). М., 1969.
Севергин — В. Севергин. Записки путешествия по западным провинциям Российского государства. СПб., 1803.
СЕЗб — Српски етнографски зборник. Београд.
Сл. АР — Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный, ч. I—VI. СПб., 1806—1822.
СМБД — Статьи и материалы по болгарской диалектологии.
Смирнов — И. Т. Смирнов. Кашинский словарь. — Сб. ОРЯС, т. 70, № 5. СПб., 1901.
Сол. — В. Ф. Соловьев. Особенности говора донских казаков. — Сб. ОРЯС, т. 68, № 2. СПб., 1900.
Солдатов — В. К. Солдатов. Рыбы реки Печоры. М., Пг., 1924.
Соловьев — В. Ф. Соловьев. Особенности говора Новгородского у. Новгородской губернии. — Сб. ОРЯС, т. 77, № 7. СПб., 1904.
СРГБО — Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби, т. 1—3. Томск, 1964—1967.
СРГКК — Словарь русских говоров южных районов Красноярского края. Красноярск, 1968.
СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала, т. I. Свердловск, 1964.
СРНГ — Словарь русских народных говоров, вып. 1—6. М.—Л., 1965—1970 (а также картотека Словаря в Ленинграде).
ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка, т. 1 — 17. М.—Л., 1950—1965.
Стойков — Ст. Стойков. Говор с. Твырдицы и с. Твардицы (МССР). — СМБД, вып. 8. М., 1958.
Стойчев — Т. Стойчев. Родопски речник. Българска диалектология, кн. V. София, 1970.

Стремб. — А. Стрембицкий. О современном состоянии рыболовства на озере Пейпусе. — ВР, 1897, № 8—9.
Сулков. — П. В. Сулковский. Об отравлении рыб кукельваном. — ВР, 1899, № 2.
Тарачк. — А. С. Тарачков. Наблюдение над рыбами в реке Оке и ее притоках в окрестностях города Орла. «Материалы к познанию природы Орловской губернии», № 16. Заметки по фауне Орловской губернии. Орел—Киев, 1912.
Терешко КД — Л. С. Терешко. Українські говірки південного Побужжя (в межах Кривозерського р-ну Миколаївської області). Канд. дисс. Одеса, 1954.
Терл. — П. Терлецкий. Жизнь рыб в наших реках и озерах. СПб., 1879.
Тимч. — Е. Тимченко. Історичний словник українського языка, т. I. А—Ж. Харків—Киïв, 1930—1932.
Тимч. КІС — Картотека «Історичного словника українського языка», составленная Е. Тимченко (хранится в отделе языкознания Ин-та обществ. наук во Львове).
Тихенко — С. Тихенко. К зараженности волжской частиковой рыбы. — ВР, 1904, № 4.
Тошев — А. Тошев. Към терминология на българската фауна. Периодическо списание, т. XXXIX. София, 1891.
Трет. — Д. К. Третьяков. Визначник круглоротих і риб УРСР. Київ, 1947.
Троицкая — В. И. Троицкая. Промыслово-биологический очерк и рыбохозяйственная оценка Уфалейских озер. «Труды Уральского отд. ВНИИОРХ», т. 3. Свердловск, 1941.
Труб. — В. И. Трубинский. Функциональные варианты отпричастной формы в русских говорах северо-запада. «Псковские говоры», II. Псков, 1968.
Труды ОИОА — Труды Отдела ихтиологии императорского русского общества акклиматизации животных и растений.
Умленски — И. Умленски. Кюстендилският говор. София, 1965.
УРС — Українсько-російський словник, т. I—VI. Київ, 1953—1963.
Филин — Ф. П. Филин. Образование языка восточных славян. М.—Л., 1962.
Филиповић — Мил. С. Филиповић. Различита етнолошка грађа. Београд, 1967.
Филиповић ЖОВН — Мил. С. Филиповић. Живот и обичаjи народни у Височкоj Нахиjи. Београд, 1949.
Филонов — А. Филонов. Очерки Дона. СПб., 1856.
Хлебн. — А. М. Хлебников. О некоторых видах рыб, водящихся в Пермской губернии. Пермь, 1893.
Храмцова 1968 — В. П. Храмцова. К вопросу о географическом распространении профессиональной лексики псковских рыбаков. Уч. зап. Ленинград. пед. ин-та им. А. И. Герцена, т. 373.
Христ — Г. К. Христович. Материяли за изучвание българската фауна. — СбНУ, VII. София, 1892.
Цех. — Ю. В. Цеханович. Рыбы Урала и их ужение. Свердловск, 1937.
Цончев — П. Цончев. Из общественото и културно минало на Габрово. София, 1934.
Чернай — А. Чернай. Фауна Харьковской губернии и прилежащих к ней мест. Вып. I. Фауна земноводных, животных и рыб. Харьков, 1852.
Черныш. — В. И. Чернышев. Сведения о народных говорах некоторых селений Московского уезда. — Сб. ОРЯС, т. 68, № 3. СПб., 1901.
Черныш. 1898 — В. И. Чернышев. Сведения о мещовском говоре. — ИОРЯС т. III, кн. 2. СПб.

Чернышев — Н. Н. Чернышев. Список коллекции рыб Урала. «Труды ОИОА», т. I, вып. 2—3. М., 1887.
Чуб. — Чубинский. Малоруссы юго-западного края. «Труды этнограф.-статист. экспед. в юго-запад. край», т. 7, вып. 2. СПб., 1877.
Шат. — М. В. Шатэрнік. Краёвы слоўнік Чэрвеншчыны. Менск, 1929.
Шёгрен — А. М. Шёгрен. Материалы для сравнения областных великорусских слов со словами языков северных и восточных.— ИОРЯС, т. I. СПб., 1852.
Шенберг — П. Шенберг. Материалы к словарю промысловой терминологии Тобольского Севера. «Бюллетень об-ва изучения края при музее Тобольск. Севера», № 2. Тобольск, 1930.
Шило — Г. Ф. Шило. Словотвір іменників у говорах басейну верхнього Дністра і верхньої Прип'яті. «Питання словотвору східно-слов'янських мов». Київ, 1969.
Ш. и Т. — М. Шарлемань и К. Татарко. Назви хребетних тварин. «Словник зоологічної номенклатури», ч. II. Київ, 1927.
Шмелев — Д. Н. Шмелев. Заимствования из прибалтийско-финских языков в старорусских памятниках письменности. — ВСЯ, вып. 5. М., 1961.
Шух. — В. Шухевич. Гуцульщина, ч. IV. Львів, 1904.
Юрк. — Б. Юрківський. З рибальської термінології с. Дуфінки на Одещині. — Вісник Ін-ту укр. наук. мови, вип. I. 1928.
Яшкін — І. Я. Яшкін. Семантыка назваў рыбалоўства ў гаворках пяшчанцаў Слаўгарадскага раёна. «З жыцця роднага слова». Мінск, 1968.
Antipa — Gr. Antipa. Fauna ichtiologică a României. București, 1909.
Bajec — A. Bajec. Besedotvorje slovenskega jezika. I, II. Ljubljana, 1950; III. Ljubljana, 1952, IV. Ljubljana, 1959.
Balon — E. K. Balon. Ryby Slovenska. Bratislava, 1966.
Bart. — F. Bartoš. Dialektologie moravská, t. I, II. Brno, 1886, 1895.
Bart. DSM — Fr. Bartoš. Dialektický slovník moravský. Praha, 1905.
Barta — M. A. Barta. Zapiski rybackie. — «Przyrodnik», II. Tarnów, 1881.
Barta RD — M. A. Barta. Ryby Dniestru poławiane od Halicza do Pobereża. — «Przyrodnik», II. Tarnów, 1881.
Barta 1877 — A. Barta. Zapiski o rybach z Dniestru, poławianych we wsi Pobereże koło Jezupola. — «Kosmos», r. II. Lwów, 1877.
Bąk — P. Bąk. Słownictwo gwary okolic Kramska na tle kultury ludowej. Wrocław, 1960.
Bauch — G. Bauch. Die einheimischen Süsswasserfische. Leipzig, 1966.
Běl. — J. Bělič. Dolská nářečí na Moravě. Praha, 1954.
Benecke — Dr. B. Benecke. Fische, Fischerei und Fischzucht in Ost- und Westpreussen. Königsberg, 1881.
Chiț. — J. C. Chițimia și E. Deboveanu-Mălăescu. Graiul și folklorul polonez din Bulai, raionul Suceava. — «Romanoslavica», VII. București, 1963.
Cyran — W. Cyran. Gwary polskie w okolicach Siedlec. Łódź, 1960.
Czambel — S. Czambel. Slovenská reč a jej miesto v rodine slovanských jazykov. Turčiansky sv. Martin, 1906.
Deanović — M. Deanović i I. Jelenović. Pomorski i ribarski nazivi na Krku, Korčuli i Lopudu. — Zbornik Instituta za historijske nauke u Zadru, knj. II. Zadar, 1958.
Dek. 1960 — J. P. Dekowski. Las w życiu Borysów Sieradzkich. — PMMAE, ser. etnograf., N 3. Łódź, 1960.
Dek. 1963 — J. P. Dekowski. Pożywienie ludu Radomszczańskiego. — PMMAE, ser. etnograf., N7. Łódź, 1963.
Dek. 1964 — J. P. Dekowski. Znaczenie terenów nadrzecznych i wodnych w życiu wsi Łęczyckiej. — PMMAE, ser. etnograf., N 8. Łódź, 1964.
Dembowski — Br. Dembowski. Słownik gwary podhalskiej. — SKJ, t. V. Kraków, 1894.
Dor. — W. Doroszewski. Monografje słowotwórcze. — PF, t. 14, 1929.

Dumitrescu — M. Dumitrescu şi E. Novicicov. Lexicul graiului rusesc din satul Mila 23 (Regiunea Dobrogea). — «Romanoslavica», VII. Bucureşti, 1963.
Dyk — V. Dyk. Naše ryby. Praha, 1956.
Dyk 1946 — V. Dyk. Naše ryby. Olomouc, 1946.
Dzied — W. Dzieduszycki. Przewodnik po Muzeum im. Dzieduszyckich we Lwowie. Lwów, 1895.
EJ — Enciklopedija Jugoslavije, v. II. Zagreb, 1956.
ER — Encyklopedia rolnictwa i wiadomości związek z niem mających, t. V. P—Ż. Warszawa, 1879.
Falk. i Paszn. — J. Falkowski i B. Pasznycki. Na pograniczu łemkowsko-bojkowskiem. Lwów, 1935.
Ferianc — O. Ferianc. Slovenské názvoslovie rýb Československéj republiky a susediacich krajov. Turčansky sv. Martin, 1948.
Franetović — D. Franetović-Bûre. Historija pomorstva i ribarstva Crne Gore do 1918 godine. Titograd, 1960.
Frič — A. Frič. České ryby a jich cizopasníci. Praha, 1908.
Friedrich — H. Friedrich. Gwara kurpiowska. Fonetyka. Warszawa, 1955.
Gloger — Z. Gloger. Słownik gwary ludowej w okr. Tykocińskim. — PF, t. IV. Warszawa, 1893.
Gregor — A. Gregor. Slovník nářečí slavkovsko-bučovického. Praha — Brno, 1959.
Gregorowicz — J. Gregorowicz. Słownik wyrazów huculskich.— Pamietnik Towarzystwa Tatrzańskiego, t. V. Kraków, 1880.
Güld. — J. A. Güldenstaedt. Reisen durch Russland und im Coucasischen Gebürge, t. 1—2. St. Petersburg, 1787—1791.
Gulg. — J. Gulgowski. Kaszubi. Kraków, 1924.
Heckel u. Kner — J. Heckel und R. Kner. Die Süsswasserfische der österreichischen Monarchie mit Rücksicht auf die angrenzenden Länder. Leipzig, 1858.
Hedemann — O. Hedemann. Dawne puszcze i wody. Wilno, 1934.
L'Hermitte — R. L'Hermitte. Les noms russes de poissons en-ga. — RÉS. t. 43, f. 1—4. Paris, 1964.
Hinze — Fr. Hinze. Wörterbuch und Lautlehre der deutschen Lehnwörter im Pomoranischen (Kaschubischen). Berlin, 1965.
Hirtz — M. Hirtz. Rječnik narodnih zooloških naziva, knj. 3. Zagreb, 1956.
Hošek — I. Hošek. Nářečí Českomoravské, d. II. Podřečí polnické, č. I. Praha, 1905.
Hykeš — O. V. Hykeš. Ryby republiky Československéj. «Časopis musea král. českého», odd. přírodovědný, roč. 95. Praha, 1921.
Jakubaš — F. Jakubaš. Hornjoserbsko-němski słownik. Budyšin, 1954.
Janów — I. Janów. Gwara małoruska Moszkowiec i Siwki naddniestrzańskiej z uwzględnieniem wsi okolicznych. Lwów, 1926.
Jar. — F. P. Jarocki. Zoologia czyli zwierzętopismo ogólne podług najnowszego systematu, t. IV. Ryby. Warszawa, 1822.
Jawor. — A. Jaworowski. Ryby Prutu pod Czerniowcami i sposoby ich łowienia. — «Przyrodnik», II. Tarnów, 1881.
Chodsko — Jind. Jindřich. Chodsko. Praha, 1956.
Jurk. — E. Jurkowski. Dzisiejszy stan słownictwa w słowińskiej wsi Kluki. «Słowińcy, ich język i folklor». Wrocław, 1961.
Kálal — K. Kálal, M. Kálal. Slovenský slovník z literatúry aj nárečí. Banská Bystrica, 1923.
Kalima — I. Kalima. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors, 1915.
Karł. SGP — J. Karłowicz. Słownik gwar polskich, t. I—VI. Kraków, 1900—1911.
Kellner VN — A. Kellner. Východolašská nářečí, d. II. Brno, 1949.
Klucze — Klucze do oznaczania kręgowców Polski. Warszawa—Kraków, 1962.

Kochan. — C. K o c h a n o w s k i. Ryby i rybołówstwo w Prucie. — «Przyrodnik», V. Tarnów, 1884.
Kott 1910 — Fr. K o t t. Dodatky k Bartošovu Dialektickému slovníku moravskému. Praha, 1910.
Kowalska — K. K o w a l s k a. Ryby słodkowodne i morskie. Warszawa, 1950.
Kucała — M. K u c a ł a. Porównawczy słownik trzech wsi małopolskich. Wrocław, 1957.
Kux — Zd. K u x. Příspěvek k poznání ichthyofauny Dunajského povodí ČSR. «Časopis moravsk. museu». Brno, 1957.
Kulm — W. K u l m a t y c k i. Przyczynek do znajomości ichtiofauny Centralnego Okręgu Przemysłowego. — «Przegląd rybacki», r. XI, N 10, 1938.
Lambl — D. L a m b l. Ryby adriatické. «Časopis českého musea», r. 28, sv. 1—2. Praha, 1854.
Lamprecht — A. L a m p r e c h t. Slovník středoopavského nářečí. Ostrava, 1963.
Lang — M. L a n g. Samobor. — ZbŽNO XVI, 1911.
Laumane — B. L a u m a n e. Zivju nosaukumu cilme un izplatība latviešu valodā. — «Изв. АН Латв. ССР» № 7. Рига, 1967.
Leder — I. L e d e r. Russische Fischnamen. Wiesbaden, 1968.
Leks. — E. H a r a m i n a. Leksikon lova i ribolova. Zagreb, 1964.
Leś. — P. E. L e ś n i e w s k i. Rybactwo krajowe czyli historyja naturalna ryb krajowych. Warszawa, 1837.
Liška — J. L i š k a. K otázke povôdu východoslovenských nárečí. Turčiansky sv. Martin, 1944.
Lor. PW — F. L o r e n t z. Pomoranisches Wörterbuch, I. Berlin, 1958.
Lor. SW — F. L o r e n t z. Slovinzisches Wörterbuch, 1—2. St. Petersburg, 1908—1912.
Lubicz — R. L u b i c z. Przyczynki do nowego słownika języka polskiego.— PF, t. IV. Warszawa, 1893.
Ład. — R. Ł a d o w s k i. Historia naturalna kraju Polskiego. Kraków, 1804.
Łom. — M. Ł o m n i c k i. Ryby zebrane w okolicy Sołotwiny, Stanisławowa i Halicza. — Sprawozdanie Komisyi Fizyjograficznej, t. XII, cz. II. Krákow, 1878.
Machek 1944 — V. M a c h e k. Einige slavische Fischnamen. — ZfSlPh, XIX, Hf. 1. Leipzig und Wien, 1944.
Mahen 1927 — J. M a h e n. Částečná revise ryb dunajské oblasti. — SKP, roč. 9. Brno, 1927.
Mahen 1930 — J. M a h e n. Příspěvek k systematice ryb kaprovitých. I. — SKP, roč, 12. Brno, 1930.
Mahen 1931 — J. M a h e n. Příspěvek k systematice ryb kaprovitých. — SKP, roč. 14. Brno, 1931.
Majew. — E. M a j e w s k i. Słownik nazwisk zoologicznych i botanicznych polskich, t. I. Warszawa, 1889; t. II. Warszawa, 1894.
Małacz. — M a ł a c z y ń s k i. Ryby Styru w okolicy Burdulaki Piaski (Leszniów). — «Przyrodnik», r. II, Tarnów, 1881.
Malina — I. M a l i n a. Slovník nářečí mistřického. Praha, 1946.
Matlakowski — W. M a t l a k o w s k i. Słownik wyrazów ludowych zebranych w Czerskiem i na Kujawach. — SKJ, t. V. Kraków, 1894.
Mis. — M. M i s i ń s k a. Rybołówstwo na Pilicy. — PMMAE, ser. etnograf. N 2. Łódź, 1958.
M.-K. — A. M o c a r s k a—K o w a l s k a. Słownictwo Warmii i Mazur. Rybołówstwo. Warszawa—Wrocław—Kraków, 1963.
Mosz. KLS. — K. M o s z y ń s k i. Kultura ludowa słowian. cz. I. Kraków, 1929.
Mosz. PW — K. M o s z y ń s k i. Polesie wschodnie, Warszawa, 1928.
Nitsch — K. N i t s c h. Wybór polskich tekstów gwarowych. Warszawa, 1968.

Now. — Dr. M. Nowicki. Ryby i wody Galicyi pod względem rybactwa krajowego. Kraków, 1880.
Now. 1881. — M. Nowicki. Do imienictwa rybiego. — «Przyrodnik», r. II. Tarnów, 1881.
Now. 1889 — M. Nowicki. O rybach dorzeczy Wisły, Styru, Dniestru i Prutu w Galicyi. Kraków, 1889.
NR — Naše rybářství. Naučný slovník všech oborů československého rybářstvi. Praha, 1949.
Olesch — R. Olesch. Der Wortschatz der polnischen Mundart von Sankt Annaberg. Berlin, 1958.
Orłoś — T. Z. Orłoś. Zapożyczenia polskie w słowniku Jungmanna. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1967.
Palko — A. Palko. Rybačka na Slovensku. Bratislava, 1954.
Palkovič — K. Palkovič. Z vesného slovníka Slovákov v Mad'arsku. Bratislava, 1957.
Pall. ZRA — P. S. Pallas. Zoographia rosso-asiatica, t. 3. Pisces. Petropoli, 1831.
Plater 1852 — A. Plater. Spis zwierząt ssącysh, ptaków i ryb krajowych. Wilno, 1852.
Plater 1861 — A. Plater. Opisanie hydrograficzno-statystyczne Dźwiny Zachodniej oraz ryb w niej żyjących. Wilno, 1861.
PMMAE — Prace i materialy Muzeum archeologicznego i etnograficznego.
Pobł. — X. G. Pobłocki. Słownik kaszubski z dodatkiem idyotyzmów chełmińskich i kociewskich. Chełmno, 1887.
Poljakov — G. D. Poljakov, N. D. Filipi. Kozma Basho e A. Hysenaj. Peshqit e Shqiperise. Tiranë, 1958.
Ramułt — S. Ramułt. Słownik języka pomorskiego czyli kaszubskiego. Kraków, 1893.
Ramułt 1930 — St. Ramułt. Gwara ślemieńska. I. Słownik. Poznań, 1930.
Rostaf. — J. Rostafiński. Symbola ad historiam naturalem mediiaevi, I—II. Kraków, 1900.
RP — Rybářská příručka. Praha, 1964.
Rysul'a — S. Rysul'a. Život a pieseň Podtatranského Važca. Bratislava, 1960.
Rzeszowski — L. Rzeszowski. Spis wyrazów ludowych z okolicy Żywca. — SKJ t. IV. Kraków, 1891.
SDor — Słownik języka polskiego, red. W. Doroszewski, I—XI. Warszawa, 1958—1969.
Sek. — St. Sekutowicz. Ryby. Lwów—Warszawa, 1938.
SKJ — Sprawozdania Komisji językowej. Kraków.
SKP — Sborník klubu přírodovědeckého v Brně.
Skulina — J. Skulina. Severní pomezí moravskoslovenských nářečí. Praha, 1964.
SP XVI — Słownik polszczyzny XVI wieka, t. I—II. Warszawa—Wrocław—Kraków, 1966—1968.
SSJČ — Slovník spisovného jazyka českého, I—II. Praha, 1960.
SSKJ — Slovar slovenskega knjižnega jezika, knj. I. A—H. Ljubljana, 1970.
Staff — Fr. Staff. Ryby słodkowodne Polski i krajów ościennych. Warszawa, 1950.
Stanislav — Ján Stanislav. Liptovské nárečia. Turčiansky sv. Martin, 1932.
Stelmachowska — B. Stelmachowska. Słowińcy i ich kultura. Poznań—Słupsk, 1963.
Steuer — F. Steuer. Dialekt sulkowski. Kraków, 1939.
Svěrák — Fr. Svěrák. Boskovické nářečí. Brno, 1941.
SW — J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiedzki. Słownik języka polskiego, t. I—VIII. Warszawa, 1900—1927.
SWil — Słownik języka polskiego wydany staraniem i kosztem Orgelbranda, t. 1—2. Wilno, 1861.

Sychta — B. S y c h t a. Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej, t. I — IV. Wrocław, 1967—1970.
Szczygielski — W. S z c z y g i e l s k i. Z dziejów gospodarki rybnej w Polsce w XVI—XVIII w. Warszawa, 1967.
Szuch. — W. S z u c h i e w i c z. Huculszczyzna, t. 1, 2. Kraków, 1902.
Szym. — M. S z y m c z a k. Słownik gwary Domaniewka w powiecie łęczyckim, t. I—V. Wrocław, 1962—1967.
Šimek 1954 — Zd. Š i m e k. Rybářství na tekoucích vodách. Praha, 1954.
Šimek 1959 — Zd. Š i m e k. Ryby našich vod. Praha, 1959.
Škerlj — St. Š k e r l j, R. A l e k s i ć, V. L a t k o v i ć. Slovenačko-srpskohrvatski rečnik. Beograd—Ljubljana, 1964.
Ślaski — B. Ś l a s k i. Słownik rybacko-żeglarski i szkutniczy. — SO, t. IX. Poznań, 1930.
Štěpánek — O. Š t ě p á n e k. Klíč našich obratlovců. Praha, 1950.
Tomasz. — A. T o m a s z e w s k i. Gwara Łopienna i okolicy w północnej Wielkopolsce. — Prace Komisji Językowej PAU, nr. 16. Kraków, 1930.
Tomasz. MMW — A. T o m a s z e w s k i. Mowa tak zwanych mazurów wileńskich. — SO, t. XIV. Poznań, 1935.
Trautmann — R. T r a u t m a n n. Baltisch-Slavisches Wörterbuch. Göttingen, 1923.
Tyszk. — K. T y s z k i e w i c z. Wilija a jej brzegi. Drezno, 1871.
Vasiliu — G. D. V a s i l i u. Peştii apelor noastre. Bucureşti, 1959.
Vogt u. Hofer — C. V o g t und B. H o f e r. Die Süsswasserfische von Mitteleuropa, t. I. Frankfurt a. M. — Leipzig, 1909.
Wak. — Chr. W a k a r e l s k i. Etnografia Bułgarii. Wrocław, 1965.
Wał. — A. W a ł e c k i. Systematyczny przegląd ryb krajowych. Materiały do fauny ichtyologicznej, II. Warszawa, 1864.
Wał. BW. — A. W a ł e c k i. Materiały do fauny ichtyologicznej Polski. — Biblioteka Warszawska, t. IV, z. 10, z. 12. 1863.
Wał. PFiz — A. W a ł e c k i. Przyczynek do naszej fauny ichtyologicznej. — Pamiętnik fizjograficzny, t. IX, N 3. Warszawa, 1889.
Wierzb. 1880 — M. W i e r z b o w s k i. Wykaz niektórych ryb znajdujących się w Prucie koło Delatyna. — «Kosmos», roč. V. Lwów, 1880.
Wierzb. 1881 — M. W i e r z b o w s k i. Wykaz ryb z Bystrzycy koło Nadworny. — «Kosmos», roč. VI. Lwów, 1881.
Wrześn. — A. W r z e ś n i o w s k i. Spis wyrazów podhalskich. — Pamiętnik Towarzystwa Tatrzańskiego, t. X. Kraków, 1885.
Wyg. — J. W y g a n o w s k i. Wędkarstwo. Warszawa, 1957.
Zaręba — A. Z a r ę b a. Słownik Starych Siołkowic w powiecie opolskim. Kraków, 1960.
Zawad. — J. Z a w a d z k i. Z jezior Wileńszczyzny. — Przegląd rybacki, roč. XI, N 2. Warszawa, 1938.
ZbNŽO — Zbornik za narodni život i običaje južnih Slavena. Izd. JAZU. Zagreb.
Zdanc. — T. Z d a n c e w i c z. Wpływy białoruskie w polskich gwarach pod Sejnami. Poznań, 1966.
Zn.-Prüf. RT — M. Z n a m i e r o w s k a - P r ü f f e r o w a. Rybołówstwo jezior Trockich. Wilno, 1930.
Zn.-Prüf. RD — M. Z n a m i e r o w s k a - P r ü f f e r o w a. Rybołówstwo w okolicach Druskienik. Lwów, 1934.
Zn.-Prüf. 1953 — M. Z n a m i e r o w s k a - P r ü f f e r o w a. Gospodarka i obyczaje ludowe. — Warmia i Mazury, cz. II. Poznań, 1953.
ZR — Zapiski rybackie. — «Przyrodnik», roč. II. Tarnów, 1881.
Zwoliński — P. Z w o l i ń s k i. Nazwy toni rybackich jeziora Śniardwy. — JP, XXXIV, 4, 1954.

Елец Leuciscus Leuciscus L.

alyč см. jelec

belec польск. *bielec* (р. Просня — Śląski 148: «bielec. . . jest bodaj pierwotne, nm. Weissfisch»);

в.-луж. *bělica* (Jakubaš); чеш. *bělice* (Frič 33, 34: «jméno proudník významnější než bělice, které i o jiných rybách, na př. o oukleji, se užívá»; Ческе—Будеевице — Heckel u. Kner 188);

с.-хорв. *belun* (Лепеница, Крагуевац — Hirtz: «Isp. njemačko ime za istu vrstu; Weisser Döbel, Weissfisch»);

болг. *белвица*, *беловица* (Моров 44).

belica см. belec

beloryb польск. *białoryb* (Wyg. 448: «м. н.»).

belovica, belvica см. belec

belun см. belec

cipo с.-хорв. *cipo vodeni* (Hirtz: «jer naliči baš na cipola»).

čebak русск. *чебак* (р. Обь — Цех. 93: «неправильно»; рр. Обь, Тобол — Ревн. 214: «сибирский елец Leuciscus leuciscus baicalen», Сибирь — Берг 546: «сиб. елец»; р. Колыма — Берг РК 101: «м. н.»; у русских на рр. Чу, Нура — Берг 547: «киргизский елец Leuciscus leuciscus baicalensis natio kirgisorum Berg»), *чебак ельцовой породы* (рр. Тавда, Сосьва, Лозьва — Ревн. 214: «м. н.»); ср. *чебачек* 'таласский елец Leuciscus lindbergi Zanin et Eremeev' (у русских на рр. Талас и Аса — Берг 550); *иссыккульский чебачек* (оз. Иссыккуль — Берг 553: «и. т.»)

xarius русск. *хариус* (р. Оредеж — Саб. 638: «неправильно»).

gnojuš польск. *gnojusz* (Галиция — Now. 1889, 53).

golovl'a русск. *головля* (Герд СА 28).

jalc см. jelec

jalec см. jelec

jal'čik см. jelec

jalica см. jelec

jalyč см. jelec

jarąg польск. *jarąg* (Попрад — Now. 1889, 53);

польск. *jarążek* (р. Раба п. п. р. Висла — Now. 1889, 53).

jarąžek см. jarąg

jas слвц. *jas* (Земплин — Ferianc 32: «meno opiera sa o farbu ryby»).

jaš польск. *jasz* (мазур. — Benecke 139).

jazek чеш. *jazek* (Подлужье — Bart. II, 498, Bart. DSM).

jel см. jelec

jelčak см. jelec

jelčik см. jelec

jelec русск. *елец* (1691—1692 гг. — Тотемск. округ, 1704 г. Красноярск. острог — Попова 7), *еле́ц* (Сл. АР, Даль[2]; Холмогоры — Грандилевский: «мелкая, похожая на сига, речная рыба»; Псков. оз. — Кузн. РС; н. т. р. Вятка — Лукаш 49;

«м. н.»), *елец* (р. Онега — Пушк. 34: «вопреки мнению Кесслера, известен местами на Онеге и под этим названием»; рр. Печора, Пинега, оз. Лаче, Кенозеро, рр. Шексна, Сясь; ленингр. новг. псков. — Герд ДД; верховья р. Днепр в бывш. Смолен. у. — Домр. 147; оз. Стерж, Селигер; смол. курск. льгов. глушк. ворон. — Герд ДД; почти по всей Волге — Кес. 1870, 268; р. Волга в пределах бывш. Казан. губ., р. Шешма — Варп. ИФКГ 30, 63; р. Волга в пределах бывш. Нижегород. губ. — Варп. ОРБВ 54; притоки р. Сура — Варп. PC 12: «знают и название *елец*»; р. Ахтай л. п. р. Кама — Варп. ИФКГ 61; р. Летка — Дрягин РЛ 4; басс. р. Вятка от г. Вятка до р. Летка — Дрягин РБВ 120; басс. р. Вятка выше г. Слободской — Лукаш РБВ 9: «м. н.»; реки Урала — Цех. 93: «м. н.»; зауральские озера — Саб. 30 87; басс. р. Урал — Навозов 264; рр. Кама, Обь, Печора — Ревн. 214: «м. н.»; р. Кама и ее басс. — Меньш. 387), ~ 'сибирский елец Leuciscus leuciscus baicalensis Dybow.' (рр. Обь, Иртыш, Енисей, оз. Байкал — Герд ДД), ~ *белый* (р. Ветлуга п. п. р. Волга — Варп. РНГ 30), *ельцы* мн. ч. 'Leuciscus Danilewskii' (р. Свапа с притоками — Гладк 48), *елець* (псков. арханг. — СРНГ), *елес* (р. Боярка — Ревн. 214: «м. н.»), *jelec* (Pall. ZRA 319), *ялёц* (петрозавод., р. Свирь — Куликовский), *ялец* (р. Мал. Кокшага, р. Свияга и ее басс., р. Мал. Черемшан — Варп. ИФКГ 30, 46, 59; р. Волга в пределах бывш. Нижегород. губ. — Варп. ОРБВ 54); укр. *велéць* (Жел.), *вjельц'í* (в. т. р. Стрый — АУМ), *йáлец* (надсанск. — сообщение М. М. Онышкевича), *ялéць* (Гринченко, УРС, Ш. и Т. 89), *ялець* (Надворная, Ново-Сандецкое — Majew. 440, II, бойков. — Онишк.), *jâlci* мн. ч. (Воля Михова на лемков.-бойков. языковой границе — Falk. i Paszn. 116), *jalec* (р. Сан; Ярослав — ZR 26), *jałec* (р. Ломница; Полудники, Ангелово, р. Днестр; Галич — Now. 59, 77), *jałeć* (Солотвин, Галич, Станислав — Łom. 52; рр. Стрвяж, Быстрицы Солотвинская и Надворнянская — Now. 70, 79, 81), *jelec* (р. Быстрица; Надворная — Wierzb. 1881, 36), *jełec* (р. Стрый; Синевидское, р. Ломница; Небылово, Ровня Топольская — Now. 73, 77), *wielec* (Розвадов, рр. Сивка, Кропивник, Болоховка, Ломница, Чечва в бывш. Калуш. пов. — Now. 75, 77, 78), *iél'c'i* мн. ч. (Команча на территории ПНР — АУМ); блр. *ялец* (р. Неман — Жуков 1958, 64), *ялéц* (Витебщина — Касп.), *ялец* (Аўчын. 186: «и. т.»; Жуков РБ 172: «и. т. и м. н.»), *jalcy* мн. ч. (р. Неман; Друскининкай — Zn.-Prüf. RD 6), *елец* (р. Зап. Двина — Сап. 226, бывш. Швенчен., Вилен., Трок. уезды Вилен. губ., бывш. Гродней. у. Гродней. губ. — Зограф 99); польск. *jalec* (SW: «gwar.»; р. Сан; Ярослав — ZR 26; р. Сан; Высоцк, Ветлин — Now. 44), *jalcy* мн. ч. (р. Неман; Друскининкай — Zn.-Prüf. RD 6), *jedlec* (Rostaf. 398; SW: «gwar.»), *jelec* (Rostaf. 398, SWil, SW, SDor,

Ład., Jar. 62, Leś. 41, Klucze 100: «и. т.»; р. Висла — Ślaski; р. Висла от Освенцима до Неполомиц; рр. Бялка, Сола, Скава, Скавица, Быстшанка, Скавинка — правые притоки р. Висла; Мысленице, Бохня; рр. Раба, Дунаец, Черный Дунаец; Нов. Тарг — Now. 21, 26, 27, 30, 32, 34, 36, 40; р. Сан и ее притоки Вислок, Любачевка, Шкло, Вишня; Жешов, Кросно, Нов. Гробля, Радава, Перемышль, Мышковицы, Черхи, Дуньковцы — Now. 44, 45, 47, 48), *jełec* (р. Сан; Ярослав — Now. 44), *елец* (Виленщина — Зограф 99); кашуб. *jolc* (Сворнигаче — Sychta); в.-луж. *jelc* (Pfuhl, Machek), *jělc* (Jakubaš) н.-луж. *jalc* (Мука); чеш. *jalec* (Костеланы на р. Морава — Bel. 179, ср. т. р. Опава — Lamprecht; Чернотин на р. Бечва — Skulina 72: «из *jelec*»), *jelec* (Jungmann, PSJČ, Frič 33, Mahen 1927, 60; Mahen 1930, 36: «и. т.»; р. Морава — Šimek 1954, 82, Подлужье — Bart. II, 498; NR: «krajový název pro proudníka»), ~ *obecný* (Hrabě i Oliva: «и. т.»), ~ *proudník* (RP 113, Dyk 220, Šimek 1959, 73: «и. т.»); слвц. *jalec* (SSJ, вост.-слвц. — Kálal, Гиралтовце — Czambel 525: «dl'a l'udovej etym. z *bjalec*»; Пудлов — Kellner VN I, 22, II, 185), ~ *obyčajný* (Ferianc 32: «и. т.»), ~ *zlatý* 'золотой елец' (Balon 165), *jel'äc* (Длге на р. Цироха — Liška 39), *jelec* (Банска-Бистрица — Kálal, Босковице — Svěrák 24), *lalec* (Завада, Пунцов — Kellner VN I, 22, II, 210); слвц. *jalček* (SSJ: «zdrob. expr.»), *jalčok* (Кленовац — Ferianc 32); чеш. *jeleček* (PSJČ: «zdrob. k *jelec*»); н.-луж. *jalica* (Мука); в.-луж. *jelica* (Jakubaš); укр. *алыч*, *ялыч* (н. т. рек Закарпат. обл. — Влад. 46); кашуб. *i̯el* (Lor. PW, Gulg. 74); польск. *jelczak* (SW: «gwar.», р. Ушвица п. п. р. Висла — Now. 35; слвц. *jelčak* (Обышовцы — Ferianc 32); ср. слвц. *jel'čak* 'druh ryby s velkým pyskem' (вост.-слвц. — Kálal; Клюкнава — Czambel 527);

русск. *ёльчик* (Псков. оз. — Кузн. PC), *ельчик* (р. Волхов — Зол., Варп. РИВ 55; р. Свияга и ее басс., рр. Казанка, Ахтай п. р. Кама — Варп. ИФКГ 46, 58, 61, 62; реки Урала — Цех. 93: «м. н.»; рр. Тагил, Висим, Каменка, Исеть — Ревн. 214: «м. н.»; рр. Обь, Тобол — Ревн. 214: «Leuciscus leuciscus baicalensis Dybow.»), *яльчик* (петрозавод. — Куликовский); укр. *в'ялчик* (Талалаевка Нежин. р-на Чернигов. обл. — Лисенко), *ельчик* (в некоторых местах на р. Днепр — Амброз 106), *ельчик* (М. и К. 86: «м. н.»), *iel'c'ik* (Верхомля на территории ПАН — АУМ), *jelczyk* (р. Днестр; Галич — Barta RD 60, Now. 59; р. Прут — Majew. II, 737), *jełczyk* (р. Ломница; Небылово, Ровня Топольская, Сливки — Now. 77), *яльчик* (Гринченко IV, 539: под *ялець*; ум.; Ш. и Т. 89), *яльчик* (М. и К. 86: «м. н.»; Трет. 37: «и. т.»; Сянка — Majew. II, 440); блр. *ельчик* (р. Зап. Двина — Сап. 226; бывш. Швенчен., Вилен., Трок. уезды бывш. Вилен. губ. — Зограф 99: «иногда»), *яльчик* (Жуков РБ 172: «м. н.»); польск. *ельчик* (Виленщина —

Зограф 99); в.-луж. *jělčk* (Pfuhl 235: под *jelc*; pom.); н.-луж. *jalcyk* (Мука, Machek, Leder 48); чеш. *jelčík* (Frič 33); ср. русск. *е́льчик* ‘название рыбы’ (волог., урал. — СРНГ).

kadama русск. *кадама* (р. Мал. Кокшага — Варп. ИФКГ 30); ср. мар. *кадама* ‘елец’ (р. Меша в пределах бывш. Казан. губ. — Варп. ИФКГ 30).

kalinka русск. *калинка* (бывш. Воронеж. губ. — Саб. 638).

kara-balъk болг. *кърӓба̣лък* (Хасково, Вост. Родопы — Кювл. и Дим. 78: «тур.»), *кара-балък* (Моров 44).

karmus см. korba

kefal болг. *кефал* (Моров 44).

kilec русск. *киле́ц* (Заонежье — Куликовский); ср. фин. *kilttu* ‘род лосося’ (Шегрен 152).

klen русск. *клен* (бывш. Орлов. губ. — Кес. 1877, 255), *клень* (р. Ока — Зол., Саб. 638; Коломна — Кес. 1870, 268); укр. *клен* (бывш. Волын. и Подольск. губ. — Кес. 1877, 255), *kleń* (рр. Стырь, Прут, Днестр в пределах Галиции — Now. 1889, 53); польск. *kleń* (SW: «gwar.»; р. Сола п. п. р. Висла — Now. 27); болг. *клен* (БТР, РСБКЕ, Моров 44: «и. т.», Дрен. 68), *клян* (БТР); ср. румын. *clean* (Antipa 188: «м. н., народ смешивает его с головлем»);

русск. *кленок* (бывш. Вологод. и Орлов. губ. — Зол.; бывш. Орлов. губ. — Кес. 1864, 121, Кес. 1870, 268, Аксак. 173; р. Ока и ее притоки близ г. Орел — Тарачк. 10), *кленек* (бывш. Орлов. губ. — Вен. 123); укр. *кленóк* (Волынь — Ш. и Т. 89), *кленек* (бывш. Волын. и Подольск. губ. — Саб. 638, Вен. 123), *кленёк* (Берг II, 545: «местами неправильно»), *klonek* (рр. Стырь, Днестр, Прут в пределах Галиции — Now. 1889, 27: «местные жители не различают ельца и головля»); блр. *клянёк* (Жуков РБ 172: «м. н.»); польск. *klonek* (SW: «gwar.»);

с.-хорв. *klenič* (Ferianc 33); словен. *klenič* (Ferianc 33).

klenič см. klen

klenok, klen’ok см. klen

klin русск. *клинь* (р. Теша п. п. р. Ока — Варп. РНГ 50: «мн. ч. *клини́*»; р. Волга в пределах бывш. Нижегород. губ. — Варп. ОРБВ 54); укр. *klin* (р. Стрый; Турка, рр. Ильничек, Яблонька — притоки р. Стрый — Now. 73, 74), *kłyn* (р. Лукавица; Майдан; р. Днестр — Barta 7, Now. 59); польск. *klin* (SW: «gwar.»);

укр. *kłynczuky* мн. ч. (р. Сивка п. п. р. Днестр — Barta 8); польск. *klinczuk* (SW: «gwar.»).

klinčuk см. klin

kl’uvak укр. *клювак* (Закарпат. обл. — Влад. 46: «потому что достает пищу со дна», Кол. 23).

korba русск. *кóрба* (петрозавод. — Куликовский), *корба* (ладож., онеж. — Герд и др. 31; р. Волхов; Нов. Ладога; Онеж. оз. —

Зол., Саб. 638: «из фин.»; Берг II, 545: «от карел. *korpus*, *korpi*»; Онеж. оз. — Пушк. 34: «употр. реже, чем *корбус*, *корбукса*, *корбукс*»);

русск. *ко́рбица* (петрозавод. — Куликовский), *корбица* (р. Волхов, Онеж. оз. — Зол., Саб. 638; Онеж. оз. — Пушк. 34: «употр. реже, чем *корбус*, *корбукса*, *корбукс*»; Чолмужская губа Онеж. оз., вост. берег Заонеж. залива; Пяльма — Покр. 68);

русск. *корбук*, *корбуск* (рр. Волхов, Свирь — Зол., Кес. 1864, 121, Саб. 638), *корбукс* (Онеж. оз. и Обонеж. край — Кес. 1868, 50, Пушк. 34: «так обычно называется рыбаками»);

русск. *ко́рбукса* (Kalima 73), *корбукса* (рр. Волхов, Свирь; Нов. Ладога — Зол., Саб. 638; Онеж. оз. — Кес. 1868, 50, Пушк. 34: «так обычно называется рыбаками»);

русск. *ко́рбус* (петрозавод. — Куликовский, Kalima 73; Онеж. оз. — Клыков), *корбус* (Онеж. оз. — Пушк. 34: «так обычно называется рыбаками»; рр. Волхов, Свирь; Нов. Ладога — Зол., Кес. 1864, 121; р. Волхов — Домр. и Правд. 248: «в оз. Ильмень елец не обнаружен»), *кармус*, *кормус* (рр. Волхов, Свирь — Зол., Кес. 1877, 255, Саб. 638: «из фин.»), *ко́рпус* (р. Волхов — СРНГ);

русск. *ко́рбуса* (петрозавод. — Куликовский, Kalima 73), *корбуса* (р. Волхов — Зол., Саб. 638; Онеж. оз. — Кес. 1868, 50, Пушк. 34: «реже, чем *корбус*, *корбукса*, *корбукс*»);

русск. *корбусина* (рр. Волхов, Свирь; Нов. Ладога—Зол., Кес. 1864, 121, Саб. 638);

русск. *корбусок* (Онеж. оз., р. Свирь — Зол., Саб. 638; рр. Волхов, Свирь — Кес. 1864, 121; р. Волхов — Домр. и Правд. 248), *корпусок* (рр. Волхов, Свирь; Нов. Ладога — Кес. 1864, 121; Варп. РИВ 55, 56: «местные названия *корбус*, *корбуск*, *корпусок*, *кармус*, приводимые К. Ф. Кесслером, на Волхове не известны»; Онеж. оз. — Зол., Саб. 638);

русск. *корбушка* (рр. Волхов, Свирь — Кес. 1877, 255).

Ср. фин. *korpiainen* (Карелия — Кес. 1864, 121), *korpus*, *korpsärki* (Ладога — Кес. 1864, 121), *korpukse* — nom. sg. *korpus* (Kalima 73).

korbica см. korba

korbuk(s) см. korba

korbuksa см. korba

korb(m)us см. korba

korbusa см. korba

korbusina см. korba

korb(p)usok см. korba

korbuška см. korba

koščel’ с.-хорв. *koščelj* (р. Требишница в Герцеговине — Hirtz: «Soviel als Knochenfisch (Grätenfisch)»).

kruglik блр. *кру́глик* (Рубель, Хоромск — Крив. 169).

kut'ema русск. *кутема* (р. Меша с притоками в пределах бывш. Казан. губ. — Зол., Варп. ИФКГ 30, 60, Грац. 112: «неправильно»).

megdym русск. *мегдым* 'сибирский елец Leuciscus leuciscus baicalensis Dybow.' (обск., тобол. — Герд и др. 31; рр. Обь, Тобол — Ревн. 214: «м. н.»; р. Обь — Цех. 93, Берг 546).

miron русск. *мирóн* (Шартова на Псков. оз. — Кузн. РС).

moklec русск. *мóклец* (р. Сура — Клыков), *моклéц* (притоки р. Сура — Варп. РС 12), *моклец* (рр. Мокша, Инсара в пределах бывш. Пензен. губ. — Магн. 16), *моклец*, *москлец* (р. Сура — Саб. 638).

mosklec см. moklec

nokotnica русск. *нокотница* (Герд СА 30).

ostnačka слвц. *ostnačka* (Ferianc 32: «. . .mohlo by sa vzt'ahovat' na silnú kostnatost', . . .ktorým sa táto ryba vyznačuje»).

parij укр. *parij* (р. Днестр — Barta RD 60: «из-за сходства с головлем рыбаки часто их смешивают»).

Ср. *paryj*, *paryja* 'рыбка, похожая на маленького головля' — Lom. 52).

укр. *paruchy* мн. ч. (р. Сивка п. р. Днестр — Barta 8); польск. *paruch* (SW: «gwar.»).

pesočnik русск. *песочник* (р. Сура — Зол., Магн. 16, Варп. РС 12: «более обыкновенное название, чем *моклец*, *салышка*»).

pizdrik русск. *пиздрик* (р. Волхов — Зол., Варп. РИВ 55).

proudnik чеш. *proudník* (PSJČ, SSJČ, Frič 33, 34: «V čas tření. . . klade jikry na kamení v největším proudu, odkudž jméno *proudník* se mu dostalo»; NR 226, Dyk 220).

r'apuška русск. *московская ряпушка* 'копченый елец' (Москва — Саб. 643).

salaga русск. *салага* (Онеж. оз. — Герд ПФНР 32; р. Водла — Пушк. 36; сев.-вост. р-н Онеж. оз. — Покр. 68);

русск. *салакушка* 'малек ельца' (устье р. Водла — Пушк. 34, 36).

salakuška см. salaga

salyška русск. *салышка* (притоки р. Сура — Варп. РС 12: «редко»).

soroga русск. *сорога* (оз. Байкал — Грац. 112: «неправильно»; Сибирь — Берг II, 546: «сибирский елец Leuciscus leuciscus baicalensis (Dybow.)»), *сорога*, *сорока* (р. Колыма — Берг РК 101: «по-видимому, ельца иногда смешивают с плотвой»);

русск. *сорожка* 'таласский елец Leuciscus lindbergi Zanin et Eremeew' (рр. Талас, Аса, оз. Бийли-куль — Берг II, 551).

soroka см. soroga

sorožka см. soroga

sortak русск. *сортáк* (Талабск — Кузн. РС).

stolbec русск. *столбец* (оз. Байкал — Грац. 112: «неправильно»); укр. *стовбец* (Ивано-Франковск — АУМ), *стоўпéц* (в. т. р. Юж.

Буг — АУМ); блр. *стоўбе́ц*, *стоўпе́ц* (Шестовичи, Конотоп — Крив. 173), *стовпец* (р. Припять — Жуков РБ 172), *столбец* (реки Белорус. Полесья — Гальц. и Пенязь 241);

укр. *сто́впчик* (р. Тетерев — Ш. и Т. 89), *стовпчик* (н. т. р. Припять — Ляш. 57; М. и К. 86: «м. н.»), *столбчик* (в некоторых местах на р. Днепр — Амброз 106);

блр. *столбун* (реки Белорус. Полесья — Гальц. и Пенязь 241).

stolbčik см. stolbec

stolbun см. stolbec

strebornak слвц. *striebornák* (Ferianc 33: «. . . je z tych nemeckych mien, ktore si uchovaly povodny tvar»).

strug с.-хорв. *strug* (р. Требишница в Герцеговине — Hirtz);

с.-хорв. *strȕgač* (Требинь в Герцеговине — RJA), *strugač* (р. Требишница в Герцеговине — Hirtz), *стругач* (вост. Герцеговина — Филиповић 234);

с.-хорв. *strugača* (р. Требишница — Hirtz).

strugač см. strug

strugača см. strug

švyja укр. *szwyja* (р. Прут; Коломыя — Now. 86); польск. *szwyja* (SW: «gwar.»).

trep укр. *треп*, *трепак* (Нагуевичи близ г. Дрогобыч — Majew. II, 440).

trepak см. trep

ukleja русск. *uklèa* (Pall. ZRA 319); укр. *оклія́*, *уклія́* (Галиция — Ш. и Т. 89).

verbl'anyk укр. *верблянык* (Закарпат. обл. — Кол. 23), *верблянык* (Закарпат. обл. — Влад. 46: «любит держаться .. . вблизи берегов под нависшими деревьями — отсюда и название»).

zaiček чеш. *zajíček vodní* (PSJČ Frič 33: «ст.-чеш.»; Dyk 221).

zilberlink слвц. *zilberlink* (Ferianc 33: «z. . . nemeckych mien. . .»).

!zubatica слвц. *zubatica* (Kálal).

Голавль Leuciscus cephalus L.

balin слвц. *balin* (р. Бодва; Каняпта — Ferianc 33).

belan' слвц. *beláň* (Зволен — Ferianc 33); ср. чеш. *bělaň* 'ryba' (Jungmann);

болг. *белевица* (Геров);

в.-луж. *bělik* (Pfuhl 1055), *bělk* (Pfuhl);

в.-луж. *bělnik* (Pfuhl);

польск. *białucha* (рр. Висла, Стырь, Днестр в пределах Галиции — Now. 1889, 53); ср. польск. *białucha*, *biełucha* 'gatunek ryby' (SW);

с.-хорв. *бе̏лун* (Бадневац — РСХКНЈ).

belevica см. belan'

belik см. belan'

belnik см. belan'
beluxa см. belan'
belun см. belan'
bucov с.-хорв. *бу̏цов* (РСХКНЈ).
dubel' польск. *dubiel* (Majew. II, 736, Wyg. 452: «м. н.»).
glavač чеш. *hlaváč* (Jungmann, Kott); польск. *głowacz* (начало XVII в. — Majew. II, 736; Wał. BW 540: «у писателей средневековья»; Wyg. 452);
с.-хорв. *glavan* (Загреб — Hirtz);
с.-хорв. *glavaš* (Босански Брод — Hirtz), *гла̀ваш* (р. Сава; Босански Брод в сев. Боснии — РСХКНЈ), *glavoš* (Hirtz);
чеш. *hlavatice* (Jungmann, Kott); в.-луж. *hłowaćica* (Pfuhl);
слвц. *hlavátka* (Велеба Ситна — Ferianc 33);
с.-хорв. *glavoč* (р. Добра; Огулин — Hirtz 109: «Wörtlich Dickkopf»);
с.-хорв. *glavonja* (Hirtz), *гла́воња* (РСХКЈ: «покр.»).
glavan см. glavač
glava(o)š см. glavač
glavatica см. glavač
glavatka см. glavač
glavoč см. glavač
glavon'a см. glavač
golov русск. *голавь* (р. Москва — Зол.), *голафь* (рр. Сура, Мокша, Хопер в бывш. Пензен. губ. — Магн. 16), *го́лов* (н. т. р. Вятка— Лукаш 50), голов (Кострома — Зол., Кес. 1870, 267; бывш. Костром. губ. — РСР 71; басс. р. Вятка от г. Вятка до устья р. Летка — Дрягин РБВ 121; реки Урала — Цех. 96; рр. Кама, Колва, Язьва, Чусовая, Белая, Уфа, Сылва — Ревн. 215), *голо́вь* (вилегод. арханг. — СРНГ; н. т. р. Вятка — Лукаш 50), *головь* (р. Шексна — Герд ДД; р. Сура — Зол., р. Волга в пределах бывш. Нижегород. губ. — Варп. ОРБВ 52; рр. Кама, Колва, Язьва, Чусовая, Белая, Уфа, Сылва — Ревн. 215: «м. н.»), *огалов* (Астрахань — Вен. 120), *оголов* (Астрахань — Зол., Саб. 600);
русск. *го́лавль* (бывш. Бельск. у. Смолен. губ. — Добр.), *гола́вль* (Сл. АР, Даль² I, стр. 368: под *голова*; ССРЛЯ; н. т. р. Вятка — Лукаш 50), *голавль* (РЛ XVIII; всюду — Зол., Саб. 600; р. Москва — Аксак. 201, Мочар. 110; р. Ока и ее притоки близ г. Орел — Тарачк. 10; верховья р. Днепр в бывш. Смолен. у. — Домр. 146; рр. Сура, Мокша, Хопер в бывш. Пензен. губ. — Магн. 16; бывш. Нижегород. губ. — Варп. ОРБВ 52; реки Урала — Цех. 96: «м. н.»; рр. Кама, Сылва, Чусовая, — Меньш. 388; басс. р. Урал — Навозов 265), *го́ловль* (Сл. Ар), *голо́вль* (Даль² I, стр. 368: под *голова*; ССРЛЯ; н. т. р. Вятка — Лукаш 50), *головль* (оз. Ильмень р. Волхов — Варп. РИВ 54: «м. н.»; р. Волга в пределах бывш. Нижегород. губ. — Варп. РНГ 27; р. Сура — Варп.

РС 11; р. Пьяна л. п. р. Сура; р. Ока в пределах бывш. Нижегород. губ. — Варп. РНГ 39, 46; р. Бол. Юнга п. п. р. Волга; р. Свияга и ее басс., рр. Рутка, Бол. Кокшага; оз. Таир в басс. р. Мал. Кокшага, рр. Мал. Черемшан, Казанка, Ахтай, Бахта — Варп. ИФКГ 45, 46, 47, 57, 58, 61, 62; реки Урала — Цех. 96: «м. н.»; р. Летка — Дрягин РЛ 5; басс. р. Вятка выше г. Слободской — Лукаш РБВ 9: «м. н.»; рр. Кама, Колва, Язьва, Белая, Чусовая, Уфа, Сылва — Ревн. 215);

русск. *гола́влик* (Сл. АР: «ум.», ССРЛЯ: «уменьш. и ласк.»), *голо́влик* (ССРЛЯ: «уменьш. и ласк.»);

русск. *голова́ч* (ср. т. р. Волга — Клыков), *головач* (Косторома — Вен. 120; Саратов — Зол., Кес. 1870, 267, Саб. 600; рр. Кама, Колва, Язьва, Чусовая, Белая, Уфа, Сылва — Ревн. 215: «м. н.»); укр. *голова́ч* (Ш. и Т. 89; в. т. р. Серет — АУМ); блр. *голова́ч* (Лопатин, Ольманы — Крив. 167);

укр. *голова́нь* (Ш. и Т. 89); ср. русск. *голова́нь* 'вид рыбы' (чапаев. урал. — СРНГ);

укр. *головчу́к* (Ласки Овруц. р-на Житомир. обл. — Лысенко СЖ), *гôлôӳчу́к* (Листвин на сев. Житомир. обл. — Никончук КД: «словообразовательный диалектизм»);

русск. *голаве́ль* (Новосил. Орл., Глаголев. Мещовск. Калуж., Курск., Смол., Пск. — СРНГ), *голавель* (рр. Сейм, Свапа — Гладк. 49), *голове́ль* (Корч. Твер., Влад. — СРНГ), *головель* (псков., великолук., пуст., себеж., курск.: р. Сейм, рыльск. — Герд ДД; р. Волхов, оз. Ильмень — Домр. и Правд. 251; р. Волга — Зол., Кес. 1870, 267; рр. Кама, Колва, Язьва, Чусовая, Белая, Уфа, Сылва — Ревн. 215), *голавыль* (рр. Кама, Колва, Язьва, Чусовая, Белая, Уфа, Сылва — Ревн. 215: «м. н.»); укр. *голове́л'* (в т. р. Тиса — АУМ); блр. *головель* (р. Зап. Двина — Сап. 226), *голавель* (Жуков РБ 178: «м. н.»);

русск. *голаве́нь* (Бесед. Курск. — СРНГ), *галавинь*, *голави́нь*, *голаве́нь* (бывш. Бельск. у. Смолен. губ. — Добр.), *голо́вень* (Даль[2] I, стр. 368: под *голова*), *го́ловень* (Кадн. Волог., Урал. — СРНГ), *головень* (Белозер. Новг. — СРНГ; р. Волхов, оз. Ильмень — Домр. и Правд. 251: «м. н.; редкая рыба», р. Теша п. п. р. Ока — Варп. РНГ 50; р. Волга в пределах бывш. Нижегород. губ. — Варп. ОРБВ 52; почти во всей южной России — Кес. 1860, 237; по всей Волге и ее притокам — Кес. 1870, 267; рр. Кама, Колва, Язьва, Чусовая, Белая, Уфа, Сылва — Ревн. 215: «м. н.»; р. Дон — Зол.), *golowén* (Новгород — Pall. ZRA 301), *golowen* (оз. Ильмень, р. Волхов — Güld. I, 8); укр. *го́ловень* (УРС; Ш. и Т. 89; Клыков), *голове́н'* (Полесское на сев. Житомир. обл. — Никончук КД; в. т. р. Стырь — АУМ), *голове́нь* (Ш. и Т. 89; Народичи Овруц. р-на Житомир. обл. — Лысенко СЖ), *головень* (XIX в. — Тимч.; Гринченко; М. и К. 88: «и. т.»; Ук-

раина — Зол., Саб. 600; н. т. р. Припять — Ляш. 57; рр. Днепр, Юж. Буг, Днепровско-Буг. лиман — Амброз 108), ~ *річковий* (Трет. 37: «и. т.»); *гулувéн'* (Станишевка на сев. Житомир. обл. — Никончук КД), *hołowén* (рр. Стырь, Днестр, Прут в пределах Галиции — Now. 1889, 53); блр. *галавéнь* (БРС; Витеб. обл. — Касп.; Червенщина — Шат.), *галавень* (Аўчын. 187: «и. т.»; р. Песчанка Славгород. р-на Могилев. обл. — Яшкін 125; Жуков РБ 178: «и. т. и м. н.»), *голавень* (Воронин 24: «чаще, чем *клень*»), *головéнь* (бывш. Витеб. губ. — Никиф. 493), *головень* (оз. Дрингис, р. Неман — Зограф 99; «м. н., редкая рыба, в др. местах Вилен. и ГродHен. губ. не знают»; р. Зап. Двина — Сап. 226; бывш. Могилев. губ. — Демб. I, 464, 465: «весьма обыкновенная рыба в Днепре»), *hołowień* (р. Вилия — Tyszk. 88);

блр. *галавенчыкі* мн. ч. (Витеб. обл. — Касп.);

блр. *головéшка* (Рубель, Хоромск — Крив. 167);

русск. *головик* (рр. Кама, Колва, Язьва, Чусовая, Белая, Уфа, Сылва — Ревн. 215: «м. н.»);

русск. *головиз* (рр. Кама, Колва, Язьва, Чусовая, Уфа — Ревн. 215);

русск. *головля́* (сарат. — СРНГ), *головля* (Саратов — Зол., Кес. 1870, 267, Саб. 699);

русск. *головленок* (рр. Кама, Колва, Язьва, Чусовая, Белая, Уфа, Сылва — Ревн. 215: «м. н.»);

русск. *головня́* (терск. — СРНГ), *головня* (Саратов — Зол., Кес. 1870, 267, Саб. 600; ст. Николаевская — Кузн. ТРП 43); укр. *hołownia* (р. Стырь — Małacz. 61); польск. *głownia* (Plater 1861, 39; Majew. II, 266: «старый и. т.»);

укр. *головни́к* (Ш. и Т. 89);

русск. *голвáль* (урал. — СРНГ);

русск. *голвáн* (чапаев. урал. — СРНГ).

golav' см. golov
gola(o)vl' см. golov
gola(o)vlik см. golov
golovač, glovač см. golov
golovan' см. golov
golovčuń см. golov
golovel' см. golov
goloven' см. golov
golovenčik см. golov
goloveška см. golov
golovik см. golov
goloviz см. golov
golovl'a см. golov
golovl'onok см. golov
golovn'a см. golov
golovnik см. golov
golval' см. golov
golvan см. golov

golubel' русск. *голубель* (Новочеркасск — Зол.), *golubel* (Pall. ZRA 301); укр. *гóлубель* (Жел), *голубéль* (Ш. и Т. 89);

русск. *голубль* (новг. — СРНГ; Новгород — Зол., Саб. 600).

jas слвц. *jas* (Подунайская обл. — Ferianc 33);

русск. *я́сень* (н. т. р. Волга; Астрахань — Клыков), *ясень* (Астрахань — Зол., Саб. 600; устье р. Волга — Кес. 1877, 254).

jasen' см. jas
jazinka слвц. *jazinka* (Жилина — Ferianc 33).
jedlica польск. *jedlica* (рр. Висла, Стырь, Днестр, Прут в пределах Галиции — Now. 1889, 53).
jelec укр. *jałeć* (р. Днестр; Чайковичи, Гордыня, Стар. Самбор — Now. 59); польск. *biały jelec* (рр. Висла, Стырь, Днестр, Прут в пределах Галиции — Now. 1889, 53), *елец* (Зол., Саб. 600); чеш. *jelec* (Jungmann, Kott), ~ *tloušť* (Dyk 48: «новый и. т.», RP 112: «и. т.»), *jelec* (Моравия и в некоторых местах Чехии — Šimek 1954, 81); слвц. *jalec* (Погронье, рр. Лаборец, Топла, Ондава; Тренчин, Кленовец, Крупина, Пудмерице — Ferianc 33), ~ *hlavatý* (SSJ, Dyk 222, RP 112, Ferianc 33: «и. т.»), *jelec* (Мотева, Превидза, рр. Грон, Лаборец — Ferianc 33), *l'alec* (р. Кысуца — Ferianc 33).
ikona с.-хорв. *ikona* (р. Морава — Hirtz 130: «Wörtlich Heiligenbild»).
!karpkaras' польск. *karpkaraś* (Majew. II, 736).
karpuxa русск. *карпуха* (р. Волхов, оз. Ильмень — СРНГ); с.-хорв. *krap bijeli* (Загреб — Hirtz).
kefal болг. *кефа́л* (РСБКЕ), *речен* ~ (Геров, РСБКЕ, БТР 791: под *ре́чен*; Дрен. 71, Пешев и Боев 26: «и. т.»), *дунавски* ~ (Моров 43).
klec' польск. *kleć* (Rostaf. 398).
!klej словен. *klej*, *kleja* (Ferianc 33).
klen русск. *клень* (Даль); укр. *клен* (Рудники, Уличне, Пасечна — КДА; в. т. р. Тиса, р. Ушица л. п. р. Днестр — АУМ), *клень* (Жел., Гринченко; р. Днепр — Кес. 1864, 118; р. Днестр — Ш. и. Т. 89, Кес. 1860, 238, Зол., Саб. 600; рр. Днепр, Днестр — Берг 555; Галиция — Ш. и Т. 89; Чортков — Majew. II, 736), *клен'* (буковинск. — Прокоп. КД; Борислав, Тернополь, Коломыя, Могилев—Подольский, Ивано—Франковск, р. Черемош — АУМ; Корытне, Брусница, Белые Ославы, Волчинец, Клиновка, Кушница — КДА), *клêн'* (Пилипец, Поляна на р. Пеня, Дубриничи Закарпат. обл. — КДА), *кле́н'i* мн. ч. (Василев на р. Днестр — КДА; Дрогобыч — АУМ), *кле́ны* мн. ч. (р. Уж — АУМ), *klén* (р. Быстрица — Wierzb. 1881, 36), *kłen* (р. Прут под Черновцами — Jawor. 42; Делятин — Wierzb. 1880, 334; Галич — Now. 59), *kłeń* (Гуцульщина — Szuch. 30; р. Серет; бывш. Подольск. губ. — Majew. II, 736; Тернополь, Микулинцы — Now. 63; р. Прут — Kochan. 141; р. Прут от устья до впадения р. Черемош — Now. 85; Куты, Козачовка, Козары, Журавенка — Now. 86, 59; рр. Стрыпа, Ломница; Полудники, Ангелово, Небылово, Ровня Топольска — Now. 65, 77), *klin* (р. Гнезна — Now. 1881, 11; Вел. Мосты на р. Рата — Now. 54; Розвадов — Now. 59; р. Серет; Струссов, Мышковичи, Чарторый — Now. 63; в. т. р. Стрый — Now. 73; р. Чечва в бывш. Калуш. пов. — Now. 78), *kliń*

(Делятин — Wierzb. 1880, 334), *клин'* (Торун, Колочава, Подполозье — КДА; в. т. р. Стрый, Закарпат. обл. — АУМ), *клинь* (Чертков — Majew. II, 736; Закарпат. обл. — Кол. 23), *клын*, *клыны* (Закарпат. обл. — АУМ), *клынь* (Закарпат. обл. — Влад. 48: «потому что у рыбы широкий клинообразный лоб», Ferianc 34: «Vladykov ho spojuje s klinovitost'ou čela — evidentne chybná etymolog.»), *kłyn* (Борыня, Турка — Now. 73; р. Серет — Majew. II, 736: «lud.»; р. Ломница; Вистов — Barta 8, Now. 77; р. Днестр; Галич — Barta RD 60; рр. Стрыпа, Лукавица; Подгайцы, Богатковцы, Гайворонка — Now. 65, 79; Снятин, Делятин, Черновцы — Now. 85, 84; р. Рыбница; Косов; р. Черемош от д. Устерики до г. Куты — Now. 88, 89; р. Белый Черемош — Now. 96), *kłyń* (р. Прут — Kochan. 141; Делятин, Микулинцы — Now. 63); блр. *клень* (местами — Воронин 24: «реже, чем голавень»; р. Неман — Жуков РБ 178: «м. н.»), *kleń* (р. Неман; Друскининкай — Zn.—Prüf. RD 6); польск. *klen* (мазур. — Benecke 137; Ład.); *białoryb kleń* (Jar. 61, Les. 38: «и. т.»), *kleń* (Majew. II, 736: «XVI в.», Rostaf. 398; SWil, Karł. SGP, SW, SDor, Wał. BW 540: «и. т.; широко распространенное название»; Вармия, Мазуры — Zn.—Prüf. 1953, 231; рр. Нарев, Бебжа в Тыкоцин. пов. — Gloger; р. Неман; Друскининкай — Zn.—Prüf. RD 6; Радомско — Majew. II, 266), *klin* (р. Бялка п. п. р. Висла — Now. 26), *klon* (SW: «gwar.», Wyg. 452; «м. н.»; р. Висла; Освенцим, Неполомице — Now. 21), *kłeń* (в. т. р. Буг; Буск, Сасов; Вел. Мосты на р. Рата — Now. 50, 54; р. Прут — Majew. II, 736), *kłyn* (р. Прут — Majew. II, 736); кашуб. *klëń* (Lor. PW); чеш. *kleň* (Jungmann), *kleňe* (Gebauer, Jungmann, PSJČ, Orłoś 46: «...в словацких и старочешских источниках *kleňe* значит Arucalus (piscis). Название вернулось под влиянием польск. яз. Употребляется параллельно с *tloušť*»; Чехия — Šimek 1959, 74; р. Лаба — Frič 31, 33; NR 100: «krajový název»); слвц. *klen* (р. Орава; Зволен — Ferianc 33, NR 100); *kleň* (р. Bar—Jungmann, Šimek 1954, 81; р. Орава, Средняя Словакия — Ferianc 33); с.-хорв. *klein* (Каменица, Лепоглава, Тракочан, Пресечно — Hirtz), *klȅn* (RJA; Самобор в Хорватии — Lang 48); *klen* (ср. и н. т. р. Неретва — Hirtz 166: под *kljen*; рр. Босна, Полица; Шушнево Село, Чаковац, Самобор, Сисак, Огулинско-Слуньская краина, Северин на р. Купа, Крале в тур. Хорватии, Левач — Hirtz; Цетина — Lambl 186), *клȇн* род. пад. *клёна* (Косово и Метохия — Ел. РКМД), *клен* (Будимля, Дони Васоевичи, Санджак — Филиповић 171; рр. Гружа, Зап. Морава, Чукоевачка Река — Петровић 70; р. Морава — Ђорђевић 29), *klenj* (Слободница, Мрсуня — Hirtz), *klȉjen* (RJA), *klijen* (Високо в Боснии, Зворник, оз. Шкодер, кайк. — Hirtz; Црна Гора — Lambl 186), *клиjен* (рр. Босна, Ставня, Мисоча, Фой-

ница в Височкой Нахии — Филиповић ЖОВН 26; оз. Шкодер — Јовић. 192), *klin* (Модруш, рр. Личанка, Купа, Купица у Брода, р. Сава у Мачковца, р. Бедня у Железницы, р. Плитвица — Hirtz), *кљан* (ср. т. р. Пек от Волуя до Мишленовца — Мил. 108), *kljen* (Блато и Брегава в Герцеговине, Вараждин, Железница — Hirtz); словен. *klȩ̀n* (Pleteršnik), *klȉn* (Горенско, сев.-зап. часть Краньска — Pleteršnik); болг. *клен* (Геров, РСБКЕ, Дрен. 71), *klen* (Wak. 49); макед. *клен* (РМЈ, Апостол. и др. 38: «Leuciscus cephalus vardarensis Kar.»; оз. Преспа и Охрид — Hirtz); ср. болг. *клен* 'вид риба' (Крывеник в Севлиевском округе — Ковачев); румын. *clean* (Antipa 186), *clen* (Ботошаны, Сучава — Antipa 186); алб. *kleni* 'Leuciscus cephalus albus' (Poljakov 92)

с.-хорв. *klenarak* 'маленький голавль' (Двор — Hirtz), *klȋnarak* то же (р. Орлява — Hirtz);

с.-хорв. *klenče* 'маленький голавль' (р. Вардар — Hirtz);

с.-хорв. *klènčić* (RJA: «dem. od klen»), *klenčić* (Майданска Река, р. Морава в Сербии; Синь, Луковац — Hirtz: «dem. od *klen*», Цетина — Lambl 186), *kljenčić* (Hirtz: «dem. od *kljen*»);

укр. *кленчукú* мн. ч. (Уличне — КДА), *kłenczuk* (р. Днестр; Галич — Now. 78), *kłeńczuk* (рр. Прут, Рыбница; Коломыя, Косов — Now. 85, 88), *klinczuk* (р. Днестр; Галич, Розвадов — Now. 59; рр. Сивка, Кропивник, Болоховка в бывш. Калуш. пов. — Now. 76: «синоним *klin*»; рр. Ломница, Чечва в бывш. Калуш. пов. — Now. 77, 78), *klińczuk* (р. Прут; Коломыя — Now. 85), *клинчýк* (Галиция — Ш. и Т. 89), *клинч'ýк* (Тецкани на территории Молдав. ССР — АУМ), *kłynczok* (р. Днестр; Езополь — Barta 1887, 448), *kłynczuk* (р. Днестр; Галич — Now. 59; р. Лукев; Беднарово, Сапогово — Now. 78), *kłynczuky* мн. ч. (р. Лукев — Barta 7: «синоним *paruchy*»); блр. *кленчук* (р. Неман — Жуков РБ 178: «м. н.»); польск. *kleńczuk* (Wyg. 452: «м. н.»), *kłeńczuk* (р. Прут — Majew. II, 736);

польск. *kleniec* (SWil, SDor); кашуб. *kleńce* мн. ч. (Gulg. 74); словен. *klȇnec* (Pleteršnik);

укр. *кленúця* (Жел.), *клениця* (Чертков — Majew. II, 736).

укр. *клéнич* (р. Буг в пределах Кривозер. р-на Николаев. обл. — Терешко КД), *кленич* (бывш. Волын. и Подольск. губ. — Вен. 120); с.-хорв. *klenić* (RJA: «dem. od *klen*»; оз. Шкодер — RJA; рр. Доня Триешница, Топчидер; Врачански срез, Огулинско-Слуньская краина — Hirtz: «dem. od *klen*»), *klinić* (Крапина, Запрешич — Hirtz: «dem. od *klin*»), *kljenić* (р. Сава; Рачиновцы — Hirtz: «dem. od *kljen*»);

укр. *kłynek* (р. Серет — Majew. II, 736); польск. *kleniek* (SDor), *klonek* (р. Висла от Освенцима до Неполомиц — Now. 21; рр. Рудава, Пшемша — Now. 24, 26; р. Скава п. п. р. Висла, р. Скавинка, горный ручей Вильга, впадающий в р. Висла под Краковом — Now. 30, 33; р. Раба п. п. р. Висла; Мыш-

леницы, Бохня — Now. 34; р. Дунаец, р. Вислока; Нов. Тарг — Now. 36, 41; Wyg. 452: «м. н.»);

укр. *кле́ник* (Жел., бойков. — Кміт), *кленик* (Стрыйск. р-н — Majew. II, 736), *клúник* (Жел.), *клиник* (Ш. и Т. 89); польск. *klonik* (р. Кшеменица п. п. р. Висла — Now. 43);

укр. *клининка* (Ясенов — Шух. IV, 28);

укр. *клинівка* (р. Прут в пределах Коломыйск. р-на — Majew. II, 736);

с.-хорв. *klindžo* (Hirtz 107: под *glavan*).

kle(i)narak см. klen

klenče см. klen

klenčić см. klen

kle(i)nčuk см. klen

klenec см. klen

klen' см. klen

klenica см. klen

kle(i)nič см. klen

klenik см. klen

klin см. klen

klindžo см. klen

klininka см. klen

klinivka см. klen

kl'on см. klen

kl'onek см. klen

kl'uvak укр. *клювак* (Закарпат. обл. — Влад. 48, Кол. 23).

krap см. karpuxa

kutum русск. *кутум* (Астрахань — Зол., Саб. 600: «неправильно»).

ledarac с.-хорв. *ledarac* (Заечар — Hirtz).

lyta польск. *babia łyta* (Тыкоцин — Karł SGP, р. Бебжа п. п. р. Нарев — Gloger).

mer'ona русск. *мерёна* (Псков — Кузн. РС: «особая разность головля с более удлиненной головой»);

русск. *меренёнок* 'маленький голавль' (псков. — Макс. 112).

meren'onok см. mer'ona

miron русск. *мирон* (р. Волхов, оз. Ильмень — Домр. и Правд. 251: «редкая рыба», Новгород и Псков — Зол., Кес. 1864, 118).

mišar с.-хорв. *mišar* (Брод на р. Сава — Hirtz);

русск. *мышелов* (Черкасск — Зол., Кес. 1877, 254); с.-хорв. *mišolov* (RJA: «srbijanski ribari tijem imenom zovu klena, jer lovi i jede miševe», Опатовац на р. Дунай, Бабска-Новак — Hirtz 227: «Wörtlich Mäusefänger; jer u nuždi zaista hvata miševe»);

укр. *мышеловка* (рр. Днепр, Юж. Буг, Днепровско-Буг. лиман — Амброз 108);

с.-хорв. *mišolovac* (Стара Драва — Hirtz);

с.-хорв. *mišožder* 'большой голавль' (Hirtz).

mi(y)šelov см. mišar
mišolovac см. mišar
mišoždеr см. mišar
myšelovka см. mišar
obl'a польск. *obla* (Wał. BW 540);
русск. *облячок* (р. Волхов у Петропавловских порогов — Домр. и Правд. 251: «редкая рыба»).
obl'ačok см. obl'a
parej укр. *парей* (Закарпат. обл. — Влад. 48, Кол. 23), *parij* 'молодой голавль' (р. Днестр под Галичем — Now. 60); польск. *parij* то же (р. Прут — Majew. II, 736: «nazwa rybaków»), *paryj* (Солотвин, Станислав, Галич — Łom. 52).
укр. *paruch* (р. Сивка — Now. 75: «синоним kłynczuk»; р. Лукев; Беднарово, Сапогово — Barta 7, Now. 78).
penušac с.-хорв. *pjenušac* (Hirtz).
с.-хорв. *pjenušar* (Герцеговина — Hirtz: «valjada zato, što se drži povrh vode i kupi pjenu»).
penušar см. penušac
plotyca укр. *płotycia* (р. Стрый; Турка — Now. 73).
ponar'anyk укр. *понаряным* (Закарпат. обл. — Влад. 48), *понарянuк* (Закарпат. обл. — Кол. 23).
prygun русск. *прыгун* (устье р. Волга — Зол., Астрахань — Саб. 600).
sapal' польск. *sapal* (Wyg. 452: «м. н.»).
Ср. лит. *šãpalas* (Fraenkel), лит. *szapalas*, *szapals*, эст. *sapal* (Benecke 137).
skobar болг. *скобар*, *скобер*, *скубáр* (Геров).
skubar см. skobar
šaran с.-хорв. *šaran* (Плавско Блато — Hirtz: «klen, koji ima krupne «parice» i bar 2 kg težine»).
telen слвц. *telen* (Ferianc 33).
tloušt' чеш. *tloušt'* (Jungmann, PSJČ, SSJČ), ~ *obecný* (Dyk: «старый и. т.»; Šimek 1954, 81), *jelec* ~ (Šimek 1959, 74: «и. т.»); слвц. *tíšt'* (Пехоч — Ferianc 33: «словакизированное чеш. *tloušt'*»).
tmol'ka слвц. *tmol'ka* (р. Орава — Ferianc 33), *tomol'ka* (Ferianc 33).
trijnek укр. *trijnek* (р. Прут под Черновцами — Now. 84).
turbak русск. *торб* (Сыренец на Псков. оз. — Кузн. РС), *торбáк* (Куземкино на Псков. оз. — Кузн. РС), *турбак* (рр. Луга и Нарва — Саб. 600; р. Луга — Берг 555: «из ижорского»).
Ср. фин. *turpa* (Берг 555); лтш. *turba* (Laumane 61); ижор. *турбакка* (Зол.).
tustovratac с.-хорв. *tustovratac* (Сисак — Hirtz: «Wörtlich Dickhals»).
verezub русск. *verizop*, *virezub* (липоване в дельте р. Дунай — Antipa 186); с.-хорв. *verozub* (Габела в Герцеговине, Заечар,

Тимок — Hirtz), *верд̀зуб* (Босния, Герцеговина, Срем — РСХКНJ).
žabjak польск. *żabiak* (р. Скава — Now. 30: «kleń z wielkim łbem»).
žerex русск. *жерех* (р. Кудьма п. п. р. Волга — Варп. РНГ 77: «неправильно»).

Язь Leuciscus idus L.

belest русск. *бе́лест* (пенз. — Сл. АР, Даль[2] I, стр. 155: под *бѣлый*; СРНГ), *белест* (р. Сура близ г. Пенза — Паллас I, 117: «крупный язь»; Пенза — Зол.), *беле́сь* (Хопер. округ — Миртов), *беле́зь* (донск. — Миртов, СРНГ);

русск. *беле́зень* (ср. и н. т. р. Дон — Миртов), *белезе́нь* (донск., богучар., ворон. — СРНГ; Багаевская, Елизаветинская — Миртов);

русск. *белезна* (н. т. р. Дон — Макаров 1966, 47: «заимств. из укр. яз.»), *беле́зня* (округ Ниж. Дон — Миртов), *белезня* (н. т. р. Дон — Макаров 1966, 47: «заимств. из укр. яз.»), *бели́зна* (донск. — Миртов).

bratfiš слвц. *bratfisch* (Братислава — Mahen 1927, 61); с.-хорв. *protfisch* (Белград — RJA).
bzdruga болг. *бъздруга* (Моров 46).
čebak русск. *чеба́к* ʻамурский язь Leuciscus waleckii (Dybow.)ʼ (Амур, Сахалин — Клыков), *чебак* то же (Дальний Восток — Бор. и Овс. 213; р. Амур — Берг РА 117: «м. н.»); слвц. *čobak* (р. Латорица — Ferianc 35).
červenica слвц. *červenica* (Ferianc 35: «из-за красных плавников»).
davica русск. *daviţa* (липоване в дельте р. Дунай — Antipa 174: «синоним *joltomeasa*»).
demel словин. *dẽměl*, *dẽvěl* (Lor. SW).
dojca болг. *до́йца* (Тутракан — Вакар. 54), *дойца* (Моров 46, Дрен. 72).
!glavač чеш. *hlaváč* (Majew. II, 406);

укр. *голова́нь* (Гринченко);

укр. *головни́к* (бывш. Гадяч. у. — Гринченко).

golovan' см. glavač
golovnik см. glavač
guščora польск. *guszczora* (SWil, Majew. II, 40, Plater 1852, 140).
jal с.-хорв. *jal* (Височко в Боснии — Hirtz);

с.-хорв. *jalac* (Брод — Hirtz); слвц. *jalec tmavý* (Balon 164).

jalec см. jal
jas польск. *ịaś* (р-н Седлец — Cyran 17); н.-луж. *jas* (Мука: диал., вместо *jaz*); чеш. *jas* (Юж. Моравия — Šimek 1959, 77), *jes* (Jungmann); слвц. *jes* (Ferianc 35); с.-хорв. *jas* (Вуковар и Осиек — Hirtz);

чеш. *jasek* (Моравия — NR 86, н. т. р. Морава — Šimek 1930, 38, Юж. Моравия — Šimek 1959, 77, Dyk 223); слвц.

jasek (реки Зап. Словакии — Mahen 1930, 38, р. Морава; Загорье — Ferianc 35: «название, возникшее из-за окраски рыбы»); ср. чеш. *jasek* 'název drobné ryby' (PSJČ: lid.);

польск. *jesen* (Силезия — Heckel u. Kner 155); чеш. *jesen* (Jungmann, SSJČ, PSJČ, р. Лаба в Чехии — Frič 28), ~ obecný (NR 88: «и. т.»), *jelec jesen* (RP 113, Šimek 1959, 77: «и. т.»); слвц. *jaseň* (Šimek 1959, 77, Ferianc 35: «название происходит от окраски рыбы»), *jeseň* (NR 88, Ferianc 35), *jesen* (Ferianc 35, Mahen 1927, 61).

польск. *iasicz* (SP XVI);

с.-хорв. *jaso* (Алмаш и Эрдут — Hirtz);

польск. *jaświca* (р. Дунаец п. п. р. Висла; Заклинчин — Now. 36).

jasek см. jas

jasen см. jas

jasič см. jas

jaso см. jas

jašvica см. jas

jaz' русск. *язь* (Даль[2], ССРЛЯ; бывш. Олон. губ. — Куликовский, Георг. 22; Холмогоры — Грандилевский; арханг., карел., новг., псков. — Герд. ДД; Онеж. оз. — Кес. 1868, 49; Пустош., Новоржев. р-ны Псков. обл. — Колесов 59: «ат *я́зя* рыбы; *я́зи* — им. пад. мн. ч.»; Великолук., Себеж., Пушк., Псков., Опочец. р-ны Псков. обл. — Колесов 59: «паймай *язя́*; *язи́* — им. пад. мн. ч.»; р. Волхов, оз. Ильмень — Варп. РИВ 56; по всей Волге — Кес. 1870, 265; калинин. — Герд ДД; бывш. Ельн. у. Смолен. губ. — Добр.: «*изя́* — род. пад. ед. ч.; *язи́* — им. пад. мн. ч.»; р. Ока и ее притоки близ г. Орел — Тарачк. 16; курск., ворон. — Герд ДД; р. Сура — Варп. РС 11: «м. н.»; р. Ока в пределах бывш. Нижегород. губ. — Варп. РНГ 46; реки басс. р. Волга в пределах бывш. Нижегород. губ. — Варп. ОРБВ 56; реки в пределах бывш. Казан. губ. — Варп. ИФКГ 30, 45, 47; р. Летка — Дрягин РЛ 5; н. т. р. Вятка — Лукаш 51: «обычное название»; басс. р. Вятка от г. Вятка до устья р. Летка — Дрягин РБВ 121; басс. р. Вятка выше г. Слободской — Лукаш РБВ 10: «м. н.»; рр. Кама, Чусовая, Сылва, устье р. Обва и озера — Меньш. 388; сиб. — Герд ДД), *яз* (Кн. расх. Иверск. мон. 1656 г. — Порохова 177), *йаз'и́* мн. ч. (Деулино Рязан. обл. — СД 245: под *косы́рочка*), *jas* (р. Волхов, оз. Ильмень — Güld. I, 8), *есь* (Сумской посад в бывш. Кемском у. — Дуров: «*еся*, *еси*, *есей*»; перм. — СРНГ), *езь* (юж. часть Поморья, Шуерецкое, Сорока, Выгостров, Шижня, Вирма, Келемжа, Нюхча, Сумской посад, Сухнаволок, бывш. Кемский у. — Дуров: «*езя*, *ези*, *езей*»; бывш. Олон. губ. — Куликовский; бывш. Кадн. у. Вологод. губ., Боровск., Мещовск. уу. Калуж. губ. — СРНГ);

укр. *язь* (УРС: «разг.», Ш. и Т. 89; бывш. Жовков. округ — Majew. II, 406), *ıазь* (XVII в. — Тимч. KIC), *язь річковий* (Трет. 38: «и. т.»), *йаз'* (Станишевка, Полесское на сев. Житомир. обл. — Никончук КД, в. т. р. Припять и ее притоки Стырь, Горынь, Льва — АУМ), *в'яз* (Гринченко, Ш. и Т. 89), *въязь* (Днепров. лиман — Кес. 1860, 237, Закарпат. обл. — Влад. 49; М. и К. 90: «и. т.»), *в'язь* (УРС, СУМ, Ш. и Т. 89, н. т. р. Припять — Ляш. 57), ~ *золотой* 'одомашненная форма язя Leuciscus idus var. orphus' (М. и К. 90: «и. т.»), *вйаз'* (р. Стоход — АУМ), *jaź* (р. Стырь; Лопатин, Вел. Мосты на р. Рата — Now. 57, 54), *i̯aź* (Ставки на территории ПНР — АУМ); блр. *язь* (Витебщина — Касп., Никиф. 493, р. Зап. Двина — Сап. 225, бывш. Могилев. губ. — Демб. I, 463, Слуцк — Салян. 20; Аўчын. 187: «и. т.», Жуков РБ 185: «и. т. и м. н.»), *jaз'* (Олтуш, Луково, Здитово, Спорово, Власовцы, Лопатин, Велута, Рубель, Хоромск, Ольманы, Пуховичи, Голубица, Злодин, Антонов, Конотоп, Дерновичи, Довляды — Крив. 174), *ўjac'* (Сварынь — Крив. 174), *jaź* (р. Вилия — Tyszk. 88, Дерешевичи, Дзяковичи на р. Мозырь, Княж-озеро на Витебщине — Mosz. PW 19), *jàzi* мн. ч. (р. Неман — Zn.-Prüf. RD 6); польск. *jaz* (Ład., р. Скава п. п. р. Висла, р. Сан; Ярослав; р. Солотвина; Буск — Now. 30, 43, 54), *jaź* (Linde, SWil, SW, SDor, мазур. — Zn.-Prüf. 1953, 231, Тыкоцин. пов. — Gloger, Wał. BW 538: «известное название, повсюду распространенное», Majew. II, 405, Klucze 103: «и. т.», р. Висла от Освенцима до Неполомиц, рр. Сола, Дунаец — правые притоки р. Висла; Тарнов, р. Сан; Перемышль, в. т. р. Буг — Now. 21, 32, 36, 43, 50; рр. Любачевка, Шкло, Вишня — притоки р. Сан — ZR 26, 27, Now. 47, 48), *jazie* мн. ч. (р. Неман; Друскининкай — Zn.-Prüf. RD 6; оз. Швакшта в Швенчен. р-не Литов. ССР — Zawad. 69), *białoryb jaź* (Jar. 63, Leś. 42: «и. т.»), *jeź* (р. Висла от Освенцима до Неполомиц — Now. 21), *joź* (Вармия — Zn.-Prüf. 1953, 231); в.-луж. *jaz* (Jakubaš); слвц. *vjaz* (Ferianc 35: «заимств. из русск. яз.; название, возникшее от окраски рыбы»); с.-хорв. *ez* (Каптольский рынок в Загребе — Hirtz), *jâz* (RJA), *jaz* (Брод, Митровица, Земун, Осиек, Бабска-Новак, Вуковар — Hirtz), *jez* (Сисак — RJA; Костайница, Дубица, р. Босна; Сисак, Карловац, Оток в Славонии — Hirtz), *jiz* (Живике — Hirtz); словен. *jẹ̑z* (Любляна, Зидани Мост—Pleteršnik):

с.-хорв. *jaza* (Раево Село — Hirtz), *jeza* (Жакань — Hirtz);

укр. *я́зя* (Гринченко; Судовая Вишня Львов. обл. — Majew. II, 406), *йа́з'а* (в. т. р. Припять — АУМ);

с.-хорв. *jazava* (RJA, Сербия — Hirtz);

польск. *jaziec* (XVI в. — Majew. II, 406);

русск. *язень* (р. Волга, горьк. — Герд СА 28), *язни* мн. ч.

(р. Ветлуга п. п. р. Волга — Варп. РНГ 30); укр. *в'язень* (Ш. и Т. 89);

русск. *язевина* (XVII в. — Герд ДД: «собират.»);

польск. *jazic* (Rostaf. 397);

польск. *jazica* (Linde, SWil, SW), *jazice* (Rostaf. 397), *jozica* (Воля Баторска, Забежов, Воля Забежовска, Неполомице — Now. 33); в.-луж. *jazyca* (Jakubaš 129: под *jaz*);

русск. *я́зик* 'мелкий язь' (карел., новг., Водлозеро, р. Редя — Герд ДД), *язик* (р. Волхов — Зол., оз. Ильмень, р. Волхов — Варп. РИВ 56, р. Сура — Варп. РС 11: «м. н.», р. Свияга и ее басс. — Варп. ИФКГ 46, р. Казанка — Варп. ИФКГ 58); укр. *язик* (бывш. Жовков. округ — Majew. II, 406), *йа́зик* (в. т. р. Припять — АУМ), *йа́зики* мн. ч. (в. т. р. Стоход — АУМ), *йе́зик* (в. т. р. Припять — АУМ); блр. *já3'ик* (Лопатин, Велута, Рубель, Хоромск — Крив. 174); польск. *jazik* (SW: «gwar.», Wyg. 449: «м. н.», р. Сола п. п. р. Висла — Now. 27); н.-луж. *jazk* (Мука: «dem. v. *jaz*»);

с.-хорв. *jazika* (Купиново — Hirtz);

н.-луж. *jazlina* (Пейц—Мука: «вместо *jaz*»);

блр. *язёчык*, *язёчычык* (р. Песчанка Славгород. р-на Могилев. обл. — Яшкін 125: «ум.-ласк.»); чеш. *jazéček* (Босковице — Svěrák 35);

русск. *язёк* (Псков. оз. — Кузн. РС 22, р. Псел в пределах бывш. Курск. губ. — Плетенев 53, в. т. р. Енисей — Герд ДД), *визёк* (Багаевская, н. т. р. Дон — Миртов, СРНГ); укр. *ўйазо́к* (н. т. р. Днестр — Дзенд. КД); блр. *язёк* (р. Песчанка Славгород. р-на Могилев. обл. — Яшкін 125: «ум.»); чеш. *jazek* (Босковице — Svěrák 23);

русск. *езёнок* (бывш. Кадн. у. Вологод. губ. — СРНГ), *езенок*, *язенок* (Челябинск, Чердынь, Ныроб, Кунгур, Елово — Ревн. 215), *язёнок* 'небольшой язь' (Кеврола Пинеж. р-на Арханг. обл. — СРНГ); ср. русск. *езёнок* 'название рыбы' (Верх. Тойма, Шенкурск Арханг. обл., Красногорское Котельн. у. и Константиновское Малмыж. у. бывш. Вятск. губ. — СРНГ);

блр. *jaз'ýчка* (Луково — Крив. 174);

укр. *язю́к* (Гринченко, Ш. и Т. 89), *язюк* (Судовая Вишня Львов. обл. Majew II, 406), *йаз'ýк* (ср. т. р. Горынь — АУМ); блр. *jaз'ýк* (Луково, Ольманы — Крив. 174);

блр. *jaз'учо́к* (Лопатин — Крив. 174);

с.-хорв. *jazvenac* (RJA, Сербия — Hirtz);

польск. *jaźwień* (SW: «przestarz.», р. Дунаец при впадении в Вислу — Now. 21), *яжвен* (верховья р. Висла — Зол.);

польск. *jaźwica* (SW; «gwar.», рр. Дунаец, Кшеменица п. п. р. Висла — Now. 36, 43), *яжвица* (р. Дунаец — Зол.); кашуб. *jaźwce* мн. ч. (Gulg. 74);

с.-хорв. *jezarak* 'маленький язь' (Ускоке — Hirtz);

польск. *jezlica* (Воля Баторска, Забежов, Воля Забежовска, Неполомице — Now. 33), *езлица* (верховья р. Висла — Зол.);

с.-хорв. *jezovka* (Hirtz);

чеш. *jezule* (Полабье — Šimek 1959, 77), *jezůvě* мн. ч. (р. Лаба — Frič 28, Šimek 1959, 77);

с.-хорв. *ježevka* (Hirtz); словен. *ježevka* (Pleteršnik);

русск. *недоя́зок* 'молодой язь' (свердл. — СРНГ, Колпашев. р-н Томск. обл. — СРГБО), *недоязок* то же (Нытва, Челябинск — Ревн. 215), *недоя́зки* 'мелкие язи, но крупнее подъязка' (Березов. р-н Тобол. обл. — СРНГ);

русск. *подъяз* 'молодой язь' (Саб. 650, Грац. 119), *podjasi* (Pall. ZRA 316: «маленькие язи»), *подъя́зь* то же (Ладва Прионеж. р-на Карел. АССР — СРНГ); укр. *пі́д'язь* то же (Ш. и Т. 89); блр. *подjáз'* то же (Крив. 171), *podjaz* (р. Зап. Двина — Plater 1861, 39);

русск. *подъя́зик* 'мелкий язь' (бывш. Петрозавод. у. — Куликовский, Сыренец на Псков. оз. — Кузн. РС: «весом до 1,5 фунта»; ССРЛЯ), *подъязик* то же (Онеж. оз. — Кес. 1868, 49, бывш. С.-Петербург. губ. — Кес. 1864, 110, р. Волга — Кес. 1870, 65, р. Волга и ее басс. в пределах бывш. Нижегород. губ. — Варп. ОРБВ 56, р. Сура — Варп. РС 11: «м. н.», р. Волга в пределах бывш. Казан. губ., р. Свияга и ее басс. — Варп. ИФКГ 30, 46: «м. н.», Челябинск, Чердынь, Ныроб, Кунгур, Елово — Ревн. 215: «м. н.», касп.-волжск. р-н — Гримм 1896, 116), *подъязики* мн. ч. (оз. Светлояр — Варп. РНГ 67); блр. *подъязик* то же (Жуков РБ 185: «м. н.»), *подjáзик* то же (Крив. 171);

русск. *подъя́зка* 'мелкий язь' (Парабельск., Кривошеинск. р-ны Томск. обл. — СРГБО);

русск. *подъя́зок* 'язь средней величины' (Верходворское бывш. Орлов. у. и Колобово бывш. Нолин. у. Вятск. губ., омск., сиб. — СРНГ), *подъязок* 'мелкий язь' (тобол — СРНГ, реки Урала — Цех. 103, Челябинск, Чердынь, Ныроб, Кунгур, Елово — Ревн. 215, басс. р. Вятка от г. Вятка до устья р. Летка — Дрягин РБВ 121), *подъя́зки* то же (волог. — СРНГ), *подъязки* 'годовалые и двухгодовалые язи' (оз. Иткуль, Синарское, Черкаскуль, Алабуга — Саб. ЗО 56), *подъя́сок* то же (бывш. Кемск. у. Арханг. губ. — СРНГ); ср. *подъя́зок* (яросл. — Даль: «рыба, весьма похожая на язя», ССРЛЯ: «рыба, сходная с язем»), *pod'i̯ázok* (Паньково на р. Сухона в юго-зап. части бывш. Тотем. у. — Брок 66: «род рыбы»);

русск. *пад'йа́зъч'к'и* мн. ч. (Деулино Рязан. обл. — СД 245: под *косы́рочка*);

русск. *полуя́зик* 'мелкий язь' (Городенка на Псков. оз. — Кузн. РС),

русск. *полъя́зок* 'мелкий язь' (Верх.-Кетск. р-н Томск. обл. — СРГБО).

Ср. венг. *jász* (Ferianc 35), *ónas jász* (Влад. 49); нем. *Göse*, *Geese*, *Gaise*, *Gäse*, *Giesen*, *Gösenitz*, *Geslitz* (Hirtz 95: под *ez*).

jaz(z')a см. jaz'
jazava см. jaz'
jazec см. jaz'
jazeček см. jaz'
jazek см. jaz'
jazen' см. jaz'
jazevina см. jaz'
jazic см. jaz'
jazica см. jaz'
jazik см. jaz'
jazika см. jaz'
jazlina см. jaz'
jaz'oček см. jaz'
jaz'ok см. jaz'
jaz'onok см. jaz'
jaz'učka см. jaz'
jaz'učok см. jaz'
jaz'uk см. jaz'
jazvenac см. jaz'
jažven' см. jaz'
jažvica см. jaz'
jes см. jas, jaz'
jesen см. jas
jezarak см. jaz'
jezlica см. jaz'
jezovka см. jaz'
jezule см. jaz'
jezěvka см. jaz'

!karp русск. *карп* (на петербург. рынке — Кес. 1864, 110), *русский* ~ (Петербург — А. Ник. 663), *ruskoi carp* (Петербург — Pall. ZRA 316: «крупные экземпляры»); чеш. *kapr*, ~ *krásnoperka* (Majew. II, 406).
klen польск. *kleń wileński* (Majew. II, 406); словен. *zeleni klȩn* (Pleteršnik); болг. *клен* (Каменица — Захариев 33).
kolotuška русск. *колотушка* (Вилюйский округ — Герд СА 24).
koren с.-хорв. *koren* (Hirtz).
koslač укр. *kosłacz* (р. Стрый; Подгородцы — Now. 73); польск. *kosłacz* (Добжинь, рр. Дрвенца, Скрва п. п. р. Висла — Majew. II, 406).
kutum русск. *кутýм* (Ниж. Дон — Миртов), *кутýн* (Нижне-Чирская — Миртов, Ростов-на-Дону — Кузн. ПАБ 103; побережье Азов. моря — Клыков);
русск. *кутýнчик* (Ростов-на-Дону — Кузн. ПАБ 103).
kutunčik см. kutum
laxmak русск. *лахмáк* (Елизаветинская — Миртов).
l'askalka укр. *л'áскалка* (Листвин на сев. Житомир. обл. — Никончук КД).
makl'ak русск. *макляк* (Мелетские Горки в н. т. р. Вятка — Лукаш 51: «м. н.»).
maslenik русск. *масленник* (рр. Вишера, Кама в Чердын. р-не Перм. обл. — Ревн. 215: «иногда»).
masnica с.-хорв. *masnica* (Двор, Бушко Блато в Боснии, Бараковац — Hirtz).
mekn'a польск. *mieknia* (Majew. II, 406; Wyg. 449: «м. н.»).
Ср. эст. *meknys* (Benecke 133).
mendr'uga русск. *мендрюга* (псков. петербург. луж. — Доп. к Опыту; псков. — Даль[2]).
merlin чеш. *merlín* (р. Лаба — Dyk 223).
mer'on русск. *мерéн* (псков. — Даль[2]: «рыба из породы язей»), *мерён*, *мирён* (Псков — Доп. к Опыту: «рыба из породы язей»).
modruga болг. *модрýга* (Геров), *мъздруга* (РБР, Дрен. 72: «водится только в Дунае»; Коев и др. 61), *mъzdrúga* (Wak. 49).

moklec русск. *моклец* (р. Пьяна л. п. р. Сура, р. Кудьма п. п. р. Волга — Варп. РНГ 39, 44; р. Теша п. п. р. Ока, оз. Ворсма в басс. р. Ока — Варп. РНГ 50, 57; р. Волга и ее басс. в пределах бывш. Нижегород. губ. — Варп. ОРБВ 56);

русск. *мóклички* мн. ч. (оз. Вад в Арзамас. у. — Варп. РНГ 59).

русск. *моклюшки* мн. ч. (р. Ока в пределах бывш. Нижегород. губ. — Варп. РНГ 46).

moklečok см. moklec

mokl'uška см. moklec

mokrec русск. *мокрец* (р. Ока в пределах бывш. Нижегород. губ. — Варп. РНГ 46).

molvec русск. *мóльвец* (р. Ока — Клыков), *молвец* (р. Ока — Зол.: «золотистый язь»; местами на р. Ока — Кес. 1870, 265: «разность с оранжевыми плавниками», Саб. 650).

mъzdruga см. modruga

murik русск. *мýрик* 'маленький язь' (на рыбном рынке в Петербурге — Кучин РПИ 147), *мурóк* то же (р. Волхов — СРНГ).

nedojazok см. jaz'

oman с.-хорв. *oman* (Hirtz).

orfa укр. *орфа* 'одомашненная форма язя Leuciscus idus var. orphus' (М. и К. 90); польск. *orfa* то же (SDor, Staff 285), *urfa* 'то же' (SWil, Majew. II, 406, Ład., Wyg. 449: «м. н.»).

ostoplav польск. *ostopław* (Majew. II, 406).

ožirok русск. *ожирок* (р. Ворона — Саб. 650).

parovik русск. *паровúк* 'маленький язь' (Верх. Уфтюга Красnoбор. р-на Архангельск. обл. — собств. наблюд.).

plotica укр. *prawdywa dnistrowa płotyci* (р. Прут — Majew. II, 406; р. Днестр; Галич — Barta RD 60);

укр. *плíтка* (Ш. и Т. 89); блр. *плóтка jaз'óва* 'мелкий язь' (Рубель, Хоромск — Крив. 171), ~ *jaзúна* то же (Ольманы — Крив. 171).

plotka см. plotica

podjaz' см. jaz'

podjazik см. jaz'

podjazka см. jaz'

podjazoček см. jaz'

podjazok см. jaz'

polujazik см. jaz'

poljazok см. jaz'

prazma слвц. *prazma* (Ferianc 35).

ryba польск. *biała ryba* (Тыкоцин — Gloger);

слвц. *májova ryba* (Ferianc 35);

польск. *słodka ryba* (Тыкоцин — Gloger).

sen' слвц. *sień* (Тренчин — Ferianc 35: «название дано по окраске — синий, серосиний»).

slodka ryba см. ryba

smovžik блр. *смо́ўжык* 'небольшой язь' (Лопатин — Крив. 172).
šp'or русск. *шпёр* (р. Сура около г. Пенза — Паллас I, 117: «крупный язь»).
turbak русск. *турбак* (сев.-зап. — Загор. 376).
Ср. лтш. *turba* 'голавль Leuciscus cephalus' (Laumane 61).
turža русск. *ту́ржа* (олон., карг. — Доп. к Опыту; олон. — Даль[2]), *туржа* (р. Онега — Саб. 650); ср. замечание Г. Куликовского: «по словам промышленников *туржа́* ничто иное как лох семги, и сообщение . . ., что этим именем зовется в р. Онеге язь, мало вероятно».
šutovica болг. *шутовица* (Моров 46).
udovica с.-хорв. *udovica* (р. Дунай; Текия, Дони Джердап — Hirtz).
Ср. с.-хорв. *udovica* 'vrsta ribe' (Дони Джердап — RJA).
uglan русск. *угла́н*, *угла́нчик* 'небольшой язь 1—1,5 фунта весом' (Каргополь — Куликовский).
uglančik см. uglan
vjazen' см. jaz'
vjazok см. jaz'
vъdovica болг. *въдовица* (Моров 46, Коев и др. 61: «и. т.»), *въдувица* (Тутракан — Вакар. 52).
Ср. рум. *văduviţa* (Antipa 174), *odoviţă*, *oduviţă* (Vasiliu 206: «м. н.»).
želtom'aska русск. *желтомяска* (дельта р. Дунай — Гриценко 8);
русск. *joltomeasa* (липоване в дельте р. Дунай — Antipa 174).
želtom'asa см. želtom'aska

Красноперка

androga с.-хорв. *androga*, *jandroga* (рр. Драва, Плитвица, Бедня; Вараждин — Hirtz), *jandruga* (Крижовлян — Hirtz), *jendroga* (рр. Драва, Плитвица, Бедня; Вараждин — Hirtz: «Ime *jendroga* ishodi po svoj prilici od *jen-jedna* i *droga-druga*, te znači zapravo 'jedna druga' naime bijelka — ein anderer Weissfisch»); словен. *andrǫga* (Мурско поле, Любляна — Pleteršnik).
с.-хорв. *jandrušica*, *jandružica* (Карловац — Hirtz).
aterinka укр. *атери́нка* (Новороссия — Жел., Гриченко; Ш. и Т. 96).
Ср. укр. *атеринка* 'род рыбы в роде красноперок' (Зап. Украина — Писк.).
baba кашуб. *baba* (Конажины, Сворнигаче — Sychta).
baboška krasnoperka русск. *baboşca krasnoperca* (липоване в Добрудже — Antipa 177).
Ср. укр. *баббшка* 'общее название мелкой рыбы' (Татарбунар., Белгород-Днестров. р-ны Одесской обл. — Дрозд. КД); рум. *babuşcă roşie*, *babuşcă cu pana roşie* (Antipa 177: «Numele

Babuşcă este însă rusesc şi pescarii noştri l-au învăţat dela Lipoveni»); греч. *babuşcă* (Antipa 177).
bel' русск. *бель* (Горький — Зол., Кес. 1870, 266, Саб. 558).
belica crvenooka с.-хорв. *bjelica crvenooka* (Hirtz: «и. т.»).
beloryb польск. *białoryb* (Wyg. 458: «м. н.»).
bočica укр. *бочиця* (н. т. рек зап. Закарпатья — Влад. 53, Кол. 25).
brčka с.-хорв. *brčka* (Hirtz).
bzdręga см. vzdręga
caremuxa см. čeremuxa
crlena perka см. červenoperka
crlenoperka см. červenoperka
crlenper см. červenoperka
crlenperič см. červenoperka
crvemperka см. červenoperka
crvena perka см. červenoperka
crvenka см. červon'
crvenoka см. červonooka
crvenokica см. červonooka
crvenoperka см. červenoperka
crvenpera см. červenoperka
crvenperčić см. červenoperka
čeremuxa укр. *черему́ха*, *черемуха́* (Украина — Аксак. 188); блр. *чэрә́муха* (Шестовичи — Крив. 173), *царә́муха* (Голубица, Конотоп, Дерновичи — Крив. 173).
čerlenoočica см. červonooka
čermnuxa см. čermuxa
čermoxa см. čermuxa
čermuxa русск. *чермоха́*, *чермуха́* (юж. Россия — Кес. 1860, 243), *черну́ха* (юж. — Даль), *чернуха́* (юж. Россия — Кес. 1860, 243); укр. *чермоха́* (Ш. и Т. 96, Украина, Днепров. лиман, Херсон — Кес. 1860, 243), *черму́ха* (Ш. и Т. 96), *чермуха́* (Украина — Кес. 1864, 113, Кес. 1877, 256, Днепров. лиман, Херсон — Кес. 1860, 243), *чермуха* (Украина — Зол., Саб. 558, низовья рр. Днестр, Днепр, Юж. Буг — Берг 593), *черноха́* (Ш. и Т. 96), *черну́ха* (рр. Днепр, Днестр, Юж. Буг — Ш. и Т. 96; Черное море — Клыков), *чернуха́* (Днепров. лиман, Херсон — Кес. 1860, 243), *чернуха* (Днестров. лиман — Берг 1918, 30; низовья рр. Днестр, Днепр, Юж. Буг — Берг II 593; Конча—Заспа—Белінг 1928, 85), *чорнуха* (н. т. р. Припять — Ляш. 57); блр. *чермнуха*, *черноха*, *чернуха* (р. Днепр — Жуков РБ 201: «от *чермный* 'красный'»).
černol'uga блр. *чернолю́га* (р. Сож — Жуков РБ 201).
černoxa см. čermuxa
černuxa см. čermuxa
červe(o)na ryba см. ryba
červenačka слвц. *červenačka* (Загорье — Ferianc 38);

чеш. *červenice* (Mahen 1927, 62, NR 194: «dřívější jméno»); слвц. *červenica* (Ferianc 38) ~ *obyčajna* (Dyk 230: «и. т.»); чеш. *červenička* (Mahen 1927, 62: «lid.»).

červenica см. červenačka

červenička см. červenačka

červenočka см. červenooka

červenooka rybka см. rybka

červenoperica см. červenoperka

červenoperka с.-хорв. *crljenper* (Приедор — Hirtz);

укр. *червонопéра* (р. Стрый — АУМ), *czerwonopera* (р. Тужанка — Now. 71); польск. *czerwonopera* (Галиция — Now. 1889, 52); с.-хорв. *crvenpera* (р. Босут — Hirtz);

укр. *червенопíрка* (р. Стрыпа — АУМ); блр. *чирвонаперка*, *чырвонапёрка* (Жуков РБ 201); с.-хорв. *crljena perka* (р. Чесма—Hirtz), *crljenoperka* (Hirtz), *crljenperka* (Ясеновац, Долина на р. Сава, Бос. Градишка, Крапе — Hirtz), *crvèmperka* (RJA), *crvemperka* (Хорватия — Hirtz), *crvenȍperka* (Черногория — RJA), *crvenoperka* (Сисак, Моноспитовско Блато — Hirtz), *crvènperka* (RJA), *crvenperka* (Ясеновац, рр. Драва, Плитвица, Бедня; Крашица Бара — Hirtz, оз. Шкодер — EJ II, 411), *црвенперка* (Витановац, Чукоевац на р. Гружа, рр. Зап. Морава, Чукоевачка Река — Петровић 70, рр. Босут, Савок — Бабовић 54); болг. *червенопéрка* (Геров, РСБКЕ, БТР, Шабленское оз. в Добрудже — Вакар. 62, Владичени Одес. обл. — собств. наблюд.), *червéно перó* (Криничное Одес. обл. — собств. наблюд.), *червеноперка* (Христ. 427, Дрен. 76: «и. т.»); макед. *crvena perka*, *crvenoperka* (оз. Дойран — Hirtz), *црвеноперка* (PMJ);

ср. болг. *чъръвъноперка* 'риба с червени перки', *чървънà пѐрка* 'вид риба' (Видин — Млад. ГВ 296, 263);

чеш. *červenopeřice* (Mahen 1927, 62: «č. není už dnes přiléhavý, stejné jako název perlín», Dyk 230, NR 28, 194: «dřívější jméno»); Полабье — Šimek 1959, 79); слвц. *červenoperica* (Тренчин — Ferianc 39).

укр. *czerwonopereć* (Галиция—Now. 1889, 52; Солотвин, Станислав, Галич—Łom. 52; рр. Быстрицы Солотвинская и Надворянская—Now. 80, 81); польск. *czerwonopereć* (Majew. II, 696), *czerwonoperci* мн. ч. (р. Прут — Majew. II, 696).

с.-хорв. *crljenperić* (Приедор — Hirtz 69: «dem. od *crljenper*»); *crvenperčić* (Врачанский срез, р. Топчидер — Hirtz).

červinka см. červon'

červlenoočica см. červenooka

červona krylka см. krylka červona

červonatka см. červon'

červone oko см. červonooka

červonka см. červon'

červon' укр. *червонь* (Зап. Украина — Писк.);

укр., польск. *czerwonatka* (Галиция — Dzied. 81);

укр. *червінка* (Ш. и Т. 96; р. Серет — АУМ), *червінка* (Львов — Majew. II, 696), *чирвінка* (р. Стрыпа — АУМ), *czerwinka* (рр. Днестр, Стырь, Прут в пределах Галиции — Now. 1889, 52; рр. Прут, Серет — Majew. II, 696; Солотвин, Станислав, Галич — Łom. 52; р. Любачовка — ZR 26; Лопатин, р. Стырь — ZR 27, Małacz. 61; рр. Нестровка, Гнезна — притоки р. Серет; Подгайцы, Богатковцы, Гайворонка, р. Стрыпа — Now. 64, 65; р. Липа, р. Днестр от устья до р. Збруч; Золочев, Буск, Тернополь, Струссов, Мышковичи, Чарторый — Now. 66, 51, 54, 59, 63); польск. *czerwinka* (р. Прут — Majew. II, 696; Wyg. 458), *czerwionka* (SW: «gwar.»; рр. Висла, Стырь, Днестр в пределах Галиции — Now. 1889, 27, р. Верешица — Now. 68), *czerwonka* (SW. «gwar.»; Галиция — Now. 1889, 52; оз. Швакшта Литов. ССР — Zawad. 69);

с.-хорв. *crvenka* (Сремска Митровица, р. Чрнец — Hirtz).

červonooka укр. *czerwonooka* (р. Днестр, Галич — Now. 59, Barta 9);

польск. *czerwone oko* (мазур. — Benecke 134; Majew. II, 696), *czerwonooka* (Галиция — Now. 1889, 52); с.-хорв. *crvenoka*, *crvenooka* (Hirtz);

слвц. *červenočka*, *červenoočka* (Турец — Ferianc 38);

ср. слвц. *č'ervene oč'ko* 'druh říční ryby' (Чешская Силезия— Lamprecht);

укр. *червленоочиця* (н. т. рек зап. Закарпатья — Влад. 53, Кол. 25), *черленоо́чиця* (сев.-вост. Угорщина, Лишаки — Врх. НЗн. 28);

с.-хорв. *crvenokica* (рр. Драва, Плитвица, Бедня — Hirtz).

červonoperec см. červenoperka

červonoperka см. červenoperka

červonoplavka укр. *червонопла́вка* (Ш. и Т. 96).

drl'a с.-хорв. *drlja* (Височачко оз. — Hirtz), *drl̥a* 'Scardinius dergle Heck.' (Далмация — RJA), *др̏ља* (РСХКНЈ: «покр.»), *drlje* (Книн, рр. Крка, Зрмань — Hirtz).

družde чеш. *drůždě* (Полабье — Šimek 1959, 79).

dujačina см. dujak

dujak макед. *dujak*, *dujačina* (оз. Преспа — Hirtz).

gar'uga русск. *гарюга* 'мелкая красноперка' (Кес. 1877, 256), *горюга* то же (Псков — Зол.), *гарьва* то же (Кес. 1864, 113), *горьва* то же (Псков — Зол.).

gar'va см. gar'uga

gerel' с.-хорв. *gerelj* 'Scardinius erythrophthalmus scardafa Bonap.' (Герцеговина — Hirtz), *герељ* (р. Неретва — РСХКНЈ).

glazač русск. *глазач* (р. Молога — Зол., Саб. 558).

gor'uga см. gar'uga

gor'va см. gar'uga

gustera русск. *густера* (Кес. 1877, 256; «неправильно»).

jandro(u)ga см. androga

jandruš(ž)ica см. androga
jazica польск. *jazica* (Plater 1861, 38, Majew. II, 696: «XVIII w.»; Wał. BW 538: «крупная красноперка», Wyg. 458);

чеш. *jezina* (Костеланы на р. Морава — Běl. 180).

Ср. чеш. *jezina* 'ryba. . . podobna karpu, ale bílá' (р. Гана п. п. р. Морава — Kott 1910).

jezina см. jazica
kalinovka блр. *калі́наўка* (Пуховичи — Крив. 168).
karžanka болг. *каржа́нка* (Владичени Одес. обл. — собств. наблюд.).
kazъl kapa болг. *казъл-капа* (Моров 47).
krasica русск. *красица* (бывш. Торопец. и Великолук. уу. Псков. губ. — А. И. Попов 10: «устойчивое название на одном из озер, противопоставлено названиям *красноперка—краснокрылка—красёха*, бытующих на других озерах этой же местности; обусловлено замкнутостью рыбацких коллективов»);

русск. *красёха* (бывш. Торопец. и Великолук. уу. Псков. губ. — А. И. Попов 10); ср. *красёха*, *краснёха* 'рыба наподобие плотвы с красными глазами' (псков. — Макс. 116);

русск. *красни́ца* (чрнмр. — Даль), *красница* (Кинешма — Зол.); укр. *красни́ця* (Жел.), *красниця* (Зап. Украина — Majew. II, 696), *krasnycia* (рр. Днестр, Стырь, Прут в пределах Галиции — Now. 1889, 52; Микулинцы на р. Серет — Now. 63).

krasnica см. krasica
kras'oxa см. krasica
krasnobr'uška русск. *краснобрюшка* (реки Урала — Ревн. 216).
krasnoxvostka польск. *krasnochwostka* (SW: «gwar., *krasny+chwost*»).
krasnoglazka русск. *красноглазка* (р. Волхов, оз. Ильмень — Домр. и Правд. 253; р. Волхов, Кинешма — Зол., Саб. 558; р. Волхов — Кес. 1864, 113, Варп. РИВ 57; Кинешма — Кес. 1870, 266; реки Урала — Ревн. 216); блр. *красноглазка* (Жуков РБ 201);

русск. *красноглазочка* (р. Ока с притоками в бывш. Орлов. губ. — Тарачк. 9), *красноγла́зочка* (оз. Ялпух — собств. наблюд.).

Ср. русск. *красногла́зик* 'рыбка с красными глазами' (ст. Цымлянская — Миртов), англ. *Red-eye*, нем. *Rotauge*, франц. *Rotengle*, лат. *erythrophthalmus*.

krasnokryl русск. *краснокрыл* (бывш. Лужский у. С.-Петербург. губ. — Саб. 558);

русск. *краснокры́лка* (Шартова — Кузн. РС), *краснокрылка* (Псков — Зол., Кес. 1864, 113, Саб. 558; бывш. Торопец. и Великолук. уу. Псков. губ. — А. И. Попов 10; реки Урала — Ревн. 216).

krasnokrylka см. krasnokryl
krasnoper русск. *красно́пер* (ст. Елизаветинская — Миртов), *красноnёр* (ст. Цымлянская, Ниж.-Чирская, Верх.-Курмоярская —

Миртов, Макаров РЛК 241; волжск., ирк., амур. — САШ); укр. *краснóпер* (Ш. и Т. 96), *краснопéр* (нижнее Поднестровье — Берлізов 49); блр. *krasnopiòry* мн. ч. (р. Неман, оз. Лот, Ильгис; Друскининкай — Zn.-Prüf. RD 6); болг. *красноп'óр* (с. Криничное Одес. обл. — собств. наблюд.); русск. *краснопéрь* (оз. Ожинер, н. т. р. Вятка — Лукаш 51).

Ср. *краснопер* 'помесь жереха и язя' (Саб. 781).

русск. *краснопирá* (ст. Кочетовская, Ниж.-Гниловская, Егорлыкская — Макаров РЛК 241), *красноп'óра* (оз. Ялпух — собств. наблюд.), *krasnopiora* (оз. Тракай — Zn.-Prüf. RT 6); укр. *krasnopera* (р. Стырь — Małacz. 61, Now. 57; в. т. р. Буг — Now. 51; Вел. Мосты, р. Рата п. р. Сан — Now. 55), *краснóпера* (Ш. и Т. 96), *краснопéра* (Луцк, в. т. р. Случ — п. п. р. Горынь — АУМ II; ниж. Поднестровье — Берлізов 49); блр. *краснопêра* (Олтуш, Власовцы, Рубель, Хоромск — Крив. 169), *krasnopiora* (оз. Тракай — Zn.-Prüf. RT 6), *krasnopiúra* (оз. Княжье на Витебщине — Mosz. PW 19); польск. *krasnopiora* (оз. Тракай — Zn.-Prüf. RT 6, оз. Арненис Литов. ССР — собств. наблюд.), *krasnopióra* (Linde, SW); болг. *красноп'óра* (Криничное Одес. обл. — собств. наблюд.);

русск. *красноперая* (р. Кудьма п. п. р. Волга — Варп. РНГ 44, оз. Таир в басс. р. Мал. Кокшага — Варп. ИФКГ 57);

русск. *краснóперик* (урал. — СРНГ), *краснопéрек* (н. т. р. Вятка — Лукаш 51); ср. русск. *красноперик* 'название рыбы' (бывш. Орлов. у. Вятск. губ. — СРНГ);

русск. *краснопéрка* (Сл. АР, Даль[2], Нагорное Одес. обл. — собств. наблюд.), *красноперка* (бывш. Торопец., Великолук. уу. Псков. губ. — А. И. Попов 10: «устойчивое название на одном из озер, противопоставлено названиям *краснокрылка—красица—красёха*, бытующих на других озерах этой же местности; обусловлено замкнутостью рыбацких коллективов»; почти по всей Волге — Кес. 1870, 266, р. Волхов — Варп. РИВ 56, басс. р. Свияга — Рузский 50, Павлов посад — Доброклон. 136, р. Москва — Мочар. 113, верховья р. Днепр в бывш. Смолен. у. — Домр. 147, рр. Сейм, Свапа — Гладк. 49, р. Ока в пределах бывш. Нижегород. губ., р. Теша п. п. р. Ока — Варп. РНГ 46, 49; р. Волга в пределах бывш. Казан. губ. — Варп. ИФКГ 31, реки Урала — Ревн. 216, р. Урал — Навозов 226, р. Терек — Кузн. ТРП 43, Красногорское бывш. Малмыж. у. Вятск. губ. — СРНГ, н. т. р. Вятка — Лукаш 51, басс. р. Вятка от г. Вятка до устья р. Летка — Дрягин РБВ 122, Уральск — Михеева КД), *крыснапёрка* (Кушум — Михеева КД), ~ *красноглазая* (Кес. 1870, 266: «и. т.»), *krasnoperca* (липоване в Добрудже — Antipa 177); укр. *краснопéрка* (Пилипец, Брусница, Закарпат. обл. — КДА, н. т. р. Днестр — Берлізов 49), *краснопíрка* (Жел., Гринченко, Ш. и Т. 96), *краснопiрка* (Зап. Украина — Majew.

II, 696, н. т. р. Припять — Ляш. 57, р. Десна от Новгород-Северского до Чернигова, р. Днепр от Киева до Переяслав-Хмельницкого — Белінг 1935, 5, 14), *красноп'ірка* (Станишевка на сев. Житомир. обл. — Никончук КД), *краснопийорка* (Листвин, Полесское на сев. Житомир. обл. — Никончук КД), *краснопірка червоноока* (Трет. 39: «и. т.»); блр. *краснапёрка* (Слуцк — Салян. 20; бывш. Гроднен. у. — Зограф 99: «иногда»), *краснопе́рка* (Олтуш, Луково, Сварынь, Здитово, Заречка, Спорово, Лопатин, Велута, Рубель, Хоромск, Ольманы — Крив. 169), *красноп' орка* (Злодин, Шестовичи, Антонов — Крив. 169), *краснопёрка* (бывш. Витебск. губ. — Никиф. 493; р. Песчанка Славгородского р-на Могилев. обл. — Яшкін 121; оз. Стрельниковское в бывш. Невельском у. Витеб. губ. — Варп. ЗИФР 239; р. Зап. Двина — Сап. 226; Жуков РБ 201), *крыснапёрка* (бывш. Могилев. губ. — Карский вып. 2—3, стр. 101), *krasnopiorka* (р. Зап. Двина — Plater 1861, 38), *krasnopiorki* мн. ч. (р. Неман, оз. Лот, Грута, Ильгис; Друскининкай — Zn.-Prüf. RD 6), *krasnopiúrka* (р. Мозырь — Mosz. PW 19); польск. *krasnopiórka* (SW, SDor., Majew. II, 696; Klucze 123; Люблин, Виленщина — Karł. SGP; Бобрувка Мронгов. пов. — М.—К. 11; р. Пилица от Конецполя до Мнишова — Mis. 21; рр. Висла, Стырь, Днестр, Прут в пределах Галиции — Now. 1889, 52; р. Кшеменица — Now. 43; Wał. BW 547: «русское название, которое можно слышать в Варшаве от торговцев рыбой»); болг. *краснопе́рка* (Твардица Молдав. ССР — сообщение Э. И. Зелениной; Владичени Одес. обл. — собств. наблюд.), *красноп'орка* (Богатое Одес. обл. — собств. наблюд.), *краснупе́рка* (Ольшанка Одес. обл. — Бунина 29); с.-хорв. *krasnoperka* (Hirtz).

Ср. нем. *Rotfeder*, *Rotflosser*; рум. *pană roşie*;

русск. *красноперочка* (Круглоозеро, Уральск — Михеева КД); блр. *краснопёрачка* (р. Песчанка Славгород. р-на Могилев. обл. — Яшкін 121: «ум.-ласкат.»);

укр. *красноп'іруха* (Ровно — АУМ); блр. *краснопêруха* (Лопатин — Крив. 169).

krasnopera см. krasnoper

krasnoperaja см. krasnoper

krasnopere(i)k см. krasnoper

krasnoperka см. krasnoper

krasnoperočka см. krasnoper

krasnoperuxa см. krasnoper

krasul'a русск. *красу́ля* (сев.-зап. часть Смолен. обл. — СРНГ).

krylka červona блр. *czyrwona kryłka* (р. Неман, оз. Лот, Ильгис; Друскининкай — Zn.-Prüf. RD 6).

krvača см. krven'ača

krven'ača с.-хорв. *krvača* (Дубица на р. Уна — Hirtz), *krvenjača* (Босния — Hirtz).

kubar' блр. *кубарь* (бывш. Гроднен. губ. — Зол., Саб. 558).
kučmar с.-хорв. *kučmar* (Герцеговина — Hirtz).
kutun русск. *кутýн*, *кутýнчик* (Ростов-на-Дону — Кузн. ПАБ 103: «иногда»).
kutunčik см. kutun
latinin с.-хорв. *latinin* (Герцеговина — Hirtz 195: «. . .leti u mrežu kao ćorava i zato su nadjeli posprdno ime «*latinin*»).
letnica макед. *летница* (Апостол. и др. 40), *letnica* (оз. Дойран — Hirtz).
!lin чеш. *lin czerwené* (Ческе-Будеёвице — Heckel u. Kner 156).
lola с.-хорв. *ljolja* (Hirtz), *lola* (оз. Шкодер — EJ, I, стр. 411: 'Scardinius erythrophthalmus scardafa'), *лŏла* (оз. Шкодер — Јовић. 192).
mad'arka слвц. *mad'arka* (Земплин — Ferianc 39).
mendruga русск. *мендруга* (притоки р. Мста — Зол., Саб. 558).
merdžan baluk с.-хорв. *merdžan baluk* (Шарска Река, Тетово — Hirtz), *merdžan riba* (Лашва, Босния — Hirtz).
merlin чеш. *merlín* (Frič 31: «в Праге на рыбном базаре»; Dyk 230: «неправильно»).
nar'adnica русск. *нарядница* (Шурма в н. т. р. Вятка — Лукаш 51).
obluxa русск. *облуха* (р. Волхов, оз. Ильмень — Домр. и Правд. 253: «. . .рыбаками. . . часто принимается за плотву, хотя сами же рыбаки говорят, что эта «плотва» всегда меньше настоящей плотвы, глаз ее и плавник краснее, рыло более острое»);
русск. *óблушка* (р. Волхов — Варп. РИВ 56), *облушка* (р. Волхов, Кинешма — Зол., Саб. 558; р. Волхов — Кес. 1864, 113).
obluška см. obluxa
ogn'op'orka польск. *ogniopiórka* (Wał. PFiz. 291).
perlin чеш. *perlín* (Frič 30), ~ *obecný* (Štepánek 31: «и. т.»), ~ *ostrobřichý* (Dyk 230: «и. т.»), ~ *rudoploutvý* (Hrabě i Oliva 70, Šimek 1954, 84: «и. т.»); слвц. *perlín* (Ferianc 39: «из чеш. яз.»).
peškel' с.-хорв. *peškelj* 'Scardinius erythrophthalmus scardafa Bonap.' (Герцеговина — Hirtz).
pisa макед. *писа* (оз. Охрид — Апостол. и др. 40: 1) Scardinius scardafa n. ohridanus Wlad. i Pet., 2) Scardinius erythrophthalmus v. dojranensis Kar.), *pisa* 'Scardinius erythrophthalmus scardafa Bonap.' (оз. Охрид — Hirtz); ср. болг. *писа* 'една риба в Охридското езеро' (Геров); алб. *pisa* 'Scardinius erythrophthalmus scardafa Bonap.' (Poljakov 90).
platika šaranova болг. *шара́нова плати́ка* (Владичени Одес. обл. — собств. наблюд.).
pleskač чеш. *pl'eskáč* (Подлужье — Bart. DSM 498); ср. чеш. *pleskáč* 'druh ryb' (р. Гана — Kott 1910, 111: под *šarani*).
pletnik чеш. *pletník* (Подлужье — Bart. DSM 498).

plita кашуб. *plita* (Sychta).

plot' польск. *płoć* (SWil), ~ *czerwona* (SW «gwar.»), ~ *jeziorna* (Wał. BW 547), ~ *krasnopióra* (Dzied. 81), ~ *ogniopiórka* (Wał. PFiz. 290, Majew. II, 696), ~ *żółta, żółtooka* (Wał. BW 547, Majew. II, 696);

польск. *płocia żółta* (SW: «gwar.»);

русск. *плотица* (Кес. 1864, 113, Грац. 99: «неправильно»), *плотица — красноперка* (Аксак. 188);

укр. *плотйця* (Ш. и Т. 96), *плотйц'а красноп'íра* (в. т. р. Припять — АУМ), *płotyci* (р. Днестр; Галич — Barta 9, Barta RD 60), *płotycia* (рр. Днестр, Стырь, Прут в пределах Галиции — Now. 1889, 52, р. Днестр; Галич, Езополь — Barta 1877, 448, р. Прут; Черновцы — Jawor. 41, Now. 85); польск. *płocica żółta* (SW: «gwar.»); чеш. *plotice* (Frič 31); с.-хорв. *plotica* (Hirtz); ср. блр. *плотйца* 'нехищная рыба внешне типа плотвы (красноперка, подъязок и пр.)' (Олтуш, Луково — Крив. 171); с.-хорв. *plòtica* 'ime nekoj riečnoj ribi Scardinius plotizza' (Чаплин в Герцеговине, р. Неретва, Северин на р. Купа — RJA);

русск. *плотичка золотая* (р. Ока в пределах бывш. Нижегород. губ. — Варп. РНГ 46);

укр. *пл'íтка красноп'ера* (в. т. р. Юж. Буг — АУМ); блр. *плбтка красноnёра* (Рубель, Хоромск — Крив. 171); польск. *płotka czerwona* (SW: «gwar.»; рр. Висла, Днестр, Стырь, Прут в пределах Галиции — Now. 1889, 27, Краков — Now. 22, 33);

русск. *плотва* (р. Волхов, оз. Ильмень — Домр. и Правд. 253), ~ *красная* (р. Сура — Варп. РС 11), ~ *красноглазая* (р. Волга — Зол., р. Сура — Варп. РС 11), ~ *красноперая* (местами на Волге — Саб. 558, Вышний Волочек — Кес. 1870, 266, р. Сура — Варп. РС 11, р. Волга в пределах бывш. Нижегород. губ. — Варп. ОРБВ 51), ~ *красноперка* (Вышний Волочек — Вен. 115), *plotwa* (Pall. ZRA 317); укр. *плотва* (Вен. 115); блр. *плотва* (бывш. Могилев. губ. — Демб. I, 463).

plotica см. plot'

plotička см. plot'

plotka см. plot'

plotva см. plot'

podnika с.-хорв. *podnika* (Тополовац, Лоня, р. Сава — Hirtz).

radovka польск. *radowka* (Wyg. 458); кашуб. *radowka* (Benecke 134).

rdečeoka с.-хорв. *rdečeoka* (Hirtz);

словен. *rdečeokec* (Bajec III, 113).

rdečeokec см. rdečeoka

rdečeperka словен. *rdečeperka* (Pleteršnik); ср. словен. *rdečeperka* 'riba z rdečo plavutjo' (Bajec III, 113).

rumenica блр. *руменица, румяница* (Швенчен., Вилен., Трок. уу. бывш. Вилен. губ. — Зограф 99,178: «переделанное на рус-

ский язык польское название»); польск. *rumieniса* (SWil, SW: «gwar.», Ład., Wał BW 547: «книжное название, перевод лат. rutilus, нигде народом не употребляемое»).

ryba укр. *czerwona ryba* (р. Стрый — Now. 73, Now. 1881, 11); слвц. *červena ryba* (р. Бодва — Ferianc 38);

слвц. *červenooká rybka* (р. Орава — Ferianc 38); русск. *золотáя рыбка* (затон Furst Поползиха в н. т. р. Вятка — Лукаш 51); слвц. *zlata rybka* (р. Бодва — Ferianc 39).

rybka см. ryba

soroga русск. *сорóга* (р. Волга — Клыков), *сорога*, *сорока* (местами на р. Волга — Зол., Кес. 1870, 266, Саб. 558; вост. Россия — Кес. 1877, 256), *сорога* (бывш. Галич. у. Костром. губ. — СРНГ), *болотная* ~ (р. Малмыжка в н. т. р. Вятка — Лукаш 51), *сорóга краснопёрая* (н. т. р. Вятка — Лукаш 51), *сорога краснoперая* (бывш. Казан. губ. — Варп. ИФКГ 31), *сорóга-краснопёрка* (н. т. р. Вятка — Лукаш 51);

русск. *сорожина* (оз. Гусиное к западу от р. Селенга — ВР 1899 № 3, 111);

русск. *сорожка* (р. Свияга и ее басс. — Рузский 50);

русск. *сорожняк* (местами на р. Волга — Зол., Кес. 1870, 266; р. Свияга и ее басс. — Рузский 50; вост. Россия — Кес. 1877, 256).

sorožina см. soroga

sorožka см. soroga

sorožn'ak см. soroga

sor'uška русск. *сорюшка* (р. Волга — Зол., Кес. 1870, 266).

svin'uxa укр. *swyniuha* (рр. Днестр, Стырь, Прут в пределах Галиции — Now. 1889, 52, Вел. Мосты на р. Рата — Now. 55).

šarankesega с.-хорв. *šarankesega* (Андриевац, Роковац — Hirtz).

šaranova platika см. platika šaranova

šenkyrka чеш. *šenkýřka* (Frič 31).

taraška русск. *тарашка* (н. т. р. Волга — Гримм 1896, 116).

verxovka польск. *wierzchówka* (Wał. 47, Wał. PFiz. 291).

verxovodka польск. *wierzchowódka* (Wał. PFiz. 291).

verešsarno-keseg укр. *верешсарно-кесег* (Закарпат. обл. — Влад. 53).

vzdręg см. vzdręga

vzdręga польск. *bzdręga* (Огрудек, Пасым Щитнен. пов., Розенталь, Скарлин, Маженчице Любав. пов., Мазовше, Хелм — М.-К. 10; р. Пилица от Конецполя до Мнишова — Mis. 21), *bzdryŋga* (Лопенна в сев. Великопольше — Tomasz.: р. Нотец — Tomasz. MMW 115);

польск. *wzdręg* (Linde);

польск. *wzdręga* (до XVI в. — Rostaf. 397; SW, SDor; Вармия — Zn.-Prüf. 1953, 231; р. Рудава л. п. р. Висла, р. Скавинка п. п. р. Висла — Now 25, 33; Повислье — Wał. BW 547; Klucze 123: «и. т.»);

польск. *wzdręka* (Linde, SW);
польск. *wzdręnka* (Linde, SW), *wzdreńka* (Вармия — Zn.-Prüf. 1953, 231);
польск. *wzręka* (р. Висла — Wał. BW 560; Majew. II, 696);
польск. *zdranka* (SW: «gwar.»; юж. часть Ольштын. пов., Сувалки, Августов — М.-К. 11; р. Висла — Wał. 47, Wał. BW 560);
польск. *zdrań* (SW: «gwar.»);
польск. *zdreń* (SW: «gwar.», Majew. II, 696; Августов — Wał. 47);
польск. *zdrena* (мазур. — Majew. II, 696; SW: «gwar.»; Вармия — Zn.-Prüf. 1953, 231);
польск. *zdręga* (Dzied. 81, Мальборское Повислье — Zn.-Prüf. 1953, 231);
польск. *zdrenka* (спорадически в Мронгов., Гижиц., Щитнен., Оструд. и Любав. поветах — М.-К. 10);
польск. *zdryna* (спорадически в Гижиц., Мронгов., Элцком, Пишском, Нидзицком, Оструд. поветах — М.-К. 10: «только в 3-х пунктах выступает самостоятельно, в остальных случаях — вместе с *zdrynka*»);
польск. *zdrynka* (на всей территории Вармии и Мазуров — М.-К. 10), *zdryŋk'i* мн. ч. (р. Нотец — Tomasz. MMW 115);
польск. *zręka* (Majew. II, 696, SW: «gwar.», Wyg. 458).

vzdrenka см. vzdręga
zdranka см. vzdręga
zdran' см. vzdręga
zdren' см. vzdręga
zdrena см. vzdręga
zdręga см. vzdręga
zdrenka см. vzdręga
zdryna см. vzdręga
zdrynka см. vzdręga
zlata rybka см. ryba
zręka см. vzdręga
zruk чеш. *zruk* (Wał. 47), *zruka* (Литол — Frič 31; Dyk 230: «старое название этой рыбы»).
zruka см. zruk
žerx русск. *жерх* (Астрахань — Герд ДД).
židovka слвц. *židovka* (Ловашовце — Ferianc 39).

Жерех Aspius aspius L.

albaluk с.-хорв. *albaluk* (Дивич, Босански Брод — Hirtz), *arbaluk* (Будишич — Hirtz);
с.-хорв. *albuk* (Двор — Hirtz).
avat русск. *avat* (липоване в Добрудже — Antipa 169); укр. *авáта* (ниж. Поднестровье, Красная Коса Старокозац. р-на — Бер-

лізов 26); болг. *авáт* (р. Дунай; Тулча, Тутракан — Вакар. 54).

Ср. румын. *avat*, *havat* (Antipa 169), *haйt* (Молдавия — Antipa 169), *havut* (Бессарабия — Antipa 169).

bajn см. bolen

balan см. bolen

balin см. bolen

baling см. bolen

balind см. bolen

balkovan болг. *балкован*, *балъкван* (Моров 52).

belaja ryba см. beloryb

belanik слвц. *belánik* (Зволен, Мотева — Ferianc 40: «из-за светлой чешуи»).

с.-хорв. *bjelav* (Дивич — Hirtz).

belec польск. *bielec* (SW: «gwar.», р. Сан; Ярослав — Now. 43);

польск. *bieleń* (SW, р. Тисменица в Подлясье — Wał. BW 534);

польск. *bielica* (Wał. PFiz. 290);

укр. *білúнá* (Жел.), *білина* (Галиция — Majew. II, 94);

русск. *бéлест* (на юге — Берг 603, ворон., Юж. Россия — СРНГ), *белест* (р. Ворона — Саб. 779), *белесть* (бывш. Смолен. губ. — Зол., Саб. 779), *белесь* (бывш. Чембар. у. Пензен. губ. — Магн. 17); укр. *белест* (Новороссия — Кес. 1877, 265), *бiлест* (Ш. и Т. 79), *белесть* (Новороссия — Саб. 779, РСР 61), *білесть* (Нік. 58), *belest* (Pall. ZRA 311); блр. *бéлест* (Берг 603), *белест* (Воронин 22);

русск. *белёзна* (смол. — Клыков), *белезнá* (смол., Юж. Россия — СРНГ), *белезна* (бывш. Смоленск. губ. — Зол., Саб. 779, верховья р. Днепр — Домр. 148), *белúзна* (смол. — Клыков, р. Сож — Добр., юж. — Даль I, стр. 153: под *бѣлый*; побережье Азов. моря — Кузн. ПАБ 101), *белизна* (рр. Сейм, Свапа в пределах Курск. обл. — Гладк. 49, р. Сейм — Саб. 779, верховья р. Днепр — Воронцов 1930, 142, Домр. 148, р. Ока и ее притоки близ г. Орел — Тарачк. 19, почти вся южная Россия — Кес. 1860, 236, побережье Черного моря — Кузн. ОРР 17, оз. Палеостоми — Зол.), *belisna* (Güld. I, 174), *belizna* (липоване в Добрудже — Antipa 169); укр. *белёзна* (Клыков), *белезна* (Новороссия — Саб. 779, р. Днепр — Кес. 1882, 9), *білúзна* (Жел., СУМ, н. т. р. Днестр — Гринченко; Ш. и Т. 79, Никончук КД: «название по цвету»), *білизна* (М. и К. 97: «и. т.», Галиция — Majew. II, 94, н. т. р. Припять — Ляш. 57), ~ *хижа* (Трет. 42: «и. т.»), *билúзна* (Николаевка Овидиопольского р-на в ниж. Поднестровье — Берлізов 29), *белизна* (Новороссия — Кес. 1864, 108, басс. р. Днепр — Емел. 27: «так как выскакивает над водой и показывает свое белое брюхо», Аутодаров 109), *belesna* (Pall. ZRA 311); блр. *белúзна* (Рубель, Хоромск, Боложевичи, Конотоп, Дерно-

вичи, Довляды — Крив. 166; Берг 603), *белізна* (Славгород. р-н Могилев. обл. — Яшкін 125: «знают название этой рыбы»), *белезна* (бывш. Могилев. губ. — Демб. II, 552), *белизна* (бывш. Витеб. губ. — Домр. и Правд. 168, р. Днепр — Жуков РБ 208: «м. н., повсеместно», рр. Сож, Остер, Ипуть — Воронцов 1927, 24), *бялізна* (Аўчын. 189: «и. т.»), *bielezna* (р. Неман — Wał. BW 550); польск. *bielezna* (SW), *bielizna* (Karł. SGP, SW, р. Неман, Августово — Wał. BW 534, 550);

русск. *белёзень* (донск. — Сол. 25);

укр. *билизня́к* (Николаевка Овидиопольского р-на в ниж. Поднестровье — Берлізов 29);

русск. *белезни́чка* (побережье Азов. моря — Кузн. ПАБ 101: «уменьшит. от *бели́зна*»);

русск. *белуга* (местами — Кес. 1877, 265, Саб. 779: «неправильно»); укр. *білю́га* (Бутины, Скоморохи — Врх. ГБ 252; Галиция — Ш. и Т. 79), *білюга* (Врх. НЗн. 26), *белуха* (р. Буг — Зол.), *beluha* (Вел. Мосты на р. Рата — Now. 54), *biluha* (р. Стырь — Now. 1889, 52); блр. *белуга* (Жуков РБ 208: «м. н.»), *белюга* (р. Припять — Жуков РБ 208: «м. н.»), *бел'у́га* (Власовцы, Лопатин, Рубель, Хоромск — Крив. 166); польск. *bieluga*, *bieluha* (р. Нарев близ г. Тыкоцин — Gloger, Karł. SGP), *bieluga* (SW: «gwar.»; р. Буг — Wał. BW 550: «из-за белого цвета чешуи»), *biluga* (р. Буг — ER V, 341), *bieługa* (Staff 284);

укр. *biluka* (р. Стырь — Now. 57, Małacz. 60);

укр. *білюза* (Ярный Лужок — Врх. НЗн. 26);

блр. *белюзна* (Славгород. р-н Могилев. обл. — Яшкін 125).

belen' см. belec

belest см. belec

bele(i)zna см. belec

belezen' см. belec

belezn'ak см. belec

beleznička см. belec

belica см. belec

belina см. belec

beloryb польск. *białoryb* (SW: «gwar.»; р. Буг — Wał. BW 534: «из-за белого цвета чешуи»);

укр. *білори́ба* (Галиция, р. Юж. Буг — Ш. и Т. 79);

русск. *белорыбица* (Михайловский пруд в Ниж.-Сергин. р-не Свердлов. обл. — Ревн. 216: «так как жерех внешне похож на лососевых»; местами — Саб. 779: «неправильно»);

русск. *белая рыба* (местами — Кес. 1877, 265, Саб. 779: «неправильно»), *bjelaja ryba* (Pall. ZRA 311: «крупные экземпляры»).

belorуba см. beloryb

belorybica см. beloryb

belosper блр. *беласпёр* (Славгород. р-н Могилев. обл. — Яшкін 125: «знают название этой рыбы»), *белоспер* (р. Неман — Жуков РБ 208: «обычное название»), *белоспер*, *белошпер* (р. Неман — Зограф 98, 280), *białáspiór* (р. Неман — Zn.-Prüf. RD 7).
bel(l')uga см. belec
beluxa см. belec
bel'uka см. belec
bel'uza см. belec
bel'uzna см. belec
bolen с.-хорв. *bajin* (Hirtz), *bajn* (Сарваш, Биело Брдо, Стара Драва — Hirtz), *бајн* (РСХКНЈ); ср. *bajin* 'nekaka riba u Srbiji' (RJA);

с.-хорв. *balan* (Hirtz);

слвц. *balíń* (Прешов — Ferianc 40), *balyn* (Ниж. Дяла — Ferianc 40, с.-хорв. *balin* (Валпово, р. Драва — Hirtz), *ба̀лин* (РСХКНЈ: «покр.»);

укр. *балінд* (Закарпат. обл. — Кол. 28, М. и К. 97), *балинд* (Закарпат. обл. — Влад. 55); слвц. *balind* (р. Ронява, Кузмице — Ferianc 40), *bulind* (Требишов — Ferianc 40);

слвц. *baling* (Кошице — Ferianc 40);

с.-хорв. *bolan* (Мирковцы, Винковцы, р. Босут — Hirtz), *бо̏лан* (Марковцы — РСХКНЈ: «покр.»), *boljan* (Купинец—Братина — Hirtz), *бо̏љан* (Купинец—Братина — РСХКНЈ: «покр.»);

укр. *боинг* (Закарпат. обл. — Влад. 55), *бóлень* (Галиция — Ш. и Т. 79), *болень* (Угорщина — Врх. НЗн. 26); польск. *boleń* (SWil, SW: «gwar.», SDor; р. Тисменица в Подлясье — Wał. BW 534, 550; р. Вилия — Tyszk. 88; р. Висла от г. Освенцим до устья р. Сан, устье р. Дунаец, р. Сола п. п. р. Висла — Now. 21, 27; рр. Дунаец, Вислока, Кшеменица — правые притоки р. Висла — Now. 36, 41, 43; Klucze 115: «и. т.»); чеш. *bolen* (PSJČ, Frič 27: «и.т.»), ~ *dravý* (RP 111, Šimek 1954, 91: «и. т.». Dyk: «и. т.»); слвц. *bojin* (Забодрожье — Ferianc 40), *bolen* (Ferianc 40), *boleń* (р. Турец — Ferianc 40), *bolien* (Тренчин — Ferianc 40), *bolin* (Забодрожье, р. Ронява — Ferianc 40), *boling* (р. Ольшава — Ferianc 40), *boleń obyčajný* (RP 111, Šimek 1954, 91: «и. т.»); с.-хорв. *bolem* (р. Босут — Hirtz), *бо̏лем* (Иванково — РСХКНЈ: «покр.»), *bolen* (Карловац, рр. Драва, Бедня, Ясеновац, Вараждин, Вел. и Мал. Буковец, Вирьянски Конацы, Лудбрег, Железница. Врбановец, Загреб, Еждовац, Петрушевац, Мартинска Вес, Тополовац, Крапе, Лоня, Писаровина, Ласиня, Глибоки Брод, Рибари, Речица, Ференцы, Залика, Заячко Село, Мркополе, Петриня, Сисак, Криж — Hirtz), *бо̏лен* (Иванково — РСХКНЈ: «покр.»), *bolijen* (р. Уна — Hirtz), *бо̏лиjен* (РСХКНЈ: «покр.»), *bolin* (Крапина, р. Сава —

Hirtz), *болин* (РСХКНJ), *boljen* (Герцеговац, Уштица, Ясеновац, Стружец, Осеково, Репушница, Босилево, Босанска Дубица — Hirtz), *бȍљен* (РСХКНJ: «покр.»); словен. *bǫ́len* (р. Крка — Pleteršnik), *bólen* (SSKJ);

с.-хорв. *boljvan* (р. Чесма — Hirtz), *бо́љван* (РСХКНJ: «покр.»); *bolun* (рр. Глина, Мая — Hirtz), *бо̏лун* (РСХКНJ: «покр.»), *bulen* (Андрияшевцы, Роковцы на р. Босут, Питомача на р. Драва — Hirtz), *бу̏лен* (РСХКНJ: «покр.»), *bulijen* (Дубица — Hirtz); ср. румын. диал. *boulean* (Antipa 169);

с.-хорв. *bolenika* (Hirtz), *boljenika* (Врбовляни — Hirtz), *бољѐника* (РСХКНJ: «покр.»);

польск. *bolonek* (Галиция — Now. 1889, 52).

bolan см. bolen

boin(g) см. bolen

bolenika см. bolen

bolin(g) см. bolen

bol'onek см. bolen

bol'van см. bolen

bolun см. bolen

brzac с.-хорв. *бр̀зац* (Дубица — РСХКНJ: «покр.»), *бр̀зак* (РСХКНJ: «по томе, што је *брза*, т. ј. живо лети поврх воде»).

brzak см. brzac

buc с.-хорв. *buc* (Бос. Брод на р. Сава — Hirtz), *бу̂ц* (РСХКНJ: «покр.»);

с-.хорв. *buca* (Тузла — Hirtz);

с.-хорв. *bucika* (рр. Босут, Босна, Матура, Сава; Врбас, Градиште в Славонии, Врбовляни, Свиняр, Окучане, Стара Градишка, Мачковац, Нови Град, Доня Бебрина, Оролик, Слаковцы — Hirtz), *бу̀цика* (Варница — РСХКНJ);

слвц. *bucko* (Сарваш — Ferianc 40);

слвц. *buco* (Ferianc 40); с.-хорв. *buco* (Тузла — Hirtz), *бу̂цо* (РСХКНJ).

Ср. венг. *buczó* 'окунь' (РСХКНJ II, стр. 328: под *бу́цов*, Ferianc 40: «Aspro streber a zingel; v dialektoch označujú ním aj boleňa»);

с.-хорв. *bŭcoňa* (RJA), *buconja* (Петриня на р. Купа; Сербия — Hirtz), *бу́цоња* (РСХКНJ), *бу́цоње* (Кулич — РСХКНJ);

с.-хорв. *bŭcov* (RJA: «od mağ. *bucó* 'streber—barsch'), *bucov* (Срем, Вуковар, Опатовац, Шаренград, Сусек, Беочин, Каменица, Крчедин, Стари Сланкамен, Белегиш, Сурдук, Чортановцы, Бешка, Стари и Нови Бановцы, Батайница, Земун, Купиново, Рачиновцы, Раево Село, Жупаня, Штитар, Кобаш, Тополовац, Сурчин, Дони Михоляц, Сисак, Живике, Липовац, Морович, Апшевцы, Андрияшевцы, Роковцы, Мирковцы, Джелетовцы, Кометинцы, Адашевцы, Вашица — Hirtz), *бу́цов* (РСХКНJ);

с.-хорв. *bucovkaš* (Земун — Hirtz: «dem. od *bucov*»).
Hirtz: «*bucov*, jer joj je tijelo *bucasto*, t. j. puno, mesnato».
buca см. buc
bucika см. buc
bucko см. buc
buco см. buc
bucon'a см. buc
bucov см. buc
bucovkaš см. buc
bulind см. bolen
bul' слвц. *búl'* (Поважье — Ferianc 40: «dialektická modifikácia slova *bul*, čo znamená ľudove zasa býka, bujaka»).
čengene-balъk болг. *ченгене-балък* (Моров 52).
čerex русск. *черех* (н. т. р. Волга — Зол., Кес. 1877, 265).
čerespel русск. *череспел* (р. Оредеж — Саб. 779).
delesp'or блр. *делеспер* (р. Неман — Жуков РБ 208).
xajuz русск. *хаюз* (р. Кама — Зол., Варп. ИФКГ 34, Саб. 779).
xaramija болг. *харамúя* (Геров), *харамия* (Моров 52, Дрен. 77, Коев и др. 62); с.-хорв. *ramija* (RJA: «ovo je okrńene riječ *haramija*, a ńome je vrlo dobro prozvana ova ribļa vrsta, jer ona hvata ribu sitnicu i baca je uvis»; Босния, Будаковац — Hirtz: «Wörtlich Räuber, ad verbum latro; ime *ramija* jest arapskoga podrijetla. *Harami* znači razbojnik (harambaša), a *ja* jest dodano po slavenskom»), *рамиjа* (РСХКНJ II, стр. 328: под *бу́цов*).
xašam русск. *хашáм* (Клыков: «жерех южнокаспийский»), *хашам* (р. Кура — Кес. 1877, 265, А. Ник. 691).
xvat укр. *фат* (р. Днестр — Кес. 1860, 243, Кес. 1877, 265; р. Днестр; Езополь — Barta 1877, 448; ср. т. р. Днестр — Кес. 1864, 108, Саб. 779, А. Ник. 691; р. Днестр; Галич — Barta RD 60; бывш. Каменец-Подольск. губ. — Зол., Саб. 779; Подолия — Берг 603; Бильче Чертков. р-на — Majew. II, 94; Василев на р. Днестр — КДА), *fat* (р. Днестр — Barta 9; р. Днестр от истока до впадения р. Збруч — Now. 59, 62; рр. Сивка, Кропивник, Болоховка, Чечва в бывш. Калуш. пов. — Now. 76, 68; р. Ломница в пределах бывш. Калуш. пов. — Now. 76; рр. Быстрицы Солотвинская и Надворнянская; Солотвин, Станислав, Галич — Łom. 52; р. Прут близ г. Черновцы — Now. 84); *хват* (р. Днестр в пределах бывш. Каменец-Подольск. губ. — Кес. 1860, 243, РСР 61, Зол., Саб. 779; Подолия, Галиция — Ш. и Т. 79; Подолия — Берг II, 603), *chwat* (р. Днестр — Wał. BW 550); польск. *chwat* (SW; р. Сан; Высоцк, Ветлин, Черцы — Now. 43; р. Любачовка — Now. 47; бывш. Каменец-Подольск. губ. — Majew. II, 94; Wyg. 442: «м. н.»), *fat* (SW: «gwar.»; в. т. р. Сан; Перемышль, Ярослав, Высоцк, Ветлин — Now. 44; Радава — ZR 26, Now. 47);

укр. *фатйнка* (верховья р. Днестр — Ш. и Т. 79), *фатынка* (верховья р. Днестр — Зол., Саб. 779); польск. *fatynka* (SW: «gwar.»; рр. Шкло, Вишня — притоки р. Сан — ZR 26, Now. 48).

fatynka см. xvat

xvučan болг. *хвучан*, *фучан* (Геров).

goloven' укр. *hołoweń* (Лопатин, р. Стырь — Now. 57).

gonec русск. *гоне́ц* (тульск. — Клыков), *гонец* (Тула — Зол., Саб. 779; бывш. Тульск. губ. — РСР 61; местами неправильно — Кес. 1877, 265); блр. *honiec* (р. Вилия — Tyszk. 88).

goran болг. *горан* (Моров 52).

jas слвц. *jas* (Ferianc 40).

kobyla русск. *кобыла* (Нов. Ладога — Зол., Кес. 1864, 108, Кес. 1877, 265, Саб. 779); укр. *кобила* (р. Сев. Донец — М. и К. 97).

kon' русск. *конь* (яросл. — Волоцкий, Мельниченко 92; р. Волхов, оз. Ильмень — Домр. и Правд. 168: «мелкие экземпляры»; на Севере — Берг 603; рр. Ока, Кама — Зол., Кес. 1864, Саб. 779, А. Ник. 691; р. Ока и ее притоки близ г. Орел — Тарачк. 19; реки Урала — Цех. 115; р. Кама — Клыков; рр. Кама, Веслена, Вишера, Кельтма, Колва — Ревн. 216: «иногда»), *kon* (р. Волхов, оз. Ильмень — Güld. I, 8: «einen Fuß lang ist»; р. Кама — Pall. ZRA 311); блр. *конь* (бывш. Могилев. губ. — Демб. I, 463, II, 552).

Ср. нем *Rappe* 1) 'вороной конь', 2) 'жерех'.

русск. *коняга* (рр. Ока, Кама — Зол., Кес. 1877, 265, РСР 61);

русск. *конек* (р. Волхов, оз. Ильмень — Домр. и Правд. 168: «мелкие экземпляры»; рр. Ока, Кама — РСР 61);

русск. *коненок* (реки Урала — Цех. 115).

kon'aga см. kon'

kon'ok см. kon'

kon'onok см. kon'

kur'ak с.-хорв. *kurjak* (Бабска—Новак, Смедерево — Hirtz: «Wörtlich Wolf, ad verbum lupus»).

Ср. *kȕrjak* 'ńekakva riba' (Смедерево — RJA: «preneseno kao ńekijem drugȳem životińama»).

landov с.-хорв. *landov* (Мачва, р. Сава; Сриемска Митровица, р. Дрина — Hirtz), *ландов* (РСХКНЈ II, стр. 328: «под *бу̏цов*»).

lasper см. rasper

makl'a с.-хорв. *maklja* (Hirtz), *makļe* (Сербия — RJA: «n. ili f. pl.?»), *макље*, *макљи* (РСХКНЈ II, стр. 328: «под *бу̏цов*»).

nel'ma sylvenskaja русск. *сылвенская нельма* (р. Сылва — Меньш. 391: «ошибочно»; Ревн. 216: «так как жерех напоминает лососевых»).

palan русск. *пала́н* (р. Шексна — Клыков), *палан* (р. Шексна — Зол., Кес. 1877, 265); ср. русск. *пала́н* 'род рыбы' (Шеброво

Белозер. р-на Новгород. обл. — СРНГ).
ramija см. xaramija
rap польск. *rap* (SW, SDor, p. Висла — Wał. BW 534, Wyg. 442: «м. н.», Klucze 115), ~ *białoryb* (Jar. 65, Leś. 463), *rap'* (Варшава — Wał. BW 550), *rop* (Pracki: «nm. *Raap*»);

польск. *rapa* (Linde, SW, Karł. SGP, Ład., Варшава — Wał. BW 550, Wyg. 442: «м. н.»); с.-хорв. *rapa* (Hirtz: «od njem. *Rappe*»).

Ср. лат. *rapax*, нем. *Rapf*, *Raape* (Vogt u. Hofer 421: «Volksnamen im Norden»); нем. *Raap*, др.-прусск. *rapis* (Benecke 130).
rapa см. rap
rasp'or русск. *распёр* (новг., pp. Ловать, Мал. Тудер — Герд ДД); польск. *rozpiór* (SW, ER III, 241, Wyg. 442: «м. н.»); болг. *ласпéр*, *разпéр* (Геров), *ласпер*, *распер* (Моров 52, Дрен. 77, Коев и др. 62), *ràsper* (Wak. 49).
sig русск. *сиг* (Белое оз. — Грац. 128: «неправильно», р. Ока и ее притоки близ г. Орел — Тарачк. 19);

русск. *сигóвая мать* (Стар. Ладога — СРНГ).
sigovaja mat' см. sig
strelka болг. *стрéлка* (Геров).
šep'or русск. *шепёр* (Кес. 1877, 265, ср. и н. т. р. Волга — РСР 61), *шпер* (р. Клязьма — Саб. 779, р. Мокша — Магн. 17, р. Сура — Зол., Варп. РС 11: «м. н.», р. Волга в пределах бывш. Казан. губ., р. Меша п. р. Кама — Варп. ИФКГ 34, 60);

русск. *шерапер* (Домр. и Правд. 168);

русск. *шиштапёр* (бывш. Пор. у. Смолен. губ. — Добр.).
šerap'or см. šep'or
šerex см. žerex
šerepen' русск. *шерепень* (Кес. 1864, 108, ср. и н. т. р. Волга — РСР 61), *шéрешпиль* (Стар. Ладога — СРНГ), *шерешпель* (р. Волхов, оз. Ильмень — Кучин ИО 47); блр. *żereśpień* (р. Вилия — Tyszk. 88).
šeresp'or русск. *железперы* мн. ч. (Псков.—Чуд. оз. — РЧП 92; Грац. 128), *шелеспер* (курск., р. Сейм, орл., р. Сосна, н. т. р. Любовша — Герд ДД), *шéреспер* (р. Волхов — СРНГ), *шереспёр* (ССРЛЯ: «обл.», н. т. р. Волхов, орл., р. Сосна, н. т. р. Любовша — Герд ДД), *шереспер* (на севере — Берг 603, р. Волхов, оз. Ильмень — Варп. РИВ 62, Домр. и Правд. 168: «крупные экземпляры», верхняя Волга, Вышний Волочек, Осташков, Ржев, Старица, Тверь, Новое — Кес. 1870, 264, под Москвой — Саб. 779, Мочар. 112: «имя вполне принадлежащее Москве, . . . из всех карповых не найдется, кажется, ни одной рыбы, которая бы имела столько местных названий, как Aspius rapax, до такой степени местных, что жители одного речного бассейна, хорошо знакомые с этой рыбой, никогда не признают ее под названием, принадлежа-

щим другому бассейну», рр. Сож, Остер, Ипуть — Воронцов 1927, 24, р. Мокша — Магн. 17, р. Ока близ г. Орел — Тарачк. 19, басс. р. Волга в бывш. Нижегород. губ. — Варп. РНГ 58, 77, басс. р. Свияга — Рузский 55: «редко», рр. Кама, Веслена, Вишера, Кельтма, Колва, Чусовая — Ревн. 216: «иногда»), ~ *хищный* (Кес. 1870, 264: «и. т.»), *шира́спер* (Шартова на Псков. оз. — Кузн. РС), *шираспёр* (бывш. Юхнов. у. Смолен. губ. — Добр.), *scherespör* (Pall. ZRA 311), *шерешпер* (верхняя Волга, Москва — Зол.), *schereschper* (р. Волхов, оз. Ильмень — Güld. I, 8); блр. *жереспер* (р. Зап. Двина — Жуков РБ 208), *шереспер* (р. Неман — Жуков 1958, 79: «иногда», бывш. Могилев. губ. — Демб. II, 552).

šerešpe(i)l' см. šerepen'

širm чеш. *schirm* (Ческе-Будеёвице — Heckel u. Kner 144).

šištap'or см. šep'or

šp'or см. šep'or

vil'k польск. *вильк* (Зол., Саб. 779).

vodyk укр. *водик* (Закарпат. обл. — Влад. 55).

želesp'or см. šeresp'or

žerex русск. *жéрех* (Даль[2] IV, стр. 629: под *шереспер*, Сл. АР, ССРЛЯ, Стар. Ладога, перм. — СРНГ, н. т. р. Вятка — Лукаш 53: «м. н.», р. Летка — Дрягин РЛ 5, басс. р. Вятка от г. Вятка до устья р. Летка — Дрягин РБВ 122, басс. р. Вятка выше г. Слободской — Лукаш РБВ 11), *жéрих* (ССРЛЯ: «устар. напис.», бывш. Покров. у. Владимир. губ., Саратов — СРНГ, псков. — Герд ДД), *жерех*, *жерих* (р. Волга от Углича до Астрахани — Зол., Кес. 1870, 264, р. Десна — Саб. 779, рр. Сож, Остер, Ипуть — Воронцов 1927, 24, бывш. Казан. губ. — Зол., р. Сура — Варп. РНГ 37, Варп. РС 11, Магн. 17, бывш. Царевококшайск. у., р. Свияга и ее басс., р. Цивиль и ее басс., рр. Илеть, Меша, Шешма — притоки р. Кама — Варп. ИФКГ 14, 45, 46, 58, 60, 63, р. Ветлуга, басс. р. Волга в бывш. Нижегород. губ. — Варп. РНГ 30, 58, 77, н. т. р. Волга — Кис. 39, рр. Кама, Веслена, Вишера, Кельтма, Колва, Чусовая, Урал, Белая, Уфа — Ревн. 216, низовые губернии — Аксак. 274, побережье Касп. моря — Кузн. ОРР 17, р. Терек — Кузн. ТРП 44), *шéрех* (Даль[2] IV, стр. 629: под *шереспер*), *шерех* (почти во всех великорусских губерниях — Кес. 1864, 108, Владимир, р. Клязьма — Паллас I, 31, р. Цивиль п. п. р. Волга и ее басс., рр. Бол. Кокшага, Мал. Черемшан, Меша — притоки р. Кама — Варп. ИФКГ 45, 48, 59, 60, н. т. р. Волга, Астрахань — Зол., Кес. 1877, 265), *schèrech* (Pall. ZRA 311), *scherech* (р. Терек — Güld. I, 174); блр. *жэрах* (БРС);

русск. *жерёха*, *жери́ха* (терск. — СРНГ);

русск. *жерешишка* [жыр'ишы́шкъ] (СРНГ: «уничтожит. к *жерех*»).

Ср. русск. *жёрих* 'крупная рыба' (Трескино Мокшан. р-на Пенз. обл. — СРНГ), татар. *жерéх* (Рузский 55, Казань — Герд ДД: «вероятно, проникло в восточнославянские диалекты Поволжья из соседних татарско-казан. диалектов»).
žerešiška см. žerex
žer'o(i)xa см. žerex
žeresel' блр. *жересель* (р. Зап. Двина — Жуков РБ 208).
žerespen' см. šerepen'
žeresp'or см. šeresp'or
žerest' блр. *жересть* (р. Зап. Двина — Жуков РБ 208);
блр. *жерествень* (Саб. 779), *żerestwień* (р. Зап. Двина — Plater 1861, 40), *жерествиль* (Саб. 779), *żeraśćwiel* (р. Зап. Двина — Plater 1861, 40).
žerestven' см. žerest'
žerestvil' см. žerest'
živost'or блр. *живосцер* (бывш. Витеб. губ. — Никиф. 493), *живостер* (р. Зап. Двина — Сап. 225), *жывасьцёр* (Витебщина — Касп.).

Линь Tinca Tinca L.

bahnik слвц. *bahnik* (Соб — Ferianc 42, 43: «nazov opiera sa o etologickú vlastnost' lieňa, že rád vyhl'adáva hlboké bahnité miesta»).
blatarka болг. *блатарка* (Моров 34, Коев и др. 74).
cigan слвц. *cigáň* (Кошице — Ferianc 42, 43: «podl'a farby»);
укр. *цыганска рыба* (Закарпат. обл. — Влад. 57); слвц. *cigánska ryba* (рр. Ольшава, Нитра, Ипель — Ferianc 42, 43: «podl'a farby»).
ciganska ryba см. cigan'
cvičenica с.-хорв. *cvičenica* (Hirtz).
glinar макед. *glinar* (оз. Дойран — Hirtz).
il'nik русск. *ильни́к* 'линь, который нерестится во время цветения льна' (бывш. Смолен. губ. — Добр.).
kalenik болг. *калени́к* (Геров), *каленик* (БТР стр. 374: под *лин*, РБР, Христ. 426, Моров 34), *kalenìk* (Wak. 49);
болг. *калени́ча* (Геров: «ум. от *каленик*»).
kaleniča см. kalenik
kalin'ak укр. *kaliniak* 'линь, который нерестится во время цветения калины' (р. Стырь — Małacz. 60, Now. 57); польск. *kaliniak* (SW: «gwar.»).
kara-balъk болг. *кара-балък* (Моров 34).
Ср. башк. *карабалык* то же (озера юго-вост. склона Среднего Урала — Саб. РСУ 67), татар. *кара-балык* то же (Зауралье — Кес. 1877, 258).
!karas' žirovoj русск. *жировой карась* (р. Шексна — Зол., Саб. 446).

klin польск. *klin* (Ростоки, Весолово, Тухлин, Глодово, в Пишском пов., Пурда в Ольштын. пов., Мончице в Щитнен. пов. — М.—К. 17); кашуб. *klёń* (Горенчин — Lor. PW).

krasnaja ryba см. ryba

len' русск. *лен* (Оса Перм. обл. — Ревн. 216), *алéнь* (Мещовск — Черныш. 1898, 70), *лень* (XVIII в. — СРНГ, Юрьев Польский, Клин, Покровск, Мещовск, Мосальск, Калуга, Суздаль, Романовская Ростов. обл., Челябинск, Чердынь, Шадринск, Томск. обл., Сред. Прииртышье — СРНГ; урал. — Доп. к Опыту, Даль²: «вероятно линь», псков. — Герд. и др. 31, Мещовск — Черныш. 34, бывш. Пенз. губ. — Магн. 18, реки Урала — Цех. 119: «иногда, неправильно», Куеда, Манчаж, Красноуфимск, Тугулым, Сухоложье, Каменск, Челябинск, Щучье озеро — Ревн. 216, р. Летка — Дрягин РЛ 5: «м. н.», н. т. р. Вятка — Лукаш 54, басс. р. Вятка от г. Вятка до устья р. Летка — Дрягин РБВ 122, ср. т. р. Обь — СРГБО), *лени́* мн. ч. (Суздаль, Абакумово бывш. Суздальск. у. Владимир. губ., Глазково бывш. Твер. у. Твер. губ. — СРНГ); укр. *лень* (Жел.); слвц. *len*, *léń* (Ferianc 42), *lien* (Погронье, Зволен — Ferianc 42), *lień* (SSJ, рр. Турец, Орава; Тренчин — Ferianc 42), ~ *obyčajný* (SSJ, Dyk 234, Palko 36: «и. т.»);
русск. *ленёк* (горьк., урал. — СРНГ, Кишерть — Ревн. 216, Уржум — Лукаш 54), *ленóк* (волог., вят., томск. — СРНГ); укр. *ленóк* (Черниговщина — Ш. и Т. 98).

l'ef слвц. *lief* (Ferianc 42).

lin' русск. *линь* (РЛ XVIII, Сл. АР, Даль², ССРЛЯ, урал., сиб. — СРНГ, бывш. Смолен. губ. — Добр., р. Волхов, оз. Ильмень — Варп. РИВ 57: «м. н.», р. Москва — Мочар. 110, р. Ока близ г. Орел — Тарачк. 12, рр. Сейм, Свапа — Гладк. 49, бывш. Пенз. губ. — Магн. 18, р. Ирбит — Булыч. 34, р. Мал. Кокшага, бывш. Казан. губ. — Варп. ИФКГ 14, 32, рр. Ока, Ворсма, Теша — Варп. РНГ 45, 50, 54, р. Сура — Варп. РС 8, басс. р. Волга в пределах бывш. Нижегород. губ. — Варп. ОРБВ 65, басс. р. Урал — Навозов 273, реки Урала — Цех. 119, Ревн. 216, р. Терек — Кузн. ТРП 43), *льнѝ* [лини] (Литвиново бывш. Дурыкин. волости Москов. у. — Черныш. 34), *lene* [линь] (Холмогоры Арханг. обл. — Ларин СД 193), *lin* (р. Волхов, оз. Ильмень — Güld. I, 8, липоване в дельте р. Дунай — Antipa 122); укр. *лин* (XVII в. — Тимч. КІС; Гринченко, Станишевка на сев. Житомир. обл. — Никончук КД, в. т. р. Припять, Самбор, Дрогобыч, в. т. р. Случ, Каменец-Подольский — АУМ, ниж. Поднестровье — Берлізов 52, н. т. р. Припять — Ляш. 57; Белінг 1928, 85: «и. т.»), ~*озерний* (Трет. 50: «и. т.»), *линь* (Жел., Галиция — Ермолов 725, по всей Украине и Галиции — Ш. и Т. 98; Закарпат. обл. — Влад. 57), *лѐн* (Брусница, Василев, Лашковка, Корытное Черновиц. обл. — КДА), *лін* (Полесское на сев. Жи-

томир. обл. — Никончук КД; Закарпат. обл. — Кол. 25), *л'ін* (Листвин на сев. Житомир. обл. — Никончук КД), *л'ін'* (буковинск. — Прокоп.; ср. т. р. Днестр — АУМ II); *len* (р. Липа Гнилая — Now. 66), *lin* (Жерчице на территории ПНР — АУМ II; р. Днестр, Езополь — Barta 1877, 448; р. Збруч; Гусятин — Now. 62; Солотвин, Станислав, Галич — Łom. 51), *łen* (р. Прут в р-не г. Черновцы — Now. 84, Jawor. 42), *łeń* (р. Прут при впадении р. Черемош — Now. 85), *łyn* (в. т. р. Буг — Now. 50; р. Золочевка приток р. Буг — Now. 51; Вел. Мосты на р. Рата п. п. р. Буг — Now. 55; р. Стырь; Лопатин; р. Днестр от устья до впадения р. Збруч — Now. 57, 59; р. Днестр — Barta RD 60; р. Ломница — Barta 9; рр. Збруч, Серет, Стрыпа — Now. 61, 63, 65; рр. Сивка, Кропивник, Болоховка, Ломница в пределах бывш. Калуш. пов. — Now. 75, 76; Подолия, р. Серет — Majew. II, 780); блр. *лин* (Заречка, Луково, Здитово, Спорово, Велута, Пуховичи, Голубица, Боложевичи, Злодин, Антонов, Конотоп, Derновичи, Довляды — Крив. 169; Жуков РБ 217: «м. н.»), *линь* (XV—XVII вв. — Купрэенка 1964, 152; оз. Льстивое в бывш. Витебск. губ. — Варп. ЗИФР 239; бывш. Витеб. губ. — Никиф. 493; бывш. Могилев. губ. — Демб. I, 462; Жуков РБ 217: «м. н.»), *лін* (Кузнецов. р-н Витѐб. обл. — Касп.; р. Песчанка Славгород. р-на Могилев. обл. — Яшкін 122; Слуцк — Салян. 20; Аўчын. 189: «и. т.»), *лінь* (Пухов. р-н на Червенщине — Шат.; БРС; Жуков РБ 217: «и. т.»), *lìn* (оз. Дуб, Ильгис, Лот, р. Неман; Друскининкай — Zn.-Prüf. RD 6), *lin* (оз. Тракай — Zn.-Prüf. RT 6; Княж-озеро, р. Мозырь — Mosz. PW 19; р. Вилия — Tyszk. 88); польск. *lin*, *sentalin* (Rostaf. 397), *lin* (1389r.—SStp; Majew. II, 780: «Falimierz 1534, Siennik 1568, Knap. 1621»; Linde, SWil, SW: «może zapożyczone; Miklosich zbliża S. Gnm. *slio* i Szwed. *lindare*»; SDor; Jar. 58; Вармия и Мазуры — M.—K. 17, Радомско, бывш. Каменец-Подольск. губ. — Majew. II, 780), *lin* (в. т. р. Висла, рр. Бялка и Сола п. п. р. Висла, Дунаец, Кшеменица, Сан, Вислок и Рада — притоки р. Сан, Ярослав, Перемышль — Now. 21, 26, 27, 36, 43, 45, 49, р. Любачевка; Радава, р. Стырь; Лопатин — ZR 26, 27, оз. Дуб, Ильгис, Лот, р. Неман близ Друскининкай — Zn.-Prüf. RD 6, оз. Тракай — Zn.-Prüf. RT 6), ~ *pospolity* (Leś. 36: «и. т.»), *l'in* (р. Нотец — Tomasz. MMW 115, Лопенна на сев. Великой Польши — Tomasz., Стар. Селковицы в Опольск. пов. — Zaręba SSS, Соболево в Бялосток. пов. — Nitsch 319); кашуб. *lin* (Ramułt, Sychta, Benecke 111), *liny* мн. ч. (Gulg. 74); словин. *lı̥̄n* (Lor. SW), *lån* (Клюки — Jurk. 75: «występujący obocznie do *lanoka*»); в.-луж. *lin* (Pfuhl); н.-луж. *lin* (Мука); чеш. *líň* (Gebauer, Jungmann, Kott, RSJČ, SSJČ, Frič 14, р. Бечва — Skulina 229), ~ *obecný* (PSJČ), ~ *zlatý* 'Tinca aurata Cuv.' (Frič 15); слвц. *lin* (Тренчин — Ferianc 42: «vplyv ...

pol'štiny; ale je možné, že kedysi tvar *lin* bol na Slovensku rozšíreny»), *liň* (Ferianc 42: «vplyv ... ruštiny»); с.-хорв. *lim* (Hirtz), *lîn*, *lîń* (RJA), *lin* (Мартиянец в Хорватии, Криж, Загреб — Hirtz,), ~ *zlatni* (Hirtz), *linj* (р. Морава; Сисак, Неготинско Блато, Вараждин — Hirtz); словен. *lînj* (Pleteršnik), *linj* (Glonar); болг. *лин* (Геров, БТР, РСБКЕ, Христ. 426, Воден — Тошев 403, Силистра, Тутракан — Кочев 129, Тутракан — Вакар. 54, Суворово Одес. обл. — П.-Зел. 95); ср. румын. *lin* (Vasiliu 222), греч. *linos*, тур. *lin* (Antipa 128), др.-прусск. *linis* (Benecke 111), лит. *lìnas* (р. Неман — Zn.-Prüf. RD 6), лтш. *līnis* (Laumane 61), эст. *линнас-калла* (Грац. 133), швед. *lindaren* (Vasiliu 222);

в.-луж. *lina* (Pfuhl 1085), *złota* ~ 'зототой линь' (Pfuhl 1085);

с.-хорв. *lińàčić* (RJA: «dem. *lińak*»), *linjačić* (Дони Карловцы — Hirtz: «dem od *linjak*»);

в.-луж. *linačk* (Pfuhl стр. 340: под *lin*; pom.);

кашуб. *lëńåk* (Жарновецкое Приозерье — Sychta); в.-луж. *linak* (Pfuhl 1085); с.-хорв. *lìńak* (RJA), *linjak* (р. Сава; Босанска Градишка, Градиште в Славонии, Сисак, Неготинско Блато, Прокупле, Уровачка Бара, Обреновац, р. Морава — приток р. Дунай; Чачак — Hirtz), *лињаци* мн. ч. (рр. Босут, Савок; Оролик — Бабовић 54); словен. *linják* (Pleteršnik: «-linj»);

болг. *линáр* (Геров), *линар* (Кукуш — Тошев 403); макед. *линар* (РМЈ);

чеш. *liňátko* (Jungmann: «dem. *líně* 'mladý lín'»);

укр. *линчá* 'маленький линь' (Гринченко: «мн. ч. *линчáти*»; Ш. и Т. 98), *лúнча* (Стащин на территории ЧССР — АУМ II; «уменьш.»);

чеш. *líně* 'молодой линь' (Jungmann);

кашуб. *lińc* (Потенгово — Sychta: «przestarz.»), *lińec* (Яблово — Sychta); болг. *лúнец* (Геров), *linèc* (Wak. 49);

болг. *линг* (Моров 34);

укр. *линúна* (Галиция — Писк.; Гринченко; Ш. и Т. 98);

укр. *линúнка* (Гринченко II, стр. 359: «под *линúна*; ум.»);

с.-хорв. *lineš* (Моноспитовско Блато — Hirtz); макед. *линиш* (оз. Дойран — Апостол. и др. 42), *leniš*, *liniš* (оз. Дойран — Hirtz);

в.-луж. *link* (Pfuhl стр. 340: «под *lin*, pom.»); болг. *линк* (Гинчев 116);

польск. *linka* (р. Дунайчиска; Чхов — Now. 37); в.-луж. *linka* (Pfuhl стр. 340: «под *lin*; pom.»);

укр. *линóчок* (Гринченко: «ум. от *лин*»); блр. *ліночык* (р. Песчанка Славгород. р-на Могилев. обл. — Яшкін 122: «ум.-ласк.»); чеш. *líneček* (Jungmann: «intens.»);

блр. *ліночычык* (р. Песчанка Славгород. р-на Могилев. обл. — Яшкін 122: «ум.-ласк.»);

русск. *линóк* (Кочетовская в н. т. р. Дон — Макаров РЛК 240: «чаще употребляются производные»), *линéк* (Сл. АР, Даль), *линёк* (ССРЛЯ: «Разг. Уменьш.-ласк. к *линь*», бывш. Смолен. губ. — Добр., Кочетовская в н. т. р. Дон — Макаров РЛК 240: «чаще употребляются производные», р. Терек — Кузн. ТРП 43); укр. *линóк* (Жел., Гринченко: «уменьш. от *лин*», р. Стоход л. п. р. Припять, в. т. р. Припять, в. т. рек Горынь, Случ, Юж. Буг, Владимир-Волынский, Шепетовка — АУМ, ниж. Поднестровье — Берлізов 52: «зм. від *лин*», *линокъ* 'маленький линь' (XVII в. — Тимч. КІС), *łynók* (Ставки на территории ПНР — АУМ), *lynók* (Носув на территории ПНР — АУМ); блр. *лінок* (р. Песчанка Славгород. р-на Могилев. обл. — Яшкін 122: «ум.»), *линóк* (Сварынь, Заречка, Здитово, Лопатин, Велута, Рубель, Хоромск, Ольманы — Крив. 169), 'небольшой линь' (Луково — КПЭ); польск. *l'inek* (Лопенна на сев. Великой Польши — Tomasz.: «zdrobn.»), *linek* (SDor: «zdr. od *lin*»; Кулява — Now. 55); словин. *lanok* (Клюки — Jurk. 75, 77); чеш. *línek* (Jungmann: «dem. *lín*», Kott, PSJČ: «zdrob. k *lín*», SSJČ: «zdrob.»), *l'inek* (Заблати, Польске Лутыне, Стржитеж, Мосты у Тешина — Kellner VN 211. «= *lín*»), *linek* (ср. т. р. Опава — Lamprecht: «lín»); болг. *линок* (Ольшанка Одес. обл. — Бунина 32: «уменьш.»); ср. русск. *линóк*, *линкú* 'мелкая рыба в озерах' (Кеврола Пинеж. р-на Арханг. обл. — СРНГ);

укр. *лúник* (в. т. р. Припять — АУМ); блр. *лúник* (Олтуш, Луково — Крив. 169).

lina см. lin'
linačk см. lin'
lin(n')ak см. lin'
linar см. lin'
linča см. lin'
linec см. lin'
linek см. lin'
ling см. lin'
linik см. lin'
linina см. lin'
lininka см. lin'
liniš см. lin'
link см. lin'
linka см. lin'
linoček см. lin'
lin(n')ok см. lin'
lin'ačić см. lin'
lin'atko см. lin'
lin'e см. lin'

lopatač чеш. *lopatáč* (NR: «v rybnikářskéj mluvě označení lína-mlíčáka»).

nalivnik русск. *налúвник* 'линь, который нерестится во время налива ржи' (бывш. Смолен. губ. — Добр.).

očeretn'ak укр. *oczeretniak* 'линь, который нерестится во время цветения очерета — тростника' (р. Стырь — Małacz. 60, Now. 57), *oczeretnik* то же (Тернополь — Now. 64); польск. *oczeretnik* (SW: «gwar.; od *oczeret*»).

ol'xovik русск. *альхóвики* 'лини маленького размера, недомерки' (Дорогобуж. р-н Смолен. обл. — СРНГ).

pšeničnik укр. *pszenicznik* 'линь, который нерестится во время цветения пшеницы' (р. Стырь — Małacz. 60, Now. 57); польск. *pszenicznik* (SW: «gwar.; od *pszeniczny*»).

pъstъrva blatna болг. *блатна пъстърва* (Ниш. и Ореш. 62). ryba русск. *красная рыба* (Грац. 133);

слвц. *sprosta ryba* (Кошице — Ferianc 42, 43: «nazýva sa podistým podl'a pomalého, vol'ného pohybu»).

слвц. *vranná ryba* (Ferianc 42, 43: «podl'a farby»).

sprosta ryba см. ryba

šlajn с.-хорв. šlajn (Карловац, Огулинско-слуньская краина—Hirtz: «isp. njem. *Schleie*»), ~ *zlatni* (Мостань — Hirtz: «dolazi od njem. *Schleim*, *schleimiger Fisch*, *Schleihe*»), *šlam*, *šlanj* (Hirtz).

šleja польск. *szleja* (средняя часть Гижицкого пов., вост. часть Олецкого пов., пограничье Нидского и Острудского пов. — М.—К. 17: «niem. *Schleie*»).

šuster слвц. *šuster* (р. Горнад — Ferianc 42: «vyvodenie pôvodu. . . je dost' t'ažké»).

švec польск. *szewc* (SWil: «przestarz.», SW); чеш. *švec* (Jungmann);

слвц. *švec* (Ferianc 42: «vyvodenie pôvodu je dost' t'ažké»);

укр. *швія* (бывш. Каменец-Подольск. губ. — Зол., Саб. 466).

šveja см. švec

tompov слвц. *tompov* (р. Турец — Ferianc 42: «i teraz starší l'udia volajú týmto menom); ср. венг. *czompó* то же (Ferianc 43).

vrana ryba см. ryba

zelenka слвц. *zelienka* (Ferianc 42, 43: «podl'a farby»).

złotavec польск. *złotawiec* 'золотой линь Tinca aurata' (Majew. II, 780).

Верховка, Leucaspius delineatus

bel' русск. *бель* (р. Чепца с притоками в басс. р. Вятка — Дрягин РБВ 122), *биль* (Кишерть, Кунгур, Елово — Ревн. 216);

словен. *belíca* (SSKJ);

с.-хорв. *bȉjelka* (RJA), *бѐлка*, *бӣјелка* (PCXKHJ), *бје̂лка* (Неготин — PCXKHJ: «покр.»);

русск. *белу́шка* (Казаны в н. т. р. Вятка — Лукаш 53);

русск. *белу́жина* (Казаны в н. т. р. Вятка — Лукаш 53).

belica см. bel'

belka см. bel'

beluška см. bel'

belužina см. bel'

blyskavka польск. *błyskawka* (SW: «gwar.»; Жешов — Now. 45, р. Днестр; Галич, Розвадов — Now. 58);

укр. *błyskotka* (Ярослав, р. Сан — ZR 26, Now. 43, р. Серет — Now. 63); польск. *błyskotka* (SW: «gwar.»; р. Висла; Освенцим, Неполомице, р. Вислок п. п. р. Сан; Кросно — Now. 45).

blyskotka см. blyskavka

bystr'anka русск. *быстрянка* (новг., р. Мал. Тудер — Герд ДД).

buza русск. *буза* (Чухломское оз. в басс. р. Кострома — Берг 610).
drobnica польск. *drobnice* (Rostaf. 399).
glazok русск. *глазок* (Грац. 131), *гла́зки* и *глазки́* мн. ч. (р. Теша п. п. р. Ока — Варп. РНГ 50).
!gol'jan русск. *гольян* 'Leucaspius Fischeri' (озера Каслинского Урала — Саб. РСУ 67).
!jelec русск. *елец* (р. Линда — Варп. РНГ 79; Грац. 131: «неправильно»), *елец*, *ельцы* (оз. Светлояр — Варп. РНГ 68, Варп. ОПРЕР 106).
jelšovka слвц. *jalšovka* (Kálal: «rybička žijící pod kořeny»), *jelšovka* (Kálal, Ferianc 41), *lajšovka*, *lejšovka* (Ружомберок — Ferianc 41: «dialekticky modifikovaná forma»); ср. слвц. *lejšovka* 'ryba' (Липтов — Stanislav 106).
kačoryna укр. *качори́на* (Станиславщина — Верх. НЗн. 27, Ш. и Т. 89), *качорына* (верховья р. Днестр — Зол., Саб. 732), *kaczoryna* (Солотвин, Галич, Станислав — Łom 53; Станислав, р. Серет — Now. 61, 63; р. Ворона п. р. Быстрица — Now. 82); польск. *kaczoryna* (SW: «gwar.»; Majew. II, 439: «lud»).
krolev'onki польск. *królewionki* мн. ч. (Подгуже в Ленчиц. пов. — Dek. 1964, 88).
kul'dička русск. *кульдичка* (Новочеркасск — Саб. 732; Старочеркасск — Зол., Кес. 1877, 269).
kuleja польск. *kuleja* (SW: «gwar.»), *kuhleja* (Неполомице, Воля Баторска, Забежов — Now. 33), *кулейя* (верховья р. Висла — Зол., Саб. 732).
lajxa слвц. *lajcha* (Ружомберок — Ferianc 41: «dialekticky modifikovaná forma»).
ml'anka польск. *mlanka* (Rostaf. 399).
mol' русск. *моль* (р. Теша п. п. р. Ока, р. Сережа п. п. р. Теша — Варп. РНГ 50, 51; Сеухинское оз. в верховьях р. Кишма — Варп. РНГ 67; р. Волга в пределах бывш. Нижегород. губ. — Варп. ОРБВ 59; реки басс. р. Кама — Ревн. 216; р. Колва п. п. р. Вишера — Цех. 118);

русск. *малявка* (под Москвой — Саб. 732; бывш. Казан. губ. — Варп. ИФКГ 36; бывш. Пензен. губ. — Магн. 18), *молявка* (р. Сура — Варп. РС 10, Зол.; рр. Кама, Вишера, Сылва, Белая, Уфа — Ревн. 216); укр. *маля́вка* (Ш. и Т. 89), *малявка* (сев. побережье Черного моря — Кес. 1860, 240); блр. *малявка* (р. Зап. Двина — Сап. 224; Жуков РБ 214: «м. н.»), *malawka* (Plater 1852, 141);

русск. *мольга* (рр. Кама, Вишера, Сылва, Белая, Уфа — Ревн. 216);

русск. *малька* (Кес. 1877, 269), *молька* (бывш. Казан. губ. — Варп. ИФКГ 36, Зол.); укр. *мі́лька* (Ш. и Т. 89), *милька* (сев. побережье Черного моря — Кес. 1860, 240);

русск. *малёк* (Киркидеев. оз. — Варп. РНГ 62), *молек* (рр. Кама, Вишера, Сылва, Белая, Уфа — Ревн. 216).

Ср. русск. *моль*, *мольга́*, *мо́лька*, *моля́ва*, *моля́вка*, *мальга́* 'самая мелкая рыбка, недавно выведшаяся' (Даль[2] II, стр. 344: под *моль*), русск. *мальга́*, *маля́вка*, *мальга́вка* смл. *мале́к* 'самая мелкая рыбешка, моль, мулька, недавно вышедшая из икры' (Даль[2] II, стр. 294: под *ма́лый*).

mol'avka см. mol'

mol'ga см. mol'

mol'ka см. mol'

mol'ok см. mol'

morskevy польск. *morskiewy* pl. t. (Ленчиц. пов. — Dek. 1964, 87).

mulavica укр. *muławyci* мн. ч. (р. Луков п. р. Днестр — Now. 78).

mutki польск. *mutki* pl. t. (Ленчиц. пов. — Dek. 1964, 87).

Ср. польск. *mućka* 'маленькие рыбки' (Сувалки, Августов — Zdanc. 75: «z niem. dial. *Mutschken*»); кашуб. *mutka* 'ryba mała' (Pobł.)

mževka польск. *mrzewka* (SWil; Jar. 64: «lud.»; Leś. 46), *mżewka* (Wał. PF 292, 293: «от *mżyć*, а не от *mrzeć*»; Majew. II, 862), *mżyfka* (Лопенна на сев. Великой Польши — Tomasz.);

польск. *mrzeweczka* (SWil).

mževečka см. *mževka*

nel'muška—bel'uška русск. *нельмушка—белюшка* (оз. Святое в басс. р. Сев. Двина Кириллов. р-на Вологод. обл. — Берг II, 612).

nemor русск. *немор* (р. Сура — Зол., Саб. 732; басс. р. Сура — Варп. РС 3, 10; бывш. Пензен. губ. — Магн. 18).

nevod польск. *niewód* (Rostaf. 399: «потому что ее нельзя поймать этой большой сетью»).

ol'šanka русск. *ольшанка* (юж. — Даль[2] II, стр. 672: «под *о́льха*», стр. 641: «под *ове́с*»).

oves русск. *овёс* (вят., псков., твер., осташ. — Доп. к Опыту);

укр. *ове́с* (Глибока — Верх. НЗн. 27; Галиция — Ш. и Т. 89);

ср. польск. *owies* 'drobne rybki' (р. Висла; Освенцим, Неполомице — Now. 21);

укр. *вівсик* (Жел.; Галиция — Ш. и Т. 89), *вівсик* (Броды Львов. обл. — Majew. II, 440; Грабова — Врх. НЗн. 27); польск. *owiesek* (Августов — Karł. SGP; Радом — Majew. II, 440; Виленщина — Plater 1852, 141; Jar. 64: «lud»; Leś. 46; Wał. BW 544: «этот термин употребляется для означения всякой мелкой рыбы, держащейся купкой, как горсть овса, брошенного на воду»);

ср. польск. *owiesek* 'drobne rybki' (р. Висла; Освенцим, Неполомире, р. Пшемша — Now. 21, 26; Ład., SWil);

чеш. *ovesnička* (Dyk 233); слвц. *ovesnička* (Ferianc 41: «Grossinger poklada ho však za české»);

русск. *аўся́нка* (бывш. Смолен. губ. — Добр.: «рыба мелкая, небольше овсяного зерна»), *овся́нка* (Даль II, стр. 641:

«под *овéс*»), *овсянка* (р. Сож — Воронцов 1927, 24; верховья р. Днепр — Воронцов 1930, 142; басс. р. Волга в пределах бывш. Нижегород. губ. — Варп. ОРБВ 59; бывш. Казан. губ. — Зол., Саб. 732; Шонгут — Варп. ИФКГ 47; юж. Россия — Кес. 1860, 240), ~ *малая* (Кес. 1870, 263: «и. т.»); укр. *вiвсянка* (Жел., Ш. и Т. 89), *вiвсянка* (Majew. II, 440; Белiнг 1928; 85, М. и К. 98: «и. т.»; в. т. р. Припять — Ляш. 57), *овсянка* (Ш. и Т. 89); блр. *аўсянка* (Жуков РБ 214: «и. т., м. н.»), *овсянка* (р. Зап. Двина — Сап. 224); польск. *owsianka* (SW: «и. т.»; SDor, р. Серет — Majew. II, 439: «lud.», Wał. BW 342, 544: «и. т.»; Klucze 116: «и. т.»), *owsianki* мн. ч. (Rostaf. 399); слвц. *ovsianka* (Kálal, Ferianc 41: «ввел в литературу Мартинка»), *ovsienka obyčajná* (Dyk 233: «и. т.»);

польск. *owsciuha* (Majew. II, 440);

русск. *овсец* (псков. твер. осташ. — Доп. к Опыту).

ovesek см. oves

ovesnička см. oves

ovs'anka см. oves

ovsc'uga см. oves

ovsec см. oves

piščan русск. *писчан* (р. Вишера л. п. р. Кама — Цех. 118).

plotica русск. *плотица* (Сеухинское оз. в верховьях р. Кишма — Варп. РНГ 67); укр. *płotycie* (р. Прут от истока до г. Добротвор — Kochan. 141); польск. *płotyci* (Majew. II, 439).

русск. *плотка* (Сеухинское оз. в верховьях р. Кишма — Варп РНГ 67).

plotka см. plotica

rogatka русск. *рогатка* (Коломна — Зол., Кес. 1870, 263, Саб. 732).

ryba belaja русск. *белая рыба* (реки басс. р. Кама — Ревн. 216).

rybka mala укр. *rybka mała* (р. Днестр; Галич — Barta RD 60, Now. 60).

sajga русск. *сайга*, *саёшка* (р. Теша п. п. р. Ока — Варп. РНГ 50).

sajoška см. sajga

samorodka русск. *саморóдка* (Шурма в н. т. р. Вятка — Лукаш 53).

sint'apa русск. *синтяпá* (р. Ахтай л. п. р. Кама — Варп. ИФКГ 61; р. Шентал п. р. Кама — Варп. ИФКГ 62).

sin'avka русск. *синявка* (р. Бол. Кокшага, заливные озера р. Свияга в пределах бывш. Казан. губ., Шонгут — Варп. ИФКГ 36, 47; бывш. Казан. губ. — Зол., Саб. 732).

русск. *синьга* (бывш. Пензен. губ. — Магн. 18);

русск. *синюшка* (бывш. Пензен. губ. — Магн. 18).

sin'ga см. sin'avka

sin'uška см. sin'avka

sisn'a русск. *сисня́*, *сисёнка* (оз. Ворсма — Варп. РНГ 57: «смешивается с уклейкой и носит те же названия»).

slonečnica польск. *słoneczniса* (SW: «gwar., od *słoneczny* lub *sło-*

necznik», SDor; р. Сола п. п. р. Висла — Now. 27; Klucze 116: «и. т.»), *слонечница* (верховья р. Висла — Зол., Саб. 732); чеш. *slunečnica* (Ждяр — Majew. II, 498, Bart. DSM); слвц. *slnečnica* (Поважье, Тренчин — Ferianc 41: «čes. *slunečnica*»);

чеш. *slunka* (PSJČ, SSJČ, Frič 8: «из-за малости малоизвестна», ~ *obecná* (Kux 73: «и. т.»), ~ *stříbřitá* (RP 111, Hrabě i Oliva 67); слвц. *slnka* (NR, Ferianc 41: «je slovakizovana forma čes. *slunka*»).

Ср. нем. *Sonnenfischchen* (Bauch 109).

slunka см. slonečnica

sn'atok русск. *сняток* (р. Бол. Кокшага, заливные озера р. Свияга в пределах бывш. Казан. губ., Шонгут — Варп. ИФКГ 36, 47; бывш. Казан. губ. — Зол., Саб. 732).

stepany русск. *степаны* (р. Сережа п. п. р. Теша, Салавирь — Варп. РНГ 51).

s'udra польск. *siudra* (р. Пилица от Конецполя до Мнишова — Mis. 21; Staff 286).

tys'ącbraci польск. *tysiąc braci* (Majew. II, 440), *tysiącbraci* (Jar. 64: «lud.»: Plater 1852, 141).

tys'ąčnik польск. *tysiącznik* (Majew. II, 440).

uklej польск. *oklej* (SW: «gwar.»), *uklej* (SW), ~ *drobny* (Majew. II, 862), ~ *drobniutki* (SW: «и. т.»), ~ *malutki* (Wał. BW 558);

укр. *ukleja* (р. Днестр; Езополь — Barta 1877, 448); польск. *ukleja* (SW), *uklija* (Majew. II, 439: «rybacy nie mają dla niej osobnego nazwiska»);

русск. *уклейка* (Москва — Саб. 732, Вен. 91: «неправильно»); укр. *uklijka* (р. Серет — Majew. II, 440); блр. *уклейкі* мн. ч. (Слуцк — Салян. 20); польск. *uklejka* (SW: «zdr.»).

ukleja см. uklej

uklejka см. uklej

verxoplavka русск. *верхоплавка* (Грац. 131).

verxovka русск. *верховка* (Москва — Зол., Кес. 1877, 269, Саб. 732; басс. р. Волга в пределах бывш. Нижегород. губ. — Варп. ОРБВ 59; Кишерть, Кунгур, Елово — Ревн. 216); блр. *верховка* (Витебщина — Никиф. 493; Жуков РБ 214: «м. н.»); польск. *wierzchówka* (Wał. BW 558, Staff 286).

Ср. польск. *wierzchówka* 'gatunek płoci' (SW).

verxovodka русск. *верховодка* (Москва — Кес. 1877, 269); укр. *верховóдка*

(Ш. и Т. 89); польск. *wierzchołódka* (SWil, Jar. 64, Leś. 46), *wierzchowódka* (Jar. 64, Leś. 46, Wał. BW 558).

Ср. польск. *wierzchołódka* 'ryba trzymająca ś. powierzchni wody' (SW).

vilk кашуб. *wilk* (Majew. II, 439).

vъrlovka болг. *върловка* (РБР, Гебедженское оз. — Дрен. 81).

В. А. Меркулова

МЕЛКИЕ ЗАМЕТКИ ПО ИСТОРИИ И ЭТИМОЛОГИИ СЛОВ

мормышка

Слово *мормы́шка* новое в русском литературном языке, оно вошло в словарь только в XX в. Нет этого слова в словарях Бурнашева и Даля. В семнадцатитомном словаре оно уже фиксируется: «*мормы́шка* — искусственная приманка для рыбы, обычно отливаемая из свинца; разновидность блесны» [1]. Если блесна — это металлическая рыбка, то мормышка — это металлическая пластинка размером с божью коровку. Ловля на мормышку — особый вид зимнего лова рыбы.

Блесна заменяет живца, а мормышка — другую естественную приманку. Крупнейший специалист по рыбной ловле Л. П. Сабанеев в своей книге «Рыбы России» говорит о небольшом водяном рачке — *мормыше* [2]. О том же рачке пишет Мамин-Сибиряк: «Зауральские озера славятся баснословными рыбными богатствами, что объясняется присутствием в этих озерах маленького рачка «мормыша». Это маленькая креветка — не больше обыкновенного таракана-прусака» («На заимке»). Энциклопедический словарь сообщает следующее: «Мормыш или бокоплав, вида Gammarus — употребляется за Уралом и в Сибири как лучшая насадка на крючки для ловли рыб. Вследствие этого сам мормыш является предметом лова. Пойманные мормыши складываются на Урале в осиновые кадушки и сохраняются на холоде живыми до двух недель» [3]. Сабанеев пишет, что слово *мо́рмыш* — местное и употребляется в Пермской и Оренбургской губерниях [4]. Отмечено это слово и в бассейне р. Оби [5]. Перед нами уральско-западносибирский диалектизм *мо́рмыш* 'рачок-бокоплав'. Правда, Миртов для Шадринского р-на Уральского края в том же значении приводит форму *мармаш* [6].

---

[1] Словарь современного русского литературного языка 6. М.—Л., 1957, стр. 1268—1269.

[2] Л. П. Сабанеев. Жизнь и ловля пресноводных рыб (переиздание книги «Рыбы России»). Киев, 1965, стр. 658—659.

[3] Энциклопедический словарь, изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. XIX^{А}. СПб., 1896, стр. 867.

[4] Л. П. Сабанеев. Там же.

[5] Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби, 2. Томск, 1965, стр. 156.

[6] Картотека Словаря русских народных говоров.

В Европейской части СССР это слово также отмечено, но в значении 'головастик' (волог., вят.). «Какая речка! Одни в ней мормышы!» [7]. *Мóрмыш* 'лягушечий головастик' [8]. В вятском словаре XVIII в. слово объясняется следующим образом: «*Мóрмыш* — животное круглое, сорное съ хвостикомъ въ гнилыхъ лужахъ зародившоеся кое просто уполовниками поваріônками называется и какъ сказываютъ въ лягушку превращается» [9].

В б. Вятской губ. слово *мóрмыш/мóрмыж* значило еще 'низкорослый, заморыш' [10]. В говоре Череповецкого у. Новгородской губ. Герасимов записал прозвище *Мармаш* [11] (ср. уральский вариант слова *мармаш* 'рачок-бокоплав').

В казанских говорах зафиксировано слово *марамы́га* 'насекомое'. «*Марамыгами* называют тех насекомых, наподобие вшей, которые ползают в стоячей воде, в лужах» [12].

В Восточной Сибири, в районе озера Байкал отмечен другой вариант слова: *бормоши́* мн. 'черви для ловли рыбы (не дождевые)'; *барма́ш* — 'мелкий рачок отряда бокоплавов, серо-зеленого цвета, употребляется в качестве приманки для ловли рыбы (при ловле удочкой)'; *бармашóвка* 'род удочки' [13].

Если не учитывать неточности в некоторых определениях значения слова, перед нами лексема, выступающая в следующих фонетических вариантах: *мóрмы́ш/мóрмыж/мармаш/барма́ш/бормош*. Значения могут быть сведены к следующим: 'рачок-бокоплав', 'головастик', перен. 'низкорослый (о человеке)', 'прозвище'.

Структура слова позволяет предположить, что перед нами тюркизм: характерна мена *б/м*, вариантность конца слова, соотношение гласных.

Не противоречит этому предположению и география слова: вологодско-вятские говоры, говоры Урала и Сибири. Думается, что заимствование могло происходить независимо в различных областях. Для байкальских говоров источником мог послужить один из местных тюркских языков. Для уральских говоров — башкирский. Ср. башк. *мормош* 'рачок-бокоплав' [14]. (Следует

---

[7] Васнецов, стр. 153.

[8] Картотека Словаря русских народных говоров.

[9] П. К. Симони. Два старинных областных словаря XVIII ст. Вятский областной словарь (1772 г.) — Ж. Ст., год восьмой. СПб., 1898, вып. III—IV, стр. 450.

[10] Д. К. Зеленин. Особенности в говоре русских крестьян юго-восточной части Вятской губ. — Ж. Ст., год одиннадцатый. СПб., 1901, вып. I, стр. 89. В. К. Магницкий. Особенности русского говора в Уржумском у. Вятской губ. — Изв. Казан. общ. арх., ист. и этногр. 1884, т. V, стр. 58.

[11] Герасимов, стр. 58.

[12] Картотека Словаря русских народных говоров.

[13] Филин 3, стр. 102; 2, стр. 119.

[14] С. И. Руденко. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.—Л., 1955, стр. 94.

обратить внимание на то, что именно на территории Башкирской АССР находятся те зауральские озера, о которых писали Сабанеев и Мамин-Сибиряк). Для говоров вологодско-вятских и говоров Западной Сибири источником заимствования могли служить диалекты татарского языка. Ср. татар. *тaгтьş* 'рачок-бокоплав' [15].

Возможность семантического перехода 'рачок', 'головастик' → 'низкорослый (о человеке)' не кажется противоестественной при том, что в русском языке у слова *мóрмыш* возникали ассоциации со словом *замóрыш*. Череповецкое прозвище могло означать 'низкорослый', могло быть и именем-прозвищем человека неславянского происхождения [16].

Уже на русской почве возникли производные *бармашовка* и *мормы́шка* как названия вида удочки и вида приманки. Последнее из профессионального языка рыбаков проникло в литературный язык [17].

бирюльки

Бирюльки как игра вышли из употребления совсем недавно. По определению академического словаря, это «набор мельчайших деревянных или металлических вещичек в виде палочек и разного рода предметов (посуды, шляпок, лесенок и т. п.), употребляемых для особой игры» и «игра, состоящая в том, чтобы из кучки маленьких игрушек (бирюлек) вытаскивать крючком одну за другой, не пошевелив и не рассыпав остальных» [18].

В. Даль дает определение слова *бирюльки* несколько иначе: «мелкая игрушка, украшение, берендейка, балаболка», «игра: горсть ровно нарезанных соломинок или резных бирюлек разного вида кладется ворошком на столе; играющие вытаскивают, чередуясь, по одной, не встряхивая вороха» [19].

Даль же с некоторым сомнением связывает слово *бирюльки* с глаголом *брать*. Эту этимологию повторяет Горяев. Соломоновский считает мысль несомненной [20]. Фасмер находит предположение сомнительным, но своей этимологии не выдвигает [21]. Если слово *бирюльки* образовано от глагола *брать*, то остается неяс-

---

[15] Tabiqiət nəm biologiə terminnarь. Qazan, 1935, стр. 16.

[16] Ср. приводимые Бирилло белорусские фамилии: *Мармыш*, *Мармышка* (М. В. Бірыла. Беларуская антрапанімія. Мінск, 1969, стр. 276).

[17] Для гидронимов *Мармыш*, *Мырмыж*, *Мырмых* О. Н. Трубачев и В. Н. Топоров предполагают мордовский источник. См. О. Н. Трубачев, В. Н. Топоров. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962, стр. 225.

[18] Словарь современного русского литературного языка 1, М.—Л., 1950, стр. 459.

[19] Даль[3] I, стб. 216.

[20] И. Соломоновский. Материал для словопроизводственного словаря. «Филолог. зап». Воронеж, 1888, вып. III-IV, стр. 8.

[21] Фасмер I, стр. 168.

ным смягчение конечного согласного основы перед суф. *-уля*. Кроме того, неясна и семантика слова. Названия игр, как правило, образуются по двум семантическим моделям: или по названию основного действия в игре (ср. салки, прятки и т. п.) или по предмету, который используется в игре (играть в карты, в кости, в бабки). Этимологи, производящие слово *бирюльки* от глагола *брать*, по-видимому, предполагают первый тип наименования. Но слово *бирюльки* явно принадлежит ко второму типу, т. к. называет предмет, в который играют. В этом случае его связь с глаголом *брать* непонятна.

Время возникновения игры неизвестно. Есть лишь указание на то, что вместо резных игрушек могли быть использованы соломинки, причем крючок был также из соломы (описание такого вида игры встречается в этнографических материалах по Вологодской и Ярославской губерниям); на Дону играли в обрезочки из камыша (игра называлась *четки*) [22]. Выражение *играть в бирюльки* значит 'бездельничать, заниматься пустяками' (курск., сарат., псков.) [23].

Материалы русских говоров показывают, что слово *бирюльки* широко известно для обозначения мелкого предмета, украшения в виде подвески. *Бирюльками* в Вологодской обл. называют кисточки цветов [24]. Качающиеся, болтающиеся цветы или бутоны часто называются так же, как и подвесные украшения. Ср.: *балаболки* 'подвески', 'мелкие бубенчики' и *балаболки* 'белые и желтые лилии' 'купавки'; *колтушки* 'подвесные серьги' и *колтушки* 'купавки' и т. д. В псковских говорах *бирули́* — название ситника, стебли которого украшены маленькой кисточкой цветов [25]. В тех же псковских и осташковских говорах *бирюльками* называют крендельки, баранки, мелкий узор на материи и бигуди [26].

В белорусском языке *бірулька* — подвесное украшение, брелок [27]; в полесских говорах *биру́л'ки* 'часть ткацкого станка — деревянные вращающиеся на блоках колесики, прикрепленные к верхней перекладине и регулирующие положение ниток' [28].

В Рязанской и Владимирской обл. *бирюлькой* называлась дудочка, свирель ивовая или камышевая, сопелка [29]. Употреблялось это слово и в форме неуменьшительной — *бирюля*.

Слова со значением 'дудка, свирель' охватывают обычно следующий круг значений: 'растение с полым стеблем (дягиль,

---

[22] М и р т о в, стр. 355; Д а л ь[3] IV, стб. 1362.

[23] Картотека Словаря русских народных говоров; Картотека Псковского областного словаря.

[24] Ф и л и н 2, стр. 295.

[25] Картотека Псковского областного словаря.

[26] Ф и л и н, 2, стр. 295.

[27] Белорусско-русский словарь. М., 1962, стр. 125.

[28] Лексика Полесья. М., 1968, стр. 196.

[29] Д а л ь[3] I, стб. 216.

тростник, камыш и т. д.)', 'дудка, свирель' (из растения с полым стеблем) (→ 'дудочка из любого материала'), 'часть руки или ноги', 'дуло (орудия)', спорадически 'сосулька', 'трубка различного назначения'.

Ср. праслав. **piščalь* 'дудка', 'кость голени', 'ствол орудия'; праслав. **soplь*, **sopělь* 'дудка', 'кость голени', 'сосулька', 'труба (вообще)'.

Др.-русск. *тръсть*, *тръстьца* 'тростник' и 'дудочка'; лат. *fistŭla* 'полый стебель (тростника'), 'дудка, свирель', 'труба, трубка'; нем. *Rohr* 'тростник', 'труба, трубка', 'ствол орудия'; тур. *камышчык* 'тростник', 'свирель', караим. *камуш* 'камыш', 'трубообразная кость руки' [30].

Слово *бирюля*, *бирюлька* указывает на тот же круг значений. В вологодских говорах так называют дягиль, Angelica, растение с полым стеблем, там же *бирюлька* — 'часть ноги от колена до ступни, голень' [31].

От слова *бирю́ля* 'дудочка' образован глагол *бирю́лить* 'играть на дудочке', 'играть пальцами на губах' (псков.) [32]. Даль приводит выражение *играть бирюльки* 'напевать, перебирая пальцами по губам' [33].

Таким образом, в слове *бирюлька* наблюдаются два основных семантических центра: 'дудочка, свирель' и 'мелкая игрушка, украшение, подвеска'.

Любопытен текст народной песни: «Взойду я, взойду на войну, *сыграю в бирюли*, утешу я царя в Москве, короля в Литве, старца в келье, дитя в колыбели» (тамбовский вариант песни). В Словаре русских народных говоров слово *бирюли* в данной песне толкуется как 'колокола'. Но это песня-загадка, «колокола» — отгадка, и, как правило, слово-отгадка не употребляется в тексте загадки. Трактовка текста может быть двоякой: *сыграть в бирюли* может значить 'сыграть пальцами на губах' или 'сыграть на свирели'. Псковский вариант той же песни звучит следующим образом: «Выйду я на лой, лой, лой, *ударю во билиберды*: пробужу я царя в Москве, короля в Литве, монаха в келье, дитя в колыбели» [34]. Песня явно скоморошеская, время ее возникновения может быть отнесено приблизительно к XVI веку.

В памятниках письменности слово *бирюльки* встречается только с XVIII в. Так, в Петровском сборнике: «Рукополагаю азъ старый пьяный сего на трезваго. . . во имя всѣхъ костей, во имя всѣхъ *бирюлек*, во имя всехъ кабаковъ. . .» [35]. Эта цитата не дает воз-

---

[30] См. еще В. А. Меркулова. Очерки по русской народной номенклатуре растений. М., 1967, стр. 167.

[31] Филин 2, стр. 295.

[32] Там же.

[33] Даль[3] I, стб. 216.

[34] Картотека Псковского областного словаря.

[35] «Петровский сборник». СПб., 1872, стр. 83.

можности точно определить значение слова — что здесь *бирюльки*: 'дудочки', 'игрушки', 'игра' или 'безделье'?

В журнале, издаваемом Болотовым, словом *бирюльки* называются мелкие предметы, висящие под телегой: «А во время самаго везения на телегахъ посмотрите, какое трясение, какие толчки, и какое отрепывание колосьевъ об колеса и *бирюльки* происходитъ?» [36].

Ономастический материал неполон. В Высокогорском р-не Татарской АССР есть деревни *Большие Бирюли* и *Малые Бирюли*. В памятниках упоминается Еска *Бирюлев*, был при отводе в Белозерском у. (ок. 1450 г.); пан Самуель Немирович *Бируля*, землевладелец (1637 г.); Филимон *Бирюлин*, вяземский посадский (1680 г.) [37]. Имена собственные могут быть связаны с рассматриваемым в данной статье словом, но могут иметь и независимое происхождение.

В украинском языке слово приблизительно с тем же значением имеет форму *бурýлька*. *Бурýлька* 'безделка, игрушка', 'трубка, дудочка', 'ледяная сосулька', 'кусочек резаной соломы, игра в бирюльки в России', 'точеная головка у палки' [38]. Отличными по сравнению со значениями русского слова являются значения 'сосулька', но, как указывалось выше, это значение легко развивается из значения 'дудочка' и 'точеная головка у палки', несомненно связано со значением 'резная игрушка, украшение'. Следует отметить, что игра в бирюльки характеризуется как русская.

Такое совпадение значений дает право сделать вывод, что перед нами варианты одного и того же слова: *бирю́лька/бурýлька*. Особенность этих вариантов — гармония гласных, позволяет предполагать для слова тюркский источник. Оформление уменьшительным суффиксом *-к(а)* произошло несомненно уже на славянской почве, исходными можно считать формы *бирюля/*буруля*.

Основа **bori-/*mori-* — общетюркская и выступает в значении 'труба вообще', 'печная труба', 'музыкальная труба, горн'. В современных тюркских языках это слово представлено следующим образом: тур. *boru* 'труба музыкальная' (перен. 'лентяй', 'чепуха'), чагат. *мурі* 'труба (водосточная, печная)', 'музыкальная труба', татар. *бырғы, пырғы* 'труба музыкальная', татар. диал. *моржа* то же; башк. *борғо* 'горн', чув. *tuŕja* 'печная труба', кирг. *мор* 'печная труба', казах. *мӯржа* то же [39]. Из тюркских

---

[36] Сельский житель, экономическое в пользу деревенских жителей служащее издание, ч. II. М., 1778, л. 35, стр. 136. — Цитируется по Картотеке ДРС.

[37] Н. М. Тупиков. Словарь древнерусских личных имен. СПБ., 1903, стр. 104, 535.

[38] Гринченко I, стр. 114; П. Білецький-Носенко. Словник української мови. Київ, 1966, стр. 65.

[39] H. C. Hony. A turkish- english dictionary. Oxford, 1947, стр. 43; В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, IV. СПб., 1911, стб. 1891,

языков слово проникло в финно-угорские: ср. мар. *pərγəž*, удм. *burgi* 'военная труба, горн' [40].

Широко представлено это слово в южнославянских языках, где источником послужил турецкий. Ср. с.-хорв. и болг. литер. *бория*, *бурия* 'труба' из более древней турецкой формы *bori* [41]. Современное турецкое *boru* отражено в юго-восточных болгарских говорах: *борýе*, *борýйа*, *баруе*, *бурýе*, *бурýйа* [42].

Наименования частей военного снаряжения заимствовались из тюркских языков очень широко. Ср. такие слова, как *темляк*, *балдак*, *набалдашник*, *бунчук* и мн. др. Не приходится и говорить о широком использовании заимствований в названиях музыкальных инструментов: ср. *барабан*, *зурна*, *чибызга* и т. д. и т. д.[43]

Можно предположить, что в украинский язык, как и в южнославянские, слово проникло из турецкого. Тюркское безударное *о* обычно в славянских передавалась как *у* (ср. русск. *чулан* < татар. *чолан*) [44]. Переход формы типа вост.-болг. *бурýйа* в **буруля* кажется вполне закономерным, это последовательная морфологическая адаптация слова. Уже в украинском языке слово *бурулька* оформило тот круг значений, который типичен для слов со значением 'дудочка'.

В русский язык слово могло проникнуть через украинское посредство или непосредственно из турецкого через говоры Поволжья. Характерно, что именно в говорах бассейна Волги сохраняется первичное значение заимствования 'дудочка, свирель'.

2193; Татар теленең, диалектолошк сүзлеге. Казан, 1969, стр. 305; П. Островских. Этнографические заметки о тюрках Минусинского края. — Ж. Ст., год пятый. СПб., 1895, вып. III, стр. 331.

[40] M. Räsänen. Die tatarischen Lehnwörter im Tscheremissischen. Helsinki, 1923, стр. 52.

[41] A. Knežević. Die Turzismen in der Sprache der Kroaten und Serben. Meisenheim am Glan, 1962, стр. 62; Дювернуа, вып. 1—2, стр. 136; Jvеković-Broz I, стр. 87.

[42] Г. П. Клепикова. Материалы для словаря юго-восточных болгарских говоров. «Славянская лексикология и лексикография». М., 1968, стр. 133.

[43] Слово *чибызга* приводится в словаре Даля как одно из наименований дудочки; у Фасмера этого слова нет. Перед нами откровенный тюркизм: ср. кирг., казах., кара-калп., ногайск., *сыбызғы* 'дудка, свирель', башк. *һыбызғы* то же, татар. диал. *сыбызгы* 'свисток'. В путевых записках ак. Лепехина (конец XVIII в.) слово фиксируется в форме *чебысга*: «. . . весь хор у простаков составляет *чебысга* или дудочка, которая в верховых городах сиповкою прозывается и делается или из камыша или из дягильных стеблей или из таловых прутьев». (Южноуральская степь). Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Имп. АН, т. V. СПб., 1822. Записки путешествия ак. И. И. Лепехина, стр. 447. *Сыбузга*, *чибузга* — татарский инструмент, на котором играют молодые парни на святках (С. Рыбаков. О народных песнях татар, башкир и тептярей. — Ж. Ст., год четвертый. СПб., 1894, вып. III, стр. 353).

[44] Н. К. Дмитриев. О тюркских элементах русского словаря. «Лексикографический сборник». М., 1958, вып. III, стр. 22.

Возможность передачи слова *boru* в виде *бирюля* подтверждается несколькими фактами. Формы **бурýля/бирюля* соответствуют друг другу по закону сингармонизма. Вариант *бурулька* отмечается Далем для вологодских говоров. Общетюркское слово *burun/murun* 'нос', кроме форм *бурун*, *бурундук* и т. д., отражено в русских говорах в виде *бирюлька*. Ср. *бирю́лька* 'кончик морды животного, нос' (обск.), 'нос у свиньи' (кемер.), *мороз бирюлит* 'хватает за нос' (калуж.) [45].

Переход от значения 'дудочка' к значению 'мелкая игрушка' мог осуществиться следующим образом. Для игры использовались первоначально кусочки камыша или соломы. *Бирюлькой* назывались дудочка и полые стебли растений. Игра получила название «игры в бирюльки». Затем соломинки были заменены резными игрушками, и название было перенесено на них. Такое толкование представляет собою лишь гипотезу, ход развития семантики слова мог быть и иным.

Что касается имени собственного, то оно могло быть первоначально прозвищем, но могло быть и непосредственно заимствовано из тюркского источника как имя собственное. Ср., наряду с *Бирюля*, имя *Бирюй*, боярин (1566 г.) [46] и текст из Ипатьевской летописи: «Се бѧхоу братьѧ его силныи воеводы: Оурдю и Баидаръ. *Бирюи* Каиданъ. . .» (Ипат. л., л. 265) [47].

* * *

Из чувашского языка в русские говоры проник другой вариант того же общетюркского *bori-/mori-*. Чуваш. *muŕja* 'печная труба' отражено в русск. казан. *мурья́* 'печная труба', нижег. *мурья́* 'отверстие в земле, яма, шахта'. Тюркский источник слова подтверждается такими формами, как *мурга* 'провал, яма', *мурчуг* 'колдобина на берегу'. От значения 'печная труба', 'дыра в земле, яма' развилось вторичное значение 'лачуга'. Ср. использование слов *дыра* и *нора* в этом смысле. Тюркскую этимологию слова *мурья* выдвинул Калима [48]. По историко-культурным соображениям трудно согласиться с этимологией Фасмера, связывавшего слово *мурья* 'лачуга' с *мур* 'каменная стена' [49]. В деревянной Руси каменный дом всегда был признаком богатства, а не бедности; по числу каменных домов судили о богатстве города.

---

[45] Филин 2, стр. 295.
[46] Тупиков. Указ. соч., стр. 104.
[47] Картотека Словаря древнерусского языка XI—XIV вв.
[48] J. Kalima. MSFOugr., N 52. Helsinki, 1923, стр. 89.
[49] Фасмер III, стр. 10, 15.

Г. Е. Корнилов

К ЭТИМОЛОГИИ РУССКОГО ДИАЛЕКТНОГО *ВЕКША* 'БЕЛКА ОБЫКНОВЕННАЯ, SCIURUS VULGARIS LINNAEI'

Как известно, М. Фасмер в своем «Этимологическом словаре русского языка», дав предварительную сводку результатов этимологического рассмотрения русского диалектного названия белки *векша*, так и не пришел к определенному выводу относительно происхождения этого интереснейшего слова. В своих примечаниях к соответствующей словарной статье О. Н. Трубачев указал на несомненную связь диалектного *векша* с русским же диалектным (архангельским) *ва́шка* 'молодая белка', вместе с которым *векша* могло быть заимствовано из финно-угорских или чувашских языков [1]. Трудно переоценить данное указание уже потому, что сделано оно славистом в условиях, когда ученые, прекрасно владеющие конкретным материалом урало-алтайских языков и наречий, хотели бы облегчить свою непосредственную задачу ссылкой на русский источник [2].

Итак, обратимся к урало-алтайским данным. Форма *вакша* — исключительное достояние чувашского верхового диалекта тури (вирьял), которому вообще свойственна губная гармония и, в частности, замена инициальных и интервокальных аллофонов *п-*, *-п-* на аллофоны *в-*, *-в-*; ср. анатри *лупашка* ~ тури *вопашка*, *вовашка* 'ложбина, лужок' (Аш V, 269) [3]; анатри *пус* ~ тури *вус* 'копейка' (Аш V, 275) и т. д.[4] В чувашский литературный язык интересующий нас термин вошел из диалекта анатри в виде *пакша*. Этот вариант и следует согласно изложенному выше считать за исходный в рамках чувашской языковой общности.

Если бы *пакша* было словом, образованным в условиях окончательного оформления чувашской языковой общности, то есть восходило к эпохе не ранее IX—X века нашей эры, — его следовало бы членить *пак-ша*, особенно с учетом того, что стечения

---

[1] Фасмер I, стр. 287, 281.

[2] Егоров, стр. 142.

[3] Римские цифры указывают здесь и в дальнейшем номер тома, арабские — страницу издания: Н. И. Ашмарин. Словарь чувашского языка. Казань—Чебоксары, 1928—1950.

[4] Здесь уместно отметить, что в тури больше всего заимствований из русского; в свою очередь, большинство булгаро-чувашских заимствований в русском языке представлено в фонетическом облике тури. См., напр., о слове *слон*: Г. Корнилов. «К этимологии некоторых чувашских зоонимов». — «Уч. зап.» (НИИ при СМ ЧАССР), вып. 46. Чебоксары, 1970, стр. 226.

согласных обычны на стыках морфем. Но древнерусское *вѣкъша* 'денежная единица (видимо, беличья шкурка из Волжской или аспаруховой Болгарии)' и фамилия *Вякошкин* (XIII в.) [5] прямо указывают на морфемно-слоговое деление *па-кша*; затем, исходя из восточнославянских примеров, а также из собственно историко-фонетических соображений, напрашивается гласный внутри стечения согласных *-кш-*; этот гласный мог выпасть лишь будучи редуцированным, а редукции, как известно, в чувашских диалектах подвергались *о* и *у* [6]. Таким образом, получаем новую ступень реконструкции *па-к(у)-ш(а)* или *па-к(о)-ш(а)* или эти же варианты с инициальными *м-*, *в-* вместо *п-* (ср. чувашские диалектные соответствия типа: *малалла* ~ *валалла* 'вперед', *вешник* ~ *месник* 'вершник', *пăши* ~ *мăши* 'лось', *мĕкĕр* ~ *вĕкĕр* 'реветь', *миме* ~ *виме* 'помочь', *вал* ~ *мал* 'перед', *валка* ~ *палка* 'надгробие' и множество других, в том числе на уровне общеалтайских и общетюркских). Записанные в виде формулы исторического развития указанные выше ступени для чувашского низового диалекта анатри, стало быть, будут выглядеть: *пакша* < **пакаша* < **пакуш(а)*. Конечный гласный явно «паразитический», он развился по аналогии к другим именам на *-ша* (типа, напр., *кукша* 'лысый') на месте анафорического местоимения *-и (-ы)* в функции аффикса притяжательности 3 лица, обычного для чувашских фитонимов, зоонимов и других терминов, образованных, как правило, исключительно на базе атрибутивной синтагмы.

Итак, следующий вариант фонетически и грамматически мыслимой реконструкции будет **па-куш* для низового диалекта анатри и **ва-куш*, **ва-кош*, **ма-куш*, **ма-кош* — для всех других исторически и пространственно мыслимых говоров и диалектов. В позиции после *п-*, *в-*, *м-* гласный *а* первого слога произносится в урало-алтайских языках с той или иной степенью лабиальности, поэтому фонетически безупречная запись нами реконструированных аллоформ должна выглядеть: (1) **па^o-куш*, (2) **па^o-кош*, (3) **ва^o-куш*, (4) **ва^o-кош*, (5) **ма^o-куш*, (6) **ма^o-кош*. Теперь следует проверить наши реконструкции на материале языков урало-алтайской семьи, поскольку территории расселения урало-алтайцев и обитания белки совпадают. Все шесть предложенных вариантов имеют реальное обеспечение в живых языках: (1), (2) базируются на низовом чувашском *пакша*; (3), (4) — на верховом чувашском *вакша* и восточнославянских (древнерусском и северновеликорусском) *вѣкъша*, *векша*; (5), (6) — неожиданно, но

---

[5] Фасмер I, стр. 287.

[6] На *о* указывает, в частности, и упомянутая выше фамилия, которая образована, следовательно, из *вякош* путем прибавления диминутивного суффикса *-ка*; к получившемуся *вякошка* присоединен притяжательный «фамильный» *-ин*, что, впрочем, очевидно и не требует специальных экскурсов в область славянского словопроизводства.

вполне закономерно (с учетом угорско-булгаро-чувашских и угорско-славянских связей) получают подтверждение в венгерском языке, где в литературный стандарт вошло *mókus* 'белка, беличий'.

В конце концов, слово оказалось типично урало-алтайским по структуре и более чем прозрачным в плане наличия «апеллятивов». Первые элементы реконструированных аллоформ *па-*, *ва-*, *ма-* прямо сопоставимы с мансийским *па*; венгерским *фа*; эстонским, финским *пуу*; марийским, коми, удмуртским *пу*; тунгусо-маньчжурскими *моо*, *мо*; монгольскими *мо* (в составе калмыцкого *модн*, монгольского литературного *мод*, бурят-монгольского *модон*); тюркскими *о-*, *ву-*, *во-* (в составе *отун*, *утин*, *одун*, *отын*, *утын*, *одын*, *вут*, *вудӑ*, *водӑ*) и т. д., имеющими следующий спектр значений: 'дерево, деревья; лес, лесина; древесина, дрова, деревянный, дровяной'. Что касается второго элемента, то это, видимо, некогда также урало-алтайское слово, сохранившееся ныне лишь в виде тюркских аллоформ *кош*, *куш*, *кӑш* 'птица', *'зверь', с которыми есть основания сближать русское *кыш!* (слово, которым отпугивают птиц). Неразличение птиц и млекопитающих свойственно, например, и другому чувашскому номенклатурному термину — *кайӑк*, которое означает и зверя, и птицу, и даже — насекомых, а в восточных говорах (Урмарский район ЧАССР) встречается просто в значении 'заяц'. Слово *кош* (*куш*, *кӑш*) могло использоваться в названии белки также с учетом самих «летательных» способностей этого грызуна, что подтверждается также семантическим сдвигом, например, в условиях русских говоров, ср. холмогорское *векша* 'сорока', объясненное Зелениным как эвфемизм [7]. Заметим, что, видимо, мансийский вариант *па*^{o}, первый элемент чувашского низового *пакша*, второй элемент чувашского низового *йупа* 'столб' представляют собой древнейший фонетический облик соответствующего, может быть, ностратического (ср. хинди *пэ-р* 'дерево, растение') фитонимического термина.

Следует отметить то очевидное обстоятельство, что спектр переносных и даже прямых значений слова *пакша* в древних урало-алтайских диалектах был значительно шире, в частности, обязательно включал значение денежной единицы (шкурки пушных зверьков во всей Евразии некогда заменяли разменную монету). Поэтому первоначально сюда вполне могли относиться и марийское *окса* [8], заимствованное из чувашского верхового *окса*, и чувашское литературное *укҫа*, которому соответствуют тюркские *акча*, *ахча*, *окча*, *акша*, *акса* 'деньги'; 'серебряные монеты'. Со временем, когда в обращение поступили серебряные монеты, преж-

[7] См. М. Фасмер I, стр. 287.
[8] Впервые сопоставлено О. Н. Трубачевым. См. Фасмер I, стр. 281.

нее название белки в значении 'деньги' первоначально перешло в ранг омонима, а затем претерпело фонетические изменения в результате контаминации с формами, подобными турецкому *акча* 'беленький, беловатый', в связи с чем этимологию В. Г. Егорова, вообще сближающего слова *акча* 'деньги' и *акча* 'беленький' [9], не следует считать сколько-нибудь противоречащей тому, что сказано нами выше. Разумеется, русское слово *белка*, означающее просто 'белая', вполне допускает объяснение в качестве кальки с тюркского уже переосмысленного названия денежной единицы, в течение продолжительного времени, видимо, функционировавшей одновременно в виде эквивалентных беличьей шкурки и соответствующей величины и формы серебряной монеты. Во всяком случае сомнительно, чтобы цвет редко встречающихся альбиносов стал определяющим для названия всего семейства сезонно меняющих окраску меха зверьков [10].

Есть также большой соблазн выводить из *пакша* 'белка' тюркские эквиваленты казахского диалектного *бокша* 'сумочка', тем более, что персидское *бугче* 'котомка, узел, сверток', не имеющее убедительной индоевропейской этимологии, само может быть интерпретировано как тюркизм, а сумочки в древности «несомненно делались из шкур». Тогда первоначальное значение чувашского композита *укса-пухча* 'деньги вообще, всякие деньги' могло бы быть 'монеты и беличьи шкурки', а с учетом древних функций слова *пакша*, которое могло обобщенно обозначать всех лазающих (и даже нелазающих) по деревьям пушных зверьков, могло бы быть и 'монеты' и 'пушнина'. Но для понятий 'сумка; узел; тюк; связка; котомка; сверток; чемодан' подходит также и объяснение *пухча* в качестве образования от глаголов *пух-*, *пох-* 'собирать, объединять, складывать в кучу, созывать вместе' и т. д. Скорее всего и здесь не обошлось без многократных переосмыслений на почве различных говоров и диалектов тюркских языков.

Надеемся, что экстралингвистические данные по истории материальной культуры народов Евразии помогут в дальнейшем углубить и расширить изложенный выше чисто языковый материал.

---

[9] См. В. Г. Егоров, стр. 270, 271.

[10] Ср. Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1961, стр. 33.

Г. Ф. Одинцов

ДВА НОГАЙСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Русские тюркизмы подчас характеризуются с точки зрения их происхождения общо, неточно: «тюркское», «татарское». В частности, не обращают должного внимания на ногайский язык. Между тем связи восточных славян с ногайцами были весьма продолжительными.

В настоящей статье речь идет о словах, достаточно четко выявляющих эти связи. Основное внимание уделено употреблению рассматриваемых названий, так как при установлении происхождения подобных слов, т. е. слов, сравнительно поздно вошедших в язык, их этимология и история сливаются воедино, и из освещения истории термина становится ясной его этимология.

1. Бахмат

В русских памятниках письменности это название впервые встречается в Посольстве от в. к. Ивана Васильевича к Александру Казимировичу при цитировании русскими писцами жалобного списка польского короля Казимира (1503—1504 гг.): «. . .взяли зъ собою. . . три кони велми добрыхъ, бадавѣю [1], а валахъ (мерина. — *Г. О.*), а бахматъ» [2].

Здесь налицо польская ориентация в употреблении термина; *бахматъ* — 'ценная лошадь'; то и другое в первоначальном характере названия подтверждается контекстом первой половины XVI в.: «Кн҃. вел. Василеи Дмитреевичь Московский. . . учти князя вел. Витовта (в Смоленске. — *Г. О.*) многими даръми: чепьми золотыми. . . и суды златыми, и бахматы» [3].

Эта западная ориентация сохраняется и в документах начала XVII века:

а) в отписке суздальского воеводы Плещеева гетману Сапеге: «. . .на бою подъ нимъ (под паном Комаровским. — Г. О.) ранили бахмата» (1608 г.) [4];

[1] *Бадавѣя*, известное, по русским памятникам, только в этом употреблении, фонетически точно соответствует старопольскому *badawija* 'арабский конь' (XVI в. — Słownik polszczyzny XVI wieku. Instytut Badań literackich Polskiej Akademii Nauk. Sekretarz redakcji F. Pepłowski, t. I. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1966, стр. 284), встречающемуся неоднократно, и является старорусским полонизмом диалектного характера.

[2] Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским, т. I. СПб., 1882, стр. 446.

[3] Latopisiec Litwy i kronika Ruska. Wilno, 1827, стр. 49.

[4] Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею, т. II. СПб., 1841, стр. 139—140.

б) в челобитной игумена Пошехонского монастыря гетману Сапеге: «Ивановскому бахмата велѣлъ отдать. . .» (1609 г.) [5];

в) в отписке воевод Петра Пронского с товарищами: «триста человѣкъ съ долгими пищальми на литовских бахматѣхъ» (1614 г.) [6].

Таковы и отсутствующие в картотеках Института русского языка АН СССР следующие примеры:

а) цитируемый Д. И. Языковым отрывок из неизвестного нам памятника: 13 ноября 1608 г. «к вечеру начаша скакати на Бахматѣхъ своихъ многіе люди» (воины гетмана Сапеги. — *Г. О.*) [7];

б) «А въ войскѣ, коли до Москвы ходили. . . бахматовъ десять здохло» (Роспись подаркам, розданным князем С. Бельским крымскому хану Саип-Гирею, 1541—1542 гг.) [8]. Здесь же название *бахмат* употреблено еще раз.

В XVII в. это слово было достаточно хорошо освоено на русской почве: во-первых, оно проникло не только в делопроизводство («воин Арцыбушевъ далъ бахмата») [9], но и в повествовательно-религиозную литературу («ѣзживала въ каптанахъ и въ коретахъ, на аргамакахъ и бахматахъ. Сіе же вмѣняю не въ велико. . . аще сподобитъ мя Богъ. . . сожьженной быти, . . .сіе мнѣ преславно». — Житие боярыни Морозовой, перв. четв. XVII в.) [10]; во-вторых, оно упоминается как русское (московское) название в словарях иностранцев XVII в. (bachmat, a Tartar horse ['татарский конь']; [11] bachmat, caballus Moschoviticus et Scythicus ['лошадь московитов и скифов'] [12]); в-третьих, оно получает параллель — собственное личное имя и фамилию *Бахмат* (впрочем, словопроизводственная связь здесь не обязательна): «Бахмат Тимофеев сын Миткова» (1581 г.) [13]; «Тимошко Кириловъ сын Бахматъ, олончанин» (1672 г.) [14].

Производных старорусских образований от *бахмат* нет, кроме однажды употребленного прилагательного *бахматовый* в «Шутов-

---

[5] Акты исторические. . ., т. II, стр. 278.

[6] Акты Московского государства, изданные Императорскою Академиею наук. Под ред. А. Попова, т. I. Разрядный приказ. Московский стол. М., 1890, стр. 92.

[7] Энциклопедический лексикон А. Плюшара, т. 5. СПб., 1836, стр. 116.

[8] Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Памятники княжения в Литовской Руси Сигизмунда I, т. II, 1506—1544 гг. СПб., 1848, стр. 382.

[9] Л. Д. Воронцова. Вкладная книга Серпуховского Высоцкого монастыря. (Древности. Труды Археографической комиссии Московского археологического общества, т. I). 1899, стб. 331.

[10] Материалы для истории раскола за первое время его существования. Под редакцией Н. Субботина, т. VIII. М., 1887, стр. 188—189.

[11] Б. А. Ларин. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618—1619 гг.). Изд-во ЛГУ, 1959, стр. 251.

[12] G. Knapiusz (Knapski). Thesaurus polonolatinograecus. Wyd. 2. Kraków, 1643, стр. 11.

[13] Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел, ч. I. М., 1813, стр. 570.

[14] Тупиков, стр. 42.

ской комедии» (1703 г.) в речи пьяного поляка (разрядка наша. — *Г. О.*): «. . .я . . .ударил передними бахматовыми ногами ротмистра. . .» [15]

В этом же монологе поляка встречается и термин *бахмат*: «. . .бахматъ, которого подо мною на бою застрѣлили. . .» [16].

Во всех приведенных контекстах *бахмат* — 'ценный, обычно боевой конь'. Такое определение соответствует сохранившимся с XVI—XVII вв. свидетельствам иностранцев, путешествовавших по Украине и югу Русского государства и отмечавших невзрачность, нескладность и в то же время необычайную выносливость ногайских, крымских и татарских боевых лошадей, которых Г. Боплан именует бахматами, а С. Герберштейн — пахматами [17] (где *п* вместо *б*, возможно, отражение немецкого произношения). Близко к этим свидетельствам истолкование термина во многих русских словарях как названия лошадей «толстых, низких, крепких» [18].

На Руси в XVIII в. это слово вышло из обихода; как устаревшее оно характеризуется уже в первых двух академических словарях, в Словаре П. С(околова) [19]; оно совершенно не упоминается ни в одном из современных толковых русских словарей и не отмечается крупнейшими советскими гиппологами (кафедра коневодства Сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева). В народных говорах это слово в живом употреблении не зафиксировано ни составителями картотеки Словаря русских народных говоров, ни В. И. Далем. В Словаре Даля [20] не названа ни одна местность, где бы термин был распространен; отмечены лишь его архаичность, «татарское» происхождение. Поскольку слово перестало употребляться в живой речи, то в первой половине XIX в. возникла путаница в его толковании: появляются, вслед за «Лексиконом» Ф. П. Поликарпова, словари, где *бах-*

---

[15] В. Н. Перетц. Памятники русской драмы эпохи Петра Великого. СПб., 1903, стр. 518.

[16] Там же.

[17] Г. Боплан. Описание Украйны. Перевод с французского. СПб., 1832, стр. 44; S. Herberstein. Rerum moscoviticarum Commentarii. Basileae, 1551, стр. 94; А. Олеарий. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. Введение, перевод, примечания и указатель А. М. Ловягина. СПб., 1906, стр. 405; Стрюйс. Извлечения из описания путешествия в 1669 г. «Астраханский сборник», вып. I. Астрахань, 1896, стр. 111.

[18] Энциклопедический лексикон А. Плюшара, т. 5. СПб., 1836, стр. 116; Настольный словарь для справок по всем отраслям знания в трех томах, т. I. Изд. и ред. Ф. Толль. СПб., 1863, стр. 223; Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук, т. I. СПб., 1867, стр. 53; Даль[3] I, стб. 56; А. И. Орлов. Полный филологический словарь русского языка, т. I. М., 1884, стр. 154.

[19] П. С(околов). Общий церковнославянороссийский словарь, ч. I. СПб., 1834, стр. 51.

[20] Даль[3] I, стб. 56.

мат — 'великорослая (??) лошадь' [21]. У самого Ф. Поликарпова *бахмат* — caballus magnus; латинское же *magnus* — 'большой', — наряду с главным, имеет, как известно, массу производных значений: 'сильный', 'великолепный', 'достойный', 'славный', 'дорогостоящий', что небезынтересно, ввиду сближения в текстах слов *бахмат* и *аргамак* как названий ценных лошадей. Поликарповское *caballus magnus* могло указывать и на массивность, полноту лошади, но было понято составителями последующих словарей только в прямом исходном значении, откуда стали иногда упоминаться не существовавшие в природе высокорослые бахматы.

Уже как поэтический архаизм слово крайне редко употреблялось в народных русских былинах, записанных в прошлом столетии: в виде собственного названия (клички коня) *Бахмат* [22] и в виде *бахманец* [23]; последний возник, возможно, по подсознательной аналогии с *иноходец*, *жеребец*. Сам факт возникновения варианта *бахманец* говорит о забвении звукового облика слова. Ср. с этим появление многочисленных вариантов термина *фарь* 'первоклассный, породистый верховой конь' незадолго до его выпадения из русского языка: *фарисъ*, *фарижь*, *варижь*, *въръж*, *фереж*, *фарсъ*.

В художественной и притом только исторической литературе XIX—XX вв. это слово изредка употреблялось для воссоздания колорита прошлого: «Атаман! — вскричал один разбойник. . . — Аргамаки и бахматы под ними (под опричниками. — *Г. О.*) рублей во сто каждый и боле!» (А. К. Толстой. Князь Серебряный. Повесть времени Ивана Грозного. СПб., 1913, стр. 121). Еще: А. Н. Островский. Тушино. Драматическая хроника в стихах. (Сентябрь и октябрь 1608 г.). — Полное собрание сочинений, т. V, М., 1950, стр. 83; В. Марков. Курские порубежники. Исторический роман, ч. III. М., 1874, стр. 410; П. Н. Полевой. Типы Смутного времени. — «Исторический Вестник», 1889, № 2, стр. 397—398; А. П. Чапыгин. Разин Степан, ч. III, гл. XI. — Собрание сочинений, т. 7. М.—Л., 1928, стр. 91.

Став крайне ограниченным историзмом в художественной литературе и фольклоре, слово *бахмат* не исчезло, однако, бесследно у восточных славян; ср.: укр. диал. *бахмáт*, *бахмéт*

---

[21] Ф. П. Поликарпов. Лексикон треязычный. М., 1704, л. 65: Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный, ч. I. СПб., 1806, стр. 115; П. С(околов). Указ. изд., стр. 51; Ф. Рейф. Русско-французский словарь, в котором русские слова расположены по происхождению, или Этимологический лексикон русского языка, т. I. СПб., 1835, стр. 20.

[22] Русские былины старой и новой записи. Под ред. акад. Н. С. Тихонравова и проф. В. Ф. Миллера. М., 1894, стр. 188.

[23] Л. Майков. Три былины из старинного рукописного сборника 1803 г. — Ж. Ст. I, № 1, 1890. Отдел II, стр. 3.

'маленькая, крепкая лошадка'[24], укр. литер. *бахматий* разг. 'мешковатый'; *бахматість* разг. 'мешковатость', *бахмато* нареч. разг. 'мешковато'[25]; русск. диал. вятск. *бахмат*, *бахметка* 'о ком-либо неповоротливом', 'о ком-либо косматом, мохнатом или с длинной шерстью' (1848 г.), холмог., арханг. *бахмутко* шутл. 'о ком-либо волосатом, мохнатом' (1907 г.)[26]; блр. литер. *бахматы* 'косматый, пушистый'[27].

Обращает на себя внимание отсутствие в литературном русском языке производных от *бахмат*, в отличие от украинского и белорусского (фамилии не учитываются): вероятно, в собственно русских условиях употребление этого термина, сохранившегося в двух вариантах в украинских говорах, поддерживалось меньше, чем на Украине и в Белоруссии.

О живучести архаизма *бахмат* говорит употребление в 1946 г. слова *бахматки* в речи начальника конного парка г. Ступино (в 101 км от Москвы) Михаила Михайловича Корнева, опытного коневода: «Прибыли (лошади из Монголии. — *Г. О.*), но какие-то бахматки, маленькие, лохматые; ну, да они, говорят, очень выносливые и неприхотливые». (Из письма, полученного в марте 1971 г. после публикации заметки «Бахмат», помещенной в журнале «Русская речь» № 6, 1970. Автор письма — Н. К. Филиппов, проживающий в г. Куйбышеве). По самому употреблению слова в речи М. М. Корнева видно, что этому знающему коневоду неизвестен был раньше ни термин *бахмат* («какие-то бахматки»), ни порода, обозначаемая им («они, говорят, . . .выносливые»). По сообщению Н. К. Филиппова, М. М. Корнев сам ездил в Монголию за этими лошадьми и, пока добрался на обратном пути до Урала, проехал с ними значительную часть Сибири. От сибиряков он и мог услышать этот термин. В Сибири сохранилось, отчасти благодаря старообрядцам, немало старинных слов, в том числе и гиппологических названий (например, *комонь*). Слово *бахмат* и прежде было зафиксировано в Сибири (в одной былине[28]), так что можно присоединиться к мнению Л. И. Царевой, расценивающей термин *бахмат* как редкий сибирский диалектизм[29]. Тем самым приведенное употребление слова *бахматки* не изменяет общей характеристики русского термина *бахмат* как архаизма.

Рассмотрим причины возникновения его в XVI в. и постепенного исчезновения в XVIII в. на Руси.

---

[24] О. Н. Трубачев. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960, стр. 57. (Далее — Трубачев. Происхождение. . .).

[25] Украинско-русский словарь. Гл. ред. И. Н. Кириченко, т. І. Киев, стр. 37.

[26] Филин 2, стр. 155—156.

[27] М. Гарэцкі. Беларуска-расійскі слоўнічак. Менск, 1925, стр. 20.

[28] Филин 2, стр. 155.

[29] Там же.

Термин для обозначения татарского (точнее ногайско-крымского) приземистого боевого коня, имевшийся у восточных славян, — *бахмат* (о староукраинском *бахмат* см.: Тимченко I, зош. I, стр. 62; Гринченко I, стр. 34; ст.-белорусск. *бахмат* 'нізкарослы конь' [29a]), а также в польском *bachmat* [30], в румынском — *bahmét* и реже *bahamét* [31], в молдавском — до сих пор не отмечавшееся этимологами *бахме́т* [32], — во всех этих языках устарел, выходя (в польском) или уже выйдя (в других литературных языках) из употребления (по материалам словарей). Одинаковая судьба его в языках, не близких между собой (русский и румынский, польский и молдавский), заставляет искать причины его возникновения и исчезновения у этих народов в возникновении и исчезновении актуальности самой породы боевых лошадей, обозначавшейся словом *бахмат*. В польском [33] и русском языках это слово известно с XVI века, в русском — уже с начала этого столетия. Немногим раньше обострилась борьба против татаро-монгольского ига, рухнувшего в 1480 г. Участившиеся накануне и после этого военные столкновения русских с татарами и ногайцами способствовали возникновению у соседних с этими тюрками народов названия для обозначения б о е в о й ногайской лошади — *бахмат*. У самих тюркских народов, по этимологическим и лексикографическим материалам, такого термина нет; он возник от собственного тюркского личного имени *Бахмат* (и *Mähtät*) 'Магомет' [34] (из арабского *Мухаммäд* 'хвалимый' от арабск. *х̣мд* 'хвалить'), наиболее популярного и любимого у тюрков. По имени всадника, которым чаще всего был Бахмат, противники его стали называть и боевую лошадь всадника, а плетку, которой ногаец понукал своего коня, назвали нагайкой — тоже в о е н н ы м по своим оттенкам словом, обнаруженным нами в словарях всех без исключения народов, имевших термин *бахмат* [35].

29a Гістарычная лексікалогія беларускай мовы. Рэд. А. Я. Баханькоў, А. І. Жураўскі, М. Р. Суднік. Мінск, 1970, стр. 139.

30 B. A. S. K r a s i ń s k i. Słownik synonimów pólskich, t. I. Kraków, 1885, стр. 268.

31 Dicţionarul limbii Române întocmit şi publicat după îndemanul şi cheltuiala maiestăţii sale Regelui, t. I. Bucureşti, 1913, стр. 426. (Далее — Dicţionarul I).

32 Молдавско-русский словарь. М., 1961, стр. 76.

33 Słownik polszczyzny XVI wieku. Sekr. red. F. Pepłowski, t. I, стр. 50.

34 K. H. M e n g e s. Slavo-altajische Wortforschungen. «Festschrift für Dmytro Čyževśkyj zum 60. Geburtstag». Berlin, 1954, стр. 187—189; О. Н. Т р у б а ч е в. Происхождение. . ., стр. 57—58; Г. Ф. Б л а г о в а. Историко-этимологические заметки о словах *басурманин—мусульманин* и *магометанин* (*махоммеданин*). «Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка». М., 1969, стр. 315—316.

35 Молдавско-русский словарь. М., 1961, стр. 405; Dicţionarul limbii Romîne. Vol. III. Bucureşti, 1957, стр. 157; Варшавский словарь III, стр. 74; Г р и н ч е н к о II, стр. 475. Как диалектизм *nahaika* отмечено также в чешском языке, в котором имелось и *bachmat* (Jungmann I, 62).

После взятия Астрахани русскими (1554 г.) воинствующая часть ногайцев двинулась по южнорусским степям на запад и по разрешению турецкого султана Сулеймана II поселилась в 1569 г. в южнобессарабской степи Буджак, которая в старину представляла собой дикую равнинную местность, откуда ногайцы на своих бахматах совершали набеги на ближайших соседей в Молдавии, Румынии, Подолии, Польше, России; неудивительно, что у этих соседей (и еще у чехов) обнаружен термин *бахмат*; не случайно в русских справочниках бахматы упоминались как «длинногривые подольские лошади» [36], а в румынских — как «буджакские кони» [37].

В XVIII в. ногайцы оставили Буджак; примерно с этого же времени термин *бахмат* стал превращаться у восточных славян, поляков, румын и молдаван в поэтический архаизм. (Как историзм его использовали Ян Кохановский и Монивид Дорогостайский в Польше [38], П. А. Кулиш на Украине [39], поэт Васили Александри в Румынии, создатели народных баллад в Молдавии [40], авторы русских былин.)

Характерно, что на севере Русского государства, где *бахмат*, естественно, не отмечено, лошадь ногайской породы именовалась словом *нагайщина*, не известным в южных и юго-западных памятниках: «Иван Мѣльцовъ дал по своеи вѣре аксамит. . . да мерина нагайщину» [41] (Недалеко от Холмогор, 1643 г.).

2. Буланый

Русское *буланый* определяется как «желтоватый, разных оттенков, особенно с в е т л ы х (разрядка наша. — *Г. О.*); иногда при темном хвосте и гриве и с такой же полоской на хребте» [42]. Преимущественно встречающиеся светлые оттенки желтовато-золотистой или песчаной окраски подчеркивают и коневоды [43]. Первое употребление термина датировали, как известно, 1570 го-

---

[36] Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания. Под ред. С. Н. Южакова и П. Н. Милюкова, т. 2. СПб., б. г., стр. 698; Энциклопедический словарь под редакцией проф. И. Е. Андреевского. Издатели Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон, т. III. СПб., 1891, стр. 211.

[37] Dicţionarul I, стр. 426.

[38] B. A. S. K r a s i ń s k i. Słownik synonimów polskich, t. I. str. 268.

[39] П. А. К у л и ш. Байда, князь Вишневецький. Драма (1553—1564 гг.). СПб., 1884, стр. 11 и 20.

[40] Dicţioharul I, стр. 426.

[41] Чтения ОИДР, кн. 2, М., 1917, стр. 39.

[42] Словарь современного русского литературного языка, т. I. М.—Л., 1948, стб. 682.

[43] Книга о лошади. Сост. С. М. Буденный, т. I. М.—Л., 1949, стр. 62.

дом [44]. Приводим более ранние употребления: «да в Смоленскъ . . .кон(ь) гнѣд да . . .кон(ь) булан» (1535 г., Медынь); «кон булан проиноход» (Яросл. у., 1545/46 гг.) [45].

Местоименная форма от *булан* в отличие от близких ему *гнед*, *солов*, возникает поздно: «мерина буланого» [46], что отчасти связано с тюркским происхождением термина. При этом объяснение *буланый* < татарск. *булан* 'светло-желтый' [47] неприемлемо: *буланый* по-татарски *кола* [48], а татарский (?) термин *булан* неизвестен ни В. В. Радлову [49], ни другим лексикографам [50]. Поэтому И. И. Назаров (Казань), непосредственно общающийся с носителями татарского языка, возводит русск. *буланый* к реальному татарскому названию *болан* 'олень': «В татарском языке, — пишет он, — этот термин. . ., по-видимому, обозначал цвет лошади по цвету оленя (олень по-татарски *болан*)» [51]. Словом *по-видимому* сам автор этой этимологии подчеркивает ее гипотетичность: татарск. *болан* как гиппологизм ни И. И. Назаров, ни сторонники его этимологии (Н. К. Дмитриев и Д. С. Сетаров) [52], ни авторы словарей не отмечают [53]. Необходимо выяснить, как получилось, что *булан*, впервые отмеченное в 1535 г., стало известно также полякам, украинцам, белорусам (полякам позднее, чем русским [54]), во время довольно значительной обособленности языков этих народов, тогда как близкий к *булан* термин *ковур* (*каур*) несомненно татарского происхождения, известный раньше — с 1489 г., — встречается только у русских.

Незадолго до появления у славян названия *булан* и позднее — в XVII в. — стали соприкасаться со всеми народами, имеющими

---

[44] Н. М. Шанский. Этимологический словарь русского языка, т. I, вып. 2. М., 1965, стр. 222. (Далее — Шанский I); Фасмер I, стр. 238 (со ссылкой на Ф. Корша).

[45] П. П. Лихачев. Сборник грамот и договоров, собранных в архивах и библиотеках. СПб., 1895, стр. 11 и 14. Ср. еще: «жеребчик булан» (1560 г. — А. Г. Маньков. Материалы по истории крестьян в русском государстве XVI в. Сборник документов. Л., 1955, стр. 19).

[46] Кунгурские акты XVII в. СПб., 1888, стр. 244.

[47] Шанский I, вып. 2, стр. 222; Фасмер I, стр. 238; Преображенский, стр. 52; Miklosich, стр. 417.

[48] Русско-татарский словарь. Казань, 1938, стр. 48. Русско-татарский словарь. Гл. ред. Н. К. Дмитриев, т. I. Казань, 1955, стр. 72.

[49] Радлов IV, ч. 2, стб. 1837—1838.

[50] Татарско-русский словарь. М., 1966. Татарско-русский словарь. Казань, 1950.

[51] И. И. Назаров. Тюрко-татарские элементы в языке древних памятников русской письменности. Уч. зап. Казанского пединститута. Казань, 1958, № 15, стр. 266.

[52] Н. К. Дмитриев. О тюркских элементах русского словаря. «Лексикографический сборник», вып. 3. М., 1958, стр. 22. Д. С. Сетаров. Тюркизмы в русских названиях животного мира. Автореферат кандидатской диссертации. Алма-Ата, 1971, стр. 7.

[53] См. указанные татарско-русские словари.

[54] Brückner, стр. 48.

этот термин, буджакские ногайцы. Ногайское же *болан*, не отмечаемое в других тюркских языках, обозначает 'буланый (о масти лошади)' [55]. В первую очередь ногайцы столкнулись в Бессарабии с молдаванами, а затем и с румынами, и у обоих народов этот термин есть: рум. *bălan*, — как считают, из молдавского — сближается румынскими авторами с русским *буланый* [56]. У балканских народов имеется близкое к рум. *bălan* 'бледно-желтый, светлый, светло-серый (о домашних животных, особенно о лошади)' диалектное болг. *балан* 'светло-серый вол, буйвол' [57]. Идентичное же по семантике ногайскому *болан* русское *буланый* переводится на румынский двумя словами: *şarg* и *bălan* [58].

Известно далее, что приблизительно до XIII—XIV вв. в восточнославянской коневодческой лексике, первоначально наиболее тесно связанной не с восточной тюркской, а с западнославянской (особенно с чешской) коневодческой терминологией, сохранялось несколько архаичных названий для обозначения светлой, беловатой, белой масти лошадей — *блѣдъ*, *срѣнъ* (и *серенъ*), *бронъ*, — т. е. такой масти, которая ценится коневодами менее всего. Лошади со слабой пигментацией волосяного покрова или с отсутствием ее уступают пигментированным особям по своей выносливости [59]. По-видимому, тюрки, как опытные коневоды, старались таких лошадей не разводить. Возможно, ввиду этого ногайцы, прибывшие в Буджак, не имели термина *болан*, но вынуждены были его заимствовать у румын, молдаван [60], попав в окружение народов, широко разводивших скот такой масти. При захватах, беря в плен скот, воинствующие ногайцы, понятно, больше всего ценили лошадей. Так ногайское *болан* могло превратиться в коневодческий термин и уже как гиппологическое название было затем заимствовано соседями: украинцами (*булан* [61]), русскими, поляками [62]. Точное терминологическое соответствие ногайского *болан* славянскому *булан*, география и хронология распространения термина говорят сами за себя. Ср. одно из первоначальных его употреблений в русской письменности: «Купили жеребят нагайскихъ въ монастырь, . . .жеребя булано, трехъ лѣтъ» (Приходо-расходные книги Болдина Дорогобужского монастыря. 1568—

---

[55] Ногайско-русский словарь. Под редакцией Н. А. Баскакова. М., 1963, стр. 84.

[56] Dicţionarul I, стр. 448.

[57] БЕР I, стр. 28.

[58] Э. Григоровица. Русско-румынский словарь. СПб., 1897, стр. 45.

[59] Книга о лошади, т. I, стр. 61.

[60] Мысль о румынском заимствовании термина *болан* ногайцами была высказана при обсуждении настоящей статьи О. Н. Трубачевым.

[61] Е. Желеховский. Малоруско-німецкий словар. I. Львів, 1882, стр. 49. Тимченко I, стр. 153.

[62] Brückner, стр. 48.

1570 гг.)[63]. Ближайшие соседи ногайцев — молдаване и румыны — также частично могли перестроить свой старый термин в сторону сближения его с ногайским[64], чего, естественно, не произошло у болгар.

Румынск. *bălan* содержит корень, являющийся у индо-европейцев, быть может, субстратным обозначением белого цвета или одного из оттенков этого цвета. Ср. еще, кроме болг. *балан*, лит. *bálnas* 'с белой спиной (скот)'[65], сохранившееся и с несколько иной семантикой в устойчивом словосочетании *bálnas jáutis* 'белый бык'[66], в обоих случаях звук (*a*) в первом слоге краткий. (В свободных словосочетаниях вместо *bálnas* употребляется в значении 'белый' прилагательное *báltas*, также могущее быть однокоренным с рассмотренным термином; ср. лтш. *bálts* 'белый')[67]. Вопреки составителям Болгарского этимологического словаря, вряд ли этот корень представляет собой простую модификацию славянского *bělъ*[68].

---

[63] Русская историческая библиотека, т. 37. Пг., 1923, стр. 68.

[64] Рум. *bălan* неоднозначно и может указывать на белокурого человека. Срав. с этим рум. собственное личное имя *Бълан* (1641 г.) — M. Gaster. Chrestomatie Română, vol. I. Leipzig—Bucurescĭ, 1891, стр. 91, 392.

[65] A. Lyberis. Lietuvių rusų kalbų žodynas. Vilnius, 1962, стр. 92.

[66] Русско-литовский словарь. Составители В. Баронас, В. Галинис, т. I. Вильнюс, 1967, стр. 44.

[67] Латышско-русский словарь. Латгосиздат. Рига, 1953, стр. 88. Русско-латышский словарь. Составил проф. Я. В. Лоя. М., 1951, стр. 44.

[68] БЕР I, стр. 28.

Т. В. Горячева

К ЭТИМОЛОГИИ РУССКОГО ДИАЛЕКТНОГО *СПОРЫДАТЬ*

Русск. диал. *спорыдать* 'светить, озарять (о солнце)' еще не нашло отражения в существующей этимологической литературе. У Фасмера оно приводится в словаре с пометой «неясно» [1]; глагол дается со ссылкой на Подвысоцкого. В словаре Подвысоцкого зафиксирован глагол *спорыдать* с пометой помор. в значении 'светить, озарять (о солнце)': «Вставай, робя, солнце уж *спорыдат*» [2]. В Опыте находим *спорыдать* с пометой арханг. в значении 'появляться, показываться (о солнце)': «Пора вставать, уж солнышко *спорыдаеть*»; т. е. горизонт уже осветился и солнце близко к восхождению [3].

Даль дает *спорыдать* под вопросом и с пометой арханг. Значение выводится им из контекста: «Пора вставать, солнце *спорыдает*» — 'всходит' [4].

В возвратной форме глагол *спорыдать* сохранился в одном из северновеликорусских причитаний, собранных Е. Барсовым [5]:

Нонь раздумаюсь печальным умом разумом,
Наступает теперь великая невзгодушка,
Над желанным, спацьливым моим дядюшкой:
Он при трудной, болезной при постелюшке,
Час к часочику теперь да придвигается,
Заря утреня теперь да *спорыдается*;
Он не чувствует породы именитой,
Он не знае нас любимых столько племняток;
Уже так да он желанный наш труднешенек,
Он при смертной теперь да при смерётушке.

(Плач о дяде двоюродном).

У Куликовского встречаем и производное от глагола *спорыдать*: *спорыданье* зари 'пробуждение, рассвет зари [6]. Это взято им у Барсова, в Северно-русском словаре, приложенном к I

---

[1] Vasmer II, 701.
[2] Подвысоцкий, стр. 162.
[3] Опыт, стр. 213.
[4] Даль[3] IV, стб. 459.
[5] Причитания Северного края, собранные Е. Барсовым, т. I. М., 1872, стр. 208.
[6] Куликовский, стр. 111.

тому Причитаний [7]. В причитаниях же, а именно, в «Плаче по крестнице», — форма уменьшительно-ласкательная: *спорыданьице*:

Как сегоднешним Божьим денечком,
Из поранному было по утрышку,
До ранняго петунья воспеваньица,
До унылa соловьинаго жупляньица,
До ранней зори *спорыданьица*,
До белого свету расставаньица,
До красна солнца выставаньица [8].

Еще Е. Барсов, делая пометы к своему Северно-русскому словарю, высказал мысль о том, что *спорыдать* связано с глаголом *рдеть* 'краснеть' [9]. Есть все основания следовать именно этой гипотезе при этимологизации глагола. Действительно, восходу солнца предшествует появление алого, золотистого света из-за горизонта: «*призардéлася* заря утреня» [10]. Ср. о восходе солнца также *забрындеветь*? арханг. 'засиять, заблестеть' «Рано солнышко из-за лесу *забрындевело*» (сказка) [11]. Слово связано с глаголом *бру(ы)неть* (*бронеть*) в значении 'рдеть' [12]. Ср. также *золок* м. зап. 'заря' [13], *золочить* псков. твер. безл. 'заниматься заре' («На востоке уж *золочит*») [14] (<**zolkъ*, <**zoltjiti*), ср. *золотой* (<**zoltъjь*).

Глагол *спорыдать* — обычное для диалектов образование с двумя префиксами *с-* и *по-*. Оно характерно как для глаголов совершенного вида, так и несовершенного; ср.: *спозреть*, *спозирать* 'озираться и увидеть что-либо' [15], *спояти*, *споимати* (*споéмлю*) кого 'брать с собою' [16], *сполáдить*, *сполáживать* 'с кем, чем ладить, сладить; справиться, устроиться, уговориться' [17], *спородить*, *спорожать* 'рожать, родить, нарождать, народить' [18] и др.

Таким образом, глагол *спорыдать* легко членится на *с- порыдати*. **rydati* мы связываем с **rъděti* 'краснеть', этимология которого известна. С обозначением красного цвета, помимо глагола **rъděti*, связаны также однокоренные *рыжий* (**rydjъjь*) и диал. (смол.) *рыдкий* (**rydъkъjь*) 'алый, красный' [19].

---

[7] Барсов, указ. соч., стр. XVII (словарь).
[8] Там же, стр. 126.
[9] Там же, стр. XVII (словарь).
[10] Даль[3] III, стб. 1079.
[11] Даль[3] I, стб. 1386.
[12] Там же, стб. 321.
[13] Там же, стб. 1722.
[14] Там же, стб. 1725.
[15] Даль[3] IV, стб. 451.
[16] Там же.
[17] Там же, стб. 452.
[18] Там же, стб. 458.
[19] Добровольский, стр. 805.

В **rydati* мы имеем закономерное для глаголов несовершенного вида на *-ati*, *-aję* удлинение корневого гласного ъ > *y*. Эта довольно поздняя форма **rydati* 'краснеть', возникшая, возможно, исключительно на восточно-славянской почве, омонимична **rydati* 'плакать'. Этимологическое отождествление их вряд ли вероятно: и.-е. **reudh-* 'красный' [20], к которому восходит **rydati* 'краснеть', отличается от **reud-* (расширение к **reu-* 'реветь', звукоподр.) [21], к которому восходит **rydati* 'плакать', качеством конечного согласного корня. Омонимию, аналогичную славянской, мы встречаем в литовском: ср. лит. *raudà* 'вопль, плач', лит. *raudóti*, *raudóju* 'стенать, плакать' (обычно связываемые с русск. *рыдать* 'плакать, стенать' [22] и лит. *raudà* 'краснота, багрянец, красная краска' (родственное русск. *руда*, *рыжий* [23]).

---

[20] Pokorny I, 872.
[21] Там же, 867.
[22] Vasmer II, стр. 554.
[23] Fraenkel, lief. 9, стр. 704—705.

В. А. Никонов

ОПЫТ СЛОВАРЯ РУССКИХ ФАМИЛИЙ. II

Публикации этого «Опыта» положил начало предыдущий сборник «Этимология. 1970», напечатав вводную статью моего словаря и первые 350 фамилий. Не повторяя сказанного *, необходимо лишь напомнить, что публикация экспериментальна, она представляет на обсуждение попытку создать словарь такого типа. Поэтому все дано так, как должно быть в готовом словаре, например, с отсылками к тем статьям, которые по алфавиту находятся за пределами публикуемого.

Вместе с напечатанным в предыдущем сборнике предлагаемая здесь часть включает более 1300 фамилий (приблизительно $^2/_3$ всей буквы А), составляя около 2% всего словаря, словник которого содержит 70 000 фамилий. Сколько всех фамилий у 140 миллионов русских (перепись 1970 г.)? Такой вопрос поставил Научно-исследовательский институт статистики ЦСУ СССР перед Группой ономастики Института этнографии АН СССР, но для решения еще нет данных. Пока только приблизительно можно сказать, что отобранные 70 000 фамилий охватывают не меньше 95% всего русского населения, то есть по меньшей мере 133 миллиона человек, зато у остальных 7 миллионов может быть полмиллиона или даже миллион фамилий, каждую из которых носят лишь несколько человек. Например, самая короткая фамилия *Е* принадлежит одной единственной москвичке.

Объем словаря примерно 300 печатных листов. Понятно, что такая работа не укладывается в рамки десятилетия.

Составитель выражает искреннюю благодарность тем, кто информацией и советами помогал работе над этой частью словаря: Ю. А. Анциссу, С. А. Арутюнову, Н. А. Баскакову, И. Г. Добродомову, А. Б. и Б. М. Долгопольским, Л. Б. Серебренниковой, Б. А. Старостину. В статьях словаря указаны и другие, которым автор обязан сообщениями по отдельным фамилиям.

Во многих случаях не указано ударение, — если фамилия известна только в написании. Не поставлены ударения над ё — они бесспорны.

В ссылках на источники и литературу здесь, кроме принятых в сборнике, употреблены следующие сокращения:

---

* Кроме упомянутой вводной статьи, принципы анализа русских фамилий рассмотрены в ряде опубликованных автором работ: «Формы русских фамилий» в сб. «Studia językoznawcze poświęcone St. Rospondowi». Wrocław, 1966; «До фамилий» в сб. «Антропонимика», М., 1970, «Триумфальное шествие фамилий» в сб. «Onomastica Slavogermanica» V. Berlin, 1970.

ААЭ — Акты Археографической экспедиции, т. I—IV. СПБ, 1836.
АЗР — Акты, относящиеся к истории Западной России, т. I—V. СПБ, 1846—1853.
АИ — Акты исторические, т. I—V. СПБ, 1841—1842.
АИК — Алфабет на именные книги пехотного Азовского полку. (Список рязанских помещиков). Рязань, 1897.
«Антропонимика» — Сб. «Антропонимика». М., 1970.
АСДРВ — М. И. Трегубов. Алфавитный список дворянских родов Владимирской губернии. Владимир, 1905.
АЮ — Акты юридические. СПБ, 1832.
Бабкин — Словарь названий жителей РСФСР, под ред. А. М. Бабкина. М., 1964.
Бирилло — Н. В. Бирилло. Белорусская антропонимика. Минск, 1969.
Бірыла. — М. В. Бірыла. Беларуская антрапанімія, т. I—II. Мінск, 1966—1969.
ДНУАК — Действия Нижнегородской ученой архивной комиссии, т. XIII. Нижний Новгород, 1912; т. XV, вып. 5—1913.
ДПК — Десятни Пензенского края. СПБ, 1897.
ДСТ — Диалектологический словарь татарского языка. Казань, 1969.
ДТС — Древнетюркский словарь. Л., 1969.
ДУП — Ю. К. Редько. Довідник українських прізвищ. Київ, 1969.
Евсевьев — М. Е. Евсевьев. Эрзянь-рузонь валкс. М., 1931.
ЕК — А. Еремия, М. Косничяну. Нуме де персоане. Кишинэу, 1968.
Жанузаков — Т. Ж. Жанузаков, Я. П. Белоусов, Т. М. Муканов. Қандай есімді ұнатасыз. Алматы, 1968.
Золотницкий — Н. И. Золотницкий. Корневой чувашско-русский словарь. Казань, 1875.
Кучкин — В. А. Кучкин. Ростово-Суздальская земля в X в. — первой трети XIII в. — «История СССР», 1969, 2.
ЛИ — Сб. «Личные имена в прошлом, настоящем, будущем». М., 1970.
Магницкий — В. К. Магницкий. Чувашские языческие имена. «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», т. 21, вып. 2 и 3. Казань, 1905.
МИТ — Материалы по истории Татарии, т. I. Казань, 1948.
Мокшин — Н. Ф. Мокшин. Старинные мордовские имена. «Литературная Мордовия», № 25. Саранск, 1961.
НПК — Новгородские писцовые книги, т. I—IV. СПБ, 1869—1910.
ОП — «Ономастика Поволжья», сб. I, Ульяновск, 1969; сб. II, Горький, 1971.
Петровский — Н. А. Петровский. Словарь русских личных имен. М., 1966.
ПК — Писцовые книги Московского государства, под ред. Н. В. Калачова. СПБ, 1877.
ПКТК — Писцовые книги Тульского края, т. I. Тула, 1912.
ППНН — Писцовая и переписная книга XVII в. по Нижнему Новгороду. СПБ, 1896.
Редько — Ю. К. Редько. Сучасні українські прізвища. Київ, 1966.
РГ — В. В. Руммель, В. В. Голубцов. Родословный сборник русских дворянских фамилий, т. I и II. СПБ, 1887.
РК — Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966.
Саттаров — Г. Ф. Саттаров. Некоторые вопросы татарской антропонимии. «Вопросы истории, филологии и педагогики». Казань, 1965.
СВІЛ — Словник власних імен людей. Київ, 1967.
СЛИ — Справочник личных имен народов РСФСР. М., 1965.
ССКЗД — Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.
Суднік — М. Р. Суднік. Слоўнік асабовых уласных імён. Мінск, 1965.
Тамож. кн. — Таможенные книги Московского государства XVII в., т. I—III. М.—Л., 1950—1951.

Трубачев — О. Н. Трубачев. Из материалов для этимологического словаря фамилий России. «Этимология. 1966». М., 1968.
Тупиков — Н. М. Тупиков. Словарь древнерусских собственных имен. СПБ, 1903.
Тыс. кн. — Тысячная книга 1550 г. М.—Л., 1950.
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов. Москва.
Bahlow — 1933 — H. Bahlow. Deutsches Namenbuch. Neumünster, 1933.
Bahlow — 1935 — H. Bahlow. Unsere Vornamen in Wandel der Jahrhunderte. Limburg—Lahn, 1965.
Beneš — J. Beneš. O českých příjmeních. Praha, 1962.
Brechenmacher — J. K. Brechenmacher. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Familiennamen. I—II, Limburg—Lahn, 1957—1962.
Bystroń — S. Bystroń. Nazwiska polskie. Lwów—Warszawa, 1932.
Dauzat — A. Dauzat. Dictionnaire étymologique des noms de famille et prénoms de France. P., 1951.
Graur — Al. Graur. Nume de persoane. București, 1965.
Harrison — H. Harrison. Surnames of the United Kingdom. Baltimore, 1969.
ICOS — VIII — Proceedings of Eighth International Congress of Onomastic Sciences (Amsterdam, 1963). The Hague—Paris, 1966.
Lévy — P. Lévy. Les noms des Jsraélites en France. Paris, 1960.
Reaney — P. H. Reaney. A dictionary of British Surnames. London, 1958.
Rospond — St. Rospond. Słownik nazwisk śląskich. I. Wrocław, 1967.
Smith — E. C. Smith. Dictionary of American family names. N. Y., 1956.
SSNO — Słownik staropolskich nazw osobowych. I. Wrocław, 1965.
Svoboda — J. Svoboda. Staročeská osobní jména a naše příjmení. Praha, 1964.
Unbegaun — 1951 — B. O. Unbegaun. Structure des noms de famille russes. — «III Congress International de Toponymie et d'anthroponymie (1949)», v. 2. Louvain, 1951.
Unbegaun — 1966 — B. O. Unbegaun. La fréquence des noms de famille russes. — «Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves», XVII. Bruxelles, 1966.
Остальные библиографические ссылки даны непосредственно в тексте словаря.
Из сокращений нарицательных употреблены, кроме общепринятых, следующие:
ж. л. и. — женское личное имя
м. л. и. — мужское личное имя
ф. — фамилия

Автанди́лов — ф. связана с м. л. и. Автандил, употребляемым у грузин и армян в честь одного из героев прославленной поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». На русс. почве возникло дополнительное оформление господствующим суффиксом русск. ф. ф. *-ов*.

Автомонов — отчество от Автомон, представляющего искажение м. л. и. Автоном (см. *Автономов*). Вологодск. купец А. — 1633 г. (Тамож. кн. I, 110).

Автономов — отчество от канонического м. л. и. Автоном (греч. 'независимый' или 'самозаконный'). Из производных форм от того же имени образованы ф. ф. Автамонов, Автомонов, Автин.

Автухов — отчество от Автух, уменьшительной формы из канонического м. л. и. Евтихий, документированной в Белоруссии 1689 г. (Бірыла I, 68—69), см. также Алтухов, Авчухов.

Аву́ев — возможно, отчество от прозвища Авуй; нарицательное **авуй* можно предположить по наличию в некоторых русск. говорах слова *авушный* 'жадный'.

Авхи́лов — происхождение ф. неясно.

Авцын — возможно, фонетический вариант, тождественный с ф. Овцын, нередкой в документах XVI в. (РК, 577), раньше — Еска Ермолин Овцын — 1495 г. — (НПк, II, 122); из отчества от неканонического м. л. и. Овца, частого в XV—XVII вв. (Тупиков, 284; РК, 576). Замена *о* → *а*, обязательная в акающих говорах, не могла произойти под ударением, это делает сомнительной связь с Овцын, если не допустить возможностей *овца* → *авца* → Авцын (м. б. с ударением Авцы́н ?).

Авчаров — именование по занятию отца, т. е. 'сын овчара' (пастуха овец), с закономерным в акающих говорах *о* → *а* в безударной позиции. Не вполне исключено, однако, фонетическое изменение из Авшаров (см.).

Авченков — дооформленная суф. русских фамилий *-ов* белорусская или украинская ф. из отчества с суффиксом *-енко* от формы Авка, которая возникала от многих канонических м. л. и. (Петровский, 238, привел 28 имен, пропустив самое близкое — Аввакум); *к* → *ч* закономерное смягченье перед гласным переднего ряда.

Авчи́нников — отчество из именования отца по занятию *овчинник* (производство овчин или торговля ими); в акающих говорах *о* → *а* в безударной позиции обязательно. В форме Овчинников старейший документированный пример — 1496 : Илейко Кузмин сын Овчинников (Тупиков, 114); в форме А. : 1815 — крестьяне Бобровск. у. Воронежск. губ. (Воронежск. обл. архив, ф. 18, оп. 1, № 323, с. Ильинское), купцы и мещане в Коломне — 1816 г. (Архив Москвы, ф. 51, оп. 8, № 118).

Авчуков, Авчухов — отчества, образованные суф. *-ов* от форм Авчук и Авчух, которые могли возникать из различных канонических м. л. и. — Аввакум, Авдий, Автоном, Августин и др. (Петровский, 239) привел форму Авчик от Клавдий (!), но вероятней от Иов, на почве украин. и белорусск. языков, сравн. ф. Иовчук. Документирована белорусск. форма Автух от м. л. и. Евтихий (Бірыла I, 68—69), см. также *Автухов*, *Алтухов*.

Авша́ров — наличие этой ф. в Средней Азии (например, в Узбекистане) побуждает предположить ее происхождение из обозначения этнической принадлежности: тюркское племя афшар, известное еще Махмуду Кашгарскому (X в.), сохранилось до наших дней, например, в Закавказье. Если же ф. русского происхождения, то она — результат фонетического изменения из Овчаров (см. *Авчаров*).

Агаба́бов — несомненна связь фамилии с тюрк. источником (например, тур. *ага* 'начальник, господин', *baba* 'честный', 'отец')

как и русск. формант *-ов*; однако, происхождение ф. остается неясным; вероятно, она появилась в России с Кавказа.

Агаба́ев — отчество с русским суф. *-ев* из тюркоязычного м. л. и. Агабай: *ага* 'начальник, господин, хозяин', *бай* 'богатый'.

Агабе́ков — из тюркоязычного м. л. и. Агабек 'начальник, господин, хозяин', *бек* 'князь, знатный'. Русский суффикс *-ов* присоединен для образования отчества (агабеков сын 'сын Агабека'), которое позже стало фамилией, или непосредственно для образования ф. по русской модели.

Агаджа́нов — ф. армянского происхождения — Агаджанян, родит. пад. от м. л. и. Агаджан, обозначало отчество (т. е. 'сын Агаджана'), арм. показатель родит. падежа заменен русск. суффиксом *-ов* с аналогичным значением.

Ага́ев — из тюркоязычного *агай* 'старший брат, дядя', у киргизов — форма вежливого обращения вообще к старшему мужчине. В прошлом м. л. и. Агай (в русск. документах Огай) зафиксировано, например, у чуваш (Магницкий, 60).

Ага́ков — отчество, возможное 1) от м. л. и. Агак (Огак), зафиксированного в прошлом, например, у чуваш (Магницкий, 60), 2) от одного из канонических м. л. и. (Аггей, Агапий, Агафон и др.), но эта форма нигде не засвидетельствована.

Агала́ков, Агала́ров — происхождение ф. ф. неизвестно.

Агалецкий — происхождение ф. неясно; от *оголец*, 'озорник' могло быть только Агальцов; неизвестность ударения еще более затрудняет анализ.

Агалин — происхождение ф. неясно. Ранние упоминания — Огалин, в документах с XV в.: 1495 — помещик Васюк Власьев сын Огалин (родит. падеж: «сын Васюка Огалина»), 1578 — писец Василий Огалин в Суздале, 1642 — в Коломне, дворянин Степан Иванов сын Огалин (Тупиков, 674). Безударное *о* → *а* в акающем московском произношении обязательно.

Ага́льцев, Агальцо́в — отчество из *оголец*, в акающем произношении *агалец*; блр. глагол *агалецъ* 'впасть в нищету, разориться'; в русск. диалектных словарях отсутствует, но, например, на Среднем Поволжье в начале нашего столетия общеизвестно существительное *оголец* 'озорник, беспутный'.

Агамалиев — отчество (или непосредственно ф.) с русск. суф. *-ев* из принесенного исламом м. л. и. Агамали, в прошлом употребительного, например в Азербайджане (от того же имени — топонимы в Азербайджанск. ССР: Агамалы, Агамалыоглы 'сын Агамалы').

Агамемнонов — ф. книжного происхождения, образована из м. л. и. Агамемнон, известного по «Илиаде» — микенский царь, глава греческого войска в войне против Трои. Ф. могла возникнуть не раньше конца XVIII в., вероятней в XIX в. — или в духовной семинарии, или как псевдоним.

Агане́сов — из армян. ф. Аганесян, родит. падеж от м. л. и. Оганес (Аганес), представляющего армян. форму имени Иоганн (другая армян. форма того же, м. л. и. — Аванес, из этого ф. Аванесов).

Ага́нин — образованное суф. *-ин* отчество из уменьшительной формы Аганя от одного из канонических м. л. и. — Агав, Агапий, Агапит, Агафангел, Агафон, Агафоник.

Ага́ничев — образованное суф. *-ев* отчество из отчества же Аганич от уменьшительной формы Аганя (см. предыдущ.).

Ага́нов — образованное суффиксом *-ов* отчество из Аган (по-видимому, производная форма от одного из канонических м. л. и. — Агав, Агапий, Агафон и т. д.).

Агапе́ев — образованное суф. *-ев* отчество из просторечной формы Агапей от канонического м. л. и. Агапий (см. *Агапиев*).

Агапиев — образованное суф. *-ев* отчество от канонического м. л. и. Агапий (из греч. ἀγαπάω 'любить'). От других форм того же имени — ф. ф. Агапеев, Агапкин, Агапов, Агапушкин, Агапцев, Агапьев, Агафьев, возможно, Аганин и др.

Агапи́тов — образованное суф. *-ов* отчество от канонического м. л. и. Агапит (из греч. *агапитос* 'любимый'); ф. А. в XVII в. часта на русск. Севере (1635 г. — Тамож. кн. I, 659); в Ростове Великом — 1749 г.

Агапкин — образованное суф. *-ин* отчество из уничижительной формы Агапка от Агап — просторечная форма от канонических м. л. и. Агапий, Агапион, Агапит, Агафон, Агафангел, Агафоник и др. Маловероятно из той же уничижительной формы Агапка от ж. л. и. Агафия, так как ф. по имени матери несравнимо реже, чем по имени отца.

Агапов — образованное суф. *-ов* отчество из просторечной формы Агап от многих канонических м. л. и.: Агапий (см. *Агапиев*), Агапион, Агапит, м. б. и от Агафон, Агафоник, Агафангел, Агафодор и др.

Агапович — ф. образована суф. белорусских и североукраинских ф. ф. *-ович* (по форме отчеств) из основы Агап (см. *Агапов*, *Агапиев*).

Агаповский — ф. оттопонимического происхождения, из названия селений Агапово, Агаповское.

Ага́почев (Ага́пычев) — отчество с суф. *-ев* из отчества же Агапыч 'сын Агапа' (см. *Агапов*).

Агапу́ров — этимология неясна; возможно фонетическое изменение из мусульманского м. л. и. Гафур или неизвестная форма Агапур от одного из канонических м. л. и. как Агапий, Агапит, Агафодор и т. п.

Агапушкин — отчество с суф. *-ин* из фамильярно-ласкательной, м. б. ироничной формы Агапушка от Агап (см. *Агапов*).

Агапцев — отчество с суф. *-ев* из Агапец, уменьшительная форма от Агап, которая могла обозначать 'маленький Агап',

то есть ‘сын Агапа’, или ‘Агап небольшого роста’; др. ф. ф. от имени Агап — см. *Агапов*.

Агапьев — фонетический вариант ф. Агапиев (см.), с закономерным в живой речи *ие* → *je*.

Агарёв — одна из старинных русск. ф. ф.: 1558 — РК, 175; в форме Огарев несколько примеров 1539—1633 гг. (Тупиков, 674). Отчество из притяжательного прилагательного *огарев*, в основе которого — неканоническое м. л. и. отца от нарицательного *огарь* ‘охотничья собака’, сохранившегося в польск. и чеш. языках (чеш. м. л. и. Ohař документировано — Svoboda, 196). Другая возможность — связь с глаголом *огореть*.

Ага́рин — м. б. того же происхождения, как и Агарев (см. предыдущ.), из *огарь* ‘охотничья собака’. Не исключена, однако, связь с глаголом *огореть* (*обгореть*), сравн. в черновиках поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» первоначально Огарков, затем Огаркин, Огарин и в окончательном тексте Агарин. К библейскому ж. л. и. Агарь ф. никакого отношения не имеет.

Ага́ркин — отчество от уничижительной формы Агарка, которая связана или со старинным *огарь* ‘охотничья собака’, или с *огореть* (*обгореть*) — см. *Агарев*, *Агарков*.

Ага́рков — наиболее вероятно — отчество из нецерковного м. л. и. Огарок, нередкого в России XV—XVI вв. (Тупиков, 280, привел 5 примеров с 1495 г. по 1539 г., из них 4 холопа и 1 крестьянин, кроме того, 3 примера Огарков с 1495 г. по 1601 г., стр. 674—675), документировано старочешское м. л. и. Ohareck ‘головня’ (Svoboda, 199).

Агаро́нов, Агару́нов — из арм. ф. Агаронян, Агарунян, — родит. падеж от м. л. и. Агарон (греч. из др.-евр.; предполагаемая этимология ‘ковчег’, т. е. ящик, в котором хранились книги, почитаемые как священные; соответственно в русск. каноническая форма Аарон); русск. *-ов* выполняло ту же функцию, как и арм. *-ян*.

Ага́рышев — образованное суф. *-ев* отчество от прозвища Огарыш (Гридя Огарыш, Ивашко Огарыш, 1495 г. — НПК I, 701 и 798). Первоначальное значение прозвища ‘загорелый, смуглый’ (Даль II, 590).

Ага́сов — возможно, из м. л. и. коми Агас, которое в свою очередь из нарицательного *агас* ‘борона’ (сохранилось в верхневычегодском диалекте языка коми — ССКЗД, 9; см. также следующ.). В польских документах XIII в. на латин. языке упоминается м. л. и. Agaso (SSNO I, 18), но это единичное упоминание едва ли дает право связать с ним русск. ф. А.

Ага́сьев — происхождение ф. неясно; вероятна связь с предыдущей. В прошлом у чуваш зафиксировано м. л. и. Агаси (Магницкий, 24), однако, Агаси есть у армян (из перс.).

Ага́тов — 1) отчество от формы Агат из канонических м. л. и. Агатик (как Зот из Зотик), Агафон и др., 2) отчество из мусульманского м. л. и. Агад (Ахад), в прошлом отмеченного у чуваш (Магницкий, 24), оглушение финального согласного закономерно в русск. языке и некоторых тюркских, 3) псевдоним, в основе которого обозначение полудрагоценного камня агат.

Агато́нов — отчество из канонического м. л. и. Агатон, исключительно редкого в употреблении; ф. документирована — 1823 г. священник в Суздальском у. (АСДРВ, 2) и у дворян из духовенства в той же Владимирск. губ.

Агафо́нников — отчество, образованное суф. *-ов* из канонического м. л. и. Агафоник; второе *-н-* ошибочно.

Агафо́нов — отчество 1) от канонического м. л. и. Агафо́н (греч. 'добро'), нередкого в прошлом, но на рубеже XVIII—XIX вв. оно получило в привилегированной среде пренебрежительный оттенок, так как стало простонародным (отметил А. С. Пушкин в примечаниях к «Евгению Онегину»); 2) от прозвища из диалектного нарицательного *агафон* 'простак, глупец' (например, в вологодских говорах — Филин I, 201).

Агафо́нцев — отчество, вероятно от уменьшительного Агафонец от канонического м. л. и. Агафон. Маловероятно в основе ф. отчество от нарицательного *агафонец* 'житель села Агафоново'.

Агафо́нычев — отчество с суф. *-ев* от отчества же с суффиксом *-ич* (*-ыч*), означавшего 'сын Агафона'.

Агафо́шин — образованное суф. *-ин* отчество от производной формы Агафоша (из канонических м. л. и. Агафон, Агафоник и др.).

Агафо́шкин — образованное суф. *-ин* отчество от уничижительной формы Агафошка из Агафоша (см. *Агафошин*).

Ага́фьев — отчество с суф. *-ов* от канонического м. л. и. Агапий (см. *Агапиев*), но не от ж. л. и. Агафья.

Ага́фьин — образованный суф. *-ин* матроним *агафьин* 'агафьин сын' — т. е. сын Агафьи — из канонических ж. л. и. Агафия и Агапия.

Агаха́нов — отчество (или непосредственно ф.) с русск. суф. *-ов* из тюркоязычного м. л. и. Агахан.

Ага́чев — наличие этой ф. в Татарск. АССР позволяет предположить связь с татарск. (и общетюркск.) *агач* 'дерево', которое могло стать основой м. л. и., а то в свою очередь стать основой отчества, переходящего в ф., но это только предположение.

Ага́шин — отчество из уменьшительной формы Агаша от одного из канонических м. л. и.: Агафон, Агапий, Агапит и др.; та же уменьшительная форма употреблялась и в канонических ж. л. и. Агафия и Агапия, но имя матери гораздо реже, чем имя отца, становилось именованием потомков (см. также *Агашкин*, *Агашков*).

Ага́шкин — отчество с суф. *-ин* от уничижительной формы Агашка из Агаша (см. *Агашин*).

Ага́шков — образованное суф. *-ов* отчество от формы Агашко, Агашек, производной из канонических м. л. и. Агафон, Агапий, Агафоник, Агапит и др.

Агге́ев — отчество из м. л. и. Аггей (см. *Агеев*).

Аге́внин — образованное суф. *-ин* именование по отчеству матери — 'сын Агеевны', т. е. дочери Аггея. Уважительное называние женщины по отчеству доказывает, что речь идет безусловно не о внебрачном ее ребенке, — очевидно, она осталась вдовой, и потому оказалась главой семьи и хозяйства.

Аге́ев — образованное суф. *-ев* отчество от м. л. и. Аггей, в просторечной форме — Агей (др.-евр. 'праздничный, веселящийся'). Различным формам того же имени и производным от него обязаны ф. ф. Аггеев, Агеенко(в), Агевнин, Агеичев, Агейкин, Агейков, Агейчиков, Агешин, м. б. и Аганин (возможна контаминация с производными формами от Агав, Агапий, Агафон и т. п.).

Аге́енко(в) — образованное украинским суф. *-енко* отчество от м. л. и. Аггей (см. предыдущ.); на почве русск. языка получало дополнительное оформление суффиксом *-ов*.

Аге́ичев — отчество, образованное суф. *-ев* от отчества же, образованного суффиксом *-ич* (Агеич, которое означало 'сын Аггея').

Аге́йкин — отчество, образованное суф. *-ин* из уничижительной формы Агейка от м. л. и. Аггей (см. *Агеев*).

Аге́йков — отчество, образованное суф. *-ов*, из производной формы Агейко от м. л. и. Аггей (см. *Агеев*).

Аге́йчиков — ф. могла возникнуть 1) либо из отчества *агейчиков*, образованного суф. *-ов* из уменьшительной, м. б. уничижительной формы Агейчик от канонического м. л. и. Аггей (см. *Агеев*), 2) либо, вероятней, из белорусск., украин. или еврейск. ф. Агейчик (в основе которой то же м. л. и.) с последующим оформлением преобладающим суффиксом русских фамилий *-ов*.

Агено́ров — возможно, ф. книжного происхождения, из древнегреч. ἀγήνωρ 'мужественный, отважный, неукротимый'.

Агено́сов — этимология ф. не выяснена; предположив книжное происхождение из др.-греч. *агеннос* 'подло, низко', затруднительно объяснить, как могла появиться ф. с таким значением.

Аге́шин — образованное суф. *-ин* отчество из уменьшительной формы Агеша от канонического м. л. и. Аггей (см. *Агеев*).

Агза́мов — образованное русским суф. *-ов* отчество от мусульманского м. л. и. Агзам (арабского происхождения, — один из эпитетов аллаха 'величайший'); имя еще сохранилось, например, у казахов, узбеков и др. народов, исповедовавших ислам; ф. записана в Татарск. АССР.

Агиба́йлов — очевидно, ф. семантически тождественна с Агибалов (см. *Агибалов*). Форма с *-айло* свойственна литов. языку

и позволяет допустить какое-то участие или хотя бы опосредствованное влияние его. Это могло произойти на белорусск. или западно-русск. территории (Верхнее Поднепровье, Верхнее Поочье). Но возможно и собственно русск. происхождение.

Агиба́лов — ф. зафиксирована в с. Лютое, Кромск. у. Орл. губ. 1904 г., с. Костино, Борисоглебск. у. Тамбов. губ. (Тамбов. обл. архив, ф. 12, оп. 2, № 56), ранние упоминания — с написанием Огибалов: помещик Ивашко Булат Огибалов — 1495 г. (НПК I, 889), казанский помещик Ортемий Огибалов — 1631 г. (АЮ, 180), Самсон Огибалов — подьячий в Чердыни, 1677 г. (АИV, V, 26), полковник астраханских стрельцов Семен Огибалов — 1689 г. (АИ V, 336). Такой социальный состав позволяет предположить, что ф. не местного происхождения. В основе — прозвище Огибало (в акающем произношении безударное *о* → *а* обязательно), сравн. диалектное *агибала* 'льстец, пролаза, пройдоха' (записано в курских говорах); значение аналогично с основой ф. Огибенин.

Аги́лдин — ф. из тюркоязычного м. л. и. Агылды, например, документировано 1669 г. — татарин Агилда Агагилдин в Атемарской десятне близ Саранска (ДПК, 233), и русск. суф. *-ин*.

А́гин — происхождение ф. неизвестно.

А́гинский — ф. топонимического происхождения; многочисленны топонимы Агинское, Агинский, Агино (особенно в Читинск. обл. и на юге Красноярск. края).

Агинцев — отчество с суф. *-ев* из *агинец*, т. е. первоначально *агинцев* означало 'сын агинца' (=сын жителя с. Агинское — см. *Агинский*).

Агишев — отчество с русск. суф. *-ев* из тюркоязычного м. л. и. Агиш, которое еще встречается и сегодня, например, у башкир; в конце XV в. был казанский князь Агиш, в XVI в. — у сибирских татар; в Татарск. АССР есть с. Агишево; у русских имя документировано с 1550 г. — Агиш Алексеев сын Никитина Калитеевский, псковский помещик в Острове (Тыс. кн., 100). В документах XVII в. есть Агишевы татары и мордва, например, мордвин Кудайко Агишев в Нижегородской платежной книге 1629 г. (ДНУАК XIII, 5 и 12), но это еще не ф., а отчество; ф. А. нередка в Башкирии.

Агия́нов — происхождение ф. спорно; если это не переоформленная армянская ф.; м. б. отчество от одного из канонических м. л. и. — в святцах были Океан (нарицательное *океан* в былинах и песнях часто в форме *акиян*) и Гаиан, но пока неизвестно — употреблялись ли они в России.

Аглаи́мов — образованное суф. *-ов* отчество, вероятно, из прозвища Аглаим (Оглоим ?), этимологическое значение которого неизвестно.

А́глин — происхождение ф. спорно; м. б. отчество от краткой формы Агла из канонического м. л. и. Аглай, а возможно от диалектного прозвища, например, в говорах записаны *аглий*

'англичанин', *аглинский* 'английский' (Филин I, 201), *аглиня* 'английское сукно' (см. также *Аглов*).

Аглинцев — место ударения не удалось установить, а в зависимости от него решается дилемма: при *á* — отчество из прозвища *аглинец* 'англичанин' (Филин I, 201), при *и́* — из *оглиниться* 'обваляться глиной' (Даль [2] II, 643).

Аглиу́ллин — отчество с русск. суф. *-ин* от мусульманского м. л. и. Аглиулла; ф. записана у татар Поволжья в XIX в. (МИТ I, 489).

Аглиу́лов — отчество с русск. суф. *-ов* от формы Аглиул из м. л. и. Аглиулла (см. предыдущ.).

Аглицкий — прозвище, ставшее ф., из нарицательного *аглицкий* 'английский', распространенного в России XVII—XIX вв. (Филин I, 201—202). Носитель прозвища мог получить его, если побывал в Англии или торговал с англичанами, но скорей всего в насмешку за к.-л. особенности в манерах, одежде, речи или т. п.

Аглов — возможно, отчество от краткой формы Агл из канонического м. л. и. Аглай (см. также *Аглин*).

Агму́ров — этимология неизвестна.

Агни́вцев — вероятно, ф. связана с *огнивец* (в акающем произношении безударное *о* → *а*), это могло означать вырабатывающего огнива; возможно, ф. возникла на почве белорусск. языка.

Аго́шков — отчество с суф. *-ов*, по-видимому, из формы Агошко или Агошек, производной от одного из канонических м. л. и. — м. б. Георгий (повседневное — Егор), Агапий, Агапит, Агафон, Агафоник и др.

Агра́ев — ф. связана с *ограять* 'обругать, осмеять', вероятно, она — отчество от прозвища Аграй, т. е. 'ругатель, насмешник'.

Аграма́ков — наиболее вероятно: перестановка согласных из Аргамаков, так как для русск. языка в противоположность тюркским (из которых заимствовано нарицательное *аргамак*) *р* гораздо предпочтительней после согласных, чем перед ними.

Агранáтов — этимология неясна.

Аграненко(в) — отчество, образованное украинским и белорусским суф. *-енко* м. б. от формы Агран (см. *Агранов*) с дальнейшим оформлением преобладающим суффиксом русских фамилий *-ов*.

Агра́нов — отчество, возможное из формы Агран от одного из канонических м. л. и. — Агриппин, Евграф или очень редкое Гран (не Граний, как ошибочно Петровский, 90).

Агрáнович — отчество или непосредственно ф., с суф. *-ович* из формы Агран (см. предыдущ.); ф. возникла на территории Белоруссии или сев. Украины, возможно, в еврейск. среде.

Агрáновский — этимология неясна.

Аграфе́нин — образованное суф. *-ин* именование из имени матери в просторечной форме Аграфена от канонического ж. л. и. Агриппина. В православных святцах существовало и м. л. и.

Агриппин, но нигде не зафиксирована производная от него форма Аграфена.

Аграфо́нов — этимология неизвестна; ф. записана в Иркутске, 1970 г. (сообщила Л. Б. Серебренникова).

Аграчёв — этимология неясна; не исключено — Грачев с протетическим *А*-.

Агре́йкин — образованное суф. *-ин* отчество из уничижительной формы Агрейка от к.-л. из канонических м. л. и. — Агриппа, Агриппин, Агрикола и др.; или стяжение из ф. Агурейкин (см.).

Агре́нев — образованное суф. *-ев* отчество из уменьшительной формы Агрень от одного из канонических м. л. и. — Агриппа, Агриппин, Агрикола, Агрестий, Агро.

А́гриков — образованное суф. *-ов* отчество из формы Агрик, производной от одного из канонических м. л. и. — Агрикола, Агриппа, Агриппин, Агро и др.; м. л. и. Агрик — 1550 г. Агрик Васильев сын Дудина Квашнин (Тыс. кн., 318); неясно, связаны ли с тем же м. л. и. или имели иные истоки Агрикан в былине об Илье Муромце и агриков меч в сказании о Петре и Февронии, однако, отражение этих иных истоков в ф. менее вероятно.

Агриколя́нский — суф. *-ский* исключает возможность возникновения этой ф. как отчества от канонического м. л. и. Агрикола (лат. 'земледелец'). По-видимому, ф. дана в духовной семинарии; м. б. непосредственно образована там от латин. нарицательного, если не было церкви в честь Агриколы, в которой служил бы отец семинариста (таково происхождение большинства фамилий русск. духовенства).

А́грин — образованное суф. *-ин* отчество из краткой формы Агра от к.-л. из канонических м. л. и. Агриппа, Агриппин, Агрикола, Агрестий, Агро и др.

А́гри́нский — формант *-ский* побуждает предположить топонимическую основу ('прибывший из с. Агрино или Агринское'); отсутствие данных об этой ф. и неизвестность места ударения пока оставляют гадательным любое предположение (например, связь с названием мыса Агрия на Черноморском побережье Кавказа и т. п.).

А́гров, Агро́мов, Агро́нин — об этимологиях этих ф. ф. пока трудно добавить что-либо, кроме возможной, но не доказанной связи их с формами от канонических м. л. и. Агро, Агриппин и проч. (см. *Агрин*), не настолько частых в России, чтобы дать столько ф. ф.

Агроно́мов — в основе ф. нарицательное *агроном*, но время и обстоятельства появления ф. неизвестны.

Агро́скин — отчество от уничижительной формы Агроска, этимология которой неясна, м. б. из канонического м. л. и. Герасим известна форма Гераска или других на Агр = (см. Агрин), но это лишь предположение, еще не имеющее доказательств.

Агры́зков — фонетический вариант от ф. Огрызков, так как в акающих говорах *о* → *а* в безударной позиции обязательно. 1495 г. — крестьянин Чюприн Огрысков (НПК I, 65), примеры XVI—XVII вв.: Огрызкович, Огрызченко (Тупиков, 675). Основа ф. отчество с суффиксом *-ов* от произвищного м. л. и. — Огрызок, возможные первоначальные значения которого 'объедок, оглодок' или 'грубиян; злобно огрызающийся'.

Агу́дов — м. б. основа ф. связана с глаголом *огудить* 'осудить, хулить', знакомым современному украин. языку; старое мордовское м. л. и. Гудай дает возможность равно предположить основу *агуд* тюркоязычного, финноугорск. или русск. происхождения.

Агу́кин — ф., по-видимому, связана с глаголом *агукать*, частым в русск. народной речи, но странным образом упущенном словарями Даля, Ушакова, Филина. Этот глагол означал не только обращение к грудному ребенку, а и 'громко окликать' (=аукать) или 'вместо *да* говорить *агу*'; в этих значениях он вполне мог дать основу прозвищу.

Агу́лин — ф. возможна из прозвища, связанного с глаголом *огуливать* 'обходить стороной, избегать' или из прилагательного *огульный*, например, *огульный торг* 'оптовая торговля' (Даль[2] II, 649).

Агу́лов — из *огул* (см. предыдущ.).

Агу́льников — вероятно, отчество из Огульник (по имени действующего лица от *огуливать* или *огульный* — см. *Агулин*).

Агуля́нский — происхождение ф. невыяснено.

Агу́реев — отчество с суф. *-ев* от Агурей, возможно в связи с одним из диалектных нарицательных — *огурь* 'упрямство', 'лень' или *огуреть* 'ошалеть, остолбенеть, смириться' (Даль[2] II, 649), но вероятней форма Агурей от канонического м. л. и. Гурий (как и ф. ф. Агурин, Агуров, Агурочкин). В XVI в. — Никитко Огурьев (Тупиков, 676).

Агуре́йкин — отчество, образованное суф. *-ин* от уничижительной формы Агурейка из Агурей (см. предыдущ.); возможно, эта же ф. в результате стяжения приобрела и форму Агрейкин.

Агуренков — вероятно, отчество, образованное украинско́-белорусским суф. *-енко* от канонического м. л. и. Гурий с протетическим *а-*; на почве русск. языка дооформлено преобладающим суф. русск. ф. ф. *-ов*.

Агу́рин — образованное суф. *-ин* отчество от уменьшительной формы Агура (об основе — см. *Агуров*).

Агу́ров — отчество с суф. *-ов* от краткой формы Агур, возможно, из канонического м. л. и. Гурий с протетическим *а-*. В XVI в.: крестьянин Кондратко Огуров (НПК I, 271).

Агу́рский — происхождение ф. неизвестно.

Агурцо́в — ф. Огурцов в написании, передающем акающее произношение, ставшее нормой русск. литературного языка, но не отразившееся в официальной орфографии. В форме А. ф.

документирована в д. Еременка, Мещовск. у. Калуж. губ., 1924 г. (Калуж. обл. арх. ф. Р—79, оп. 1, № 98).

Агурья́нов — образованное суф. *-ов* отчество от просторечной формы Гурьян из канонического м. л. и. Гурий с протетическим *а-* в русск. говорах.

Агушев — этимология ф. неясна.

Ададу́ров — отчество с суф. *-ов* от нецерковного м. л. и. Ододур (в акающем московском произношении Ададур), имя м. б. монгольского происхождения. Родоначальник ф. — Иван Мартемьянович Ододур Лодыженский (XV в.). Так как ф. Лодыженский впервые появилась у его отца, то она закрепилась за младшим братом Ододура, а старшие линии (в том числе и ветви потомков Ододура) стали Захарьиными, Глебовыми др. (РГ I, 480). Младшие же ветви унаследовали отчество Ододуровы в качестве ф., особенно частой в XVI в. (Тыс. кн. 249); ф. в написании А. дожила до нашего века.

Ада́ев — отчество с русским суф. *-ев* от м. л. и. Адай (в тюрк. 'птенец' и 'дитя'), употребительного у тюркоязычных народов: известно еще по Махмуду Кашгарскому, теперь, например, у казахов (Жанузаков, 11), татар (отразилось в названиях нескольких сел Адаево в Татарск. АССР), заимствовано также некоторыми финноугорскими народами — удмуртами (С. К. Бушмакин — в ЛИ, 263), мордвой (Мокшин — 1961, 113).

Ада́йкин — отчество с суф. *-ин* от уничижительной формы Адайка из м. л. и. Адай (см. предыдущ.).

Ада́кин — отчество с русск. суф. *-ин*, по-видимому, от формы Адака из м. л. и. Адак у народов Поволжья, записанного, например, в XVIII—XIX вв. у чуваш — Атак (Магницкий, 30).

Адама́нтов — ф. книжного происхождения, основа — *адамант*, др.-русск. 'алмаз, бриллиант' (заимствование из греч.), ф. дана в духовной семинарии, где будущие священники нередко получали ф. ф. по наименованиям драгоценностей (Алмазов, Аргентов, Серебров, Смарагдов и проч.), суффикс *-ов* присоединен без иного значения кроме фамилиеобразующего — как преобладающий суффикс русск. фамилий; 2) литературный псевдоним писателя-искровца 60-х гг. XIX в. Б. Н. Алмазова — калька его ф.

Адаменко — отчество, образованное украинским и белорусским суф. *-енко* от м. л. и. Адам (см. *Адамов*).

Ада́мов — образованное суф. *-ов* отчество от м. л. и. Адам, частого у католиков, особенно в Польше (SSNO I, 11—15), оно канонизовано и православной церковью, но употреблялось преимущественно под польским влиянием, поэтому чаще у украинцев и белоруссов. Другие ф. ф. из форм того же имени: Адаменко, Адамович, Адамюк, Адаскин, Адемуков, возможно, и Адашев.

Адамо́вич — в основе м. л. и. Адам (см. *Адамов*); славянск. формант *-ович* служил обозначению потомка, особенно распро-

странен в ф. ф. на территориях Польши (с 1405 г. — SSNO I, 14), Белоруссии, северн. Украины.

Ада́ричев — русск. переоформление украинск. или белорусск. ф.; украин. ф. Одарич зафиксирована (ДУП, 168). Тюркоязычное м. л. и. Адар записано в прошлом у чуваш (Магницкий, 25), в 1669 г. по Саранску среди служилых татар и мордвы — Адарко Уразмаметев (ДПК, 229), но непосредственное образование ф. А. от этого имени неоправдано (см. *Адарюков*).

Адарю́ков — из Адарюк с русск. суф. *-ов*. Суффикс *-юк* наиболее характерен для образования ф. ф. на с.-з. Украины и ю.-з. Белоруссии (см. также *Адаричев*).

Ада́скин — отчество от уничижительной формы Адаска из м. л. и. Адам через промежуточную ступень Адас, Адась — в польск., укр. особенно — в блр. языках (Бірыла I, 22).

Ада́шев — отчество, образованное суф. *-ев* из основы Адаш, этимология которой объяснима двояко: или производная форма от м. л. и. Адам в диалектах польского и белорусского языков (Бірыла I, 22), или тюрк. м. л. и. из нарицательного *адаш* 'друг, товарищ', известного еще у Махмуда Кашгарского и в большинстве современных тюрк. языках (в некоторых со значением 'тёзка'). В Польше ф. Adasz документирована с XVI в. (SNŚ I, 3). В России м. л. и. Адаш неоднократно в документах XVI в.: Адаш Васильев сын Самойлов (РГ II, 352), Адаш Степанов сын Хрущев в Туле (Тыс. кн., 423), отчество — Иванец Адашев сын Кучуков (Тыс. кн., 334), ф. А. знаменита в середине XVI в. — семья крупнейших государственных деятелей при Грозном, предки которой, по родословной, прибыли из польско-литовского государства, но западные генеалогии многих родословных фальшивы и прикрывают ордынское происхождение. Таким образом, остаются открыты возможности обоих путей появления м. л. и. Адаш в Московском государстве.

Адвока́тов — несомненна связь с нарицательным *адвокат* (возможно при посредстве производного из него прозвища Адвокат или непосредственно). Но адвокатура в России поздняя, *адвокатов* уж не могло означать крепостной принадлежности, маловероятно и в роли отчества; в Польше личные именования с этой основой документированы с XV в. (SSNO I, 17).

Аделканов — отчество с русск. суф. *-ов* от мусульманского составного м. л. и. Адэлкан (Адылхан) из араб. *адил* 'справедливый, правдивый' и тюрк. *хан* 'хан, царь'.

Адельге́йм — ф. возникла на почве немецк. языка; этимологию 'благородный дом (семья, род)' предполагают переосмыслением *Heim* из *Helm* 'шлем' (Bahlow, 19).

Адему́ков — отчество с суф. *-ов* от уменьшительного Адемук из канонического м. л. и. Адам, сравн. молд. Адэмуц (ЕК, 36); вероятно, связующие формы принадлежали украин. или белорусск. языкам — сравн. украин. и белорусск. ф. Адамюк.

Адерихин — отчество с суф. *-ин* из муж. прозвища Обдериха 'оборванец' (Даль[2] II, 573, с пометой «псков.»). 1501 г. — Ивашко Гридин сын Одеришин, московский сын боярский (АЗР I, 296).

Аде́стов — основа ф. неясна: искажение ли к.-л. из канонических м. л. и. (Модест ? но случаи выпадения инициального *м-* неизвестны, не легче представить это из Аггест, Анемподист и др.) или заимствование от других народов.

Адея́нов — фонетическое изменение из ф. Дианов, от нередкого в прошлом м. л. и. Деян (Диан), однако, в святцах отсутствовавшего (были канонические м. л. и. Дий, Дион, Дионий, Дионисий и др.), не исключено образование из канонического м. л. и. Гедеон, однако, это еще требуется доказать.

Аджа́лов — этимология неясна.

Аджемов — от тюрк. (из араб.) *adžäm* 'перс'.

Аджибе́ков — из Хаджибеков; ф. в Россию пришла с Кавказа; по происхождению — отчество от м. л. и. Хаджибек из званий *хаджи* (мусульманин, совершивший хадж — религиозное паломничество в Мекку) и *бек* 'князь', оба титула с течением времени у народов Кавказа утратили прежние значения и превратились в уважительные формы обращения. Суф. *-ов* присоединен на почве русск. языка.

Аджи́ев — ф. (или еще отчество) образована русск. суффиксом *-ев* из основы *хаджи*, служившей выражением почета при обращении (первоначальное значение — см. предыдущ.); ф. пришла в Россию с Кавказа. Менее вероятна связь с тюрк. *аджи* 'горький' (хотя такое значение в л. и. все же возможно с целью обмануть злых духов).

Ади́лов — см. *Адылов*.

Адинов — образованное русск. суф. *-ов* отчество (или непосредственно ф.) от редко употребляемого у татар и чуваш м. л. и. Адин.

Адиче́нков — образованное белорусск.-украинск. суф. *-енко* отчество от уменьшительной формы Адик (из канонических м. л. и. Авдикий, Адам, Адриан и др.), с закономерным смягчением *к* → *ч* перед гласной переднего ряда; суффикс *-ов* присоединен как господствующий формант русск. ф. ф. Другая возможная этимология: блр. *адзічэнне* 'одичанье'. Диалектное *адик* 'обжора, жадный' в северно-русск. говорах (Филин I, 207) трудно совместить с *-енко*. Народы, испытавшие господство ислама, знали м. л. и. Адик; в прошлом оно записано у чуваш (Магницкий, 9).

А́длер — ф. из немецк. языка: *Adler* 'орел'.

Адлерберг — ф. возникла в Германии, очевидно, по месту происхождения — из названия населенного пункта; этимология топонима 'орлиная гора'.

Адлива́нкин — ф. возникла на почве белорусск. языка; белорусск. ф. Атливанаў, в XVIII в. Атливаны (Бірыла II, 26); в России XVII в. Отливанный; белорусск. диалектн. *адліваны*

'хорошо сложенный, ладный'. В справочнике «Весь Петербург» с ф. А. 4 семьи, только еврейск.; по-видимому *-к-* образовывало форму Адливанка.

Адлива́нцев — об истоках ф. см. *Адливанкин*, форма А. указывает на существование нарицательного *адливанец*.

Адма́кин — из белорусск. *адмакаць* 'обмокать'.

А́дмин — происхождение ф. неясно. Предположить отчество от канонич. м. л. и. Атом затруднительно, так как неизвестно об употреблении этого имени в России, кроме того, оно требовало бы суффикса *-ов*, а не *-ин*.

Адмира́лов — или притяжательное прилагательное, образованное суф. *-ов* от нарицательного *адмирал*, означая крепостного, принадлежащего адмиралу, или отчество с тем же суффиксом от иронического прозвища Адмирал.

А́дов — отчество от прозвища Ад; русск. диал. *ад* 'крикун', 'громкий голос' или 'ненасытный, обжора' (Филин I, 203), *адить* 'жадничать, скопидомить'. 1621 г. — Митка Адов, бывший ямщик в Нижнем Новгороде (ППНН, 135).

Адо́дин — отчество с суф. *-ин* от формы Адодя, возможной как прозвище или уменьшительное из к.-л. канонического м. л. и.

Адоду́ров — из Ододуров (см. *Ададуров*).

Адо́лин — отчество с суф. *-ин* от уменьшительной формы Адоля из канонического м. л. и. Адолий, но в русск. употреблении оно пока не обнаружено. Вероятней связь с ф. Гадолин.

Адо́нин — отчество от уменьшительной формы Адоня, производной из канонических м. л. и. Авдон, Авдий, Адриан, Егдон, Евдоким и др.

Адо́нкин — отчество от уничижительной формы Адонка из Адон, Адоня (см. предыдущ.).

Адора́тский — ф., по-видимому, книжного происхождения (в XIX в. встречалась у духовенства), из лат. *adoratio* 'почитать, обожать, поклоняться'.

Адраши́тов — см. *Абдурашидов*.

Адриа́нов — отчество от канонического м. л. и. Адриан (древнерим., означало 'житель гор. Адрия'). Из различных производных от того же имени образованы ф. ф.: Адриановский, м. б. Адров, из обиходной формы Андриан (со вставным *-н-*) — Андреянов, Андрианичев, Андрианов, Андриановский, Андриянов, возможно, в контаминации с производными от м. л. и. Андрей — Андриашкин, Андрияхин, Андрияшев, Андрыяшин.

Адриановский — возможно образование ф. или из топонима — по названию села Адрианово, или по церкви, если первый получивший эту ф. был священником.

Адрицкий — вероятно, из топонима Адрица.

Адров — м. б. отчество от краткой формы Адр, возможной из канонического м. л. Адриан.

А́дский — происхождение ф. (или псевдонима ?) невыяснено.

Аду́ев — видимо, из *адуй*, так прозывали крестьян Одоевского уезда Тульск. губ. (записано в XIX в.). А. — также псевдоним советского поэта-сатирика Н. А. Рабиновича.

Адука́нов — до отыскания реальных данных, где и когда эта ф. существовала ранее, чисто лингвистическим путем можно допустить от тюркск. м. л. и. Аду-хан; менее вероятна связь с белорусск. *адука́цыя* 'образование'.

Адушев — отчество с русским суф. *-ев* из тюркск. м. л. и. Адуш, известного и теперь у некоторых тюркск. народов, например, у алтайцев (СЛИ, 56); в прошлом записано у чуваш (Магницкий, 25), заимствовано и мордвой (Мокшин, 113); мурза Адушев — 1669 г. (ДПК, 214—216). Таким образом, возможности возникновения ф. были широкими.

Адушкин — отчество с суф. *-ин* из Адушка (либо прозвище от *ад*, либо, вероятней, производная форма от Адуш — см. предыдущ.); ф. документирована в Лукояновск. у. Нижегородск. губ., 1870 г.; ранняя документация — Адушка Сюндюков в Атемарской десятне под Саранском, 1669 г., среди татар и мордвы (ДПК, 234).

Ады́ков — отчество с русским суф. *-ов* из принесенного исламом м. л. и. Адык (Адик), в XVIII—XIX вв. записанного, например, у чуваш (Магницкий, 25).

Ады́лов — образованное русским суф. *-ов* отчество из распространенного исламом м. л. и. Адыл (Адил), известного и теперь у киргизов, узбеков, карачаевцев, некоторых народов Дагестана и др., в прошлом записанного у чуваш — в уничижительной форме Адылка (Магницкий, 25).

Адышев — отчество с русск. суф. *-ов* из м. л. и. Адыш, записанного, например, у алтайцев (СЛИ, 41), м. б. из алт. *адыш* 'стрельба'; возможна контаминация с м. л. и. Адуш (см. Адушев).

Адя́сов — этимология ф. неясна.

Ажа́ев — ф. с русск. суф. *-ев* и тюркоязычной основой *ажай* (например, кирг. 'большой').

Ажгин — происхождение ф. и место ударения неизвестны.

Ажикеев, Ажикин — возможна связь с тюрк. м. л. и. Азикей (см. *Азикеев*).

Ажинов, Ажирков — этимологии не выяснены.

Ажоткин — от прозвища Ажотка из диалектного *авжотки* 'конец', 'окончание работы' (Филин I, 198).

Аза́дов — образованное русским суф. *-ов* отчество от принесенного исламом м. л. и. Азад (Асад, Азат, Асат) из араб. 'свободный', 'вольный'.

Азадо́вский — ф., возможно, связана с названием с. Азадово?

Азама́тов — отчество с русск. суф. *-ов* из м. л. и. Азамат, в прошлом распространенного особенно у тюрк. народов (еще сохранилось, например, у казахов, башкир и др.); имя — из тюрк. *азамат* 'удалой, смелый, молодец' (в некоторых языках также

'гражданин, слуга народа'), заимствование из араб., где означало 'величие, слава'; имя в прошлом записано, например, у чуваш (Магницкий, 25). В XIX в. ф. А. документирована в Чистополе у татар (МИТ I, 182).

Аза́нов — отчество с русск. суф. *-ов* от м. л. и. Азан, распространенного у народов, находившихся под властью ислама, из араб. Хасан, через форму Асан. В форме Азан зарегистрировано в прошлом у татар (Магницкий, 25).

Азано́вский — ф., вероятно, получена в духовной семинарии сыном священника, служившего в церкви села Азаново.

Азанте́ев — по-видимому, из *Азанчеев* (см.)?

Азанче́вский — вероятна связь с тюрк. *азанчи* (см. *Азанчеев*), но характер этой связи неясен.

Азанче́ев — татар. *азанчы* означает муэдзина, призывающего к молитве; прилагательное с русск. суффиксом притяжательности *-ев* могло первоначально означать или принадлежащего муэдзину, или потомка муэдзина; чтоб привлечь др.-тюрк. *озунчи* 'ябедник' (ДТС, 375), требуется проследить, жило ли это слово позже в языках, из которых могло проникнуть в Россию; ф. А. есть в Татарск. АССР.

Азаргинов — происхождение ф. не выяснено, как и связь ее с Осоргин. М. б. связана с бурят. м. л. и. Азарга? О. Н. Трубачев допускает связь с Азарьин (аналогично: Севергин из Северьин); эпентетическое *-г-* в этой позиции отмечено в северновеликорусском.

Азаре́вич — образованное формантом *-евич* отчество (или непосредственно ф.) от канонического м. л. и. Азария; ф. ф. с *-евич* польск., белорусск. или украин. происхождения.

Азаренко(в) — образованное украин.-белорусск. суффиксом *-енко* отчество (или непосредственно ф.) от канонического м. л. и. Азария; на почве русск. языка ф. могла дополнительно оформляться преобладающим суффиксом русск. ф. ф. *-ов*.

Аза́рин — образованное суф. *-ин* отчество от канонического м. л. и. Азария (из древнееевр. 'помог бог').

Аза́ркин — отчество с русск. суф. *-ин* от уничижительной формы Азарка из Азар (см. Азаров). В 1669 г. среди татарских и мордовских мурз значились Азарко Алтышев, Азарко Кузьмин (ДПК, 214—215).

Аза́рков — отчество с суф. *-ов* от формы Азарко (см. предыдущ.); ф. засвидетельствована в с. Благодатное, Куйбышев. обл., 1901.

Аза́ров — отчество с русск. суф. *-ов* от Азар. В форме Азар совпали два источника совершенно различного происхождения: 1) краткая, разговорная форма из канонического м. л. и. Азария (древнееевр. 'помог бог'), 2) мусульманское м. л. и. Азар у тюркоязычных народов, например, в Азербайджане (из араб. Назар 'взгляд'). 1550 г. — Азар Федоров Слепушкин, один из тысячников в Торжке (Тупиков, 317).

Аза́рх — ф. из языка иврит, этимологическое значение 'сияющий'.

Аза́рьев — образованное суф. *-ин* отчество от формы Азарий из канонического м. л. и. Азария (см. *Азарин*).

Аза́рьин — образованное суф. *-ин* отчество от канонического м. л. и. Азария (см. *Азарин*).

А́збукин — 1) отчество от прозвища Азбука (из нарицательного *азбука*). Ранние примеры — с территорий, где грамотность была распространенней: 1466 г. — Сошко Каспарович Азбука, боярин в княжестве Литовском, 1552 г. — Федор Азбука, слуга в Чернобыльском замке близ Киева; 2) литературный псевдоним, образованный от нарицательного *азбука* по модели русск. ф. ф. типа притяжательных прилагательных от основ на *-а*, т. е. присоединением суффикса *-ин*. В 1924 г. ф. А. записана в Мещовском у. Калужск. губ.

Аздра́вкин — этимология ф. неизвестна, фонетические черты побуждают предположить происхождение из Белоруссии.

А́зев — возможно, отчество от формы Азь из того же м. л. и. у тюркоязычных народов, от которого произошли многие топонимы Поволжья: в Татарск. АССР с. с. Азево, Азино, в Удмуртской с. Азино, от формы Аз — с. Азово в Башкирск. АССР; м. б. также и гор. Азов.

Азе́рников — этимология ф. спорна. Пока можно предположить 2 возможности, требующие обсуждения: 1) из старинного русск. *озернить* (крупу, порох), но занятых этой работой называли *зерновщик*, *зернщик*, а термин *озерник* не засвидетельствован документами; 2) из белорусск. *азернік* — человек, работа и жизнь которого связаны с озером.

Азе́рский — происхождение ф. неизвестно.

Азиа́тский — ф. дана при раздаче ф. ф. в духовной семинарии, указывая, где служил отец семинариста. В справочнике «Весь Петроград» на 1917 г. (стр. 7) из 5 семей с этой ф. 4 принадлежали к духовенству.

Ази́ев — отчество с русск. суф. *-ев* от формы Азей, Азий, из м. л. и. Ази (Гази), принесенного исламом народам Поволжья. Из того же имени — название с. Азеево в Татарск. АССР. Имя Гази — из средневекового титула (арабск. происхождения), которым награждали победителя.

Азизбе́ков — отчество (или непосредственно ф.) с русск. суф. *-ов*, от Азизбек: из мусульманск. м. л. и. Азиз (см. следующ.) и тюрк. титул *бек* 'князь', позже ставший почетной формой имени независимо от знатности носителя.

Ази́зов — отчество с русск. суф. *-ов* от принесенного исламом м. л. и. Азиз (из араб. эпитета Аллаха 'Могучий'; у ряда тюркоязычных народов это слово вошло в собственный литературный язык — еще у Махмуда Кашгарского, в значении 'высокий', в кирг. 'уважаемый', узб. 'дорогой'.

Азике́ев — отчество с русск. суф. *-ев* от мусульманск. м. л. и. в форме Азикей (из Азик) — у народов Поволжья. Из того же имени — названия нескольких селений: Азекеево, Азикеево (см. также *Азиков*).

Азиков — отчество с русск. суф. *-ов* от мусульманск. м. л. и. Азик (см. также предыдущ.). Из того же имени — название д. Азиково в Татар. АССР.

Ази́мов — отчество с русск. суф. *-ов* от принесенного исламом м. л. и. Азим, вычленено из Абдулазим 'раб Аллаха', араб. — один из эпитетов Аллаха 'Величественный, Огромный, Почитаемый'. В XVI в. — сибирский царевич Азим, сын Кучума. У татар ф. А. (купцы в Казани — МИТ I, 489) по Г. В. Юсупову принадлежала еще булгарским феодалам XIV в. (ЛИ, 251).

А́зин — вероятно, ф. связана с одной из форм того же м. л. и., как и Азев, Азиев, Азов (см.).

Азнау́ров — русск. адаптация груз. ф. Азнаури — 'дворянин'; *-ов* присоединено как преобладающий формальный признак русск. ф. ф. Та же груз. основа, пройдя карачаевск. заимствование, отразилась в ф. Анзоров (см.).

А́зов — отчество с русск. суф. *-ов* от нецерковного м. л. и. в форме Аз (1565 г.: помещик Аз Савин сын прозвищем Тороп Семенов); происхождение имени неизвестно; несомненно наличие тюрк. м. л. и., различные формы которого отразились в многочисленных ф. ф. и топонимах (см. Азев, Азиев, Азин), в том числе — м. б. название гор. Азов.

Азо́вкин — отчество с русск. суф. *-ин* от уничижительной формы Азовка, основа которого спорна: предположить из м. л. и. Аз (см. предыдущ.) мешает *-ов-*, т. к. следовало ожидать Азка; м. б. из муж. прозвища Азовка, которое мог, например, носить стрелец или казак, переселенный из гор. Азов после временных захватов Турцией в 1643 г. и 1711 г.; менее вероятно из нарицательного именования матери *азовка*.

Азо́вский — псевдонимы четырех различных авторов (И. Ф. Масанов. Словарь псевдонимов I, М., 1956, 90), по месту их жительства в Приазовье (побережья Азовского моря) или гор. Азов.

Азо́вцев — притяжательное прилагательное с суф. *-ев* от наименования отца *азовец* по месту прежнего жительства (побережье Азовского моря или гор. Азов на р. Дон).

Азо́ркин — отчество с русск. суф. *-ин* от уничижительной формы Азорка из мордов. м. л. и., в основе которого эрзян. *азоро* 'хозяин'.

Азра́пин — отчество с русск. суф. *-ин* от мордов. м. л. и. Азрапа, о возможности существования которого напоминают: в документах XVII в. отчество мордвина Азрапин, на ю.-в. Горьковск. обл. у границ с Мордов. АССР — с. Азрапино и в бывш. Хвалынском и Петровском уездах Саратов. губ. — территория исторического обитания мордвы.

Азу́бков, Азу́евский — этимологии ф. ф. неизвестны.

Азы́ков — основа ф. неясна; м. б. русск. диалектное *озык* 'сглаз, порча, наговором' или тюрк. *азык* 'корм, продовольствие' (сохранилось, например, в татар. и казах. языках).

Азя́мов — возможно прилагательное от русск. архаич. *азям* 'верхняя муж. одежда, кафтан из грубого сукна' (в северных, поволжских и сибирских говорах).

Аи́пов — отчество с русск. суф. *-ов* от тюрк. м. л. и. Аип (также Аюп, Аюб), распространенного исламом, из древнеевр. м. л. и. Иов; ф. встречается у татар и у русских из татар (см. также *Аюпов*).

А́истов — отчество с суф. *-ов* от прозвища или нецерковного м. л. и. Аист. 1621 г. — посадские торговые люди Вахрамей и Иван Аистовы в Нижнем—Новгороде (ППНН, 135, 174, 263), 1646 г. — нижегородский торговый человек Андреян Аист (Тупиков, 464).

Аи́тов — отчество с русск. суф. *-ов* из татар. и башк. м. л. и. Аит; по Г. В. Юсупову имя еще домусульманское, унаследовано татарами от волжских булгар (ЛИ 251), от того же м. л. и. — названия трех сел Аитово в различных районах Башкир. АССР. В XIX в. ф. А. у татар (МИТ I, 88), в предреволюционные годы — купцы А. в Казани; ф. А. и сейчас существует в Татар. АССР и за ее пределами.

Айба́сов — образованное русск. суф. *-ов* отчество (или непосредственно ф.) от м. л. и. Айбас у тюркоязычных народов, документированного в прошлом у татар (Магницкий, 25), в наши дни — у казахов (Жанузаков, 11).

Айва́зов — русск. адаптация армянской ф. Айвазян (форма родит. падежа от м. л. и. Айваз из араб. Авад 'замена, замещение' через перс. Аваз, в значении: ребенок — замена умершего родственника), то же имя стало источником ф. ф. Авазов, Авезов, Айвазовский.

Айвазо́вский — в основе армян. ф. Айвазян (см. предыдущ.). В Польше XIX в. ф. А. возникла самовольным присоединением форманта шляхетских ф. ф. -ski, за монопольное право на который претендовало дворянство (Bystroń, 261).

Айгуно́в, Айгу́нский, Айда́нов — этимологии ф. ф. неизвестны.

Айда́ров — отчество с русск. суффиксом *-ов* от м. л. и. Айдар у тюркоязычных народов: чуваш (Магницкий, 25), татар, башкир, казахов; от них проникло севернее — в XVII в. у хантов документировано отчество А.: — Мурынка Айдаров, по сообщению З. П. Соколовой (ЛИ 271); то же имя отразилось в топонимах (д. Айдарово в Татар. АССР, с. Айдарово в Башкир. АССР). Образование ф. от названия р. Айдар (приток Северского Донца) неоправдано — в этом случае требовался бы суффикс *-ский*.

Айда́рский — вероятно, первоначально обозначение по месту происхождения — из населенного пункта, т. к. формант *-ский*

неоправдан при непосредственном образовании от л. и. (этого не учел Г. Ф. Саттаров: Саттаров).

Айдуке́вич — из *гайдук* (из венг., первоначально 'пастух', позже получило различные значения 'борец за освобождение от турецкого ига' у южных славян, 'слуга в венгерской или казацкой одежде', на Украине — 'личная охрана гетманов'; суффикс *-евич* служил обозначению потомка, т. е. 'сын гайдука'. На крайнем ю.-з. славянства в Славонии — ф. Айдукович (S. Sekereš. Slavonska prezimena. — «Onomastica Jugoslavica» 2. Ljubljana, 1970, 186).

Айзату́лов — отчество с русск. суф. *-ов* от татар. формы Айзатул из мусульманск. м. л. и. Азатулла.

Айнутди́нов — отчество с русск. суф. *-ов* от мусульманск. м. л. и. Гайнутдин (араб. 'глаз религии').

Айрапе́тов — русск. адаптация арм. ф. Айрапетян (родит. падеж от м. л. и. Айрапет).

Айтма́тов — отчество с русск. суф. *-ов* от мусульманск. м. л. и. Айтмат (из араб. *айт* 'праздник', *мат* результат фонетич. упрощений имени Магомет).

Айтуга́нов — отчество с русск. суф. *-ов* от тюркоязычного м. л. и. Айтуган, употребительного, например, у татар, башкир, казахов (в Башкир. АССР много селений Айтуган, Айтуганово); в документах XVII в. нередко упоминаются казанские ясачные татары А., но это еще отчество.

Айхенва́льд — ф. евр. происхождения, возникшая на почве немец. языка из топонима по месту жительства: Eichenwald 'дубовый лес'.

Академи́цкий — ф. книжного происхождения; если она не возникла как литературный псевдоним, могла быть получена при раздаче ф. ф. в духовной семинарии.

Ака́ев — отчество с русск. суф. *-ев* из м. л. и. Акай, записанного в прошлом, например, у татар (Магницкий, 25).

Акаевский — ф. образована из названия с. Акаево в Среднем Поволжье; вероятно, впервые дана семинаристу, отец которого служил священником в этом селе.

Акаёмов — отчество с суф. *-ов* из прозвища или нецерковного м. л. и. Окоём, с закономерным для акающих говоров *о* → *а* в безударной позиции. 1635 г. — Окоём Первой, в Тотьме (Тамож. кн. I, 498); в отчествах: 1574 г. — Меншик Окоёмов сын Свиньин, в Галиче, 1694 г. — Петр Окоёмов, московский подъячий (Тупиков, 677). Нарицательное *окоём* 'негодный, тунеядец, лентяй, обманщик, неслух' (Даль [2] II, 664, с пометой «сев., вост.»).

Ака́киев — отчество с суф. *-ев* от канонического м. л. и. Акакий (греч. 'беззлобный, не вредящий, безобидный').

Акала́ев — этимология ф. неясна; ф. записана в Среднем Поволжье, 1970 г.; могла возникнуть как отчество от Акалай, изме-

нения из Николай в языках Поволжья, или из морд. *а куломс* 'не умереть' (Мокшин, 111).

Акале́лов — фонетическое изменение из *Околелов*.

Акало́нов — отчество с суф. *-ов*, м. б. из канонического м. л. и. Аскалон.

Ака́нтьев — ф. записана в Иркутске, 1970 г. (сообщение Л. Б. Серебренниковой). Вероятно фонетическое искажение из *Акентьев* (см.)

Ака́тнов — этимология неизвестна. М. б. отчество от прозвища, связанного с *окатный* 'глазастый'? Но нарицательное в этой форме неизвестно (см. следующ.)

Ака́тов — отчество с суф. *-ов* основа спорна. М. б. из *окатый* 'глазастый' (слово в этом значении живо в украин. языке и русск. диалектах). Однако, ф. ф. Акатнов и Акатьев, видимо, связанные с той же основой (см. следующ.), затруднительней подчинить такому объяснению. Каноническое м. л. и. Оккат наилучшим образом объясняет эту ф., но неизвестно, употреблялось ли оно в России (его заменяло другое имя того же православного «святого» — Оптат). Ранняя документация ф. (или м. б., еще отчества) вологодский купец А. (Тамож. I, 195).

Ака́тьев, Ака́фьев — м. б. отчества с суф. *-ев* от форм Акатий, Акафий из канонических м. л. и. Акакий, Агапий, Октат. Но эти формы нигде не отразились в письменности, поэтому такое объяснение сомнительно. Иного пока нет.

Ака́шев — отчество с суф. *-ев* от формы Акаш, которая могла возникнуть из канонического м. л. и. Акакий или быть иноязычным м. л. и.

Акба́ров — отчество с русск. суф. *-ов* от распространенного исламом м. л. и. Акбар (араб. 'величайший', 'почитаемый'— один из эпитетов Аллаха).

Акбула́тов — отчество с русск. суф. *-ов* от тюркоязычного м. л. и. Акбулат («белая сталь»), очень употребительного в прошлом у татар, башкир и др. тюркоязычных народов. В XVII в. имя многочисленно в Пензенских десятнях: служилые татары в Саранске — Ак-булатко Исянгилдеев, 1669 г., Акбулатка Байков, 1697 г. и др., там же многочисленны А., но это еще отчество (ДПК, 229, 342, указатель — с. 1). Из того же имени — названия нескольких селений Акбулатово в Татар. и Башкир. АССР.

Аквилев — происхождение ф. неясно. Отчество из канонического м. л. и. Аквила следовало ожидать с суф. *-ин* или *-ов* (от формы Аквил), а не *-ев*, возможного лишь после мягкого согласного.

Аквило́нов — ф. книжного происхождения или литературный псевдоним, с господствующим суф. русск. ф. ф. *-ов*, основа — *аквилон*, лат. *aquilon*, *-nis* 'название северного ветра'.

Аке́лин — отчество с суф. *-ин* от формы Акеля, возможной из канонических м. л. и. Акила, Акили́н, Кельсий, от которого запи-

сана уменьшительная форма Келя (Петровский, 298). Не исключено, что в основе к.-л. местное прозвище, оставшееся неизвестным.

Аке́лькин — отчество с суф. *-ин* от уничижительной формы Акелька из Акеля (см. предыдущ.)

Аке́нтьев — отчество с суф. *-ев* от формы Акентий из канонических м. л. и. Авксентий, Иннокентий. В Иркутске, 1970 г., записана также ф. Акантьев.

Акиев — отчество с русск. суф. *-ев* от м. л. и. Аки, в прошлом зафиксированного у тюркоязычных народов Поволжья, например у чуваш (Магницкий, 25); м. б. на существование того же м. л. и. у татар указывает название с. Аки вблизи Казани.

Аки́лин — отчество с суф. *-ин* от канонического м. л. и. Акила (лат. 'орел').

Аки́лов — отчество с суф. *-ов*; возможны 2 различные основы: от принесенного исламом м. л. и. Акил (араб. 'мудрый') или от формы Акил из канонических м. л. и. Ахилл (замена *х* → *к* нередка в русских говорах, а также в ряде финно-угор. и тюрк. языков) или Акила; в документах — Петрунька Акилов, 1652 г., Устюжск. у. (Тамож. кн. II, 789)

Акима́кин — отчество с суф. *-ин* от формы Акимака из канонического м. л. и. Иоаким через производную форму Аким (см. Акимов).

Акиманский — ф. первоначально означала к.-л. из причта (менее вероятно — из прихожан) церкви в честь «святых» Иоакима и Анны, празднуемых одновременно (аналогично происхождению названия улицы Якиманка в старой Москве).

Акименко(**в**) — отчество, образованное украин. и белорусск. суффиксом *-енко* из формы Аким (см. *Акимов*), на русск. почве ф. могла получать дополнительное оформление преобладающим в русск. ф. ф. суффиксом *-ов*. Вопреки националистическому стремлению Яра Славутича доказать исключительно украин. происхождение этой ф. от формы Яким (J. Slavutich. The Russian Deformation of Ukranian Surnames. — ICOS, 1966, стр. 408) то же имя и ф. распространены в Белоруссии, в том числе и с инициальным А. — (Бірыла I, 83), это не позволяет рассматривать явление односторонне и изолированно, вне взаимных связей.

Акимихин — образованное суф. *-ин* именование по бытовому имени матери — Акимиха, т. е. жена Акима.

Аки́мкин — отчество от уничижительной формы Акимка из Аким (см. *Акимов*).

Аки́мов — отчество, образованное суф. *-ов* от обиходной формы Аким из канонического м. л. и. Иоаким (греч. заимствование из древнееврейск. 'Яхве воздвигает'). От различных форм, производных из того же м. л. и., возникли ф. ф. Акимакин, Акименко (в), Акимихин, Акимкин, Акимович, Акимовский, Акимочев, Акимочкин, Акимутин, Акимушкин, Акишин, Екимов, Якимов,

Якимович, Якимчук и др. (в некоторых случаях возможна контаминация с формами, производными от др. имен).

Акимович — ф. образована суф. *-ович* по модели польск., белорусск. и украин. ф. ф. (первоначально из отчеств); в основе— Аким из канонического м. л. и. Иоаким (см. *Акимов*).

Акимовский — при бесспорной ясности дальней основы (см. *Акимов*) возникновение ф. неясно; суф. *-ский* мог обозначать носителя по месту происхождения или жительства (с.Акимово) или быть только подражанием польским фф., для которых он служил шляхетским сословным признаком; он част в ф. ф. духовенства, но в данном случае это менее вероятно, т. к. церкви в честь Иоакима обычно объединяли его с Анной (см. *Акиманский*).

Аки́мочев — см. *Акимычев*.

Аки́мочкин — отчество с суф. *-ин* от уменьшительной (м. б. добродушно-иронической) формы Акимочка — из Аким (см. *Акимочкин*).

Акиму́тин — отчество с суф. *-ин* от редкой производной формы Акимута (по модели Васюта) из канонического м. л. и. Иоахим через обиходную форму Аким (см. *Акимов*).

Аки́мушкин — отчество с суф. *-ин* от уменьшительной формы Акимушка из Аким (см. *Акимов*).

Аки́мцев — возможны совершенно различные пути возникновения этой ф. и соответственно различные значения ее, хотя во всех случаях это — отчество с суф. *-ев* из основ Акимец или *акимец* (из Аким — см. *Акимов*): 1) отчество из Акимец, основа Акимец, т. е. 'маленький Аким', могла означать: а) 'сын Акима', в этом случае первый акимцев — внук Акима, или: б) уменьшительную форму имени, служившую прозвищем самого Иоахима, в этом случае *акимцев* — не внук, а сын Акима; 2) наименование по отцу *акимец*, который а) принадлежал Акиму (или упрощение из *акимовец* — принадлежащий Акимову), б) приехал из с. Акимово.

Аки́мычев — отчество с суф. *-ев* в свою очередь от отчества с суффиксом *-ыч* (*-ич*) Акимыч 'сын Акима' из канонического м. л. и. Иоахим через обиходную форму Аким (см. *Акимов*), таким образом *акимычев*- внук Акима. Фонетический вариант этой ф. — Акимочев; к сожалению, территорию распространения этой формы (*о* вместо *ы*) установить не удалось.

Акинди́нов — отчество с суф. *-ов* от канонического м. л. и. Акиндин (греч. 'безопасный'). От различных производных или искаженных произношением форм того же имени образованы ф. ф.: Акундинов, Ангудинов, Анкудимов, Анкудинов, Анкудович, Анкундинов, м. б. Гудимов и др.

Аки́нин — отчество с суф. *-ин* от уменьшительной формы Акиня из канонических м. л. и. Иоакинф (обиходное — Акинф), Акиндин, даже Иннокентии. В документах 2-й половины XVI в.:

Акиня Клементьев сын Поливанов (Тыс. кн., 377), в окающей форме — Окиня Мосиев, 1587 г. (АЮ, 283).

Аки́нтов — отчество с суф. *-ов* от канонического м. л. и. Иакинф (греч., из наименования цветка гиацинт; для передачи финального согласного «тэта» русск. язык не имел соответствующего звука, передавая его как *т* или как *ф* — см. *Акинфов*).

Аки́нфиев — отчество с суф. *-ев* от гиперкорректной формы Акинфий из канонического м. л. и. Иакинф (см. *Акинфов*), ошибочно принятую за краткую, от которой в употреблении «восстановили» мнимую полную Иакинфий.

Аки́нфов — отчество с суф. *-ов* от обиходной формы Акинф из канонического м. л. и. Иакинф (греч., из названия цветка и драгоценного камня гиацинт). По генеалогии дворян А. их ф. пошла от выходца из Орды в XV в., принявшего имя Акинф («Родословная дворян Акинфовых», Симбирск, 1899); 1550 г. — в Дмитрове «дети боярские Иван да Петр Андреевы дети Акинфовы» (Тыс. кн., 130 и 249—250), 1586 г. — Окинфов (РК, 366), в XVII в. писались также — Акинфьевы.

Аки́н(ь)шин — отчество с суф. *-ин* от уменьшительной формы Акин(ь)ша из канонического м. л. и. Иакинф (см. *Акинфов*)

Аки́ров — отчество с русск. суф. *-ов* от м. л. и. Акир, в прошлом зафиксированного, например, у татар и чуваш.

Акифа́нов — происхождение ф. невыяснено.

Аки́фьев — отчество с суф. *-ев* от формы Акифий, которая могла возникнуть из канонических м. л. и. Иакинф (см. *Акинфиев*) и Кифа.

Акишев — отчество с русск. суф. *-ев* от м. л. и. Акиш, записанного в прошлом у народов Поволжья (Магницкий, 25), но также возможного и как форма от одного из канонических м. л. и. (Иоаким, Иакинф, Акиндин или др.) 1654 г. — вологжанин Парфентий Акишев (Тамож. кн. II, 845).

Акишин — отчество от формы Акиша из Акиш (см. *Акишев*)

Аккерман — ф. возникла на почве немец. языка, в котором означало крестьянина (этимологически 'полевой человек'—земледелец), не имея ничьего общего с топонимом Аккерман (тюрк. 'белая крепость').

Аккура́тнов, Аккура́тов — ф. ф. книжного происхождения, образованы из основы прилагательного *аккуратный* по господствующей модели русск. фф. — с суф. *-ов*. (Могла возникнуть, например, при раздаче «приличествующих» ф. ф. в духовных семинариях).

Акла́нов — этимология неизвестна.

Акле́ев — отчество с суф. *-ев* от формы Аклей, вероятно, из канонического м. л. и. Евклей (подобно Астафий из Евстафии и мн. др.)

Акма́ев — отчество с суф. *-ев* от м. л. и. Акмай, в прошлом употребительного у народов Поволжья. Оно нередко в докумен-

тах XVII в., особенно в Пензенских десятнях: Акмай Уразмин в Атемирской десятне 1669 г., Акбулатка Акмаев в Керенской десятне 1692 г. и мн. др. (ДПК, 223, 229, 233, 234, 433, 458, 470).

Акма́йкин — отчество с суф. *-ин* от уничижительной формы Акмайка из Акмай (см. *Акмаев*); в документах XVII в. среди мурз и сторожевых казаков из татар и мордвы — по Саранску Акмайка Акшеев, 1663 г., по Керенску Акмайка Богданов, 1692 г. (ДПК, 232 и 458).

Акма́лов — отчество с русск. суф. *-ов* от распространенного исламом м. л. и. Акмал (араб., один из эпитетов Аллаха — 'самый совершенный').

Акмура́дов — отчество с русск. суф. *-ов* из мусульманск. м. л. и. Акмурад, в котором к араб. м. л. и. Мурад ('цель, желание') присоединено тюрк. *ак* ('белый'), этимологические значения обоих компонентов давно стерлись полностью.

Акмурза́ев — отчество с русск. суф. *-ев* от формы Акмурзай из м. л. и. Акмурза у тюркоязычных народов, подвергшихся воздействию ислама. Само имя двучленно, объединено из *ак* и *мурза*; первоначально *ак*, по-видимому, еще сохраняло самостоятельное значение (сравн. антоним Карамурза), но в дальнейшем оба компонента полностью утратили свои значения.

Акму́рзин — отчество с русск. суф. *-ин* от м. л. и. Акмурза у тюркоязычных народов (см. предыдущ.)

Акназа́ров — отчество с русск. суф. *-ов* от мусульманск. м. л. и. Акназар, той же модели как Акмурад (см. *Акмурадов*); Назар мусульманск. м. л. и. (араб. 'взгляд') — не смешивать с каноническим м. л. и. Назарий (обиходное — тоже Назар).

Акоёмов — см. *Акаёмов.*

Акользин — этимология неизвестна.

Ако́пов — русск. адаптация армян. ф. Акопян, представляющей форму родит. падежа от м. л. и. Акоп (из Иаков, соответственно в России Яков); на почве русск. яз. произошла замена армян. форманта *-ян* соответственно русск. формантом *-ов.*

Акпе́ров — отчество с русск. суф. *-ов* от формы Акпер, по-видимому, азербайджанско-иранской из мусульманск. м. л. и. Акбар (араб., 'величайший, старший'; вероятно, сокращение из полного м. л. и. Алиакбар).

Акра́мов — отчество с русск. суф. *-ов* от принесенного исламом м. л. и. Акрам (араб. 'благороднейший, самый великодушный')

Акра́мовский — ф. дана в духовной семинарии в 1-й половине XIX в. сыну священника из с. Акрамово (Магницкий, 7).

Акри́дин — ф. книжного происхождения, в основе слово из церковной письменности акрида 'саранча'; суф. *-ин* присоединен как господствующий суффикс русск. ф. ф. при основах на *-а.*

Аксака́лов — отчество с русск. суф. *-ов* от тюркоязычного м. л. и. Аксакал, употребительного, например, у алтайцев. Нарицательное *аксакал* у многих тюркоязычных народов стало формой

обращения к пожилым, уважаемым (этимологическое значение 'белая борода'), в прошлом означало старейшину, главу рода.

Акса́ев — этимология неясна; ф. записана в Иркутске, 1970 г., Л. Б. Серебренниковой.

Акса́ков — отчество с русск. суф. *-ов* от м. л. и. Аксак, тюркоязычного по происхождению, нередкого в Москов. гос-ве XVI—XVII вв., из тюрк. *аксак* 'хромой'. В документах — с 1551 г. (Тыс. кн., 250, 381, 383; РК, 177; Тупиков, 31). Род А., к которому принадлежали писатели XIX в. Сергей Тимофеевич А. и его сыновья, — от боярина XV в. Ивана Вельяминова, по прозвищу Оксак, его предки — из татар, его потомки, в отличие от других ветвей Вельяминовых, стали писаться Оксаковы (РГ, 20—30).

Аксаме́нтов — этимология невыяснена; ф. записана в Иркутске 1970 г. Л. Б. Серебренниковой.

Аксами́тов — возможны два пути образования ф.: 1) отчество с суф. *-ов* от нецерковного м. л. и. Аксамит; в XV в. Аксамит — один из предводителей гуситов в Чехии, имя часто в Польше с XV в. (SSNO I, 21), в Белоруссии — 1567 (Бірыла I, 196), в Москов. гос-ве середины XVI в. «Бархат да Аксамит княж Ивановы дети Мещерского» (Тыс. кн., 199); 2) русск. переоформление суф. *-ов*, как господствующим суф. русск. ф. ф. украин.— Оксамитный (ДУП, 169). В обоих случаях имя или ф. — из нарицательного *аксамит*, старинное наименование бархата.

Акса́рин — отчество с русск. суф. *-ин* от формы Аксара из Аксар (см. *Аксаров*), 1669 г. — в Саранске мурза Шугурко Аксарин — еще отчество (ДПК, 215), наличие такой формы подтверждается и названием с. Аксарино в Татарск. АССР.

Акса́ров — отчество с суф. *-ов* от м. л. и. Аксар, употребление которого в прошлом засвидетельствовано у тюркоязычных народов Поволжья (Магницкий, 26). От того же имени — название с. Аксарово в Башкир. АССР.

Аксе́енко(в) — отчество с украин. и белорусск. суф. *-енко* от формы Аксей из канонического м. л. и. Авксентий. На почве русск. языка ф. могла получать дополнительное оформление господствующим суффиксом русск. ф. ф. *-ов*.

Аксе́йкин — отчество с суф. *-ин* из уничижительной формы Аксейка от канонического м. л. и. Авксентий (см. *Авксентьев*).

Аксёнов — отчество с суф. *-ов* от обиходной формы Аксён из канонического м. л. и. Авксентий (см. *Авксентьев*).

Аксе́нтьев — отчество с суф. *-ев* от Аксентий (упрощение канонического м. л. и. Авксентий).

Акси́нин — вероятней отчество от уменьшительной формы Аксеня из канонического м. л. и. Авксентий, чем из Аксинья от ж. л. и. Ксения, так как имя матери несравнимо реже, чем имя отца, становилось именованием. Замена *е* → *и* обязательна в ряде говоров русск. языка, после чего ф. могла быть переосмыслена, как связанная с Аксинья.

Аксю́тин — отчество с суф. *-ин* от уменьшительной формы Аксюта от канонического м. л. и. Авксентий (Бірыла I, 19; Петровский, 36), а не от формы Аксинья из канонического ж. л. и. Ксения.

Актуга́нов — отчество с русск. суф. *-ов* от тюркоязычного м. л. и. Актуган; в прошлом записано, например, у чуваш (Магницкий, 26).

Актя́мов — отчество с русск. суф. *-ов* от принесенного исламом м. л. и. Ахтам (Актам, Ахтям, Актям).

Аку́лин — отчество с суф. *-ин* от: 1) просторечной формы Акула из канонических м. л. и. Акила, Аккул, Вукол; в белорусск. языке хорошо известна форма Акула от м. л. и. Акила (Бірыла I, 23); или 2) прозвища Акуля, Акула из диалектных нарицательных *акула* 'хвастун' (Филин I, 227), *окула* 'плут, обманщик, объедала за чужой счет' (Даль[2] II, 670), в уральских говорах *акуля* 'неумелый, нерасторопный, рассеянный' (СРГСУ 1, 26). Так как именование несравнимо реже возникало из имени матери, нет оснований привлекать ж. л. и. Акилина (обиходное Акулина).

Акули́нин — возможно именование по имени матери (обиходная форма Акулина из канонического ж. л. и. Акилина), но та же форма Акулина служила и прозвищем для мужчины.

Акули́ничев — отчество с суф. *-ев*, образованное в свою очередь из отчества с суф. *-инич* от Акула или Акулина, вероятней муж. имена, чем женские. Крепостной крестьянин А. в Елецком у. 1858 г. (Орлов. обл. арх., ф. 780, № 75).

Акули́нушкин — отчество с суф. *-ин* от уменьшительной формы (вероятно, с ироничным оттенком) Акулинушка из Акулина (см. *Акулин*), которое могло относиться к мужчине или женщине.

Аку́личев — отчество с суф. *-ев*, в свою очередь образованное от отчества с суф. *-ич* (Акулич) из канонического м. л. и. Акила, Аккула, Вукол или из прозвища Акула, Акуля (см. *Акулин*). В Брянск. обл. есть с. Акуличи. Крестьянин А. — в с. Моховое, Орловского уезда, 1899 г. (Орлов. обл. архив ЗАГС).

Акулишнин — отчество с суф. *-ин* из отчества же с суффиксом *-ична* (в диалектном произношении *-ишна*) Акулишна, то есть дочь Акила, Аккула или Вукола.

Аку́лов — отчество с суф. *-ов* от формы Акул из канонических м. л. и. Акила, Аккул, Вукол, или из тюркоязычного м. л. и. Аккул, например, было у башкир, этимологическое значение 'белые руки'). 1652 г. — крестьянин Сила Акулов в Алексинском уезде Тульск. губ. (ПКТК 1, 244).

Акулович — отчество или непосредственно ф. белорусск. происхождения с суф. *-ович*, от формы Акул (см. предыдущ.).

Аку́лькин — отчество с суф. *-ин* от уничижительной формы Акулька из канонических м. л. и. Акила, Аккул, Вукол или ж. л. и. Акилина (обиходное — Акулина) или из муж. прозвища Акулька, в основе которого диалектное *акулька*, *окулька* 'ротозей', 'глупец', 'мошенник'. По-видимому, отсюда же и ф. Кулькин.

Акульшин — отчество с суф. *-ин* от формы Акульша из Акуля или Акулька (см. *Акулькин*).

Акура́тов — упрощение из *Аккуратов* (*см.*)

Акурза́нов — происхождение ф. невыяснено.

Аку́тин — возможное отчество с суф. *-ин* 1) от формы Акута, Акутя, Акуть из канонических м. л. и. Акут и Акутион, но неизвестна употребительность их в России (было и ж. л. и. Акута, но пока неизвестно ни одного случая его употребления в России, а именование по имени матери очень редко даже из самых частых имен); 2) более вероятно — от прозвища Окута из диалектного *окута* ʽплут, надувала' (Даль[2] II, 591), безударное *о* → *а* в акающих говорах закономерно. 1640 г. полоцкий боярин Михайло Окута Домонт (АЗР V, 68); 3) ф. белорусск. происхождения, по предположению Н. В. Бирилло, из *акуты* ʽокованный' (Бiрыла II, 19).

Акушкин — отчество с суф. *-ин* от уничижительной формы Акушка из м. л. и. Акуша, которое в XIX в. записано, например, у чуваш.

Акчу́рин — отчество с русск. суф. *-ин* от тюрк. м. л. и. Акчура из *ак* ʽбелый', *чура* ʽраб', по-видимому, обозначавшего некое социальное положение, так как был и Карачурин — в Пензенской десятне 1696 г. (ДПК, 90), тюрк. *кара* ʽчерный'. В документах: 1509 г. — Акчура Адашев получил от царя княжение над Кадомской мордвой, у его потомков — ф. А.; 1661 г. — в Западн. Сибири — татар. феодал А. (Г. Ф. Миллер. История Сибири, II). В предреволюционной России ф. А. известна на Среднем Поволжье — крупные купцы-фабриканты из татар.

Акша́ев, Акше́ев — отчество с русск. суф. *-ев* от тюркоязычного м. л. и. Акшай, в прошлом известного, например, у народов Поволжья: у чуваш Акшай (Магницкий, 26), у мордвы Акшай (Мокшин, 113); 1669 г. — Акмайко и Бекбулатко Акшеевы в Саранске (ДПК, 231—232).

А́кшенцев — отчество с суф. *-ев* от территориального обозначения отца *акшенец* или *акшинец* по названию р. Акша (в бассейне Оки южней Арзамаса) или с. Акшино.

А́кшин — кроме возможной связи с топонимами (см. *Акшенцев*) надо искать нецерковное имя или прозвище, или производную форму одного из канонических м. л. и. — 1649 г., запорожский полковник Степан Окша (Акты южной и западной России III, 62), отчество от которого могло стать основой ф.

А́кшинский — из обозначения жителя по р. Акша (см. *Акшенцев*) или из с. Акшино (в Мордов. АССР).

Акушский — происхождение ф. неизвестно.

Алаберде́ев — отчество от формы Алабердей из мусульманск. м. л. и. Аллаберди ʽАллах дал' (семантически тождественно греч. Феодот, древнерусск. Богдан). В документах м. л. и. — с XVII в.; в XIX в. записано в Поволжье у татар и чуваш (Магницкий, 26),

из того же имени — название с. Алабердино в Татарск. АССР. Чаще в форме Алавердов (см.).

Ала́бин — происхождение ф. неясно. В документах — с 1633 г., но м. б. еще в качестве не ф., а второго отчества — 1633 г. Софонко Федоров сын Олабин, посадский человек в Юрьеве (Тупиков, 464).

Ала́бов, Алабовский — происхождение ф. ф. выяснить не удалось.

Ала́бугин — отчество с русск. суф. *-ин* из тюркоязычн. м. л. и. Алабуга (этимология имени спорна: при наличии казах., татар. и др. *алабуга* 'окунь', киргиз. 'форель', все же вероятней *ала буга* 'пестрый бык'). Не исключено образование ф. — из названия г. Елабуга (татар. Алабуга).

Ала́бужев — см. *Алабышев.*

Ала́бужин — см. *Алабугин.*

Ала́бушев, Ала́бышев — отчество из нецерковного м. л. и. (или м. б. прозвища) Алабыш, нередкого в Москов. гос-ве XV—XVI вв. в различных слоях населения от холопов до князей: князь Александр Аленко, алабышев брат, 1508 (Тупиков, 31), князь Семен Федорович Алабышев, 1516 (РК, 59), Уришка Федоров сын Алабышев, 1596 (АЮ, 267), Алабыш Колобов сын Перепечин, новгородский сын боярский, середина XVI в. (Тыс. кн., 372). Имя или прозвище — из нарицательного *алябыш* 'полный, пухлый', записано, например, в говорах Урала (СРГСУ 1, 26) — переносно из основного значения 'лепешка, небольшой каравай'. Однако не исключена контаминация ф. с производными формами от тюрк. м. л. и. Алабуга (см. *Алабугин*).

Аламе́рдов — 1) отчество с русск. суф. *-ов* от мусульманск. м. л. и. Аллахверди — тюрк. форма из араб. 'Аллах дал', семантически тождественно с греч. Феодот, др.-русск. Богдан; 2) русск. адаптация иноязычной ф., напр., арм. Алавердян, из той же основы. Другие формы ф. — Алабердеев, Аллавердов, Аллахвердиев, Аллахвердов. Не исключено, в отдельном случае, и образование ф. по месту прежнего жительства — из названия г. Алаверди (ныне в Армян. ССР).

Аладжа́лов, Ала́джев — ф. ф. тюркоязычного происхождения (тюрк. *аладжа* 'пестрый, пятнистый, разноцветная шелковая ткань'); путь образования ф. невыяснен.

Ала́дин — см. *Аладьин.*

Ала́дышев — отчество с суффиксом *-ев* от прозвища Аладыш из нарицательного *аладыш* 'толстый блин, лепешка'(см. *Аладьин*) — за тучность или за пристрастие к этому блюду.

Ала́дышкин — отчество от муж. прозвища в уменьшительной, вероятно иронической, форме Аладышка (см. *Аладышев*).

Ала́дьев — отчество от прозвища Оладий (в акающем произношении — Аладий), из нарицательного *оладий* (см. *Аладьин*).

Ала́дьин — отчество с суф. *-ин* из русск. дохристианского м. л. и. Оладья, частого и в документах XV—XVI вв. (многочисленные примеры: Тупиков, 287—288).

Ала́ев — отчество с суф. *-ев* от нецерковного м. л. и. Алай, нередкого в Московск. гос-ве XVI—XVII вв.: московск. дворянин Алай Васильев сын Лодыженского — 1565 г., Алай Михалков — 1608 г. (Тупиков, 31—32). Имя, очевидно, пришло из Орды; оно известно у турок, татар, башкир и др. тюркоязычных народов, в XIX в. записано как чуваш. языческое м. л. и. (Золотницкий, 173; Магницкий, 11).

Алака́ев — отчество с русск. суф. *-ев* от тюрк. м. л. и. Алакай: 1669 г. Алкойко Ишеев, Алкойко Баишев — в Атемарской десятне (ДПК, 230 и 232), в 1696 г. новокрещены Алакаевы в Пензенск. десятне (ДПК, 128). Имя м. б. связано с татар. диалектным *алакай* 'несдержанный, необузданный'.

Ала́кшин — отчество с суф. *-ин* от прозвища Алакша из диалектного *алакша* 'пачкун, грязнуля' (Филин I, 229—230, с пометой «Слободск.» — Вятск. губ.).

Алалы́кин — отчество с суф. *-ин* от прозвища Алалыка из диалектного *алалыкать* 'говорить невнятно, бормотать, мямлить, картавить' (Филин I, 230); казах. *алалык* 'разлад' едва ли участвовало непосредственно в образовании ф., но может пролить свет на этимологию нарицательного, обнаруживая его заимствование из тюрк. языков. Возможно, сюда же относятся ф. ф. Алалеков, Алелюхин, хотя В. И. Даль связывает их основы с *аллилуйя*). Наиболее ранняя из дошедших документаций ф. — 1649 г. помещик А. в Костроме (АСДРВ, 4), 1653 г. — воевода Василий Ларионович А. (ААЭ IV, 105).

Аламанов — происхождение ф. спорно. В XIX в. жаргон коробейников центральных губерний называли *аламанский* язык (Даль^2 I, 10), это допускает, что для них бытовало наименование *аламан*, из которого вполне могла образоваться ф. или прозвище. В тюрк. языках *аламан* 'разбойник' и 'военная добыча' (Радлов I, 368). Этноним *алеманы* (франц.) 'немцы' широко распространен во многих языках вплоть до тюркских. Из него ф. Алеман широко распространена в Греции, очаг ее — о. Корфу во время наполеоновых войн (J. A. Thomopoulos. Anthroponymes et toponymes francs en Grèce. — ICOS VIII, 521).

Ала́мпиев — отчество с суф. *-ев* от просторечной формы Алампий из канонического м. л. и. Евлампий. Та же ф. отмечена и на белорусск. материале (Бірыла I, 64).

Ала́нов — м. б. связано с тюрк. *алан* 'неумный', из чего могло возникнуть прозвище. Этноним *алан* (обозначение ираноязычного народа) в России ко времени возникновения ф. ф. был достоянием только истории.

Аласке́ров — см. *Алескеров.*

Алатле́тов — происхождение ф. неизвестно.

Ала́торцев — вероятно, фонетический вариант от *Алатырцев* (см.); однако, надо учесть возможность возникновения отчества от прозвища из диалектного *алаторец* 'своевольный' — калужск., 'шалун, сорванец, повеса' — архангельск. (Филин, I, 232).

Ала́тырев — именование по месту, откуда прибыл — из гор. Алатырь; или отчество с суф. *-ев* от прозвища по названию того же города.

Ала́тырский — обозначение по месту происхождения или прежнего жительства. Кроме того А. — псевдонимы двух советских литераторов.

Ала́тырцев — отчество от нарицательного *алатырец*, т. е. сын уроженца г. Алатыря или приезжего оттуда. Возможно иное происхождение: от прозвища из диалектного *алатырец* 'хитрец, криводушный' и 'косноязычный, немой' (Филин I, 232). Фонетический вариант — *Алаторцев* (см.).

Алаухов, Алафу́зов — происхождение ф. ф. невыяснено.

Алахве́рдов — см. *Алавердов.*

Ала́чев — отчество с русск. суф. *-ев* от тюрк. м. л. и. Алач. В середине XVI в. в документах часто упоминались в Зап. Сибири татар. и хантыйск. князя Алачевы (Г. Ф. Миллер. История Сибири II); у хакассов известно м. л. и. Алачон.

Алачихин — возможна связь с тюрк. *алачих* 'войлочный шатер', заимствованным и некоторыми русск. говорами; но вероятней от прозвища *алачиха* из *алач* 'грубый холст, пестрядь' (из тюрк. языков, было широко распространено в России).

Ала́чкин — отчество от уничижительной формы Алачка, из тюрк. м. л. и. Алач (см. *Алачев*).

Алаше́ев — вероятно, от прозвища Алашей, этимология которого спорна: м. б. оно связано с тюрк. алаша 'лошадь', заимствованным и мордов. языком (непосредственно происхождение ф. из этой основы невозможно, т. к. требовало бы суффикса *-ин*, а не *-ев*), вероятней же — из русск. диалектного *алашить* 'шуметь, спорить' (Даль[2] I, 10); не исключено отчество от формы Алачей из тюрк. м. л. и. Алач (см. *Алачев*). 1669 г. — многочисленны А. в Атемарской десятне (ДПК, 403 и 411), казанские помещики в XVIII—XIX вв., 1910 г. — крестьяне в с. Елховка, Ставропольск. уезд Самарск. губ.

Алаше́евский — именование по месту жительства, например, с. Алашеевка (ныне на с.-в. Мордов. АССР).

Ала́шников — вероятна связь с диалектным *алашить* 'шуметь, спорить, горланить' (Даль [2] I, 10, с пометой «рязанск.»), из чего возможно **алашник* 'крикун, спорщик', которое могло стать прозвищем, отчество от него стало ф.

Алба́ев — отчество с русск. суф. *-ев* от тюркоязычного м. л. и. Албай, в прошлом записанного в Среднем Поволжье (Магницкий, 26), для этимологии которого можно привлечь киргиз. *ал-*

бай 'непомерно толстый человек'. В Керенской и Атемарской десятнях 1679 и 1692 гг.: Албайка Досаев, Албайка Яваев, Албайка Борисов — в числе служилых татар (ДПК, 344, 453 и 466); участник крестьянской войны 1670 г. Чурабай Албаев в д. Нурасовой Курмышск. у. (еще отчество). Из того же м. л. и. — название с. Албаево в Татар. АССР.

Албутов — возможны 2 совершенно разных и взаимоисключающих предположения: франц. ф. *Albot* из лат. *albus* 'белый' с франц. уменьшительным суф. *-ot* (Harrison, 4); с другой стороны — в татар. говорах правобережья Волги *албут* 'помещик' из литературного *алпавут* (ДСТ, 33).

Албычев — отчество с русск. суф. *-ев* от тюрк. м. л. и. Албыч, например, в XIX в. записано у чуваш (Магницкий, 26).

Албя́ков — отчество с русск. суф. *-ов* от тюрк. м. л. и. Албяк, например, в прошлом отмеченного у чуваш (Магницкий, 26).

Алга́зин — отчество или непосредственно ф. от м. л. и. Алгази у народов Поволжья, в прошлом у чуваш или татар записано Олгази (Магницкий, 26), в русск. документах — чуваш. ф. Олгази. В Удмуртск. АССР есть д. Алгази. Вероятна контаминация с тюрк. м. л. и. Алгас (см. *Алгасов*), озвонченье интервокального согласного закономерно на почве татар. языка.

Алга́йкин — отчество с русск. суф. *-ин* от уничижительной формы Алгайка из м. л. и. Алгай у татар или чуваш (Магницкий, 26), от которого и название с. Алгаево в Татар. АССР.

Алга́сов — отчество с русск. суф. *-ов* от принесенного исламом м. л. и. Алгас (также Алкас) — араб. 'вестник'; поэтому едва ли нужно привлекать татар. *алгасу* 'увлекаться, шалить'. Вероятна связь ф. ф. Алгазин, Алгашев (см.), но неясно — фонетические ли это варианты из общей основы или результат контаминации.

Алга́шев — отчество с русск. суфф. *-ев* от м. л. и. Алгаш у народов Поволжья: мариец Алгаш Алкеев, 1641 г. (ДНУАК XV, вып. 5, с. 17), вероятно марийск. фонетич. изменение из Алгас (см. Алгасов), на то же имя у чуваш указывают названия многих чуваш. с. с. Алгаши.

Алга́шкин — отчество с русск. суффиксом *-ин* от уничижительной формы Алгашка от Алгаш (см. *Алгашев*).

Алдаба́ев — отчество с русск. суф. *-ев* от м. л. и. Алдабай у тюркоязычных народов Поволжья (например, у чуваш в прошлом записано Алдубай: Магницкий, 26); ф. встречается и в написании Алдобаев.

Алдада́нов — происхождение ф. неизвестно.

Алда́ко́в — отчество с русск. суф. *-ов* от тюркоязычного прозвищного м. л. и. Алдаг, в татар. диалектах *алдак* 'обман, ложь' (ДСТ, 34), из др. тюрк. языков отмечено в чагатайском (Радлов I, 414).

Алда́нов, Алда́нский — фф. связаны с гидронимом Алдан (в Якутск. АССР).

Алда́ров — отчество с русск. суф. *-ов* от тюрк. и монг. м. л. и. Алдар, по-видимому, из монг. *алдар* 'славный'; ввиду единичности указания на *алдар* 'обманщик' у тобольских татар (Радлов I, 415) этот источник едва ли вероятен. Имя зафиксировано в прошлом у чуваш (Магницкий, 26), есть оно у бурят; ф. А. есть в Бурятск. АССР. В Башкир. АССР — с. Алдарово.

Алда́хин — отчество с суф. *-ин* от производной формы Алдаха из канонического м. л. и. Евдоким (см. также *Алдохин*).

Алда́шев — отчество с суф. *-ев* от формы Алдаш из канонического м. л. и. Евдоким; ф. записана в Мещовск. у. Калуж. губ., 1924 г. Связь с тюрк. *алдаш* 'быть обманутым' (Радлов I, 418) маловероятна.

Алда́шин — отчество с суф. *-ин* от уменьшительной формы Алдаша (см. *Алдашев*).

Алда́шков — отчество с суф. *-ов* от формы Алдашко (см. *Алдашев*).

Алдоба́ев — см. *Алдабаев*.

Алдо́нин — отчество с суф. *-ин* от уменьшительной формы Алдоня, многократно подтвержденной из канонического м. л. и. Евдоким, возможной также из др. канонических м. л. и., однако, гораздо менее употребительных в России: Авда, Авдон, Ардалион, Егдон (Егдуний), Евдемон.

Алдо́нов — отчество от формы Алдон из тех же имен, как и предыдущ.

Алдо́хин — отчество с суф. *-ин* от формы Алдоха из канонического м. л. и. Евдоким или др. (см. *Алдонин*); ф. многочисленна в др. Крутицы, Карачаевск. вол. Калужск. у., 1913 г. (Калужск. обл. арх., ф. 33, оп. 2, № 2126).

Алдо́шин — отчество с суф. *-ин* от уменьшительной формы Алдоша из тех же имен, как в *Алдонин* (см.); ф. часта в Гастьинск. вол. Мещовск. у. Калуж. губ., 1924 г. (Калужск. обл. арх., ф. Р—79, оп. 1, № 98). Форму Алдоша от ж. л. и. Евдокия (Авдотья) зафиксировал в мещерских говорах В. Т. Ванюшечкин, но именования из имени матери несравнимо реже, чем из имени отца и поэтому образование ф. из них менее вероятно.

Алдо́шкин — отчество с суф. *-ин* от уничижительной формы Алдошка из канонического м. л. и. Евдоким и др. (см. *Алдонин*); однако, нельзя исключить возможность той же формы из тюрк. языков Поволжья, где в XIX в. документировано Алдушка у чуваш (Магницкий, 26).

Алду́нин — отчество с суф. *-ин* от уменьшительной формы Алдуня (см. *Алдонин*).

Алдущенков — отчество или непосредственно ф. с суф. *-ченко* на почве украин. или белорусск. языков от формы Алдуш, возможной из нескольких канонических м. л. и. (см. *Алдонин*); в русск. среде ф. дополнительно оформлена суффиксом *-ов*.

Алдырев — м. б. отчество от прозвища Алдырь, связанного с диалектным заимствованием из татар.: *алдыром* 'жадно глотать, пить большим ковшом' (Даль[2] I, 10).

Алды́шкин — фонетический вариант ф. ф. Алдошкин или Алтышкин.

Алеба́стров — при несомненной связи основы ф. с нарицательным *алебастр* (мелкий гипс). Первоначальное значение ф. неясно.

Алево́хин — м. б. отчество от прозвища из диалектного *обливоха* 'пьяница' (Даль[2] II, 596).

Алединский — происхождение ф. невыяснено.

Але́ев — отчество с русск. суф. *-ев* от татар. формы Алей, частой, например, на Среднем Поволжье вплоть до нашего времени, в Сибири XVI в. (царевич Алей — сын Кучума), из мусульманск. м. л. и. Али.

Алеевский — 1) прибывший из с. Алеево, 2) крепостной помещиков Алеевых.

Але́йников — первоначальное значение 'сын олейника', то есть вырабатывающего растительное масло (ст.-слав. *елей*). Слово *алейник* 'маслобойщик' сохранилось в белорусск. языке, соответственно укр. *олійник*; на Украине нередка ф. Олійник.

Алекбе́ров — отчество с русск. суф. *-ов* от одной из форм принесенного исламом м. л. и. Али-Акбар, араб. 'Али Старший', именование старшего из трех сыновей халифа Хусейна, носивших имя Али. Старший Али стал самым чтимым у шиитов (одно из двух основных направлений ислама), поэтому имя особенно часто в Азербайджане и у лезгин Дагестана, реже в Средней Азии, где господствовало другое течение ислама — сунниты. В одних языках согласные произносятся звонко *гб*, в других глухо — *кп*, соответственно различны формы ф., более часты Алекберов и Алекперов (особенно в Азербайджане), Аликберов (в Дагестане).

Алёкин — отчество с суф. *-ин* от уменьшительной формы Алёка из канонического м. л. и. Александр. В XVIII—XIX вв.— ф. казанских помещиков.

Алекпе́ров — см. *Алекберов.*

Алекса́гин — отчество с суф. *-ин* от формы Алексага из канонического м. л. и. Александр; формант *-а́га* более характерен для Среднего Поволжья.

Александренко(в) — отчество с украин. - белорусск. суф. *-енко* от канонического м. л. и. Александр; на почве русск. языка ф. могла дополнительно оформляться суффиксом *-ов.*

Александри́йский — ф. книжного происхождения, в основе которой название гор. Алекса́ндрия (в Египте), крупнейшего культурного центра эллинистического периода и первых веков христианства. Возможно, ф. дана при раздаче ф. ф. семинаристам. Или из г. Александрия (Укр. ССР).

Алекса́ндриков — отчество с суф. *-ов* от уменьшительной формы Александрик из канонического м. л. и. Александр; ф. в Хвастовичск. районе Калужск. обл., 1961 г.

Алекса́ндрин — отчество с суф. *-ин* от просторечной формы Александра из канонического м. л. и. Александр (см. следующ.), таковы и ф. ф. Лександрин, Олександрин. Образование ф. из ж. л. и. Александра невероятно — не только в силу того, что именование по матери несравнимо реже, чем по отцу, а, главное, в силу того, что это ж. л. и. до XIX. в. оставалось монопольно достоянием только дворянок, а широкое распространение получило гораздо позже.

Алекса́ндров — отчество с суф. *-ов* от канонического м. л. и. Александр (греч. 'защитник людей'). Частое в княжеской среде на Руси XIII—XV вв., оно затем несколько редеет; в конце XVIII в. снова учащается среди дворянства и в XIX в. оспаривает в этой среде первенство (т. к. в этом столетии три Александра занимали царский трон), к концу столетия имя имело широкое распространение. Поэтому и ф. А. очень часта; в Петербурге 1910 г. она заняла по частоте 12-е место. От различных форм того же имени образованы ф. ф.: Алекин, Алексагин, Александренко(в), Александриков, Александрин, Александрович, Александровский, Александрушкин, Алексанин, Алексанкин, Алексанов, Алексахин, Алексашин, Алексашкин, Алексин, Алёнкин, Алесин, Ксандров, Лекин, Лександрин, Лексин, Лесин, Санин, Сашин, Сашкин, Сашурин, Сашухин, Шанин, Шурин, Шурыгин и др., кроме того в окающих говорах инициальное *а* → *о* (Олександров, Олексахин и т. п.), много и других форм в украин. и белорусск. языках. В ряде случаев возможна контаминация с производными от м. л. и. Алексей (напр., Алексин, хотя форма Алекса в старых документах, как правило, от Александр).

Александро́вич — отчество с белорусск. и украин. суф. *-ович* от канонического м. л. и. Александр (см. *Александров*).

Александро́вский — судя по месту ударения, ф. возникла под польск. влиянием, м. б. в Белоруссии. В Польше формант *-ski* долго был привилегией дворянских ф. ф. и вызывал подражание в средних слоях, его стремились добавить к ф.; возможна передвижка ударения (см. Александровский) в целях того же подражания.

Алекса́ндровский — 1) прибывший из населенного пункта Александрово, Александровское; 2) священник церкви, посвященной Александру; 3) крепостной дворян Александровых.

Александрушкин — отчество с суф. *-ин* от уменьшительной формы Александрушка из канонического м. л. и. Александр (см. *Александров*).

Алекса́нин — отчество от уменьшительной формы Алексаня от м. л. и. Александр (см. *Александров*).

Алекса́нкин — отчество с суф. *-ин* от уничижительной формы Алексанка из м. л. и. Александр (см. *Александров*); ф. в Мещовск. у. Калужск. губ., 1924 г.

Алекса́нов — отчество с суф. *-ов* от просторечной формы Алексан из канонического м. л. и. Александр (см. *Александров*); ф. в Мещовск. у. Калужск. губ., 1924 г.

Алекса́хин — отчество с суф. *-ин* от формы Алексаха из м. л. и. Александр (см. *Александров*), ф. в Мещовск. у. Калужск. губ., 1924 г.

Алекса́шин — отчество с суф. *-ин* из уменьшительной формы Алексаша от м. л. и. Александр (см. *Александров*).

Алекса́шкин — отчество с суф. *-ин* от уничижительной формы Алексашка из м. л. и. Александр (см. *Александров*) через промежуточное звено Алексаша.

Алексе́внин — именование по отчеству матери: Алексевна (литературное Алексеевна) — дочь Алексея, очевидно, вдова, самостоятельно ведшая хозяйство и вырастившая сына, т. к. именование женщины по отчеству свидетельствовало об уважении к ней.

Алексе́ев — отчество с суф. *-ев* от канонического м. л. и. Алексий (греч. защитник), повседневное Алексей. Очень частая ф. — по частотности в Петербурге 1910 г. занимала 11-е место. Из других форм того же имени, частично совпавших или контаминированных с производными от м. л. и. Александр, образованы ф. ф.: Алексеенко, Алексеин, Алёкин, Алексин, Алексюнин, Алексюк, Алесин, Алехин, Алешиков, Алёшин, Лексин, Лёхин, Лёшин.

Алексеевский — 1) священник церкви в честь Алексия; 2) прибывший из с. с. Алексеево, Алексеевское.

Алексе́евских — ф. ф. с *-их* (родит. падеж множ. числа прилагательного) обозначали потомка или крепостного, в данном случае родители или владельцы были Алексеевские.

Алексе́евцев — отчество с суф. *-ев* от *алексеевец* с неясным значением: суффикс *-ец*, *-евец* мог обозначать жителя, крепостного, принадлежащего к секте и мн. др. (см. также *Алексеенцев*).

Алексеенко(в) — отчество с украин. и белорусск. суф. *-енко* от м. л. и. Алексей (см. *Алексеев*), на почве русск. языка ф. могла дооформляться суф. *-ов*.

Алексеенцев — ф. записана в Иркутске, 1970 г., Л. Б. Серебренниковой. Значение неясно (как Алексеевцев), так как *алексеенец* могло обозначать жителя, крепостного, принадлежащего к секте и др.

Алексеичев — отчество с суф. *-ев* в свою очередь от отчества с суффиксом *-ич*, таким образом *алексеичев* был сыном Алексеича, значит, внуком Алексея, это обозначение закрепилось в качестве ф.

Алексейцев — отчество с суф. *-ев* от уменьшительной формы *Алексеец* из канонического м. л. и. Алексей (см. *Алексеев*), по-

добно *Иванец*: например, в Дмитрове середины XVI в. Алексеец Васильев сын Лукин—Татищев, Алексеец Федоров сын Чиркин (Тыс. кн., 339 и 429).

Алексейченко, Алексеенко — отчества с украин. — белорусск. суф. *-енко*, *-ченко* от м. л. и. Алексей (см. *Алексеев*).

Алексин — отчество с суффиксом *-ин* от формы Алекса из канонических м. л. и. Александр или, реже, Алексий (см. *Александров*).

Алексинский — первоначально могло обозначать прибывшего из гор. Алексин, м. б. священник церкви в честь Алексия.

Алексутов — возможно, отчество с суф. *-ов* от формы Алексут, из канонических м. л. и. Александр или Алексий.

Алексушин — отчество с суф. *-ин* от уменьшительной формы Алексуша из канонических м. л. и. Александр или Алексий; ф. записана в Иркутске, 1971 г., Л. Б. Серебренниковой.

Алексюк — ф. белорусск. происхождения, из м. л. и. Алексей (Бірыла I, 25), ф. записана в Воронеже — 1968 г., в Иркутске 1969 г.

Алексю́нин — отчество с суф. *-ин* от уменьшительной формы Алексюня из канонических м. л. и. Алексий или Александр.

Алексю́тин — отчество с суф. *-ин* от уменьшительной формы Алексюта из канонических м. л. и. Алексей и Александр; ф. записана в Орле, 1969. У белоруссов есть ф. Алексютович.

Але́кторов — ф. книжного происхождения, связана с греч. ἀλέκτωρ 'петух', но и ἄλεκτρος 'неженатый'?

Алеле́ков — несмотря на наличие в тюрк. языках созвучных слов (*алелек* 'сегодняшний, теперешний', *алел* 'жить честно' — заимствов. из араб.), вероятней отчество от прозвища Алелек, которое могло быть фонетическим вариантом диалектного *алалыка* (см. *Алалыкин*); возможен общий источник с Алелюхин (см.).

Алелюхин — отчество с суф. *-ин* от прозвища Алелюха из диалектного олелюха 'болван, разиня' — переносно из значения 'колобок, клёцка' (Даль[2] II, 670). Однако едва ли следует пренебречь возможной связью с *алалыка* 'мямля, картавый'; ф. вместе с ф. ф. Алалыкин, Алелеков (см.) образует этимологический узел, пока неразвязанный исследователями. Попытке В. И. Даля связать их с церковным *алилуйа* препятствует казах. *алалык* 'разлад'.

Алема́йкин — отчество с русск. суф. *-ин* от уничижительной формы Алемайка из старого мордов. м. л. и. Алемай (Мокшин, 112—113); 1669 г. — Алемайко Велмаев в числе служилой мордвы по Атемарской десятне под Саранском (ДПК, 218).

Алема́нов — основа ф. связана с *аллеман* 'германец, немец' (на рубеже н. э. этноним одного из племен германцев), в России алеманы как обозначение немцев известно по словарю Памво Берынды. В Германии — в латиноязычном документе 1113 г. — Alamannus (Brechenmacher, I, 19), во Франции — ф. Alleman (Dauzat, 6).

Алема́скин — отчество с русск. суф. *-ин* от уничижительной формы Алемаска из м. л. и. Алемас (см. *Алемасов*).

Алема́сов — отчество с русск. суф. *-ов* от старого мордов. м. л. и. Алемас (Мокшин, 113). 1669 г. — мордов. мурза Араско Алемасов в Атемарской десятне (ДПК, 216).

Але́нев — отчество с суф. *-ев*, основой могло быть или нецерковное м. л. и. Олень, документированное, например, в Енисейске 1660 г. Олешко Олень (Тупиков, 288) или уменьшительная форма Алень от одного из канонических м. л. и. — Алексей, Александр и др.; ф. А. документирована: 1763 г. в Великом Устюге («Устюг Великий», М., 1883), 1816 г. среди мещан Коломны (Архив Москвы, ф. 51, оп. 8, № 118).

Але́нин, Алёнин — отчества с суф. *-ин* от уменьшительных форм Аленя, Алёня из канонического м. л. и. Алексей (Петровский, 243) или Александр, вполне возможно из насмешливого мужского прозвища Алёна, менее вероятно из формы ж. л. и. Алёна (Елена), т. к. несравнимо реже именовали по имени матери, чем отца (см. также *Аленев*). Первое упоминание — в форме Оленин, 1495 (НПК, I, 114).

Алёницын — отчество с суф. *-ин* от формы Алёница, возможной как уважительная из канонического ж. л. и. Елена, но та же форма Алёница, Олёница встречалась в документах и как производная от канонических м. л. и. Алексей и Александр.

Алёничев — отчество с суф. *-ев*, образованное в свою очередь от отчества же с суф. *-ич* от формы Аленя (см. *Аленин*).

Алёнкин — отчество с суф. *-ин* от формы Алёнка из канонического м. л. и. Александр или м. б. Алексей; форма документирована — 1506 г. московский воевода князь Александр Олёнка; безударное *о* → *а* в акающих говорах обязательно. 1550 г. — «князь Ондрей княж. Федоров сын Оленкин», по другому списку, однако, вместо Оленкин значится Алексен (Тыс. кн., 62).

Але́нников — маловероятна связь с *оленник* (от *олень*), вероятней удвоение *нн* под влиянием частых фф. с *-ников*, основа Аленик могла быть уменьшительной формой от одного из канонических м. л. и. (см. *Аленин*); не исключено искажение из ф. Алейников (см.).

Алёнов — отчество из формы Алён, возможной от канонических м. л. и. Александр, Алексей (см. *Аленев*); неизвестность этой формы оставляет такое объяснение недоказанным.

Але́нтиев — см. Але́нтьев.

Алентов — отчество с суффиксом *-ов* от формы Алент — упрощение канонического м. л. и. Валент (он же Уал).

Але́нтьев — отчество с суф. *-ев* от формы Алентий (полная форма ф. ф. — Алентиев, *и* → й закономерно в произношении перед гласным) из канонических м. л. и. с одной стороны Алетий, с другой Валент, как следствие смешения производных форм, так и под влиянием частых м. л. и. с латинским — *entius* (Терентий, Лаврентий и проч.), аналогично Мелетий → Мелентий. От различных форм м. л. и. Алетий образованы также ф. ф. Ален-

тиев, Алетин, Алетов, при возможных контаминациях с производными формами от м. л. и. Валент.

Алёнушкин, Алёнчев, Алёнчиков, Алёнцев — отчества от уменьшительных форм Алёнушка, Алёнча, Алёнчик, Алёнец из канонических м. л. и. Александр и Алексей; менее надежно привлекать каноническое ж. л. и. Елена (просторечное — Алёна), т. к. именования по имени матери несравнимо реже, чем по имени отца.

Але́син — отчество с суф. *-ин* от уменьшительных форм Алеса, Алесь, Алеся из канонических м. л. и. Александр и Алексей, (а не из ж. л. и. Александра) (см. Александров). Однако, основой отчества могло стать и мордов. м. л. и. Алесь (Мокшин, 113).

Алеске́ров — отчество с русск. суфф. *-ов* от принесенного исламом м. л. и. Али- асгар (араб. ‘младший Али’) — имя младшего из сыновей халифа Хусейна. В тюрк. языках оба компонента слились, произошла замена гласных и оглушение *г* → *к*, очевидна и контаминация со словом *аскер* ‘воин’.

Але́тин — отчество с суф. *-ин* от канонического м. л. и. Алетий (греч. ‘мельник’).

Але́тов — отчество с суф. *-ов* от краткой формы Алет из канонического м. л. и. Алетий (см. *Алетин*).

Алёхин — отчество с суф. *-ин* от формы Алёха, которая могла быть 1) уменьшительной формой из канонических м. л. и. Алексей или Александр, 2) прозвищем из диалектного *алёха* ‘лгун, хвастун’ (Филин I, 234).

Алёхичев — отчество с суф. *-ев*, образованное из отчества же с суффиксом *-ич*: Алёхич — ‘сын Алехи’ (см. *Алёхин*).

Алехно́вич — отчество или непосредственно ф. с суф. *-ович* от формы Алехно из канонических м. л. и. Алексей и Александр, нередкой в Белоруссии и западнорусских областях (Бірыла I, 23—26).

Алёшечкин — отчество с суф. *-ин* от уменьшительной (вероятно, насмешливой) формы Алёшечка из канонического м. л. и. Алексей через промежуточную форму Алёша.

Алёшиков — отчество с суф. *-ов* от уменьшительной формы Алёшик из канонического м. л. и. Алексей; ф. записана в д. Хачутино, Мещовск. у. Калужск. губ., 1924 г.

Алёшин — отчество с суффиксом *-ин* от частой уменьшительной формы Алеша из канонического м. л. и. Алексей. Многочисленные производные от той же формы послужили основами отчеств, впоследствии ставших ф. ф. Алешечкин, Алешников, Алешкин, Алешков, Алешенко и др.

Алешинский — из именования по месту жительства (например с. Алешино) или по владельцу (крепостной помещиков Алешиных).

Алешинцев — отчество с суф. *-ев* от алешинец ‘житель с. Алешино’.

Алёшкин — отчество с суф. *-ин* от уничижительной формы Алёшка, образованной из формы Алёха, которая возникала из канонических м. л. и. Александр и Алексей, например, в 1550 г. Алешка княж Иванов сын Вяземский — он Александр (Тыс. кн., 278).

Алешков — отчество с суф. *-ов* от формы Алешко из канонических м. л. и. Александр и Алексей (см. *Алешкин*).

Алешко́вский — возможно, из топонима, означая место, откуда прибыл именуемый, например: гор. Алешки (ныне Цюрупинск, в Херсонск. обл.), обширная территория левобережья нижнего Днепра сохранила географическое название, образованное как и ф. А. — Алешковские пески (по древнерусск. названию этой местности Олешье из *ольха*); Алешковская слобода и Алешковский ям существовали в Нижнем Новгороде XVII в. и тоже могли стать источником ф., было несколько селений Алешки.

Алешников — происхождение ф. неясно; дополнительную трудность вносит неизвестность произношения. Документы не указывают занятия *олешник*, а при именах личных суффикс *-ник* неоправдан; натянуто и связывать с многочисленными топонимами Алешня — *алешник* 'житель Алешни'.

Алещенко — отчество с укр.-блр. суф. *-енко* от формы Алёша (Алёха) из канонических м. л. и. Алексей, Александр.

Алещу́гин — ф. предполагает существование пока не обнаруженной формы алещуга, м. б. производной от одного из канонических м. л. и. (через производное Алеша) или от неизвестного нарицательного. Есть также ф. ф. Алешукин и Алещукин. Из блр.?

Алзы́шкин — по-видимому, отчество с русск. суф. *-ин* от уничижительной формы Алзышка из неизвестного м. л. и. у народов Поволжья или Сибири.

Алиба́ев — отчество с русск. суф. *-ев* от тюрк. м. л. и. Алибай, составленного из мусульманского м. л. и. Али и тюрк. *бай* 'богатый', присоединяемого к личным именам как выражение почтительности. Мурза А. упомянут у тобольских и тюменских татар (Г. Ф. Миллер, «История Сибири» II, см. указатель), ф. существует и в Башкирии. Не исключено упрощение из *Алимбаев* (см.).

Алибе́гов, Алибе́ков — отчество с русск. суф. *-ов* от тюрк. м. л. и. в фонетических вариантах Алибег, Алибек, где *бег*, *бек* 'князь', (см. *Алибаев*). Не исключено упрощение из *Алимбеков* (см.).

Алиджа́нов — отчество с русск. суф. *-ов* от принесенного исламом м. л. и. Алиджан: Али.— араб. м. л. и., *джан* — иран. 'душа', присоединяемое к именам в знак уважения ('милый, любимый'). Не исключено упрощение из Алимджанов (см.).

Али́ев — отчество с русск. суф. *-ев* от принесенного исламом араб. м. л. и. Али (зять Магомета, особенно чтимый шиитами).

Ализаде́ — из перс. 'сын Али' через азерб., тадж.

Алика́ев — отчество с русск. суф. *-ев* от м. л. и. имени Аликай, засвидетельствованного в прошлом у чуваш и татар (Магницкий, 27).

Аликбе́ров — см. *Алекберов.*

Али́кин — происхождение ф. неясно, так как предполагает неизвестную форму *алика* (от Алик могло быть только Аликов).

А́ликов — отчество с суф. *-ов* от Алик. Существовало каноническое имя Алик, но в употреблении оно было исключительно редко. Уменьшительная форма Алик от канонических м. л. и. Алексей и Александр распространилась очень поздно. Есть м. л. и. Алик у народов Кавказа и Поволжья, но с ударением на последнем слоге, тогда как в ф. ударение на первом слоге. 1688 г. — донской казак Андрюшко Алик (Тупиков, 32).

Аликпе́ров — см. *Алекберов.*

Алилу́ев (также *Аллилу́ев*) — ф. связана с возгласом *аллилуйа* (греч. заимствование из др.-евр. 'хвалите бога!'), который быстро, многократно и невнятно повторяли в православном богослужении. Из этого возникло слово *алилуй* 'вздор, бессмыслица' (Филин I, 237); оно могло стать прозвищем, отчество от которого превратилось в ф. А. Менее вероятно непосредственное образование, как ф. дьякона или дьячка.

Алимба́ев, Алимбе́ков, Алимджа́нов — отчества с русск. суф. *-ов*, *-ев* от мусульманских м. л. и. Алимбай, Алимбек, Алимджан, в основе которых араб. *алим* 'мудрый, всезнающий' — один из эпитетов Аллаха; *бай* (тюрк. 'богатый'), *бек* (тюрк. 'князь'), *джан* (иран. 'душа') присоединялись к личным именам для выражения почтительности.

Али́мкин — отчество с русск. суф. *-ин* от уничижительной формы Алимка из Алим (см. *Алимов*).

Али́мов — отчество с русск. суф. *-ов* от мусульманского м. л. и. Алим (араб. 'мудрый, всезнающий' — один из эпитетов Аллаха), имя распространено исламом у народов Кавказа, Средней Азии, Поволжья, Сибири.

Али́мпиев — отчество с русск. суф. *-ев* от канонического м. л. и. Олимпий с закономерным для акающих говоров *о* → *а* в безударной позиции. В г. Новосиль 1681 г. — Аврам Алимпиев сын Фаустов — еще отчество (ПКТК II, 16), купец А. — в Кадашевской слободе Москвы, 1816 г. (Архив Москвы, ф. 51, оп. 8, № 1149).

Алимухаме́дов — отчество с русск. суф. *-ов* от распространенного исламом м. л. и. Алимухамед, составленного из двух имен, самых почитаемых мусульманами—шиитами Магомет и Али.

Алимха́нов, Алимходжа́ев — отчества с русск. суф. *-ов*, *-ев* от мусульманских м. л. и. Алимхан и Алимходжа, в основе которых Алим (см. Алимов); *хан* (первоначально 'царь') и *ходжа* (почетное звание мусульманина, совершившего паломничество в Мекку)

стали элементами, присоединяемыми к личным именам как выражение почтительности.

Али́нпиев — фонетический вариант, см. *Алимпиев.*

Алимпа́нов — происхождение ф. невыяснено. М. б. отчество от одного из канонических м. л. и. — Олимпан, Либан, но нет свидетельства об их употреблении в России, наиболее близкое имя Олифант не принято православной церковью; возможно привлечь Алифан (см. *Алифанов*).

Алипа́тов — м. б. отчество от формы *Алипат из канонического м. л. и. Ипатий через засвидетельствованные промежуточные Ипат → Липат? Вероятней из канонического м. л. и. Евпатий (греч. 'чуткий').

Алипечкин — возможно, отчество с суф. *-ин* от уменьшительной формы Алипечка из канонического м. л. и. Олимп.

Али́пов — отчество с суф. *-ов* от м. л. и. Алип у тюркоязычных народов или от той же формы из канонического м. л. и. Олимп. В списке воронежских казаков 1666 г. указан Потап Алипов («Воронежский юбилейный сборник» 1, Воронеж, 1886, 221), но неясно — это еще отчество или уж ф.; ф. А. есть в Татарск. АССР.

Алиса́нов — м. б. отчество от производной формы Алисан, которая могла возникнуть из канонических м. л. и. Елисей и Александр.

Алисе́вич — отчество (или непосредственно ф.) с суф. *-евич* от формы Алис из канонического м. л. и. Елисей; на почве белорусск. языка (Бірыла I, 72).

Алисов — отчество с суф. *-ов* от формы Алис (распространенной особенно в Белоруссии) из канонического м. л. и. Елисей. 1621 г. в Мценском у. — помещик А.

Алистра́тов — отчество с суф. *-ов* от формы Алистрат, возможной из канонических м. л. и. Евстратий (как Алипат из Евпатий) и Каллистрат.

Али́тин, **Алитовский, Алифа́гов** — этимологии неясны.

Алифа́нов — отчество с русским суф. *-ов* от м. л. и. Алифан, записанного в прошлом у чуваш (Магницкий, 27); происхождение имени неизвестно. Из Алихан? Это еще требует доказательств.

Алиференков — отчество с укр.-блр. суф. *-енко* от формы Алифер из канонического м. л. и. Елевферий; на почве русск. языка ф. дополнительно оформлена господствующим суффиксом русск. ф. ф. *-ов.*

Алифе́ров — отчество с суф. *-ов* от формы Алифер из канонического м. л. и. Елевферий (греч. 'свободный').

Алиха́нов — отчество с русск. суф. *-ов* от тюрк. м. л. и. Алихан (из араб. м. л. и. Али и тюрк. хан).

Алиха́шкин — отчество с русск. суф. *-ин* от уничижительной формы Алихашка из тюрк. м. л. и. Алихан (см. *Алиханов*).

А́лихов — фонетический вариант Аликов (см.)?

Алишев — отчество с суф. *-ев* от м. л. и. Алиш, в прошлом

отмеченного у тюрк. народов Среднего Поволжья (Магницкий, 27). В Польше 1492 г. документирована форма Алиш от м. л. и., соответствующего православному Алексей, в России эта форма неизвестна, но ф. могла быть заимствована из Польши. Вероятней восточное происхождение ф., за это — и наличие ф. Алышев, от фонетического варианта того же имени.

Али́шкин — отчество с русск. суф. *-ин* от уничижительной формы Алишка от м. л. и. Алиш (см. *Алишев*).

Алия́ров — отчество с русск. суф. *-ов* от м. л. и. Алияр, записанного в XIX в. у тюрк. народов Среднего Поволжья (Магницкий, 27).

Алка́ев — отчество с русск. суф. *-ев* от м. л. и. Алкай, записанного в XIX в. у тюрк. народов Среднего Поволжья (Магницкий, 27).

Алкала́ев — происхождение ф. неизвестно.

Алка́нов — отчество с русск. суф. *-ов* от м. л. и. Алкан, записанного в прошлом у тюрк. народов Среднего Поволжья (Магницкий, 27).

А́лкин — отчество с русск. суф. из м. л. и. Алка у тюрк. народов Среднего Поволжья; возможна уничижительная форма с русск. суффиксом *-ка* от к.-л. мусульманского имени или финноугорский субстрат (морд. *алка* 'невысокий'). В Татарск. и Башкирск. АССР много селений Алкино, Алькино.

Аллаве́рдов, Аллахвердиев, Аллахве́рдов — см. *Алавердов*.

Аллема́нов — см. *Алеманов*.

Аллилу́ев — см. *Алилуев*.

Алма́ев — отчество с русск. суф. *-ев* от м. л. и. Алмай, в прошлом записанного у тюрк. народов Среднего Поволжья (Магницкий, 27). 1677 г.: в Пензе мурза Алмай Пиняев (ДПК, 61); 1897 г.: ф. А. в с. Б. Борла, Сенгилеевск. у. Симбирск. губ. (Ульян. обл. архив, ф. 597, оп. 1, № 56—62).

Алма́зников — отчество с суф. *-ов* от именования отца по занятию *алмазник*. 1722 г.: купцы А. в Москве (ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, № 1916).

Алма́зов — отчество с суф. *-ов* из м. л. и. Алмаз, нецерковного у русских в XVI—XVII вв. и частого у тюркояз. народов (в формах Алмас и Алмаз). 1646 г. — в Москве дьяк Казанского приказа, управлявший всем Средним Поволжьем, Ерофей Иванов — он же Алмаз Иванов (АИ I, 214), в документе 1669 г. его сыновья записаны А. (РГ I, 30—35); 1654 г. — ярославец Мокуша А. Позже ф. А. могла возникать при раздаче ф. ф. в духовных семинариях среди нередких ф. ф. по наименованиям драгоценных камней (Яхонтов, Диамантов и т. п.).

Алмака́ев — отчество с русск. суф. *-ев* от м. л. и. Алмакай, документированного в прошлом у народов Среднего Поволжья: татарин Алмакайко Янглычев в Атемарской десятне 1669 г. (ДПК, 233), у чуваш записано в XIX в. (Магницкий, 27); возможна,

но не доказана связь с татар. диалектным *алмакай* — форма обращения к старшей сестре или к жене, уважаемого мужчины; старинное мордов. м. л. и. Алмакай (Мокшин, 113) могло быть заимствовано от татар.

Алмати́нский — ф. или литературный псевдоним новейшего происхождения, ее семантика — житель гор. Алма-Ата, это название дано городу в 1921 г. (до этого — г. Верный, на месте которого раньше существовало незначительное селение Алматы).

Алма́шев — ф. тюркояз. происхождения, видимо, отчество с русск. суффиксом *-ев* от м. л. и. Алмаш из нарицательного татар. *алмаш* ʻсмена, заменаʼ; ф. бытует в Татар. АССР.

Алов — этимология неясна. 1669 г. Бориско А. в числе станичных мордовских мурз служил по Саранску (ДПК, 216); под псевдонимом А. выпустил в 1827 г. свою первую книгу «Ганц Кюхельгартен» Н. В. Гоголь.

Ало́ев, Ало́нкин, Ало́нов, Ало́тин, Алпа́нов — происхождение ф. ф. невыяснено.

Алпа́ткин — отчество с суф. *-ин* от уничижительной формы Алпатка из Алпат (см. *Алпатов*).

Алпа́тов — отчество с суф. *-ов* от просторечной формы Алпат из м. л. и. Евпатий (греч. ʻчуткий, чувствительныйʼ), однако, это имя, известное по памятникам («Сказание о Евпатии Коловрате»), в святцах отсутствовало. М. б. Ипатий ? Видят в основе отчества татар. *алпаут* ʻдворянинʼ (Бірыла II, 20), но такому объяснению сопротивляется ф. Алпатьев. В середине XIX в. купцы А. в Калуге и Ельце по «ревизским сказкам» 1858 г., крестьяне в Бобровск. у. Воронежск. губ.

Алпа́тьев — отчество с суф. *-ев* от м. л. и. Евпатий (см. *Алпатов*).

Алсу́фьев — отчество с суф. *-ев.* от м. л. и. в форме Олсуфий (в акающем произношении — Алсуфий); какое имя легло в основу этой формы — неясно, из канонических м. л. и. могли быть Евсевий, Евстафий, Евсуций. Преобладало написание ф. Олсуфьев, в 1558 г. также Алтуфьев (РК, 171).

Алтаба́ев — отчество с русск. суф. *-ев* тюрк. м. л. и. Алтабай (Магницкий, 27, привел как чувашское, в форме Алтубай). М. б. связано с Алтынбаев (см.).

Алта́ев — ф. связана с топонимом Алтай, м. б. служила именованием прибывшего оттуда. Литературный псевдоним плодовитой беллетристки начала XX в. М. В. Ямщиковой.

Алта́йский — литературный псевдоним, избранный в разное время тремя различными литераторами независимо друг от друга.

Алтарёв — происхождение ф. неизвестно; несомненна связь со словом *алтарь*, обозначающим часть церкви (первоначально жертвенник).

Алту́нин, Алтупов — этимологии ф. ф. невыяснены.

Алту́фьев — см. *Алсуфьев* и *Алтухов*.

Алтухов — отчество с суф. *-ов* от формы Алтух из канонического м. л. и. Евтихий, документированной в Белоруссии (Бірыла 1, 68—69). На иной источник ф. может указывать записанное в прошлом у чуваш м. л. и. Алтук (Магницкий, 27). Распространение ф. в прошлом значительно: рязанские помещики А. в 1722 г. (АИК) и купцы в Кадашевской слободе Москвы того же 1722 г. (ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, № 1916).

Алтынба́ев — отчество с русск. суф. *-ев* от тюрк. м. л. и. Алтынбай (из *алты* 'золото' или *алтын* 'денежная единица' и *бай* 'богатый'). Среди служилых татар и мордвы в Саранской и Атемарской десятнях 1668—1679 гг.: Алтынбай Делеев, Алтынбайко Алмакаев, Алтынбай Ертуганов, Алтынбай Миняшев (ДПК, 230, 233, 235, 337).

Алтынбе́ков — отчество с русск. суффиксом *-ов* от тюрк. м. л. и. Алтынбек (из *алтын* 'золотой', 'денежная единица' и *бек* 'князь').

Алты́нников — ф. литературного персонажа — купец А. в окончательной редакции поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», образована по модели типичных русск. ф. ф. суффиксом *-ов* из именования по занятию с суффиксом *-ник* (типа Овчинников), *алтын* в России ходячая медная монета — 3 копейки.

Алты́нов — отчество с суф. *-ов* от нецерковного м. л. и. Алтын. 1635 г. — ярославец Иван Архипов сын Алтын (Там. кн. I, 171).

Алты́нцев — отчество с суф. *-ев* от формы Алтынец или алтынец, происхождение которой неясно: уменьшительное из нецерковного м. л. и. Алтын (см. *Алтынов*) или именование по месту жительства.

Алтышев — отчество с русск. суф. *-ев* от мордов. и удмурт. м. л. и. Алтыш, по Н. Ф. Мокшину из мордов. *алтомс* 'обещать' (ОП II, 60 и 63), но возможно заимствование из татар.: служилый Алтыш Шишкаев — 1591 г. (Тыс. кн., 495); Бекбулат Алтышев (еще отчество, а не ф.) в Нижнем Новгороде 1621 г.; мордвин Алтыш Вечкотин — 1648 г. (ДНУАК ХУ, в. 5, 135); от того же м. л. и. — название с. Алтышево в Чувашск. АССР. Т. к. в употреблении преобладала уничижительная форма, то чаще ф. Алтышкин (см.).

Алты́шкин — отчество с суф. *-ин* от уничижительной формы Алтышка из м. л. и. Алтыш (см. *Алтышев*) 1669 г. — Алтышко Сабаев, в числе служилых татар по Саранску (ДПК, 223).

Алу́ев — этимология невыяснена.

Алфе́ев — отчество с русск. суф. *-ев* от канонического м. л. и. Алфей (греч., по названию крупнейшей реки полуострова Пелопоннес).

Алфе́евский — или литературный псевдоним или ф. книжного происхождения, полученная при раздаче ф. ф. в духовных семинариях; в обоих случаях связана с названием реки Алфей (см. *Алфеев*), не раз фигурирующим в литературе античной Греции.

Алфе́ров, Алфёров — отчество с суф. *-ов* от обиходной формы Алфер из канонического м. л. и. Елевферий (см. *Алферьев*). В «Разрядной книге» 1595 г. одно и то же лицо записано Олферов и Алферьев (РК, 487, 505, 514). Возможна в некоторых случаях контаминация с производными от м. л. и. Онуфрий.

Алфе́рьев — отчество с суф. *-ев* от канонического м. л. и. Елевферий (греч. 'свободный, независимый'), в России почти вышедшего из употребления в XIX в. От других форм того же м. л. и. образованы ф. ф. Алиференков, Алиферов, Алферов; в других языках, — например ит. Alfieri. 1558 г. — дворянин Олферьев, по-видимому, еще отчество (РК, 175).

Алфименко(в) — отчество с укр.-блр. суф. *-енко* от формы Алфим (см. *Алфимов*); на почве русск. языка ф. могла дополнительно оформляться господствующим суффиксом русск. ф. ф. *-ов*.

Алфи́мов — отчество с суф. *-ов* от формы Алфим из канонических м. л. и. Евфимий (греч. 'благочестивый') или Анфим (греч. 'покрытый цветами'). Форма Алфим многократно документирована преимущественно в написании Олфим: обильны примеры в новгородских документах (Mil, 392), крестьянин Алфимко Тригарьев, помещик Алфимко Абросимов, Алфимко Федоров, Алфимко Кудин — 1684 г., в Алексинском уезде (ПКТК 1, 96, 151, 159, 167), в Белоруссии обычно Авфим из Евфимий (Бірыла I, 69—70). От других форм того же м. л. и. образованы ф. ф. Анфимов, Анхимов, Ефименко(в), Ефимов, Ефимочкин. О других возможностях образования ф. А. см. *Алхимов*. Судя по отражению в топонимии, форма северо-западная.

Алфу́тов, Алха́зов — происхождение фф. неизвестно.

Алхи́мов — отчество с суф. *-ов* от формы Алхим из канонических м. л. и. Евфимий и Анфим (см. *Алфимов*). Не имеет отношения к алхимии.

Алху́тов, Алче́вский, Алшу́тов — происхождение фф. неизвестно.

Алыба́ев — отчество с русск. суф. *-ев* из тюрк. м. л. и. Алибай (см. *Алибаев*) или Алтыбай (см. *Алтынбаев*).

Алы́ев — м. б. фонетический вариант к *Алиев* (см.).

Алыку́лов, Алымку́лов — отчество с русск. суф. *-ов* от мусульманского м. л. и. Алымкул, из араб. Алым (эпитет Аллаха 'знающий, мудрый') и тюрк. *кул* 'раб'.

Алы́мов — отчество с русск. суф. *-ов*, возможное от различных основ: 1) наиболее вероятно — принесенное исламом м. л. и. Алим (см. *Алимов*), 2) прозвище из тюрк. *алым* 'подать, взятка', заимствованное некоторыми русск. диалектами, 3) тюрк. *алым* (из араб. *алим*) 'ученый, образованный', 4) прозвище из русск. диалектного (рязанск., владимирск.) *алым* 'разиня, глуповатый'. Ранние документации: 1660 г. — брянчанин Семен А. (АЗР IV, 375), помещик А. в Алексинск. уезде — 1677 (ПКТК I, 235—239).

Алы́пов — отчество с русск. суф. *-ов* от тюрк. м. л. и. Алып из тюрк. *алып* 'великан, герой, богатырь' (татар., хакас. и др.); ф. документирована в Карсун. у. Симбирск. губ. 1906 г.

Алы́рин — отчество с суф. *-ин* от прозвища Алыра из архаич. русск. нарицательного *алыра* (*алыря*) 'фокусник', также 'обманщик', сохранявшегося в говорах со значениями 'гуляка, лентяй, перекупщик'; ф. документирована 1889 г. в Ставровск. вол. Владимирск. у. и губ.

А́лычев, А́лышев — происхождение фф. неясно; вероятно, отчества с русск. суффиксом *-ев* от татар. имен, м. б. связанных с диалектным татар. *алыш* 'схватка'; 1633: вятский татарин Алышев (Там. кн. I, 38). Другая возможность — привлечь эрзян. диалектное *алыш* 'друг, приятель' (Евсевьев, 19).

Альба́нов — ф. книжного происхождения, образованная по модели русских ф. ф. суф. *-ов* от лат. *Albanus* 'шотландец'.

Альбе́рти, Альберти́ни — итал. производные формы от м. л. и. Альберт, равнозначные русск. выражению принадлежности ('сын Альберта').

А́льбин — ф., вероятно, книжного происхождения из латин. alba 'белый'+суф. русск. фф. *-ин* (при основах на *-а*). Иная возможность — заимствование из Польши, где Albin документировано с 1387 г. (SSNO I, 24—25).

Альзинский — ф. первоначально обозначала прибывшего из с. Альза (ныне на с.-в. Мордовской АССР).

Альме́тьев — отчество с русск. суф. *-ев* от татар. м. л. и. Альметь, из которого и название гор. Альметьевск в Татар. АССР; ф. документирована в XIX в. на территории современной Татарии (МИТ, 1, 62).

Альпе́рин — отчество с суф. *-ин* от уменьшительной формы Альперя из канонического м. л. и. Елевферий; форма Алпер документирована белорусским материалом (Бірыла I, 71). Возможна контаминация с формами от частого в Германии и Польше м. л. и. Альберт.

Альперо́вич — отчество с суф. *-ович* от формы Альпер (см. Альперин).

А́льпин — если ф. не искусственного происхождения из топонима Альпы, то возможны 2 различных пути ее появления: 1) фонетический вариант из ф. Альбин (см.), 2) отчество от формы Альпа из канонического м. л. и. Елевферий (как и форма Алпер).

А́льпов — как и для предыдущей ф., возможны 3 различных пути возникновения с тем различием, что в случае происхождения из м. л. и. непосредственной основой должна быть не Альпа, а Альп.

А́льтман — ф. возникла на почве нем. языка. *alt* 'старый', *Mann* 'мужчина'; слово означало не только старого, но и облеченного властью — 'старшина, старейшина'.

Альша́нский — ф. возникла в Белоруссии или в правобережной Украине, означая прибывшего из населенного пункта Альшанка

или Альшаны (топонимы — из наименования древесной породы *ольха* в акающем произношении).

Альше́вский — ф. первоначально служила обозначением приезжего из населенного пункта Альшевка (Ольшевка), топоним — по наименованию древесной породы *ольха*; замена безударного *о* на *а*, обязательная в акающих говорах, могла произойти еще в произношении апеллятива или уж в произношении ф.; ф. Ольшевски есть у чехов (Beneš, 161, также от топонима).

Алюков — по-видимому, отчество от формы Алюк, возможной от многих канонических м. л. и. — Алексей, Александр и др.; ф. не раз записана в 1970 г. в Уфе, Иркутске. Не исключено, что Алюк было м. л. и. не у русских (см. *Алюхин*).

Алю́тин — отчество с суф. *-ин* от формы Алюта, которая могла образоваться из многих канонических м. л. и. (сравн. Васюта), но вероятней из м. л. и. Алют у нерусских (см. *Алютов*); ф. документирована 1858 г. — крестьянин д. Кобяковой Елатомск. у. Тамбовск. губ. (Тамб. обл. арх., ф. 12, оп. 73, св. 125).

Алю́тов — отчество с суф. *-ов*, м. б. из м. л. и. Алют у нерусских.

Алю́хин — отчество с русск. суф. *-ин* от м. л. и., зафиксированного в прошлом, например, у чуваш: Олюха (Магницкий, 61); м. б., это же имя встречается и в написаниях Алюка, Олюка (Магницкий, 27 и 61).

Алю́шев — отчество с русск. суф. *-ев* от м. л. и. Алюш, в прошлом записанного, например, у чуваш в уничижительной форме Алюшка (Магницкий, 27).

Алю́шкин — отчество с русск. суф. *-ин* от уничижительной формы Алюшка (см. *Алюшев*).

Аля́бин — отчество с суф. *-ин* от прозвища мужчины Аляба; нарицательное *аляба* 'колобок, оладьи' (см. *Алябьев*).

Аля́бьев — отчество с суф. *-ев* от прозвища, связанного со старинным русским словом *олябьи* 'оладьи, колобки' (сохранилось в диалектах). Прозвище дано скорей за внешность — 'пухлый, рыхлый, округлый', чем за пристрастие к этой снеди. В написании Олябьевы ф. часта в середине XVI в. (1550 г. — Тыс. кн., 251—252; 1557 г. — РК, 163 и др.), в XVIII—XIX вв. казанские помещики А.

Аля́вдин, Аля́вин — происхождение ф. ф. неизвестно.

Аля́ев — отчество с суф. *-ев* от м. л. и. Аляй (м. б. из Алай?) у нерусских народов Поволжья; ф. документирована в Ставровской вол. на ю.-в. Владимирск. губ. в 1882 г. и в Городищенском у. Пензенск. губ. в 1910 г., оба примера допускают татар. или морд. происхождение.

Аля́кин — отчество с русск. суф. *-ин* от м. л. и. Аляка из морд. *аляка* (эрз. 'младший участник свадебного обряда', мокшан. 'ребенок'; но м. л. и. Аляка в прошлом зафиксировано и у чуваш (Магницкий, 9). В 1667 г. — мордовский мурза А. (ДПК, 63),

1882 г. — крестьяне А. в Ставровской вол. на ю.-в. Владимирск. губ., в настоящее время ф. А. есть на Среднем Поволжье (напр., в Ульяновске), чуваш А. в Цильнин. р-не Ульян. обл.).

Аля́кишев — отчество с суф. *-ев* от прозвищного м. л. и. из диалектного нарицательного *алякиш*, *олякиш* 'недопеченный, полусырой хлеб'; переносно 'неудачный, неумелый'.

Аля́кринский, Алякритский — этимологии неясны.

Аляма́ев — отчество с русск. суф. *-ев* от формы Алямай из м. л. и. Алям у татар (см. *Алямов*).

Аля́мкин — отчество с русск. суф. *-ин* от уничижительной формы Алямка из употребительного в прошлом у татар м. л. и. Алям (см. *Алямов*).

Аля́мов — отчество с русск. суф. *-ов* от употребительного в прошлом у татар м. л. и. Алям. От производных форм того же имени ф. ф. Алямаев, Алямкин.

Аля́мский, Аля́нский, Аля́нчиков — происхождение фф. неизвестно.

Аля́пушкин — отчество с суф. *-ин* от прозвища Аляпушка из диалектного нарицательного *аляпушка* то же, что и *алабуш* (см. *Алабушев*); ф. документирована в Ставровск. вол. Владимирск. губ., 1882 г.

Аля́шев — отчество с русск. суф. *-ев* из м. л. и. Аляш, в прошлом записанного у чуваш — в форме Аляшка (Магницкий, 27).

Ама́ев, Амалицкий — этимологии неизвестны.

Аманжо́лов — отчество с русск. суф. *-ов* от казах. м. л. и. Аманжол, этимологически соответствующего пожеланию «добрый путь».

Аманку́лов — отчество с русск. суф. *-ов* от мусульманского м. л. и. Аманкул ('Аллаха раб': араб. *Аман* — один из эпитетов Аллаха, *кул* — тюрк. 'раб').

Ама́нов — отчество с русск. суф. *-ов* от м. л. и. Аман, возникшего из отсечения 2-го компонента составных имен (араб. Аман — один из эпитетов Аллаха) или из усвоенного некоторыми тюрк. языками (казах., кирг. и др.) слова *аман* 'здоровый, благополучный, невредимый'.

Аманта́ев — отчество с русск. суф. *-ев* из м. л. и. Амантай, в прошлом зафиксированного у татар и чуваш (Магницкий, 27).

Амантов — возможны 3 предположения о возникновении ф.: 1) театральный псевдоним из польск. *amant* 'любовник' (и артистическое амплуа «первый любовник»), с присоединением господствующего суффикса русск. ф. ф. *-ов*; 2) фонетическое изменение из Амантаев (см.); 3) вероятней — отчество от канонических м. л. и. Аманд и Амантий, однако употребительность их в России неизвестна.

Амбарихин — отчество с суф. *-ин* от прозвища Амбариха 'амбарный вор' (мужчина); 1672 г. — астраханец Васко Амбари-

хин (АИ IV, 421), неизвестно — превратилось ли отчество в ф., как неизвестно и место ударения.

Амба́рников — отчество с суф. *-ов* от именования отца *амбарник*, имевшего в старину много различных значений: 'строительный лес', 'предбанник', 'амбарный вор', 'домовой', возможно, и иные, ускользнувшие от записи.

Амба́ров — связь ф. с нарицательным *амбар* возможна, но неясна; не исключено отчество от мусульманского м. л. и. Анбар, переосмысленного по звуковому сходству с русск. словом *амбар*, которое в говорах произносили *анбар* (в этом случае ф. первоначально Анбаров, с последующим канцелярским «исправлением»). Ранняя документация — 1620 г., крестьянин Юрьевского уезда Гришка А. (Тупиков, 465). У абхазов есть ф. Ампар.

Амбарцу́мов — переоформленная русск. суф. *-ов* армян. ф. Амбарцумян, с тем же значением, как русск. ф. Вознесенский.

Амберов — происхождение этой редкой ф. неясно. Болгар. *амбер* «амбра, благовоние», м. б. из этого в духовных семинариях при раздаче ф. ф. могли образовать А., но ф. существовала у крестьян Костромской губ. (в конце XIX в.) Если из диалектного произношения топонима Раненбург — Амбур (ныне гор. Чаплыгин), то трудно оправдать переход *у* в *е*.

Амбро́зиев, Амбро́зов, Амбро́сов — см. *Амвросиев.*

Амвро́сиев, Амвро́сьев — отчество с суф. *-ев* от канонического м. л. и. Амвросий (греч. ἀμβρόσιος 'бессмертный, божественный'). В этой форме имя редко употреблялось в России вне церковной и привилегированной среды, а преобладала просторечная форма Абросим и др., от которых образованы ф. ф.: Абросимов, Абросин, Абросов, Аброскин, Аброшин, Амброзиев, Амброзов, Амбросимов (Устюг, 1763 г. — «Устюг Великий», М., 1883), Амбросов, Амвросов, Обросимов, Росин и др. В некоторых случаях не исключена контаминация с производными формами от др. канонического м. л. и. Ефросин (Апросин, Афросимов, Афросин). В др. славянских языках м. л. и. Амвросий дало ф. ф.: польск. и белорусск. Амброс, Амброжкевич, и др. (Rospond ≃ SNS I, 4; Бірыла I, 27), чеш. Брош, Брож (R. Fischer. Deutsch≃tschechische Beziehungen an Antroponymen. — ICOS VIII, стр. 181), франц. Бруазэн, Брэсийон (Dauzat—NP).

Амдомский — ф. одной из ветвей князей Белозерских (Тыс. кн. 252), ассимилятивное изменение из Андомский (см.).

Аме́лин — отчество с суф. *-ин* от формы Амеля из канонических м. л. и. Емилиан (лат. обозначало жителя древне-рим. провинции Эмилия) и Емилий (греч. 'льстивый, ласковый'); на русск. почве происходило смешение обоих имен; обиходно господствовала форма Емельян, из которой Емеля, в фонетических вариантах — Омеля, Амеля. Из производных форм этих имен образованы ф. ф.: Амелихин, Амеличев, Амеличкин, Амелькин, Амельков, Амельченков, Амелюшин, Амелюшкин, Емелин,

Емельянов, Мелехов, Мелешин, Мелешкин, Омелин, Омельченко, Омельчук и др.

Амелихин — по-видимому, именование с суф. *-ин* от имени матери, т. е. сын Амелихи, вероятно, вдовы Емельяна.

Аме́личев — отчество с суф. *-ев* в свою очередь от отчества с суффиксом *-ич* (Амелич, т. е. сын Амели, см. *Амелин*); таким образом *амеличев* 'внук Амели'.

Аме́личкин — отчество с суф. *-ин* от уменьшительной формы Амеличка из канонических м. л. и. Емилиан и Емилий (см. *Амелин*).

Аме́лькин — отчество с суф. *-ин* от уничижительной формы Амелька из Амеля (см. *Амелин*).

Амельков — отчество с суф. *-ов* от формы Амелько из Амеля (см. *Амелин*); 1924 г. — А. в с. Конецполь, Мещовского уезда Калужской губ. (Калуж. обл. арх., ф. Р—79, оп. 1, № 98).

Амельченко(в) — отчество, образованное блр.-укр. суф. *-енко* от уменьшительной формы Амеля (см. *Амелин*); у белоруссов — ф. Амельчанка (Бірыла I, 73). На почве русск. языка ф. могла дополнительно оформляться суффиксом *-ов*.

Амелюшин — отчество с суф. *-ин* от уменьшительной формы Амелюша из Амеля (см. *Амелин*).

Амелюшкин — отчество с суф. *-ин* от уменьшительной формы Амелюшка (см. *Амелин*).

Аме́нин, Амени́тский, Амени́цкий — этимологии невыяснены.

Аментов — м. б. отчество от бытовой формы Амент из канонических м. л. и. Аманд, Амантий, Евмений, Емин или фонетическое изменение из Амиантов (см.). Наличие той же ф. у татар позволяет допустить производность от татар. м. л. и. Амантай.

Амети́стов — ф., в основе которой — *аметист* (драгоценный камень), дана в духовной семинарии, где будущим священникам заменяли неподходящие ф. ф. на «красивые», часто по наименованиям драгоценностей (Яхонтов, Серебров и т. п.).

Аме́тов (Амётов?) — отчество с суф. *-ов*, вероятно, от прозвищного имени отца. Неизвестность произношения препятствует этимологии. В 1567 г. — Станислав Омета в Гродненском повете (Бірыла I, 241).

Амиа́нтов — ф. книжного происхождения (возможно, дана в духовной семинарии) — из др.-греч. *амиантос* 'незапятнанный'.

Ами́лов — отчество с русск. суф. *-ов* от принесенного исламом м. л. и. Амил (арабск. 'мастер, искусный, умелый').

Ами́нев — отчество с русск. суф. *-ев* от прозвищного м. л. и. Аминь, в документах сохранившегося с 1348 г. — Федор Шубачев Аминь (Тупиков, 32), ф. или отчество А. зафиксированы в 1434 г. в Звенигороде, 1659 г. в Суздале (Тупиков, 465), в 1590 г. — Угрим Аминев (РК, 546), в XVII в. многочисленны Казанские помещики А.; ф. А. и сейчас распространена в Татарии и Башкирии. Это говорит против происхождения ф. из книжного *аминь*,

хотя заимствованное из греч. церковное слово *аминь* получило в русск. говорах разнообразные значения (Филин I, 251—252), из которых могло возникнуть прозвище. Но вероятно взаимосмешение прозвища с м. л. и. Амин, а ф. А. с ф. Аминов (см.).

Ами́нов — отчество с русск. суф. *-ов* от принесенного исламом м. л. и. Амин (араб. 'верный, честный') или от русск. диалектного прозвища Амин (вятск. *аминный* 'жадный' — Филин I, 251); возможно взаимосмешение с ф. Аминев (см.).

Ами́ньев — см. *Аминев.*

Амира́гов, Амира́лин, Ами́рчев — происхождение ф. ф. невыяснено.

Ами́ров — отчество с русск. суф. *-ов* от м. л. и. Амир, употребительного у народов, испытавших воздействие ислама; само имя — из араб. *эмир* 'повелитель'. Распространенность имени Амир у народов Поволжья отразилась в многочисленных названиях селений Амирово в Башкирской и Татарской АССР.

Амирха́нов — отчество с русск. суф. *-ов* от м. л. и. Амирхан, распространенного исламом на тюркоязычные народы (из араб. *эмир* 'повелитель' и тюрк. *хан* с почти тем же значением).

Ами́тин — этимология неясна; по-видимому, отчество от уменьшительной формы Амитя из к.-л. канонического имени (см. *Амов*) или с протетическим гласным из Митя (уменьшительная форма канонического м. л. и. Димитрий).

Амлинский — первоначально означение прибывшего из местности, указанной в основе. Основой же могли быть: или гидроним Амла или населенный пункт Млин (топоним очень частый на Украине и в Белоруссии, из нарицательного *млин* 'мельница') с протетическим *а-* из-за стечения двух согласных в начале слова. Неизвестность места ударения в ф. затрудняет сделать выбор между этими двумя возможностями.

Аммосов — ошибочно; следовало *Амосов* (см.).

А́мов — образованное суф. *-ов* отчество от краткой формы Ам, возможной из канонических м. л. и. Амм, Аммиан, Аммон, Аммоний, Аммун, Амос, м. б. Амвросий, Амплий, Амфалох и др.

Амозов — очевидно, вместо *Амосов* (см.).

Амосенко — образованное укр.-блр. суф. *-енко* отчество от канонического м. л. и. Амос (см. *Амосов*).

Амосов — отчество с суф. *-ов* от канонического м. л. и. Амос (греч. заимствование из евр. 'несущий ношу, нагруженный').

Ампело́гов — отчество с суф. *-ов* от искаженной формы Ампелог из канонического м. л. и. Амфилохий (см. *Амфилохиев*); ф. А. — 1899 г., с Дурневка, ныне Урицкий район Орловской области.

Ампело́нов — по-видимому, отчество от искаженной формы Ампелон из к.-л. канонического имени (см. *Ампелогов* и *Ампилов*); м. б. из Анфеон, употреблялось ли оно в России, — неизвестно.

Ампи́лов — отчество с суф. *-ов*, вероятно, из канонического м. л. и. Амфил. В словаре Н. А. Петровского имя Амфил ошибочно принято за разговорную форму от м. л. и. Амфилохий, — в «святцах» это два различных имени. Но в русск. употреблении могла происходить контаминация, т. е. в формах Ампил или Анпил могли слиться производные от нескольких канонических м. л. и. — не только от Амфил и Амфилохий, а также от Ампелий и Амплий.

Ампило́гов — отчество от формы Ампилог из канонического м. л. и. Амфилохий (см. *Амфилохиев*).

Амплеев — отчество, образованное суф. *-ев*, от канонического м. л. и. Амплий (древнеримск.: лат. *amplus* 'важный'); мена *и* → *е* на почве русск. языка могла произойти по многим причинам, как в ф., так и в имени; возможно и смешение с м. л. и. Ампелий.

Амстерда́мский — предположительна связь с посылкой Петром I молодых дворян на обучение в Голландию: за возвратившимся на родину после учения в Амстердаме могло укрепиться такое именование, т. к. в начале XVII в. еще не все дворянские ф. ф. успели устояться.

Амстисла́вский (Амчисла́вский) — по топониму Мстиславль в его диалектном произношении с протетическим *а-* : Амстислав, Амчислав, которое хорошо известно, оно обусловлено непривычным для русск. скоплением трех согласных в начале слова. Формант *-ский* указывает на прибывшего из местности, указанной в данной основе.

Аму́рский — ф. связана с названием р. Амур и могла обозначать первоначально либо прибывшего оттуда, либо служить псевдонимом, избранным по к.-л. соображению.

Аму́син — отчество с суф. *-ин* от уменьшительной формы Амуся из канонического м. л. и. Амос (см. *Амосов*).

Амфило́хиев — отчество с суф. *-ев* от канонического м. л. и. Амфилохий (греч. Амфилохос, имя упомянуто еще в «Илиаде»; предполагаемая этимология 'окруженный засадой'). Имя встречалось в России в XVII—XIX вв., употреблялось преимущественно в различных производных или искаженных формах, от которых образованы ф. ф.: Ампелогов, Ампилогов, Ампилотов, Анфилогов, Анфилотов, а также в возможной контаминации с производными от других м. л. и. — Ампелонов, Ампилов, Анпилов, Филин, Филишкин и др. (в последних примерах вероятней, что уменьшительное Филя, служащее основой этих ф. ф., производно из более частых имен Филипп, Филимон, хотя его образовывали и от. м. л. и. Амфилохий).

Амфитеа́тров — ф. книжного происхождения, образованная преобладающим в русск. ф. ф. суф. *-ов* от заимствованного слова *амфитеатр* (древнегреч. происхождения, означало возвышающиеся уступами ряды мест для зрителей театра).

Амченков — образованное суф. *-ов* отчество от основы *амченок*, обозначавшей прибывшего из гор. Мценск (ныне Орловской области); произношение этого топонима как Амченск зафиксировано И. С. Тургеневым, позже в диалектных словарях отмечены *амченец* (Филин I, 253), *амчане* (Бабкин, 105).

Амчисла́вский — см. *Амстиславский*; в форме А. — ф. зафиксирована в г. Уфа, 1969 г.

Амшинский — ф. могла образоваться из топонима Мох, Мшина (нарицательное *мох* 'болотистая местность'), обозначая прибывшего из населенного пункта с одним из этих названий.

Ана́евский — из топонима; именование означало прибывшего из с. Анаево (есть, например, в Мордовской АССР, была и д. Анаевка) или ф. дана в духовной семинарии сыну священника, служившего в с. Анаево.

Ана́кин — отчество с русск. суф. *-ин* от формы Анака из м. л. и. Анак у народов Поволжья (см. *Анякин*).

Ана́ков — отчество с русск. суф. *-ов* м. б. из м. л. и. Анак у народов Поволжья, из того же имени — название с. Анаково в Татарской АССР.

Анаксаго́ров — ф. книжного происхождения, образованная по господствующей модели русск. ф. ф. (с суф. *-ов*) от имени древнегреч. философа Анаксагор; подобные ф. ф. нередко раздавали в духовных семинариях, но в данном случае такое происхождение ф. несколько сомнительно, так как учение Анаксагора способствовало развитию атеистического мировоззрения; ф. могла быть избрана как литературный псевдоним.

Ана́ничев — отчество с суф. *-ев* в свою очередь от отчества Ананич из канонического м. л. и. Анания (см. *Ананьин*).

Ана́нов — отчество от краткой формы Анам из канонического м. л. и. Анания.

Ана́нченков — русск. оформление украинской ф. Ананченко из м. л. и. Анания (см. *Ананьин*).

Ана́ньев — отчество с суф. *-ев* от обиходной формы Ананий из канонического м. л. и. Анания (см. *Ананьин*).

Ана́ньевский — первоначально обозначение прибывшего из населенного пункта Ананьево, Ананьев и т. п., часты такие ф. ф. у духовенства, получавшего их по месту службы.

Ана́ньин — отчество с суф. *-ин* от канонического м. л. и. Анания (греч. заимствование из древнеевр.) или от прозвища Ананья — нарицательное *ананья* 'ласковый, угодливый' (Филин I, 253). М. л. и. Анания приобрело разговорную форму Ананий, которая и восторжествовала, поэтому чаще ф. Ананьев (упрощение из *Ананиев*). От других форм того же имени и производных от него образованы ф. ф. Ананичев, Ананов, Ананченко(в), Анахов, Анашин, Аношичев, Анашкин, некоторые из них м. б. в контаминации с производными от м. л. и. Анастасий.

Анапольский (также и *Аннапольский*) — первоначально обозначало прибывшего из Аннополя или Анаполя, населенных пунктов с этими названиями немало, особенно в Польше, Латвии, Белоруссии.

Ана́пский — связано с названием г. Анапа (Краснодарский край).

Ана́скин — отчество с суф. *-ин* от уничижительной формы Анаска из Анас (*Анасов*).

Ана́сов — отчество с русск. суф. *-ов*; возможные основы отчества: 1) краткая форма Анас, по-видимому, существовавшая, — из канонического м. л. и. Анастасий, 2) мусульманское м. л. и. Анас (араб. 'товарищ, друг').

Анастасе́вич — отчество или непосредственно ф., образованы от канонического м. л. и. Анастасий (укр. и блр. Анастас) присоединением укр. и блр. суф. *-евич*, ф. ф. с которым наиболее распространены в Белоруссии, по Н. В. Бирилло — особенно между Минском и Полоцком (Бирилло, 36), однако в его перечне ф. ф. из этого имени ф. А. не зафиксирована (Бірыла I, 28).

Аста́се́нко(в) — отчество или непосредственно ф. с укр. и блр. суф. *-енко* от канонического м. л. и. Анастасий (украин. и белорусск. Анастас). На русск. почве ф. могла дополнительно оформляться господствующим в русск. ф. ф. суффиксом *-ов* (при этом на стыке *енко-ов* один из двух одинаковых гласных звуков поглощался).

Анаста́сиев — см. *Анастасьев.*

Анаста́син — отчество с суф. *-ин*, присоединяемым к основам на *-а*, следовательно, предполагает основу Анастася, возможную в качестве уменьшительной формы от канонического м. л. и. Анастасий, но никем не зафиксированную. Вероятней упрощение из Анастасьин — не исключено называние по имени матери от канонического ж. л. и. Анастасия, но такие именования были несравнимо реже, чем по имени отца.

Анаста́сов — отчество с суф. *-ов* от канонического м. л. и. Анастас у украинцев, белорусов, армян (у русских Анастасий); ф. А. нередка у болгар.

Анаста́сьев — отчество с суф. *-ев*, от канонического м. л. и. Анастасий (греч. 'воскресший'). От производных форм того же имени образованы ф. ф. Анаскин, Анаков, Анастасевич, Анастасенко(в), Анастасов, Анаськин, Аносков, Аносов и др. в некоторых случаях возможна контаминация с производными от др. м. л. и., напр. Анания.

Ана́ськин — отчество с суф. *-ин* от уничижительной формы Анаська из канонического м. л. и. Анастасий (см. Анастасьев).

Анатовский — происхождение ф. неизвестно, как и место ударения; при ударении на *о* вероятно польское происхождение, если же ударение на 2-м слоге — ф. могла быть получена в духовной семинарии сыном священника, служившего в с. Анатово.

Анато́лиев, Анато́льев — отчества с суф. *-ев* от канонического м. л. и. Анатолий (из греч., где обозначало происходящего из Анатолии, т. е. Малой Азии). В дореволюционной России это имя редко проникало в народные массы, оставаясь достоянием привилегированных слоев, поэтому почти нет других фф., образованных от него и его производных (пока выявлена одна — Толин, можно предположить Анатов, но она сомнительна).

Ана́хов — возможно отчество с суф. *-ов* из краткой формы Анах, предположительно — из канонического м. л. и. Анания (см. *Ананьин*).

Ана́ше́нко — отчество, образованное укр. и блр. суф. *-енко* от краткой формы Анаш из канонического м. л. и. Анания (см. *Ананьин*).

Ана́шин — отчество с суф. *-ин* от уменьшительной формы Анаша, вероятней из канонического м. л. и. Анания (см. *Ананьин*).

Ана́шичев — отчество с суф. *-ев* в свою очередь от отчества Анашич из канонического м. л. и. Анания (см. *Ананьин*). Наличие этой ф. подтверждает, что вся группа фамилий, связанных с формой Анах → Анаш (Анахов, Анашенко, Анашин, Анашкин) возникла из производных от м. л. и.

Ана́шкин — отчество с суф. *-ин-* от уничижительной формы Анашка, вероятной из канонического м. л. и. Анания (см. *Ананьин*). В Муроме в 1566 г. записан Анашка Кирилов сын, там же в 1574 г. — Анашка Михайлов (Кучкин, 302 и 306). В России более 20 населенных мест носят названия Анашкино, Анашкина и все они расположены только на северо-западе: внутри дуги Смоленск — Москва—Холмогоры.

Анба́ров — отчество с суф. *-ов*, возможное от различных основ: 1) прозвище от нарицательного *анбар* (просторечное произношение вместо *амбар*), но возникновение прозвища едва ли оправдано; 2) принесенное исламом м. л. и. Анвар (араб. 'светлейший') с последующим изменением под влиянием русск. *анбар*.

Анга́жев (Анга́чев) — ф. хант. происхождения, документирована с XVII в. у хантов Сургута, из м. л. и. Ангач (сообщила З. П. Соколова — ЛИ, 272) и то же м. л. и. у чуваш (Магницкий, 28).

Анга́рский — от гидронима Ангара, суф. *-ск* выражает соотнесенность («с Ангары»). Под псевдонимом А. на рубеже XIX—XX вв. печатались три различных автора; такая употребительность, видимо, связана с тем, что бассейн Ангары служил местом политической ссылки.

Анга́чев (см. *Ангажев*).

Ангашу́пов — ф. хант. происхождения: отчество с русск. суф. *-ов* от хант. м. л. и. Анкытшуп (этимологическое значение 'полупень'), с последующим фонетическим изменением в иной языковой среде (П. Я. Скорик — сб. «Антропонимика», 44).

Анге́лин — отчество с суф. *-ин*, вероятней от канонического м. л. и. Ангел (хотя об употреблении его в России неизвестно несмотря на наличие в «святцах» православной церкви), чем от католического ж. л. и. Ангела.

А́нгелов — отчество с суф. *-ов* от м. л. и. Ангел, имеющегося и в православных «святцах», но очень редкого в России; имя часто у болгар, македонцев, чехов, поляков, от них у белорусов и украинцев. Исторически документированы в России: Ангел, убитый турками в 1750 г., мануил и микула А. при царском дворе в начале XVI в. (РК, 16, 26, 44), но они могли быть иноземцами по происхождению.

Ангелю́к — блр. и укр. форма отчества от м. л. и. Ангел (см. *Ангелов*).

Ангуди́мов — отчество с суф. *-ов* от искаженной формы Ангудим из канонического м. л. и. Акиндин (греч. 'безопасный'). В форме А. ф. документирована в с. Комаровка, Карсунского уезда Симбирской губернии 1910 г.; др. ф. ф. от того же и́мени — см. *Акиндинов*.

Ангулов, Андерма́тов — этимологии неясны.

Анджие́вский — ф. польск. происхождения, соответствует русск. ф. Андреевский. В истории польск. языка *р* мягкое заменилось на *ж*, поэтому имя Андрей произносится Анджей. В России употребляется и промежуточная форма ф. — Андржиевский. Связь с м. л. и. Андрей бесспорна, но, вероятно, опосредствована промежуточными формами с суффиксом *-ев-*. Польск. ф. ф. образованы формантом *-ск-* несравнимо чаще чем русск.: этот формант служил признаком принадлежности к шляхте. Спор об источниках польск. ф.: «Studia językoznawcze», Wrocław, 1966, 435—436.

А́ндин — очевидно, отчество с суф. *-ин* от уменьшительной формы Анда или Андя, но из какого полного имени возникла эта форма? М. б., из канонических м. л. и. Андрей, Андрон или Антон? В польск. памятник XV в. засвидетельствовано наличие Anda от Андрей (SSNO I, 35), в молдавском — Андон (Антон). Но возможно иное происхождение ф.: в прошлом записаны у чуваш м. л. и. Андей и Андях (Магницкий, 28), которые тоже могли дать форму Андя.

Андоверов, Андогов — происхождение фф. невыяснено.

А́ндогский, А́ндожский — ф. по названию р. А̃ндога (западней Белоозера); в Родословных книгах так иногда записаны князья Андомские (см.).

А́ндомский — по названию местности Андома, западней Белоозера. Так в XV—XVI вв. именовалась ветвь князей Белозерских (Тыс кн., 252), иногда они писались Андогские, Андожские.

Андо́нов, Андо́ньев — отчества из форм Андон, Андоний, как некоторые народы употребляют м. л. и. Антоний (Антон), например, молдаване, у которых существуют и фф. Андон, Андоне (ЕК, 77), ф. Андонов нередка у болгар и македонцев.

Андрамо́нов — происхождение ф. неизвестно.

Андрафа́гин — см. *Андрофагин.*

Андра́чников, Андра́шников — зерно ф. нарицательное диалектное слово *андрак* ‘юбка, изношенная женская одежда’ (смоленск., брянск., псковск. — Филин I, 257—258). Но как связана с этим ф.? Суф. *-ник* образовывал преимущественно обозначения по профессии или пристрастию к чему-либо. Прозвище *андрашник* могло обозначить любителя женщин, юбочника, или мужчину, донашивающего женскую одежду. От прозвища естественно возникало отчество с суффиксом *-ов*, которое затем превращалось в ф.

Андре́внин — первоначально обозначение сына или воспитанника женщины, которую именовали по отчеству — Андревна (-дочь Андрея); именование по отчеству выражало уважение и исключало возможность внебрачного ребенка, следовательно, налицо случай, когда вдова или солдатка (а, м. б., властная жена с богатым приданым) была фактической главой семьи.

Андре́ев — отчество с суф. *-ев* от канонического м. л. и. Андрей (греч. ‘мужественный’). Это имя одно из самых ранних и очень частых христианских имен в Древней Руси и позже. Поэтому, во-первых, ф. А. по частотности находится в 1-м десятке русск. ф. ф., напр., в справочнике «Весь Петербург», 1910 г., занимала 10-е место — 636 семей (Unbegaun — 1966, 34); ф. А. очень часта и у болгар; во-вторых, от м. л. и. Андрей образовано много производных форм, от которых возникали фф.: Анджиевский, Андревнин, Андреевич, Андреевский, Андреевских, Андреенко(в), Андреечкин, Андреичев, Андреищев, Андрейкин, Андрейко(в), Андрейцев, Андрейченко(в), Андрейчиков, Андрейчин, Андрейчук, Андреюк, Андреюшкин, Андржиевский, Андриасов, Андриевич, Андриевский, Андриенко(в), Андросов, Андруков, Андрусевич, Андрусов, Андрухин, Андрушевич, Андрушевский, Андрушкин, Андрущенко(в), Андрюкин, Андрюков, Андрюнин, Андрютин, Андрюхин, Андрюшев, Андрюшенков, Андрюшечкин, Андрюшин, Андрюшкин, Андрюшков, Андрюшонок, Андряков и др.; в некоторых случаях возможна контаминация с производными от имен Адриан, Андрон и др.

Андре́евич — образованное на почве блр. языка отчество (или непосредственно ф.) с суф. *-евич* от канонического м. л. и. Андрей; возможно, ф., пришедшая из Польши или Сербии, где ф. А. нередка.

Андре́е́вский — первоначально обозначение прибывшего из населенного пункта с названием Андреевка, Андреево, Андреевское, также — сына Андреевых, или служителя церкви в честь св. Андрея. Не исключено в некоторых случаях смешение с *Андриевский* (см.).

Андреевских — характерное для сухоно-вятско-пермской зоны именование на *-их* (родит. падеж множ. числа), от ф. родителей

Андреевские, возможно и образование с суф. *-ских* из ф. Андреевы. Ранняя из дошедших документаций ф. — 1763 г. в г. Великий Устюг («Устюг Великий», М., 1883).

Андре́енко(в) — образованное укр. и блр. суф. *-енко* отчество (или непосредственно ф.) от канонического м. л. и. Андрей. На почве русск. языка могло возникать дополнительное оформление господствующим в русск. ф. ф. суф. *-ов*.

Андре́ечкин — отчество с суф. *-ин* от уменьшительной формы Андреечка из м. л. и. Андрей.

Андре́ещев — ошибочно из *Андреищев*.

Андре́ичев — отчество с суф. *-ев* от отчества же с суффиксом *-ич* (Андреич — сын Андрея), таким образом А. первоначально дедичство.

Андре́ищев — отчество с суф. *-ев* от формы Андреище, нередкой в древнерусск. употреблении. Формант *-ище* в м. л. и. нес иную функцию, чем в нарицательных, и имел оттенок уважительности, в официальных документах служил для именования священников («поп Андреище»).

Андре́йкин — отчество с суф. *-ин* от уничижительной формы Андрейка из канонического м. л. и. Андрей.

Андре́йко — ф. с формантом *-ко*, распространенным на Украине (особенно в Подесенье, где охватывают 8 проц. населения — Редько, 204) и в Белоруссии; в основе — каноническое м. л. и. Андрей.

Андре́йков — отчество с суф. *-ов* от уменьшительной формы Андрейко из м. л. и. Андрей.

Андрейко́вич — отчество (или непосредственно ф.) с суффиксом *-ович*, особенно частым в Белоруссии, максимально между Минском и Полоцком (Бірыла I, 34), несколько реже на Украине (Редько, 206). В основе — форма Андрейко из м. л. и. Андрей. Первоначально обозначало 'потомок Андрея'.

Андре́йцев — отчество с суф. *-ев* от уменьшительной формы Андреец из м. л. и. Андрей; форма Андреец была нередка в Польше и Белоруссии, в России очень часта в XVI в.: «Тысячная книга» изобилует примерами: Андреец, Иванов сын Блудов, Андреец Григорьев сын Бернов, Андреец княж Федоров сын Борятинский, Андреец Юрьев сын Болоховский и мн. др. по всем городам.

Андрейченко(в) — отчество от м. л. и. Андрей, образованное укр. и блр. формантом *-ченко*; на русск. почве мог дополнительно присоединяться господствующий в русск. ф. ф. суф. *-ов*.

Андре́йчиков — отчество с суф. *-ов* от уменьшительной формы Андрейчик из м. л. и. Андрей или, вероятней, переоформление по преобладающей модели русск. ф. ф. с *-ов* из ф. Андрейчик, возможной в Белоруссии.

Андре́йчин — отчество с суф. *-ин* от формы Андрейча из м. л. и. Андрей (путем диалектного смягчения *к* из формы Андрейка); ф. А. нередка у болгар.

Андрейчу́к, Андрею́к — ф. ф. полесского происхождения от деминутивных форм из м. л. и. Андрей (см. *Андреев*). Фамилии с *-ук*, *-чук* составляют более 50% в Брестской обл. на ю.-з. Белоруссии (Бирилло, 39), до 40% в полесской и подольской зонах Украины (Редько 190 — картограмма).

Андре́юшкин — отчество с суф. *-ин* от уменьшительной формы Андреюшка от м. л. и. Андрей (см. *Андреев*).

Андре́кин — отчество с суф. *-ин* от формы Андреяка, возможной из канонического м. л. и. Адриан (в его обиходном употреблении Андреян) или из м. л. и. Андрей.

Андреянов — отчество с суф. *-ов* от обиходной формы Андреян из канонического м. л. и. Адриан.

Андреяшев (Андрияшев) — отчество с суф. *-ев* от уменьшительной формы Андреяш из канонических м. л. и. Адриан (в его обиходной форме Андреян) или Андрей. Формант *-аш* указывает преимущественно на западное происхождение; и действительно, форма Андреаш не раз засвидетельствована в Польше с 1377 г., в различных написаниях (SSNO I, 42), как и Андриян.

Андржее́вский — см. *Анджиевский.*

Андриа́ничев — отчество с суф. *-ев* от отчества же с суффиксом *-ич* (Андрианич) из канонического м. л. и. Адриан, в русск. произношении обычно Андриан (см. *Андрианов*).

Андриа́нов — отчество с суф. *-ов* от канонического м. л. и. Адриан, которое в русск. употреблении превратилось в Андриан, возможно, по аналогии с особо частым м. л. и. Андрей.

Андриа́но́вский — вероятно польск. происхождение ф. или по модели, распространенной под влиянием многочисленных польск. ф. ф. со *-ск-*. Связь с м. л. и. Адриан несомненна, но характер этой связи неясен.

Андриа́сов — ф. западного происхождения (польск., блр. или укр.), от Андриас, производной формы из м. л. и. Андрей. В Польше Andreas зафиксировано в многочисленных документах с начала XII в. (SSNO I, 1, 41—42).

Андриа́шкин — отчество с суф. *-ин* от уничижительной формы Андриашка из уменьшительных форм Андриаш, Андриашка, в основе которых канонические м. л. и. Адриан (в его обиходном произношении Андриан) или Андрей. Форма Андрияш документирована в Белоруссии (Бірыла I, 29).

Андрие́вич — ф. польск. или укр. происхождения из м. л. и. Андрей (украин. Андрій) и суф. *-евич*, служившего для обозначения потомка.

Андрие́вский — ф. польск., укр. или блр. происхождения. Несомненная связь с м. л. и. Андрей опосредствована промежуточными звеньями, на которые указывают форманты *-ев-* и *-ск-*. Что первоначально выражала данная форма, неясно. Она могла возникнуть непосредственно в качестве ф. по готовой модели

польск. «шляхетских» ф. ф., минуя стадию отчества или нарицательного прилагательного.

Андриéнко(в) — отчество или непосредственно ф. с укр. и блр. суф. *-енко*, от м. л. и. Андрей (украин. Андрiй); на русск. почве могло происходить дополнительное оформление господствующим в русск. ф. ф. суффиксом *-ов*.

Андрийчýк — производно от м. л. и. Андрей в его украин. форме Андрiй; суф. *-чук* наиболее распространен в ф. ф. на Украине (особенно в Ровенской и Житомирской областях, где охватывает больше 1/3 населения: Редько, 203) и на юго-западе Белоруссии (особенно в Брестской обл., где охватывает больше половины населения — Бiрыла I, 39), обозначая потомка.

Андриянов — отчество с суф. *-ов* от канонического м. л. и. Адриан в его украин. форме Андриян, свойственной и русск. говорам; вставное *-н-* появилось, по-видимому, под влиянием очень частых имен с *андр-*.

Андрияхин — отчество с суф. *-ин* от формы Андрияха, производной из м. л. и. Адриан в преобладающей речевой форме Андриян. Не вполне исключена возможность возникновения формы Андрияха и от м. л. и. Андрей в его украин. форме Андрiй.

Андрияшев — отчество с суф. *-ев* от формы Андрияш, производной из канонических м. л. и. Адриан (русск. просторечное и украин. литературное — Андриян) и Андрей (украин. Андрiй). Форма Андрияш неоднократно засвидетельствована в польск. источниках, в различных написаниях (SSNO I, 42), в украин. — Андрiяш (СВIЛ, 20), белорусск. — Андрыяш (Суднiк, 17).

Андрияшин — отчество с суф. *-ин* от форм Андрияш (*ш* — мягко) или Андрияша (см. *Андрияшев*).

Андрияшкин — отчество с суф. *-ин* от уничижительной формы Андрияшка из Андрияш (см. *Андрияшев*); ф. документирована в Малоярославецком уезде Калужской губ., 1907 г.

Андрóвский — ф. польск. происхождения, многократно документирована в Польше с начала XV в. (SSNO I, 38). Возникла от одной из производных форм из м. л. и. Андрей.

Андрóников — отчество с суф. *-ов* от канонического м. л. и. Андроник (греч. 'побеждающий мужчин'). В России ф. А. появилась из Грузии, где это было некогда именем княжеского рода, предок которого носил имя Андроник, нередкое в Византии, откуда оно распространилось на Грузию. Составители генеалогии этого рода в целях самовозвеличения ложно связали его с византийским императором Андроником Комненом, правившим в XII в. От других форм того же имени образованы ф. ф. Андрóнкин, Андронов, Андрошин, Дронин, Дронов и др. (в некоторых случаях возможна контаминация с производными от имен Адриан и Андрей: напр., Андруков, Андрусов). Ошибочно возникла и привилась транскрипция *Андронников*, где *-ник-* принято за русск. суффикс, частый в русск. ф. ф. от «имен деятелей».

Андро́нкин — отчество с суффиксом *-ин* от уничижительной формы Андронка из канонического м. л. и. Андроник, которое обиходно употреблялось *Андрон*.

Андро́нников — ошибочно вместо *Андроников* (см.).

Андро́нов — отчество с суф. *-ов* от обиходной формы Андрон из канонического м. л. и. Андроник (см. *Андроников*), которая в народном употреблении почти совсем оттеснила полную форму, удержанную в привилегированных слоях населения.

Андро́пов — отчество с суф. *-ов* от Антроп — эту форму приняло в русск. употреблении каноническое м. л. и. Евтропий (см. *Антропов*). Озвончение *т* → *д* обусловлено частотой сочетания согласных *ндр* в славянск. языках, а также аналогией с частыми именами от греч. *Андр-* (Андрей и др.). Озвончение могло происходить как на стадии имени (Антроп → Андроп → Андропов), так и на стадии ф. (Антроп → Антропов → Андропов).

Андро́сов — отчество с суф. *-ов* от формы Андрос, возможной из нескольких канонических м. л. и.: Андрей, Андроник и др.; эта форма указана в белорусском справочнике личных имен, как производная от Андрей (Суднік, 17). Названия населенных мест Андросово, расположенных на Украине, в Белоруссии и западных областях РСФСР.

Андрофа́гин — вероятно, сатирический псевдоним, от греч. *андрофаг* 'людоед' (буквально 'пожиратель мужчин'). Иначе подобная ф. едва ли могла возникнуть, даже при раздаче фф. семинаристам, когда произвол и спешка рождали фантастические фф. Обращает внимание аномалия: основа на твердый согласный требовала бы суффикса *-ов*, а не *-ин*, присоединяемого к основам на *-а*.

Андро́шин — отчество с суф. *-ин* от уменьшительной формы Андроша из канонического м. л. и. Андроник через его повседневную форму Андрон (см. *Андронов*).

Андру́ков — отчество с суф. *-ов* от производной формы Андрук от канонического м. л. и. Андрей (менее вероятно — от Адриан или Андроник); формы на *-ук* нередки на Украине и в Белоруссии.

Андрусе́вич — первоначально обозначало: сын (потомок) Андруса. Андрус — производная форма от м. л. и. Андрей, в Польше, Белоруссии, некоторых областях Украины; ф. ф. с *-евич* наиболее распространены в Белоруссии (максимально между Минском и Полоцком), на Украине (особенно в Полесье и на Подолии).

Андрусе́нко(в) — отчество (или непосредственно ф.) с укр. и блр. суф. *-енко* от частой у поляков, белорусов, украинцев формы Андрус от м. л. и. Андрей. На русск. почве могло возникать дополнительное оформление господствующим в русск. ф. ф. суффиксом *-ов*.

Андру́сов — отчество с суф. *-ов* от формы Андрус из м. л. и. Андрей, частой у поляков, украинцев, белорусов (Бірыла I, 29).

Не вполне исключено образование из прозвища по польск. диалектному *andrus* 'озорник'.

Андру́хин — отчество с суф. *-ин* от производной формы Андруха из м. л. и. Андрей.

Андруше́вич — отчество (или непосредственно ф.) в польск., укр. и блр. яз.: с суффиксом *-евич* от формы Андруш из м. л. и. Андрей; ф. А. многократно документирована в Белоруссии (Бірыла I, 29), в Польше — с XV в. (SSNO I, 38—39).

Андруше́вский — ф. польск. или блр. происхождения. Могла первоначально обозначать прибывшего из местечка Андрушев, Андрушево; возможно, — из ф. Андрушев с приспособлением под «шляхетскую» ф. добавлением форманта *-ский*.

Андру́шкин — отчество с суф. *-ин* от уничижительной формы Андрушка из м. л. и. Андрей через промежуточную форму Андруш, частую в Польше, Белоруссии, некоторых областях Украины.

Андру́щенко(в) — отчество с укр. и блр. суф. *-енко* от формы Андруш из м. л. и. Андрей.

Андрыхе́вич — ф. польск. или белорусск. происхождения, с суф. *-евич* от формы Андрых из м. л. и. Андрей, многократно засвидетельствованной в Польше с XIV в. в написаниях Andrzych, Handrzych и др. (SSNO I, 46).

Андрю́кин — отчество с суф. *-ин* 'сын Андрюки': от формы Андрюка из м. л. и. Андрей.

Андрюков — отчество с суф. *-ов* от формы Андрюк из м. л. и. Андрей, употребительной особенно в Белоруссии и на Украине.

Андрю́нин — отчество с суф. *-ин* 'сын (потомок) Андрюни' от уменьшительной формы Андрюня из м. л. и. Андрей, хотя не вполне исключена возможность возникновения той же уменьшительной формы от Андриан (из Адриан) и от Андрон (из Андроник).

Андрю́тин — отчество с суф. *-ин* от уменьшительной формы Андрюта из м. л. и. Андрей.

Андрю́хин — отчество с суф. *-ин* от формы Андрюха из м. л. и. Андрей.

Андрюшев — отчество с суф. *-ев* от формы Андрюш (не Андрюша) из м. л. и. Андрей, менее вероятно из Адриан (через форму Андриан) или Андроник (через форму Андрон).

Андрюше́нков — отчество с укр. и блр. суф. *-енко* от формы Андрюша из м. л. и. Андрей, дополнительно оформленное господствующим суффиксом русск. ф. ф. *-ов*.

Андрю́шечкин — отчество с суф. *-ин* от уменьшительной формы Андрюшечка (м. б. с ироническим оттенком) из м. л. и. Андрей.

Андрю́шин — отчество с суф. *-ин* от уменьшительной фо́рмы Андрюша от м. л. и. Андрей.

Андрю́шкин — отчество с суф. *-ин* от уничижительной формы Андрюшка (обязательной в России XV—XVII вв. при упоминании нижестоящих по сословной принадлежности) из м. л. и. Андрей.

Андрю́шков — отчество с суф. *-ов* от формы Андрюшко из м. л. и. Андрей.

Андрюшо́нок — первоначально блр. отчество от формы Андрюш, Андрюша из м. л. и. Андрей; ф. ф. с *-енок*, *-онок*, чаще в Витебской, Минской, Могилевской областях БССР, непосредственно прилегающих к РСФСР (Бирилло, 40—41).

Андрю́щенко(в) — отчество с укр. и блр. суф. *-енко* от уменьшительной формы Андрюша или Андрюш из м. л. и. Андрей. На русск. почве ф. могла получить дополнительное оформление господствующим суф. русск. ф. ф. *-ов*.

Андряков — отчество с суф. *-ов* от формы Андряк, производной из м. л. и. Андрей.

Анемподи́стов — отчество с суф. *-ов* от канонического м. л. и. Анемподист (греч. ʻнепреградимый').

Аненков — см. *Анненков.*

Анзими́ров — происхождение ф. неясно.

А́нзин — отчество с русск. суф. *-ин* от м. л. и. Анзи, в прошлом записанного у тюркоязычных народов Поволжья — чуваш или татар (Магницкий, 28).

Анзо́ров — ф. с русск. суф. *-ов* от карачаевского заимствования из груз. *азнаури* ʻдворянин' (сообщил Л. И. Лавров).

Ника́ндров — отчество с суф. *-ов* от канонического м. л. и. Никандр (греч. ʻпобеда' и ʻмужчина') с протетическим гласным *а-*, появившимся на почве русск. языка.

Аника́нов — отчество с суф. *-ов* от формы Аникан, возникшей в речи из к.-л. канонического м. л. и. — Никандр, м. б. Иоанникий или Никон.

Анике́вич — см. *Аникович.*

Анике́ев — отчество с суф. *-ев* от формы Аникей из канонического м. л. и. Иоанникий (см. *Аникин*).

Анике́енко — отчество с укр. и блр. суф. *-енко* от формы Аникей из канонического м. л. и. Иоанникий.

Аникиев — отчество с суф. *-ев* от формы Аникий из канонического м. л. и. Иоанникий.

Ани́кин — отчество с суф. *-ин* от наиболее распространенной в употреблении формы Аника из канонических м. л. и. Иоанникий и Аникита (Петровский, 50, связывает также и м. л. и. Никита).

Анико́вич — отчество с суф. *-ович*, от формы Аника (см. предыдущ.), вероятно, возникло в Польше или Белоруссии (Бірыла I, 87).

Аниконов — неизвестность места ударения затрудняет этимологию; вероятно, отчество от канонического м. л. и. Никон с протетическим *а-*; ф. документирована у крестьян с. Кузнецово, Калужского уезда, 1913 г. (Калуж. обл. архив, ф. 33, оп. 2, № 2126).

Аникто́нов — происхождение ф. неизвестно; записана в Иркутске, 1970 (сообщено Л. Б. Серебренниковой).

Анику́шин — отчество с суф. *-ин* от уменьшительной формы Аникуша из Аника (см. Аникин).

Ани́кьев — речевая форма от ф. Аникиев, результат обычной в русск. языке замены *и* → *й* перед гласным звуком (сравн. Марья вместо Мария); ф. записана в Иркутске, 1970 (Л. Б. Серебренникова).

Анило́вич — этимология невыяснена.

А́нин — вероятно образование от формы Аня, но не следует безоговорочно связывать эту форму с ж. л. и. Анна, так как имя матери очень редко становилось основой называния, в данном случае только при двух возможностях: ф. ребенка от неофициального брака в 1-й половине XIX в. при привилегированном положении отца или литературный псевдоним, посвященный любимой. Вероятней отчество от уменьшительной формы Аня из канонических м. л. и. Онисим, Аникита, Анемподист и др.

Ани́ров — этимология невыяснена.

Ани́симкин — отчество с суф. *-ин* от уничижительной формы Анисимка из канонического м. л. и. Анисим (см. *Анисимов*).

Ани́симов — отчество с суф. *-ов* от канонического м. л. и. Онисим (греч. 'исполнитель, завершитель'), в акающем произношении обязательно *о* → *а* в безударной позиции. От различных форм того же имени образованы ф. ф. Анисимкин, Онисимов, в возможной контаминации с производными формами от других имен — Анисин, Анискин, Анисков, Анисов, Анисович, Анисочкин, Аниськин, Анисько(в), Анисюткин, Аничков, Анишин, Анишкин, Ансимов, Онищенко(в), Симин.

Ани́син — отчество с суф. *-ин* от уменьшительных форм Аниса, Анися из канонических м. л. имен Онисим, Анисий, Онисий, Онисифор.

Анисифо́ров — отчество с суф. *-ов* от канонического м. л. и. Онисифор (о месте ударения: Б. А. Успенский. Из истории русских канонических имен. М., 1969, 130). В форме Анисифор имя употребляли на Украине; на с.-з. и севере — Анцифер.

Ани́скин — отчество с суф. *-ин* от уничижительной формы Аниска, вероятней из канонических м. л. и. Онисим, Анисий или Онисифор (см. Анисков, Анисов), а не от ж. л. и. Анисья, т. к. имена женщин несравнимо реже становились основами именований, чем имена мужчин; м. л. и. Ониска в прошлом записано у чуваш (Магницкий, 28).

Ани́сков — отчество с суф. *-ов* от формы Аниско из канонических м. л. и. Онисим, Анисий, Онисифор (см. *Анискин*).

Аниско́вич — отчество или непосредственно ф. с суф. *-ович* от формы Аниско (см. *Анисков*), в России из Польши или Белоруссии.

Ани́сов — отчество с суф. *-ов* от краткой формы из канонических м. л. и. Онисим или (редко) Онисифор, в акающем произношении. Форму Аніс указывает и белорусск. справочник личных

имен (Суднік, 17). От той же формы и ее производных образованы ф. ф. Анискин, Анисков, Анисович, Анисочкин. Другой возможный источник возникновения ф. А. — мусульманское м. л. и. Анис (араб. 'друг, спутник').

Анисович — ф. польск. или блр. происхождения, с суф. *-ович*, от Анис (см. *Анисов*).

Ани́сочкин — отчество с суф. *-ин* от уменьшительной (возможно с ироничным оттенком) формы Анисочка из канонических м. л. и. Онисим, реже Анисий, Онисий, Онисифор (не имеет отношения к ж. л. и. Анисья, т. к. женские имена очень редко становились основами наименований. Всего чаще ф. ф. на *-очкин* в смежных частях Орловской и Калужской областей.

Анистра́тов — отчество с суф. *-ов* от обиходной формы Анистрат из канонического м. л. и. Евстратий (греч. 'хороший воин'), от той же формы — укр. ф. Анистратенко.

Ани́сьин — матроним с суф. *-ин* от канонического ж. л. и. Анисия, возможный в прошлом для ребенка незамужней женщины, а также вдовы или солдатки, оставшейся главой семьи и хозяйкой. Но вполне вероятно переосмысление ф. Анисин, образованной от формы Аниса из канонических м. л. и. Онисим, Анисий, Онисий, Онисифор (наличие этой формы засвидетельствовано: Петровский, 246), образование ф. из ж. л. и. несравнимо реже, чем из м. л. и.

Ани́ськин — см. *Анискин.*

Ани́сько(в) — см. *Анисков.*

Анисю́ткин — отчество с суф. *-ин* от уничижительной формы Анисютка, возможной из канонических м. л. и. Онисим, Анисий, Онисий, Онисифор через формы Аниса → Анисюта. Не вполне исключено возникновение матронима от формы Анисютка, но из ж. л. и. Анисья (при внебрачном ребенке).

Ани́тов — происхождение ф. неясно.

Анитро́пов — возможно, результат фонетических изменений из ф. Антропов (см. *Андропов*); Анитропов зафиксирована в д. Монаково, Калужского уезда, 1913 г. (Калуж. обл. архив, ф. 33, оп. 2, : 2126).

Аниферов — по-видимому, результат упрощения формы Анцифер, нередкой в прошлом, особенно на северо-западе России, из канонического м. л. и. Онисифор (см. Анциферов); не исключена возможность из м. л. и. Онуфрий.

Аниченков — отчество (или непосредственно ф.), с укр. и блр. суф. *-енко* от формы Аник, Аника из канонических м. л. и. Иоанникий, Аникита и последующим присоединением господствующего суффикса русск. ф. ф. *-ов.*

Ани́чин — отчество с суф. *-ин* от формы Аника из канонических м. л. и. Иоанникий, Аникита, с закономерным смягчением *к* → *ч* перед гласным переднего ряда. В топонимии — с. Аничево близ Галича, д. Аничиха в Поветлужье.

Ани́чкин — отчество с суф. *-ин* от формы Аничка из Аника (см. *Аничин*); в 1678 г. — посадский Аничка в Нижнем Новгороде (ППНН, 422), — аналогично — с. Аничкино (Оничикино) близ Сердобска.

А́ни́чков — отчество с суф. *-ов* от формы Аничко из Аника (см. *Аничин*). В 1301 г. из Орды перешел на службу к Ивану Калите царевич Берка и при крещении принял имя Аникий (каноническое Иоанникий), в употреблении — Аничко; его потомки стали писаться Оничковы (РГ I, 35—36), позже в написании отразилось восторжествовавшее в московском произношении аканье; отсюда — видная в России XVIII в. аристократическая ф. А.

Ани́шин — отчество с суф. *-ин* от уменьшительной формы Аниша из Аника (см. *Аникин*).

Ани́шкин — отчество с суф. *-ин* от уничижительной формы Анишка ← Аниша ← Аника (см. *Аникин*).

Ани́щенко(в) — отчество или непосредственно ф. с укр. и блр. суф. *-ченко* от производной формы Анис из канонических м. л. и. Онисим, Анисий, Онисий, Онисифор; или с укр.-блр. суфф. *-енко* от формы Аника (Аничин); на почве русск. языка могло возникать последующее оформление господствующим в русск. ф. ф. суффиксом *-ов*.

Анкиди́нов, Анкинди́нов, Анкуди́мов, Анкуди́нов, Анкунди́нов — отчества с суф. *-ов* от искаженных форм произношения канонического м. л. и. Акиндин (см. *Акиндинов*). В Угличе 1744 г. — Анкидинов («Углич. Материалы для истории города», М., 1887), в Великом Устюге 1763 г. — купец Анкиндинов («Устюг Великий. Материалы для истории города», М., 1883); из того же имени — польск. или белорусск. ф. Анкудович. Топонимические параллели — многочисленные названия Анкудиново, Анкудиновка и проч., все в северной половине России.

Анна́ев — происхождение ф. неизвестно; возможно из туркмен. м. л. и. Анна̀ (из араб. 'пятница' — праздничный день у мусульман).

Аннаклы́чев — отчество или непосредственно ф. с русск. суф. *-ев* от туркм. м. л. и. Аннаклыч (составное из анна — араб. 'пятница' и клыч из туркм. 'клинок, сабля').

Аннамура́дов — отчество или непосредственно ф. с русск. суф. *-ов* от туркмен. м. л. и. Аннамурад (составное из анна — араб. 'пятница' и мурад — араб. 'цель, желание').

А́нненков — разветвленный дворянский род А., которому принадлежали владения во многих губерниях (к нему относился и известный писатель XIX в. П. В. Анненков), утверждал свое происхождение из Западной Европы: якобы предок прибыл в Россию из Германии, из местности Annenhof, так и появилась ф. А. Никаких подтверждений этому нет. Первое документальное упоминание об А. датировано XVI в. (РГ I, 56—76). Легенды о запад-

ноевропейских предках придуманы во многих дворянских родословных — тогда это казалось повышающим знатность. Вероятней, это — обыкновенное русск. отчество с суффиксом *-ов* от формы Аненко, возможной из нескольких канонических м. л. и.— например, «святцы» содержат м. л. и. Анин; не исключены и др. возможности.

А́нненский, А́ннинский — ф. могли быть получены при раздаче ф. ф. в духовной семинарии — по наименованию церкви, в которой служил отец семинариста.

Анов, Ано́дин, Ано́ев, Ано́кин, Ано́нов — этимологии неясны.

Ано́пин — отчество с суфф. *-ин* от формы Анопа из канонического м. л. и. Онуфрий (зафиксировано и произношение Анопрей), форма Онопа от того же имени жива в украин. (СВІЛ, 36).

Ано́пов — отчество с суф. *-ин* от формы Аноп из канонического м. л. и. Онуфрий (см. предыдущ.); 1910 г. — Петербург.

Ано́почкин — отчество от ирон. Анопочка (см. *Анопин*).

Ано́приев — отчество с суф. *-ев* от просторечной формы Аноприй из канонического м. л. и. Онуфрий (белорусск. Аноприй (Суднік, 18); ф. ф. Оноприенко, Онуприенко (ДУП, 171), белорусск. Анапрэенка, Ануприенка (Бірыла I, 130).

Ано́ров — отчество с суф. *-ов* от краткой формы Анор из канонического м. л. и. Анорей, редкого в употреблении.

Ано́скин — отчество с суф. *-ин* от уничижительной формы Аноска, несомненно указывающей на основу Анос (см. *Аносов*).

Ано́сов — отчество с русск. суф. *-ов* от формы Анос (-Онос). Примеры м. л. и. Онос и отчества или ф. Аносин из документов XV—XVII вв. привел Н. М. Тупиков, не сомневаясь в нецерковном происхождении имени (Тупиков, 289 и 679). Но гораздо вероятней, что Онос — краткая форма из канонических м. л. и.: м. б. из Онуфрий, Анисий, Онисий, Онисим, Енох; на это косвенно указывают примеры белорусск. Оношко, Онушко от Онуфрий (Бірыла, 131), украин. Оношко от того же имени (СВІЛ, 36), русск. Оноша от Енок (Петровский, 335), белорусск. справочник личных имен прямо указывает м. л. и. Анос как русск. и белорусск., как основную, а не производную форму (Суднік, 18 и 62), хотя в «святцах» его не было. Не произошло ли фонетическое изменение из канонического м. л. и. Амос?

Ано́фриев — отчество с суф. *-ев* из канонического м. л. и. Онуфрий, Ануфрий (см. *Ануфриев*); форма Онофрей многократно документирована у русск., укр., блр. XVI—XVII вв.

Ано́фриков — отчество с суф. *-ов* от уменьшительной формы Анофрик из канонического м. л. и. Онуфрий (см. *Ануфриев*).

Ано́хин — отчество с суф. *-ин* от формы Аноха, параллельной к Анох (см. *Анохов*) или от прозвища аноха 'простак, простофиля'.

Ано́хов — отчество с суф. *-ов* от формы Анох из канонических м. л. и. Енох (по Н. А. Петровскому), Анания (по Н. В. Бирилло)

или Онуфрий (чуждый русск. языку звук *ф* нередко заменялся на *х*: сравн. Тимофей → Тимоха, Дорофей → Дорох и т. п.).

Ано́шенков — оформленные русск. суффиксом *-ов* отчества с укр.- блр. суф. *-ев* от уменьшительной формы Аноша из Анох (см. *Аношин*).

Ано́шин — отчество с суф. *-ин* от уменьшительной формы Аноша от Анох (см. *Анохов*).

Ано́шкин — отчество с суф. *-ин* от уничижительной формы Аношка из Аноша ← Анох (см. *Анохов*).

Ано́щенко — отчество или непосредственно ф. с укр. и блр. суф. *-ченко* от уменьшительной формы Аноша из Анох (см. *Анохов*).

Анпа́лов — отчество с суф. *-ов*, в основе форма Анпал или от канонического м. л. и. Ампелий, или от пришедшего в Белоруссию из Польши католического м. л. и. Амфал.

Анпи́лов — отчество с суф. *-ов* от просторечной формы Анпил, возможной из канонических м. л. и. Амфил и (более частого) Амфилохий. Фонетические изменения оправданы: звука *ф* исконно не существовало в славян. языках, на восточно-слав. почве его в заимствованных именах нередко заменял звук *п* (украин. Пилип вместо Филипп), *н* вместо *м* результат диссимиляции, чтоб избежать стечения двух лабиальных согласных.

Анпило́гов — отчество с суф. *-ов* от просторечной формы Анпилог от канонического м. л. и. Амфилохий (см. *Амфилохиев*).

Ансеров — происхождение ф. неясно.

Анси́мов, А́нсин — основы фф. не найдены, они предполагают наличие форм Ансим, краткой — Анс, но их не удалось связать ни с одним из канонических или дохристианских м. л. и. в России. От Онисим трудно оправдать выпадение ударного гласного, от Анфим нет доказательств *ф* → *с*. Образование этих ф. ф. ждет исследователей.

Антаков — отчество с суф. *-ов* от м. л. и. Антак, в прошлом зарегистрированного у тюркоязычных народов Поволжья (Магницкий, 28).

Антамо́нов — отчество с суф. *-ов* от формы Антамон, искаженной из канонического м. л. и. Автоном (см. *Автономов*). В списке воронежских казаков 1666 г. показан Антомон Андреев («Воронежский юбилейный сборник» I, 1886, 222). Менее вероятна та же форма от м. л. и. Артамон.

Анта́ров — отчество с русск. суф. *-ов* от м. л. и. Антар, в прошлом записанного у тюркоязычных народов Поволжья (Магницкий, 28); происхождение имени пока невыяснено.

Антимо́нов — происхождение ф. неизвестно.

Антипа́нов — форма ф. допускает предположить отчество с суф. *-ов* от формы Антипан, которую, однако, затруднительно объяснить: она возможна из канонического м. л. и. Антипа, но ни разу не записана; не исключено переосмысление чуваш. или

татар. м. л. и. Антубан, засвидетельствованного в прошлом (Магницкий, 28).

Антипенко(в) — отчество с укр. и блр. суф. *-енко* от канонического м. л. и. Антипа (см. *Антипин*), дополнительно могло происходить оформление господствующим в русск. ф. ф. суффиксом *-ов*.

Антипенский — возможно обозначение служителя церкви в честь Антипы или прибывшего из с. Антипино.

Анти́пин — отчество с суф. *-ин* от канонического м. л. и. Антипа. От различных форм того же имени и производных от него образованы ф. ф.: Антипенко(в), Антипенский, Антипкин, Антипов, Антифеев, Анцупов, м. б. также Антюфеев, в некоторых случаях не исключены контаминации с производными от канонического м. л. и. Антипатр, но в России оно было крайне редким.

Анти́пкин — отчество с суф. *-ин* от уничижительной формы Антипка от канонического м. л. и. Антипа (см. *Антипин*).

Анти́пов — отчество с суф. *-ов* от кратной формы Антип из канонического м. л. и. Антипа (см. *Антипин*).

Анти́повский — первоначально м. б. обозначение приезжего из с. Антипово или служителя церкви в честь Антипы.

Анти́пьев — отчество с суф. *-ев* от гиперкорректной формы Антипий из канонического м. л. и. Антипа (см. *Антипин*), по ошибочной аналогии (обиходные формы Антон, Влас, Денис из канонических Антоний, Власий, Дионисий) выведена мнимая «правильная» форма Антипий из разговорной краткой формы Антип. В Муроме 1566 г. Зайка Антипьев сын (Кучкин, 304).

Антифеев — отчество с суф. *-ев* от формы Антифей, возможной из Антипий (см. *Антипин*).

Антифьев — отчество с суффиксом *-ов* от формы Антифий, возможной из Антипий (см. *Антипьев*).

Анти́шин — притяжательное прилагательное с суф. *-ин* от уменьшительной формы Антиша, образованной от одного из канонических м. л. и. — Антипа, Антиох, Антий, Антипатр и др. (в России кроме Антипы ими почти не пользовались).[1]

А́нтов — м. б. отчество с суф. *-ов* от краткой формы Ант из канонических м. л. и. Антоний, Антонин и др., однако, эта форма не записана ни разу; ф. А. не единична в Болгарии.

Антоко́льский — ф. первоначально обозначала прибывшего из местечка Антоколь (топоним несколько раз повторяется в Литве и Белоруссии).

Антомо́нов — отчество с суф. *-ов* от искаженной формы Антомон из канонического м. л. и. Автоном (см. *Автономов*).

Симас Каралюнас

К ЭТИМОЛОГИИ ЛТШ. *LUÕPS*

Лтш. *luõps* '(домашнее) животное, скотина', хотя давно находится в языковедческом обиходе, относится к тем многим словам латышского языка, которые не имеют этимологии. Предполагаемые соответствия в других и.-е. языках: алб. *lopë* 'корова', нем. (швейцарский) *loobe*, *liobe* то же, гот. *lamb* 'ягненок' или ирл. *láeg* то же—являются весьма проблематичными как с точки зрения семасиологии, так и фонетики: албанское слово имеет в корне *$\bar{a}$, ирл. *á* восходит не только к и.-е. *$\bar{o}$, но и к и.-е. *$\bar{a}$, в то время как в данном латышском слове скорее всего имеется *uo* из *$\bar{o}$ (см. ниже); древнее сочетание **om* (*am*) в латышском сохраняется (в *uo* перешло только **an-b/p*). Отсутствие достоверных соответствий в родственных языках и кажущаяся изолированность в балтийских языках приводили даже к тому, что данное слово некоторыми исследователями (напр., К. Уленбеком [1]) провозглашено заимствованием из германских языков (вместе с фин. *lammas* 'овца' из гот. *lamb*), что ввиду сохранения древнего *am* в латышском языке не выдерживает никакой критики. Единственной гипотезой, заслуживающей внимания, является гипотеза Эндзелина—Йокля о том, что, как алб. *lopë*, так и лтш. *luõps* были заимствованы из какого-то общего источника [2] (согласно Н. Йоклю, из доиндоевропейских диалектов [3]). Заимствованием, разумеется, объяснилось бы различие в значении и в огласовке корневого вокализма данных слов. Однако как эта гипотеза, так и все остальные, могут быть признаны правдоподобными только в том случае, если лтш. *luõps* (соотв. алб. *lopë*) невозможно проэтимологизировать на почве латышского (соотв. албанского) языка. Как это ни странно, такие попытки, насколько нам известно, не предпринимались. Даже создалось скептическое мнение, которое в последнее время настойчиво выражает А. Сабаляускас: «Лтш. *luõps* является полностью изолированным словом в балтийских и славянских языках. . .» [4].

Между тем можно привести целый ряд аргументов в пользу того, что лтш. *luõps* '(домашнее) животное, скотина', по-види-

---

[1] C. Uhlenbeck. — PBB, XXII, стр. 191.
[2] J. Endzelin. — KZ, 44, 1911, стр. 62.
[3] N. Jokl. — «Die Sprache», IX, 1963, стр. 149.
[4] A. Sabaliauskas. Iš baltų kalbų gyvulininkystės terminologijos istorijos, in: Iš lietuvių leksikologijos ir leksikografijos (= Lietuvių kalbotyros klausimai, XII), Vilnius, 1970, стр. 14.

мому, обнаруживает историческую связь с лтш. глаголом *lupt* 'лупить(ся), шелушить(ся)' и является производным от него.

Так как наибольшие трудности в идентификации лтш. *luõps* и *lupt* составляет семантическая сторона, начнем именно с анализа семантических отношений. Но перед этим целесообразно коснуться вопроса о соответствиях лтш. *luõps* в литовском языке. Данному латышскому слову по своей фонологической структуре близок лит. *lúopas* 'увалень, болван'. Надо, по-видимому, согласиться с предположением А. Сабаляускаса, что это литовское слово является заимствованием из латышского языка [5], потому что близкое значение ('грубый человек, скотина') имеет и лтш. *luõps*; лит. *lúopas* употребляется в северных говорах (Купрелишкис, Линкува, Папилис, Южинтай) литовского языка, граничащих с ареалом латышского языка (относительно их интонационных отношений ср. лит. диал. *úorė* 'повозка (для сена)' из лтш. *uõre* 'фура'). Несомненным леттицизмом можно считать и лит. *lopas* 'скотина', употребленное историком XIX в. С. Даукантасом, произведения которого, как известно, изобилуют литуанизированными словами, взятыми из латышского языка [6].

Следовательно, соответствия лтш. *luõps* в литовском языке не обнаруживаются, что, возможно, указывает на инновационный характер рассматриваемого латышского слова.

По данным «Словаря латышского языка» Мюленбаха—Эндзелина, лтш. *luõps* имеет следующий план содержания:

ragu luopi 'das Hornvieh',
guovs luops 'das Rindvieh',
cūkas luops 'Schweine',
aitas luops 'Schafe',
mājas luopi 'Hausvieh, Haustier' (auch 'der Hund und die Katze'),

meža luopiņi 'Kleinvieh des Waldes'
lauka luopiņi 'Kleinvieh des Feldes' } d. h. 'Bienen',
māju luopiņi 'Kleines Hausvieh'

pūra luopi 'das Vieh, das der jungen Frau als Mitgift mitgegeben Wird' [7]. Из приведенного материала явствует, что речь здесь идет не просто о скоте, а о (живом) имуществе, которое составляют как домашние животные, так и пчелы. Этим, по-видимому,

---

[5] A. Sabaliauskas. Baltų kalbų naminių gyvulių pavadinimai, in: Baltų ir slavų kalbų ryšiai (= Lietuvių kalbotyros klausimai, X), Vilnius, 1968, стр. 137.

[6] E. Fraenkel. Letticismen in Daukantas «Wortschatz», FBR, XI, Rīgā, 1931, стр. 52—63.

[7] K. Mühlenbachs — J. Endzelīns. Lettisch-deutsches Wörterbuch, II. Band, Riga, 1925—1927, стр. 527—8; J. Endzelin und E. Hausenberg. Ergänzungen und Berichtigungen zu K. Mühlenbachs «Lettisch-deutsches Wörterbuch», I. Band., Riga, 1934—1938, стр. 767.

надо объяснять использование детерминативов (*ragu*, *guovs*. . .), специализирующих значение слова *luõps*. То, что семемы 'скот' и 'имущество' манифестируются одним сегментом плана выражения, является хорошо известным в и.-е. языках явлением, ср. хотя бы др.-русск. *скотъ* 'скотина, домашнее животное' и 'имущество', греч. κτῆνος 'скот' и 'имущество', лат. *pecu* 'домашние животные' и *pecūnia* 'имущество'. Вполне возможно, что исходным значением лтш. *luõps* было '(живое) имущество', на основании которого впоследствии могло развиться значение 'домашнее животное' [8], ср. лит. *bandà* 'стадо', 'хлеб, каравай; хлеба или лен наемника или сына земельного собственника, или его младшего брата; богатство, имущество, собственность; деньги. . .' : др.-прусск. e n - b ā n d a n 'в пользу', где семема 'стадо' явно вторичная (ср. заимствование из литовского языка лтш. *bañda* 'кусок земли или посев, полученный батраком в пользование от хозяина в качестве заработной платы; дело, сделка, доход, выгода, польза. . .', где семемы 'стадо' нет) [9].

После того, как мы пришли к выводу о том, что исходное значение лтш. *luõps*, возможно, было '(живое) имущество', можно приступить к рассмотрению лтш. *lupt* 'лупить(ся), шелушить(ся)'.

Лтш. *lupt* (praes. *lupju*, praet. *lupu*) 'чистить, снимать скорлупу, лущить', интранзитиву *lupt* (praes. *lùpu*, *praet lupu*) 'лупиться, шелушиться, отделяться, опускаться вниз, отвисать, свисать' точно соответствует лит. *lùpti* (praes. *lúpa*, *praet*. *lùpo*, *lùpė*) 'чистить, снимать скорлупу, лущить, сдирать, обдирать, драть, лупить, отдирать', ср. еще производные лтш. *lupît* 'выбирать, выковыривать, глодать, грызть, есть' и лит. *lùpinti* 'сдирать, обдирать; драть, лупить', лтш. *lupinât* 'чистить, снимать скорлупу; выбирать, выковыривать, глодать, грызть, жевать; трепать, драть, дергать, теребить, рвать, грабить' и лит. *lupinė̃ti* 'сдирать, обдирать; облупить, облупливать'.

С корневым вокализмом *o* > *a* имеем лтш. *làupt* [2] (praes. *làupju*) 'жадно есть; вытаращить глаза' и лит. *laũpti* (praes. *laũpia*) 'пальцами лупить, щипать, драть, грабить; жрать, есть', лтш. *làupit* (praes. *làupu*) 'снимать скорлупу, сдирать шкуру, обрывать листья, шелушить, лущить; грабить, лишать' и лит. *laupýti* (praes. *laũpo*) 'лупить, обдирать, облупливать; рвать, грабить, опустошать; есть, грызть'. Точное соответствие последних двух глаголов имеется в славянских языках: ср., напр., русск. *лупи́ть* 'сдирать кожу, шкуру, сымать с чего кожуру, кору; обдирать снаружи; драть, брать непомерно много, дорого, оби-

---

[8] Об аргументации семантического перехода 'имущество' → 'скот' см.: О. Н. Т р у б а ч е в. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960, стр. 102 и след.

[9] Подробнее о сложном диахроническом соотношении данных сегментов плана содержания см.: B. J ē g e r s. Verkannte Bedeutungsverwandtschaften baltischer Wörter. — KZ, 80, 1966, стр. 124 и сл.

рать кого; есть неумеренно, жадно, жрать, уписывать; (стар.) грабить и др.' (Даль² II, 273). Точные литовско-латышские соответствия надежно говорят об определенной древности рассматриваемых глаголов, о чем свидетельствуют и данные славянских языков [10]. Соответственно весьма древней, по-видимому, можно считать и семему 'лупить, снимать скорлупу, шелушить, лущить, сдирать шкуру' и, разумеется, аллосему 'драть, грабить, брать много', что непосредственно связывается с понятием приобретения, получения, добывания и, наконец, с понятием имущества. Для доказательства предлагаемой здесь этимологии чрезвычайно важно то, что именно такие сегменты плана содержания манифестируются как раз дериватами глагола *lupt*, ср. лтш. *lup-ica* 'guter Erfolg auf der Jagd oder beim Fischfang', *laupa* 'die Beute', *làupījums* 'das Erbeutete, die Beute, der Fang'. Кроме того, у лит. *lùpti*, лтш. *lupt* наличествуют сегменты плана содержания, непосредственно соприкасающиеся с понятием добывания и имущества, ср. лтш. *pie-lupt* 'raubend (viel) erwerben' [11], лит. *pri-lùpti* 'gauti, uždirbti (daug)' [12], т. е. 'получить, зарабатывать (много)', лит. *įsilùpti* 'разбогатеть', ср. Ir, katrie *insilùpę* — gerai gyvena [13] 'Те, кто разбогатели, хорошо живут'.

То, что названия домашних животных происходят от названий, обозначающих 'приобретенное, добытое имущество', является широко распространенным фактом в и.-е. языках, ср. греч. κτῆνος 'домашнее животное, голова скота', множ. ч. 'домашний скот; имущество, собственность' : κτάομαι 'приобретаю, наживаю; имею, владею, обладаю'; ирл. *indille* 'домашнее животное', 'добро, благо, имущество', др.-брет. *endlim* 'имущество, собственность' : кимр. *ennil*, *ynnill* 'добывать, получать, приобретать'; исп. *ganado* 'домашнее животное' : исп. *ganar* 'получать, приобретать'; франц. *gagner* 'зарабатывать, добывать, приобретать' [14]. Та же модель образования названий домашних животных засвидетельствована и в славянских языках, ближайших родственниках балтийских языков: с.-хорв. *сто̏ка* 'скот; скотина' : *сте̏ħи*

---

[10] О лит. *lùpti*, лтш. *lupt* и их производных в контексте данных других и.-е. языков см.: K. Būga. Rinktiniai raštai, I. Vilnius, 1958, стр. 489; II. Vilnius, 1959, стр. 631¹; R. Trautmann. Baltisch-slavisches Wörterbuch, Göttingen, 1923, стр. 164; K. Mühlenbachs. — J. Endzelins. Lettisch-deutsches Wörterbuch. II. Band, Riga, 1925—1927, стр. 429—430; Fraenkel, стр. 391; Chr. S. Stang. Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen. Oslo—Bergen—Tromsö, 1966, стр. 333, 334; Vasmer II, стр. 70; Berneker I, стр. 746; Walde — Hofman, I, стр. 720; Pokorny, стр. 690 etc.

[11] K. Mühlenbachs — J. Endzelins. Lettisch-deutsches Wörterbuch, III, стр. 269.

[12] Lietuvių kalbos žodynas, VII. Vilnius, 1966, стр. 708.

[13] Там же, стр. 705.

[14] Carl D. Buck. A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. Chicago-Illinois, 1949, стр. 143—145.

'приобрести, заслужить, заработать'; чеш. *dobytek* 'скот' (др.-чеш. *dobytek* 'имущество, имение'); болг. *добитък* 'скот' : чеш. *dobyti* 'приобрести, добыть'. Следовательно, вполне возможно, что действие модели 'приобретать, получать, добывать' → '(приобретенное, добытое) имущество' → 'скот' повторилось и в балтийских языках, по крайней мере, в части их диалектов.

В связи с этим следует указать и на другую возможность семантической связи лтш. *lùõps* '(домашнее) животное, скотина' и *lupt* 'лупить(ся), шелушить(ся)'. Как показывают н.-греч. σφαλτά 'скот (овцы, козы)': σφάζω 'убиваю, режу' и н.-греч. κοπάδι 'стадо': др.-греч. κόπτω 'ударяю, бью, рублю', семема 'скот' может восприниматься и как 'скот, предназначенный на убой (т. е. для мяса)'. Аналогичные сегменты плана содержания как раз и манифестируются лтш. *luõps* и *lupt*, ср. лтш. *làupît* 'снимать скорлупу, сдирать шкуру...' Однако в силу того, что лтш. *luõps* обозначает, кроме скота, еще и пчел, последняя возможность их семантической связи является менее правдоподобной. Кроме того, данная модель, насколько нам известно, не засвидетельствована в славянских языках.

Таким образом, существуют весьма серьёзные основания полагать, что лтш. *luõps* '(домашнее) животное, скотина' и *lupt* 'лупить(ся), шелушить(ся)' относятся скорее всего к одному и тому же корню. Лтш. *luõps* в данном случае, по-видимому, восходит к **lõup-*, с чем согласуется и акутовая интонация рассматриваемого латышского имени. О том, что у корня **lup-* в какой-то период балтийских языков мог существовать алломорф **lõup-*, свидетельствуют лтш. *luõp-ainis* 'картофель определённого сорта' наряду с *làup-iķi* 'abzuschälende Kartoffeln', а также лит. *luõpti* 'лупить, обдирать, облупливать', *luopýti* 'растрачивать, расточать' наряду с *laũpti*, *laupýti* 'лупить, обдирать, облупливать'.

В. Н. Топоров

К СЕМЬЕ АНАТОЛИЙСК. *KAT(A)*, ДР.-ГРЕЧ. ΚΑΤΆ

В последнее время по разным поводам специалисты неоднократно обращались к этим словам, и, если заходила речь об их происхождении, чаще всего в качестве источника реконструировалась форма **km̥t-* (или **kn̥t-*) [1]. Правда, обычно такая реконструкция предлагалась не как результат независимого и самостоятельного, именно к этим словам относящегося, заключения, а скорее, по традиции [2]. Как сложилась эта традиция? Нужно полагать, что она возникла на основе негативного подхода: ненахождение в других индоевропейских языках продолжателей **kat-*, сопоставимых с др.-греч. κατά (анатолийские соответствия тогда оставались неизвестными), заставило обратиться к поиску слов с *-m̥-* (или *-n̥-*), поскольку оно также отражалось в древнегреческом как *-a-*. И такое слово легко было найдено — и.-е. **kom-* 'вблизи', 'с', которое в соединении с суффиксальным *-to-* давало **km̥to-*. Что же касается связи значений в и.-е. **kom-* и др.-греч. κατά, то здесь на помощь пришли позднее хеттские данные (ср. *katti-mi* 'со мной', *katti-ti* 'с тобой' и др.)[3], а затем и древнегреческие (после того, как κασίγνητος, ср. фесс. κατί-γν[ειτος] или даже микенск. *kasi-kono-*, стали интерпретировать как лат. *cognātus* в том, что касается формы). Впрочем, следует внести одно существенное уточнение. В кельтских языках известна лексема, которая и по значению и по форме соответствует др.-греч. κατά, если оно из **km̥t-* (или **kn̥t-*). Речь идет о др.-ирл. *cét-*, *ceta-*, употребляемом исключительно в соединении с глаголом 'быть' (ср. *ceta-bí*, *cita-ro-ba*, *con-c̨éitbani* и др.[4]), или др.-валл. *cant* (позд-

---

[1] См. H. Kronasser. Vergleichende Laut- und Formenlehre des Hethitischen. Heidelberg, 1956, стр. 160; Frisk I, стр. 800; Pokorny I, стр. 613 и др.

[2] Более серьезными могли бы оказаться попытки доказать, что регулярный рефлекс *m̥, *n̥ в хеттском — *a*, см. O. Szemerényi. — KZ 73, 1955, стр. 76 и след., ср. его же — «Die Sprache» 12, 1966, стр. 206 и след. Однако пока такой рефлекс правдоподобен лишь в положении перед *s*.

[3] Ср. уже в надписи Аниттаса: nu$^{\text{LÚ URU}}$Pu-ru-uš-ḫa-an-da *kat-tim-mi* [pí-e-ḫu-te-nu-un] «и человека из города Пурусханда со мной я привел». KBo III 22 I 77 +KUB XXVI 71 I 18 +KUB XXXVI 98 об. ст. 5 и др. Ср. В. В. Иванов. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965, стр. 212.

[4] См. R. Thurneysen. A grammar of Old Irish. Dublin, 1947, стр. 501, ср. позже засвидетельствованное *cétluth-ud* 'companionship', 'cohabitation', которое также, вероятно, относится к этой категории случаев. Ср. также Г. Льюис, Х. Педерсен. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. М., 1954, стр. 77, 314, 389.

нée — *can*, *gan*)[5], корн. *cans*, *gans*, брет. *gant* — все со значением 'с'. Кельтские формы естественным образом восходят к и.-е. **km̥t*- или **kn̥t*-. Если учесть случаи типа ср.-валл. *gantaw* 'с ним', *ganti* 'с ней', которые можно бы было интерпретировать как генетически тождественные хетт. *kat-ti-ši* 'с ним/ней' при предположении, что и.-е. **m̥* или **n̥* дает хетт. *a*[6], то станет понятно, почему роль кельтских примеров оказалась столь доминирующей и для объяснения др.-греч. κατά и анат. *kat*(*a*).

Как бы то ни было, в настоящее время существует достаточное количество аргументов, которые заставляют считаться — и это по меньшей мере — с альтернативным решением — и.-е. **kat*-. Эти аргументы можно почерпнуть из анализа отдельных фактов ряда индоевропейских языков и из более или менее широкой сферы типологических параллелей как общего, так и частного характера. И хотя пока нельзя говорить об окончательном решении вопроса о происхождении указанных слов, более правдоподобной представляется именно эта альтернативная точка зрения. В ряде случаев только она, видимо, может объяснить реальные факты. Цель этой заметки и состоит в приведении некоторых дополнительных соображений в пользу этой точки зрения [7].

Самое интересное в том, что именно кельтские факты позволяют усомниться в традиционном объяснении. В другом месте было высказано предположение, что вне всяких сомнений кельтское имя *Caticnos* в латинской таблице, найденной недавно в Риме и прочтенной Р. Эггером[8], должно быть сопоставлено с фесс. κατίγνειτος, гомер. κασίγνητος и под. и, вероятно, с микен. *kasikono*, обозначающими брата (или приятеля/?/, микен.)[9]. Сразу же было указано, что первая часть кельтского имени *Cati*- не может быть связана с **katu*- 'битва', 'бой'[10], предполагаемым

[5] Ср. и приглагольное употребление — валл. *can-fod* 'различать' (=ирл. *cétbuith*).

[6] Ср. В. В. Иванов. Указ. соч., стр. 215. Ср. также полные парадигмы типа ср.-ирл. *rium-sa* 'передо мной', др.-ирл. *remut* 'перед тобой' и т. п.

[7] См. В. Н. Топоров. О праславянском **kot*-. — ВСЯ, вып. 6, 1962, стр. 172—176.

[8] См. «Ogam», vol. 14, 1962, стр. 431—457. Имя засвидетельствовано в форме вин. п. *Caticnon*, 2-я и 3-я строки *recto*.

[9] О древнегреческих словах см. M. Lejeune. Hittite *kati*-, grec κασι — BSL, t. 55, 1960, стр. 20—26; P. Chantraine. Notes sur l'emploi homérique de κασίγνητος. — Там же, стр. 27—31; V. Pisani. Hom. κασίγνητος, kypr. κάς und Verwandtes. — KZ, Bd. 77, 1961, стр. 246—251; O. Masson. Notes épigraphiques. — «Glotta», Bd. 41, 1963, стр. 63—68; Frisk I, стр. 797 и др. Из более ранних работ ср.: F. B. J. Kuiper. Beiträge zur griechischen Etymologie. — «Glotta», Bd. 21, 1933, стр. 287.

[10] См. Chr. Guyonvarc'h. — «Ogam», vol. 14, 1962, стр. 461—462. Однако автор высказывает малоправдоподобное предположение — **Ca(t)icnus* 'fils de Cattus' с опущением одной из согласных в удвоении. Более удачна ссылка на галльск. **catos*, антропонимную основу неясного происхождения. Ср. еще кельт. *Catu-maros* при малоазиатск. Κατ-μαρος. См. L. Zgusta. Kleinasiatische Personennamen. Prag, 1964, стр. 218.

в ряде других кельтских антропонимов, в частности, в галльск. Κατοῦ-γνατος 'mit Kampf vertraut'[11]. Вскоре сопоставление галльск. *Cati-cnos* с древнегреческими апеллятивами было окончательно доказано[12]. Однако из этого сопоставления не были извлечены все выводы, в том числе наиболее интересные. Первый из них состоит в том, что из и.-е. **km̥t-* или **kn̥t-* в галльском ожидалось бы **Kant-* (др.-ирл. *cet-* и под.). Это отсутствие носового было признано «gênante», но естественного заключения об ином, нежели у кельтских *cet*, *cant*, *centet*, *gan*, *gans*, *gant* и т. п., происхождении *Cati-* в *Caticnos* сделано не было[13]. Второй вывод, весьма существенный для дальнейшего, заключается в несомненном наличии минимального индоевропейского фразеологизма, состоящего из элемента **kat-* и основы, восходящей к корню **g'en-/*g'n-* 'родить', и реально засвидетельствованного в др.-греч. κατα-γίγνομαι или более отдаленно — в лат. *cătŭlum gignĕre* 'рожать детеныша' (обычно о животных)[14] и, может быть, некоторых других примерах[15]. Наличие *Cati-* (в галльск. *Caticnos*) из и.-е. **kat-* заставляет вспомнить об остававшемся изолированным ср.-ирл. *caithid* (из **kateịeti*), первоначальное значение которого Ю. Покорный определил как 'бросает'[16], хотя оно засвидетельствовано лишь в среднеирландских текстах[17]. Несомненно, что к этому же кругу относится и иллирийское название бумеранга *cătēia*, которым в латинских источниках обозначается деревянное приспособление для бросания[18]. Таким образом, галльск. *Caticnos* своей первой частью позволяет установить бесспорную двустороннюю связь — как с др.-греч. κατά (через κασίγνητος), так и со слав. *kotiti* (*sę*) в значении 'метать' (='бросать'), 'родить' (ср. русск. *помет*, польск. *wykot*, чеш. *vrhati* mlád'ata, нем. Junge *werfen*, болг. *котило* — нем. *Wurf*, *Wurfstätte* и т. п. с общей идеей метания, бросания). Свидетельства, доставляемые

---

[11] См. K. H. Schmidt. — ZfceltPh, Bd. 26, 1957, стр. 167 и др.

[12] См. J. Pinault. Notes sur le vocabulaire gaulois. — «Ogam», vol. 15, 1963, стр. 388—390 (III. Gaulois *Caticnos*, Grec *katígnetos*, Hittite [*kati-*])».

[13] Впрочем, указывалось, что в галльском есть и другие случаи потери носового, ср. *cata-mantaloedis*, которое сближалось с др.-валл. *cant*, др.-ирл. *ceta-*, см. G. Dottin. La langue gauloise. Paris, 1920, стр. 106; J. Pinault. Указ. соч., стр. 390.

[14] Ср. умбр. *katel*.

[15] Если бы был найден убедительный способ сведения к единому источнику продолжателей и.-е. **g'en-* и праслав. **žena*, то вопрос о соответствующем фразеологизме в праславянском решался бы в зависимости от возможности сочетания **žena-* и **kot-* 'родить'.

[16] Ср. J. Pokorny. Gallo-lateinisch *cateia* 'Wurfholz, Bumerang'. — ZfceltPh, Bh. 20, 1936, стр. 428.

[17] Ср. подробнее: Hessens Irisches Lexikon. Kurzgefaßtes Wörterbuch der alt- und mittelirischen Sprache mit deutscher und englischer Übersetzung. Halle, 1933, Bd. 1, стр. 131 и след.

[18] См. J. Pokorny. Указ. соч.; H. Krahe. Die Sprache der Illyrier. Wiesbaden, 1955, стр. 117; W. Kaspers. — KZ, Bd. 67, 1942, стр. 218 и след.; P. Kretschmer. — KZ, Bd. 69, 1948, стр. 13 и др.

галльск. *Caticnos*, тем более ценны, что они независимым образом подтверждают связь между древнегреческими и хеттскими фактами, с одной стороны, и славянскими фактами, с другой стороны, установленную в другом месте и на иных основаниях. Использование и.-е. **kat-* как для обозначения ребенка (ср. *катыш*, *катышка*, *котыш*, *котышка* и под.[19], ср. лат. *cătellus*, *cătŭlus*[20], умбр. *katel*, может быть, ирл. *catt* как обозначение маленьких животных), так и в антропонимах (ср. *Покотило*, 1491 г., *Катилов*, 1644 г., *Коташ*, 1400 г., *Катунин*, 1504 г., *Катуня*, 1608 г., *Котена*, до 1490 г., *Котенин* и под.[21]) известно и в славянских языках. Вместе с тем не исключено, что тот же корень мог выступать и в ряде других случаев, допускающих, впрочем, и иное объяснение. Среди них — русск. *коте́ц*, укр. *коте́ць*, ц.-слав. котьць, болг. *коте́ц*, с.-хорв. *ко̏тац* (и *ко̑т*), словен. *kótəc*, чеш. *kotec* (и *kot*), др.-польск. *kociec*, польск. *kojec* и т. д. с кругом значений 'запруда для ловли рыбы', 'мрежа', 'кошель', 'небольшое помещение для мелкого скота или птицы' и т. д.[22] Не вда-

[19] См. Даль[4] II, стр. 242, 460 (ср. *кóтюр* 'мальчик', 'малый', 'парень'?).

[20] Несомненно, сюда же относятся и лат. *cătēna* 'цепь', 'оковы', 'непрерывный ряд' (ср. *sĕriēs rerum et cătēna*) и его производные (*cătēnātio*, *cătēnātus*, *cătēnārius* и под.). *Cătēna*, особенно в секральном употреблении этого слова (ср. *Cătēna Aurea* и под.), могло прилагаться к обозначению цепи предков, последовательности поколений (ср. *sĕriēs* 'ряд предков', 'род': vir hac *serie* dignus), ср. болг. *котило* 'животни от едно раждане', русск. *по-мет*, *по-рода* и под. Показательно, что лат. *cătŭllus* совмещает в себе и значение 'детеныш' (преимущественно — котенок, щенок и под.) и значение 'кандалы' ('цепь'). Ср. также использование этого корня в антропонимах (*Cătŭlus* и под.). Типологические параллели к кодированию одним и тем же элементом названия детеныша или отдельного члена коллектива и названия всего рода или цепи поколений приведены в другой статье.

[21] См. М. Н. Тупиков. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903, стр. 175 и след., 202 и след., 311, 567, 594 и след. Ср. *Котюрев*, *Котерин*, *Катырев*, *Катруша* и под. при *кóтюр* и др. О словах с элементом *-р-* от этого корня см. В. И. Георгиев. Въпроси на българската етимология. София, 1958, стр. 29. К сожалению, не всегда удается надежно определить источник подобного словопроизводства. В связи с элементом *-r-* при этом корне встает вопрос об италийск. **kater-*, отраженном в лат. *căterva* 'толпа', 'полчище', умбр. *kateram*, *caterahamo* (ср. далее ирл. *cethern* 'отряд'), ср. лат. *cătervātĭm* 'толпой', 'кучей' при *кóтюрем* 'кучей', 'ворохом', 'грудой' (наклали пирогов и шанег *кóтюрем* да стогом. Даль[4] II, стр. 460), ср. *кóтом* 'валом', 'кучей', 'в большом количестве', с.-хорв. *ко̏тар* 'плетень' (и *ко̏тар* 'уезд'), болг. *кóтора*, *кóтара*; с.-хорв. *котр̀-раты* и под. Характерно подчеркивание неупорядоченности, стадности в *căterva*. Ср.: Veg. 2, 1, 2: Galli atque Celtiberi pluresque barbarae nationes *catervis* utebantur in proelio... Romani legiones habebant; ср. в глоссе: *caterva* Gallorum lingua dicitur quod apud nos legio vocatur, CGL V 214, 217; Gallorum *caterva*, nostra legio. См.: Ernout-Meillet[3] I, стр. 187—188. К словообразованию и семантике см. *ăcervus* 'куча', 'толпа', 'множество', *ăcervātĭm* 'кучей', 'толпой', *acervare* 'собирать в кучу' и под.

[22] См. Фасмер II, стр. 351—352. Ср. с.-хорв. kôt : русск. *на-мет*. *пере-мет*.

ваясь в обсуждение более далеких и внешних этимологических связей, можно говорить об установлении внутренней связи с глаголом *kotiti*, о чем, помимо ряда других соображений, легко заключить по таким аналогиям, как нем. *fallen* 'падать' и 'родиться' (о животных) (ср. von dieser Stute sind zwei Füllen *gefallen*) и *Falle* 'западня' (ср. *падать — за-падня*), 'ловушка' или — особенно — лат. *cat-* в рассматриваемых выше словах и *casses* 'охотничьи тенета', 'звероловные сети' и т. п. (из **cat-*). Сюда же могли относиться *котýх* 'хлев для мелкого скота', *котомá*, *котóмка*, *котмá*, *котýль*, *коты́ль* 'сума', 'плетенка' (к сочетанию идеи порождения и плетения ср. лат. *catena*; ср. низать, *нанизывать*). На основании русск. *катóшить*, *котóшить* 'бить', 'сечь', 'валять' (ср. *катóршить* со сходным кругом значений?), *котя́шить* 'бить', 'колотить', *котóситься* 'ссориться', 'браниться', *кáтаница* 'порка', 'драка' и под. правдоподобно заключение о связи этих слов с *которá* 'ссора', 'распря' и его индоевропейскими соответствиями: галльск. *catu-* (*Caturīges*), ирл. *cath* 'бой', 'битва', ср. в.-нем. *hader* 'ссора', 'раздор', др.-в.-нем. *hadu-* (*Hadubrand*), др.-исл. *hǫð-* 'бой', 'борьба' и т. п. Сюда же следует прибавить лат. *casses* в значении 'козни' ('сети'), см. выше, и, может быть, лит. *katãryti*, *katãlyti* 'бить'[23]. Кажется, к этой же группе слов следует отнести и хеттский отыменный глагол *katteraḫḫ-* 'унижать' ('erniedrigen', 'zum Unterliegenden machen', Friedrich I, стр. 106; 'infériorise, rendre perdant', 'mettre dans la position d'inférieur' Benveniste, стр. 21, 24, 102), от *kattera-* 'низший' (при *katta-* 'вниз', 'внизу' и под.)[24], ср. типологические параллели к связи ссоры, оскорбления, нанесения обиды с н и з о м и, наоборот, похвалы, божбы с в е р х о м, небом или его обитателями (ср. лтш. *dievoties* 'божиться' и под.). В этом отношении привлекает внимание лидийский глагол *katsarloki* 'уничтожать' (?), 'проклинать'(?)[25]. Начальный элемент *kat-*, нередко встречающийся в лидийском и соответствующий анатолийским и древнегреческому **kat-*, придает слову противоположное значение; ср. лид. *serli-* 'начальство', 'руководство'

---

[23] Ср. лит. *katuliouti*, *katuriuoti* 'щекотать' при русск. *котышúть*, *катышúть*, *каты́шкать* *куты́шкать* 'щекотать', 'лескотать'. Не исключено, что в конечном счете с этим кругом слов связано и лит. *katěti* 'хиреть', 'чахнуть' (если верно сравнение с чеш. *chátrati* 'her u n t e r kommen', 'verf a l l e n' с эмфатическим *ch* из *k*, см. V. M a c h e k. Studie o tvoření výrazů expresivních. Praha, 1930, стр. 90, и след.; «Slavia» 16, 1938, стр. 177 и след., 209).

[24] См. É. B e n v e n i s t e. Hittite et Indo-Européen. Études comparatives. Paris, 1962, стр. 21, 24, 102. Ср. также *katta damaš-* 'niedeerdrücken'.

[25] Ср.: *katsarlokid*, 3 ед. ч. през.-футур. 23, 4; 23, 10; 24, 13; [*katsa*]*rlokid*, 17, 3. См. R. G u s m a n i. Lydisches Wörterbuch. Heidelberg, 1964, стр. 147; A. H e u b e c k. Une reconstruction indo-européenne. Idg. **sĕr-* 'oben'? — «Orbis» t. 13, 1964, стр. 264—267; В. В. Ш е в о р о ш к и н. Лидийский язык. М., 1967, стр. 52.

(собств. — 'верхи')[26], хетт. *šarli-* 'верхний', 'высший' (от *šēr*, *šarā* '(в)верх', 'вверху'), *šarlāi-* 'прославлять', лув. *šarlaimmi-* 'возвышенный' (ср. *šarri*) и т. д.[27]; этот же элемент представлен в малоазийской топономастике на Σαρ-; возможно, во фриг. ὄρου [: τὸ ὄρου τὸ ἄνω δηλοῦν Φρυγῶν ἴδιον, ὡς Νεοπτόλεμος ἐν ταῖς Φρυγίαις φωναῖς. — Из схолий], др.-греч. ῥίον 'горная вершина' (ср. Ῥίον в Мессении, линеарн. В *ri-jo*, из **Sri(i̯)on*, и под. с реконструкцией *ῥίον ὄρος 'верхняя, высшая гора', 'вершина горы'[28]; к этой же группе слов А. Хойбек относит и название одного из видов хлеба — хетт. *šaramna-* (производное на *-mno-*)[29]. Лид. *kat-sarloki-* представляет собой пример такой структуры слова, которая предполагает в источнике сочетание двух элементов префиксального типа с противоположными значениями: *kat-* 'низ' + *sar-* 'верх'. Ср. хетт. *katta-/n/ šarā* 'снизу вверх' и *šēr katta* 'сверху вниз' и под., хетт.-иерогл. SAR-*r-à* KAT-*ta* (ср. итал. *sottosopra* или нем. *drunter und drüber*), а также случаи двойного употребления *kat-*: хетт. *katkattii̯a-* 'untertauchen', *katkattinu-* 'u n t e rtauchen lassen', *katkattimma-*, отглагольное имя и т. п.[30] Сходное соотношение засвидетельствовано в индоевропейской фразеологии, описывающей движение солнца (или некоторых других светил), с той разницей, что **kat-* и противопоставленное ему **up-* входят в разные выражения, фиксирующие два противоположных момента солнечного движения — з а к а т и в о с х о д. Ср., с одной стороны, русск. *з а к а т солнца*, *солнце з а к а т ы в а е т с я* и под.[31]; др.-греч. ἠέλιος κ α τ έ δ υ, ἐς ἠέλιον κ α τ αδύντα (Гомер) и под., и, с другой стороны, хетт. ᴰUTU-uš *upzi* 'солнце восходит', ᴰUTU-uš *upta* 'солнце взошло'[32]; англ. the sun is *up* (ср. др.-англ. sunnan *ūpgange*, швед. *uppgång*, норв. *oppgang*, нем. *Sonnenaufgang* и под.)[33]; русск. солнце *вы-*

---

[26] Ср. лид. *śrfaśti-* 'верхний' (при *teśaśti-* 'нижний'). В связи с тем, что лид. *kat-sarloki-* начинается с двух элементов, соответствующих префиксам, —*kat-* и *-sar-*, ср. др.-греч. κατα-περί-ειμι 'далеко превосходить', καθ-άπερ, κατάπερ 'точно так же, как' и под. и др. Ср. также κάτ-αντα 'вниз с горы', ἄναντα καὶ κάταντα 'по горам и долам'.

[27] Ср. лик. *hri*, *hrzzi* и др.

[28] См. А. H e u b e c k. Указ. соч., стр. 265—267. Ср. атт. αἴρω (из **sr̥-i̯ō?*).

[29] Едва ли сюда же можно отнести русск. диал. *сромкий* 'громоздкий', 'высокий' (об укладке).

[30] См. F r i e d r i c h I, стр. 105, 106; A. K a m m e n h u b e r. Hippologia hethitica. Wiesbaden, 1961, стр. 333—334; P. M e r i g g i. Manuale di eteo geroglifico. Parte I. Roma, 1966, стр. 72; ср. Е г о ж е. Hieroglyphisch-hethitisches Glossar. Wiesbaden, 1962, стр. 72—73 и др.

[31] Ср. о солнце: кропивное колесо по-над лисом *котиться*; см. Н. И. К о с т о м а р о в. Историческое значение южнорусского народного песенного творчества. — «Собрание сочинений», кн. 8, т. 21. СПб., 1905, стр. 450. Ср.: ἐν μέσῳ κ α τ έλαμπε κ ύ κ λ ο ς ἀ ε λ ί ο ι ο (Еврипид).

[32] Ср. иер.-хетт. *a-pa-mi*, *a-pa-m²-a* 'восход' (о солнце), вероятно, из **upama-*; ср. индо-иран. *up-ama* при *up-ara*, гот. *uf-aro*.

[33] Ср. В. В. И в а н о в. Указ. соч., стр. 70—71; там же и другие важные наблюдения.

сится (из **ups-*) и др.[34] В связи с тем, что др.-греч. κατ- и слав. *kot-* используются для обозначения низа или движения вниз, заката солнца и рождения или родства, напрашивается типологическая параллель — ср. лит. *rietėti* 'катиться' и 'вылупляться' (о цыпленке;='родиться') при лтш. *rietēt* 'закатываться' (saulei *rietot* 'при закате солнца'), *riets* 'закат' (обычно о солнце); ср. лтш. *rietumi* 'запад' при лит. *rytaĩ* 'восток'. Иначе говоря, балт. **reit-* охватывает тот же круг значений, что и др.-греч. и слав. **kat-*.

По-видимому, значение низа было некогда актуальным и в ряде слов, использовавшихся для выражения действия 'лежать' и 'спать' в прямом и специальном, обозначающем соитие, смысле. Ср. др.-греч. κατα-λέγω, κατά-κειμαι, κατα-κοιμάω, κατα-κείω, κἄθ-εύδω (ср. гомер. ἔνθα κἄθεῦδε ἀναβάς), κἄθ-υπνόω и под.[35] при хетт. *katta(n) šeš-*, *katti šeš-*, ср. na-aš-za-aš ^{NA_4}- p[í-ru-ni] *[ka]t-ta-an še-eš-ta* 'и он поспал со скалой' KUB XXXIII 98 I+96 I+Bo 4746 (из «Песни об Улликумми»); ma-a-ua *kat-ti-ti še-eš-m[i]* 'если-де я с тобой посплю'. KBo III 7 I 25 и др.[36] С этими словоупотреблениями естественно сравнить не только слав. *kotiti* в значении 'родить', но и разные использования слов этого корня в специализированном смысле (*закатать*, *укатать*, *вкатить* и под., ср. обозначения женщин [обычно] легкого поведения с помощью *kat-*, не говоря уж о более общем использовании таких клише, как *перекати-поле* и т. д.). Вопрос о вторичности ряда этих значений в данном случае едва ли существен. Зато более важен другой вопрос — о том, как понимать *kat-* при соответствующих глаголах. Хеттские примеры *katti šeš-* 'спать с...', очевидно, перекликаются с лат. *co-gnātus*, через которое обычно объясняют и др.-греч. κασί-γνητος (ср. συμ-μίγνῡμι в сочетании с γυναιξί в Гомеровских гимнах). К тому же *katti šeš-* засвидетельствовано в текстах, начиная с более древнего периода, чем *katta(n) šeš-*. Не пытаясь решить этот вопрос здесь, сто́ит все-таки указать на обилие типологических параллелей, позволяющих предполагать (по крайней мере, в целом ряде случаев) развитие 'сошел к ней' (о соитии) > 'сошелся с ней'. Ср. совмещение в русск. *с* (*с-*) комитативного и отложительного (*с горы*, *сойти*, *спуститься*, *слезть*

---

[34] Ср. косвенно: *upary upari* sarveṣām āditya iva tejasā. «Наль и Дамаянти» I, 4 «как солнце блеском высоко над всеми», но др.-греч. ἠέλιος ἀνόρουσε (Гомер), ἅμ' ἠελίῳ ἀνιόντι (Диодор) и под.

[35] Ср. в этой связи др.-греч. κατα-μίγνῡμι при μίγνῡμι (о спаривании животных, ср. μίγνυται τῷ θήλει τὸ ἄρρεν у Аристотеля, и о любовной связи).

[36] Эти примеры (как и некоторые другие) были уже приведены В. В. Ивановым (Указ. соч., стр. 212, 252), обратившим внимание на важность их в связи с вопросом о происхождении *katta-* и под. О *katta-* и *šeš-* — см. также В. В. Иванов. Из истории индоевропейской лексики клинописного хеттского языка. — «Переднеазиатский сборник. Вопросы хеттологии и хурритологии». М., 1961, стр. 312 и след.

и под.) смыслов. Любопытно, что отложительное значение восстанавливается и для слав. *po* (как применительно к глагольному употреблению типа *po-iti*, *po-běg(a)ti*[37], так и к именам типа *по-коление*, *по-томок*, *по-мет*, *по-кот* и под.[38]). С выдвигаемой здесь точки зрения весьма существенно совпадение слав. *po-kot-* (ср. *po-kotiti*, *Покотилов* и под.) с последовательностью двух префиксов в лид. *fa-kat-vāmi-* 'willfahren, geneigt sein' (ср. хетт. *u̯emija-* 'находить', 'встречать')[39], из которых один точно соответствует префиксу слав. *po-*, а другой — корню *kot-*). Ср., с одной стороны, лид. *fa-karse-* 'разрушать', *fa-korfi-* 'повреждать', *fa-śfēn-* 'обладать', *fa-kantro-* 'подарить', *fa-baλko-* (неясно) и под., а с другой стороны, лид. *kat-sarloki-*, *kat-avi-*, *kat-of-*, *kat-u-*, *kat-os-*, *kat-aλre-* и др.[40] Семантический множитель 'низ' присутствует, видимо, во всех случаях употребления *kat-*, если только известно значение всего слова, куда входит этот префикс. О *kat-sarloki-* писалось выше. Лид. *kat-u-* 'n i e d erschreiben' и *kat-of-* 'I n schrift', 'Urkunde' не могут не вызвать ассоциаций с др.-греч. κ α τ α-γράφω (ср. тип англ. to write *down*, нем. *nieder*-schreiben и под.)[41], ср., впрочем, хетт. *ḫatrāi-*; более того, лид. *kat-ul* 'написал(и)', 3 л. ед. и мн. ч. претер., своим префиксом и флексией (*kat-. . .-l*) удивительным образом связывается с русск. (*на*)-*кат-ал* в значении 'написал' (*накатал* письмо и т. д.)[42].

Анатолийские языки обнаруживают и другие интересные с этой точки зрения слова. Так, не исключено, что лув. *katmarš-*

[37] См. I. N ě m e c. O slovanské předponě *po-* slovesné. — «Slavia» roč. 23, 1954, стр. 6 и след. Ср. характерные замены ст.-чеш. *po-biehati* (*čeho*) — совр. чеш. *od-bíhati*, *u-bíhati;* др.-русск. *по-ступати* — совр. русск. *от-ступать* и под.

[38] Ср. др.-инд. *ápatya-* 'потомство' (при *apa-* 'от', 'прочь') или англ. *offspring* 'отпрыск', 'потомок' (при *off*), англ. и франц. *descendant* 'потомок'. Несколько иной тип — др.-инд. *anvaya-* 'отпрыск' (при *anu-* 'после', 'в соответствии с. . .') и др.

[39] См. R. G u s m a n i. Указ. соч., стр. 119. В хеттских текстах поздней поры хорошо известны и другие типы сочетаний префиксов при глаголе.

[40] См. R. G u s m a n i. Указ. соч., стр. 145 и след.

[41] Значения 'с-писывать', 'с-писок' (κατα-γρᾰφή, κατά-λογος) или, по крайней мере, возможность передавать κατά при этом глаголе с помощью иноязычного префикса со значением 'с', могли бы быть одним из ряда примеров переосмысления 'низ' > 'с' в префиксальном употреблении. Ср. *нисходить* — *снисходить* и т. п.

[42] Весьма показательно использование элемента **kat-* для обозначения процесса н и с х о ж д е н и я некоей духовной или умственной сущности в человека. Эти обозначения нередко становятся принадлежностью специализированного языка медитации и транса. Ср. *накатило* в хлыстовском употреблении и κατάρτης, κατάρης 'срывающийся сверху' (ср. об ἄνεμος у Сафо), κάτ-ειμι в выражениях типа ἀνέμου κ α τιόντος μεγάλου (Фукидид); ср. также κατα-λαμβάνω для обозначения постижения умом, восприятия (ср. νοῦσος, ἥ μιν κ α τέλαβε. Геродот); κατα-νοέω в значении 'воспринимать', 'созерцать', 'мыслить'; ср. у Платона: τῷ κ α τ ανοουμένῳ τὸ κ α τ ανοοῦν ἐξομοιῶσαι — об уподоблении созерцающего созерцаемому, т. е. о том состоянии, которое в других традициях характеризуется как н и с х о ж д е н и е духа, открывающее тождество объекта и субъекта.

'cacare' (3 л. ед. ч. през. — *kat-mar-ši-it-ti* XXX 31 I 6) и хетт. *kamarš*- 'urinieren (?)', *gamaršuuant*- 'Harnblase (?)'[43] дают основание для реконструкции *kata*- и глагольного корня *marš*- (ср. лув. *ma-ar-ša-ta*, 3 л. ед. ч. претер.). В таком случае небезынтересно сопоставление с др.-греч. κατ-ομβρέομαι 'орошаться дождем', 'увлажняться', κάτ-ομβρος 'дождливый' и под. при др.-инд. *mr̥ṣṭá*- 'очищенный', 'чистый', словен. *mršéti* 'дождить' (о тихом дожде), русск. *моросить* и под. и русск. *окатить(ся)* из близкой семантической области[44]. Другой пример — лув. ^{GIŠ}*kattaluzzi*-, хетт. ^{GIŠ} *kattaluzzi*- 'порог'[45] (как нижний, так и верхний — притолока), ср. лув.: ... warša kuwatin ḫalal (25) | [a]-ta ḫalal ašdu za[š p]-arnanza (26) | DINGIR^{meš}-ninzi ḫuḫḫaršantinzi (27) | [kar?]ruša tiyammiš ḫ[um]matiš (28) | GUNNI-tiš ^{GIŠ}*kattaluzziša* (29) | [a]-ta ḫalal ašdu (30). KUB XXXV 54 III 25—30 '... Comme les gouttes (sont) pures; qu'ils soient purs, cette maison-ci, les dieux, les..., le..., le sol, le socle, le foyer, le s e u i l, qu'ils soient purs!' Префикс этого слова, как и значение слова в целом, может быть сопоставлен с русским названием порога — *пере-кат* (о дверном и речном пороге), а также с др.-греч. κατα-ρράκτης 'водопад', 'с к а т', 'пороги' (применительно к Аиду). Вместе с тем уместно напомнить о таких германских фактах, как нем. *Fall* 'паденье' и 'с к а т', 'уклон', 'водопад' (ср. *Wasserfall*) при *fallen* 'родиться' или англ. *fall* 'падение' и 'скат', 'уклон', 'водопад' (ср. *Niagara Falls*)[46], которые опять возвращают нас к тому же кругу значений в комплексе *kat*-. К употреблению префикса при основе, обозначающей 'порог', ср. лат. *sub-līmĕ(n)* 'высоко наверху', 'вверх', *sub-līmĕ* 'высота', *sub-līmis* 'высокий' при *līmĕn* 'порог', 'граница' (ср. *līmēs* 'межа', 'граница', *līmēs fluminis* 'речное русло'), а также различение *līmĕn infernum* и *līmĕn superum*[47]. В другом месте будут высказаны соображения о возмож-

---

[43] См. F r i e d r i c h I, стр. 97; É. L a r o c h e. Dictionnaire de la langue louvite. Paris, 1959, стр. 55 и 69; особенно: H. G. G ü t t e r b o c k. — «Oriens», vol. 10, 1957, стр. 350—362 (соображения в пользу значения 'cacare').

[44] Ср. лат. *catlītio* 'течка' из *catulītio* (ср. *cătŭlio* 'быть в состоянии течки', от *cătŭlus*), где и.-е. **kat*- вторичным образом используется для обозначения семантически связанных элементов.

[45] См. É. L a r o c h e. Указ. соч., стр. 54; H. O t t e n. Zum grammatikalischen und lexikalischen Bestimmung des Luvischen. Berlin, 1954, стр. 54; F r i e d r i c h I, стр. 105; е г о ж е. Luwische Kleinigkeiten. — «Corolla linguistica. Festschrift Ferdinand Sommer». Wiesbaden, 1955, стр. 46 и др.

[46] В этом смысле др.-греч. κατα-λύσις и κατα-λύω сопоставимы с англ. *let fall* (λύω и *let*, κατα и *fall*).

[47] Что касается *luzzi* в хетт. *kattaluzzi*-, то его происхождение остается темным. Впрочем, учитывая хетт. ^{GIŠ}*lutta*- 'окно' (от *luk*- 'светить', 'светать'), можно думать о связи этих двух слов. Ср. *порог* (дверной) и *порог*, *порожек* (оконный) и под.

ном объяснении лув. *kattawatnali-* 'мстительный', хетт. *kattawannali-* и под.

Принимая во внимание все эти и подобные им случаи, как и хорошо известные уже факты (κατά 'вниз', хетт. *katta/n/*, *katti*, хетт.-иерогл. *katuna-* 'нижний' и т. п.) [48], приходится констатировать, что не только нет сколько-нибудь серьезных препятствий для сравнения этих элементов со слав. **kot-* в **kotiti*, но, напротив, существуют многочисленные прямые и косвенные аргументы в пользу установления именно такой связи. Возникают два вопроса. П е р в ы й сводится к указанию того, каким образом индоевропейский источник др.-греч. κατ- и анат. *kat-* мог образовать глагол в славянском. Здесь следует отметить, что и.-е. **kat-*, если брать его историю в более широкой перспективе, весьма легко переходило из одного грамматического класса слов в другой. Будучи первоначально словом именного характера, **kat-* засвидетельствовано как наречие-преверб, префикс и предлог в известных текстах разных языковых групп (то же относится и к целому ряду других именных основ, давших начало системе превербов, предлогов и префиксов). Более того, нет положительно никаких оснований сомневаться в возможности образования слав. **kotiti* из и.-е. **kat-* ввиду уже приводившегося хеттского глагола *katkattii̯a-*, *katkattinu-*, *katkattenu-*, в основе которого лежит то же *kat-*, предшествуемое префиксом *kat-* [49] (ср. выше о *katteraḫḫ-*). Иначе говоря, хетт. *kat- katt-ii̯a-* формально точно соответствует русск. *кóтом кóтится*, *котмя́ кóтится* [50] (включая словообразовательные детали). Характерно, что и в славянских языках комплекс *kot-* весьма легко выходит за границы данного грамматического класса слов. В т о р о й вопрос, лишь косвенно относящийся к данной теме, связан с фактом наличия у продолжателей и.-е. **kat-* не только значения 'низ', но и 'с' (в комитативном смысле) [51]. Известно множество примеров, когда в слове

---

[48] При том, что иран. **kata-* (авест. *kata-* 'землянка', перс. *kad* 'дом', осет. *kæt* 'конюшня' и т. д. обычно возводятся к причастию от *kan-* 'рыть' или 'насыпать' (**kn̥ta-*), ср. также др.-греч. *κατα-τυμβος, реконструируемое на основании латинского заимствования *catacumba* и обозначающее 'подземелье' (ср. значение авест. *kata-*). Ср. также русск. *котух* 'хлев' (ср. осет. *kæt* 'конюшня'). Естественно, что такие совпадения в области культурного словаря в двух связанных друг с другом ареалах (греческий и иранский) должны также приниматься в расчет, несмотря на трудности фонетического характера.

[49] Ср. сходные образования: **per* — **per-ti*, **ter* — **ter-ti* и под. в разных индоевропейских языках.

[50] Ср. отчасти А. С. Л ь в о в. О славянских словах с корнем *kat-/kot-*. «Этимологические исследования по русскому языку». Вып. II. М., 1962, стр. 104—105.

[51] Не вполне ясно, относятся ли сюда такие примеры, как тадж. *kati* (*qati*), выступающее обычно в постпозиции (реже в препозиции) и указывающее на совместность, взаимность, орудийность (существуют и другие значения *kati*), шугн. *qati*, руш.- хуф. *qatay*, бартанг. *qatī*, сарык. *qati*, язг. *qatáy*,

со значением 'низ', 'под' появляется значение совместности (ср. нем. *unter* die Räuber geraten 'попасться в среду грабителей' > 'оказаться с грабителями', *unter* Tränen 'в слезах' > 'со слезами' и под.). Еще более случаев, когда слово со значением направления приобретает способность указывать и на совместность (ср. лат. *ad* и франц. *à*: tablier à bavette 'передник с нагрудником' и под. или общетюркский комитатив, образуемый элементом *-l-*, указывающим на совместность, за которым следует показатель директива [52]). Наконец, вообще можно говорить о тенденции к выработке совместного значения при изменении ранга конструкции, ср. тип N_1 есть (находится) п р и, о к о л о, в, н а и т. п. N_2 > N_2 с (совместность) N_1 есть (находится)..., например, дыра на платье > платье с дырой и т. д. (некоторой аналогией могут служить известные в тюркских языках способы построения сложно-подчиненного предложения с помощью падежных флексий, прибавляемых к глаголу). Обращает также на себя внимание и тот факт, что служебные слова со значением совместности весьма часто возникают вторично из глаголов определенной семантики (чего никак нельзя сказать в отношении **kat-*), ср. тюрк. *birlä* 'с', 'и' при *bir+i-l-* 'соединяться' [53]; абазин. *ма* 'с' (йылабà *йыма* 'он со своей палкой') при глагольной основе *ма-* со значением 'иметь' [54]; кхмер. *уэ:к* 'брать' в служебном употреблении [55]; сельк. *таттъго*, *тадъргъгу* 'носить' для передачи тех же отношений [56] и т. д. Учитывая такого рода факты, следует заключить, что значение совместности, появляющееся в хетт.

ишк. *qatí*, вах. *kᵊti*, *kʌti*, мундж. *qati*; ягноб. *katí*, *kattí*, *qati* 'совместно с ...', 'при помощи ...'; слово известно и за пределами иранских языков, ср. шина *gʌti*, буруш. *gʌti*, верш. *kàt*, *khàṭ*. Может быть сюда же иран. диал. (габри) *xad*, *xado*, *xade* 'вместе с ...'. Недавно эти факты были соотнесены с осет. *xäccä* (ср. *ämbali xäccä* 'с товарищем'). См. И. М. О р а н с к и й. Тадж. *kati/qati* — осет. (диг.) *xäccä*. — «Актуальные вопросы иранистики и сравнительного индоевропейского языкознания». М., 1970, стр. 35—37.

[52] Ср. Б. А. С е р е б р е н н и к о в. О некоторых проблемах исторической морфологии тюркских языков. «Структура и история тюркских языков». М., 1971, стр. 279. Ср. сходное развитие уравнительного падежа.

[53] Ср. A. von G a b a i n. Alttürkische Grammatik. Leipzig, 1950, стр. 136; Г. И. Р а м с т е д т. Введение в алтайское языкознание. Морфология. М., 1957, стр. 54—55. Интересно, что *birlä* включается в обозначение рассвета, восхода солнца (см. выше), ср. караим. *tanbyla* 'рассвет' (из **taŋ birlä*), *tanbyla-da* 'на рассвете'. Ср., однако, Л. Лигети.— ВЯ, 1971, № 3, стр. 28.

[54] См.: А. Н. Г е н к о. Абазинский язык. Грамматический очерк наречия Тапанта. М., 1955, стр. 176.

[55] См.: Ю. А. Г о р г о н и е в. Кхмерский язык. М., 1961, стр. 66.

[56] См.: Н. М. В о е в о д и н а. Употребление селькупского вспомогательного глагола 'носить'.—«Происхождение аборигенов Сибири и их языков». Томск, 1969, стр. 69—71 (ср. также: канан пол'е *тадъргът* 'собака щенится').

kattimi 'со мной' и под., возможно, в др.-греч. κασίγνητος [57] (ср. *co-gnātus*, *со-родич*, *с-родник*, *со-брат* и т. п.) [58], никак не препятствует признанию древности (притом, видимо, преимущественной) значения 'низ', 'вниз(у)' и под. в и.-е. **kat-* и его продолжателях. Во всяком случае именно оно наиболее независимо и устойчиво сохранялось за этим элементом. Вхождение же **kat-* с этим значением в целый ряд общих фразеологизмов с участием анат. *kat-* и др.-греч. κατά, с одной стороны, и слав. *kotiti* и т. п., с другой, обеспечивает надежность предлагаемого здесь сопоставления.

Корректурные дополнения

1. В. М. Иллич-Свитыч относит авест. *kata-*, слав. **kotъ*, **kotьсь* и под., гот. *heþjō* к и.-е **ket-* '(плетеное) сооружение', 'сосуд' и далее к ностратич. **ḳadʌ* 'сплетать (из прутьев)'. См. В. М. Иллич-Свитыч. Соответствия смычных в ностратических языках. «Этимология. 1966». М. 1968, стр. 327; Он же. Опыт сравнения ностратических языков. М., 1971, стр. 316—317. Ср. Skok II, стр. 168.

2. К объяснению хетт. *kattawannalli-*, лув. *kattawatnali-* ср.: É. Laroche. Études de linguistique anatolienne. — RHA, t. XXIII, fasc. 76. 1965, стр. 51; из **kattawatar*, от прилагательного **katu-*(ср. *idalawatar* — *idalu-*), ср. др.-греч. κότος.

3. К русск. *катятся слезы* ср. др.-греч. κατείβω 'лить слезы' из **kat-* и **eigᵘ̯ō* (из **eugᵘ̯ō*); о последнем см.: W. A. Borgeaud. Homerique (κατ)είβω 'verser (des larmes)'... — IF 74, 1969, стр. 139—146.

---

[57] Впрочем, и внутренняя форма κασίγνητ- иногда оказывалась неясной и нуждалась в новых уточнениях, ср. σύγ-κασιγνήτη '(родная) сестра', σύγ-κασις (у Еврипида) и под.

[58] Естественно, что в такого рода образованиях выступали и другие префиксальные элементы. Ср. кельт. **eni-genā* 'дочь', 'девочка' (галльск. имя *Eni-genos*, огам. *inigena*, др.-ирл. и ср.-ирл. *ingen*, совр. ирл. *inghean*, мэнск. *inneen*; лат. *Enigenus*). См.: Vocabulaire du Vieux-Celtique. — «Ogam», t. 6, 1954, стр. 47.

Вяч. Вс. Иванов

РАЗЫСКАНИЯ В ОБЛАСТИ АНАТОЛИЙСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ 1а—2

1а. Еще раз об этимологии хеттского названия вечнозеленого дерева ei̯a-

В первой из статей настоящей серии предлагалась такая этимология хеттского названия вечнозеленого дерева *ei̯a-* — культового символа бога плодородия, — которая связывала его с общеиндоевропейским названием «вечности» (лат. *ae-u-om* 'век', гот. *ai-w-s* 'время, вечность' и т. п.) [1]. Не отказываясь от возможности такой связи на древнейшем прединдоевропейском уровне, автор в дальнейшем, учитывая и сделанные по поводу семантической стороны предложенной этимологии критические замечания [2], предложил более точное для значительно более поздней диалектной индоевропейской эпохи сопоставление с тем общеиндоевропейским названием дерева, к которому восходит русск. *ива*,

---

[1] Вяч. Вс. Иванов. Разыскания в области анатолийского языкознания. 1. Возможное отражение индоевропейского названия «вечности» в хеттском языке. Сб. «Проблемы индоевропейского языкознания». М., 1964, стр. 40—44; см. также он же. Хеттский язык. М., 1963, стр. 28. В сходном контексте, хотя и значительно более осторожно, это название вечности в связи с *ei̯a-* упоминает в своей недавней книге П. Фридрих: P. Friedrich. Proto-Indo-European trees. Chicago, 1970, стр. 125, примеч. 25 (указанная статья автора П. Фридриху оставалась неизвестной). Автор приносит благодарность П. Фридриху и Т. В. Гамкрелидзе, познакомившим его с этой книгой. Об индоевропейском характере *ei̯a* ср. B. Rosenkranz. Zu einigen landwirtschaftlichen Termini des Hethitischen. Jahrbericht van het Vooraziatisch-Egyptisch Genotschapp «Ex Oriente lux», N 19 (1965—1966), Leiden, 1967, стр. 500, примеч. 3.

[2] V. Pisani. Relitti «indomediterranei» e rapporti greco-anatolici.— AION, VII, 1966, стр. 47. Предложенное самим Пизани сравнение с русск. *ель* и т. п. фонетически трудно обосновать; с семантической же стороны Пизани, вероятно, имел в виду (хотя бы и бессознательно) то типологическое сравнение функций дерева *ei̯a-* и рождественской ели, на которое автор указывал как в упомянутых выше работах, так и в некоторых других (см. «Хрестоматию по истории Древнего Востока» под ред. В. В. Струве. М., 1963, стр. 326). Но это сходство является чисто функциональным и не может быть привлечено для исторических сопоставлений, так как религиозная роль рождественской ели в славянских областях объясняется как вторичное нововведение, см. описание механизма эволюции этого символа: П. Г. Богатырев. Рождественская елка в Восточной Словакии. — В кн. П. Г. Богатырев. Вопросы теории народного искусства. М., 1971, стр. 387—392, ср. там же, стр. 26—27, примеч. 3.

с.-хорв. *йва*, чеш. *jíva*, лит. *ievà* 'черемуха' [3], лтш. *iẽva*, ирл. *ēó*, ср.-валл. *ywen* 'тисс', греч. *ὄα*, *οἴη* 'рябина', арм. *aigi* 'виноградник'. При этом особый интерес для сопоставления с *ei̯a* имеют древнегерманские слова этого корня [4]. С семантической стороны, как это отметил П. Фридрих, предложивший эту же этимологию независимо от автора, особенно существенно то, что тисс, обозначавшийся др.-в.-нем. *îwa* и родственными словами, участвовал в различных церемониях в качестве материала, из которого изготовлялся судебный жезл, а также использовался для защиты от колдовства; тисс сажали на кладбищах [5]; наконец, из тисса изготовляли лук, который судя по многочисленным параллелям мог быть культовым символом у германцев так же, как у кельтов [6], название тисса или изготовлявшегося из него лука использовалось в ритуальном смысле как обозначение руны: др.-англ. *eoh*, *íh*, др.-исл. *ýr*, которое в руническом норвежском поэтическом тексте определяется как *vetrgrønstr viđa* 'самое зеленое из деревьев в течение зимы' [7], что соответствует наиболее характерному признаку дерева *ei̯a-*, которое судя по архаическому хеттскому ритуальному тексту KUB XXIX 14, 1 7—21, «вечно зеленеет (*ukturi i̯i̯at-ni̯i̯an*) и листьев прочь не сбрасывает» [8]. Обряд сажания тисса, связанного у германцев с культом и со сверхъестественным [9],

[3] Первоначально **íeva*: В. М. Иллич-Свитыч. Именная акцентуация в балтийском и славянском. М., 1963, стр. 68, ср. о славянском там же, стр. 149—150.

[4] Данная этимология предложена впервые в статье: В. В. Иванов. Заметки о типологическом и сравнительно-историческом исследовании римской и индоевропейской мифологии. «Труды по знаковым системам. IV». («Ученые записки Тартуского Государственного университета», вып. 236). Тарту, 1969 (в дальнейшем сокращенно: Зам.), стр. 66, см. об этом и других названиях деревьев также в статье автора: В. В. Иванов. Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от *aśva-* 'конь' (жертвоприношение коня и дерево *aśvattha* в древней Индии) — печатается в сборнике памяти В. С. Воробьева-Десятовского.

[5] P. Friedrich. Указ. соч., стр. 124—125.

[6] О древнеирландской символике (и ее возможном влиянии на позднейшую английскую поэзию) см. в особенности E. O'Higgins. Blake's *Joy of the Yew*. «The Dublin magazine», vol. XXXI, 1956, № 1, стр. 27, где предположена двоичная система классификации «мужских» и «женских» деревьев в огамической традиции, имеющая многочисленные типологические параллели.

[7] R. I. Page. The Old English rune *eoh*, *íh* 'yew-tree'. — «Medium aevum», vol. XXXVII, 1968, № 2, стр. 126, см. там же об исландском *bendr bogi* 'согнутом луке'.

[8] См. В. В. Иванов. Разыскания в области анатолийского языкознания, 1, стр. 40. Текст считается древнехеттским: A. Kammenhuber. Die Sprachstufen des Hethitischen. — KZ, Bd. 83, 1968, H. 2, стр. 260—261. Относительно связи вечнозеленого *ei̯a-* с богом грозы и царем ср. В. Г. Ардзинба. Хаттские истоки социальной организации древнехеттского общества. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1971, стр. 15.

[9] C. L. Wrenn. Magic in Anglo-Saxon cemetery. — «English and medieval studies. . . presented to J. H. R. Tolkien». London, 1962, стр. 309;

точно соответствует такому же обряду, символизирующему в § 50 хеттских законов освобождение жителей жреческого культового города Аринна (центра поклонения Солнечной богине) от повинностей: nu apel É. *ZU* kuela ^{GIŠ}eịan aškišši šakuụan arauụan 'и дом того, у которого в воротах [10] виднеется [11] дерево eịa-, свободен'. В документе средне-хеттского периода, составленном от имени царицы Асмуникал, тот же обряд символизирует освобождение от повинностей «привратников» (LU^{MEŠ} *ḫilammeš*, образовано от *ḫilammar* 'ворота') Каменного дома (ритуального установления, связанного с усыпальницей хеттских царей): nu-šmaš-kan pian (= piran)^{GIŠ} eịan artaru para-ma-(a)š-kan le kuiški tarnai GUD$^{ḪI.A}$ -ịa- šmaš UDU$^{ḪI.A}$ le kuiški appatriịazi nat-kan ḫumantaza araụeš ašandu 'перед ними [12] пусть дерево eịa- будет воздвигнуто, никто

Он же. Some earliest Anglo-Saxon cult symbols. «Franciplegus. Medieval and linguistic studies in honour of F. P. Magoum», ed. by J. B. Bessinger and R. P. Creed. L.—N. Y., 1965, стр. 45.

[10] О форме локатива в этом месте законов см. V. Souček. Zur Sprache der hethitischen Gesetze. — AO, t. 38, 1970, f. 3, стр. 273. Хетт. *aška*, вероятно, заимствовано из хаттского, ср. *kaškaštipa* 'ворота' при *kaštip* в хатти.

[11] В точности аналогичный контекст, окончательно доказывающий этот перевод, указан по отношению к оливковому дереву (^{GIŠ}*šamana*): H. G. Güterbock. Oil plants in Hittite Anatolia. «Journal of Near Eastern Studies», vol. 88, 1968, № 1, стр. 67—68 и прим. 10 — šakuụan eštu 'да будет видимым, заметным', KUB XVII 10 II 16 (характерно, что *šamana* в KUB XVII 13 II 1—13 упомянуто в связи с царем и царицей, как это обычно для *eịa-*).

[12] Предположение Гетце (A. Goetze. On § 163, 164/5 and 176 of the Hittite Code. — JCS, vol. XX, 1966, N 3—4, стр. 131, прим. 31), что здесь следовало бы ждать формулы 'перед их домами' едва ли верно: в параллельном месте законов речь идет не о доме, а о воротах дома. В данном же тексте ворота являются основным лейтмотивом, т. к. особая функция привратников определяется именно тем, что они находятся при вратах или при дверях, ср. «Наставления служителям храма» (KUB XIII 4 III 13 и след. с дубликатом: P. Hulin. A new duplicate fragment of the Instructions to temple officials. — «Anatolian studies», vol. XX, 1970, стр. 156—157): namma-ma kuieš $^{LÚ.\ MEŠ}$SANGA nu-za kuiš *ŠA* K [Á] É DINGIR^{LIM} ešdu nu-za É DINGIR^{LIM} paḫšari 'потом же, из тех, которые являются жрецами, тот кто да будет при дверях (вратах) храма, храм он будет охранять'. Типологические параллели обнаруживаются не только в древнееврейской литературе (что указано в работе: J. Milgron. The shared custody of the Tabernacle and a Hittite analogy. — JAOS, vol. 90, 1970, № 2, стр. 205 и далее), но и в других древнеближневосточных текстах, в частности, угаритское ṯgr обозначало социальный ранг привратников, получавших земельный надел за исполнявшиеся ими службы: М. Л. Гельцер. Социальное деление свободных слоев населения в Угарите XIV—XIII вв. до н. э. — «Проблемы социально-экономической истории древнего мира. Сборник памяти А. И. Тюменева». М.—Л., 1963, стр. 70; J. F. A. Sawyer and F. R. Stephenson. Literary and astronomical evidence for a total eclipse of the sun observed in Ancient Ugarit on 3 May 1375 B. C. — «Bulletin of the School for Oriental and African Studies» (далее сокращенно BSOAS), vol. XXXIII, pt. 3, L. 1970, стр. 471. Из индоевропейских параллелей

не должен требовать от них (повинностей или платы), никто не должен привязывать быков (крупный рогатый скот) или овец (мелкий рогатый скот), пусть они будут ото всего свободны' KUB XIII 8 obv. 9—11. Обряд символизирует то, что от «привратников» никто ничего не может требовать вовне — *para* 'наружу'; это же слово дальше в тексте употребляется и по отношению к запретам таких брачных связей, при которых из привратников наружу — *para* — брали бы «юношу или девушку как невесту или как зятя», входящего внутрь чужого дома (там же, 13—15), иначе говоря, брачные отношения должны быть асимметричными, как и повинностные: разрешается только брать невест извне внутрь каменного дома [13]. Но вместе с тем из приведенного текста следует, что и на само дерево eịa- наложены ритуальные запреты: к нему нельзя привязывать скот. Точную типологическую параллель хеттским обычаям представляет воздвижение дерева rewe у дома арауканской шаманки [14]. При этом согласно сведениям старых испанских хроник и грамматикам старинного арауканского языка, некогда дерево rewe было знаком подразделений племени, воздвигавшимся на подобие флага [15]. Поэтому здесь, как и в других подобных случаях, можно видеть переосмысление символа подразделения племени в качестве позднейшего знака социального ранга (шаманского или жреческого). Другую аналогию представляют обряды Бенина, где перед домом сажали дерево икхими — символ женского божества Земли Отау [16].

В свете данной этимологии привлекает внимание то, что и в других индоевропейских традициях деревья, обозначаемые словами этого корня, были связаны с ритуальными функциями. Это относится не только к лат. *ūva*, если оно действительно принадлежит к этой же группе слов [17], но и к славянскому названию ивы. Описывая культовое использование деревьев у славян, Потебня

ср. др.-инд. *dvārapālakatva* 'служба стража ворот' и греч. φύλακες 'стражи' в качестве названия одного из 4 социальных рангов в предании, сохраненном Страбоном: E. Benveniste. Le vocabulaire des institutions indo-européennes. 1. Economie, parenté, société. Paris, 1969, стр. 289.

[13] К типологии таких «асимметричных обменов брачными партнерами» при наличии социальных рангов ср. C. Lévi-Strauss. Les structures élémentaires de la parenté. 2 éd., the Hague—Paris, 1967; E. P. Leach. Political systems of highland Burma. 2 ed., Boston, 1965, стр. 83 и далее; N. Yalman. Under the Bo Tree. Berkeley and Los Angeles, 1967, стр. 177 и след.; J. van Baal. The part of women in the marriage: objects or behaving as objects. — «Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde», deel 126, 3e Aflevering, 1970, стр. 301 и след.

[14] A. Métraux. Religions et magies indiennes d'Amérique du Sud. Paris, 1967, стр. 191—192 и след.

[15] P. P. J. Augusta. Diccionario Araucan-Español y Español-Araucano. Santiago de Chili, 1916, стр. 197.

[16] Ср. о священных деревьях в ритуале H. Melzian. Zum Festkalender von Benin. «Afrikanistische Studien», Berlin, 1955, стр. 105.

[17] P. Friedrich. Указ. соч., стр. 121 и 125.

отмечал, что ивовые прутья, например, у чехов могут заменять вербовые, образуя культовый символ — pomlázka [18]. Ритуальная роль является общим функциональным признаком всей данной индоевропейской группы слов.

Хеттское *eḙa-* и его германские соответствия имеют, по-видимому, решающее значение для установления древнейшего морфологического членения этого названия. В германских языках представлены дублеты с заднеязычным и **w*, которые чаще всего объясняли праформой с лабиовелярным типа **īχwaz*, **īgwaz* [19]. Однако Шпехт [20], а вслед за ним и де Фриз [21], предполагает наличие двух вариантных форм, образованных от корня **ei-* посредством суффиксов **-u-* и **-k*. Поскольку в хеттском языке нельзя ожидать исчезновения **-u-* после **-i-* или дифтонга на **-i-*, *eḙa-* следует признать производным от того же корня, что и все перечисленные имена, но без суффикса **-u-*; но при этом тип основы в хеттском и других языках совпадает: конечное *-n-* в древнехеттских формах типа *eḙan* напоминает одну из приведенных кельтских форм — на **-n-*, другие же хеттские формы могут соответствовать основе на **-ā* в балтийском, славянском, греческом.

2. Лувийское kaši и ст.-слав. господь, лув. ariḙatali- и др.-инд. arí

В ритуальном употреблении лув. *kaši* в ритуале Туннави в сакральной формуле, обращенной к богу Грозы — Тархунтасу, уже приходилось отмечать возможное соответствие первому элементу славянского **gos-* в **gos-podь* и в других родственных словах в других индоевропейских языках [22]. Для подтверждения этой гипотезы следует привести следующие дополнительные аргументы. В этом же обращении к Тархунтасу к нему применен эпитет *ariḙattališ*, видимо, содержащий тот же именной суффикс, что и лувийские прилагательные типа *muḙa-tali* 'могущественный'

---

[18] А. А. Потебня, О купальских огнях и сродных с ними представлениях — в кн. А. А. Потебня. О некоторых символах в славянской народной поэзии. Харьков, 1914, стр. 185. Этимология названия этого символа в статье Потебни неверна, ср. Holub — Kopečný, стр. 286; Machek[1], стр. 383 (*pomladiti*, *zmladiti*). Автору на культовую значимость ивы в славянском фольклоре в связи с обсуждением данной этимологии указал В. Н. Топоров.

[19] См. подробную библиографию в статье R. I. Page. Указ. соч., стр. 122.

[20] F. Specht. Der Ursprung der indogermanischen Deklination. Göttingen, 1944, стр. 63. Ср. др.-инд. *eka* < **oi-ko-* при др.-перс. *aiva* < **oi-vo-* 'один': W. P. Schmid. [рец. на кн.] W. Brandenstein—M. Mayrhofer. Handbuch des Altpersischen. — IF, 69 Bd., 1964, 3 Heft, стр. 204.

[21] de Vries, s. v. ýr.

[22] См. об этом лувийском тексте и его переводе: В. В. Иванов. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965, стр. 39; Он же. Зам., стр. 46 и примеч. 6.

(эпитет, приложимый к богу и царю), *ḫuḫa-tali* 'дедовский'. Основа *ari(i̯a-)* скорее всего представляет собой типичное для лувийского образование на *-i-* при хеттской основе на *-a-* в *ara*, *Ara*, которое, как показал Бенвенист[23], по своему значению точно соответствует др.-инд. *arí*, *ărya-*. Особый интерес представляет использование хеттского имени бога ^{d}Ara (с детерминативом имени бога) в начале и конце восьмисложного метрического ритуального текста той же структуры, которая устанавливается и для других древнехеттских метрических текстов[24]:

ku̯it-u̯a-šši ku̯it eššau̯eni	'Что мы для него ни делай,
nu-u̯ar-at-ši ara ešdu	Все ему на благо будет'.

В самом этом тексте слово *ara* использовано в значении 'благо', являющемся в хеттском языке основным. Но в хеттском, как и в индоиранском, это слово было связано с обозначением взаимности, как это убедительно показано Бенвенистом на основе сочетания *araš aran* 'друг друга'; сравнивая хеттское сочетание со славянским, Бенвенист отмечает, что славянские обозначения «друга» и «другого» связаны точно так же, как хеттские и индоиранские образования типа хетт. *ara-*, др.-инд. *arí-*. Развивая более детально свою интерпретацию др.-инд. *arí* в недавно изданных лекциях об индоевропейских древностях, Бенвенист отмечает, что в согласии с выводами П. Тиме значения 'друг' и 'враг' у *arí* (которое в «Ригведе» может относиться и к богам, например, к Индре, RV, X, 28, 1, ср. также индо-иранское имя бога *Aryaman*) следует связывать друг с другом так же, как значения лат. *hostis* 'хозяин' и 'враг'[25] и других родственных слов типа русск. *гость*.

В своей книге, впервые наметившей путь к пониманию этого термина как обозначения взаимности, П. Тиме указал, что вед. *arídhāyas* 'чествующий чужого — гостя' можно сопоставить с греч. гомеровск. ἐριθηλής 'пышный, роскошно распускающийся, в полном цвете', E 90 (из 'предоставляющий гостю сень, усладу, освежение'?)[26]; гипотезы Тиме относительно греческих слов с начальным ἐρι были подтверждены обнаружением микенского греческого собственного имени *e-ri-ke-re-we*, правдоподобно истолкованного

---

[23] E. Benveniste. Hittite et indo-européen. Paris, 1962, стр. 108—110.

[24] В. В. Иванов. Заметки по сравнительно-исторической индоевропейской поэтике. «For Roman Jakobson». The Hague, 1967. Цитируемый текст приводится по изданию H. Otten. Hethitische Totenrituale. Berlin, 1958, стр. 98. (Неслоговость *u̯* в *ku̯it* следует из метрических соображений и подтверждается диахроническими данными.)

[25] E. Benveniste. Le vocabulaire des institutions indo-européennes. 1. Économie, parenté, société, стр. 370—373. Ср. В. И. Абаев. Из истории слов. — ВЯ, 1958, № 2, стр. 113—115.

[26] P. Thieme. Der Fremdling im Ṛgveda. Leipzig, 1938, стр. 165; этимология не является общепризнанной: Mayrhofer I, стр. 49.

как *'Ερικλέης, родственного составным частям вед. aryáḥ. . · śravām ṣi [27]; разительную аналогию этому сочетанию внутри собственного имени представляет славянское сочетание *gostь+slavъ внутри собственного имени [28] типа *Гостеслав(ъ)*, последний элемент которого этимологически, а первый — семантически тождествен греческо-арийскому. Более проблематичным представляется полное тождество греч. ἐριθηλής и *ariįattališ*, т. к. в последнем случае при сохранении этимологии Тиме пришлось бы это слово, встречающееся только в одном месте ритуала Туннави, скорее всего считать не лувизмом, а результатом взаимодействия хеттского языка с языком греческого населения Малой Азии или шире — Эгейского мира в целом (если, отказавшись от этой этимологии Тиме, не предположить, что вторая половина греческого слова не явилась сама результатом народно-этимологического переосмысления более древнего производного, структура которого была забыта после изменения древнего значения *ἐρι). В производных типа гомеровского эпитета богинь ἐρι-κῡδής 'преславная, прекрасная' (λ 576) можно видеть подтверждение более несомненного тождества первых половин греч. ἐρι-θηλής и лув. *ariįa-talli* в качестве эпитета бога. Особый интерес представляет ἐρῐ-ούνης 'раздаятель благ' в качестве эпитета Гермеса (Ω 360), по Тиме [29] соответствующего вед. *riśā́des* — 'пекущийся о госте'. Наименование бога как 'раздаятеля благ' было бесспорно характерно для целого ряда индоевропейских диалектов — не только индо-иранских, где, судя по согд. *Vaγ*, видимо, в некоторых текстах функционально соответствующему др.-инд. *Bhaga* [30], это употребление основы *bag-* сохранялось достаточно долго (что важно и для датировки соответствующих фактов славянских языков, объясняемых иранским воздействием), но и для армянского [31] и греческого [32]. Для хеттского языка обозначение бога как доли следует из при-

---

[27] R. Schmitt. Dichtung und Dichtersperache in indogermanischer Zeit. Wiesbaden, 1967, стр. 132—133, § 242.

[28] См. В. В. Иванов, В. Н. Топоров. К реконструкции праславянского текста. «Славянское языкознание». М., 1963, стр. 127 и 129 (табл. 4, №№ 5 и 64).

[29] P. Thieme. Указ. соч., стр. 158.

[30] W. Henning. A Sogdian god. — BSOAS, vol. XXVIII, 1965, pt. 2, стр. 249 и след.; о совмещении этого значения с более общим значением согд. *bγ* 'бог' см. С. Г. Кляшторный, В. А. Лившиц. Согдийская надпись из Бугута. Сб. «Страны и народы Востока», вып. X. М., 1971, стр. 133—134, примеч. 18. Ср. также P. Ramat. I problemi della radice Indoeuropea *bhăg-*. — AION, 5, 1963, стр. 48 и сл. Относительно ирано-славянского соответствия в основе слав. **pora*, ир. *păr*, синонимичной **bogъ*, **baga*, см. В. В. Иванов. Зам., стр. 50—51 (там же о греческом).

[31] V. Pisani. Der Gott als 'Verteiler' und armenisch *astuac*, «Handes Amsorya». Vienne, 1961, N 75, стр. 562.

[32] L. P. Palmer. The Indo-European origin of Greek justice. «Transactions of the Philological Society», 1950, стр. 165; В. В. Иванов и В. Н. Топоров. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965, стр. 68—69.

лагательного *a-šiu̯ant* 'бедный', типологически совпадающего со слав. *ne-bogъ*, *u-bogъ*[33]. В свете современных этнологических представлений о процессе обмена в архаических обществах[34] для индоевропейского взаимность дарений была доказана на материале соответствующих терминов типа хетт. *da-* 'брать' — лат. *dō* 'давать'[35] и т. п. Поскольку одним из главных терминов, обозначавших взаимный обмен, был тот, к которому восходит ст.-слав. **ГОСТЬ**, лат. *hostis*, не должно вызывать удивления и то, что этот же термин мог выступать в качестве обозначения 'бога', как в др.-исл. *gestr* в качестве обозначения Одина (Odinn)[36] и в ст.-слав. **ГОСПОДЬ**. Приводя типологические параллели, касающиеся божественного характера *гостя* на Фиджи[37], Хокарт в своей работе, впервые опубликованной еще в 1927 г., но оставшейся тогда незамеченной, предвосхитил идеи Тиме и Бенвениста[38], дав истолкование обычаев гостеприимства, совпадавших в гомеровской Греции и в Индии. При этом Хокарт подчеркнул то, что *гость* в наиболее архаических греческих и ведийских текстах наделен божественными атрибутами; общим оказывается мотив бога-гостя (иногда вовремя неузнанного). Этот же мотив недавно отчетливо установлен и в южнославянской фольклорной традиции[39], сохранившей столько общеславянских архаизмов. Сквозь иногда христианизированное обличие соответствующих

---

[33] E. Laroche. Les noms anatoliens du «dieu» et leur dérivés. — JCS, vol. 21 (1967). New Haven, 1969, стр. 174. Ср. **n̥* > *a* в *kuašk-* < **g^{w}hn̥-sk-* и в дат.-род. п. мн. ч. *-as* < **n̥s*; *ḫašš-u-* < **Hn̥s-é/ou-*, *dašš-u-* и т. п.

[34] См. изложение современного состояния вопроса в книге: А. Я. Гуревич. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970, стр. 66—82; он же. Богатство и дарение у скандинавов в раннем Средневековье. Сб. «Средние века», вып. 31. М., 1968.

[35] E. Benveniste. Don et échange dans le vocabulaire indo-européen.—В кн.: E. Benveniste. Problèmes de linguistique générale. Paris, 1966; его же. Le vocabulaire des institutions indo-européennes, 1, стр. 81—86; L. R. Palmer. Achaeans and Indo-Europeans. Oxford, 1955; его же. The concept of social obligation in Indo-European. «Hommages à Max Niedermann». Bruxelles, 1956.

[36] G. Dumézil. Mythes et dieux des Germains. Paris, 1939, стр. 29 и 142. О сопоставлении со славянским см. V. Machek. Sl. *gospodь*, lat. *hospes* et lit. *viešpats*. «Slavica», VIII, Debrecen, 1968, стр. 156; В. В. Иванов. Зам., стр. 35. Работа Махека вполне согласуется с современной этнологической концепцией обмена, хотя ее и не учитывала.

[37] A. M. Hocart. The divinity of the guest. В сб. A. M. Hocart. The life-giving myth and other essays. London, 1970.

[38] В частности, с одной из основных идей цитированных выше лекций Бенвениста совпадает предложенное Хокартом объяснение этих отношений из более древних дуально-экзогамных, что согласуется и с такими современными индийскими данными, как обозначение свойственника как гостя, ср. L. Dumont. Les mariages Nayar comme faits indiens. «L'homme», vol. I, 1961, № 1. Относительно реконструкции дуальных отношений для общеиндоевропейского ср. В. В. Иванов. Зам. (там же литература).

[39] B. Krader. Hospitality customs as reflected in Balkan folk narratives. «VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук», т. VI. М., 1969, стр. 336—340.

рассказов о неузнанном боге-госте отчетливо проступает более древний мотив, общий для гомеровской и ведийской традиций.

В южнославянских и соответствующих им восточнославянских фольклорных текстах отчетливо выражается и роль угощения при приеме божественного гостя (в формулах типа 'сыт и я и мой гость' и т. п.). Для рассматриваемого лувийского текста особенно существенно то, что в системе отношений внутри архаического коллектива, как и в системе ритуала, обмен регулировался прежде всего с помощью пиров типа потлача (ср. характерное словообразовательное сходство трех славянских терминов — **pirъ* [40], **darъ*, **mirъ* [41], связанных с данной системой отношений). Поэтому и для понимания рассматриваемой группы слов важно наличие такого термина как лат. *hostia*, обозначавшего жертву при обмене благами с богами, ср. также лат. *Dea Hostilina*. Так следует объяснить и *kaši* в связи с приглашением бога на землю в лувийском тексте.

Во втором из гибридных хетто-лувийских текстов — KBo II, 11 Rs. 8, где упоминается это слово (в винительном падеже *kašin*, с глоссовым клином), видимо, в значении 'посещение', также рядом с ним слово 'бог' (бог назван здесь термином *antari* из египетского *nṯr* 'фараон, царь') [42]. Поэтому для лувийского в обоих случаях вероятен тот же контекст, что и для славянского **gos-* в **gos-podь*. Со стороны морфологической лув. *kaši* остается не вполне ясным: ввиду развития **st* > *šš*, как в лув. *ḫašša* 'кость' при хетт. *ḫašta* — вероятно происхождение из **kašši-* < **gašti-* < **ghos-ti*. Но в виду неудвоенного написания *-s-* нельзя полностью считать исключенным и более архаическое образование на *-i* (типа хетт. *u̯eši-* 'пастбище' при хетт. *u̯eš-tara-* 'пастух', авест. *vāstar*) от корня **ghos-* без элемента *-t-*, ср. лат. *hospēs*: ст.-слав. **ГОСПОДЬ**, где отсутствие *-ti-* при словосложении можно объяснить такими же правилами морфологической трансформации первого компонента сложного слова, как в архаических индоевропейских сложениях с первой основой на **-ter*.

---

[40] Ср. к семантике R. Eckert. Zur slawischen Hochzeitterminologie. — ZfS X, 1965, стр. 185—191; о связи пиров с взиманием дани и древними социальными отношениями см. Р. С. Липец. Эпос и древняя Русь. М., 1969, стр. 124—141, 239—246 и др.

[41] О последнем термине и его иранских связях (не препятствовавших позднейшему вхождению его в указанный круг, к которому семантически примыкала и основа **žirъ*, ср. производные типа *мировой*, *даровой*, *жировой*, и т. п., в том числе в архаических контекстах: *на мировую* и т. п.) см. в особенности V. N. Toporov. Parallels to ancient Indo-Iranian social and mythological concepts. «Pratidānam», The Hague, 1969, стр. 110—113; ср. возможные аналогичные связи и для основы **syrъ*: иран. **sūr-*. О корне **mei* в связи с обменом см. в указанных выше, примеч. 35, работах Бенвениста. Подробнее данный вопрос в связи с семантикой и древним типом основ на **-ru* типа *жиръ* будет рассмотрен особо.

[42] F. Sommer. Die Aḫḫiyavā—Urkunden. München, 1932, стр. 245—246 и сл.; но ср. B. Rosenkranz. Beiträge zur Erforschung des Luvischen. Wiesbaden, 1952, стр. 19.

Б. Л. Огибенин

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ВЕДИЙСКОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА В СВЯЗИ С ПРОБЛЕМОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА

Название этой статьи отвечает усилившейся в последние годы тенденции реконструировать для общеиндоевропейского не только отдельные праформы слов, объясняющие соответствия между родственными индоевропейскими языками, но и бо́льшие фрагменты текстов, восходящие к периоду индоевропейской языковой общности. Как правило, реконструируемые таким образом последовательности (словосочетания, многие из которых уже в исторически засвидетельствованных текстах могут выступать как законченные фразеологизмы) восходят к тому общеиндоевропейскому языковому состоянию, по отношению к которому справедливо утверждают существование поэтического (или сакрального) языка, представляющего собой особый слой общеиндоевропейского праязыка и сохранившегося в виде соответствующих рефлексов (устанавливаемых на основании фонетических, морфологических и синтаксических критериев) в древнейших поэтических текстах на индоевропейских языках [1].

Помимо научных доказательств того, что реконструированные фрагменты текстов восходят действительно к общеиндоевропейскому поэтическому языку, существуют свидетельства, почерпнутые непосредственно из исследуемого материала: еще в 1878 г. иранист Дармстетер установил соответствие между фрагментами Авесты и Ригведы, выражаемое в виде формулы **u̯ekᵘ̯os tek̂s-* 'составлять слова вместе (в приложении к поэтическому произведению)' [2]. Так как соответствующие авестийское (*vacastašti-* 'строфа'), ведийское (*vácas takṣ-* 'складывать слова') и греческое (ἐπέων τέκτονες 'слагатели песен' — о поэтах) сочетания досто-

[1] См. P. Thieme. Die Heimat der indogermanischen Gemeinsprache. Mainz—Wiesbaden, 1953, стр. 71. Из последних работ по этому вопросу см.: R. Schmitt. Dichtung und Dichtersprache in indogermanischer Zeit. Wiesbaden, 1967; R. Schmitt. Einführung. «Indogermanische Dichtersprache», hrsg. von R. Schmitt, Darmstadt, 1968. Ср. также: В. Н. Топоров. К реконструкции индоевропейского ритуала и ритуально-поэтических формул (на материале заговоров). «Труды по знаковым системам», IV, Тарту, 1969 и отчасти В. Пизани. К индоевропейской проблеме. — ВЯ, № 4, 1966, стр. 17 и сл.

[2] J. Darmsteter. Iranica, VI. Une métaphore grammaticale de la langue indo-européenne. — MSL, 3, 1878.

верно относятся к описанию деятельности древних авторов поэтических текстов, то они могут быть истолкованы как первые документальные свидетельства существования в древней индоевропейской традиции практики стихосложения. Р. Шмитт, прокомментировавший это открытие Дармстетера спустя почти столетие, заметил, что сочетание **u̯ek^u̯os tek̂s-* «вследствие независимости источников представляется наследием, восходящим к общеиндоевропейскому периоду, так как благодаря тому, что выраженные здесь представления хорошо засвидетельствованы, следует исключить случайный характер звуковых совпадений» [3].

Сравнительно-историческое языкознание, традиционно оперировавшее лишь отдельными фонетическими (и фонологическими) и морфологическими соответствиями с целью реконструкции слов как единиц максимальной протяженности, с обращением к поэтическому языку древних индоевропейцев сталкивается с рядом новых задач, доминантой которых будет являться исследование и реконструкция общеиндоевропейской языковой семантики [4] и общеиндоевропейской культурной традиции, отраженной в языковых фактах и явлениях, существование которых в культурной традиции связано с языком (например, мифология данной культуры, засвидетельствованная в ее различных — не только собственно мифологических — текстах). Задача семантической реконструкции особенно отчетливо возникает именно в связи с тем, что объектом исследования становятся тексты (т. е. сочетания слов), несущие более комплексные сообщения с более сложной семантической структурой, нежели отдельные слова.

Предшествующие исследователи (в частности, сам Дармстетер) не ставили достаточно определенно вопроса о том, насколько представления, соответствующие реконструированным последовательностям [в данном случае — представление о поэтическом произведении, уподобленном в Ригведе колеснице, которую мастерит плотник, что находит близкую аналогию у Пиндара (ἐξ ἐπέων... τέκτονες οἷα σοφοί ἅρμοσαν «из стихов. . . которые смастерили мудрые строители») и несколько более далекую — в употреблении латинского texere у Плавта (<**tek̂s-*) в приложении к словам] могут быть фрагментами определенной семантической системы, иначе говоря, насколько они могут быть детерминированы определенным этнографическим контекстом. Существенным на том этапе реконструкции, вполне соответствующем тогдашнему уровню компаративистики,

---

[3] R. Schmitt. Indogermanische Dichtersprache. Eine Skizze. «Indogermanische Dichtersprache», hrsg. von R. Schmitt, стр. 335, ср. стр. 5 этого же издания и R. Schmitt. Dichtung und Dichtersprache in indogermanischer Zeit, § 20 и §§ 601—605 (с указанием новейшей литературы вопроса).

[4] Ср. попытку суммарной реконструкции семантической системы общеиндоевропейского (очень далекую от совершенства): P. Thieme. The comparative method for reconstruction in linguistics. «Language and culture in society», ed. by Dell Hymes, New York—Evanston—London, 1964.

представлялось установление безупречных фонетических и морфологических соответствий [греч. ἔπος (< Ϝεπ-ος), санскр. *vacas-*, авест. *vacah-*, с одной стороны, греч. τέκτων, санскр. *takṣan-*, авест. *tašan-*, — с другой]. Непротиворечивость контекстуальных значений соответствующих слов и совпадение значений в пределах данных текстов казалось достаточной гарантией для того, чтобы можно было считать, что восстановлены некоторые весьма древние черты индоевропейской культурной истории. Можно утверждать, ссылаясь на опыт современных описаний мифологического творчества (когда исследователь в ходе анализа мифа конструирует некий собственный миф, представляемый им как структурная аналогия анализируемого мифа), что авторы таких сопоставлений ориентировались на некое Elementarverwandschaft изучаемых представлений. При этом их нельзя упрекать в конкретных заблуждениях, так как они оперировали собственно индоевропейским материалом, и гарантией правильности сопоставлений, помимо указанного выше (фонетические и морфологические аргументы), служила также и достаточная древность источников и их обоюдная независимость (иначе говоря, опровергнуть серию соответствий, собранных различными исследователями индоевропейских древностей, как недостаточно обоснованную семантически, было бы возможно лишь в случае, если бы удалось обнаружить примеры, свидетельствующие о противоположной практике описания процесса поэтического творчества, если вернуться к наблюдениям Дармстетера).

Тем не менее, некоторый скептицизм, касающийся именно семантического аспекта реконструкции, был бы вполне уместен. Именно такой скептицизм нашел выражение в одном из откликов на уже упоминавшуюся работу Р. Шмитта (Dichtung und Dichtersprache in indogermanischer Zeit), содержащую сводку установленных ранее фразеологических соответствий, дополненных результатами собственных изысканий автора: «Понятия, представленные в примерах [Шмитта], очень общи и не обладают такими характеристиками, согласно которым их можно было бы с уверенностью отнести к той, а не другой культуре, к той, а не другой этнической среде; лексика и этимология в лучшем случае указывают лишь на очень общее Verwandtschaft, существование которого нельзя отрицать, но которое представляет собой нечто иное, нежели «общий поэтический язык». . .[5]

Если скептицизм Албано-Леони и преувеличен (поскольку, следует повторить, исследованные Шмиттом тексты относятся все же к древнейшим текстам индоевропейской традиции), то нельзя не отдать должное тому, что именно такого рода соображения ориентируют дальнейшие поиски к исследованию того, как

---

[5] F. Albano-Leoni. Quelques observations sur la Indogermanische Dichtersprache. «Studia Linguistica», XXII/II, 1968, стр. 126—127.

специфически индоевропейский этнографический контекст детерминирует и верифицирует реконструкции, получаемые на основе фонетического и морфологического анализа. Иначе говоря, речь идет о систематическом использовании не только последних из упомянутых аргументов, обосновывающих реконструкции синтагматических последовательностей из области определенной словесной практики, но и о систематическом подходе к «этнографическим реалиям» индоевропейского мира, о разработке этнографической теории древних индоевропейских языков, которая бы подтверждала реальность реконструированных морфем и слов с точки зрения частной семантики [6].

Этот аспект исследования индоевропейского поэтического языка (и не только поэтического языка, но и вообще элементов общеиндоевропейского языкового состояния) не был разумеется полностью исключен в работах индоевропеистов. Необходимость поиска системы определенных представлений, их детерминированности со стороны реальной «общеиндоевропейской» экстралингвистической ситуации так или иначе была очевидной для многих исследователей [7].

---

[6] В качестве некоторой аналогии можно упомянуть о недавно опубликованном исследовании о значении пространственных суффиксов в тарасканском языке (штат Мичоакан на юго-западе Мексики), автор которого видит свою задачу в построении этнографической теории некоторого множества морфем. В предисловии к своему исследованию автор пишет: «Как указывают Якобсон, Брайт и многие другие, структурная лингвистика будущего должна сочетать контрастивный, парадигматический анализ семантических признаков с филологическим и этнографическим описанием контекстуальных вариантов. Применяя удачную формулировку Малиновского, я назвал бы данное исследование «этнографической теорией некоторого множества морфем». (См.: P. Friedrich. On the meaning of the Tarascan suffixes of space. «Supplement to International Journal of American Linguistics», vol. 35, N 4, Oct., 1969, стр. 5).

[7] Так, П. Тиме в упомянутой выше статье о сравнительном методе в индоевропейской лингвистике, обсуждая проблему того, насколько для реконструированной словоформы **ovis* достоверно значение 'овца', пытается ответить на вопрос, составляет ли семантема 'овца' элемент семантической системы языка древних индоевропейцев. С его точки зрения достаточным аргументом для положительного ответа на поставленный вопрос является факт того, что семантема 'овца' занимает определенное место в семантической микросистеме, в которую входят общеиндоевропейские названия ягненка (**veren-/*uren-/*urn-*) и шерсти (**vl̥nā*), дополняемой словами, обозначающими козу, козла, вообще мелкий скот. Напротив, достоверная с фонологической точки зрения реконструкция слова **n̥sis* 'железный меч' (санскр. *asis*, м. р., и лат. *ēnsis*, м. р.) оказывается неубедительной с точки зрения общеиндоевропейской семантической системы (отсутствие общеиндоевропейского названия железа при наличии общих слов для золота, серебра, меди, бронзы). (P. Thieme. The comparative method for reconstruction in linguistics, стр. 593). Р. Шмитт, располагающий реконструированные им фрагменты индоевропейского поэтического языка по определенным темам и стилистическим жанрам, которые могут в принципе рассматриваться как аналоги семантических блоков с определенной структурой (например, «„Слава" как основное понятие индоевропейского героического эпоса», «Индо-

Анализ определенной смысловой области в поисках системы рассматривается, следовательно, как непременное условие реконструкции. В то же время можно утверждать, что выводы относительно комбинаций реалий или представлений, возможных у древних индоевропейцев, основываются на довольно элементарных рассуждениях, еще не составляющих этнографической теории, аргументы которой служили бы достаточным основанием, во-первых, для надежной хронологии реконструкций (восходят ли все реконструкции действительно к общеиндоевропейскому периоду?), во-вторых, для согласующихся с вопросами хронологии утверждений о специфически индоевропейской культурно-антропологической среде, в которой могли существовать представления, засвидетельствованные в предлагаемых реконструкциях (ср. приведенные выше рассуждения Албано-Леони).

Элементарность рассуждений и аргументации отнюдь не означает, впрочем, что исследователю индоевропейских древностей (эти последние понимаются в самом широком смысле) следует отказаться от выявления в индоевропейском материале универсальных представлений, которые моделировали и мир древних индоевропейцев; как показывают исследования последних лет, достаточно комплексные мифологические представления, в которые, естественно, вовлекаются и реалии, могут основываться на семантических противопоставлениях довольно общего характера и к тому же имеющих надежные типологические параллели, обнаруживаемые в неродственных мифологических системах. Сомнение вызывает не столько универсальный характер лежащих в основе реконструированных представлений семантических отношений, сколько правомерность исходить из их уже постулированного наличия в процессе реконструкции новых соответствий, даже если соблюдаются требования поиска системы (как в примерах

европейская сакральная поэзия» и т. п.), в другом месте замечает, что одним из важнейших оснований для интерпретации поэтических фразеологизмов, относимых ко времени, предшествующему диалектному расчленению индоевропейской языковой общности, является совокупность согласующихся между собой данных не только фонетического и синтаксического характера, но и доказательств, почерпнутых из конструируемой ad hoc элементарной семантической теории. Разбирая соответствие гомеровского сочетания μέγα κλέος 'великая слава', аналогичного ведийскому сочетанию *máhi śrávaḥ*, он отмечает, что древность (т. е. исконная принадлежность этих сочетаний к общеиндоевропейской поэтической практике) не может быть достаточно гарантирована сама по себе, но что она приобретает убедительность, если вспомнить, что в той же смысловой области, области представлений индоевропейцев о славе, имеются и другие соответствия между греческим и индоарийским, ср. греч. κλέος ἄφθιτον 'неувядающая слава' и др. «...Если рассматривать каждое такое сочетание отдельно, предположение о том, что они являются унаследованными от древних времен, должно быть подвергнуто сомнению. Все же совокупность данных в целом, будучи замкнутой, находит приемлемое объяснение, если допустить, что она дошла до нас от общеиндоевропейского времени именно как целое» (R. S c h m i t t. Indogermanische Dichtersprache. Eine Skizze, стр. 340).

Тиме и Шмитта). Иначе говоря, как бы банально ни звучало это предложение после всего, что было достигнуто в области изучения индоевропейских древностей, исследователь должен отправляться не от интуитивного или уже установленного наукой знания об универсальных чертах изучаемых представлений или смысла языковых форм, а от контекста, под которым должен пониматься не только языковой контекст [8], но и контекст, образуемый конкретными этнографическими фактами, специфическими для данной культурной общности. Различие универсальных черт, вскрываемых в изучаемых представлениях, и их конкретной детерминированности в данном языковом и этнографическом контексте довольно близко к различению «природы» и «культуры» в структурной антропологии Леви-Стросса (если отвлечься от излишне категорического утверждения о том, что только в области «культуры», т. е. того, что присуще человеку как Homo sapiens, можно усмотреть проявления структуры): «. . .В универсальном легко видеть критерий естественного. Ибо все, что постоянно у всех людей, ускользает из области обычаев, технических навыков и установлений, благодаря которым человеческие коллективы отличаются друг от друга и противополагаются друг другу. . . Условимся считать, что все, что является универсальным для человечества, относится к природе и характеризуется спонтанностью, а все, что подлежит регламентации, относится к культуре и обладает относительными и особыми характеристиками» [9]. Довольно общее различение «естественного» поведения человека и поведения, определяемого культурными нормами, следует интерпретировать в связи с поставленными здесь вопросами как различение универсального с типологической точки зрения и частного в приложении к культурным нормам (т. е. нормам частной мифологической, ритуальной, языковой практики) древних индоевропейских коллективов, а в пределах совокупности последних — как различение того, что присуще гипотетическому общеиндоевропейскому социуму и того, что характерно для его отдельных ареальных групп [10].

---

[8] См. E. Benveniste. Problèmes sémantiques de la reconstruction. В кн.: E. Benveniste. Problèmes de linguistique générale. Paris, 1966, стр. 290 («. . .смысл» языковой формы определяется совокупностью ее употреблений, их распределением и типами возникающих при этом отношений. . . .Решение может быть дано только после внимательного изучения контекстов, в которых способна появляться данная форма»; ср. стр. 291: «. . .определение [смысла] возможно только в терминах данного языка»).

[9] C. Lévi-Strauss. Les structures élémentaires de la parenté. Paris—La Haye, 1967, стр. 10.

[10] В этой связи ценны замечания Э. Бенвениста, сделанные в его исследовании об индо-иранской поэтической фразеологии и намечающие пути уточнения лингвистической концепции индо-иранской языковой общности, определяемой до сих пор на основе формальных (морфологических и лексических) соответствий без внимания к синтагматическому соотношению

* * *

Сказанное прилагается также к одному из аспектов реконструкции языковых форм, относимых к общеиндоевропейскому языковому состоянию. При удовлетворительности формальных соответствий, учитываемых при реконструкции некоторой формы, исследователь, в целях большей убедительности сопоставлений (и, следовательно, восстановленной формы) в тех случаях, когда семантическая структура используемых для реконструкции праформы слов не полностью идентична, прибегает к мотивировкам смыслового характера (или привлекает аналогии семантических переходов из истории известных языков и даже из истории языков других семей). Результатом оказывается создание некоторого представления типа мифологического; как правило, при этом вопрос, насколько данное представление способно составлять часть комплекса индоевропейских мифологических (или иных) представлений, остается в стороне. Исследователь в лучшем случае ограничивается ссылкой на известную ему или типологически допустимую в приложении к конкретным фактам практику (или ритуал, понимаемый расширительно как принятая в данном коллективе концепция реалий, специфическая для него, но в силу вещей способная совпадать с ритуализованными концепциями других человеческих коллективов). Однако подход, ориентированный на создание частной (но универсальной для индоевропейского мира) этнографической теории, обязывал бы искать такую мотивировку смыслового сближения языковых форм, которая бы составляла определенный фрагмент семантических правил, преобразующих существующие внеязыковые концепции реалий в их языковые концепции, т. е. в те семантические структуры, которые должен вскрыть лингвист. В противном случае, как уже говорилось, исследователь создает некоторое представление, способное функционировать как миф, но не являющееся мифом внутри определенной (в частности, индоевропейской) культурной традиции. Это последнее может быть обусловлено как тем, что привлекаемое для обоснования представление произвольно (и соответствует некоторым распространенным и, возможно, типологически оправданным представлениям о семантических связях), так и тем, что исследователь исходит из неверной трактовки ритуальной практики, соответствующей конкретному мифологическому представлению. Поучительным и характерным в этом отношении является разногласие об этимологии общеиндоевропейского назва-

---

общих унаследованных элементов, общим стилистическим фигурам и, наконец, к особым, по отношению к общеиндоевропейской языковой общности, способам представлять описываемые явления («leurs façons particulières de dénoter»). См.: E. Benveniste. Phraséologie poétique de l'indo-iranien. В кн.: «Mélanges d'indianisme à la mémoire de Louis Renou». Paris, 1968.

ния печени *$lyēk^{u}r$, которое Бенвенист связывал с особой (неназализованной) формой корня *ley-k^{u} 'оставлять' [при более правдоподобном соотношении двух форм корня *ley-k^{u} (греч. λείπω): *li-n-$ék^{u}$ (вед. *riṇákti*)], мотивируя свою этимологию ссылкой на ритуальную практику оставления печени убитого жертвенного животного богам. В противоположность мнению Бенвениста было предложено считать, что этимологическое соотношение *$lyēk^{u}r$ < *ley-k^{u} необосновано хотя бы потому, что «selected parts like the liver were presumably o f f e r e d to the gods, and what was left was consumed by the celebrants»[11].

* * *

В качестве иллюстрации к необходимости разработки частной теории культурно-этнографического контекста, детерминирующего семантический аспект морфологической деривации при реконструкции отдельных слов и их последовательностей, если речь идет о поэтическом языке, предлагается опыт реконструкции семантики двух ведийских слов из гимнов Ригведы, соотношение которых между собой объясняется, с одной стороны, морфологическими процессами общеиндоевропейского характера, с другой стороны, — квазиморфологическими правилами ведийского санскрита поэтических текстов.

Сравнительно недавно Я. Отрембский высказал предположение о продуктивности в индоевропейском довольно простого словообразовательного приема, заключающегося в метатезе смежных сонантических элементов слов; метатеза вида *u̯r* > *ru*, *u̯l* > *lu* позволяет объяснить с точки зрения Отрембского появление целой серии слов, связанных между собой не только словообразовательными, но и семантическими отношениями; возникающие при этом морфемы семантически эквивалентны друг другу настолько, что лишь дополнительные факторы еще неустановленного характера могли влиять на выбор морфологических вариантов, соотносимых с определенным лексическим значением. К таким вариантам относятся, например, гипотетическая морфема **ruṣ-a*, для которой предполагается значение 'человек', 'мужчина' [эта морфема засвидетельствована в др.-инд. *pú-ruṣa* 'человек', др.-инд. *róṣa* 'гнев, ярость', ср. *róṣati*, *rúṣati*, *rúṣyati* 'гневается, сердится' (к соотношению слов со значением 'гнев, ярость' и 'мужчина', ср. на уровне

[11] См. J. P u h v e l. Laryngeals and the Indo-European verb. Berkeley and Los Angeles, стр. 69, ср. стр. 31. Ср. еще одно объяснение названия печени в индоевропейских языках, которое исходит из допущения, что праформа *$lyēk^{u}r$ может быть восстановлена, если только считать арм. *leard* 'печень' контаминацией первоначального названия печени (реконструируемого на основании соответствия др.-инд. *yakr̥t*, авест. *yākarə*, греч. ἧπαρ, лат. *iecur*, лит. *jẽknos* и др.) с каким-то другим словом, родственным нем. *Leber* или хетт. *lišši*. (См. H. F r i s k. Kleine Schriften zur Indogermanistik und zur griechischen Wortkunde. Göteborg, 1966, стр. 83).

общеиндоевропейского др.-инд. *nára* ʻмужчинаʼ, ʻчеловекʼ и лит. *nértėti* ʻнеистовствоватьʼ)] и реальная морфема др.-инд. *vŕ̥ṣan* со значением ʻбыкʼ[12]. Установив существование двух вариантов морфемы с общими фонетическими компонентами и различающихся только положением подвижного элемента *r* перед *u̯* (**ru-ṣ*: **u̯r-ṣ*), Отрембский, видимо, исходил из того, что значения приведенных выше слов из разных индоевропейских языков столь же между собой связаны и что приведенные выше соотношения воплощают некоторую простую словообразовательную схему, в которой без труда может осуществляться переход от значений ʻмужчинаʼ, ʻчеловекʼ (с сопутствующим семантическим компонентом ʻярость, гневʼ) к значению ʻбыкʼ, составляющего основное значение др.-инд. *vŕ̥ṣan*. (Исторически это подтверждается тем, что для индоевропейского корня **u̯er(s)* ʻвлажныйʼ, к которому восходит и др.-инд. *vŕ̥ṣan*, можно реконструировать серию значений сходного характера, ср. различные слова из индоевропейских языков, сохраняющие те же семантические компоненты и позволяющие реконструировать те же семантические связи, т. е. ʻвлажныйʼ > ʻсамецʼ > ʻбыкʼ > ʻмужчинаʼ > ʻчеловекʼ > ʻслугаʼ : лат. *verres*, *verris* ʻкабанʼ, лит. *veršis* ʻтеленокʼ, диалектное ʻбыкʼ, лат. *verna* < **u̯ersnā* ʻдомашний рабʼ < ʻчеловекʼ[13] и ср. образования на *-en* от других корней со значением ʻвлажныйʼ : **eras-* (авест. *ərᵊša*, *ərᵊšno* ʻMann, Männchenʼ, ср. греч. ἄρσην, ἔρσην ʻмужчинаʼ), **u̯egᵘ̯-* (др.-инд. *ukṣan*, *ukṣṇás* ʻбыкʼ, авест. *uxšā*, *uxšno* ʻбыкʼ, гот. *auhsa*, *auhsins* ʻволʼ[14]). Далее, родственными др.-инд. *vŕ̥ṣan*, если допускать, что прием метатезы был достаточно распространен в индоевропейском словообразовании, являются слова, образованные от корневой морфемы **usŕ-*, которая отличается от корневой морфемы *vŕ̥ṣ-(an)* «по существу, лишь различным положением подвижного элемента s»[15]; лексическое значение морфемы **usŕ-* может быть установлено на основании производных от нее слов, см. др.-инд. *usrá* ʻбыкʼ (женск. род *usrā́* ʻкороваʼ), *uṣṭár* (*úṣṭar*) ʻтягловый быкʼ, *úṣṭra* ʻверблюдʼ, ʻбуйволʼ, ср. авест. *uštra*[16] ʻверблюдʼ, *uštrā*, *uštrī* ʻверблюдицаʼ.

---

[12] J. Otrębski. Aind. *pū́ruṣaḥ*, *púmān* und Verwandtes. — KZ, Bd. 82, Heft 2, 1968. Ср. там же о других словах, иллюстрирующих продуктивность такой метатезы в пределах одного языка (др.-инд. *várcas* ʻблескʼ, др.-инд. *rócate* ʻсветитʼ) и на общеиндоевропейском уровне: лит. *var̃gas* ʻгоре, бедаʼ: др.-инд. *róga* ʻболезньʼ).

[13] J. Otrębski. Указ. соч.

[14] H. Kronasser. Die lateinische Nominative auf *-ēs*. — KZ, Bd. 67, 1940, стр. 95.

[15] J. Otrębski. Указ. соч., стр. 253, где приводятся другие дублетные образования с *-s-* и без *-s-*: лит. *vāsara* ʻлетоʼ, авест. *vaŋhar* ʻвеснаʼ, лат. *vēr* < **u̯er-s-* ʻвеснаʼ. Ср. авест. *vār* ʻдождьʼ и др.-инд. *varṣá* ʻдождьʼ, греч. ἔρση ʻтаяниеʼ (R. Schmitt-Brandt. Die Entwicklung des indogermanischen Vokalsystems. Heidelberg, 1967, стр. 9).

[16] Возможна и другая этимология авест. *uštra* (любезно сообщенная О. Н. Трубачевым): *uštra* < **uǵh-tr̥* < **u̯eǵh-* ʻвезтиʼ.

В то же время со словами *usrá*, женск. род. *usrā́*, *usrī́yā* 'корова', *usrikā́* 'бычок' связаны такие ведийские слова, как *usrā́* 'утренняя заря' (если не считать *usrā́* 'корова' и *usrā́* 'утренняя заря' одним словом) и *usrī́ya* 'свет, луч'. Связь скотоводческих представлений с представлениями, относящимися к заре, объясняется обычно мифологической метафорой, возникшей в ведийских гимнах (по Бергэню, — потому, что заря и коровы описываются как 'красноватые'[17], хотя существует и другое объяснение, близкое к предлагаемому Отрембским: *usrá* 'бык', *usrā́* 'корова' < **ursra* < *vr̥srá* (последнее слово сопоставляется с *vŕ̥ṣan* 'бык')[18].

Для избранного здесь вопроса существенно, что оба толкования связи слов и описываемых представлений оказываются если не идентичными, то по крайней мере сопоставимыми в том, что касается объяснения семантического аспекта словообразования.

Объяснение, исходящее из наличия метатезы фонетических компонентов, приводящей к колебанию между значениями 'мужчина' ('самец') и 'бык' (ср. использование сходного приема, но касающегося уже не положения сонантов относительно друг друга, а положения подвижного *s* между сонантами или после их сочетания, приводящего к меньшему преобразованию основных семантических компонентов, так как и *vŕ̥ṣan* и *usrá* означают 'бык' при невозможности образования женского рода от первого слова путем преобразования фонетической структуры слова как в случае второго дублетного образования) и объяснение, основывающееся на факте поэтической метафоры в ведийских текстах, предполагают по существу, что указанные семантические переходы ('мужчина', 'человек' → 'бык' и 'корова' → 'утренняя заря') одинаково очевидны (второй переход — постольку, поскольку он документирован текстами). Сказанное выше о мифе или представлениях типа мифологических (т. е. возможных как часть мифологической традиции), возникающих в результате этимологических сопоставлений или установления словообразовательных отноше-

---

[17] См. L. Renou. Études védiques et pāṇinéennes (далее EVP), t. III, 1957, стр. 4, прим. 2. См. ayā́ṃ uśā́naḥ pā́ry ā́drim usrā́ (RV.VI.39.2) 'ревностный, он (разбил) скалу, окружавшую *красноватых* (коров)'.

В некоторых индоевропейских языках названия цветов восходят к названиям быка и коровы; др.-инд. *usrá* 'бык' (*usrā́* ж. р. 'корова'), являющееся этимологическим соответствием др.-в.-нем. *ūr* и нем. *Auer(ochse)* 'зубр', означало также 'красный'. Подобным же образом в германских языках название цвета восходит к названию быка: ср. др.-в.-нем. *faro* 'Farbe' и *farro* 'бык'; эти соотношения изучены в статье: A. Kutzelnigg. Die Herkunft des Wortes Farbe und einiger deutscher und fremdsprachiger Farbwörter. «Zeitschrift für Mundartenforschung», XXXII, 3/4, 1965. В свете этого можно усомниться, обусловлена ли ведийская метафора, сближающая утреннюю зарю и корову, только поэтической ассоциацией.

[18] T. Burrow. The Sanskrit language. London, 1955, стр. 149. Ср. Т. Я. Елизаренкова и В. Н. Топоров. О древнеиндийской Ушас (Uṣas) и ее балтийском соответствии (Ūsiņš). Сб. «Индия в древности», М., 1964, стр. 83, прим. 64.

ний, склоняет к тому, чтобы настоятельно подчеркнуть различие между первым и вторым из приведенных семантических переходов: один из них действительно мотивирован со стороны конкретной мифологической системы (что подтверждается большим числом соответствующих контекстов), тогда как второй, хотя и находящий подтверждение в исторических данных (которые легко могут быть переинтерпретированы как типологические; к тому же существуют и типологические параллели к такому переходу), мотивирован на уровне синхронных словообразовательных отношений, если говорить о их семантическом аспекте, лишь тем, что находится некоторое число морфем, формальное и семантическое сходство которых может быть установлено либо при допущении метатезы (*ru*/*u̯r* или *u̯rs*/*u̯sr*), либо при допущении фонетических вариантов: тип **pu-* или **po-* 'человек', сопоставляемых с **bhu-* или **bho-*; значение первых двух элементов выявляется сопоставлением с греч. ἄνθρο-πως 'человек', греч. атт. παῖς 'дитя, мальчик', ср. греч. πῶ-λος (с элементом **po(u)-* — 'жеребенок; юноша; девушка'), значение **bhu-*/**bho-* остается менее ясным, но так как они появляются только в сочетании с корневой морфемой *vr̥ṣ-*, то можно предполагать, что оно ближе к значению 'бык', см. *vr̥ṣabhá-* < **u̯r̥sn̥-bho-* 'бык' (ср. изолированный элемент **bhu-* в ст.-слав. *bykъ*, согласно Отрембскому).

Второе сопоставление морфем со значениями 'мужчина', 'человек', с одной стороны, и 'бык', с другой стороны, в большей степени основывается, таким образом на искусственном конструировании семантического перехода, так как оно надежнее всего только в морфологическом аспекте (если признать продуктивность приема метатезы). По-видимому, строго говоря, сочетание семантических признаков 'мужчина', 'человек', 'гнев, ярость', 'бык', допускаемое при выявлении формальных отношений морфем (например, *ruṣ-*/*vr̥ṣ-*), хотя оно, повторяем, и подтверждается исторически и находит семантические аналогии, следует считать мифологемой, действительность которой для индоевропейского мира нуждается в обосновании. Возможен, следовательно, вопрос: каковы специфически индоевропейские семантические отношения, которые могут сочетаться (или обуславливать их) с определенными морфологическими преобразованиями (например, основанными на метатезе)? A priori ничто не диктует именно такое сочетание семантических компонентов, какое предполагается Отрембским для упомянутой выше группы слов, и идеальным для достоверного этимологического и словообразовательного анализа следует считать такие, безусловно, достаточно редкие случаи, когда формальные отношения подтверждаются явной семантической близостью [18a]. Индоевропейский этимон предстает в приведенном

[18a] Поучительным в этом отношении является, например, анализ соотношения арм. erkn и греч. ᾽οδύνη, ὠδίν, данный Я. Фриском: оба слова со значением «мучение при родах» соответствуют друг другу в переводах

случае в двух разновидностях, определяемых греческой и армянской фонетикой, и его реконструкция гарантирована тем, что **edu̯ōn/*edu̯ēn* дает арм. *erkn* и греч. ὀδύνη при смысловом соответствии греческого и армянского слов; в случае же **u̯er(s)-* и его производных в конкретных языках для установления соответствий между лексемами необходимо предположить метатезу или озвончение (*p* : *b*), имеющих место в синхронии и диахронии, что должно также влечь за собой предположение о семантических переходах в пределах синхронических соответствий (например, др.-инд. *vṛ́ṣan* 'бык': др.-инд. *róṣa-* 'гнев', 'ярость', или др.-инд. *vṛṣabhá* 'бык': греч. πῶ-λος мужск. и женск. рода 'жеребенок; юноша; девушка'), контролируемых данными диахронического уровня (для *-bha-* и πῶ- предполагается общий источник **pu/*po(u)/*bhu/*bho*) и, следовательно, предположение о сочетании семантических признаков, описывающих значение общеиндоевропейской морфемы **u̯er(s)-*. Однако сочетание семантических признаков или какой-либо сдвиг в значении, объясняемый переходами между ними, должны не постулироваться, а подтверждаться установлением специфически индоевропейских семантических структур, т. е. значений, выявленных в древних индоевропейских текстах и специфических структурных правил их отношений [19]. В том и другом случае исследователю приходится оперировать некоторыми представлениями, типологически сходными с мифологическими; однако вследствие априорного подхода это представление будет произвольно и — в лучшем случае — основываться на типологических константах (не всегда приемлемых в частных случаях) или на субъективной оценке возможных семантических отношений. Во втором случае, обращаясь к текстам, можно выявить мотивировку семантических отношений, удовлетворительную с точки зрения общеиндоевропейской семантики (или ее частных подсистем).

В частности, кажется возможным, если вернуться к связи скотоводческих представлений ведийцев с представлениями об утренней заре, обнаружить, как мотивируются подобные изученным Отрембским фонетические и морфологические преобразования групп слов посредством метатезы со стороны мифологических концепций, засвидетельствованных в текстах Ригведы. Следует отметить, что устанавливаемые ниже семантические отношения действительны только для изучаемых поэтических текстов, и, следовательно, не могут быть проецированы на общеиндоевропейскую семантическую систему.

ветхозаветных текстов, при этом достоверность их смыслового соответствия подкрепляется их общей индоевропейской этимологией, так как и то и другое слово восходит к и.-е. *edu̯ōn/*edu̯ēn. См.: H. Frisk. Указ. соч., стр. 259 и след.

[19] Ср. Э. А. Макаев. Реконструкция индоевропейского этимона. — ВЯ, 1967, № 4, стр. 33.

Первое, что необходимо принять во внимание, относится к одному из членов изучаемого семантического отношения, именно к названиям утренней зари в ведийских текстах, образованным с помощью элемента *-r-* от ведийского глагольного корня *uṣ-* 'сиять', 'гореть': *uṣar* (в сочетании *uṣarbúdh* 'früh wach'), *usŕ*, *usrā́*, *usríya* (это последнее слово, встречающееся в гимне RV, VII.81.2 во множественном числе, обозначает коров, и только метонимически — лучи[20]), где существенным для дальнейшего является сочетание трех фонетических элементов *u*, *s* (*ṣ*), *r*, следующих друг за другом в указанном порядке (при гласном *a*, разделяющем сочетание последних двух элементов в одном случае).

Второе относится к другой серии слов в Ригведе с сочетанием тех же фонетических элементов — к серии названий солнца: *sū́rya*, *sū́ra*, *svàr*. Обе серии слов обнаруживают сходство в фонетическом составе: одни и те же фонетические элементы располагаются в них в различном порядке. Это поверхностное сходство не может, конечно, служить основанием для этимологизации слов обеих серий (хотя описываемые экстралингвистические факты относятся к кругу представлений, условно называемых «солярными»); в то же время, имея в виду, что эти слова появляются в поэтических текстах сакрального характера, возможно предположение, что они (хотя бы в силу принадлежности к «солярным» представлениям их денотатов) могут вступать в отношения, аналогичные отношениям, которые возникают в случае «поэтических этимологий»: некоторому звуковому подобию (аллитерационного или эхолалического характера) соответствует близость по смыслу, или, обратно, некоторому соотношению распределения звуков (например, типа соотношения при их метатезе) соответствует существенное для определенной семантической сферы различие по смыслу.

Прежде чем обратиться к сопоставлению обеих серий, следует представить изолированный материал, на котором будет основываться сравнение.

Параллелями к названию зари в Ригведе являются ее описания в наиболее существенном для ее мифологического смысла аспекте: строфы Ригведы, в которых говорится о блеске зари, ее сиянии, о соперничестве с тьмой и т. п., изобилуют сочетаниями тех же основных фонем, которые составляют ее название (а также фонем, акустически близких к ним). Несколько текстов, приводимых ниже, свидетельствуют об этом: *rúś*antam bhānúm á*ruṣ*īr a*śiśr*ayuḥ (RV.I.92, 2) 'Красноватые (зори) установили [свои] сверкающие лучи'[21] (ср. также начало этой строфы: úd apaptann aruṇā́ bhā́návo

[20] L. R e n o u. Указ. соч., стр. 103.

[21] *áruṣīr* может быть понято и как 'красноватые (коровы)' (что важно отметить для дальнейшего). Рену (указ. соч., стр. 33, ср. стр. 34) отмечает,

'Взлетели розовые лучи...', где *aruṇá* 'красный, розовый' приближается по значению к *áruṣī* и имеет общие с последним фонетические элементы); *rúś*advatsa *rúś*atī *śv*etyāgād/áraig u kṛṣṇā sádanāny asyāḥ (RV.I.113, 2) 'Сияющая, [вместе со своим] сияющим тельцом, излучающая свет пришла [заря]. Черная [ночь] уступила ей свои просторы'[22]. В приведенных случаях существенные для названия зари фонетические компоненты встречаются, главным образом, в последовательности *r-u-ś* (*ṣ*), ср. однако плюсквамперфект от корня *śri-* 'устанавливать', напоминающего корень *śrī-* 'гореть, пылать': aśiśrayuḥ, где появляется стечение тех же согласных элементов, перемежающихся гласным более верхнего подъема; обратным по отношению к такому сочетанию согласных является предположительно не случайное употребление аориста от корня *dṛś-* (*adarśi*), за которым следует причастная форма от корня *vas-* 'сверкать', 'сиять', где повторяется та же звуковая тема, и два специфических эпитета зари, что в целом создает вполне определенный мифологический контекст, отвечающий рассматриваемой мифологеме: eṣā divó duhitā́ adar*ś*i/vy*uch*ántī *yu*vatíḥ *śu*krávāsāḥ (RV.I.113,7) 'Вот появилась дочь неба, сияющая вдали, юная, одетая в белое'. Выделенные звуковые сочетания служат несомненно для усиления основной звуковой темы, воссоздающей название зари; столь же не случайно должно быть и появление эпитета зари (отнюдь не специфического для нее и созданного, видимо, ad hoc) *śr*éṣṭhatāmā 'самая красивая' в контексте uṣaḥ *śr*éṣṭhatāmā vy *úch*a (RV.I.113,12) 'воссияй же вдали, заря, (ты), самая красивая!' Число таких контекстов можно было бы легко увеличить, но существенным для всех них остается настойчивое повторение однотипных звуковых комбинаций основных консонантных элементов названий зари (*ṣ* или *ś*, *r*) с преимущественно двумя губными гласными, способными замещать друг друга и воспринимающимися как тождественные — *u* или *o* (первый гласный может быть также представлен своим аллофоном *v*); при этом важно, что такие сочетания появляются не только в словах, семантика которых неизбежно связывает их с мифологемой утренней зари (например, именное, адвербиальное и глагольные образования от глагольных корней *śuc-* 'сверкать, сиять', *śvit-* 'сиять, быть светлым', *ruc-* 'светить, сиять'[23], или *ruś-* с тем же значением, ср. ádyaud uṣā́ḥ

что *áruṣī* само по себе ассоциируется с Ушас в RV. I, 71, 1; I.72.10; I.112.9. Эта ассоциация объясняется, видимо, не только семантически, но и фонетически.

[22] Здесь же нужно заметить, что *vatsá* 'телец', по-видимому, метафорическое описание солнца. Ср. девятую строфу этого же гимна, где говориться, что заря 'сияет под взглядом солнца' (vi yád ā́vaś cákṣasā sū́ryasya).

[23] Как особенно важное следует отметить, что глагольные корни *śuc-* и *ruc-* являются так называемыми Reimwortbildungen, то есть образованиями типа сочетаний в поэтическом языке, но существующими вне поэтического языка и сближающимися по значению и звучанию (см.: H. Günthert.

*śóśu*catā ráthena (RV.I.123,7) 'Заря воссияла своей сверкающей колесницей'; *śu*krā́ kṛṣṇā́d ajaniṣṭa *śv*itīcī́ (RV.I.123,9) '...белая, рожденная из мрака (ночи), придающая белизну'; gū́hantīr ábhvam ásitam *rúś*adbhiḥ/*śuk*rā́s tanū́bhiḥ *śú*cayo *ruc*ānā́ḥ (RV.IV.51,9) 'они (зори), скрывающие бесформенную тьму своими сверкающими телами, светлые, чистые, излучающие сияние' и т. д.), но и в словах и текстах, принадлежность которых к данной мифологеме не очевидна, если рассматривать их вне соответствующих контекстов, ср. *yóṣā*, одно из названий зари, связанное с описанием ее как молодой женщины: yóṣā jārásya cákṣasā ví bhāti (RV.I.92,11) 'молодая (женщина) излучает свет под взглядом своего возлюбленного' или особенно bodháyantī śáśvattamā́gat púnar ā́ īyúṣīṇām (RV.I.124,4) 'пробуждающая,.. она вернулась первой среди тех, кто возвращается бесконечно' и úd *u śr*iyá *uṣ*áso *róc*amānā / ásthur apā́m nórmáyo *rúś*antaḥ (RV. VI, 64, 1) 'Сверкающие зори появились для блеска, сияющие, словно волны морей', где сочетание, *u śr*iyá (эмфатическая частица и прилагательное) напоминает одно из названий коров и лучей утренней зари (*usríya*)[24].

Несколько менее очевидной ассоциацией смежных слов по значению и звучанию, определяемой также стремлением выделить звуковую и семантическую тему зари, является случай сочетания *rúś*anto *arc*áyaḥ (RV.I.48,13) 'светящиеся лучи', в котором начальные сочетания обоих слов различаются по существу (если не считать различия в огласовке) очень незначительно ввиду фонетической близости палатального и сибилянта (кроме того, причастие на *-ant* от глагольного корня *ruc-*, к которому еще более близко слово *arci* 'луч, пламя', возможно только с основой на *-ś* [25]).

Приведенный материал о звуковой композиции описаний утренней зари в Ригведе дает, как представляется, основание считать, во-первых, что основные элементы этой композиции могут подвергаться различным перестановкам, необходимость которых вызывается поэтическим и сакральным характером Ригведы; во-вторых, что такие перестановки в целом отражают гипотетические ассоциации сходного по формальным признакам характера с названиями солнца в этом же памятнике (*sū́rya*, *svàr*, *sū́ra*)[26].

Über Reimwortbildungen im Arischen und Altgriechischen. Heidelberg, 1914, стр. 55), что, естественно, должно облегчить возникновение связей между ними в поэтических текстах Ригведы.

[24] Полезно отметить также еще одно название зари — *śundhyū́* 'куртизанка' (? — ср. L. Renou. Указ. соч., стр. 63): оно является производным от глагольного корня *śundh-* (*śundhati*, *śundhayati*) 'украшаться, чиститься' составляющего параллель типа Reimwortbildung к корню *śubh-* 'сверкать, быть украшенным' (который может встречаться с носовым инфиксом: *śumbh-*), сопоставляемого в свою очередь с уже упомянутой серией *śuc-*/*ruc-* H. Günthert. Указ. соч., стр. 56).

[25] Ср. L. Renou. Указ. соч., стр. 26.

[26] Кажущееся лишь формальным различие названий *sū́rya*/*svàr* (*sū́ra*) соответствует семантическим различиям: первое является названием солнца

Кстати, одно из названий солнца (*sūrya*) также многократно обыгрывается в гимнах с помощью звуковых уподоблений сходного характера. Из них наиболее замечательны случаи, когда возникающие звуковые комбинации действительны не только для этого названия солнца, но могли бы быть использованы и для паронимического называния зари (ср. выше): ví *sū*ryo amátiṃ ná *śr*iyaṃ sād (RV.V.45,2) 'Сурья развернул свое великолепие, точно изображение'; jyótir ayaṃsta *sūr*yaḥ/agnír ná *śu*kráḥ (RV.VIII,25,19) 'Сурья поднял ввысь свой свет, (он), сияющий, точно Агни'; *śuś*oca *sūr*ya (RV.X.138, 2) 'засверкал Сурья...'; ср. также стих RV. X. 37, 8, в котором повторение звуковых сочетаний, ассоциирующихся с эпитетами из области «солярных» представлений, предвосхищают появление названия солнца: cák*ṣuṣ*e-cak*ṣuṣ*e máyaḥ / ... práti paśyema *sūrya* (RV.X. 37,8) 'радость для каждого глаза, (тебя) мы хотим узрить, о солнце!' В целом следует сказать, что название солнца и зари (описательные или апеллятивные), оказываются, если допустить возможность некоторой операции типа метатезы, сопоставимыми в соответствующих поэтических контекстах; их сопоставимость определяется наличием общих фонетических компонентов, последовательность которых подвергается перестановкам в синтагматической цепи, где эти названия могут и отсутствовать.

Остается исследовать, так же, как это было намечено по отношению к описательным названиям утренней зари, каков семантический аспект выявленного формального отношения.

В этой связи представляется существенным выделить другие названия обеих мифологических фигур, которые входят соответственно в ту и другую парадигму названий и которые кодируют соответствующие мифологические фигуры Ушас и Сурьи на языковом уровне.

Естественно, что, как это было сделано в случае описательных характеристик утренней зари, которые соотносились с ее названием (*uṣás* и др.), следует принять во внимание метафорические и описательные названия солнца и зари, семантика которых может позволить выяснить основные семантические признаки, по

в его природном и мифологическом аспектах, два же вторых слова носят более абстрактный характер, сигнализируя общий благотворный аспект солнца (см. L. Renou. Sur quelques mots du Ṛgveda. — JAOS, vol. 85, N 1, 1965, стр. 85). Здесь же стоит отметить, что предположение о возможности формальных соотношений между названиями зари и солнца еще не должно влечь за собой допущения о том, что солнце, например, могло получать названия, образованные с помощью некоторых перестановок фонетических компонентов названий зари (ср. допущение Отрембского о том, что теоретически возможно **ruṣ-a* как название быка, возникшее из *vṛ̥ṣ-an*); в случае изучаемых в этой статье формальных и смысловых связей речь идет лишь об ассоциациях в поэтических текстах, которые составляют особую часть возможных для языковой системы текстов.

которым противопоставляются (или объединяются) соответствующие мифологические фигуры.

Не раз подчеркнутый исследователями основной аспект фигуры Ушас — ее женская природа (молодая женщина, куртизанка, любовница и т. д.; ср. слова Рену: «Ушас воплощает привилегированный аспект изначальной женственности» [27]) — уже ориентирует поиски существенных противопоставлений в семантической системе мифологии в определенном направлении.

Сурья (Солнце) описывается как ее любовник или почитатель, см.: ṛtásya budhná uṣásām iṣanyán vṛ̥ṣā mahí ródasī ā́ viveśa (RV.III.61,7) 'В основании порядка бык, жаждущий Ушас (здесь Pl.), вошел в обе великих (половины) вселенной' и ср. prayántam ít pári jārám kanī́nām páśyāmasi (RV.I.152,4) 'Мы видим идущего (вслед) за девушками (их) любовника...', śukráḥ śuśukvā́m̐ uṣó ná jāráḥ paprā́ samīcī́ divó ná jyótiḥ (RV.I,69,1) 'Ярко сверкая, словно любовник зари, заполнил он оба мира, свет неба', где стоит обратить внимание на цепь повторяющихся звуковых последовательностей в начале *śu-śu-śu*, соответствующих начальным фонемам названия солнца и зеркально отраженных в названии зари; uṣó ná jāró vibhā́vosráḥ (RV.I.69,9—10) 'Словно любовник зари, излучающее (свет) утро...' (о боге Агни, выступающем как аналог Сурьи), где также можно предполагать паронимическую запись названия солнца, появляющегося лишь в конце строфы (svàr dṛ̥śīke); ср. также: yóṣā jārásya cákṣasā ví bhāti (RV. I. 92, 11) 'молодая женщина излучает свет под взглядом (своего) любовника (Сурьи)' и ср. sū́ryo devī́m uṣásam rócamānām máryo ná yóṣām abhi èti paścāt (RV.I.115,2) 'Сурья, словно (влюбленный) юноша за девушкой, идет вслед за излучающей сияние богиней Ушас' [28].

Ушас вообще, и вне связи с Сурьей, или Солнцем, воплощает в Ригведе тип женщины или любовницы; при этом описания соответствующих ее атрибутов позволяют прийти к заключению, что, во-первых, Ушас, кроме того, воплощает определенный стандарт эротического поведения ведийского времени, во-вторых, что естественно для столь архаичного текста, — эти эротические представления очень непосредственно соотносятся с идеями плодородия [29].

Важно при этом, что представления о зарождении новой жизни и о плодородии в Ригведе наиболее устойчиво и последова-

---

[27] L. Renou, EVP, t. III, стр. 15.

[28] Вед. *márya* (авест. *mairyo*) 'юноша' обычно прилагалось к членам арийских мужских социально-религиозных объединений (kultische Männerbünde), в которых церемония посвящения сопровождалась эротическими празднествами (см. S. Wikander. Der arische Männerbund. Uppsala, 1938, стр. 81—82, и след.); это удостоверяет специфический смысл приведенного ведийского текста.

[29] См. ведийские тексты об Ушас с подробным комментарием в кн.: I. Fišer. Indian erotics of the oldest period. Praha, 1966, стр. 49—50, 78, 83.

тельно связываются с очень развитой символикой коров: поэтому Ушас не только образец любовницы и жены, но и воплощение женского начала, дающего жизнь (см. RV.I.48,10; VII,80,2), покровительница жизни, способствующая ее продолжительности (RV.VII.77,5) и 'мать' в довольно обобщенном смысле (мать Ашвинов — RV.III.39,3, мать богов — RV.I.113,19), способствующая увеличению потомства (RV.I.92,13; I.113,17 и др.) и, наконец, мать коров (RV.I.124,5; IV.52.2.3 и др.) и корова (в частности, утренняя корова — *usríyā gaúḥ*, (RV.IV,5,9)[30].

С другой стороны, Сурья, или Солнце, называется быком (ср. приведенную выше строфу RV.III.61, 7) — *vṛ́ṣan*, *ukṣán*. *vṛ́ṣan* или *vṛṣabhá* уже в Ригведе (и тем более в позднейших текстах) были, по-видимому, названиями мужчины, обладающего максимумом мужской силы[31] [в диалоге между мудрецом Агастьей и его женой Лопамудрой. Агастья называется 'быком' (*vṛ́ṣan*), так же, как мужчины в первой строфе диалога обозначаются словом *vṛ́ṣaṇaḥ* 'die Männchen'[32]]. Сурья нигде не назван *vṛṣabhá* (но, как отмечено, назван *vṛ́ṣan*), однако можно предполагать, что слова *vṛ́ṣan*, *vṛṣabhá*, *ukṣán*, *vámsaga* (все со значением 'бык') достаточно единообразно отражали одну мифологему, основывающуюся на противоположении мужского начала женскому и отраженную, в частности, в соотношении Ушас—Сурья (ср. еще об Ушас и Сурье: vājínīvatī sū́ryasya yóṣā (RV.VII.75,5) 'Приносящая прибыль юная (супруга) Сурьи...', где следует отметить появление уже упоминавшихся паронимических последовательностей, а также ассонанс *yóṣā—uṣā́*; к соотношению мужского начала и утренней зари, осмысляемой более отвлеченно, ср. свидетельство, относящееся к богу грозы Парджанье, который также может выступать как воплощение мужского начала в космическом аспекте: sá retodhā́ vṛṣabháḥ śáśvatīnām tásminn ātmā́ jágatas tasthúṣaś ca (RV.VII. 101,6) 'Он — оплодотворяющий все следующие одна за другой (утренние зори?)[33] бык, атман всего, что движется и стоит'.

Если рассмотреть серию названий быка, приведенную выше (и в которую следует включить, согласно нашей гипотезе о паронимических способах записи слов в поэтических текстах, название

---

[30] См. L. Renou, EVP, t. III, стр. 7, прим. I. *usrā́ḥ* и *gā́ḥ* (также, как *uṣásaḥ* и *gā́vaḥ*) могут значить и 'утренние зори' и 'коровы'. Ср. Тайттирия Самхита IV, 3, II: yā́ prathamā́ vyàuchat sā́ dhenúr abhavat. 'Та, что засияла вдалеке самой первой, была коровой'.

[31] Ср. I. Fišer. Указ. соч., стр. 55 и ср. B. Schlerath. Das Königtum im Rig- und Atharvaveda, Wiesbaden, 1960, стр. 50.

[32] От основы *vṛṣ-* могли образоваться производные со значением 'муж, супруг', ср. RV.IV.17, 3: sárann ā́po jávasā hatávṛṣṇīḥ 'The waters run quickly, now that their husband was smashed', согласно пониманию этого стиха, предложенного в статье: S. Insler. Vedic *áñjasa*, *ṛñjasānā́* and the type *sahasānā́*. — KZ, Bd. 82, 1, 1968, стр. 11.

[33] Относительно *śáśvatīnām* см. H. Grassman. Wörterbuch zum Rigveda, Wiesbaden, 1964, стр. 1387—1388.

типа *sūrya*), то легко заметить, что каждое из этих названий связано этимологическими и словообразовательными отношениями с глагольными корнями со значением 'regnen', 'besprengen' (*vṛṣ-* и *ukṣ-*; что касается последнего названия из этой серии, *vám̐saga-*, то оно является, по-видимому, пракритизмом, восходящим к **varṣaka-* < *vṛṣ-* подобно *dárśana* > *dam̐sana* или *sparśá-* > *pham̐sa* и т. д.)[34]; указанные значения имеют прежде всего, даже помимо рассматриваемых производных, фаллический характер, благодаря которому они входят в круг символики плодородия, размножения и т. д.

vṛ́ṣan, *vṛṣabhá* и др., видимо, настолько устойчиво связываются с мифологемой (или, если говорить, об уровне языковых единиц, с семантемой), признаки которой мы пытаемся реконструировать, что могут считаться операторами, переводящими определенную мифологическую фигуру в сферу фаллических представлений: так, известен фрагмент из гимна RV. IV, 5: tigmábhṛṣṭiḥ sahásraretā vṛṣabhás túviṣmān '(бог Агни) остророгий, обладающий тысячным семенем, могучий бык...' (при *nṛ́tamaḥ* 'mannhafteste' в предыдущей, второй, строфе); с другой стороны, Агни называется супругом или любовником Ушас (RV.VII.9,I; VII,10,1)[35].

Мифологические основы противопоставления Ушас (тип ведийской женщины) и Сурьи («идеальный» тип ведийского мужчины), позволяют утверждать, что, если наш анализ парономазии и ее семантических соответствий, действительных для данной совокупности текстов Ригведы, верен, то языковые корреляты мифологических противопоставлений (типа «мужское начало—женское начало») *usŕ* (звательный падеж *uṣar* — RV.I,49,4) / *vṛ́ṣan* (как частный случай противопоставления *uṣás*/*sūrya*, в котором языковые единицы отвечают в наибольшей степени его основному мифологическому смыслу), могут отражать очень древний тип противопоставления основ на *-r* основам на *-n* со значениями женского patiens'а и мужского agens'а соответственно[36], актуализирующийся в поэтическом языке Ригведы.

Противопоставление *usŕ*/*vṛ́ṣan* (соответствующее *uṣás*/*sūrya*) может быть интерпретировано, следовательно, как аналогичное

---

[34] P. Tedesco. Rigvedic *vám̐saga-*. «Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft». Bd. 14. (Gedenkschrift für W. Brandenstein). Innsbruck, 1968.

[35] Конечно, есть основания полагать, что такая ассоциация имеет универсальный характер, будучи актуальной вплоть до современности (ср. в кинорекламе об актере: «Anthony Quinn, viril comme un taureau»), однако в данном случае ценно доказать ее частный характер, ее действительность для рассматриваемых текстов и представлений.

[36] См. из недавных работ об этом противопоставлении: V. Piŝani. Wörter auf *-r* für 'Weib', 'Ehefrau'. «Acta Baltico-Slavica», 3, 1966 и ср. В. В. Иванов. Заметки по сравнительно-исторической индоевропейской поэтике. «To honor Roman Jakobson». The Hague—Paris, 1967, стр. 982; В. В. Иванов. Использование для этимологических исследований сочетаний однокоренных слов в поэзии на древних индоевропейских языках. «Этимология. 1967», М., 1969, стр. 48.

в семантическом отношении противопоставлениям лат. *uxor* / др.-инд. *ukṣán* или греч. δάμαρ / лат. *dominus*, арм. *erkir* / *erkin* и т. п. С точки зрения внутренней семантики ведийской мифологии такая интерпретация может быть подтверждена, во-первых, тем, что эротический аспект Ушас отчетливо выявляется, когда Ушас (Pl.) получают названия *supátnīḥ* (RV.VI.44.23), *aryápatnīḥ* (RV.VII,6,5), *amṛ́tasya pátnīḥ* (RV.IV.5,13), названия, в которых они выступают как супруги Индры[37]; во-вторых, тем, что параллельно к одному из наименований Ушас, имени женского рода *usrā́*, существует имя мужского рода *usrá* 'бык', прилагающееся к Агни в приведенном выше тексте (RV.I. 69,9) и к Ашвинам (RV.VII.74.1), что должно быть понято как указание на реальное осмысление противолагающихся таким образом мифологических фигур по признаку «мужское начало — женское начало».

* * *

Высказанную гипотезу о соотношении названий утренней зари и солнца целесообразно дополнить сравнительным и диахроническим комментарием, относящимся как к формальной, так и содержательной стороне вопроса. Приводимые сравнительные и диахронические данные не могут, разумеется, служить прямым подтверждением внутренних формальных и семантических отношений, которые представляются существенными для Ригведы; их сравнительный характер может лишь указать на возможность реконструкции для некоторых индоевропейских мифологий структурных черт, определяющих характер анализировавшейся выше мифологемы. Впрочем, здесь есть известные трудности, связанные с ее семантикой.

Одной из трудностей, довольно типичной для такого рода случаев, является полярная переориентация значений (при сохранении этимологической близости), которая вскрывается при сопоставлении древнеиндийских и древнеиранских данных. В «Гатах» Авесты (Y.50.10c) утренняя заря называется *asnąm uxša aēuruš* 'дикий бык дней', ср. Y.46.3a *uxšano asnąm* 'быки дней'[38],

[37] L. Renou. EVP, t. III, стр. 10. Упоминание Индры вместо Сурьи может объясняться тем, что в ведийской мифологии Индра наиболее полно воплощает бога — носителя мужской силы и тем, что утренние зори, или (здесь) коровы, связаны в этом цикле гимнов с мотивом раскрытия скалы Вала, из которой они выходят благодаря военным подвигам Индры. Существенно, что все, к обладанию чего стремится Индра (культовый гимн, сома и т. д.), описывается в гимнах с помощью скотоводческой символики, так что и здесь легко угадывается отношение типа 'корова'/'бык'. Индра при этом, как часто и в других случаях, понимается как 'бык' (даже при отсутствии соответствующего названия). Ср. комментарий к RV.I.173,8 в кн.: K. F. Geldner. Der Rig—Veda. Erster Teil. Cambridge, Mass., 1951, стр. 251.

[38] См. H. Humbach. Die Gathas des Zarathustra. Bd. I, Heidelberg, 1959, стр. 149, 129.

притом что авест. *uxša* этимологически соответствует ведийск. *ukṣán*[39]. Не составляет ли этот случай параллели к общеизвестным несовпадениям по значению между древнеиндийскими и древнеиранскими религиозными терминами при их несомненном генетическом родстве: ср. вед. *ásura* — авест. *ahura*, вед. *devá* — авест. *daēuua*?

Для интерпретации фигуры Ушас, основывающейся на предложенном здесь понимании ее как *usŕ̥* в противоположность *vŕ̥ṣan*, существенно, что в одном месте Ушас описывается одновременно как сестра и любовница Сурьи: bhadró bhadráyā sácamāna ā́gāt / svásāram jāró abhy èti paścā́t (RV.X.3,3) 'Пришел красавец, следуя за красавицей; любовник идет вслед за сестрой'. Сравнение с римским ритуалом Matralia, в котором матроны (сравниваемые Дюмезилем, предложившим это сопоставление, с ведийской Ушас) являются одновременно сестрами, матерями и тетками по отношению к своим племянникам по матери[40] (что составляет серию мифологических параллелей к мифологическим характеристикам ведийской Ушас) позволяет, во-первых, уточнить один из важных аспектов Ушас, во-вторых, — дополнить сказанное Дюмезилем об обширных родственных связях ведийской богини, среди которых статус утренней зари как сестры (*svásr̥*) особенно важен[41]. Мифологический аспект описания Ушас

[39] H. Humbach. Die Gathas des Zarathustra, Bd. II. Heidelberg, 1959, стр. 68. Ср. R. Schmitt. Dichtung und Dichtersprache in indogermanischer Zeit, стр. 280, § 576. В «Гатах» заря также связана с солнцем: «быки дня» влекут колесницу солнца. Ср. H. H. Schaeder. Auf den Spuren indogermanischer Dichtung в кн.: Indogermanische Dichtersprache, hrsg. von R. Schmitt, стр. 77. Шедер сопоставляет это авестийское представление со сходным представлением у готов, считая его общеиндоевропейским; ему справедливо возражает Шмитт (R. Schmitt. Указ. соч., стр. 280); наши данные как будто подтверждают сомнения Шмитта, поскольку указанная переориентация, заключающаяся в сочетании унаследованной лексемы с другим, хотя и смежным, представлением, еще нуждается в объяснении.

[40] См. G. Dumézil. La religion romaine archaïque. Paris, 1966, стр. 66.

[41] G. Dumézil. Указ. соч., стр. 65. Согласно Дюмезилю, наиболее отчетливо статус Ушас как сестры выявлен в ее отношениях с богиней ночи Ратри; в своей интерпретации ведийского мифа и римского ритуала Дюмезиль оставляет без внимания мифологический аспект связи Ушас и Сурьи как сестры и брата (а также их связь как тетки и племянника по матери, ср. В. В. Иванов. Заметки о типологическом и сравнительно-историческом исследовании римской и индоевропейской мифологии. «Труды по знаковым системам», IV. Тарту, 1969, стр. 62 и прим. 66), тогда как в ведийских гимнах Сурья — сын богини Ратри, сестры Ушас (RV.III,55, 11—14), и, согласно приведенному тексту, — ее брат и любовник. Любовниками являются также Агни и Пушан (RV.VII.9, I и RV.VI,55,4), что должно, вероятно, пониматься как почти избыточное распространение **одного** мифологического мотива, цель которого — подчеркнуть эротический аспект фигуры Ушас. (Ср. замечания Рену о соотношении слов *yóṣā* 'молодая женщина' и *jārá*, *márya* 'любовник, молодой человек' : EVP, t. III, стр. 40 и ср. о вед. *márya* в кн. S. Wikander. Указ. соч., стр. 82).

одновременно как сестры и любовницы Сурьи (Солнца) может быть объяснен наложением представления о соотношении мужского и женского начал и мифологизированного представления о главенствующей роли женщины в матрилинейных обществах, в которых «женщина» и «сестра» могли отождествляться (а их названия восходить к общему источнику). Это подтверждается, между прочим, тем, что название сестры *svásar*, может, по одной из гипотез, высказанных об этимологии этого слова, содержать в себе индоевропейское название женщины **sor* (**sōr*)[42]. Согласно другой гипотезе, индоевропейское **su̯esor-* является образованием от возвратного местоимения **su̯e-s* с помощью суффикса *-or-*, встречающегося также в лат. *gener* 'зять' [при этом исконным значением **su̯e-s-or* предлагается считать 'принадлежащая той же (= собственной) семье'][43]. Косвенным доказательством того, что в индоевропейском названии сестры нашло отражение общее название женщины с семантическими признаками, отмечающими ее основную функцию (femina в противоположность mulier[44]), является, согласно Отрембскому, существование в индоевропейском других терминов родства местоименного происхождения, обозначающих, во многих случаях, женщин из данного рода: лат. *nūtrīx*, *-īcis* 'кормилица' (первоначальное значение — 'собственная') < **(s)nou-tr-ī-x*, где основообразующий элемент представляет собой то же возвратное местоимение **seu̯e*, **su̯e-* с инфигированным *-n-* (ср. также отыменный глагол лат. *nūtriō* 'вскармливать, воспитывать' < **nūtrī(x)*, ср. *genetrīx* 'родительница'); лат. *noverca* 'мачеха' < **(s)neu̯ēr-ka*, лат. *nurus* 'невестка, сноха', 'молодая женщина' < ** (s)nusos*, *(s)nusus* с последующим ротацизмом, слав. *невеста* < **nevě* (= лат. *novēr*), образованное с помощью морфемы *-stōr* под влиянием **s(v)e-st(r)a* 'сестра', и т. д.[45]

Из данных сравнительной мифологии, которые известным образом подтверждают нашу семантическую реконструкцию, существенный интерес представляет сопоставление одной из важнейших

---

[42] Из последних работ о происхождении **sor-* см. O. Szemerényi. The alleged Indo-European **sor-* 'woman' «Kratylos», Jg. XI, Heft. 1—2, 1966. Ср. однако некоторые доводы против существования этого названия женщины: H. Mittelberger [рец. на кн.]: E. Laroche. Les noms des Hittites. Paris, 1966. — WZKM, Bd. 62, 1969, стр. 318—319 и ср. V. Pisani. Указ. соч., стр. 135, прим. 1.

[43] J. Otrębski. Die von dem indoeuropäischen Reflexivpronomen **se*, **seu̯e*, **su̯e* usw. abgeleiteten Verwandtschaftsnamen. «Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft», Bd. 13, 1967, стр. 73.

[44] См. E. Benveniste. Un nom indo-européen de la «femme». — BSL, t. 35, fasc. 1, 1934, стр. 106. Ср. O. Szemerényi. Указ. соч., стр. 221, где утверждается, что **swe-su-* (в транскрипции Семереньи), содержащее корневое имя **sū-* 'женщина' (< **sū* 'быть рожденным') и старое название рода **swe-*, прилагалось к любой женщине рода из второго поколения в противоположность названию мужского потомка **sŭnu-*.

[45] J. Otrębski. Die von dem indoeuropäischen Reflexivpronomen **se*, **seu̯e*, **su̯e* usw. abgeleiteten Verwandtschaftsnamen, стр. 73—75.

черт ведийской Ушас, ее молодости (вед. *yuvatī*), с функциональными характеристиками древнеармянского божества утренней зари *Ayg*. Название *Ayg* восходит к индоевропейскому корню *$*ə_2ei$-*, от которого образуются две основы I*$ə_2éi$-*u̯*- (= **ái-u̯*), II *$*ə_2i̯$-éu̯*; вторая из этих основ представлена как раз в вед. *yuvatī*, *yóṣanā*, *yóṣā* 'молодая' (а также в авест. *yu-* 'вечность', лат. *iuuenis* и др.) [46]. С другой стороны, известен армянский обычай (о котором сообщают и исследователи армянского фольклора сравнительно недавнего времени [47]) обращаться утром того дня, когда происходит бракосочетание, к *Ayg* с просьбой даровать «много солнц» (т. е. многие годы жизни) жениху и невесте; утреннюю зарю называют при этом *kuys* 'дева' [48], что прямо сопоставимо с мифологическими характеристиками Ушас, которая, если и не является покровительницей брачащихся, то олицетворяет вечную молодость, долголетие, наконец, властвует над продолжительностью жизни и «жизненной силой» смертных [называемой *ā́yu-* < *$*ə_2$éi-u̯-*, см. āminānā́ mártasya... jaráyanty ā́yuḥ (RV.I, 92, 10) 'уменьшающая жизненную силу смертного, ... старящая (его)'].

Известный интерес представляет также вопрос о возможности того, что метатеза, обнаруженная при сравнении слов типа *usŕ* / *sū́rya* (*sū́ra*) и актуализированная в поэтических текстах Ригведы, косвенно отражает древнюю метатезу, существование которой, может быть, восходит к общеиндоевропейскому. Эта гипотеза не безосновательна хотя бы потому, что она не встречает трудностей семантического характера (что подтверждается диахронической интерпретацией индоевропейских мифологических данных), а также может быть подкреплена некоторыми данными исторической морфологии индоевропейских языков. Действительно, вед. *usŕ*, которое является образованием от хронологически предшествовавшего ему *uṣar* (местный падеж ед. ч. — *usrí* > *usŕ* [49]; *uṣar* в ведийском сохраняется только в *uṣarbúdh* 'früh erwachend, früh wach') восходит к индоевропейскому **au̯es-* (> *oṣati*, *ucchati* 'гореть, сиять'), для которого можно уверенно реконструировать значение,

---

[46] E. Benveniste. Expression indo-européenne de l'«éternité». — BSL, t. 38, 1937.

[47] M. Abeghian. Der armenische Volksglaube. Wien, 1899.

[48] См.: G. Dumézil. Jeunesse, éternité, aube: linguistique comparée et mythologie comparée indo-européennes. «Annales d'histoire économique et sociale», N 52, 1938. Известен еще один случай, когда название женщины восходит к слову со значением 'молодая', что составляет историческую и типологическую параллель к армянскому названию зари и к одной из существенных черт ведийской Ушас: согд. *'ynč* 'женщина' < **yaonikā*, ср. хорезм. *'yw'nk* 'молодой', вед. *yuvatí* '(молодая) женщина'. Этимология согдийского слова и родственные ему слова из иранских и ведийского языков приводятся в статье: J. Duchesne-Guillemin. Autres miettes. «Acta Orientalia», XXX, 1966.

[49] J. Wackernagel und A. Debrunner. Altindische Grammatik, Bd. III. Göttingen, 1930, стр. 213—214.

сходное со значениями приведенных ведийских глаголов и сохранившееся в ряде других индоевропейских языков. С другой стороны, вед. *sū́ra* (*sū́rya*) восходит к **sā́u̯-el* (образование на *-ēl (el)* от **sāu̯-* 'сверкать'[50]). Можно думать, что оба корня, близкие по значению, сопоставимы и по своим фонетическим компонентам: **au̯(e)s* и **sā́u̯-* различаются в конечном счете лишь положением *s*, и, таким образом, могли возникнуть в результате его метатезы[51]. Констатируя однако независимость обеих метатезных связей — связь корней как абстрактных элементов, не оформленных суффиксами, и связь реальных ведийских слов, в которых уже присутствуют определенные суффиксы (хотя и в стертом виде в случае названия солнца) — приходится считать, что такая проекция диахронических отношений в плоскость синхронии является в высокой степени проблематичной.

* * *

Сочетание результатов анализа поэтических текстов и элементов ведийской мифологии в синхронном и диахроническом аспектах позволяет сделать два вывода.

Первое. Прием метатезы в индоевропейском словообразовании, вскрытый Отрембским в его статье о др.-инд. *pū́ruṣa* и родственных словах (даже если не подвергать сомнению правильность установленных этим автором этимологических отношений), применялся не только для образования семантически близких лексем; соотношение *usŕ-* и *vŕ̥ṣan-* в семантическом плане (которые Отрембский сопоставляет, иллюстрируя свою мысль о продуктивности метатезы) в поэтических текстах оказывается иным: метатеза приводит, скорее, к возникновению связанных между собой, но полярно противопоставленных в семантической системе языка элементов.

Второе. Морфологические процессы, объясняющие деривационные отношения, особенно если они изучаются с целью установления этимологии, должны очень тщательно контролироваться со стороны данных семантического анализа соответствующей языковой системы. Сфера семантических исследований должна быть

---

[50] Э. Бенвенист. Индоевропейское именное словообразование. М., 1955, стр. 68. Ср. R. Schmitt — Brandt. Указ. соч., стр. 69 (где индоевропейский корень, к которому восходит ведийское название солнца, записывается как **saHu̯-*; от него образуется, согласно этому автору, основа на *-l/-n* **sáHu̯el* и затем — вторичный генитив **sHéulos*).

[51] Ср. замечание Бенвениста: «. . . -**ēl* входит в состав одного из самых старых слов индоевропейского словаря: **sāu̯-el*. . . Рядом с **sāu̯el* и, вероятно, образованное в соответствии с ним, поместится сабин. **au̯sel* 'заря' . .» (Э. Бенвенист. Индоевропейское именное словообразование, стр. 68). Примечательно, что Бенвенист указывает на параллелизм названий зари и солнца, совпадающих вплоть до словообразовательного суффикса, но различающихся положением *s*, подвергающегося такой же метатезе, какая была установлена выше в приложении к ведийским словам.

при этом расширена использованием анализа концептуальных схем реалий, описываемых в конкретных текстах данного языка (что по существу часто и делается в этимологических исследованиях, но не всегда последовательно), с целью построения общей этнографической теории конкретной языковой системы (или множества родственных систем), в которой языковые единицы получали бы дескриптивные семантические признаки, детерминированные специфическими для данной языковой системы концепциями описываемых реалий. Анализ поэтических текстов, кажется, больше всего отвечает предварительной постановке этой задачи для исследований, так как поэтические связи, возникающие в текстах данного языка, обладают наибольшей степенью специфичности (в отличие от непоэтических текстов, в которых связи между их элементами менее детерминированы; следует однако иметь в виду, что анализ поэтических текстов может не только дополнять анализ прочих текстов, но также и иметь иногда решающее значение, если данные первого противоречат данным второго, — особенно, когда речь идет о таком языке, как ведийский санскрит, число текстов на котором ограничено).

Корректурное дополнение

К семантике суффикса **bhu-/*bho-* следует добавить, что, согласно В. М. Иллич-Свитычу, **-bh-* является ностратическим суффиксом в названиях животных, что подтверждает возможность разложения **ərs-bh-o-*, где вычленяется предсуффиксальная морфема, в которой могла осуществляться метатеза — см. слова приведенные в кн.: В. М. Иллич-Свитыч. Опыт сравнения ностратических языков. Введение. Сравнительный словарь. М., 1971, стр. 192—193, s. v. **bʌ*: семит. **ṯaʿl-ab* 'лиса' (араб. *ṯaʿlab*, аккад. *šēlibu*), **di'-b* 'волк', **kal-b* 'собака'; сюда же др.-инд. *śala-bh-a-* 'саранча', греч. ἔλαφος 'олень', ср. ἐλλός 'то же' (последние слова указаны автору А. Б. Долгопольским в его замечаниях к этой статье еще до выхода в свет труда В. М. Иллич-Свитыча; им же приведены семит. *'arnab'* 'заяц' и ненецк. *илебдь* 'олень').

А. К. Матвеев

ЭТИМОЛОГИЗАЦИЯ СУБСТРАТНЫХ ТОПОНИМОВ И АПЕЛЛЯТИВНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ

Как известно, этимологические исследования в области субстратной топонимики представляют большую сложность прежде всего по той причине, что интерпретируются языковые единицы, не обладающие лексическим значением, которое свойственно апеллятивам. Одна из возможностей компенсировать объективную неполноту ономастических данных при этимологизации состоит в том, что на исследуемой территории производится тщательный сбор апеллятивных заимствований [1], с которыми затем и сопоставляется этимологизируемый топонимический материал [2]. Преимущество такого способа изучения топонимики становится очевидным при исследовании верхнего субстратного пласта, так как заимствованная апеллятивная лексика связана по происхождению именно с верхним слоем топонимического субстрата (адстрата). Территория севера Европейской части СССР (в дальнейшем — Севера) представляется в этом отношении особенно показательной, так как русские восприняли здесь у финно-угорских предшественников не только многие тысячи субстратных топонимов, но и множество лексических апеллятивов.

Исследовательская практика свидетельствует, что обращение к апеллятивным заимствованиям помогает интерпретировать как форманты (детерминативы), так и основы субстратных топонимов.

I. Использование апеллятивных заимствований при этимологизации формантов (детерминативов) субстратных топонимов

Значение этого приема исследования обусловливается прежде всего тем, что в качестве топонимических формантов (если только они представляют собою детерминативы, а не являются словообразовательными суффиксами) обычно употребляются географические термины, которые в то же время составляют и одну из важ-

[1] В статье не различаются собственно заимствования и субстратные включения, так как это различение, вообще далеко не всегда возможное, в данном случае не имеет существенного значения.

[2] В общем виде на значение областного словаря и особенно географической терминологии для изучения топонимики указано А. И. Поповым (А. И. Попов. Материалы по топонимике Карелии. Советское финно-угроведение, V. Петрозаводск, 1949, стр. 62—63. Он же. Географические названия. М.—Л., 1965, стр. 92—95).

нейших групп апеллятивных заимствований. На таблице 1 воспроизведены результаты сопоставления формантов-детерминативов субстратных топонимов Севера с географическими терминами, засвидетельствованными в качестве апеллятивных заимствований, что позволяет установить исходное значение форманта (естественно, на уровне апеллятива) безо всякой этимологизации.

Таблица 1

Топонимический формант	Примеры употребления форманта в топонимике	Заимствованный апеллятив	Значение заимствованного апеллятива
-вара	Сендевара	вара	'гора, возвышение'
-курья	Тойнокурья	курья	'речной залив'
-ламба	Хатламба	ламба	'небольшое озеро'
-лахта	Габлахта	лахта	'залив'
-луда	Вайклуда	луда	'подводный камень'
-павна	Кимпавна	павна	'сырое место'
-перть	Ускоперть	перть	'изба'
-салма	Муксалма	салма	'пролив'
-щелье	Палощелье	щелье	'крутой берег'
-янга	Пышъянга	янга	'болото'

Таким образом, факты свидетельствуют, что при привлечении соответствующих апеллятивных заимствований, и, следовательно, установлении семантики, этимологическая интерпретация формантов становится намного более убедительной. Однако указанная методика, помогая определить семантику форманта и способствуя решению вопроса о его происхождении, сама по себе еще не приводит к установлению этимологии, тем более, что непосредственная экстраполяция наблюдений над апеллятивными заимствованиями в область субстратных топонимов должна всегда сопровождаться тщательным изучением всех относящихся к делу других данных. Приведем в качестве иллюстрации этимологии двух топонимических формантов-детерминативов *-сора* и *-шалга* (*-шелга*).

-сора

Детерминатив *-сора*, как правило, выступает в названиях небольших речек, что и позволяет установить значение соответствующего географического термина 'небольшая река, речка'. Варианты детерминатива очень разнообразны. Это объясняется как происхождением термина из различных (хотя и родственных) источников (ср. *-сора* и *-сур*), так и изменениями на почве рус-

ского языка (ср. *-сора* и *-зора*). Названия с этим детерминативом в его разных вариантах характерны для большей части региона, однако они пока не обнаружены в треугольнике оз. Кубенское—устье р. Моши—устье р. Устьи, а также в верхнем течении Сев. Двины. Очень мало названий этого типа в верхнем и среднем течении Ваги, по Сухоне, в низовьях Онеги и Сев. Двины.

На таблице 2 воспроизведено количество фиксаций топонимов с различными вариантами детерминатива.

Таблица 2

Вариант детерминатива	Количество фиксаций	Примеры
-сара	15	Петросара
-сар (-зар)	2 (1)	Коксар (Согзар)
-сарка (-зарка)	2 (1)	Копсарка (Улазарка)
-сарь	11	Ягласарь
-сора (-зора)	26 (4)	Пиксора (Явзора)
-сор	1	Тявсор
-сорка (-зорка)	1 (1)	Выксорка (Лавзорка)
-сера	2	Лембесера
-сер (-зер)	1 (1)	Кумбисер (Cализер)
-сур (-зур)	3 (1)	Каксур (Вонзур)
-цара	1	Вотцара
-шара	1	Кушкушара
-шера	1	Шунушера
Всего	76 названий	

Из таблицы видно, что наиболее распространенными являются варианты *-сора (-зора)*, *-сара* и *-сарь*. Первый из них зафиксирован почти повсеместно и не засвидетельствован только на юго-востоке региона, второй — особенно часто отмечается в бассейне Мезени, третий — характерен для юга исследуемой территории. Хотя соответствие *о* $\sim$ *а* на Севере распространено очень широко [3], нельзя исключить, что в ряде случаев *-сара* возникло из *-сора* на русской почве (под влиянием литературного произношения) или является следствием неточной фиксации. Заметим также, что все топонимы этого типа с исходом на согласный характеризуют юг региона, а на юго-востоке представлены исключительно варианты с согласным исходом.

[3] См.: А. К. Матвеев. Об отражении одного финско-русского фонетического соответствия в субстратной топонимике русского Севера. — СФУ IV, 1968, № 2, стр. 121—126.

Широко распространенное по всему ареалу озвончение *с* > *з* отмечается в положении между гласными и после звонких согласных, особенно сонорных (*Сализер*, *Улазарка*, *Вонзур*, *Лавзорка*, *Сензора*, *Согзар*, *Явзора*, *Ялзора*). Трудно сказать, возникло ли это явление на русской почве или оно отражает медиализацию глухого согласного, которая произошла еще в языке-источнике (языках-источниках). Не менее сложно интерпретировать появление *е* в форманте. Очевидно, это происходит под влиянием предшествующих гласных переднего ряда (*Елесера*, *Лембесера*, *Кумбисер*), но нет никакой уверенности в том, что в приведенных топонимах действительно отражены рефлексы сингармонизма, так как ассимиляция типа **Лембесара* > *Лембесера* могла произойти и на русской почве. Из других фонетических изменений отметим *-сара* > *-цара* (**Вотсара* > *Вотцара*) и *-сара* > *-шара* > *-шера* (*Кушкушара*, *Шунушера*), явно представляющие собою ассимиляцию русского происхождения.

В самостоятельном топонимическом употреблении засвидетельствованы названия рек *Сара*, *Сарка*, *Сарица* (22 фиксации), *Сора*, *Сорка* (11 фиксаций), а также *Свара* (5 фиксаций) и *Свора* (1 фиксация). Все эти термины отмечены в юго-западной части региона (только *Свора* в бассейне Емцы), причем *Сора* в основном между Белым озером и оз. Кубенским, а *Свара* — в районе оз. Лача. Это наглядно иллюстрирует правильность выделения форманта, а также вторичность форм с *-е-* и *-з-*. Топонимы с начальным *св-* отражают дифтонги (*сва-* < **sua-*, *сво-* < **suo-*).

Для установления значения детерминатива очень большое значение имеют данные русских народных говоров. В картотеке Севернорусской топонимической экспедиции Уральского университета им. А. М. Горького (СТЭ) зафиксированы: *сора* 'развилка дорог; место слияния рек' (Бел.), *сорицы* 'место слияния рек' (Бел.), *свара* 'слияние рек' (Карг.).

Все эти данные позволяют уточнить значение широко отраженного в топонимике географического термина: *сора* — не всякая небольшая речка, а один из истоков реки, 'рассоха', 'ответвление'.

Формант *-сора*, *-сара* был выделен еще А. И. Шёгреном, который считал его коми-зырянским по происхождению и сравнивал с коми-зыр. *шор* 'ручей' [4]. Д. Европеус первоначально также относил гидронимы на *-сора*, *-сара*, *-сар*, *-шера*, *-шира*, распространенные в Белозерском крае, к сложениям с коми-зыр. *шор* 'река' [5], а затем в соответствии со своей «угорской» концепцией без какой-либо аргументации причислил эти названия к угор-

---

[4] J. A. Sjögren. Die Syrjänen, ein historisch-statistisch-philologischer Versuch. Gesammelte Schriften. Band 1. SPb., 1861, стр. 300, 319.

[5] Д. Европеус. К вопросу о народах, обитавших в средней и северной России до прибытия славян. — ЖМНП, 1868, том 139, стр. 65.

ским [6]. И. Н. Смирнов считал их пермскими [7]. М. Фасмер — финскими или уральскими, но только не западнофинскими (Vasmer, Beiträge, II, стр. 428), не пермскими (Vasmer, Beiträge, III, стр. 573; IV, стр. 241) и не саамскими, хотя саамские связи этих гидронимов, по мнению М. Фасмера, наиболее предпочтительны (Vasmer, Beiträge, IV, стр. 241). Я. Калима полагал, что в названиях на *-сора* отражается коми-зыр. *шор* 'река, ручей' [8]. А. И. Попов сопоставляет названия на *-сара*, *-сора* с фин. *haara* 'ветвь, сук, рукав, отрасль, сторона', вепс. *сара* 'ответвление' и саам. *сурръ* 'пространство между рекой и ее рукавом в месте соединения их; приток реки' [9].

~ фин. *saara*, карел. *šoara*, *šuara*, ливв. *šoaru*, *šuaru*, люд. *suar*, *šoarę*, вепс. *sar* 'ветвь, ответвление' (SKES, стр. 937); ср. еще саам. патс. *sɯəɼɼ^é*, нот. *suǫɼɼ^e*, кильд. *sūɼɼ^(e)*, йок. *sīɼɼɛ* 'ветвь, развилка', нот., кильд. также 'ответвление реки' (Itkonen, KKS, стр. 534—535).

Наиболее важными представляются вепсские и саамские данные, так как формы с *š* явно более поздние. В пределах региона рассматриваемые названия могут иметь разное происхождение. К саамским данным особенно близки формы на *-сур*, *-зур*.

Аналогичные названия очень широко представлены в прибалтийско-финской топонимике: *Сара*, а также *Анусара*, *Лепсара*, *Максара* (Карел. АССР), *Куйвасарь*, *Лепсара*, *Пойсара* (Ленингр.).

-шалга, *-шелга*

Несколько названий населенных пунктов и урочищ с детерминативом *-шалга* отмечено на западе Архангельской области: *Палашалга*, *Пёршалга*, *Толшалга*, *Хомшалги*, *Шупшалга* (<**Шубшалга*). На этой же территории и восточнее вплоть до Сев. Двины засвидетельствовано очень много случаев употребления термина в роли топонима и в функции определяемой части атрибутивной конструкции. Однако все эти образования следует дифференцировать от детерминатива *-шалга*, так как они в своем большинстве явно связаны с апеллятивом *шалга*, распространенным в русских говорах Севера в различных значениях: арханг. 'чернолесье' (Опыт, стр. 262), 'густой, раскинувшийся на большое пространство сосновый и еловый лес' (Дополнение к Опыту, стр. 303),

---

[6] Д. П. Европеус. Об угорском народе, обитавшем в средней и северной России, в Финляндии и в северной части Скандинавии до прибытия туда нынешних их жителей. СПб., 1874, стр. 8, 13.

[7] И. Н. Смирнов. Пермяки. Историко-этнографический очерк. Казань, 1891, стр. 43, 58.

[8] J. Kalima. Syrjänisches lehngut im russischen. — FUF, XVIII. Helsinki, 1927, стр. 53.

[9] А. И. Попов. Из истории финно-угорских народностей. Часть 1. Рукопись диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Л., 1947, стр. 313. Он же. Топонимика Белозерского края. — УЗ ЛГУ № 105. Серия востоковедческих наук, вып. 2. Советское финно-угроведение. Л., 1948, стр. 171.

'большой, вхожий лес; дровосека' (Даль^{2} IV, стр. 619), 'поросшее кустарником место в лесу', 'гора или холм, на которых не растет трава', 'глухой, иногда на десятки верст тянущийся лес, среди которого есть озера' (Подвысоцкий, стр. 191), олон. 'возвышенное сухое место, поросшее лесом' (Куликовский, стр. 135), арханг. 'топкая болотина' (Грандилевский, стр. 299); многообразны значения, засвидетельствованные СТЭ: 'остров между болотами', 'пологая продолговатая гора' (Карг.), 'большая заболоченная поляна в лесу' (Пл.), 'низкорослый заболоченный лес' (Уст.), 'место для рубки леса, делянка, лесосека' (Он., Холм.).

Как бы ни были разнообразны значения русск. *шалга*, несомненно, что этот термин служит для обозначения участков леса, выделяющихся на местности (на горе или на болоте). Я. Калима (Kalima, стр. 244—245) сопоставляет *шалга* с карел. *šelgońe* 'большой глухой лес' и фин. *selko* 'дикий удаленный лес' (ср. карел. *šelgä*, фин. *selkä* 'кряж, грива'), отрицая связь этого слова с фин. *salo*, карел. *šalo* 'большой глухой лес' в связи с фонетическими трудностями. Все же и этимология Я. Калимы встречает возражения, так как фин. *e* обычно передается русск. *е* (Kalima, стр. 51—52). Так как карел. *šelgä* отражается в русск. *-шелга* (см. ниже), нельзя согласиться с точкой зрения И. В. Сало, считающей русск. диал. *шалга* 'делянка в лесу' карельским по происхождению словом из-за наличия начального *ш*[10]. Переход *-шелга* > *-шалга* еще можно допустить в безударном положении, ср. *Хомшалги* < *hoŋkšelgä* 'сосновая грива'. Однако изменение **ше́лга* > *ша́лга* на русской диалектной почве объяснить нельзя. По-видимому, мы имеем здесь дело с особым языком, в котором существовал термин **šalg(a)*, сопоставляемый с прибалтийско-финскими данными при учете приб.-фин. *e* ~ субстр. *a* (ср. ниже *vehmas* ~ *Вагмас*) и приб.-фин. *s* (*š*) ~ субстр. *ш* (ср. еще юж.-эст. *sälg*, ливск. *sā̈lga*).

~ фин. *selkä* 'спина; горный кряж', карел. *šelkä*, *šelgä*, *selgä*, ливв. *selgü*, люд. *šelg*, *šel'g*, *šeʌg*, *śelg*, *sel'g*, *seʌg*, *sel'g*, *sẹʌg*, *sel'gẹ*, *selgẹ*, *setgẹ*, *seʌge*, *sẹʌgü*, *sẹʌgẹ* 'спина; горный кряж', вепс. *selg*, *śelg* 'спина', эст. *selg*, юж.-эст. *sälg* 'спина', ливск. *sā̈lga* 'спина' = саам. норв. *čiel'ge*, ин. *čielgi*, колт. *tšiẹḷǵ^{e}*, *t'šieḷj^{e}*, кильд. *t'šieḷ^{g}ḵ^{E}*, йок. *t'šeḷ^{g}ḵe*, *t'š^{i}eḷ^{g}ḵe* 'позвоночник, горный кряж' (SKES, стр. 995—996). Ср. еще саам. патс. *sĭĕḷḠ'^{E}*, нот. *sḭę̆ḷ^{g}ḵ̄^{E}*, кильд. йок. *sieḷ^{g}ḵ^{E}*, норв. *sæl'ge* 'selkä' (Itkonen, KKS, стр. 490—491) < приб.-фин.

Приб.-фин. > русск. *се́льга́*[11] (Kalima, стр. 215). Предположение, что русск. *шалга* восходит к карельско-ливвиковско-люди-

[10] И. В. Сало. Некоторые выводы о прибалтийско-финских и саамских заимствованиях и их освоении в севернорусских говорах Карельского Беломорья. — СФУ II, 1966, № 2, стр. 92.

[11] Ср. олон. *сельга*, *сёльга*, *сёлга* 'продолговатая возвышенность, покрытая лесом. . .; на таких. . . возвышенностях приходилось делать подсеки,

ковским источникам (SKES, стр. 996), представляется сомнительным.

На территории Севера засвидетельствован также и детерминатив *-шелга*, отмеченный в трех названиях: *Еньшелга* (гора), *Куршелга* (гора), *Торшелга*, *Торшалга* (остров). Варианты *Торшелга* ~ *Торшалга* указывают на возможность возникновения *-шалга* из *-шелга* в безударном положении (ср. выше о *-шалга*).

Эти названия отражают карельский консонантизм и вокализм (*šelgä*), поэтому есть все основания считать их карельскими.

Названия такого типа широко представлены в прибалтийско-финской топонимике, ср. карел. *Kallioselkä*, *Koivuselkä*, *Koskenselkä*, *Ojaselkä*, *Rajaselkä*, *Yläselkä*, фин. *Eloselkä*, *Haapaselkä*, *Jokiselkä*, *Latvaselkä*, *Lahdeselkä*, *Petäjäselkä* и т. д.

В топонимике региона детерминатив *-селга*, *-сельга* не засвидетельствован. Многочисленные названия на *-сельга* в крайне западной части Вологодской области и в восточных районах Ленинградской (*Вертосельга*, *Кивсельга*, *Койжемсельга*, *Корехсельга* и др.) явно связаны с собственно вепсской топонимикой.

II. Использование апеллятивных заимствований при этимологизации основ субстратных топонимов

В этом случае возможности использования заимствованных апеллятивов еще шире, так как для сопоставления может привлекаться не только географическая терминология, но и другие лексико-семантические группы апеллятивных заимствований. Разные случаи таких сопоставлений рассматриваются ниже при этимологизации конкретных топонимических основ.

Вагмас

Вагмас I, II, ур., Вель., III, луг, В.-Т., IV, руч., В.-Т., V, луг, К.-Б., VI, луг, Уст.

~фин. *vehmas* 'зеленеющий, цветущий, обильный, пышный, густой', *vehmasto* 'очень густой лиственный лес или кустарник', эст. *võhmas* 'остров в болоте'.

В севернорусских говорах засвидетельствовано слово *вагмас* 'сырое место, заросшее лесом; заболоченный лес с буреломом и кустарником' (Уст., СТЭ).

Ср. в финской топонимике: *Vehmas*, *Vehmasto*, *Vehmaskylä*, *Vehmaslampi*, *Vehmasniemi*, *Vehmassalmi*, *Haapavehmas*, *Niittyvehmas*, *Ritavehmas*.

почему название *сельга* иногда обозначает место, расчищенное ради посева хлеба' (Куликовский, стр. 106), *сельга* 'высокое пахотное место в лесу' (Опыт, стр. 201), *сельга* 'лес' (Дополнение к Опыту, стр. 241). Эти слова очень важны для уяснения семантики апеллятива *шалга* (ср. выше).

Вокализм первого слога (приб.-фин. *e* ~ субстр. *a*) и зона распространения свидетельствуют о том, что топоним *Вагмас* связан с каким-то специфическим субстратным источником, отличающимся от собственно прибалтийско-финских языков.

Вахк-, Вехк-, Вёхк-

Вахкамох, Пл., *Вахкозеро* I, II, Пл., *Вехкозеро* I, II, Баб., III, IV, Выт., *Вехкуй*, оз., Бел., *Вёхкозеро*, Карг. Ср. *Вехкозеро* (Карел. АССР).

Учитывая соответствия фин. *e* ~ субстр. *a* (ср. фин. *selkä* ~ *шалга*, фин. *vehmas* ~ *вагмас*), все рассматриваемые основы следует сопоставлять с фин. *vehka*, *suovehka* 'белокрыльник' (Calla), ливв. *vehku* то же, вепс. *vehk* то же, люд. *vehk* 'вахта трилистная' (Menyanthes trifoliata), эст. *võhk* 'белокрыльник'.

Названия с рассматриваемыми основами довольно широко распространены в топонимике, так как корневища Calla palustris и Menyanthes trifoliata употреблялись в пищу [12].

Различный вокализм зафиксирован и в русских апеллятивных заимствованиях, ср. олон. *вахка* 'трилистка, трефоль', Menyanthes trifoliata (Куликовский, стр. 8) и *вехка* 'название растения' (Ленингр., Ломоносовский р-н, д. Каменка) [13]. В свете сказанного становится ясной и огласовка русск. *ва́хта* 'Menyanthes trifoliata', которое В. А. Меркулова сопоставляет с прибалтийско-финскими данными, обращая, однако, внимание на несоответствие вокализма [14].

Ср. в финской топонимике: *Vehkajoki*, *Vehkajärvi*, *Vehkakorpi*, *Vehkalahti*, *Vehkaniemi*, *Vehkaoja*, *Vehkasaari*, *Vehkavaara*.

Каск-

Каска I (и *Каскозеро* I), басс. Сев. Двины, Холм., II, пр. Покшеньги, III, басс. Ваги, Вель., *Каскаболото*, Пин., *Каскоя*, пр. Суры, *Каскова*, басс. Моши, *Каскомень*, н. п., Пин., *Каскозеро* II, Выт., III, Карг., IV, Шенк.

Кастрен сопоставляет *Каскогорская*, *Касконемская* с фин. kaski 'пожога' [15]. Веске таким же образом объясняет *Каска*, *Каскозеро* [16]. Фасмер (Vasmer, Beiträge, II, стр. 397, 402, 423)

---

[12] В. А. Меркулова. Очерки по русской народной номенклатуре растений. М., 1967, стр. 38.

[13] Сообщено Г. М. Кертом.

[14] В. М. Меркулова. Указ. соч., стр. 37—38.

[15] M. A. Castrén. Bemerkungen über sawolotscheskaja Tschud Nordische Reisen und Forschungen, V. Kleinere Schriften. SPb., 1862, стр. 95, 97.

[16] М. П. Веске. Славяно-финские культурные отношения по данным языка. Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Казанском университете, т. VIII, вып. 1. Казань, 1890, стр. 53.

присоединяется к этой точке зрения, приводя *Каскозеро*, *Каскосельга*, *Каскомень*.

~ фин. *kaski*, карел. *kaški*, ливв. *kaski*, люд. *kašk*, *kaśk*, *kaski*, вепс. *kask* 'пожога' (SKES, стр. 168).

Слово *каска* известно в пинежских говорах в значении 'расчищенное место в лесу (принадлежащее кому-либо)' (Кеврола, СТЭ). Отсюда в микротопонимике: *Василёвская Каска*, *Грибовская Каска*, *Обросовская Каска*, *Пестеньская Каска*. Ср. олон. *каска* 'срубленный для пожоги лес, подсека' (Куликовский, 34) < приб.-фин. (Kalima, стр. 109). Термин неоднократно засвидетельствован в самостоятельном топонимическом употреблении (*Каска*) в названиях полей и урочищ (Он., Пин., Пл.).

Ср. фин. *Kaski*, *Kaskimäki*, *Kaskiniemi*, *Kaskisaari*, *Kaskiselkä*.

Копал-

Копалкурье, д., устье Сев. Двины (Сборник грамот Коллегии Экономии. Том I. Грамоты Двинского уезда. Петроград, 1922, № 138, 1554 г., № 311, 1586-1587 г.).

А. И. Попов объясняет *Копалкурья* как 'Глухариная курья' (точнее 'Копалушья курья' — *А. М.*), не указывая, однако, на источник заимствования [17].

~ фин. *koppelo*, карел. *koppala*, ливв. *koppal*, люд. *koppaл*, *koppau*, *koppal'*, *koppaло*, *koppali* = саам. швед. *kåppel*, норв. *goap'-pel*, ин. *kŏ̰ăppᶜīl*, колт. *kȯaэppil*, йок. *kiθhpel* 'самка глухаря' (SKES, стр. 217).

Приб.-фин. (Kalima, стр. 128) или саам. (Itkonen, LLR, стр. 63) > олон. *коппала* 'самка тетерева-глухаря' (Куликовский, стр. 40), арханг. *копала*, *копель* то же (Подвысоцкий, стр. 72).

Ср. фин. *Koppeloniemi*, *Koppelonpalsta*, *Koppelonsuo*, *Koppelonvaara*.

Корб-, *Корп-*

Корба I, пр. Немнюги, II, басс. Онежского озера, Выт., III, пр. Паденьги, *Корбала* I, н. п., Вин., II, н. п., Шенк., *Корбанга*, басс. Сухоны, Сок. (и *Корбыш* I, пр. *Корбанги*), *Корбозеро* I, II, III, Выт., IV, V, Он., VI, Пл., VII Прим., *Корбула*, басс. Кичменьги, *Корбуша*, оз., Холм., *Корбыш* II, пр. Волошки; *Корпозеро*, Прим., *Корпыш*, оз., Леш.

Ср. *Корба* — 1) басс. Водлы (Карел. АССР), 2) пр. Меры (Костр.).

Фасмер сопоставляет *Корбозеро* с фин. *korpi* 'дремучий, глухой лес', эст. *kõrb* 'большой лес' (Vasmer, Beiträge, II, стр. 394, 406), Богданов, этимологизируя *Корба*, *Корбозеро*, приводит вепс.

---

[17] А. И. Попов. Из истории финно-угорских народностей. . ., стр. 279.

корбь 'дремучий, глухой лес' [18]. Подольская видит в *Корбала* сложение финских слов *korpi* и *ala* 'почва, площадь, основание' [19], что ошибочно. *-la* здесь, конечно, суффикс.

~ фин. *korpi*, карел.-ливв. *korbi*, люд. *koŕb*, *koŕbi*, *korbi*, вепс. *koŕb* 'дремучий, глухой лес', эст. *kõrb* 'большой лес' = ? манс. *khorėp* 'лес из лиственниц', *khworėp* 'кедровник', *qōrịp* 'березняк', ненец. *hōrβ*, *kārβ* 'лиственница' (SKES, стр. 219). Из-за мансийских данных не дифференцирует финскую топонимику от угорской.

Корпозеро и *Корпыш* относятся к поздним топонимам финско-севернокарельского типа.

Ср. олон. *корба* 'ложбина, поросшая большим, дремучим лесом, трущоба, чаща' (Куликовский, стр. 40) < приб.-фин. (Kalima, стр. 128).

Ср. фин. *Korpela*, *Korpijärvi*, *Korpikorva*, *Korpilahti*, *Korpilähde*, *Korpinurmi*.

Лавд-, *Лобд-*, *Ловд-*

Лавда I, II, басс. Пинеги, В.-Т., III, пр. Пинеги, *Лавдай*, басс. Вашки, *Лавдова*, пр. Сев. Двины, В.-Т., *Лавдозеро*, Он., *Лавдоя*, басс. Пинеги, Пин., *Лавдуй*, ур., Леш.; *Лобдозеро*, Пл., *Ловдозеро*, Пл.

Фасмер (Vasmer, Beiträge, II, стр. 408) сопоставляет *Лавдозеро* (Олон. губ.) с фин. *lauta*, эст. *laud* 'доска', а *Лавдуга* (Костр. губ.) с коми-зыр. *lapyd* 'сырой, влажный' (Vasmer, Beiträge, IV, стр. 257). Последнее ошибочно.

~ фин. *lauta* 'доска', *laudas*, *laudus* 'поплавок невода, сделанный из доски', карел. *lauda*, ливв. *laudu* 'доска', люд. *лaud*, *лaudȩ* 'доска, скамья в лодке', вепс. *лaud* 'доска', вод. *лauta* 'стол', эст. *laud* 'стол; доска' = саам. норв. *luow'de* 'деревянный поплавок невода, сети', ин. *lyevdi*, нот. *luvt*, кильд. *luᵢvt*, йок. *līvte* 'доска' (SKES, стр. 282—283); ср. олон. *ловда*, *ловдус* 'большой поплавок у невода' (Куликовский, стр. 50) < приб.-фин. (Kalima, стр. 154).

В русских говорах северного Зауралья (Припелымье) отмечена *лавда* 'центральный поплавок у невода' (приб.-фин.) [20].

Соответствия *лавд-* ~ *ловд-* и *лобд-* ~ *ловд-* закономерны.

---

[18] Н. И. Богданов. К истории вепсов (По материалам топонимики). Известия Карело-Финского филиала Академии наук СССР, № 2. Петрозаводск, 1951, стр. 27, 29.

[19] Н. В. Подольская. Топонимика Новгородской земли по данным Новгородских письменных памятников XI—XV вв. Рукопись диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1956, стр. 298—299.

[20] А. К. Матвеев. Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала. — УЗ УрГУ им. А. М. Горького, вып. 32. Свердловск, 1959, стр. 14. Ср. Kalima, стр. 154.

Формы с основой *Лавд-* — прибалтийско-финского типа. Названия с основами *Лобд-*, *Ловд-* допускают различную трактовку.

Ср. фин. *Lautajärvi*, *Lautalampi*, *Lautaluoma*, *Lautamäki*, *Lautaniemi*, *Lautaoja*, *Lautaranta*, *Lautasilta*.

Лемб-, *Ленб-*

Лемба, бол., Кир., *Лембесера* (*Лембёсера*, *Лембисёра*, *Ленбисёра*), басс. Пинеги, В.-Т., *Лембова*, басс. Сев. Двины, Вин., *Лембонема*, д., Пин., *Ленбозеро*, Холм.

Ленб- < *Лемб-* до диссимиляции губных. О форманте *-сера* см. выше *-сара*, *-сора*.

Фасмер (Vasmer, Beiträge, II, стр. 423) приводит формы *Лембонемы*, *Лембонемское* и сравнивает их с фин. *lempo* 'черт'. Еще раньше Алквист сопоставлял *Лембонемь* с фин. *Lemponiemi* [21].

Ср. *Лемболово* (Ленингр.) < фин. *lempo*, карел. *lemboi* 'черт' [22].

~фин. *lempo*, карел. *lembo*, *lempo*, ливв. *l'emboi*, люд. *lemboi*, *l'emboi*, *lembue*, вепс. *l'embe̯i*, *l'embi̯i* 'черт, леший' (SKES, стр. 287); ср. олон. *лемба*, *лембой* 'низший род нечистой силы, дьявол' (Куликовский, стр. 49), арханг. *лембой* 'леший, черт' (Подвысоцкий, стр. 82) < приб.-фин. (Kalima, стр. 151—152).

В семантическом отношении ср.: *Чёртов*, мыс, *Чёртово*, луг, *Чёртолом*, руч., *Чёртородина*, луг, *Чёрторой*, р., *Чёртова Нога*, луг, *Чёртов Нос*, луг (Арх.).

Лухт-

Лухтозеро I, Бел., II, Выт., *Лухтомень*, луг, Пин., *Лухтома*, р.[23], *Лухтонга*, пр. Кубены.

Фасмер производит *Лухтозеро* (Олон. губ.) от фин. *luhta* 'заболоченный луг', эст. *luht* 'низкий прибрежный луг' (Vasmer, Beiträge, II, стр. 403). Керт сравнивает *Лухтансельга* (Карел. АССР) с саам. *luxt* 'залив' и карел. *luhta* 'лужа' [24], однако в этом случае сравнение возможно только с карельскими данными.

~ 1) фин. *luhta* 'заливной луг', карел. *luhta* 'прибрежный луг', ливв. *luhtu* 'озерко, лужа', люд. *лuht*, *лuhte̯* 'лужа, грязь', 'заливной луг', вепс. *лuht*, вод. *лuhta* 'заливной луг', эст. *luht* 'при-

---

[21] Aug. Ahlqvist. Kalevalan karjalaisuus. Kalevalasta it sestään ja muualta. Helsingissä, 1887, стр. 24.

[22] З. М. Дубровина. Прибалтийско-финские элементы в топонимике Ленинградской области. Вопросы финно-угорской филологии. Вып. 2. УЗ ЛГУ им. А. А. Жданова № 335, серия филологических наук, вып. 71. Л., 1969, стр. 78.

[23] Список населенных мест по сведениям 1859 года. VII. Вологодская губерния. СПб., 1866, № 5361.

[24] Г. М. Керт. Некоторые саамские топонимические названия на территории Карельской АССР. — ВЯ, 1960, № 2, стр. 92.

брежный луг' < балт., ср. лит. *lùkštas* 'калужница болотная' (caltha palustris); фин. > саам. ин. *luhtȧ* 'заливной луг', норв. *luk'te*, *luk'ta*, *lut'ta* 'осока' (SKES, стр. 306); 2) саам. патс. *lux̄t*^{A}, нот. *ʌй̆ŏx̄t̀*^{A}, кильд. *ʌūx̄t*$^{(A)}$, йок. *ʌi̯k̄t*$^{(A)}$, норв. *luok'tâ* 'залив, бухта' (Itkonen, KKS, стр. 224).

Ср. олон. *лухта* 'залив; мелкое место в озере, покрытое травой' (Куликовский, стр. 51), которое Калима считает прибалтийско-финским (Kalima, стр. 157), а Итконен — саамским (Itkonen, LLR, стр. 54). Фактически здесь контаминация разных по происхождению слов (ср. *лухта* 'заливной луг', Нянд., СТЭ).

Ср. фин. *Luhtahauta*, *Luhtajoki*, *Luhtajärvi*, *Luhtalahti*, *Luhtanurmi*, саам. *Luhtjok* (Itkonen, KKS, стр. 989).

Мегр-, *Мехр-*, *Мягр-*

Мегра I, басс. Белого моря, Мез., II, Басс. Белого озера, III, басс. Онежского озера, *Мегриш* I, пр. Волошки, II, пр. Свиди; *Мехреньга* I, пр. Емцы, II, пр. Моши, III, пр. Устьи, *Мехреньгин*, руч., басс. Белого моря, Прим; *Мягрома*, басс. Устьи.

Ср. на территории Карел. АССР: *Мегрега*, пр. Олонки, *Мегриярви*, *Мегрозеро*, *Мягрозеро*.

Подобные названия часто встречаются и западнее — вплоть до Новгородской области. Обширный материал этого рода приводит Фасмер — *Мягрино*, *Мегрино*, *Мегрянка*, *Мегровка*, *Мягры* (Vasmer, Beiträge, II, стр. 366, 374, 375, 379, 393), хотя некоторые из упомянутых названий, возможно, вторичны и восходят к антропонимам.

Все варианты основы связаны с одним субстратным корнем, но трудно решить вопрос, возникли они на русской почве или нет. Действительно, следует иметь в виду: 1) фин. *ä* может передаваться русск. *е* (Kalima, стр. 52—53), причем в субстратной топонимике *ä* особенно часто отражается как русское *е* в положении между мягкими согласными, ср. ниже *меньдюга* и фин. *mänty*, карел. *mändü* 'сосна'; под это правило подходят случаи *Мегрега*, *Мегриш*, *Мехреньга*, а также *Мегра*, если учесть возможное отпадение детерминатива и русскую адаптацию; случай *Мягрома* также как будто бы свидетельствует в пользу высказанного соображения (*ä* отражается как *'а* в положении перед твердым); в то же самое время нельзя категорически отрицать существование вариантов **megr-*, **mägr-* уже в различных диалектах (или языках) самой субстратной топонимики (ср. ниже мар. *nerγe*); 2) интервокальная консонантная группа *-хр-* скорее всего возникла на русской почве из *-гр-* по диссимиляции заднеязычных, ср. *Ягрема*, *Ягрыш*, но *Яхреньга* < **Ягреньга*, т. е. *Мехреньга* < *Мегреньга*, однако и в этом случае нельзя полностью исключить возможность вариантности в источниках (**megr-*, **meγr-*), если учесть соответствия типа *Ягрема* ~ *Яхрома*.

Гидроним *Мехреньгин* (ручей) характеризуется русским формативом *-ин*.

Этимология основы (~карел. *mägrä* 'барсук') установлена еще Шёгреном [25], указавшим, что местное население г. Олонца реку *Мегрега* называет *Mägräjogi*. Последнее, впрочем, не подтверждается другими источниками [26]. Возможно, и в этом случае мы имеем дело с более древним субстратом, хотя и генетически близким к прибалтийско-финским языкам, однако нельзя исключить и деэтимологизацию, сопровождаемую фонетическими изменениями.

Алквист сопоставляет *Мегра* и фин. *Mäkrä*, *Мехреньга* и фин. *Mägränjoki* [27]. Впоследствии эта же этимология приводится в трудах Фасмера (Vasmer, Beiträge, II, стр. 366, 374, 375, 379, 381, 393, 394, 399, 424, 425), Попова [28], Богданова [29].

Фасмер (Vasmer, Beiträge, II, стр. 424—425) указывал на фонетическую трудность — появление *х* в *Мехреньга* при ожидаемом *г* (при карел. *mägrä*) — и наличие неприбалтийско-финского окончания *-енга* (так у Фасмера). Эти трудности мнимы, так как *х* < *г* (см. выше), а названия на *-у+ньга*, очевидно, восходят к промежуточному прибалтийско-финско-волжскому языку, который включал в себя как прибалтийско-финские, так и волжские лексические и грамматические элементы.

~фин. *mägrä*, *mäkrä*, карел. *mägrä*, ливв. *mägrü*, люд. *mägr*, *mägrẹ*, *mägrü*, вепс. *mägr*, эст. *mäer*, *mäger* 'барсук' =? мар. *nerγe* то же (SKES, стр. 361). Марийское соответствие (*nerγe*) показывает, что в субстратных источниках исконным мог быть вариант **megr-*, а не **mägr-*. Ср. еще морд. *нерьгаз* 'барсук'.

Сомнения Б. А. Серебренникова, указывающего на то, что *mägrä* может быть не исконным, а заимствованным словом [30], не меняет сути дела, так как слово *mägrä* относится к общему прибалтийско-финско-волжскому фонду (ср. выше). Членение *Мяг-ра* (*-ра* — суффикс), производимое Б. А. Серебренниковым в соответствии с принятой им процедурой топонимического анализа [31], произвольно [32].

Хорошее подтверждение закономерностям фонетического варьи-

---

[25] J. A. Sjögren. Über die älteren Wohnsitze der Jemen. Gesammelte Schriften. Band 1. SPb., 1861, стр. 512.

[26] Ср.: *Mägrii* — д. *Мегрега*, *Mägriän jogi* — р. *Мегрега*. *Mägrätjärvi* — *Мегрозеро* (сообщение Г. Н. Макарова).

[27] Aug. Ahlqvist. Там же, стр. 24—25.

[28] А. И. Попов. Топонимика Белозерского края. . ., стр. 173.

[29] Н. И. Богданов. Указ. соч., стр. 30.

[30] Б. А. Серебренников. О гидронимических формантах *-ньга*, *-юга*, *-уга* и *-юг*. — СФУ II, 1966, № 1, стр. 62.

[31] Б. А. Серебренников. Волго-окская топонимика на территории Европейской части СССР. — ВЯ, 1955, № 6, стр. 25.

[32] A. Sauvageot. A propos de certains noms de lieux de Russie septentrionale. — UAJb., XXX, 1948, Heft. 1—2, стр. 4.

рования топонимов и этимологии в целом следует видеть в существовании олон. *мехрюк*, *мехрютка* 'толстый, неповоротливый человек' (Куликовский, стр. 55), арханг. *мехрёнок* 'неповоротливый человек' (Подвысоцкий, стр. 91), *мехряк* 'толстый человек' (К.-Б., СТЭ), ср.-уральск. *мехря*, *мехряк*, *михряк* 'толстяк, здоровяк' [33], бесспорно связанных с прибалтийско-финским или прибалтийско-финско-волжским словом со значением 'барсук' (развитие значений: 'барсук' > 'неповоротливое, толстое животное' > 'неповоротливый, толстый человек').

Ср. фин. *Mäyrä*, *Mäyramäki*, *Mäyrävuori*, *Mäyräjärvi*, *Mäyränoja*, *Mäkrä*, *Mäkrälampi*.

Меньд-, *Мянд-*, *Нянд-*

Меньдюга, басс. Емцы; *Мянда* (и *Мяндозеро* I), басс. Двинской губы, *Мяннаволок* (<**Мянднаволок*), луг, Он., *Мяндова*, басс. Онеги, Пл., *Мяндовка* (*Няндовка*), луг, Холм., *Мяндозеро* II, III, Он., IV (и *Мяндручей* ~ *Мендручей*), Пл.

Нянда, басс. Вычегды, Лен., *Няндова*, басс. Уфтюги, *Няндома*, басс. Волошки.

Меньдюга следует возводить к **Мяндюга* с учетом соответствия фин. *ä* русск. *е* (Kalima, стр. 52—53) (ср. *Мяндручей* ~ *Мендручей*) и перехода *а* > *е* между мягкими согласными в русских говорах.

Ср. *Ментсары* (<фин. *mänty*+*saari*), *Мендухари* (Ленингр.) [34].

Основа *Нянд-* возникла из *Мянд-* по ассимиляции в процессе русского усвоения, т. е. *Няндома* < **Мяндома* и т. п. (ср. *Мяндовка* ~ *Няндовка*). Следует учесть, однако, и возможность колебания *т* ~ *п* (ср. карел. *mägrä* ~ мар. *nerγe* 'барсук') на прибалтийско-финско-волжской почве. В связи с этим уместно заметить, что основа *Нянд-* распространена в южной части региона.

Фасмер (Vasmer, Beiträge, II, стр. 386) связывает название н. п. *Мянда* (Новг. губ.) с фин. *mänty*, эст. *mänd* 'сосна'.

~фин. *mänty*, карел. *mändü*, ливв. *mändö*, люд. *mänd*, *mändü*, *mändu*, *mändö*, вод. *mänty*, эст. *mänd* 'сосна', ливск. *mänD* 'молодая сосна' (SKES, стр. 359). В русских говорах Севера известно слово *мянда* (олон. 'болотная, равно как и горная сосна, негодная на поделки', Куликовский, стр. 59; арханг. 'растущая на низменных местностях мелкая сосна', Подвысоцкий, стр. 95) < приб.-фин. (Kalima, стр. 170—171).

Ср. фин. *Mäntylä*, *Mäntyjärvi*, *Mäntylahti*, *Mäntyniemi*, *Mäntyoja*.

---

[33] Сл. сред. Урала, II, стр. 130.
[34] З. М. Дубровина. Указ. соч., стр. 81—82.

Ńюхча I, басс. Онежской губы (Карел. АССР), II, пр. Пинеги, Пин., *Нюхчева*, пр. Суры, *Нюхчизеро*, Пин., *Нюхчозеро* I, Пл., II, Холм.

Возможно сюда же относятся *Нюхкурья*, басс. Сев. Двины, Прим. и *Нюхпоча*, зал., Пл. В обоих этих случаях допустимо предполагать выпадение *ч* в группе *хч* перед согласным форманта.

Связь основы *Нюхч-* с саамскими данными показана Фасмером (Vasmer, Beiträge, IV, стр. 193, 195, 202, 203) и Кертом [35]. Попов относит лексический элемент *нюхч-* 'лебедь' к какому-то диалекту Суры Поганой [36].

~ саам. патс. *ńuxt̀šᴬ*, нот. *ńuxt̀'šᴬ*, кильд. *ńuxt'š(A)*, йок. *ńuk̄t'š(A)*, норв. *njuk'čâ* 'лебедь' (Itkonen, KKS, стр. 306).

В русской лексике обращает на себя внимание арханг. *нюхча* 'неповоротливый, недогадливый' (Грандилевский, стр. 212), 'вялый, непроворный, неповоротливый' (Подвысоцкий, стр. 104). Возможно, это слово происходит от названия р. *Нюхча* (пр. Пинеги), перенесенного впоследствии и на местное население (ср. р. *Сура — Сура поганая*, р. *Тойма — Тоймичи поганые*). Развитие значения в этом случае аналогично *маньси* > *ванъза* 'вялый, неразворотливый, простофиля' [37] или *Сура* (название племени) > *сура* 'дура, глупая' (Уст., СТЭ).

Ср. саам. *Njyhtš-jaur*, *N'ukč-jokk*, *N'uxt̀'š-лūввал* и др., в Финляндии — *Nuuksivaara*, *Nuuksio* (Itkonen, KKS, стр. 998).

Отметим еще коми-зыр. *Нюкчим* — русск. *Нювчим*, очевидно, переработку более древнего **ńuxčim*. В коми языке отсутствует звук *x*, поэтому естественна замена *ńuxč-* > *Нюкч-* [38]. О возможности преобразования *-хč-* > *-вч-* на русской почве свидетельствует и название р. *Нювченьга*, [39] (< ? **Нюхченьга*) [40].

Б. А. Серебренников относит названия *Нювчим*, *Нюкчим* к числу угорских, сопоставляя с манс. *накаси* 'небольшой лес на болоте' [41], что совершенно не отвечает фонетическим условиям.

---

[35] Г. М. Керт. Указ. соч., стр. 89.

[36] А. И. Попов. Из истории финно-угорских народностей. . ., стр. 333.

[37] А. К. Матвеев. Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала. . ., стр. 48—54.

[38] Ср. еще русск. *Мохча* и коми-зыр. *Мокча* (название села, Ижемский р-н Коми АССР).

[39] Список населенных мест по сведениям 1859 года. VII. Вологодская губерния, № 9562.

[40] Ср., однако, саам. кильд *ńux̄t'š(A)*, родит. ед. *ńuvt̀'šᴬ*, свидетельствующее о том, что это преобразование могло произойти и в языке-источнике.

[41] Б. А. Серебренников. К проблеме этнической и языковой принадлежности создателей гидронимии на *-ым(-им)*. NyK, Budapest, 1968, XX,1, стр. 132.

Пахк-

Пахкала, луг, Он., *Пахкозеро*, Пл. ~ фин. *pahka* 'шишка, нарост, бугорок', карел. *pahka*, ливв. *pahku* 'шишка, нарост на теле или дереве', люд. *pahk*, *pahkę*, *pahku* 'нарост на березе', вепс. *pahk* 'нарост на дереве', вод. *pahk* 'шишка, нарост', эст. *pahk* 'шишка, наплыв' (SKES, стр. 455); ср. еще саам. (< фин. SKES, стр. 455) патс. *pạ̊'ḳ'ḳ'^{E}*, нот. *pȧɔḳ̀'ḳ'^{E}*, кильд. *pạ̄̊ɔ̀ḳ^{E}*, йок. *pāɔ̄ḳε* 'нарост (на дереве)', 'холм, поросший карликовой березкой и ягелем' (Itkonen, KKS, стр. 335).

Сопоставление с прибалтийско-финскими данными явно предпочтительнее, но саамские слова интересны с семантической стороны.

Ср. в русской лексике *пахкач* 'березовая ветвь, на конце которой выросло много молодых веточек; когда они высыхают, на ветви возникает темное разращение, напоминающее птичье гнездо' (СТЭ). Это слово связано с теми же прибалтийско-финскими данными, что и топонимы *Пахкала* и *Пахкозеро*.

Ср. фин. *Pahka*, *Pahkala*, *Pahkajärvi*, *Pahkamäki*, *Pahkaoja*, *Pahkavaara*, *Pahkavuori*.

Пехк-

Пехкозеро (*Пёхкозеро*), Он. ~ фин. *pehka* 'гнилое дерево', *pehko* 'куст', карел.-ливв. *pehko* 'сухое или гнилое дерево (пень)', 'куст', люд. *pehk* 'гнилая береза', вепс. *pehk* 'высокое дуплистое дерево или пень', 'гнилое дерево', вод. *pehko* 'куст', эст. *põhk*, диал. *põkk* 'солома; подстилка (из соломы)', ливск. *pę̄'kt* 'мелкая пыль' (SKES, стр. 509).

Ср. русск. *пёвка* 'сухая береза с прогнившей серединой' (В.-Т., СТЭ), 'сломанное березовое дерево; березовый пень' (В.-Т., СТЭ).

Следовательно, консонантная группа *-хк-* перерабатывалась на русской почве в *-вк-* (ср. ниже *Пихк-* > *Пивк-*), что следует рассматривать как диссимиляцию заднеязычных в нетипичной для русского языка группе. Несколько иначе объясняет это явление Калима (Kalima, стр. 89, 186).

Ср. фин. *Pehko*, *Pehkala*, *Pehkola*.

Пивк-, *Пихк-*

Пивков, руч., Вин., *Пивкова* I, пр. Выи, II, пр. Илеши, III, басс. Ниж. Тоймы, IV, басс. Устьи, *Пивкозеро* I, Он., II, III, IV, Пл.

Пихкало, н. п., Прим., *Пикозеро* I (*Пивкозеро*), Он., II, Он., III, Пл.

~ фин., карел. *pihka*, ливв. *pihku*, люд. *pihk*, *pihkę* 'живица, смола', вепс. *pihk* 'сосновая живица, смола; молодой, густой сос-

новый лес; хвойный лес; сосна, сосняк; лес, глухой лес', вод. *pihk* 'живица, смола', *pihku* 'сосна', эст. *pihk* 'смола' (SKES, стр. 541—542). Ср. олон. *пихка* 'мелкая еловая чаща; сок сосны, ели' (Куликовский, стр. 82) < приб.-фин. (Kalima, стр. 186).

Из основы *Пихк-* в ряде случаев возникла основа *Пивк-*, частью, возможно, по ассимиляции (**Пихкова > Пивкова*), но в основном в связи с переработкой нетипичной для русского языка группы *-хк-* в *-вк-* (ср. *Пехк- > Певк-*). Ср. наряду с *пихка* олон. *пивка* 'мелкий, частый молодой лесок; древесный сок' (Куликовский, стр. 82), 'непроходимый мелкий лес' (Пин., СТЭ), 'молодой густой лес' (Пин. СТЭ), 'пихта' (В.-Т., СТЭ). Калима возводит слово к тем же прибалтийско-финским источникам (Kalima, стр. 186).

Характерно, что названия с группой *-хк-* сосредоточены в северо-западной части региона, где фиксируется много чисто прибалтийско-финских топонимов. В то же время названия с группой *-вк-* обычны на востоке территории, что хорошо согласуется с широким распространением слова *пивка* в пинежских говорах. Возможно, что названия с этой группой русского происхождения.

Ср. фин. *Pihka*, *Pihkakoski*, *Pihkala*, *Pihkola*.

Пойг-, *Пойк-*

Пойгозеро, Карг.; *Пойкручей* I, Выт., II, Нянд. ~ фин. *poika*, карел. *poika*, *poiga*, ливв. *poigu*, люд. *poig*, *poigȩ*, *poigu*, вепс. *poig*, *poeg*, вод. *poika*, *poikȩ*, *poik*, эст. *poeg*, диал. *poig*, ливск. *pùǫga* 'мальчик, сын' (SKES, стр. 590). Ср. арханг. *пойга* 'мальчик, мальчишка' (Даль^2 III, стр. 233) < приб.-фин. (Kalima, стр. 186—187). Пермские и угорские соответствия фонетически далеки (SKES, стр. 590).

Ср. фин. *Poikalahti*, *Poikalähde*, *Poikaniemi*, *Poikasaari*, *Poikola*.

Раб-, *Роб-*

Рабаньга, часть р. Сухоны, Сок., *Рабручей*, Карг.; *Робозеро* [42], Бел.

Фасмер сопоставляет *Рабежа* (Новг. губ., Vasmer, Beiträge, II, стр. 374) и *Робозеро* (Новг. губ., Vasmer, Beiträge, II, стр. 372) с фин. *rapa* 'гуща, грязь', эст. *raba* 'болото, топь'.

~ фин. *rapa* 'гуща, барда, грязь, слякоть, ил, болотная грязь', карел.-ливв. *rapa*, *raba* 'гуща, барда, грязь, слякоть, ил', люд., вепс. *raba* 'гуща, грязь', вепс. *raba*, вод. *rapa* '(пивная) гуща', эст. *raba* 'барда; болото, топь' < ? герм. (SKES, стр. 735). Ср. олон. *рабач* 'кривоствольное, малорослое, суковатое дерево' (Ку-

---

[42] Основы *Раб-* и *Роб-* сопоставимы при учете фин. *a* ~ русск. *o*.

ликовский, стр. 98), *робач* 'сухое, суковатое дерево' (Куликовский, стр. 100) < приб.-фин. (Kalima, стр. 192—193).

Истолкование топонима *Рабаньга* поддерживается реалией: *Сухона* (*Рабаньга*) течет по большому болоту, которое называется *Рабаньгское*.

Ср. фин. *Rapakallio*, *Rapalahti*, *Rapalampi*, *Rapaluoto*, *Rapaniemi*.

Риг-

Ригач, басс. Сухоны, В.-Уст., *Ригова* I, басс. Пинеги, В.-Т., II., пр. Пинеги, В.-Т., *Ригова Гора*, холм, В.-Т., *Ригово*, поле, В.-Т., *Ригомина*, луг, низовья Сев. Двины, *Ригуши*, мыс, Нянд.

Ср. в Карел. АССР: *Риговарака* — *Riihivaara*, *Ригозеро*, *Риго-река*, *Риго-ручей*, *Ригосельга* — *Riihiselkä*, *Риг-оя*.

~ фин. *riihi*, карел.-ливв. *riihi*, *ŕiiȟi*, люд. *rīhi*, *rīhɛ*, *rīh*, *ŕih*, вепс. *rihi*, *ŕihi*, *rii̭h*, *ŕih* 'рига, овин', вод. *rihi* 'строение, изба', эст. *rehi*, диал. *rei*, *rehe*, *riha*, *rihi*, *riih*, ливск. *rī'* 'рига, овин' (SKES, стр. 783). Пермские соответствия далеки (SKES, там же).

Ср. русск. *рига* 'молотильный сарай с овином, крытый ток с сушилом' (Даль[2] IV, стр. 96), олон. *ригача* (Куликовский, стр. 100) < приб.-фин. (Kalima, стр. 199—200).

Ср. фин. *Riihimäki*, *Riihiniemi*, *Riihipelto*, *Riihisaari* *Riihiselkä*, *Riihisuo*, *Riihivaara*.

Розьм-

Розьмега, луг, Пл., *Розьменга* (и *Розьмозеро*), басс. Леди. Ср. в Карел. АССР: *Розмега*, д., *Розме-ручей*.

~ карел. *ruožmi* 'ржавчина (на воде или на растениях)', ливв. *ruozme* 'ржавчина на болоте', *ruozme* 'ржавая почва', *ruozmemua* 'ржавая земля', *ruozmiet* 'трава, выросшая на земле с ржавчиной', *ruozmevesi* 'ржавая вода', люд. *ruozme*, *ruozḿe* 'бурая вода с ржавчиной, болотная грязь; ржавчина', вепс. *rozme* 'ржавчина на воде'; ср. карел. *ruožme*, *ruošme* 'ржавчина на сене или зерне' (Kalima, стр. 203, 204); ср. олон. *розмега* 'лужица с ржавой водой на лугу, болоте' (Куликовский, стр. 101) < приб.-фин. (Kalima, там же). Считается этимологически неясным словом (Kalima, там же).

Топонимы *Розмега*, *Розьмега* восходят к нарицательному *розмега*.

Ср. карел. *Розмесуо*, фин. *Ruostejärvi*.

Себр-

Себра, басс. Сухоны, В.-Уст., *Себренга*, оз., Тотем.

~ фин. *seura*, карел. *sepra*, *śebra* 'общество', ливв. *siebru̯* 'общая работа', люд. *śiebr(u)*, *siebrę* 'общество', вепс. *śebr* 'об-

щество, общая работа', вод. *sebra*, *sebr* 'друг', эст. *sõber* 'друг', ливск. *sü'br* 'друг' < балт., ср. лит. *sẽbras* 'сообщник, товарищ', *sėbrà* 'общество', лтш. *sębrs* 'хороший знакомый, друг', приб.-фин. > саам. швед. *sebre*, *säbre* 'участие, общение', норв. *sœr've* 'общество', ин. *servi* 'общество', колт., патс. *sĭĕrvē*, нот. *sĭĕvr*, кильд. *sievr*[e] 'общество' (SKES, стр. 1006—1007).

В русских говорах широко распространены слова, заимствованные из прибалтийско-финских (Kalima, стр. 214—215) и, очевидно, других ныне вымерших финских источников: *себра* 'работа общими силами' (Опыт, стр. 201), *себриться* 'присосеживаться, подбираться, заискивать' (Дополнение к Опыту, стр. 240), *себровщина* 'общество одного селения', *сябра* 'знакомый, приятель' (Опыт, стр. 225), *сябры* 'товарищи, которые в чем-либо участвуют' (Опыт, стр. 225), *сябра*, *себра* 'община, артель, общее дело' (Куликовский, стр. 117), *себра* 'тяжелая сеть для ловли большой рыбы; обычно ловят на четырех лодках двумя сетями' (Бел., СТЭ) и т. п.

Калима (Kalima, стр. 215) сомневается в том, что слова *сябр*, *сябер*, *шабр*, *шабер*, *шебер* 'сосед', которые также зафиксированы в русских говорах, восходят к прибалтийско-финским источникам. Фасмер (Vasmer, II, стр. 599) сомневается даже в их финно-угорском происхождении, однако Б. А. Серебренникову представляется это возможным при сопоставлении с эст. *sõber* 'друг' [43]. Очевидно, многообразие звуковых вариантов объясняется заимствованием слова из различных финских языков, а также контаминациями на русской почве.

Ср. фин. *Seura*, *Seurajärvi*, *Seurasaari*.

Сельг-

Сельгозеро, Холм. Ср. в Карел. АССР: *Сельгозеро* и *Сельгручей*.

Кастрен [44] и Веске [45] возводят *Селгозеро* (так!) к фин. *selkä* 'хребет, кряж'. Фасмер (Vasmer, Beiträge, II, стр. 396) сопоставляет *Сельгручей* (Олон. губ.) с фин. *Selkäoja* (*selkä*+*oja*).

~ фин. *selkä* 'спина; продолговатая пологая возвышенность', ливв. *selgy* 'selkä', люд. *šelg*, *śelg*, *śelg*, *sel'ge*, '*selkä*', вепс. *sel'g* 'спина, хребет', эст. *sel'g*, *selg* 'спина', карел. *šelgä*, эст. *sel'g*, *säl'g* 'rücken, landrücken' (Kalima, стр. 215); ср. саам. патс. *sĭĕlG'E*, нот. *sĭĕlgkE*, кильд., йок. *sielgkE* 'selkä' (Itkonen, KKS, стр. 490—491). Ср. олон. *сельга* 'продолговатая возвышен-

---

43 Б. А. Серебренников. О финно-угорских этимологиях в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера. Лексикографический сборник, V. М., 1962, стр. 31.

44 М. А. Castrén. Там же, стр. 95.

45 М. П. Веске. Там же, стр. 4.

ность, покрытая лесом' (Куликовский, стр. 106) < приб.-фин. (Kalima, там же).

Ср. карел. *Сельгасуо*, *Селькярви*, фин. *Selkäjoki*, *Selkäjarvi*, *Selkäluoto*, *Selkäsaari*, *Selkävirta*.

Сыр-, *Сырь-*, *Сюр-*

Сырнема, луг, Он., *Сырова*, басс. Юлы, *Сырья* I, луг, Он., II, н. п., Он.

Сюра I, басс. Выи, II, басс. Пинеги, Пин., *Сюрева*, басс. Сев. Двины, К.-Б., *Сюрега*, басс. Ёжуги, *Сюрей*, пр. Юраса, *Сюрий*, пр. Мезени, Леш., *Сюрнем*, н. п., Бел., *Сюрой*, басс. Юлы, *Сюроя* I, басс. Пинеги, Пин., II, басс. *Суры*, III, пр. Явзоры.

Учитывая соответствие фин. *ü* ~ русск. *ы* [46], восстанавливаем для основы *Сыр(ь)* — исходную форму **sür(ŕ)-*, что позволяет рассматривать топонимы с этой основой как вариант названий с основой *Сюр-*, *Сюрь-*.

Для доказательства коррелятивности основ *Сыр-*, *Сырь-* и *Сюр-*, *Сюрь-* очень важны данные, которые приводит Г. Я. Симина, сравнивающая современное название р. *Сюрей* (пр. Юраса) с засвидетельствованной в пинежских писцовых книгах формой *Сырвей* [47] («по Юрасу речки *Сырвей*», кн. 1686 г., стр. 165) [48]. Отсюда следует, что основа *Сыр(ь)* — отражает более древнее состояние.

Вепсское происхождение топонима *Сюрнем(а)* установлено А. И. Поповым [49].

~ фин. *syrjä*, карел. *šürja*, *sürja*, ливв. *sürjü*, *sürᵈ'jü*, *sürd'ü*, люд. *sürd'ę*, *sürd'ü*, *sürd'*, *šurd'*, вепс. *siŕj*, *süŕj*, *süŕǵ*, *sürj*, вод. *sürjä* 'сторона, край' (SKES, стр. 1148).

Название *Сырья* точно соответствует фин. *syrjä*.

Приведенные факты явно свидетельствуют в пользу старинной этимологии этнонима *зырянин*, указывающей его с фин. *syrjä* (ср. др.-русск. *сырьяне*) [50], и против связи этого слова с манс. *saran* 'зырянин' (подробности см.: Фасмер, II, стр. 109—110) [51].

Ср. карел. *Сюря-оя*, *Syrjävaara*, фин. *Syrjä*, *Syrjälä*, *Syrjämäki*, *Syrjäniemi*.

---

[46] А. К. Матвеев. Русская топонимика финно-угорского происхождения на территории севера Европейской части СССР. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 1970, стр. 209—215.

[47] Г. Я. Симина. Микротопонимия бассейна Юлы. Сб. «Изучение географических названий». Вопросы географии № 70. М., 1966, стр. 154.

[48] Этот факт чрезвычайно интересен и по результатам переработки форманта (*Сыр-вей* > *Сюр-ей*).

[49] А. И. Попов. Топонимика Белозерского края. . ., стр. 173—174.

[50] См. «Житие святого Стефана епископа пермского, написанное Епифанием Премудрым». СПб., 1897, стр. 9.

[51] Ср.: «уже доказано, что *Пермь* и *Зыряне* — название синонимическое, с одинаковым значением Украины, Украинцев, и в старину могли

Чёлмасозеро, Выт., *Чёлмозеро* I, Он., II, Пл., III, Шенк., *Чёлмохта*, пр. Сев. Двины, Холм., *Чёлмус*, оз., Пл.

Ср. в Карел. АССР: *Чёлмозеро*, *Чёлмужа*, р., *Чёлмужи*, н. п.; ср. еще оз. *Чёлмашское* (Ленингр.).

Топонимы с основой *Чёлм-* — *Чёлма Губа* (Vasmer, Beiträge, IV, стр. 198), *Челмозеро* (Vasmer, Beiträge, IV, стр. 207, 212), *Челмохта* (Vasmer, Beiträge, IV, стр. 202), *Челмужский Погост* (Vasmer, Beiträge, IV, стр. 190), *Челмус* (Vasmer, Beiträge, IV, стр. 205) — Фасмер интерпретирует из саам. кольск. *čualm*, норв. *čoalbme*, *čoalme* 'пролив', *čoalmaš* 'маленький залив' (*Челмужский*, *Челмус*).

~ фин. *salmi*, карел.-ливв. *šalmi*, *salmi*, люд. *sal'm*, *saлm*, *salmi*, вепс. *sal'm*, *såum*, *soum*, эст. *salm* 'пролив' = саам. норв. *čoal'bme*, ин. *čoalmi*, колт., патс. *tšǫ̆ă̮ḽm̄ᵉ*, кильд. *t'šuəḽmᵉ*, йок. *t'šịə̑ḽmɛ* 'пролив' (SKES, стр. 956). Ср. еще патс. *tšǫalmă̮Ž*, нот. *t'šuaлmvš* (Itkonen, KKS, стр. 671).

Ср. саам. *Tšǫ̆ă̮ḽm(ᵉ)*, *Tšǫ̆ă̮ḽm̄(ᵉ)-jaūr̄(ᵉ)*, *Tš(u)al'm-sud* и пр. (Itkonen, KKS, стр. 1027).

Данные изучения реалий подтверждают этимологию — названия с основой *Чёлм-*, как правило, прилагаются к озерам с проливами и рекам, впадающим в пролив или имеющим проливы в устье.

В русских говорах Севера засвидетельствовано слово *чёлма* 'пролив' (Пл., СТЭ) [52], которое сопоставляется с саамскими данными (Kalima, стр. 213; Itkonen, LLR, стр. 60). Этот термин часто встречается в самостоятельном топонимическим употреблении (в картотеке СТЭ зафиксировано уже 20 случаев), характеризуя преимущественно северо-западную половину региона (В.-Т., Выт., Карг., Кон., Леш., Нянд., Пин., Пл., Прим.), а особенно Каргопольский и Плесецкий районы Архангельской области.

Б. А. Серебренников считает слово *челма* не финно-угорским [53]. В свете приведенных прибалтийско-финско-саамских данных это утверждение представляется ошибочным.

употреблять безразлично, хотя умолчание летописи о Зырянах дает основание полагать, что по-видимому в начале имя *Пермь* было более распространено» (Н. П. Барсов. Очерки исторической географии. География начальной (Несторовой) летописи. Изд. 2. Варшава, 1885, стр. 57).

Заметим, что Д. В. Бубрих считал сопоставление *зырянин* ~ фин. *syrjäinen* 'боковой; посторонний, чужой' лучшей из возможных этимологий этого слова (Д. Бубрих. Русское государство и сформирование карельского народа. Рукопись, стр. 19).

[52] Ср. олон. *чолма* 'залив' (Куликовский, стр. 133).

[53] Б. А. Серебренников. Почему трудно разрешить проблему происхождения верхних слоев севернорусской гидронимии? — ВЯ, 1970, № 1, стр. 57.

Чуп-

Чуплега, пр. Пинеги, Холм. (<**Чупьюга* или **Чупьега*), *Чупыш* I, поле, Он., II, луг, Шенк.

~ фин. *suppu* 'задняя часть мерёжи', 'уголок', карел.-ливв. *t'šuppu* 'внутренний угол, угол, уголок', люд. *t'šuppu*, *t'šup̄*, *t'šup̀* 'угол, уголок', вепс. *t'šup̄*, *tšup̄*, *tšup* 'задняя часть невода, сети; уголок' (SKES, стр. 1125); саам. патс. *tšu'p̄p*^{A}, нот. *t'šuɔp̀p*^{A}, кильд. *t'šuɔ̄p̀*(^{A}), йок. *t'šuɔ̄p*(^{A}) 'внутренняя часть лодки', 'заплечный мешок' (нот., кильд., йок.), 'угол комнаты' (йок.) (Itkonen, KKS, стр. 696).

В лексике русских говоров Севера употребляются слова *чупа* 'изгиб петлей берега реки (озера) или земельной границы' (Бел., СТЭ), 'узкий конец мотни невода; узкий залив озера' (олон., Куликовский, стр. 134) и *чупыш* 'крутая, обрывистая горка' (вторичное от 'угол, петля, мыс', Пл., СТЭ). В самостоятельном топонимическом употреблении отмечены *Чупа*, бол., Баб., *Чупы*, пож., Карг.

Русское нарицательное *чупа* Я. Калима возводит к карельско-ливвиковско-людиковским (Kalima, стр. 242), а И. В. Сало — к вепсско-людиковским источникам [54].

Шард-

Шарда I (и н. п. *Шардомень*), пр. Пинеги, Пин., II (и *Шард-болото*, *Шардозеро* I), пр. Сев. Двины, Вин., *Шарденьга* пр. Юга, *Шардоверка* (протока, соединяющая *Шардозеро* II и Сывтозеро), Пл., *Шардуша*, пр. Онеги, Карг.

Ср. *Шардозеро*, *Шардома* (Карел. АССР).

Компонент *-верка* в данном случае отражает мар. *jer* 'озеро'. Следовательно, *Шардозеро* и *Шардоверка* — метонимические соответствия.

Трудно решить вопрос, связаны ли с этой основой топонимы *Шадреньга* (три реки, Арх.). Основа *Шадр-*, разумеется, может рассматриваться как фонетический вариант основы *Шард-*, возникший на русской почве, но сколько-нибудь убедительных доказательств этого нет, и вопрос о возможности перехода *Шард-* > *Шадр-* следует считать открытым.

Фасмер (Vasmer, Beiträge, IV, стр. 239) сопоставляет *Шардозеро* с р. *Шардошор* в Пермской губернии, однако не этимологизирует основу, и связь этих топонимов остается неясной. Б. А. Серебренников, исходя из «угорской» концепции, сопоставляет основу *Шард-* с хант. *sort* (*sart*, *sårt*), манс. *sōrt* (*sart*, *sårt*) 'щука' [55]

[54] И. В. Сало. Указ соч., стр. 92.

[55] Б. А. Серебренников. О потенциально возможных названиях рыб в субстратной гидронимике русского Севера. — СФУ III, 1967, № 3, стр. 202.

~ мар. (горное) *шарды*, (луговое) *шордо* 'лось', (восточное) *šordo* 'лось, олень', эрз. *сярдо*, 'лось', мокш. *сярда* 'олень'.

Специфическая волжская основа *Шард-* отражает таким образом древнее фонетическое состояние, соответствующее прамарийскому **а* (ср. мар. горное *шарды* и морд. *с'ардо*, *с'арда* при мар. луговом *шордо*, в котором **а > о*) [56].

Этимология отвечает семантическим требованиям и подтверждается материалом русской диалектной лексики, в частности, свидетельством словаря Подвысоцкого (стр. 30, 191), в котором приводится слово *шардун* 'олений самец по второму году, если он не кладеный', засвидетельствованное в русских говорах Кольского полуострова. Сам Подвысоцкий считает это слово лопарским (без указания источника), однако ни фонетический облик слова [57], ни его русское оформление (ср. *пестун* 'годовалый или двугодовалый медвежонок', Даль² III, стр. 550), ни факты саамского языка не позволяют согласиться с его мнением. Слово это до сих пор не получило этимологической интерпретации, между тем оно явно связано с основой *Шард-*, а также с приведенными волжскими данными, и является не только подтверждением правильности интерпретации названной основы, но и важным свидетельством непосредственных контактов русских с древним неприбалтийско-финским населением севера Европейской части СССР.

Краткие выводы

1. Таким образом, прямое сопоставление субстратных топонимов и заимствованных апеллятивов, засвидетельствованных на одной и той же территории, является эффективным приемом установления значения компонентов субстратных топонимов на уровне исходных апеллятивов и, следовательно, важным подготовительным этапом этимологизации.

2. Сбор апеллятивных заимствований в пределах того или иного региона является поэтому одной из важных сопутствующих задач топонимических экспедиций.

Принятые сокращения

Источники

Грандилевский — А. Грандилевский. Родина Ломоносова. Сб. ОРЯС, т. 83 (словарь, стр. 87—304).

Itkonen, KKS — T. I. Itkonen. Koltan-ja Kuolanlapin sanakirja, I—II. LSFU, XV. Helsinki, 1958.

---

[56] Л. П. Грузов. Историческая грамматика марийского языка. Введение и фонетика. Йошкар-Ола, 1969, стр. 100, 122.

[57] Морд. *ś*, мар. *š* соответствовало бы саам. *t'š* (J. Szinnyei Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. Berlin und Leipzig, 1922, стр. 22).

Itkonen, LLR — T. I. I t k o n e n. Lappische Lehnwörter im Russischen. Suomen Tiedeakatemian Toimituksia, ser. B, Bd. XXVII. Helsinki, 1931, стр. 47—65.
Kalima — J. K a l i m a. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. MSFOu., XLIV. Helsinki, 1919.
SKES — Suomen kielen etymologinen sanakirja. I—IV. LSFU, XII. Helsinki, 1958—1969.
Vasmer, Beiträge, II — M. V a s m e r. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. II. Die ehemalige Ausbreitung der Westfinnen in den heutigen slavischen Ländern. SPAW, Phil.-hist. Klasse, XVIII. Berlin, 1934, стр. 351—440.
Vasmer, Beiträge, III — M. V a s m e r. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. III. Merja und Tscheremissen. SPAW, Phil.-hist. Klasse, XIX. Berlin, 1935, стр. 507—594.
Vasmer, Beiträge, IV — M. V a s m e r. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. IV. Die ehemalige Ausbreitung der Lappen und Permier in Nordrussland. SPAW. Phil.-hist. Klasse, XX. Berlin, 1936, стр. 176—270.

Административное деление

Районы Архангельской и Вологодской областей

Баб.	Бабаевский	Леш.	Лешуконский
Бел.	Белозерский	Мез.	Мезенский
Вель.	Вельский	Нянд.	Няндомский
Вин.	Виноградовский	Он.	Онежский
В.-Т.	Верхнетоемский	Пин.	Пинежский
В.-Уст.	Великоустюгский	Пл.	Плесецкий
Выт.	Вытегорский	Прим.	Приморский
Карг.	Каргопольский	Сок.	Сокольский
К.-Б.	Красноборский	Тотем.	Тотемский
Кир.	Кирилловский	Уст.	Устьянский
Кон.	Коношский	Холм.	Холмогорский
Лен.	Ленский	Шенк.	Шенкурский

Прочие административные единицы

Арх.	Архангельская область	Ленингр.	Ленинградская область
Карел. АССР	Карельская АССР	Новг. губ.	Новгородская губерния (быв.)
Костр.	Костромская область		
Костр. губ.	Костромская губерния (быв.)	Олон. губ.	Олонецкая губерния (быв.)

Номенклатурные термины

басс.	бассейн	оз.	озеро
бол.	болото	пр.	приток
д.	деревня	р.	река
зал.	залив	руч.	ручей
н. п.	населенный пункт	ур.	урочище

Г. А. Климов

ДОПОЛНЕНИЯ К ЭТИМОЛОГИЧЕСКОМУ СЛОВАРЮ КАРТВЕЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ

Последние годы характеризуются заметным прогрессом сравнительно-исторического изучения картвельских языков. За пять лет, прошедших после публикации этимологического словаря этих языков, появились несколько крупных и целый ряд более мелких работ, не только вводящих в обиход исторической картвелистики дополнительный материал, но и расширяющих — на базе вновь выдвигаемых положений (особенно, в области диахронической фонологии) — самые перспективы этимологических исследований [1]. В этой связи достаточно отметить, например, что после выхода в свет работ, последовательно развивающих теорию сонантов и аблаута для общекартвельского состояния, следует внести уточнения в реконструкции некоторых глагольных корней, которые обнаруживают апофонические чередования гласных, в смысле дополнения ряда построенных архетипов формой той или иной ступени огласовки. Вместе с тем должно быть очевидным, что принятие концепции картвельского корня с тремя состояниями расширяет возможности самих этимологических решений (в частности, благодаря тому факту, что различие в огласовке сопоставляемых величин начинает теперь играть в принципе несколько меньшую роль). Не случайно в работах Т. В. Гамкрелидзе и Г. И. Мачавариани находим ряд новых этимологических сближений, в достоверности которых не приходится сомневаться. Следует, наконец, учитывать и то обстоятельство, что немало ценных для картвельской этимологии соображений, как критиче-

[1] В первую очередь при этом имеются в виду следующие работы: Г. И. Мачавариани. Общекартвельская консонантная система (далее — Консонантизм). Тбилиси, 1965 (на груз. яз.); Т. В. Гамкрелидзе, Г. И. Мачавариани. Система сонантов и аблаут в картвельских языках. Типология общекартвельской структуры (далее — Система сонантов). Тбилиси, 1965 (на груз. яз., резюме на русск. яз.); Т. В. Гамкрелидзе. Дезаффрикатизация в сванском. «Правила переписывания» в диахронической фонологии. Тбилиси, 1968 (на груз. яз., резюме на русск. яз.). Ниже приняты следующие сокращения: ИКЯ — сб. Иберийско-кавказское языкознание; Сравн. словарь — А. С. Чикобава. Чанско-мегрельско-грузинский сравнительный словарь. Тбилиси, 1938 (на груз. яз., резюме на русск. и франц. яз.); ЭСКЯ — Г. А. Климов. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964. Марр. Яфет. назв.— Н. Я. Марр. Яфетические названия деревьев и растений (Pluralia tantum), I—II. — Изв. АН, 1915; Топуриа. — ИКЯ XII, 1960. — В. Т. Топуриа. Некоторые вопросы сравнительной фонетики картвельских языков. — ИКЯ XII, 1960.

ского, так и чисто позитивного порядка, содержится в рецензиях на ЭСКЯ, опубликованных Г. И. Мачавариани, А. Г. Шанидзе и Г. В. Церетели [2]. Здесь же заслуживает упоминания предпринятая недавно попытка установить генетическую зависимость целого ряда картвельских основ, ранее (в том числе — в ЭСКЯ) квалифицировавшихся в качестве исконных, от древнеиранского источника. Однако, А. Г. Шанидзе в одной из своих недавно опубликованных работ подтверждает их незаимствованный характер [3].

При оценке широких перспектив, открывающихся в настоящее время перед картвельской этимологией, нельзя упускать из виду и то, что в отличие от ряда наиболее продвинутых специальных отраслей этимологии, она в значительной степени еще находится на стадии собирания, поскольку выдвижение новых соположений здесь во многом зависит от простого прироста языкового материала. Действительно, если по линии более широкого вовлечения в исследование диалектного сванского материала в последние годы сделан значительный шаг вперед, то в отношении чанских диалектов турецкого Лазистана в этом направлении предстоит сделать еще многое (об этом, например, свидетельствует недавнее издание Ж. Дюмезилем чанских текстов, содержащее некоторый новый материал, несмотря на то, что они отражают традиционную тематику чанского фольклора, широко представленную и в предшествовавших публикациях [4]).

В виду сказанного выше в настоящее время возникает возможность прежде всего дополнить фактическим материалом текст некоторых словарных статей ЭСКЯ. Так, теперь можно видеть все большее число деривационных связей между конкретными лексемами картвельских языков. В нескольких случаях такие отношения фиксируются между глагольными и именными основами. Например, некоторые общекартвельские глагольные основы находят свои корреляты в мегрельских именах: ср. **beǯ-* : *bǯ-* ‘опираться’ (ЭСКЯ, 57) при мегр. *barǯg-i* ‘опора’ ‘кол’, **ḳirṭ-w̥n-a* ‘клевать’, ‘бить клювом’ (ЭСКЯ, 116) при мегр. *ḳirṭe* ‘челюсть’,

---

[2] См. Г. И. Мачавариани. [Рец. на кн.:] Г. А. Климов. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964. — Мацне (Вестник), I, 34. Тбилиси, 1967, стр. 317—321; А. Г. Шанидзе. Этимологический словарь картвельских языков. «Литературная Грузия», № 9—10. Тбилиси, 1969, стр. 102—105; Г. В. Церетели. [Рец. на кн.:] Г. А. Климов. Этимологический словарь картвельских языков. «Восточная филология». Сб. в честь А. Г. Шанидзе и Г. С. Ахвледиани. Тбилиси, 1969, стр. 252—254.

[3] См. А. Г. Шанидзе. [Рец. на кн.:] М. Андроникашвили. Очерки по ирано-грузинским языковым взаимоотношениям. I. Тбилиси, 1966. — Труды кафедры древнегрузинского языка. XI. Тбилиси, 1968, стр. 149—151 (на груз. яз.).

[4] См. G. Dumézil. Récits Lazes (dialecte d'arhavi). — Documents Anatoliens sur les langues et les traditions du Caucase. IV. Paris, 1967.

**pertx-* 'трясти' и **pr̥tx-* 'трепетать', 'остерегаться' (ЭСКЯ, 188 и 190) при мегр. *pertx-i* // *pirtx-i* 'мочка уха'. С грузинско-занским **ḳed-* 'строить' (ЭСКЯ, 167) коррелирует груз. *ḳed-i* 'краеугольный камень'. В качестве производного от общекартв. **pxa-* 'скелет', 'остов' (ср. ЭСКЯ, 194) должно, по-видимому, рассматриваться груз. *pxeḳ-*: *pxiḳ-* 'скоблить'. С общекартвельским архетипом **ç₁qr̥ta-* 'локоть' (ЭСКЯ, 254), поддержанным Т. В. Гамкрелидзе и Г. И. Мачавариани, увязывается в конечном счете груз. *çqirtl-* 'косяк (окна, двери)': не менее интересен, однако, синоним последнего *çirtxl-i*, который можно привести в пользу позднее предложенной Т. В. Гамкрелидзе реконструкции соответствующей праформы в виде **ç₁r̥txa-* (в ее пользу говорит то обстоятельство, что начальный согласный ее сванского рефлекса *çitx* мог сохраниться только в позиции перед последующим сонантом)[5]. Следует, наконец, принять и высказанное еще в одной из ранних работ В. Т. Топуриа предположение о связи рефлексов общекартвельского **čqinṭl̥-* 'незрелый', 'мягкий' (помимо форм, приведенных в ЭСКЯ на стр. 256, ср. также груз. диалектное *čqlinṭ-i*) с продолжениями глагольной основы **čqleṭ-*: *čqliṭ-*: *čql̥ṭ-* 'давить', 'мять'.

Вопреки сказанному в ЭСКЯ на стр. 174 и 175, продолжения общекартвельских архетипов **s₁wer-* 'вздох' и **(s₁)taw-* 'голова' засвидетельствованы и в мегрельском: ср. мегр. *swanǯ-i* 'покой', 'отдых' и *ti* 'семья', 'двор'[6]. Согласно И. Д. Кобалава, рефлекс общекартвельского **qba-* 'челюсть' (ЭСКЯ, 209) можно видеть в мегр. *'wiba-* 'тупой (на лицо)'. Несомненно заслуживает внимания и попытка Б. К. Гигинейшвили представить в отличие от обычно предлагаемого этимологического решения груз. *ʒeçḳw-i* 'цепочка' в качестве исконно занского соответствия грузинскому *ǯačw-i* 'цепь'[7].

Можно думать, что общекартвельское **pir(s₁)ṭw-* 'легкие' (ЭСКЯ, 189) и его грузинско-занский дериват **pr̥ṭw-in-* 'фыркать' имеют звукоподражательный характер: ср. нем. *prusten*, лезг. *firṭ awun* 'фыркать'. Существует, впрочем, и попытка связать первое слово с индоевропейским **pleutịo-* 'легкие'[8].

Более широкое привлечение сванского материала позволяет распространить некоторые грузинско-занские сопоставления за счет определения их сванских соответствий, и таким образом спроецировать соответствующие архетипы в общекартвельское состояние.

---

[5] См. Т. В. Гамкрелидзе, Г. И. Мачавариани. Система сонантов, стр. 96; Т. В. Гамкрелидзе. Дезаффрикатизация в сванском, стр. 10.

[6] И. Кипшидзе. Грамматика мингрельского (иверского) языка с хрестоматией и словарем. МЯЯ, VII. СПб., 1912, стр. 242.

[7] См. Б. К. Гигинейшвили. О взаимоотношении *ǯačwi* и *ʒeçḳwi*. — Сообщения АН Груз. ССР, т. 38, № 3 (1965), стр. 739—743.

[8] См. Г. Б. Джаукян. Взаимоотношение индоевропейских, хурритско-урартских и кавказских языков. Ереван, 1967, стр. 74 и 184.

Груз.-зан. *$\underset{\circ}{k}$ar- : $\underset{\cdot}{k}$$\underset{\circ}{r}$- 'шить' (ср. ЭСКЯ, 106) должно быть соотнесено с общекартвельским языковым периодом ввиду наличия его закономерного сванского эквивалента *ça̧r- : ça̧r*. Такую же проекцию предполагает другая реконструируемая глагольная основа *c_1w- 'жечь', 'гореть': ее поддерживает если не сван. *li-šw-e* 'зажигать', приводимое К. Х. Шмидтом (ср. ЭСКЯ, 250), то сван. *li-ç̣-i* 'печь', 'палить' (форма наст. вр. — *äç̣i*), на что указывает Г. И. Мачавариани (Консонантизм, 29—30). Об общекартвельском характере основы **xweç̣- : xwç̣-* 'снимать кожуру' (ср. ЭСКЯ, 259), по-видимому, свидетельствует сван. *na-xwç̣i*, *na-xç̣wi* 'тонкий', формально построенное по типу причастия страдательного залога с префиксом **na-*. По мнению А. Г. Шанидзе, с грузинско-занской именной основой **gza-* 'дорога' (ср. ЭСКЯ, 62—63) может быть сопоставлена сванская глагольная основа *zz- // zəz-* 'посылать' < **ǯəz-* (масдар *li-zz-i*)[9]. Грузинско-занская реконструкция **k̥l̥de-* 'скала' (ср. ЭСКЯ, 113), согласно Т. В. Гамкрелидзе и Г. И. Мачавариани, должна быть углублена из-за наличия сван. *k̥oǯ* то же (Система сонантов, 95—96).

Следует заметить, что в настоящее время становится возможным предложить несколько новых гипотетических сопоставлений картвельских этимонов с северокавказскими (преимущественно — с абхазско-адыгскими), представляющих интерес с точки зрения гипотезы внутреннего родства кавказских языков. Так, общекартвельские **ttxel-* 'жидкий', 'тонкий' (ЭСКЯ, 93—94), **mat̥l̥-* 'червь' (ЭСКЯ, 129) и *c_1w- 'жечь', 'гореть' (ЭСКЯ, 250), а также грузинско-занские *ms_1xwil- 'толстый', 'крупный' (ЭСКЯ, 134), **ḡorḡ-* 'горло', 'глотка' (ЭСКЯ, 213) и **ʒeʒ(w)-* 'колючник', 'шип' (ЭСКЯ, 234—235) могут быть сопоставлены с соответствующими абхазско-адыгскими формами[10]. Здесь же необходимо упомянуть ранее предложенное, но не учтенное нами, соположение груз. *ʒwal-* 'кость' с абхаз.-адыг. *$\check{ǯ}^w a$- (ср. ЭСКЯ, 241)[11]. Картвельское **xwad-* 'самец (собаки и некоторых подобных животных)' (ЭСКЯ, 258) может быть предположительно сближено как с абхаз.-адыг. *$x^w(a)$- 'собака', так и с нах.-даг. **xwar-* то же[12]. В. М. Иллич-

[9] См. А. Г. Шанидзе. Этимологические заметки. I. Грузинское *gza* и его соответствие в сванском. Сообщения АН Груз. ССР, т. XXXVIII, 3 (1965), стр. 733—734 и 736.

[10] См. Г. А. Климов. Абхазскоадыгско-картвельские лексические параллели. «Этимология. 1967». М., 1969, стр. 286—295.

[11] Ср. К. В. Ломтатидзе. Тапантский диалект абхазского языка. Тбилиси, 1944, стр. 34 (на груз. яз.); также R. Lafon [рец. на кн.:] К. В. Ломтатидзе. Ашхарский диалект и его место среди других абхазско-абазинских диалектов (с текстами). Тбилиси, 1954. — BSL, vol. 55, fasc. 2 (1960), стр. 261.

[12] К реконструкции абхазско-адыгского прототипа см. G. Deeters. Der abchasische Sprachbau. Nachrichten von der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philologisch-historische Klasse, 111, N 2. Göttingen, 1931, стр. 290; также Г. В. Рогава, З. И. Керашева. Грамматика адыгейского языка. Краснодар—Майкоп, 1966, стр. 42.

Свитыч предложил интересное сопоставление картв. *šew- : šw- 'рождать, -ся' (ср. ЭСКЯ, 214—215) с нах.-даг. *š(w)- 'рождать', гипотетически постулированным им на основании авар. wa-ss 'сын', ja-ss 'дочь' и их многочисленных соответствий в других нахско-дагестанских языках[13]. Заслуживает упоминания еще один соблазнительный параллелизм: если для картв. *$c_1$abl̥- в соответствии со значением его сванского продолжения принять семантику 'черешня' (ср. ЭСКЯ, 247), то напрашивается его сопоставление с нах.-даг. *c̣c̣ubul- 'виноград' (ср., например, авар. c̣c̣ibil, цахур., рутул. ṭəməl)[14].

В совокупности, однако, приведенные здесь примеры почти не изменяют общего числа ранее известных межгрупповых лексических соположений в виду того, что на некоторые из отмеченных в ЭСКЯ автор теперь смотрит более скептически. Это прежде всего касается сопоставления общекартвельских *mḳerd- 'грудь' (ЭСКЯ, 136), *$c_1$ol- 'жена' (ЭСКЯ, 230) и грузинско-занского *ac̣- 'отныне', 'теперь' (ЭСКЯ, 47)[15] с нахско-дагестанскими, а также грузинско-занских *did- 'большой' (ЭСКЯ, 73) и *qwel- 'сыр' (ЭСКЯ, 210) — с абхазско-адыгскими словами.

Целесообразно, наконец, коротко остановиться и на том новом по существу аспекте картвельской этимологии, который связан с возможностью существования исторических контактов между картвельскими и хурритско-урартскими языками. На стр. 153 ЭСКЯ отмечалось, что груз.-занское *p̣ilen$ʒ_1$ 'медь', по-видимому, восходит к какому-то «азианическому» слову. Особенно реальной вероятность хурритско-урартской атрибуции основы делает наличие армянского pəłinʒ то же (думается, что подобный источник целого ряда «культурных» слов неиндоевропейского происхождения, разделяемых картвельскими языками и армянским, допустим во всяком случае на правах рабочей гипотезы). В этой связи необходимо упомянуть и арабское filiẓ 'металл' (< *piliẓ), идущее в конечном счете, как полагают, также из «азианического» ареала. В литературе уже отмечен подобный параллелизм и в названии другого металла: ср. груз.-занское *we(r)$c_1$xl̥- 'серебро' ~ хурритское ušḫu то же[16]. Если к тому же учесть возможную зависимость общекартвельских названий числительных *š(i)wid- 'семь' и *ṭwa-

[13] См. В. М. Иллич-Свитыч. Caucasica. «Этимология. 1964». М., 1966, стр. 335.

[14] Иные связи устанавливает для аварского слова А. С. Чикобава (Об одной древней общей основе в термине виноградства в иберийско-кавказских языках. — ИКЯ, т. VI (1954), стр. 41—50).

[15] Более интересным следует считать сопоставление слова с абхазско-адыгским материалом, предложенное К. В. Ломтатидзе (см. Труды Абхазского института ЯЛИ, т. XXVIII, 1957, стр. 317).

[16] См. Г. А. Меликишвили. О некоторых наименованиях металлов в древневосточных и кавказских языках. «Вестник древней истории», 4 (1968), стр. 126—127.

'восемь' от восточносемитских *šibittu* и *arba*, а также др.-груз. *pilo-* 'слон' от восточносемитского *pīlu* то же, которая могла быть реализована, по-видимому, лишь при хурритско-урартском языковом посредстве, то проблема этих контактов получит хотя бы минимальный фактический материал, столь необходимый для ее дальнейшей разработки.

Помимо впервые предлагаемых сопоставлений в приводимых ниже словарных статьях учитывается ряд лексических сближений, выдвинутых в специальной литературе недавнего времени. Принимаются здесь и отдельные из ранее предложенных сопоположений, казавшиеся по той или иной причине недостаточно убедительными. Наконец, несколько словарных статей представляют собой переформулировку ранее данных в ЭСКЯ в связи с коррективами, в которых, на наш взгляд, они нуждаются.

* * *

**biga-* 'палка' : груз. *biga-* 'деревянная перекладина'; мегр. *biga-* 'палка'; чан. *biga-*; сван. *biǯ-*.

Реконструируется по крайней мере для периода грузинско-занского языкового единства. В грузинском — диалектного употребления (напр., пшавск.). Для занских форм см. Сравн. словарь, 137. Отношение сюда сванского слова неясно.

**burʒg-* 'щетиниться', 'взъерошиваться'; груз. *burʒgn-* 'щетиниться', 'взъерошиваться'; мегр. *buʒg-*, *biʒg-*; чан. *buʒg-in-*.

Грузинско-занская основа. Масдары занских форм — *buʒgua* (мегр.) и *o-buʒgin-u* (чан.). Возможен отыменный характер: ср. **burʒga-* 'щетина' (ср. Сравн. словарь, 256).

**burʒga-* 'щетина' : груз. *burʒgal-* 'ворс'; мегр. *buʒga-* 'иглы каштанового плода'.

Грузинско-занская основа. Реконструкция несколько условна. В чанском основа, по-видимому, утрачена. Ср. также груз. *buʒg-i* 'маленький еж' (Сулхан-Саба Орбелиани. Сочинения, т. IV_I. Тбилиси, 1965, стр. 128).

**dab-* 'селение' : груз. *daba-* 'селение'; сван. *däb-* 'нива', 'пашня'.

Восходит к общекартвельскому употреблению. Засвидетельствовано еще в др.-грузинских памятниках (мн. число — *dabn-eb-i*, производные *m-dabal-i* 'низкий', *u-dabn-o* 'пустыня'). Конечное *a* грузинского слова — суффиксальное (Система сонантов, 281).

**gr̥ʒ-* 'натягивать', 'вытягивать' : груз. *grʒ-* 'продолжать'; мегр. *ginʒ-or-* 'вытягивать'; сван. *gʒ-ən-*, *gz-ən-* 'натягивать'.

Общекартвельская основа. Зафиксирована еще в др.-грузинских памятниках. Мегр. и сван. формы осложнены суффиксацией. От основы образовано груз.-занское производное **gr̥ʒ-el-* 'длинный' (см. ЭСКЯ, 65).

**weʒ₁-* 'родник', 'источник' : груз. *weʒa-* 'родник'; мегр. *menǯ-*.

Основа грузинско-занского распространения. В мегр. форме *w* > *m* под воздействием последующего *n* (для аналогичного развития см. **win-*). Лексемы сопоставлены Т. Е. Гудава. В. Т. Топуриа увязывает мегр. слово с груз. *maril-* 'соль' (см. В. Топуриа. Суффикс *-enǯ* в мегрельском. — Известия ИЯИМК, I, 143).

**win-* 'кто': груз. *win-* 'кто'; мегр. *mi(n)*; чан. *min*.

Восходит, по крайней мере, к грузинско-занской эпохе. Засвидетельствовано и в древнегрузинском (напр., *win* ars dedaj čemi? 'кто мать моя?' Бытие 24_{47}). Начальное *w* реконструировано еще Боппом (Fr. Bopp. Die kaukasischen Glieder des indoeuropaischen Sprachstammes. Berlin, 1847, 30). В занских формах оно заменено под воздействием последующего *n*. Сюда, возможно, относится и сван. основа *i* (< *wi*?): ср. *i*-ša haswiš li? 'чья (букв. кого: род. пад.) она дочь?'

**ixwir-* 'утка': груз. *ixw-* 'утка'; мегр. *ixwinǯa-* 'род дикой утки, Anas querquedula'.

Грузинско-занская лексема. Встречается еще в др.-грузинском (в частности, в значении 'гусь'). Мегр. слово, сохранившееся на правах груз. диалектного (имерет.) занизма, а также груз. (гурийск.) *xwiriḳa-* 'род дикой утки' указывают на древность *r* в исходе основы. Сопоставление форм и анализ даны Г. В. Рогава (К истории грузинской основы *ixv-* 'утка'. — ИКЯ XV, 233).

**ḳaḳa-* 'косточка', 'ядро (плода)': груз. *ḳaḳa-* 'зерно', 'ядро'; мегр. *ḳaḳa-* 'штука', 'круглая застежка'; чан. *ḳaḳa-* 'зерно', 'ядро'; сван. *ḳaḳ-*, *gaḳ-* 'орех'.

Общекартвельская основа. Является звукосимволическим обозначением округлых предметов (ср. также чан. čḳoniš *ḳaḳa* 'желудь'). Вероятна связь с **ḳaḳ-* 'стучать' (ЭСКЯ, 105). Сван. форма генитива *gaḳa-š* сохраняет древний гласный исхода основы. Недостаточно ясно отношение к грузинско-занскому **ḳaḳal-* 'орех', 'шишка' (ср. ЭСКЯ, 105). Сходные основы налицо в горских кавказских языках: ср. абхаз.-адыг. **ḳaḳa-* 'твердый', 'яйцо', авар., бацб. *gaga* 'косточка плода', лезг. *ḳaḳa* 'яйцо'.

**ḳoγo-* 'комар': груз. *ḳoγo-* 'комар'; мегр. *ḳoγo-*.

Грузинско-занская основа. По картвельским языкам более широко известно заимствованное уже из грузинского производное уменьшительного значения: ср. при груз. *ḳoγona* (< *ḳoγo-un-a*), мегр. *ḳoγona*, *ḳoγunia*, чан. *ḳo(r)γoni*, сван. *ḳoγon*, *ḳuγun*, *ḳəγən*. Чикобава считает корневым лишь *ḳoγ-*, выделяя в распространенной форме суффикс-детерминант *-on*//*-un* (Сравн. словарь, 113—114).

**merčxe-* 'редкий', 'мелкий': груз. *mečxer-* 'редкий'; мегр. *marčxa-* 'мелкий (о воде)'; чан. *mančxa-* 'желоб (родника)'.

Реконструируется для грузинско-занского состояния. В грузинском слове имеет место метатеза согласных. Отнесение сюда чанской формы более проблематично.

*$mk\underset{\circ}{l}e$- 'лишенный (чего-либо)' : груз. *mokle*- 'короткий'; мегр. [*kule*-] 'лишенный'; чан. *mkule*- 'короткий'.

Грузинско-занский дериват общекартвельской глагольной основы **kal*- : *kl*- 'недоставать', 'нехватать' (ЭСКЯ, 106) с коаффиксами *m*- — -*e*. Более закономерное груз. продолжение представлено диалектным (хевсур.) *mkle*-. Мегр. эквивалент прослеживается по сложению *xe-kule* 'лишенный руки'. Основы увязаны А. С. Чикобава (Сравн. словарь, 229).

**mʒaγe*- 'прогорклый' : груз. *mʒaγe*- 'прогорклый'; мегр. *ʒuγe*- 'прогорклый'; сван. *məʒiγ*.

Общекартвельская основа. Вокализм мегрельской формы, как и в предшествующем случае, указывает на утрату начального *m*: ср. Т. Е. Гудава. О некоторых случаях перехода *o* в *u* в занском (мегрельско-чанском) языке. Сообщения АН Груз. ССР, т. XXV, № 1. 1960. Неясна история огласовки второго слога в сванском слове. Груз. и сван. лексемы сопоставлены Г. И. Мачавариани (Консонантизм, 25).

*mqc_1e- 'белый', 'седой' : груз. *(m)xce*- 'седина'; мегр. *če*- 'белый', чан. *xče*-, *(k)če*-, *čke*-; сван. *meči* 'старый (человек)'.

Реконструируется для общекартвельского периода. Др.-груз. *mqce*- имеет уже субстантивную семантику: ср. производное *mqc_1oan- 'убеленный сединой' (ЭСКЯ, 144). В занских формах утрачено начальное *m*, а в сванской — *q*: промежуточный мегр. рефлекс последнего *r* (ср. *tuta-rčela* 'луна беленькая', *gaarčielu* 'обелил'). Для метатезы *e* в сванском см. ЭСКЯ, 22. Груз. и занск. эквиваленты выявлены Н. Марром (К вопросу о положении абхазского языка среди яфетических. — МЯЯ, V. СПб., 1912, стр. 39—40). Сван. соответствие привлечено Г. И. Мачавариани (Консонантизм, 31).

**na-ṭex*- 'ломанный' : груз. *naṭex*- 'обломок'; мегр. *noṭex*-; чан. *noṭex*-.

Грузинско-занская основа. Является причастием с префиксом **na*- от глагольной основы **ṭex*- 'ломать'. Во втором слоге занских слов под воздействием умлаутирующего форманта номинатива вместо ожидаемого *a* имеем *e*. Сопоставление принадлежит Г. И. Мачавариани (Консонантизм, 160).

**numa* 'не (запретительная частица)' : мегр. *numu*, *nəmə* 'не (запрет. частица)'; сван. *nōma*, *nōm*.

Имела, по-видимому, общекартвельское употребление. Является распространением простой частицы **nu* (см. ЭСКЯ, 148—149). В груз. и чан. языках не прослеживается. В мегрельском ее распространение ограничено.

**p̣ew*- 'находить', 'обретать' : груз. *p̣ow*- 'находить', 'приобретать'; мегр. *p̣al*-.

Восходит к грузинско-занскому состоянию. В форме *p̣o(w)*- основа зафиксирована еще в др.-груз. памятниках. Для соотно-

шения груз. и занск. вокализма ср. *ṭew- 'оставлять' (ЭСКЯ, 180). Сопоставление предложено Г. В. Рогава.

*kwr̥deml̥- 'наковальня' : груз. grdeml- 'наковальня'; мегр. kulamur-, kulamor-.

Грузинско-занская лексема. В др.-груз. памятниках зафиксирована в виде kwirdeml-. Ср. также груз. диалектные формы kurtemul- (хевсур.), dgwlem- (имерет.). Консонантная группа в мегрельском упрощена. В чанском основа, по-видимому, утрачена. Слово отражает древнюю металлургическую культуру картвелов. От груз. формы зависят цахур. g'irdəm, лезг. girdim 'чурбан', табас. gerdem 'валун', удин. gürdüm 'глыба'.

*kum-el- 'толокно' : груз. kumel- 'толокно'; мегр. kumu-.

Реконструируется для грузинско-занского состояния. В суффиксальной части груз. -el закономерно отвечает занск. -u (ср. ЭСКЯ, 24). В чанском основа не прослеживается.

*kwin- 'дыхание' : груз. kwin- 'дыхание'; сван. kwin-, kun- 'дух'.

Общекартвельская основа. Ее груз. рефлекс засвидетельствован еще в др.-груз. памятниках (И. В. Абуладзе). В занской подгруппе лексема, по-видимому, утрачена: отнесение сюда чанского kuni // kini 'мозг' (см. ЭСКЯ, 199) проблематично. Ср. Консонантизм, 61.

*q̣aw- : q̣w- 'створаживать (сыр)' : груз. q̣aw-: q̣w- 'створаживать (сыр)'; мегр. ['w-]; чан. q̣w-, 'w-; сван. [q̣-].

Соотносится с общекартвельской эпохой. Отсюда идет общекартвельское производное *q̣wel- 'сыр' (см. ЭСКЯ, 210). Для грузинского самостоятельно зарегистрирована только в древних памятниках (см. Мз. Шанидзе. Из древнегрузинской лексики. Вестник Ин-та рукописей АН Груз. ССР, т. II, 1960, стр. 63). Производно от этой основы и чан. meq̣waper-i 'кислое молоко'.

*q̣arq̣anṭ- 'глотка', 'горло' : груз. q̣arq̣anṭo- 'глотка (животного)'; мегр. q̣orq̣onṭ- 'глотка'; чан. q̣irq̣inṭ-.

Грузинско-занская основа звукосимволического характера, чем обусловлена особенность огласовки чанского слова. Ср. также *q̣orq̣- 'горло', 'глотка' (ЭСКЯ, 213). Груз. диалектное (гурийск.) q̣ronṭ-, возможно, отражает нередуплицированный облик основы. В груз. q̣anq̣raṭo- того же значения (> ? сван. q̣anq̣räṭ-) налицо метатеза.

*q̣wlep- : q̣wlip- : q̣wl̥p- 'снимать', 'сдирать' : груз. q̣wlep : q̣wlip- 'снимать', 'сдирать'; сван. q̣wep- : q̣wp- 'линять'.

Восходит к общекартвельскому состоянию. Неясно историческое место в основе согласного l. Сопоставление форм предложено Т. В. Гамкрелидзе и Г. И. Мачавариани (Система сонантов, 201).

*čxeb- : čxb- 'спутывать', 'сплетать' : груз. čxib- 'спутывать'; сван. šxeb- : šxb- 'шить'.

Восходит к общекартвельскому состоянию. Начальный č в сванском спирантизован: масдар — li-šxb-i. Сопоставление выдвинуто Топуриа (ИКЯ, XII, 153).

**čxer- : čxir-* 'двигать (палкой)' : груз. *čxer- : čxir-* 'двигать (палкой)'; мегр. [(*čxir-*]; сван. [(*čxer-*].

Общекартвельская основа. Самостоятельно сохраняется лишь в грузинском. В остальных языках отражается лишь в рефлексах общекартвельского производного **čxreḳ- : čxriḳ- : čxr̥ḳ-*.

**čxir-* 'палочка' : груз. *čxir-* 'палочка'; мегр. [*čxinǯ-*]; сван. *čxir-*, *cxir-*.

Реконструируется для общекартвельского состояния. Соотносится с глагольной основой **čxer- : čxir-* 'двигать (палкой)'. Мегрельское продолжение основы прослеживается по абхазскому заимствованию *a-čxənč* 'надочажная палка' (В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. I. М.—Л., 1949, 326). В чанском основа утрачена.

**čxreḳ- : čxriḳ- : čxr̥ḳ-* 'ковырять, -ся (палкой)': груз. *čxreḳ- : čxriḳ-*; мегр. *čxirḳ-*; чан. *čxraḳ-*; сван. *čxarḳ-* 'неумело шить'.

Восходит к общекартвельскому употреблению на правах суффиксального производного от **čxer- : čxir-* 'двигать (палкой)'. Зафиксировано еще в др.-груз. памятниках (šeiçqale *mčxreḳali* amisi 'помилуй нацарапавшего это'. Син. мн., 283_{21}). Мегр. форма отражает историческую нулевую ступень огласовки основы: масдар — *čxirḳua*. Сван. масдар — *li-čxarḳ-e*. Ср. чан. производное *on-čx(r)-aḳ-al-e* 'шест (для сбивания ореха)'.

**čxiḳw-* 'сойка': груз. *čxiḳw-* 'сойка'; мегр. *čxwiḳ-*; чан. *čxwiḳ-*.

Грузинско-занская основа. Очевидна связь со звукоподражательным глаголом **čxi-* 'кричать (пронзительно)': см. ЭСКЯ, 221. В занских формах усматривают метатезу *w*. Сопоставление материала принадлежит Чикобава (Сравн. словарь, 108).

**caj-* 'вяз' : мегр. *cə-*, *ci-* 'вяз'; сван. *cah-ra*, *caj-ra*.

Восходит к общекартвельскому состоянию. Неясно исконное качество конечного согласного, так или иначе указывающего на структуру типа CVC. Формы увязаны Марром (Яфет. назв. II, 837).

**c_1eḳa-* 'кузов (остродонный)' : груз. *ceḳa-* 'кузов (остродонный)'; мегр. *čaḳa-*.

Реконструируется для грузинско-занской эпохи. Формы закономерно покрывают друг друга.

**ʒeʒ(w)-* 'Bliuris, колючник (раст.)', 'шип' : груз. *ʒeʒw-* 'колючник'; чан. *da(n)ʒ-*, *ndaʒ-*.

Восходит по крайней мере к периоду грузинско-занского языкового единства. В занском начальный ʒ дезаффрикатизуется (см. также **ʒeša-*, **ʒe$c_1$xl̥-*, **ʒax-*); ср., однако, относящиеся сюда чан. *o-ʒarʒ-u* 'пронзать шипом, острием' и мегр. *ʒonʒil-i* 'колючка'. Я. Браун (устное сообщение) относит сюда и сван. *canci* 'шиповник'. Груз. и чан. формы увязаны Н. Марром (Яфет. назв. II, 834). Слово входит в одну из общекавказских изоглосс: ср. нах.-даг. **ʒaʒ-* 'колючник' (чеч. *ǯaz*, лакск. *ccacc*, дарг. *ʒanʒi*, табас. *ʒaʒ*) и абх.-адыг. **ʒaʒ-* 'шило' (абх. *ʒaʒ*, *ʒəʒ*, адыг. каб. *dədə*).

$ʒ_1$irḳ(w)- 'пень' : груз. *ʒirḳw-* 'корень'; мегр. *ǯi(r)ḳ-* 'пень'; чан. *ǯireḳ-*.

Грузинско-занская основа. Связана словообразовательными отношениями с *$ʒ_1$ir-* 'корень', 'дно' (ЭСКЯ, 238). Производное *sa-ʒirḳw-el-i* 'основание', 'фундамент' налично уже в др.-грузинском. Груз. *ǯirḳ(w)-* и сван. *ǯiḳ-* 'пень', вероятно, занизмы. Для занских форм см. Сравн. словарь, 136—137. Соположение груз. и занск. материала дано З. А. Сарджвеладзе (Занское соответствие грузинского корня *ʒirḳ-*. — Труды Горийского пед. института, т. IX, 1964, стр. 145—147).

$ʒ_1$ic_1x(w)- 'деревянная ложка' : груз. *c̣icxw-* 'большая деревянная ложка'; сван. *žišxe-*, *žišxa-*.

Восходит к общекартвельскому употреблению. Встречается еще в средневековых памятниках грузинского. В сванской форме, по-видимому, утрачено конечное *w*. Основы увязаны К.-Х. Шмидтом (Studien zur Rekonstruktion des Lautstandes der südkaukasischen Grundsprache. Wiesbaden, 1962, стр. 150).

c̣är- : c̣r- 'упреждать', 'успевать' : груз. *sc̣ar- : sc̣r-* 'упреждать', 'успевать'; мегр. *c̣or-*; сван. *ser- : sr-* 'одолевать'.

Общекартвельская основа. Налицо и в др.-грузинских памятниках (*asc̣ro* mas Iesu 'предупредил его Иисус' Мф 17_{25}; масдар — *sc̣roba-*). В мегр. форме префикс косвенного объекта 3-го лица на основу не нарастает : масдар — *c̣orapa*. В сванской он имеется; переход *c̣ > θ* здесь закономерен (ср. ЭСКЯ, 141 под *m$c̣_1$er-*). Груз. и сван. формы сопоставлены Топуриа (ИКЯ, XII, 155).

c̣w- 'видеть' : груз. [*c̣w-*] 'видеть'; мегр. [*c̣w-*]; чан. [*c̣w-*]; сван. *c̣w-*.

Общекартвельская основа. Если в сванском она по сей день функционирует самостоятельно (ср. *mi-c̣w-a* 'я видал'), то в остальных языках прослеживается лишь по производному *c̣w-ēn-* 'показывать'.

c̣w-ēn- 'показывать' : груз. *c̣on-* 'нравиться'; мегр. *c̣on-*; чан. *c̣on-*; сван. *c̣wēn-* 'показывать'.

Восходит к общекартвельскому состоянию. В груз.-занском ареале *c̣wēn- > c̣on-*. Древняя семантика основы видна еще по чан. ḳai *ac̣onu* 'понравился' (букв. 'хорошо показался'), p̣aṭi *ac̣onu* 'не понравился' (букв. 'плохо показался'). Для сопоставления груз. и занск. материала см. Сравн. словарь, 401. Сван. эквивалент установлен Гамкрелидзе и Мачавариани (Система сонантов, 251).

$c̣_1$an- : $c̣_1$n̥- 'плести' : груз. *c̣an- : c̣n-* 'плести'; мегр. [*č̣in-*, *č̣ən-*]; чан. [*č̣in-*, *č̣un-*].

Реконструируется для грузинско-занского уровня. К ней восходит производное *$c̣_1$nel-* 'прут', 'плеть' (ЭСКЯ, 252). В грузинском засвидетельствована еще по древним памятникам. Основу постулируют Гамкрелидзе и Мачавариани (Система сонантов, 109).

**c_1*ṛpe-* ‘ровный’ : груз. *c̣rpel-* ‘ровный’, ‘прямой’; мегр. *č̣ipe-* ‘узкий’, ‘тонкий’; чан. *(m)č̣ipe-* ‘мелкий’.

Основа грузинско-занского распространения. Хорошо документирована еще в др.-груз. памятниках. В груз. форме, равно как и в чанской множественного числа — *(m)č̣ipel-ep-e* — налицо вторичное *l*. Несколько осложнена увязка семантики основ (ср. также мегр. *č̣ipana* ‘мелкий’, *č̣ip-as* ‘мелко’), вследствие чего семантическая реконструкция условна. Сопоставление предложено Чикобава (Сравн. словарь, 231). Ср. также Система сонантов, 97.

**xoḳ-* ‘скоблить’ : груз. *xoḳ-* ‘скоблить’, ‘царапать’; мегр. *xoḳ-* ‘скоблить’, ‘брить’.

Грузинско-занская основа. В грузинском имеется ее вариация *xoč̣-*. Семантическое расхождение груз. и зан. слов минимально.

**xṛṭil-* ‘хрящ’ : груз. *xrṭil-* хрящ; мегр. *xinṭḳir-*, *xənṭḳir-*.

Соотносится с грузинско-занским состоянием. Возможен звукосимволический характер основы (ср. армянск. *ḳərč̣-iḳ* то же). Усложнение консонантизма мегр. формы неясно. В чанском слово, видимо, утрачено.

**x-u-dar-e* ‘хуже его’ : груз. *udares-* ‘худший’; сван. *xodra* ‘плохой’.

Восходит к общекартвельскому употреблению. Встречается еще в др.-грузинском. Подобно **x-u-*c_1*-e* ‘больше, старше его’ (см. ЭСКЯ, 262) является лексикализованной формой сравнительно-превосходной степени прилагательного **dar-* ‘плохой’ (ср. груз. *mdare* ‘низкокачественный’), где *x-* — префикс косвенного объекта 3-го лица, а *u-* — показатель объектной версии.

А. К. Шагиров

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ РАЗБОР КАБАРДИНСКОЙ ПЕСЕННОЙ ФРАЗЫ *УЭРЕЙДЭ РЕЙДЭ ОУ* (ИЛИ *У-Э-Э*) *РЕДЭДЭ МАХУЭ*

Указанная в названии фраза является одним из вариантов рефрена, из повторения и чередования которых состоит кабардинская свадебная песня [1].

У Ш. Б. Ногмова, известного кабардинского историка и филолога первой половины XIX в., песенная фраза дается в виде трехкратного повторения *оу редэдэ* (*Ридадэ*) с включением *уэредэ* и *махуэ* 'счастливый'. Автор находит здесь прославление адыгского богатыря Редеди ('Редедя, Редедя, многосчастливый Редедя!'). Далее Ногмов отождествляет Редедю с летописным касожским князем, погибшим в единоборстве с Мстиславом Тмутараканским [2].

Рассказ о легендарном единоборстве Редеди приведен автором, как и другие предания, только в русском переводе. Поиски оригинала сказания или его вариантов, проводившиеся в конце прошлого столетия Л. Г. Лопатинским, не увенчались успехом [3].

С другой стороны, свадебное *уэредэдэ*, выступающее в условиях рефрена как *у-э-э редэдэ* > *оу редэдэ*, никакого отношения к имени летописного Редеди, разумеется, не имеет [4].

Н. С. Трубецкой, посвятивший данному вопросу специальную статью под названием «Редедя на Кавказе», высказался первым против сближения адыгского *редэдэ* с именем летописного касожского князя и предложил для *уэредэдэ* иную этимологию. По автору, в *уэредэдэ* следует видеть сочетание имени *уэред* (*уэрэд*) 'песня' с постпозитивной частицей *дэдэ*, используемой для выражения превосходной степени. Сочетание в целом Н. С. Трубец-

[1] Песня поется во время церемоний привода жениха от дружки домой и невесты в комнату родителей жениха.

[2] См. Ш. Б. Ногмов. История адыгейского народа. Нальчик, 1958, стр. 120—121.

[3] См. Л. Г. Лопатинский. Заметки о народе адыге вообще и кабардинцах в частности. «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. XII. Тифлис, 1891, стр. 9—10; Кабардинские тексты. Там же, стр. 69—70; Г. Турчанинов. Летописный Редедя и черкесское «Редадэ». «Уч. зап. Кабардинского НИИ», т. II. Нальчик, 1947, стр. 238.

[4] О новых фольклорных записях, якобы свидетельствующих об увековечении в свадебной песне имени Редеди или легендарного судьи Уоридады, см. в работе: И. В. Тресков. Фольклорные связи Северного Кавказа. Нальчик, 1963, стр. 218—220.

кой этимологизирует как 'в высшей степени песнь', 'песнейшая песнь', 'песнь песней' [5].

В современном кабардинском частица представлена в виде *дыдэ*, но исторически вполне допустимо *дэдэ*, ср. адыгейск. *дэд(э)*.

Труднее объяснить переход *дэдэ* в *дадэ* в случае самостоятельного употребления *уэредэдэ*, ср. *уэредадэ* 'свадебная песня', 'пение свадебной песни'. При *уэред* + *дэдэ* удлинение гласного едва ли могло иметь место.

Этимология Н. С. Трубецкого наталкивается и на другое, уже весьма существенное затруднение. Дело в том, что частица *дыдэ*, означающая при именах прилагательных 'очень', 'совсем', 'в высшей степени' (*дахэ дыдэ* 'очень красивый', *плъыжь дыдэ* 'совсем красный'), при существительных выступает преимущественно с негативной семантикой, например, *Сыту пыIэ дыдэ абы щхьэрыгъыр* 'Ну и шапка же на нем!' (в смысле 'плохая шапка'), *Сыту унэ дыдэ мы къэпщэхуар* 'Ну и дом же ты купил!' (в смысле 'плохой дом').

В случае *уэред (уэрэд) дыдэ* имеем то же самое, а в разбираемой фразе о плохой песне не могла идти речь.

Представляется очевидным, что *уэредэдэ* надо дать другое разъяснение. По нашему мнению, *уэредэдэ* происходит от *уэредэ*.

Уэредэ (или *уэрэдэ*) используется у кабардинцев (и адыгейцев) как припев к старинным народным песням. В свадебной же песне *уэредэ* лежит в основе всего построения.

По существу здесь мы имеем дело с пением *уэредэ*. Кроме *уэредэ* в песню включаются только *махуэ* в роли определения ('счастливый') и *г-е-е-й* или *г-о-о-у*.

Второй слог *уэредэ* (*уэрэдэ*) поется обычно протяжно, как *рей* (*рэй*); *ре* имеем только в *редэдэ*. При первом повторении *уэрейдэ* начальный слог опускается (отсюда *рейдэ* в рассматриваемой фразе). В других условиях *уэ* выступает как *у-э-э*, чаще *оу* и отрывается от остальной части комплекса: *оу* (*у-э-э*) *рейдэ*. Если учесть, что в нашей песенной фразе за *оу* (*у-э-э*) *редэдэ* идет *махуэ*, то появление второго *дэ* становится вполне понятным: *дэ* возникает здесь по ритмико-мелодическим причинам.

Удвоение *дэ*, со своей стороны, укорачивает слог *рей* и устраняет его вариативность (*редэдэ*, но нет *рэдэдэ*).

Таким образом, в *уэредэдэ* следует усматривать не *уэред* (*уэрэд*) 'песня' + *дэдэ*, а *уэредэ* (*уэрэдэ*) + *дэ*.

Теперь об этимологии самого припева *уэредэ* (реже *уэрэдэ*). Н. С. Трубецкой отождествлял *уэредэ* с *уэред* 'песня' [6].

---

[5] Н. С. Трубецкой. Редедя на Кавказе. «Этнографическое обозрение», № 1—2. М., 1911, стр. 234.

[6] См. Н. С. Трубецкой. Указ. соч., стр. 233. Вариант *уэред* используется реже, чем *уэрэд*, но поскольку слово будет рассматриваться ниже в сопоставлении с *уэредэ* (более употребительным вариантом припева), мы берем и здесь вариант с *е*.

В примечании от редакции к вышеупомянутой статье Г. Ф. Турчанинова *уэредэ* квалифицируется как песенная форма имени *уэред*.

Но, судя по всему, *уэред* 'песня' нельзя считать первичным по отношению к *уэредэ*. Припев *уэредэ* имеется на Кавказе не только у адыгов, ср. *wara(j)da* у грузин, *уара(й)да* у абхазцев и абазин, *уарайда* у осетин, *орайда* у балкарцев и т. д. Близкий к *уэредэ* припев встречается и за пределами Кавказа.

В одной из своих заметок в журнале «Этнографическое обозрение» А. Марков отмечает припев типа *уэредэ* в песнях, записанных в г. Илимске Иркутской губернии и в других местах Сибири, а также на петербургских купеческих свадьбах. Путем сопоставления различных форм припева автор заметки выводит форму *уреди* и рассматривает ее как основную, начальную. Высказав предположение о том, что данный припев — местного, сибирского происхождения и что он заимствован у какого-нибудь сибирского народа, А. Марков указывает на наличие припева у алтайских племен [7].

В русских песнях интересующий нас припев зафиксирован и в таких формах, как *ойреди*, *ойряди*, *уряди* [8]. Опираясь на близкое сходство русского припева с адыгским и исходя из того, что рассматриваемый припев не может быть объяснен из русского языка , а на адыгской почве он легко объясняется как слово 'песня', Н. С. Трубецкой отвергает мнение А. Маркова о заимствовании припева у алтайских племен и выражает уверенность, что он усвоен русскими у адыгов [9].

Н. С. Трубецкой предполагает, что и алтайский свадебный припев (*ойрыд*) восходит к адыгскому *уэредэ*, что последнее проникало к алтайцам через посредство разных тюркских народов.

Говоря о путях заимствования русскими адыгского припева, Н. С. Трубецкой отмечает, что, очевидно, проникновение последнего в Россию могло совершиться только через казаков. Но ввиду отсутствия этого припева у казаков, он вынужден смягчить свои возражения А. Маркову, который, по словам Н. С. Трубецкого, высказал предположение, что адыгский припев мог проникнуть в Россию во времена царствования Ивана Грозного.

По А. Маркову, это могло случиться на свадьбе Ивана Грозного и черкесской (адыгской) княжны Марии Темрюковны. На этой свадьбе, где присутствовало много черкесских гостей, по мнению А. Маркова, могли раздаваться черкесские (адыгские) песни с интересующим нас припевом, и припев впоследствии мог войти в моду и на русских свадьбах [10].

---

[7] А. Марков. Заметка о припеве: «у-редеди-да-ределя». «Этнографическое обозрение», книга XL—XLI, № 1—2. М., 1899, стр. 345—346.
[8] Н. С. Трубецкой. Указ. соч., стр. 235.
[9] Там же, стр. 236.
[10] Там же, стр. 237.

Можно не разделять той уверенности, с какой Н. С. Трубецкой делает вывод об адыгском происхождении рассматриваемого русского припева, считать спорными соображения А. Маркова о путях проникновения припева в Россию, но сама постановка вопроса нам кажется правомерной. На это дает основание разительное сходство русского припева с адыгским и то, что в России припев не имеет сколько-нибудь широкого распространения. Можно отметить также наличие в русских свадебных песнях таких близких к адыгскому *уэредэдэ* форм, как *ойредеди*, *уредеди* [11].

Последнее обстоятельство позволяет думать, что источником заимствования для русских песен могла послужить адыгская свадебная песня, где налицо и *уэредэ* и *уэредэдэ*.

Из адыгского источника идет, вероятно, и припев у кавказских соседей (см. выше).

Иначе надо ставить вопрос, как кажется, о припеве в алтайских свадебных песнях.

Нельзя думать, что все припевы, имеющие близкий к *уэредэ* звуковой вид, восходят к последнему. Н. С. Трубецкого подводит здесь отождествление *уэредэ* с *уэред* 'песня'. Но *уэредэ* по происхождению неправомерно связывать с именем *уэред*. Следует констатировать как раз обратную зависимость: *уэред* 'песня' получено из припева *уэредэ*.

Слово *уэред* представлено только в адыгских языках и в абазинском, куда оно проникло из кабардинского (ср. абаз. *уарад* 'песня') [12].

Припев *уэредэ*, несомненно, — междометное образование. Междометный характер имеет, очевидно, и алтайское *ойрыд*. Но тогда *ойрыд* нет необходимости связывать с адыгским *уэредэ*: близость в звучании может объясняться здесь междометным характером припева. Известно, что междометные образования, как и звукоподражательные и т. п. слова, нередко оказываются созвучными в разных, территориально отдаленных друг от друга языках.

Адыгский припев как будто бы содержит широко используемое в народных песнях усилительное междометие *уэ*; ср. также выражения типа *Уэ сарэзыщ!* 'Да согласен я!'

Остальная часть припева, *редэ* (*рэдэ*), может быть истолкована как аллитерирующее звукосочетание [13].

---

[11] Н. С. Трубецкой. Указ. соч., стр. 235.

[12] Убыхское *уэрэдэ* 'пение', 'песнь', 'песня' — тоже адыгское заимствование (см.: G. Dumézil. La langue des Oubykhs. Paris, 1931, стр. 121; он же. Documents anatoliens sur les langues et les traditions du Caucase, III. Paris, 1965, стр. 247), а не исконное слово (см. Г. А. Климов. Абхазско-адыгские этимологии. I. «Этимология. 1965». М., 1967, стр. 300) — примыкает скорее к *уэредэ* (*уэрэдэ*), чем к *уэред* (*уэрэд*).

[13] См. Г. А. Климов. Указ. соч.

КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

F. Sławski.

Słownik etymologiczny języka polskiego. T. IV, zesz. 1 (16) ***(la — legart).*** Kraków, 1970.

Рецензируемым выпуском начат новый — IV-й том словаря Славского и одновременно — новая буква. Выпуск открывается очень насыщенным «Дополнительным списком сокращений», дающим весьма красноречивое представление об интенсивности продолжающейся работы автора над словарем. Здесь перечислены использованные Славским многочисленные новые публикации по диалектной лексике славянских языков, славянские лингвистические атласы, современные исследования по словообразованию, лексикологии и этимологии, по индоевропеистике.

Чтение каждого нового выпуска словаря Славского поучительно не только потому, что открывает перед нами картину, можно сказать, образцовой работы над каждой словарной статьей, где добросовестность исследователя-лексиколога сочетается с богатством разносторонней информации и культурой лексикографической и библиографической обработки. Специального изучения заслуживает у Славского богатство словника, а главное — детальная подача материала, причем заглавной позиции удостаивается каждый случай самостоятельного словообразовательно-лексического развития. За этой методикой, безусловно, стоит современная теоретическая концепция, ср. отличную, подчас усложненно-гнездовую манеру расположения словарного материала в словаре, который опубликован в самое недавнее время, но отражает исследовательский опыт и лексикографическую методику предшествующего поколения славистов *.

Состав лексики в рассматриваемом выпуске словаря Славского весьма разнообразен, что находится в соответствии с особенностями последовательности звуков *la-* и *le-* начала слов, охватываемых выпуском. Здесь много заимствованной лексики (*labirynt*, *lada* 1, *laik*, *lak*, *lampart*, *latarnia*, *laur*, *ląd* и т. д.), наряду с двумя такими четко отличными разрядами слов, как, с одной стороны, продолжения исконных славянских форм, в которых польское *la-* восходит исторически к другой последовательности — праслав. **lě-*, **lьja-* (*lać*, *lada* 2, *las*, *latać*, *lato*), с другой стороны — такие экспрессивные, практически не имеющие истории образования как *lala* и под.

Для словаря Славского характерна наблюдаемая нами и в этом выпуске раздельная трактовка близкородственных и семантически тождественных слов, напр. ст.-польск. и польск. диал. *latorość* и *latorośl* 'побег', 'молодая веточка', которые восходят к близким праслав. **lěto-orst-ь* и **lěto-orst-slь*. Обоим словам посвящены особые обстоятельные статьи (стр. 72, 73). Особенно ярким примером такой раздельной лексикографической трактовки могут служить статьи *latować* 'проводить лето' (стр. 75; производится от *lato* 'лето' в соответствии со значением и свидетельствами других славянских языков) и — рядом — *latować się* 'проявлять половое влечение, о коровах'(стр. 75—76;

---

* P. Skok. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. I (A—J). Zagreb, 1971.— Критический разбор словаря Скока, принадлежащий Ф. Безлаю, см. в настоящем томе «Этимологии».

связывается с *latać* 'летать', хотя не исключено, что перед нами одно и то же слово, ср. сезонный характер течки у животных). Разумеется, нет большой беды и в тех вполне сознательных отступлениях от такого принципа, на которые автор изредка идет, как например в статье с заглавным словом — абстракцией *-lecić* (в живой речи представлено только в префиксальных сложениях *po-lecić* 'вверить', 'порекомендовать', *za-lecić* 'отрекомендовать с лучшей стороны', 'вверить', *za-lecić* 'поручить, доверить'; стр. 95—96). Есть отдельные статьи *latalec* (ст.-польск.) 'дьявол, черт' (стр. 65), *lataniec* (польск. диал.) 'дьявол, злой дух' (стр. 66) и *latawiec* 'бумажный змей' (ст.-польск. и диал.) 'злой дух', 'наваждение' (стр. 67). Здесь, пожалуй, вызывает возражение не раздельная трактовка в виде самостоятельных статей, а то, что автор, кажется, прошел мимо явной вторичности форм *latalec* и *lataniec* в отношении к более древнему *latawiec* (последнее даже не упоминается под *latalec*).

В заключение — несколько частных замечаний по реконструкции и этимологии. На стр. 47 польск. диал. *lany* 'льняной' производится из праслав. **lьnьnъjь*. Возможно, автор имел в виду **lьněnъjь*? Автор, видимо, уверен, что балтийское соответствие слав. **legt'i* 'лечь' отсутствует, судя по тому, что он в качестве противоположности этому славянскому слову приводит **sěsti* с наличием балтийских соответствий (стр. 93). Но ср. лит. (*pa*)*lẽgti* 'положить', 'захиреть', а возможно также и лит. *ligà* 'болезнь' и его гнездо. На стр. 107 Славский относит к праслав. **jed-va* 'едва', собственно к его второй части, болг. диал., стар. *давá* 'ведь'. Но в последнем представлена дейктическая частица, ср. болг. *то-ва*, т. е. элемент с иной функцией и значением. Ср., возможно, к болг. *дава* — сербохорв. *дȁвор*, междометие, передающее жалость, угрозу, удивление, радость, которое толкуют из **да-ево-же*.

О. Н. Трубачев

Petar Skok.

Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Uredili akademici Mirko Deanović i Ljudevit Jonke, surađivao u preradnjama i priredio za tisak Valentin Putanec; knj. I, A—J. Jugoslavenska Akademija znanosti i umjetnosti.

Zagreb, 1971.

Среди книг, ожидаемых с нетерпением более десяти лет не только славистами, но и языковедами других дисциплин, почти несомненно, первое место принадлежит этимологическому словарю Петра Скока. Автор умер еще в 1956 г., и после него осталась обширнейшая рукопись славянского этимологического словаря, которая в печатном виде займет три тома словарного формата, набранных петитом, с четвертой частью — индексом. В целом это будет почти в три раза больше, чем словарь Фасмера. Уже первая книга A—J содержит 788 страниц. Необыкновенно плодовито и богато научное наследие Петра Скока, при жизни которого вышло более пятисот книг, трудов, статей и рецензий в области романистики, балканистики, ономастики, а также славистики и германистики, что принесло ему европейскую известность. Этимологический словарь знаменовал бы собой полный синтез всего его жизненного труда, и югославским языковедам следует неустанно разъяснять менее информированным зарубежным коллегам, почему, однако, словарь так долго не выходил.

Скок, по собственному признанию, собирал материал для своего словаря около сорока лет. Это были по большей части стенографические записи и выписки, которые в повседневной работе откладывались им в особую картотеку. Еще во время второй мировой войны, когда Скока отстранили от работы в университете, у него появилось достаточно времени, чтобы приступить

к систематическому пополнению своих записей. В 1948 г. он уже сделал публичную заявку о своем словаре. Но тяжелая болезнь — рак желудка — поставила его перед необходимостью торопиться. В последние годы его жизни мы должны были удивляться силе воли Скока: ведь он создавал словарь в драматической борьбе со смертью вплоть до самой агонии. В 1954 г. он пожаловался мне, что должен рассчитывать каждый час, чтобы все свои стенографические записи привести для своих сотрудников в удобочитаемую форму.

Поэтому к моменту смерти Скока рукопись словаря объемом более десяти тысяч страниц оставалась еще не подготовленной к печати. Осталось множество стенограмм, комбинированных из различных систем, которые впоследствии расшифровал д-р Блаж Юришич. Среди материалов Скока были и многократно по-разному переработанные словарные статьи, и всего лишь бесформенные заготовки. Югославская академия в Загребе, которая через некоторое время приобрела рукопись у наследников Скока, со всем необходимым пиететом приступила к реконструкции окончательного текста словаря. Ассистент Скока и позднее научный сотрудник института языка ЮАН д-р Валентин Путанец сверил весь этот огромный материал и подготовил к печати. Хотя очень небольшая редколлегия ЮАН, составленная из ведущих хорватских языковедов, в течение этих лет неоднократно меняла свой состав, она сохранила верность первоначально принятому решению: пусть словарь, насколько это возможно, останется верным отражением личности Скока, не будучи обязательно последним словом в развитии славянской и сравнительной лексикологии. Редкие позднейшие поправки, дополнения и наблюдения внесены в текст в квадратных скобках.

Это по существу хорошее начинание имеет, к сожалению, и свои слабые стороны. За последние пятнадцать лет славянская лексикология получила такой широкий размах, что можно было бы говорить о ее возрождении. В целом до сих пор южнославянская лексика неполно и довольно поверхностно учитывалась в сравнительной научной литературе. До сегодняшнего дня единственным сербохорватским этимологическим словарем были «Корни» Даничина 1877 г., труд, очень устаревший даже по сравнению с «Этимологическим словарем славянских языков» Миклошича 1886 г. Позднее никто больше систематически не занимался анализом лексики; благодаря ревностному труду Скока развилась дисциплина, которой так долго пренебрегала южнославянская славистика. Он хотел создать свою школу и иметь своих последователей в лексикологических исследованиях. Скок всегда находил время, чтобы прислушаться к мнениям своих младших коллег всех южнославянских народов, и потом тщательно изучал их идеи. Положение редколлегии ЮАН крайне осложнялось тем, что в течение пятнадцати лет младшему поколению сербохорватских сотрудников не разрешалось вносить в рукопись словаря Скока новейшие идеи из зарубежной лексикологической литературы, еще меньше собственные дополнения и мнения. Нигде и никогда пиетет даже перед таким признанным авторитетом не должен задерживать развития науки, а пятнадцать лет отставания при теперешней активности славянской лексикологии уже довольно ощутимо дают себя знать. ЮАН следовало бы запланировать еще пятую книгу дополнений и поправок, чтобы тем самым воодушевить младшее поколение научных сотрудников, выросшее в период освоения наследия Скока. Заслуживает упрека и очень маленький тираж: 30 тыс. экземпляров — только малая капля в море современных славистических и компаративистских нужд.

Но и такой, каким он является, этимологический словарь Скока занимает совершенно особое место среди славистических работ этого рода. В нем чувствуется стремление охватить как можно больше слов, которые когда-либо и где-либо были зарегистрированы на сербохорватской земле. Скок является специалистом по всем пластам языкового субстрата и адстрата на Балканах. При первом поверхностном знакомстве со словарем славист особенно в праве спросить, является ли вообще сербохорватский язык славянским языком: так редко рассыпаны по словарю славянские заглавные слова. Они, как пра-

вило, очень обширны и прямо переполнены материалом. Только опытный этимолог, не найдя, напр., в словаре Скока статьи на *grôzde* 'uva', посмотрит также *grana*, где рассмотрены все этимологически родственные слова. Это снижает практическую пользу словаря, который должен служить различным потребностям языковой культуры. Потребуются довольно обширные индексы, чтобы облегчить поиски нужных слов.

Каждая словарная статья Скока представляет краткий, сжатый, но интересный анализ, полный не только оригинальных мыслей и наблюдений, но и фонетических, семантических сравнений и экскурсов в область других лексических групп. Скок обычно ограничивается приведением только одного толкования, при этом он обращает внимание на возможность сомнения, но никогда, однако, не полемизирует с различными взглядами в научной литературе. При подаче сербохорватского материала он указывает в скобках источники и локализацию отдельных форм, вся другая литература сосредоточена в конце каждой словарной статьи, не взирая на то, будут ли это только практические словари, как напр. словенский словарь Плетершника, или этимологические словари и периодическая научная литература, которая нередко очень отличается от взглядов Скока. Это, видимо, является следствием метода, избранного Скоком. Он торопился привести в порядок свои записи и закончил их намного раньше, чем его единственный помощник успел собрать по библиотекам доступную документацию. Поэтому кажется, что эти цитаты по большей части только механически прилеплены к выводам Скока.

Такой способ цитирования научной литературы, определенно, не самый лучший, но в сочетании с различными другими этимологическими словарями поможет полностью реконструировать определенную проблему. Возьмем напр. слав. *duma* 'мысль', которое обычно производят из гот. *dōms* 'решение, мнение'. Эту этимологию поддерживает также Скок [1], приводя важные сведения о распространении этой основы на сербохорватской территории. На крайнем востоке это с.-хорв. *dȕmat se* 'говорить, беседовать, представлять, воображать себе' (Космет, Моравская Сербия), на западе в Далмации — *dȕmati* 'воображать себе, представлять себе', *dumìnjati* (Далмация) наряду с *dumrijati* 'скрывать в себе боль'. Между тем как Фасмер [2] приводит наиболее важную литературу по этой этимологии и при этом цитирует ряд авторов, которые связывают слав. *duma* с *dymъ*, что не согласуется с его мнением. Скок не упоминает этого мало вероятного объяснения, тогда как в литературе приводит Младенова, РФВ LXII, 260, который защищает эту отвергаемую теорию. Ни Фасмер, ни Скок не упоминают Отрембского [3], который считал, что слав. *duma* получилось в результате метатезы из **mud-* (*myslь* < **mūdsli*). К этому мнению с живым интересом относился Махек в обоих изданиях своего этимологического словаря, и при этом он опирался также на Г. Якобсона [4], который производит, правда, из **dheu-*, связывая *duma* с ц.-слав. *odьměti* 'respondere'.

В словенском *dumati* засвидетельствовано только в Резии. Скок этого не отмечает, поэтому нас удивляет в цитируемой литературе ссылка на словенские источники [5]. Ц.-слав. *odъměti* наряду с с.-хорв. *odmelo* 'cognomen' сохранилось только в словен. *odméti*, *odmem*, *odmẹ́vati*, *odmẹ́vam*, *odumẹ́ti* и *odmev*, *odmeh*, *odmih*, *odum*, *odumenje*, *damelj*, *odamelj* 'эхо'. Тогда как в за-

---

[1] Skok I, стр. 456.

[2] Vasmer I, стр. 380.

[3] J. Otrębski. Indogermanische Forschungen. (=Rozprawy i materiały wydriału I towarzystwa przyjaciół nauk w Wilnie, X, 3). Wilno, 1939, стр. 112.

[4] G. Jacobson. 'Hauch', 'Wort' und 'Gedanke' im Slavischen. «Studia slavica G. Gunnarsson sexagenario dedicata», I. Göteborg, 1960, стр. 35.

[5] J. Šuman. Duma. «Dom in svet» XXI, 11. Ljubljana, 1908, стр. 520.

падных словенских наречиях в значении 'эхо' представлены *majek*, *majnik*, *malič*, *malik*, их можно было бы объяснить метатезой *dъm*-: *mъd*-. У старейших каринтийских авторов засвидетельствован глагол *dimljati*, *dimljovati* 'предполагать', *dimljanje* 'предположение', *dimljiv*· 'подозрительный', что указывает на ступень *dym*-. С привлечением словенского материала идея Отрембского и Махека заслуживает серьезного внимания в славистике.

Конечно, вокруг слав. *duma* накопилось столько научной литературы, что в полном объеме ее мог бы охватить и критически освоить только широко задуманный и обширный сравнительно-этимологический славянский словарь. При этом следует иметь в виду, что на современном этапе исследования для длинного ряда славянских слов нельзя без некоторого риска решить в пользу только одного объяснения. Даже собирание научной литературы специально по любой лексикологической проблеме приобретает особую остроту в славистике. Для этих целей необходимо было бы специальное научное издание. К сожалению, в настоящий момент ни один славистический центр не располагает достаточно исчерпывающей и своевременной информацией, чтобы взять на себя инициативу подобного начинания. Несомненно, что и при том способе цитирования литературы, который принят Скоком, специалист найдет некоторые важные указания, на которые он сам мог бы не обратить внимания.

Словарь Скока разочаровывает тем, что поиски отдельных лексем безнадежны. Так напр. он пропустил с.-хорв. фитоним *dìvizma*, *divizmina*, *divizna*, *diviznina*, *divina* 'Verbascum', болг. *дивизна*, *дивизма*, словен. *devin*, *divin*, чеш. *divizna*, *divina*, *děvina*, слвц. *divizna*, польск. *dziwizna*, *dziwanna*, *dziewina*, *dziewanna*, в.-луж. *dźiwizna*, русск. *дивана*, *девина*, *деванка*, укр. *дивина*, *дивенна*, блр. *дзиванна* 'Verbascum'. Дакийское διέσεμα 'Verbascum' Диоскурида делает этот трудный славянский фитоним таким интересным, что это было первое слово, которое я искал у Скока. Меня интересовала его точка зрения. Между тем южнославянские авторы склоняются к мысли, что это фракийский субстрат в славянских языках [6], на севере думают наоборот, что фрак. διέσεμα старое заимствование из славянских языков [7]. Йокль производит фракийское имя из и.-е. **dies eusm̥n*, ср. нем. *Himmelbrand* 'Verbascum' [8]. Оштир предполагал дои.-е. **di-(w)es-sa-ma* < праи.-е. **di-wers-* 'огонь' [9]. Также Георгиев принимает индоевропейскую этимологию [10]. Славянские авторы на севере исходят, разумеется, из славянских основ. Мошинский [11] и Славский [12] производят от слав. *divъ*, т. к. Verbascum растет только на неплодородных каменных глыбах. Махек во втором издании словаря [13] отказался от своего прежнего вывода [14] и присоединился к мнению Мареша, который выводит из *dives* < *div*- + -*ma* 'магическое растение'. Трудно понять, почему Скок обошел такую интересную проблематику.

---

[6] V. Tomaschek. Die alten Thraker. II, 2, стр. 22—36; H. Barić. Linguisticke studije. Sarajevo, 1954, стр. 34; D. Detschew. Die thrakischen Sprachreste. Wien, 1957, стр. 546.

[7] L. Niederle. Slovanské starožitnosti, II. I, Praha, 1906, стр. 167—169; F. Mareš. Slovanské názvy rostlin u Dioskurida Anazarbského? «Vznik a počátky Slovanů», III. Praha, 1960, стр. 7—14.

[8] M. Ebert. Reallexikon der Vorgeschichte, XIII. Berlin, 1924, стр. 296a—297b.

[9] K. Oštir. — «Archiv za arbanasku starinu» II. Beograd, 1923, стр. 272.

[10] БЕР, стр. 385.

[11] K. Moszyński. Uwagi do 5 zeszytu «Słownika etymologicznego języka polskiego». Fr. Sławskiego i uzupełnienia uwag poprzednich. — JP XXXV, 2, стр. 126.

[12] Sławski I, стр. 198.

[13] Machek², стр. 119.

[14] V. Machek. Česká a slovenská jména rostlin. Praha, 1954, стр. 209; Machek¹, стр. 88.

Насколько можно судить по первому тому без индекса, фитонимы в словаре Скока по сравнению с другим лексическим материалом несколько слабее исследованы. Но читатель не должен спешить с выводами. Так напр., я напрасно искал для 'Hyosciamus niger' словарные статьи на *bûn*, *bùnika* из **bьlnъ* или хотя бы на более редкие западные сербохорватские рефлексы *blen*, *blem* из **belnъ*, но совершенно неожиданно нашел полное освещение проблемы под наименее известным сербохорватским названием *balam*, *balan*. Скок не знал удовлетворительного объяснения, поскольку возможность венгерского посредства не имеет доказательств. Но для Скока характерно то, что как раз такие неожиданные формы больше всего привлекали его внимание. С определенностью можно сказать, что Скок не принял во внимание даже такие романские заимствования, как с.-хорв. *cingola*, *cimbola*, *cindolica* при словен. *cingulja*, *cindulka*, *sidolka*, *senodolka* и даже *kemanica* из ср.-лат. *caelidonia* 'Chelidonium'. Очень внимательное изучение приведенной выше литературы, которая была в распоряжении Скока приблизительно в 1950 г., кроме того, часто очень трудная проблематика фитонимов, требующая в большинстве случаев сотрудничества с опытным биологом, и чрезвычайная поспешность, с которой Скок заканчивал свой большой труд, оправдывают такие пробелы, из-за которых словарь не утратил однако своей ценности.

Как словенцу, мне очень приятно, что Скок родился в нескольких километрах от словенской границы и был несколько лет профессором романистики в Люблянском университете, что из всех славянских языков наибольшим его вниманием пользуется словенский. Конечно, при этом он непоследователен, да иначе и быть не могло. Однако, если к локальному сев.-зап. с.-хорв. ихтиониму *frilj* 'небольшая речная рыба' приводится в качестве единственной параллели словен. *frȉl*, род. п. *fríla* 'Leuciscus aspius', то этого все же мало. В словенско-немецком словаре Плетершника непосредственно перед *frȉl* можно было бы прочитать также словен. *frîgelj*, *frîgeljc* 'Leuciscus phoxinus'. При этом такой романист как Скок должен был бы подумать об ит. *fregaruolo* 'Leuciscus phoxinus', которое перешло в прованс. *fregolh* и франц. *freguereul* 'Leuciscus phoxinus'[15]. Но если словен. *fril* и с.-хорв. *frilj* получены из ср.-в.-нем. *pfrille*, *pfrill*, *pfril* 'Aspratilis, Pelanus'[16], то Скок мог бы пояснить нам еще не объясненное отношение между романским и германским ихтионимом.

При сопоставлениях со словенским Скок не колеблясь ставил на первое место словенское слово. Таково, напр., словен. *bînec* 'двухлетний ягненок' и 'шаловливый, резвый мальчик' в сравнении с с.-хорв. чак. *bîna* 'вид хлеба, который делится пополам'. Для словен. *bînec* Скок исходит из лат. *bimus* 'двухлетний', фриул. *bime* 'двухлетний ягненок', итал. диал. *bimba* 'двухлетняя коза'. Скок не приводит научной литературы, тогда как Перушек[17] и Трубачев[18] выводят из лат. *bīnī* 'двойной'. Отсюда у Скока древнее венец. *bina* и фриул. *bine* 'piccia di pani', которое дало чак. *bîna* (Раб.). Но словен. *bînec* 'резвый мальчик', по Скоку, из исконного словен. ономатопоэт. *bîncati* 'брыкать, ударять ногой', *bîncelj* 'нижняя часть ноги у лошади или коровы'. Несомненно, следует отдать предпочтение мнению Скока. Можно было бы привлечь еще словен. *bîmbo* 'неумный, ограниченный мальчик', которое тесно связано с итальянской исходной формой.

Так же словен. *hrétiti se* 'внушать отвращение, быть надутым' вынесено у Скока в качестве заглавного слова, которое он, однако, оставляет без объяс-

[15] M e y e r — L ü b k e, стр. 3501; W a r t b u r g III, стр. 783.

[16] M. L e x e r. Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch, II. Leipzig, 1876, стр. 264.

[17] R. P e r u š e k. Beiträge zur Etymologie slovenischer Wörter und zur slovenischen Fremdwörterkunde. — AfslPh XXXIV, 1912, стр. 26.

[18] О. Н. Т р у б а ч е в. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960, стр. 78.

нения, но приводит его, чтобы обратить внимание на старый хорватский перевод слов Мартина Лютера über deine zarte Kinder 'nad Tvojom razhrećenom dicom'. Мы только можем быть благодарны редакторам словаря Скока за то, что они, не колеблясь, сохранили в оригинале словенские заглавные слова, несмотря на тот факт, что напр., словацкие слова в качестве заглавных в первом издании этимологического словаря Махека вызвали такую бурю в словацкой критике.

Естественно, не всегда можно согласиться с объяснениями у Скока словенских лексических особенностей. Так, он отмечает при с.-хорв. *gȕša* 'зоб' из вульг. лат. *geusial*, что словен. *gólša* 'зоб' является результатом контаминации *guša* и *glъtati*. Следовало бы принять во внимание всю лексическую группу в целом. Кроме *guša*, *goža* и *golžûn* 'зоб', словенскому также известны глаголы *zagólhniti*, *zagólsniti* 'насытиться, наполниться', *gózati* 'есть без аппетита', *gózniti* 'попробовать, отведать', *gúzati* 'жевать без зубов'. Им родственно слвц. *glg* 'глоток', *glgat'* 'бормотать, качаться'[19]. Далее сюда же относится лтш. *gulgât* 'кричать', *guļgâtiês* 'давиться, с трудом глотать', *guldzît* 'жадно есть, делать большие глотки'. Некоторые авторы сравнивают с нов.-в.-нем. *kolken* 'кричать', дат. *kulk* 'пасть, глотка'[20], другие — с норв. *gulka* 'нагрузить, наполнить', швед. диал. *gylka* 'глотать, давиться'[21]. В словенских наречиях в значении 'зоб' найдем также *gónža* (Горица, Резия), но такой формы не найдем в соседних романских говорах. На основании лит. *gũžė*, *gūžỹs*, диал. *gųnžys* 'зоб', ст.-прусск. *gunsix* 'опухоль'[22] можно и для словен. *goža*, *gonža* предположить исходное **gǫzi̯a*, т. обр. не производя его только из итал. *gozzo*, венец. *gosso* и фриул. *gose* 'зоб, пасть'. Исходя из словенского, можно было бы утверждать, что с.-хорв. *guša* не является таким бесспорным романизмом, как болг. *guša* и макед. *guša*.

Представляется также совершенно невероятным, чтобы словен. *šȗl*, *šúlav* 'с маленькими ушами' было заимствовано из с.-хорв. *čȕlav* наряду с *ćȕlav* то же, а это, в свою очередь, из рум. *ciul* то же. Сербохорватский синоним *čȕbrast* (Черногория) довольно убедительно говорит в пользу возможного славянского наследия из и.-е. **keu̯-b-*, ср. др.-инд. *kubra* 'серьга, углубление'. Из этой же основы с.-хорв. *ćubiti* 'compingere se ad terram' (Лика). Для болг. *čul* Младенов, по-моему, правильно предполагает и.-е. **kĕu̯-*, **kou̯-* 'гнуть, сгибать'[23]. Скок, собравший весь этот материал под словом *čúbra*[24], некритически последовал за Крынджалой[25]; но, видимо, рум. *ciul*, как и венг. *czula* и даже тур. *cula* 'без ушей, с маленькими ушами', заимствованы из славянских языков, ср. также укр. *чулий* и слвц. *čula* (< венг.). Рум. *cĭuli* 'поднимать уши' соответствует с.-хорв. *ćúliti* 'навострить уши' и словен. диал. *čúliti* то же. Можно исходить из и.-е. **keu̯-lo* или **keu̯-t-lo*, ср. лит. *kiaũsti* 'приостановиться в развитии, прийти в упадок'. Словен. *šȗl*, *šúlav* и глагол *šúliti se* 'пробираться в согнутом положении' при с.-хорв. *šuljati* 'наклоняться' указывают на аспирированную экспрессивную форму **kheu̯-t-lo*. Подобное же отношение между словен. *húliti se* 'наклоняться', с.-хорв. *húliti se*, *húlati se*, диал. *hulȉt* 'навострить уши', чеш. *chouliti se*, слвц. *chúlit'sa* и словен. *kȗlj*, *kúljav*, *kúljast* 'без рогов, с согнутыми рогами', укр. *кулити*, блр. *куляцьcя*, польск. *kulić się* 'сгибаться, стягиваться', болг. *кулав* 'с парализованной рукой', русск. *ку-*

---

[19] Berneker I, стр. 367; иначе Machek[1], стр. 116, предполагает ономатопоэт. образование.

[20] E. Zupitza. Die germanischen Gutturale. Berlin, 1896, стр. 148; A. Bezzenberger. Etymologien. — BB XVIII, 3—4. 1895, стр. 268.

[21] Mühlenbach — Endzelin I, стр. 677.

[22] Fraenkel 3, стр. 179.

[23] Младенов, стр. 681.

[24] Skok I, стр. 339.

[25] D. Crânjala. Rumunské vlivy v Karpatech. Praha, 1938, стр. 244.

лявый 'хромой'. Словенский знает также *šilasto gledati* наряду с *na hilje gledati* 'косить глазами, смотреть косо' при с.-хорв. *hiliti*, *hiljati* то же.

Скок приводит под отдельными заглавными словами большой материал, но проблема в целом им не осознавалась. Возможно, в славянских языках произошло смешение нескольких различных основ, хотя во всех приведенных примерах можно исходить из общей исходной формы. Отношение между *-ch-* и *-k-* и между *-š-* и *-č-* в подобных примерах с этой основой объяснил Петерссон из экспрессивного начального *kh-* ~ *k-*[26]. В Трудах АН Боснии и Герцеговины[27] я попытался объяснить отношение между *-č-* и *-ć-* двойным праславянским рефлексом **keu̯-* как **ću-* и **ćiu-*. Также др.-русск. двойные формы *очѹжити*, *очюжити* или *очѹтити*, *очютити* появляются только в случае рефлексов дифтонга *-eu̯-*, хотя здесь развитие шло иным путем, чем в сербохорватском.

Скок отмечает в статье на *čûbra* также *čula* 'некая пастушеская игра' (Бачка), в Сербии эта игра называется *krmača*, словен. и частично также с.-хорв. имеют для этой игры гл. *svinjkati se*. При этом он опускает с.-хорв. диал. *ćulanje* 'некая пастушеская игра' и гл. *ćulati se* (Лика), словен. *čûlek* 'поросенок'. Лит. *kiaũlė* 'свинья' и такое же название пастушеской игры *kiaũlę varýti dvāran*, ср. русск. *городки*, несомненно, являются случайным омонимом с с.-хорв. *čȕlav*, *ćȕlav* 'с маленькими ушами'. Поскольку представлено и с.-хорв. диал. *čȕka*, *ćúka* 'овца без ушей' (Лика), что Скок не забывает упомянуть, нас все же удивляет, что для этой лексической группы он предлагал романскую этимологию.

К чести Скока следует признать, что во многих подобных случаях, когда под одним заглавным словом нанизывается множество таких слов, он распределяет материал по семантическим группам и допускает, по крайней мере, возможность омонимии. Так напр., в словарной статье на *čȁša* с богатыми и интересными сведениями о распространении этого слова в балканских языках, вызывает однако сомнение, что с.-хорв. *ȉščašiti*, *ȕčašiti* 'вывихнуть' из той же основы. На основании синонимов *iščesnuti*, *iščeviljati* он заключает, что произошла контаминация слов *čaša* и *česati*. Еще Махек во втором издании своего словаря[28] обратил внимание на ст.-чеш. *čiecha*, *čěcha*, *čecha*, *čieška*, *čěška*, *čiška*, *češka* 'суставная чашка', которые он связывает с лит. *kiškà*, лтш. *ciska* 'подколенная впадина, бедро, ляжка' и голл. *hijze*, *hijs* 'подколенная впадина'[29]. Махек, не учитывая южнославянских параллелей, предполагал реконструкцию **čecha* с первичным кратким *-e-*. В словен. в значении 'подколенная впадина' представлено также *šîška* (< **čiška*), в зап. с.-хорв. *čanak* и в макед. гл. *iščanči* 'вывихнуть'. Последнее фонетически трудно связать с лит. *kenklẽ*, лтш. *ciñca*, *cinksta*, *cinkslis* 'икра ноги', *cimslis*, *ciñsla* 'большое сухожилие в сгибе колена'. Если присоединить к ним греч. ἰσχίον 'вертлюжная впадина таза' из **skis-*, то, естественно, придется отбросить все прежние попытки этимологизации этих слов и поискать общую исходную форму с учетом южнославянского материала.

Поколение южнославянских лингвистов, к которому принадлежал Скок, еще не осознавало, какое важное значение имеет еще научно не освоенная южнославянская лексика для решения проблем славянской языковой прародины. Они даже не подозревали, сколько южнославянских параллелей с балтийской языковой группой, параллелей, которые совершенно неизвестны севернославянским языкам или которые в лучшем случае находим в виде незначительных следов в том или другом локальном наречии. Словенские,

---

[26] Petersson. — KZ XLVII, стр. 277.

[27] F. Bezlaj. Slovenski jezik v luči leksikologije. — «Radovi XXXV odjeljenje društvenih nauka. Akademija nauka i umjetnosti Bosne i Hercegovine», knj. 12. Sarajevo, 1969, стр. 87 и далее.

[28] Machek², стр. 101.

[29] Būga. Rinktiniai raštai, II. Vilnius, 1958, стр. 286.

сербохорватские и болгарские этимологи для отдельных южнославянских локализмов искали происхождение в соседних неславянских языках и при этом удовлетворялись неопределенными фонетическими субституциями и сомнительными семантическими связями. Они не подумали, сколько богатого материала для реконструкции старых ступеней чередования и ряда других пока еще неясных явлений в праславянском грамматическом развитии сохранилось у южных славян. Поэтому даже такой точный исследователь лексического адстрата, каким был Скок, не раз ошибался.

Уже тот факт, что в довольно богатой научной литературе, использованной Скоком, тщетно мы будем искать такую работу, как, напр., Латышско-немецкий словарь Мюленбаха—Эндзелина, показывает, что славистические проблемы, к числу которых, несомненно, принадлежит проблема балто-славянского родства, не привлекали серьезного внимания Скока. В период между обеими мировыми войнами, а точнее между выходом в свет словарей Бернекера и Фасмера, этимологические комментарии Эндзелина к лексическому материалу Мюленбаха являются важным безошибочным источником информации также для слависта—лексиколога. Кто занимался южнославянской лексикой, должен обратить внимание на многочисленные параллели, которые до сих пор не были отмечены научной литературой. Так напр., Скок связывал этноним *Bъlgarinъ* [30] с сев.-зап. с.-хорв. *bȕgariti* 'жаловаться, петь скорбные песни', *obȕgariti* 'оплакивать мертвого', *bugarštica* 'вид народной песни' и также, видимо, *bugàrija* 'вид домры', записанное в 1670 г. *bulgaria* через балкан. тур. *bulgari* наслоилось на этноним *Bъlgarinъ*. Глагол *bugáriti* в значении 'кричать, вопить' засвидетельствован также в юго-западных словенских говорах. Молодая словенская исследовательница недавно обратила внимание на то, что между лтш. *balgs*, *baldzinât* 'оклеветать, очернить' при *balk*, *balksnis* 'звук, голос' и *bildêt*, *bil̃dinât* 'говорить, сказать' такое же отношение ступеней чередования, как между словен. **blag* 'титул важного сановника в древнем карантанском государстве', засвидетельствованным только в топонимии (980 *Blasindorf*, 1440 *Blasendorf*, *Ambstmansdorf*) и **bьlgariti*, образованным как словен. *kuhariti* при *kuhati*, с.-хорв. *vucariti se* (Дубровник). Крестьянин, а точнее kosez, который по известной традиции возводил на престол карантанского князя, в 1414 г. носит имя *Schatter*, сохранившееся в современной фамилии *Čater*. Из-за макед. *čati*, *počati* 'читать' не можем поверить сербохорватским грамматикам и Скоку [31], что с.-хорв. *čàtati*, *čàtiti* 'читать' развилось из **čьtati*. Словен. диал. *čatiti* значит 'бормотать молитвы' (Бела Краина), и Скок приводит также боснийский локализм *čatrlj* 'поп'. На словенской территории Каринтии не могло *-a-* произойти из *-ь-*, и если мы объясняем **čater* как тот, который произносит ритуальный текст, то должны исходить из дублетов **(s)kēt-/*(s)keit-*, ср. лтш. *pâtarus skaitît* 'произносить заповедь'. Оба термина, словен. **blag* и **čater*, были обозначением некоторых функций в организации косезов, нем. *Edlinger* и оба эти термина можно объяснить принадлежностью к сфере риторики. Следы косезов в топонимике засвидетельствованы в Лике. Ступень чередования **bьlgarь* 'певец скорбных песен' была связана с этой географической областью.

Если бы Скок принял во внимание македонскую лексику, то, помимо зап. с.-хорв. *ćuh*, *ćuv* 'spiritus, flotus' и глагола *ćúhniti*, *ćȗhnem* 'дуть', он должен был отметить также макед. *tuši* 'дует' и словен. *čȗhati*, *čȗham* 'съеживаться (когда что-либо тушится, парится)' и укр. *тýхнути* 'садиться, спадать (об опухоли)', польск. с назальным *tęchnąć* то же наряду с *cuch* 'нюх, острое обоняние'. В данном случае имеем дело с праславянскими дублетами **tjuch-* и **tuch-* из **teus-*, связь с *čuti* из **qeu-* [32] неубедительна, вопреки Бернекеру и другим авторам, указанным в приведенной литера-

[30] Skok I, стр. 229.
[31] Skok I, стр. 330.
[32] Skok I, стр. 344.

туре[33]. Скок приводит дублеты *čuh* и *čuv* наряду с *ćuh* и *ćuv*, объясняет их проникновением в сферу ономатопоэтических образований. Хотя и заманчиво объяснить этот случай таким же образом, как и предыдущие *čulav* и *ćulav*, речь все же может идти только о контаминации слов.

Скок еще не имел в своем распоряжении довольно полных источников македонской лексики. Но и богатый словенский словарь Плетершника, который столько раз добросовестно цитируется, не использован им достаточно тщательно. Скок пропустил, напр., словен. имперф. гл. *ščežéti* 'бежать согнувшись'. Встретившись с такой архаичной формой и ее значением, исследователь невольно подумает, что с.-хорв. *ìščeznuti*, *iščezávati* и русск. *исчезнуть* должны произойти из **jьz-sčeznǫti*, а *čeznǫti* получилось в результате неправильного переразложения этой основы. Словенская форма по значению обнаруживает неожиданное соответствие в англос. *sceacan* 'трясти, спешить, уходить, убегать', др.-сакс. *skakan* 'бежать, убегать', др.-исл. *skaka* 'махать', которые производят из **skeg-*[34], но с той же вероятностью могли бы вывести из **skeg'-*. Скок также приводит др.-с.-хорв. 16 в. *čȅzati* 'погибать от страха'.

При общеслав. *skočiti*, *skakati* 'прыгать, скакать' из **skok-* балтийские языки имеют исходную основу **sk'ok-* или с метатезой **ksok-*[35]; ср. лит. *šókti* 'прыгать' при *kuokìnė* 'вечернее развлечение', а также *šókti* 'начинать', *šokũs* 'бодрый, веселый', лтш. *sâkt* 'начинать', также лит. *šok(d)ìnti* 'принуждать, побуждать, брать в руки'. Еще более неожиданно семантическое развитие синонимичной основы **skē̆t-*, ср. лит. *skàsti* 'прыгать, торопиться ч.-л. сделать', *skatýtis* 'становиться внимательным, оглядываться', *skãtinti* 'подгонять, побуждать, разбудить', *skókotis* 'заботиться, быть озабоченным, стараться, осматриваться', лтш. *skatît* 'внимательно смотреть', *skatîgs* 'живой, внимательный, бдительный'. Им семантически точно соответствуют сев.-зап. с.-хорв. *skozan*, *skozniv*, *skoznovit* 'бодрый, бдительный, внимательный, заботливый' (Загорье), *skoznik* 'ночной сторож', *skozno spava* 'чутко спит' (Далмация), гл. *skoznovati*, кайк. *skoznuvȃti* 'бодрствовать, наблюдать, заботиться'. Из словенских наречий только прекмурское знает эту основу: *skôzniti*, *skoznovâti* 'бодрствовать, бдеть, наблюдать, беспокоить', *skôzen*, *skoznȉv* 'бдительный, заботливый', *skoznovȃnje* 'бодрость'. В данном случае можно исходить только из чередования **skog'-/*skeg'-*. Френкель разбирает подобные семантические переходы на материале других основ в различных индоевропейских языках[36]. Большинство авторов производит слав. **čeznǫti* из и.-е. **sku̯eg'-*, связывая чередованием со слав. **kaziti* 'портить', что не находит нигде семантических параллелей, и до сих пор многие авторы возможность этой связи ставят под сомнение.

Это только один из многочисленных примеров того, как полезен подробный анализ южнославянской лексической группы для решения вопросов общеславянской проблематики. К сожалению, пройдет еще несколько лет, прежде чем мы узнаем, как Скок объяснил с.-хорв. *skozan*. Много интересных моментов из области семантики я не нашел в богатом материале Скока. Таково напр. с.-хорв. диал. *čȇlo* 'день, 12 часов', *dan i noć su dva čela* (Рисань, Бока Которска). Поскольку в соседней Черногории известен апел. *kȍlje* 'время, свободное время', *dȍkolica* 'свободное время, досуг', который несколько неубедительно производят от местоименной основы *kolě*, *koli* 'quantum',[37] и при этом никем не принимается во внимание *čelo*, можно думать,

---

[33] Berneker I, стр. 162.
[34] Pokorny I, стр. 923.
[35] Fraenkel 13, стр. 1021.
[36] E. Fraenkel. — IF XLIX, стр. 205.
[37] Berneker I, стр. 674; Barić — «Prilozi za književnost, jezik i istoriju i folklor», XV. Beograd, стр. 287; I. Popović. Geschichte der serbokroatischen Sprache, Wiesbaden, 1960, стр. 540.

что это славянский архаизм из и.-е. **quel-* 'далеко по месту и времени'. При современном знании особенностей южнославянской лексики и ее архаизмов нас не должно смущать то, что эти основы не прослеживаются в других славянских языках. Однако новые диалектные словари в разных частях славянского мира постоянно приносят южнославянскому филологу новые неожиданности.

У Скока, напр., я напрасно искал под словом-статьей *gnȉda* 'lens, гнида', с.-хорв. диал. *gnȉdica* 'очень мало' (Дубровник). Этому значению не соответствует не только словен. *gnída* 'мелочь, кусочек, маленький человек', но и кашуб. *gńida* 'маленький человек, мелкий картофель'. В германских языках для и.-е. **ghneidh-* засвидетельствовано норв. диал. *gnitta* 'кусочек', *gniter* 'нечто очень маленькое', дат. диал. *gnit* 'кусочек', вост. фриз. *gnit*, *gnid* 'мелочь, мушка', нов.-в.-нем. *Gnitze* 'мушка'. В словенском сохранилась другая семантическая группа с этой основой: *ugnída*, *ugnjída* 'гнойный чирей', *zagnîda*, *zagnjîda* 'червяк, заногтица'. Следовательно, чеш. *hnisati* 'гноиться' можно вывести из **gnidsati*, а не из **gnьjsati*, как думал Махек [38]. Этим образованиям соответствует лтш. *gnīde* 'шероховатая, чешуйчатая кожа' и с другой огласовкой нов.-в.-нем. *Gnatz*, *Gnätze* 'струп, сыпь на коже' При всем этом можно усомниться в том, что общеслав. *gnida* 'lens, гнида', действительно, из и.-е. **ghneidh-*.

Конечно, такие случаи, число которых можно было бы увеличить, не снижают ценности словаря Скока, который дает в распоряжение славянской лексикологии богатый материал для ее дальнейшего развития. Внимательный исследователь найдет в нем тысячи слов не только сербохорватских, но и словенских, а также из других балканских языков, которые выписывались Скоком в течение всей его плодотворной жизни из различных диалектологических исследований, из исторической литературы областей и записывались даже во время его собственных путешествий. Поскольку источники не всегда специально обозначены, проверка, конечно, затруднена, но небезуспешна. Вполне понятно, что в таком богатом словаре, где довольно много оригинального и новаторского, не все связи будут приняты научной критикой.

Помимо богатого лексического материала, Скок в своем словаре обильно привлекал примеры из области ономастики. Самостоятельных ономатических слов-статей, правда, не так много, значительно больше различных названий в самом тексте. Специальность Скока — предславянские субстратные имена. Лишь изредка он забывает обратить внимание на славянские топонимические основы, но не пренебрегает даже фамилиями. К сожалению, весь этот материал станет доступным только при наличии индексов, часто он приводится только как доказательство определенных грамматических субституций в таких словарных статьях, где трудно ожидать появление этих примеров. Возможно, кто-то упрекнет Скока в том, что западная часть сербохорватской территории в плане топонимии несравненно более полно охвачена и обработана, чем восточная. Но это только отражение тех источников, которые были в распоряжении Скока в то время.

Нововведением Скока, по сравнению с прежней практикой, являются суффиксы. Большинство этимологических словарей не рассматривает отдельных словообразовательных элементов, за исключением некоторых особых случаев. Скок посвящает отдельную статью каждому суффиксу, который играет какую-либо роль в сербохорватском словообразовании. Исследователя субстрата и адстрата всегда живо интересовал процесс контаминации славянских и неславянских словообразовательных средств. Этой проблемы он касался в ряде своих работ, пытаясь выяснить, в какой степени можно полагаться на лексический состав слов особенно в сомнительных случаях, когда отпадают все другие критерии для отделения адстрата от славянского наследия. На первый взгляд трудно судить, в какой степени ему это удалось. Суффиксальные статьи занимают значительную часть словаря, они поданы

---

[38] M a c h e k², стр. 172.

сжато и интересно, но при этом слабо подчеркиваются функциональные оттенки. Трудно, напр., поверить, что в с.-хорв. *hvàlisati* 'хвастать, чрезмерно хвалить', которое представлено только на северо-западе, действительно, греческий суффикс *-isa* (у Скока в статье на *hval*). Так же трудно поверить Плетершнику, который утверждает, что словен. *hvalísati* заимствовано из сербохорватского. Это только один пример славянского интенсива на *-s*, и функционально он существенно отличается от восточного типа, ср. *telefonisati*, совершенно неизвестного не только словенскому, но и сев.-зап. части сербохорватского языка.

Несомненно, словообразовательный анализ Скока ждет еще своей оценки, эта область в своих крайних результатах стоит несколько далеко от этимологии. Наибольшее внимание привлекают из этой области такие параллели, как напр., словен. *živâl* f., род. п. *živâli* 'животное' при лит. *gývolis*, *gyvulỹs* то же. Но специалистам других направлений предоставляется решение вопроса развития отдельных суффиксальных типов, их продуктивности и функциональной нагрузки.

Кратко и сжато можно подчеркнуть, что этимологический словарь Скока является ценным вкладом в славистику, открывающим новую эпоху в славянской лексикологии. В работе этого рода, выполненной одним единственным автором, Скок достиг вершины возможностей. Словари более полные и большего объема станут плодом коллективного труда. Желаем, чтобы как можно скорее вышли другие части словаря и, конечно, индексы, которые облегчат использование словаря в разных целях. ЮАН в Загребе мы рекомендуем уделить серьезное внимание корректурам, которых не мало в такой работе, предъявляющей высокие требования. Опечаток в I томе осталось больше, чем может вынести без ущерба подобное издание.

Франце Безлай

Перевела со словенского
Л. В. Куркина

«A magyar nyelv történeti — etimológiai szótára». Főszerkesztő Benkő L., szerkesztők Kiss L., Papp L. II. kötet (H—O).
Budapest, 1970, 1107 стр.

С выходом в свет этого II тома публикация нового большого академического «Историко-этимологического словаря венгерского языка», рассчитанного на три тома, перевалила через середину. Настоящий том II развертывает перед читателем дальнейшую панораму исторического и этимологического исследования следующего большого отрезка венгерского словарного состава. Все высокие качества опубликованного в 1967 году I тома неизменно (вплоть до деталей) характеризуют новый том, появившийся в безукоризненном полиграфическом виде и в образцовом соответствии с запланированными издательскими сроками. Не повторяя здесь общих оценок, уже высказанных в разборе I тома, отметим лишь тот совершенно очевидный факт, что издание этого историко-этимологического словаря приобретает значение большого события в мире культуры и науки. Международной важности этого события не умаляет даже венгерский языковой барьер. Будучи глубоко отличным от окружающих его индоевропейских языков, венгерский язык, тем не менее, с давних пор существует во взаимодействии с ними и в результате, несмотря на некоторые противодействующие тенденции, стал европейским языком, выработавшим серию лексических и семантических европеизмов. Этот материал поучителен для тех, кто интересуется проблемой культурных и языковых интерференций между народами Европы. Эта сторона (заимствования и словообразовательно-семантические кальки) разработана составителями словаря

с большой тщательностью, хотя кое-где нуждается в дополнениях или менее лаконичном изложении. Слово *kitűnő* 'выдающийся', 'отличный', 'превосходный' (стр. 499) следовало охарактеризовать как семантическую кальку — европеизм (венг. *ki-* 'из-, вы-, от-'+*tűnik* 'кажется') с таких образцов как нем. *aus-gezeichnet*, франц. *ex-cellent*, от которых зависят, по-видимому, и сербохорв. *ѝз-врстан*, *ѝз-врсно* 'превосходно, отлично', чеш. *vý-borný* 'превосходный, отличный', русск. *от-лично*. Кроме указания на то, что венг. *mozi* 'кино' — это, собственно, «венгерское развитие», сокращение первоначального *mozgóképszínház* 'кинематограф' (стр. 968), не хватает сведений о том, что здесь к а л ь к и р у е т с я франц. *cinéma* 'кино' < греч. κίνημα 'движение' или англ. *movies* 'кино': *move* 'двигаться', подобно которому венг. *mozi* 'кино' произведено от *mozog* 'двигаться'. Впрочем, большой параллелизм культурного развития в современную эпоху не исключает здесь также возможности появления независимого типологического сходства в обозначении одной и той же реалии (ср. наблюдение В. Кипарского о независимости образования русск. *пароход*, *паровоз* и нем. *Dampfschiff*, *Dampfwagen*). Но и в этом последнем случае всегда полезны указания на наличие подобных сходств.

Большим достоинством словаря служит точная датировка первой письменной фиксации слова, будь то первые памятники XI—XII веков, глоссы X века или новые слова последних десятилетий нашего времени. Так, слово *hobbi* 'хобби, увлечение' отмечается с 1957 года (стр. 126), *motel* 'мотель' — с 1958 года (стр. 965). Эти абсолютные даты небезынтересны и для истории лексики других языков Европы, поскольку при современных средствах распространения информации новые слова могут появляться практически почти одновременно в разных языках.

Лексические европеизмы венгерского языка (как и любого другого языка) насчитывают и менее ясные случаи, причем как типичные примеры такой неясности выступают заимствованные слова, первоначальные источники которых не определены. Так, венг. *karabély* 'карабин' характеризуется как бродячее слово, известное в различных европейских языках и распространившееся из французского, хотя источник франц. *carabine* неизвестен (стр. 370). Сакраментальную фразу о неясности дальнейшей этимологии повторяют авторы многих этимологических словарей, ср. Sławski II, 64, со ссылкой на Клюге, Доза, Оливьери и др. Причиной неясности первоначальной этимологии венг. *karabély*, русск. *карабúн*, нем. *Karabiner*, франц. *carabine* мы считаем недостаточное внимание к семантике слова. Между тем значение 'короткое ружье', по всей видимости, не было здесь первым, что видно на примере значений русск. *карабúн*, которое, кроме короткой кавалерийской винтовки, означает еще застежку или защелку, нередко — к л е ш н е в и д н о й формы. Принимая это простейшее значение за первоначальное, мы можем этимологизировать франц. *carabine* (и др.) из греч. *καραβῖνος 'рачий, крабий', которое, правда, как будто не отмечено в словарях, но возможно как производное от κάραβος 'краб' (откуда также лат. *cārabus* и, возможно, *carabīnus*). Карабин получил название как ружье на застежке, на ремне, удобное для всадника.

Огромный славянский лексический вклад в венгерский словарный состав нашел всестороннее отражение и во II томе рецензируемого словаря. Внимательное чтение соответствующих словарных статей сослужит бесспорно большую службу в деле дальнейшего изучения венгерско-славянских языковых отношений и может быть рекомендовано славистам. Тесный характер этих связей иллюстрируют примеры вроде венг. *ikra* [1] 'икра (лягушачья, рыбья)', *ikra* [2] 'икра (ноги)' (стр. 197—198), когда славянское слово продолжает существовать в венгерском во всем разнообразии своих омонимизирующихся значений. Венг. *mancs* 'деревянный шар' отражает слав. **męčь* с носовым гласным (стр. 834), хотя окружающие славянские языки давно пережили здесь деназализацию. Слависту, который использует венгерские свидетельства, постоянно необходимо иметь в виду коренные преобразования, которым подвергалась славянская лексика в венгерском языке с его гармо-

нией гласных, стирающей до неузнаваемости своеобразные приметы, огласовку славянского слова-источника. То же можно сказать и о преобразованиях начала слова, где венгерский язык всячески стремится избавиться от стечения согласных. Сочетание *st-* в начале славянского слова венгерский снабжает как правило гласной протезой, напр. венг. *asztal* 'стол' < слав. **stolъ*. Однако авторы словаря вряд ли правильно распространили эту языковую тенденцию также на венг. *oszlop* 'столб, колонна' (стр. 1100—1101), считая, что источником заимствования послужили формы вроде ст.-слав. стлъпъ, подвергшиеся затем облегчающему произношение протезированию типа *asztal*. Ошибаются они также, полагая, что конкретный славянский источник не может быть здесь определен. Достаточно сослаться на русск. диал. (сев., вост.) *ослóп* 'дубина, кругляк', др.-русск. *ослопъ* 'дубина, палка', сюда же русск. *остолóп* 'дурак' < '*дубина', чтобы найти точный славянский источник венг. *oszlop* и одновременно выяснить, что начальное *о-* было здесь уже в славянской форме, где оно, видимо, обозначало округлость столба, дубины (**ob-stъlpъ*).

Говоря о венг. *karácsony* 'рождество, новый год' (стр. 371), которое авторы правильно связывают со славянской лексикой, было бы полезно упомянуть этимологическое сближение русск. *корочýн* 'зимний солнцеворот', болг. *крачýн* 'день летнего или зимнего солнцеворота' и т. д. с лат. **quartum jējūnium* 'большой, четвертый пост' (A. V a i l l a n t. — «Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор» 24, Београд, 1958, стр. 72 и след.). Ср. и венг. *kántorböjt*, название поста, производимое, как и нем. *Quatemberfasten* то же, из лат. *quatuor* temporum *jejunium* (стр. 351 словаря).

Пожалуй, не менее внушительная группа венгерской лексики по-прежнему остается неизвестной по своему происхождению. В этом убеждает чтение II тома настоящего словаря, где помета ismeretlen eredetű «неизвестного происхождения» мелькает очень часто и притом — в связи со словами древней, фондовой венгерской лексики. Иного и трудно было бы ожидать от языка со столь значительной миграцией, сложной историей и сложным словарным составом. В этом смысле уместна аналогия между венгерским и греческим, поскольку словарь последнего тоже в значительной степени состоит из невыясненных элементов и тоже по причине длительной миграции и наслоения на негреческий субстрат.

В единичных случаях заглавное слово словарной статьи оказывается результатом реконструкции. Таково, напр., *jó* ² 'река' (стр. 276), которое определено как kihalt szó «вымершее слово» и достоверные венгерские свидетельства о котором известны только из гидронимии, ср. название реки *Sajó*. Точности ради следовало бы и обозначить это слово как реконструированное: **jó*. Так, в новом болгарском этимологическом словаре дается, например, как реконструкция заглавное слово **вес* 'село', сохранившееся только в названиях населенных пунктов *Долга-ец* и др. (см. Георгиев БЕР II, 136).

О. Н. Трубачев

M. R ä s ä n e n.

Versuch eines etymologischen Wörterbuchs des Türksprachen.

Helsinki, 1969, XVI—533 стр.

Новый труд М. Рясянена начинается с краткого авторского предисловия, в котором определены задачи исследования, охарактеризованы основные его источники и структура словарных статей, отмечены методические и технические приемы оформления материала.

М. Рясянен не случайно употребил в названии своего словаря слово Versuch (Опыт), так как не ставил себе целью дать окончательную обработку тюркской лексики в смысле полноты ее охвата и исчерпывающих библиографических сведений.

Словарь М. Рясянена представляет собой закономерное продолжение его прежних трудов синтезирующего характера по сравнительной фонетике и морфологии тюркских языков [1]. Его представления о пратюркском фонетическом строе, структуре и происхождении корневых основ и суффиксов явились отправным пунктом для этимологий, предлагаемых в словаре. Основу словаря составили и многолетние этимологические разыскания, отраженные как в упомянутых выше книгах М. Рясянена, так и в его многочисленных журнальных публикациях [2]. Таким образом, словарь М. Рясянена — это обобщение солидного опыта ученого в сравнительно-исторических исследованиях по тюркским языкам.

Говоря о своих предшественниках, М. Рясянен называет в предисловии лишь словарь А. Вамбери [3]. Нам кажется, что по содержанию и типу работа М. Рясянена ближе к популярному у нас «Сравнительному словарю турецко-татарских наречий» Л. Будагова [4], так как, по сути дела, оба словаря являются сравнительно-этимологическими.

В словаре М. Рясянена преобладают три вида словарных статей.

Наиболее прозрачными и четкими по структуре являются статьи, где тюркское слово определено как заимствование из других языков (арабского, персидского, монгольского, русского и т. д.) или как производная форма от другого тюркского слова (корневой или производной основы). Например [5]: «чагат. и т. д. *bälki* 'может быть' < перс. *balki*» (стр. 69) или «КБ. чагат. осм. крм. *ögrän* 'учиться, привыкать', КБ. чагат. *ögrät* 'учить'; чагат. *ögrül* 'учиться, быть изучаему' < *ö-g* 'разум, понимание' < *ö(j)* 'понимать'» (стр. 369).

Когда источник заимствования или направление его остаются неясными или же несколько алтайских языков имеют заимствование из одного источника, М. Рясянен использует специальный технический прием: знак =. Например: «ком. *bolar*, *bolor* 'хрусталь'=монг. (KWb 50) *bolur* то же < перс. *bolūr* (стр. 79)» или «**bög*: якут. *büö* 'пробка', ойр. и т. д. *pök*; чагат. *bög-üt* 'пуговица, кляп', якут. *büö-lä* 'закупоривать'=монг. (KWb 54) *bög-le* 'затыкать, закупоривать'» (стр. 82).

Второй тип статей имеет более сложную структуру. В качестве заглавного слова выносится реконструируемая пратюркская форма или реальное тюркское слово, фонетически, по мнению М. Рясянена, наиболее близкое к ней. Далее следуют слова из живых тюркских языков и памятников, по возможности, как указывает в предисловии автор словаря, в исторической последовательности. Только чувашские и якутские слова помещены в конце словарной статьи. За корневыми словами приводятся важнейшие производные (при этом автор показывает их морфемный состав) и, наконец, параллели из других алтайских языков: монгольских, тунгусо-маньчжурских и корейского или уральские параллели.

---

[1] См. M. Räsänen. Materialien zur Lautgeschichte der türkischen Sprachen. Helsinki, 1949; он же; Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen. Helsinki, 1957.

[2] См. P. Jyrkänkallio. Die sprachwissenschaftlichen Veröffentlichungen von Prof. Dr. Martti Räsänen. — «Studia Orientalia», vol. 19, Helsinki, 1953, 14 стр., J. Aro. Die sprachwissenschaftlichen Veröffentlichungen von Prof. Dr. Martti Räsänen. «Studia Orientalia», vol. 28, Helsinki, 1964, стр. 5.

[3] H. Vámbéry. Etymologisches Wörterbuch der turko-tatarischen Sprachen. Leipzig, 1878.

[4] Том I. СПб., 1869; том II. СПб., 1871; переиздан в 1960 году.

[5] В целях экономии места для иллюстрации отобраны наиболее краткие словарные статьи, хотя они могут быть менее показательны в других отношениях. Иллюстративный материал из словаря дается в переводе на русский язык, названия языков и диалектов сохраняются: так, вместо тат. =татарский остается каз. =казанский и т. д.

Нередко в словарной статье представлена лишь ее первая часть — сравнительные данные тюркских языков. Например: «*bāka: туркм. kur-baka 'лягушка', kur-bāγa 'жаба', уйгур. ср.-тюрк. чагат. казах. и т. д. baka 'лягушка, жаба', карач. тaka, кюэр. тaγa, осм. якут. baγa, ойр. тел. саг. paka, paγa (др.-болг. > венг. BTLU 42 béka) ∾ монг. (Lessing) baqa то же» (стр. 58).

Иногда в конце словарных статей дается библиография.

Третий тип словарных статей — это простая регистрация какого-нибудь тюркского слова без указания на его возможные этимологические связи. Например: «сойон. ivi 'олень'» (стр. 175), «осм. bodur 'коротконогий'» (стр. 78) и т. д. Автор в предисловии мотивирует включение этих слов в словарь тем обстоятельством, что хочет обратить на них внимание будущих исследователей.

Во многих словарных статьях отмечено, что тот или иной тюркизм попал в другие языки, например, финно-угорские, славянские и т. д. (см., например, интересные статьи с заглавными словами *käbiz (стр. 244—45), toγ-dak (стр. 483), sāzan (стр. 406) и многие другие).

В словаре сообщаются очень краткие сведения о значениях этимологизируемых слов, что опять же оговорено в авторском предисловии. Однако для подкрепления ряда этимологий М. Рясянен привлекает параллели в семантическом развитии из языков различных семей (например, в статьях с заглавными словами äb 'дом', basau 'пашня', kulkak 'ухо', *kaδ 'месить тесто', jarmak 'деньги' и т. д.).

Многие особенности рецензируемого словаря обусловлены тем, что он базируется главным образом на этимологических исследованиях самого автора и естественно отражает его взгляды на основные проблемы тюркского сравнительного языкознания. Праформы, предлагаемые М. Рясяненом, могут вызвать возражения у исследователей, восстанавливающих другую систему пратюркского вокализма и консонантизма; его алтайские параллели, вероятно, могут быть дополнены и уточнены, а некоторые из них даже оспорены; библиография этимологий дана в несравненно большем объеме, число примеров из живых тюркских языков и диалектов значительно увеличено. Но все эти пожелания, а, возможно, и какие-то иные, следует предъявлять уже к будущим этимологическим словарям, а «Опыт» М. Рясянена полностью отвечает задачам, намеченным для себя автором, и все упущения исследователя и своеобразие его подхода к подаче и интерпретации материала достаточно обоснованы и объяснены в его предисловии к словарю.

Впервые в тюркологии сделана попытка объяснить происхождение основной массы тюркской лексики. Реконструкции М. Рясянена опираются на строгие фонетические соответствия, им учитываются семантические закономерности.

Самостоятельный интерес представляют сведения о проникновении многих тюркизмов в языки других семей: финно-угорские, славянские, самодийские. Так, например, русист найдет в словаре М. Рясянена полезные данные о словах *ковер*, *дрофа*, *товар*, *толмач*, *кумыс*, *хрен*, *вор*, *ватага*, *брага*, *сычуг*, *севрюга* и т. д.

М. Рясянен обращает внимание и на тюркизмы в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках, а также тюркские заимствования в языках тюркских (например, тюркизмы чувашского языка, слова с инлаутным и ауслаутным z в j-тюркских языках и т. д.).

Алтайские и уральские параллели М. Рясянена несомненно помогут исследователям при выяснении генетических связей языков обеих семей.

Без обращения к словарю М. Рясянена едва ли теперь возможно этимологическое изучение лексики многих языков.

И все-таки нам представляется небесполезным указать на некоторые недочеты словаря, хотя они, пожалуй, оправданы и неизбежны при создании крупного синтезирующего труда подобного типа.

В словаре принят алфавитно-гнездовой порядок расположения материала: основные производные анализируются при соответствующей корневой

основе. Однако в ряде случаев М. Рясянен допускает неоправданные отступления от этого правила. Так, *oŋaj* 'легкий' приводится в статье *oŋ* (стр. 362), но хакасское *ōj* 'легкий', представляющее фонетический вариант *oŋaj*, выделено в самостоятельную словарную статью, глагол *oγra* < *oγur* 'время' (стр. 357) отделен от *oγur* 'время' (стр. 358), так же даются некоторые производные глагола* *jār* 'раскалывать' (стр. 189 и 190) и т. д.

Морфемный анализ производного слова сводится к его расчленению на корневую основу и аффикс. Но этот прием, как нам кажется, недостаточен, если дело идет о непродуктивных словообразовательных моделях.

Для некоторых слов М. Рясянен предлагает две этимологии, но почему-то статьи не имеют взаимных отсылок. Так, чувашское *śamrə̂k* 'молодой' на стр. 105 возводится к **čärmäk*, а на стр. 198 к **järmek*, глагол *iv* 'спешить' приводится в статье *äb* ∾ *äv* (стр. 34) и в самостоятельной статье (стр. 175), две статьи посвящены слову *jängäč* / *lengeč* 'краб' (стр. 197 и 316).

Иногда слово в словаре М. Рясянена дается без каких бы то ни было комментариев, хотя оно уже обсуждалось в специальной литературе: например, осм. *saly* 'вторник' (А. Н. Самойлович и Ж. Дени), сойон. *ivi* 'олень' (А. М. Щербак) — казах. *bütnük* 'мята' (Е. Д. Поливанов [6]) и т. д.

Некоторые производные, приводимые в словаре без морфемного анализа, могут быть разложены на составляющие морфемы, если привлечь данные других тюркских языков. Так, например, осм. *učuk* 'пузырьки, образующиеся на губах (от жара, лихорадки)', легко поддается анализу с привлечением кумыкского глагола *учун-* 'высыпать (о сыпи)', 'обметывать (губы)'; для ср.-тюрк. осм. *kökän* 'ножные путы (у животного, которое нужно доить)' и т. д. также показательно туркм. *кѳкер-* 'привязывать овец во время дойки' и чуваш. *кӑкар-* 'привязывать'.

Указывая на заимствования, М. Рясянен не всегда дает переводы слов языка-источника, хотя они бывают важны для установления тождества слова.

Словарь М. Рясянена, конечно, не является единственно возможным типом этимологического словаря тюркских языков. Другие исследователи, вероятно, иначе подойдут к составлению словника и конструированию словарных статей, сосредоточат внимание на морфологическом анализе производных основ, предложат реконструкции значений и т. д. Но значимость труда М. Рясянена для последующих этимологических штудий представляется нам бесспорной, и его новая книга, наряду с прежними обобщающими трудами по фонетике и морфологии тюркских языков, будет необходимым справочником для языковедов многих специальностей.

Л. С. Левитская

В. И. Лыткин и Е. С. Гуляев.
Краткий этимологический словарь коми языка.
М., изд-во «Наука», 1970, 386 стр.

Вышел в свет первый коми этимологический словарь, составленный В. И. Лыткиным и Е. С. Гуляевым. Среди существующих ныне по различным финно-угорским языкам словарей он является первым собранием слов, на-

[6] А. Самойлович. Названия дней недели у турецких народов. «Яфетический сборник», II. Пг., 1923, стр. 103; J. Deny. Le nom de mardi en osmanli. — ZDMG, Bd. 104 (29), Hft. 2, Wiesbaden, 1954, стр. 383—385; А. М. Щербак. Названия домашних и диких животных в тюркских языках. В кн.: Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961, стр. 134; Е. Д. Поливанов. Введение в языкознание для востоковедных вузов. Л., 1928, стр. 56.

писанным на русском языке. Новый словарь содержит около 2900 словарных статей и охватывает все буквы коми алфавита. Аналогичные словари создаются и за рубежом, но завершенных там пока нет. К настоящему времени вышли первые четыре тома финского этимологического словаря [1], из запланированных 5-ти томов, Этимологический словарь венгерского языка [2] в двух томах и Финно-угорские элементы в словарном составе венгерского языка [3] в одном томе. Последние две работы должны быть подготовлены в трех томах. Толковый словарь венгерского языка Г. Барци [4], составленный на все буквы венгерского алфавита, нельзя считать этимологическим в полном смысле этого слова, так как в нем не всегда приводятся параллели из других языков. По остальным финно-угорским языкам соответствующих трудов до сего времени мы не имеем. Словари, создаваемые в Венгрии и Финляндии, безусловно, будут более полными, чем Краткий коми этимологический словарь; над ними работает большой авторский коллектив.

Рецензируемой книге предпослано развернутое Введение (стр. 10—28), в котором излагаются основные звуковые соответствия, наблюдаемые как между пермскими (коми и удмуртским), так и между пермскими и другими финно-угорскими языками. Этот раздел книги — продукт труда нескольких лет В. И. Лыткина. Для аспирантов финно-угорского сектора Института языкознания, молодых научных сотрудников по финно-угорской филологии автор периодически читал курсы «Сравнительная фонетика пермских языков» и «Сравнительная фонетика финно-угорских языков». Здесь в сжатом виде даны извлечения из этих курсов. В учебные планы многих высших учебных заведений финно-угорских республик Российской федерации в настоящее время включен курс по Введению в финно-угроведение. Однако никакого пособия по этому курсу на русском языке до сего времени нет. В связи с этим, с уверенностью можно сказать, что Введение, предпосланное этимологическому словарю коми языка, явится настольным справочником для преподавателей вузов, аспирантов, студентов и всех тех, кто интересуется фонетикой финно-угорских языков. Материал Введения оформлен в виде таблиц, которые сопровождаются примечаниями. Каждая приводимая звуковая корреспонденция имеет порядковый номер — на эти номера в необходимых случаях даются ссылки в самом конце словарных статей, заключенные в квадратные скобки. Эти ссылки даются с той целью, чтобы широкие круги читателей могли убедиться в фонетической правомерности сопоставлений слов.

Авторы Краткого этимологического словаря из числа 2900 этимологий приблизительно 2/3 систематизировали, интерпретировали по-своему, около одной трети всех этимологий являются совершенно новыми. Весьма ценным представляется алфавитный указатель этимологий по финно-угорским, а также самодийским, тюркским и индоевропейским языкам, составленный Е. С. Гуляевым. Этот указатель поможет быстро найти соответствие для того или иного слова, интересующего читателя языка.

Нужно сказать, что составлению данного словаря предшествовало тщательное изучение лексики пермских языков, в частности коми лексики на разных уровнях. В течение последних лет В. И. Лыткиным и другими пермистами были проведены исследования вопросов исторической фонетики пермских языков, изучены отдельные диалекты. В результате вышел ряд

---

[1] Suomen kielen etymologinen sanakirja: Y. H. T o i v o n e n. I (A—K), 1955; Erkki I t k o n e n. Aulis J. J o k i. II (K—P), 1958; Erkki I t k o n e n, Aulis J. J o k i. III (P—R), 1962; Erkki I t k o n e n, Aulis J. J o k i. IV (R—T), 1969, Helsinki.

[2] A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. Budapest, I—1967; II—1970.

[3] A magyar szókészlet finnugor elemei, I. Budapest, 1967.

[4] G. B á r c z i. Magyar szófejtő szótár. Budapest, 1941. Ср. также словарь Б. Коллиндера (C o l l i n d e r FUV), содержащий около 600 коми слов.

трудов [5], а также небольшие публикации по отдельным этимологиям. Все это дало возможность приступить к созданию этимологического словаря по коми языку.

Как и в любом этимологическом словаре, в рецензируемом труде каждая словарная статья является самостоятельным исследованием. Словарь дает систематизированные сведения о происхождении коми слов, определяет самобытный или заимствованный характер того или иного слова. Посредством сравнительно-исторического анализа реконструируется древний общекоми, или общепермский и допермский облик слова и его значение, прослеживаются языковые связи коми народа с соседними народами. Воспроизведение праформы в двух плоскостях (праформы языковой ветви и праформы более ранней) является особенностью рецензируемой работы. В вышеупомянутых словарях мы этого не находим. Замечательным, по нашему мнению, в этом словаре является и то, что в нем читатель найдет географию каждого приведенного слова; если коми (или общепермское) слово заимствовано в каком-либо другом языке, то отмечается распространение его и в том заимствующем языке.

Авторы нередко вносят поправки и дополнения в прежние этимологии. Так, например финские исследователи считали, что прибалтийско-финское слово *pákula*, *pákkula* 'желвак, нарост' в коми язык попало через посредство русского языка (русск. *пáккула*, *пáкуля*, арханг., волог., олон.) > коми *бака* 'трутовик, трутовый гриб, древесная губка'. Коми-зырянское *бака* распространено только в северо-западных диалектах, контактировавших в древности с карельскими говорами. Авторы коми этимологического словаря считают, что оно могло попасть в коми язык н е п о с р е д с т в е н н о из карельского языка. Коми слово *акка* нв., вым., и производное *ак-вежань* нв. (Гам.) 'крестная мать' авторы считают прибалтийско-финским заимствованием и не ставят в непосредственную связь со словом *акань* 'кукла', как прежде объяснялось У. Х. Тойвоненом [6].

Коми этимологический словарь вносит ряд поправок также в некоторые этимологии русских слов. Возьмем хотя бы слово *амысь* 'лемех, сошник', удм. *амезь* 'лемех, сошник'. Эта лексема встречается также в севернорусских диалектах в форме *óмежа*, *óмёжь* с тем же значением. Известный исследователь русского языка М. Фасмер севернорусское *óмежь* сопоставлял с болгарским *éмéш*, *емéж*, с.-хорв. *jèмеш* [7]. Общепермское слово *амысь*, *амезь* иранского происхождения, ср. новоперс. *amaǯ* 'рукоятка плуга', арм. *mač*. В русском языке слово *óмежь*, *óмежа* бытует лишь на узкой территории, в прошлом пограничной с пермскими народами. Исходя из этого, В. И. Лыткин — автор данной словарной статьи считает, что в севернорусские диалекты это слово попало из пермских языков.

Впервые получили объяснение такие общепермские слова как к. *аски*, удм. *аскы*, *аску* 'завтра', образованное от основы *ас-+-к-* — остатка финно-угорского *к*-ового латива, который отвечал на вопрос куда? в какое время?, *бабыны* детск. 'лечь спать', *аклявны* 'мять, медленно жевать', сопоставляемое с удмуртским *акылес* 'надоедливый, назойливый, привязчивый', *кольк* [колькӥ-] 'яйцо', *мунтыны* диал. 'подбирать (куски ткани при кройке)',

---

[5] В. И. Л ы т к и н. Коми-язьвинский диалект. М., 1961; Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Ред. В. А. С о р в а ч е в а. Сыктывкар, 1961; В. И. Л ы т к и н. Исторический вокализм пермских языков. М., 1964; И. В. Т а р а к а н о в. Бавлинский диалект удмуртского языка. Кандидатская диссертация. Тарту, 1958; В. К. К е л ь м а к о в. Кукморский диалект удмуртского языка. Кандидатская диссертация. М., 1969; Т. И. Т е п л я ш и н а. Язык бесермян. М., 1970, и др.

[6] U. H. T o i v o n e n. Über die syrjänischen Lehnwörter im Ostjakischen. — FUF XXXII, стр. 10.

[7] Ф а с м е р III, стр. 139.

мур: *мур кок* иж. 'гостинцы, которые приносит жених на девичник и раздает подругам невесты', *намыр* 'костяника (ягоды и растение)', *аввыны* 'кричать, орать' — звукоподражательное слово, возникшее на коми почве, *азь* 'закваска для похлебки (приготовляется из ржаной муки или отрубей и капустных листьев)' и многие другие. Имеются очень смелые, и, по-видимому, совершенно верные, объяснения большинства впервые рассматриваемых авторами слов.

В словаре приведены заимствования из самодийских языков, в частности из ненецкого, например: *айбарч* иж. 'строганное мерзлое оленье мясо или рыба (как особое блюдо), строганина' из ненец. *ʔajbarć*, *ариньдзи* иж. 'закуска, легкое угощение (приготовленное на скорую руку)' из **ari*, ср. *нгари* междом. 'скорей!', *лямпа* 'лыжи (короткие и широкие, не подбитые камысом)' из ненец. *lạmpᵛ* и другие.

По роду своей специальности, мы подробнее коснемся материалов словаря, отражающих удмуртскую лексику. Поскольку в словарь включаются и те слова коми языка, которые восходят к общепермскому периоду, то, естественно, сохраняющаяся от этого периода родственная удмуртская лексика также находит объяснение в данном словаре. Анализируется свыше 1700 удмуртских слов.

В качестве заглавного слова словарной статьи выступает коми литературное (а иногда и диалектное) слово с переводом на русский язык; затем приводится имеющаяся параллель из удмуртского языка. Правда, во многих случаях отмечается: в удмуртском языке слово не зафиксировано. Следует думать, что большинству коми слов в удмуртском языке нашлись бы соответствия, но из-за недостаточного еще описания его диалектов и отсутствия справочных материалов — диалектных словарей по различным удмуртским говорам авторам трудно было найти их.

Вот некоторые удмуртские параллели, с нашей точки зрения, не вызывающие сомнения при сравнении их с коми словами, приведенными в Этимологическом словаре:

Амны детск. 'есть, съесть (часто употребляется для припугивания детей)' (стр. 32а) имеет прямое соответствие в удмуртском, ср.: *ам карыны* детск. 'есть, съесть, укусить'.

Бек (*бекй-*) 'ягодицы, седалище' (стр. 38а), удм. *пека* 'конец прямой кишки, выставляющийся у больных (детей, домашних птиц и др.)' (Рукопись УРСл.), кукм. *бека* то же.

Букыш 'хмурый, угрюмый (о человеке)', *букыд* 'хмурый (о погоде)' (стр. 42а), удм. *букос* 'сугробы, занос (на дороге)'. Если это сопоставление верно, то первоначальное значение корня *бук-* (*-ыш*, *-ыд*, и *-ос* — суффиксы) было 'хмарь, зимняя непогодица'.

Для коми *былькъя*: *былькъя синма* 'с глазами навыкате' (*син* 'глаз') (стр. 44б) как в фонетическом, так и в семантическом отношении близко удм. *былькkес*: *былькkес син* 'пучеглазый' (УРСл.).

Веж II 'зависть', *веж петö* 'завидую, испытываю страстное желание' и др. наряду с *вожаны* 'ревновать' (стр. 49б) имеет в удмуртском языке более близкую по семантике параллель *вожъяськыны* 'завидовать'.

Вишкыны 'всхлипывать; хныкать; шипеть' (стр. 59а) вполне сопоставимо с удмуртским *викышъяны* то же.

Куд I 'крышка, наружная оболочка, покров': *син куд* 'оболочка глазного яблока', *син куд выв* уд. 'веки' (стр. 143б), удм. диал. *куткуд*, *синкуткуд* 'веки' (Рукописный фонд Удмуртского НИИ, папка № 27, стр. 294) (*куткуд* из **куд* путем редупликации).

Коми-язьвинское *kúriča* 'деревянный крюк, поддерживающий желоба' (стр. 147а) имеет фонетическую и семантическую параллель в удмуртском: кукм. *kшrča* 'деревянный крюк на крыше, поддерживающий солому от сползания'.

Коми *летны* 'бить, трепать (только шерсть)', кя. *l'itnə* 'бить (шерсть), таскать (за волосы), теребить (шерсть, кудель)' (стр. 159а) напрашивается на сопоставление с удм. *лöдыны* 'рвать, мять, бить (шерсть), таскать (за во-

лосы)' (УРСл.). Палатализация *л-* в коми словах наступила, вероятно, позднее под влиянием последующих *е* и *i*.

Лошмыны или *лошны* 'разноситься, стать просторнее (об обуви)' и другие значения (стр. 161б) можно сопоставить с удм. *лошъяны* 'трепать, валять; таскать, волочить; обнашивать (одежду, обувь)'. Сопоставление пермских слов с финск. *lihoa* 'полнеть' в семантическом отношении затруднительно.

Коми *ноддя* 'костер (рассчитанный на продолжительное горение)' (стр. 193) имеет соответствие в северноудмуртских диалектах: *nod'ja* то же: *нодъяса тылскыны* диал. 'разжечь костер-нотьё' (Рукопись УРСл.).

Падъян нв. скр. 'короб', *вуж падъян* 'корзина, сплетенная из кореньев', *ворча падъян* нв. 'лубяной короб' (стр. 214б), удм. кукм. *ba'd'an*, *pu ba'd'an* 'деревянная чаша, небольшая деревянная посуда' (*pu* 'дерево, деревянный'). Возможно, в удмуртском произошло народное толкование, связанное с русским словом *бадья*.

Пуньдзыр: *пуньдзыр-паньдзыр вöчны* скр., сс. 'мять, скомкать' под вопросом сравнивается с удм. *пуньыртыны* 'выдавить' (стр. 232б), но нам кажется, что ближе к нему как в фонетическом, так и семантическом отношении стоит удм. ит. *puńịraṇ̣ị* 'излохматиться, измочалиться, стать ветхим от времени (напр. о мехе, коже, тканях)'.

Пуркйыны 'клубиться, подниматься клубами; надувать, наносить' в итинских говорах удмуртского языка имеет прямое соответствие: *purkjịnị* 'клубиться, подниматься клубами (напр. о дыме)'. Это удмуртское слово неизвестно автору данной этимологической статьи, поэтому он сопоставляет коми *пуркйыны* с удм. *пуркак*: *пуркак потыны* 'вспыхнуть пламенем' (стр. 233).

Рудзавны II 'стекать, стечь (о влаге)', *рудзöдны* 'слить, дать стечь' (стр. 245), удм. *ӟизаны* 'капать, течь тонкой струей, стекать', *ӟизатыны* 'цедить, дать стекать'.

Сапкыны 'отрубить, отсечь; сильным ударом всадить; тюкнуть, тяпнуть топором' и другие значения (стр. 249а) соответствует удм. ит. *sapkịnị* 'отхватить, взять себе большую долю', вульг. 'оттяпать'.

Сартас 'лучина' (стр. 250а), ?удм. кукм. *sart* 'кап (на березе)'.

Сурнө кя. 'толкнуть (напр. кулаком); ударить кулаком по зубам, дать в морду' (стр. 267а), удм. *суралтйськыны* 'замахнуться' (Бор.), *суралтйськыса шуккыны* (*мыжгыны*) 'ударить (в лицо) с размаха' (*шуккыны* 'ударить', *мыжгыны* 'ударить кулаком'; корень *сур-*).

Сыв II 'жир, сало', *сыла* 'жирный, наваристый' (стр. 267б), удм. кукм. *səl*: *səl vôj* 'масло, вытопленное из внутреннего сала свиньи и гуся' (*vôj* 'масло'). Первоначальное значение могло быть 'жир, масло, вытопленное из сала'. Однако, удмуртское слово можно связать и с коми *сывны* 'таять, плавиться, раствориться', удм. *сылмыны* 'развариться, растаять, раствориться', глаз. *sələnə* то же; как известно, гусиный и свиной жиры, в отличие от говяжего и бараньего, именуемого *кын вöй* букв. 'мерзлое масло', очень быстро тают (даже при комнатной температуре). Таким образом, *səl vôj* первоначально могло означать и 'тающее масло'.

Коми *сюра* или *сюра рок* 'каша, приготовляемая из сушеных пирогов'; *сюра шыдэс* вв. 'сушеные пироги или шаньги для приготовления каши (охотничья крупа)' (стр. 274б) может быть сопоставлено с удм. *сюрел*, *сюрер* 'цвет злаковых культур, пыльники у колосовых', кукм. *śurvu* 'пакисель' (*vu* 'вода'). Удмуртское *śur*, вероятно, обозначало 'хлебный злак' или один из его видов [8].

Турмунны нв. 'растопыриться (напр. о листьях)' (стр. 287б) сопоставимо с удм. *тур лобӟыны* 'полететь, растопырив крылья (о домашних птицах)'

---

[8] В. К. Кельмаков. Этимология некоторых удмуртских слов. Записки Удмуртского НИИ, вып. 21. Ижевск, 1970, стр. 142—143.

(*лобӟыны* 'улететь, полететь'); ср. *тур* 'звукоподражание шуму крыльев птиц при взлете' (УРСл.).

Увтыр, *ултыр* 'порода, отродье; поколение, род' (?) (стр. 295а) следует сравнивать с удм. *ul-*, *uli* 'поколение, род', ср.: mi gondi̯r *ulios* luiśkom 'мы относимся к роду *Гондыр* (букв. — к роду Медведя)' — так говорят о себе члены семьи Королевых в дер. Малая Кизня Дебесского района Удмуртской АССР; кукм. *ulө* 'выводок (гусей, уток)'.

Чачкӧдны вым. 'раздавить (напр. клопа)'. Это слово можно сопоставить с мар. *чӓчэм* 'побью (детск.)' (стр. 303а) и с удм. кукм. *čačөпŏ* 'бить, побить (детск.)', ирон. 'ударить слегка, не в полную силу цепом при молотьбе'.

Чон печ. 'совсем, совершенно', *чон ӧтнас* 'совершенно один' напрашивается на сопоставление с удм. кукм. *čoŋk*: *čoŋk* o'naz, *čoŋkak* o'naz 'совершенно один, один как перст', а не с *чонь-чонь султыны* 'прямо встать', как приведено в словаре (стр. 309б).

Хотя к выяснению этимологии некоторых слов авторы подходят с определенной осторожностью, с нашей точки зрения, происхождение отдельных из них является несомненным. Например, возьмем слово *ордым* 'просека, тропа, тропинка'. В словаре отмечается: этимология неясна. Но ср. удм. *урдым* 'плетень'. Последнее является производным от удмуртского *урдыны* 'поставить стоймя (дрова, жерди, доски)'; не означало ли первоначально кз. *ордым* 'жерди, вешки, оставляемые в пути (напр. охотником)'. Мы полагаем, что автор данной словарной статьи прав. Коми-зырянское *ордым* можно сопоставить с удмуртской лексемой **урдым*. К такому утверждению нас приводит известный нам материал удмуртской топонимии. На территории расселения удмуртов бывшего Тыловайского района встречаются названия населенных пунктов *Урдымо*, *Урдумошур*, значение которых в настоящее время забыто. Конечный элемент *-о* в приведенных топонимах представляет собой суффикс прилагательных со значением обладания чем-л. (ср. *йӧл* 'молоко', но: *йӧло* 'молочный', *ныд* 'рукоятка', но: *ныдо* 'с рукояткой' и т. п.) — *урдымо* ~ *урдумо* букв. 'с жердями, вехами, расставленными по обочине дороги' от **урдым* (< **ордым*) 'жерди, вехи, расставленные по обочине дороги зимой'.

Однако, в словаре встречаются и сомнительные и маловероятные этимологии. В частности, в семантическом отношении довольно натянуто, как нам представляется, сопоставление следующих коми и удмуртских слов.

Нырзьыны вым. иж. уд. 'закисать, закиснуть, ссесться, превратиться в простоквашу (о молоке)', удм. *нориськыны* 'заразиться; запачкаться, вывозиться' (стр. 197а).

Семантически трудно сопоставимы коми *пыкмыны* 'забухать, забухнуть, набухнуть (об обручной посуде)' и удм. *пыкмыны* 'стать затхлым, прогоркнуть (о масле)' (стр. 235б).

Рутитны нв. скр. 'валить (о дыме)', удм. *жот-жот* 'усиленно, усердно', *жот-жот ужаны* 'усердно работать' (стр. 246а). Более точное значение данного удмуртского слова 'четко, ясно; категорично'. И в том, и в другом значении оно семантически очень далеко от коми *рутитны*.

В некоторых случаях авторы этимологических статей, руководствуясь лишь принципом фонетического сходства и семантической близости лексем, сопоставляют (правда, иногда под вопросом) отдельные коми слова финно-угорского или неясного происхождения с неисконными удмуртскими и марийскими словами (преимущественно заимствованиями из чувашского или татарского языков), не указывая при этом на заимствованный характер последних и источник заимствования. На основе сомнительных соответствий иногда реконструируется общепермские или даже допермские праформы. Очевидна ошибочность следующих этимологий:

Мар. *пӱртньык* 'мята' сопоставляется с коми *берин* 'веснушка, веснушки' и удм. *порни* 'пикульник' (стр. 39б); на самом же деле это слово является тюркским заимствованием. Ср.: чув. *пӗтнӗк* 'мята', башк. *бӧтнӧк*, татар. *бӧтнек* 'мята', казах. *бӱтнӱк* 'просвирник' (ЭСЧЯ, 159), чему

в удмуртском соответствует *butńik* (Räsänen, 93). Согласный *-n-* в марийском языке вторичного происхождения [9].

Удм. *gɯrlal-* урс. 'петь' из-за вокализма первого слога нельзя связать с удмуртским *гурул* 'передняя часть шеи' и соответственно с коми *горзьӧдны* 'отрыгнуться' (стр. 78б): первое во всех говорах юго-западного наречия имеет *-ɯ-*, а второе — повсеместно *-u-* в пределах первого слога. По всей вероятности, удм. *gɯrlal-* 'петь' (также и 'ворковать') заимствовано из татарского, ср.: *гөрләү* 'ворковать (о голубях); журчать (о родниках, ручьях)', *гөрләшү* 'ворковать, любезничать (о людях)'. Последнее предположение не встречает возражений ни в семантическом, ни в фонетическом отношении. Татарское *ө* — > удм. юз. *-ɯ-* вполне закономерно, ср. напр. татар. *төс* 'вид, облик; портрет; цвет, масть' > юз. *tɯs* то же, татар. *көй* 'мелодия, мотив, напев' > юз. *kɯj* то же, татар. *төрле* 'различный, разнообразный' > юз. *tɯrlө*, кукм. *tɯrlə* (д. Вязовка Татышлинского района Башкирской АССР) то же.

Мар. *ажгынаш* 'беситься', *аждараш* 'бесить, взбесить', ср. еще: *ажгындараш* 'развращать, развратить, совращать, совратить, соблазнять; бесить, разъярить'; равным образом и удм. *азгын* 'ленивый, неповоротливый, медлительный, лентяй; опустившийся (в моральном отношении)'; *азыны* 'воспалиться, разболеться (о ране); вырождаться' восходит к татарскому языку, ср. татар. *азгын* 'избалованный, блудный, развращенный, распутный', *аздыру* 'развращать, портить, совращать; запустить (болезнь), растравить (рану)' и др. [10] Сопоставление мар. *ажгынаш* и др. с коми *озёв* лет. 'сглаз' (стр. 203б) неверно еще и потому, что последнее восходит, по-видимому, к русск. *озёв* вост. 'сглаз, прозор, порча, притка с глазу, напущенная болесть' < от глагола *озевать* 'осматривать, зевая, от нечего делать; праздно зевать на что, сглазить, испортить' [11].

Мар. *пашáраш* Г., *пашáрташ* Г. 'прессовать, зажимать, держать под гнетом, под тяжестью' и *пошарташ* 'придавить груз при помощи бастрика' заимствованы из чувашского языка [12]. Мар. *пашáраш* Г. этимологически связать с коми *паджны* 'притупить, затупить' (стр. 214а) и *патшкыр* 'тупой, вздернутый (о носе)' (стр. 217б) трудно в фонетическом отношении: судя по таблице № 39 звукосоответствий в финно-угорских языках, на которую ссылается автор данных словарных статей, удмуртским и коми какуминальным аффрикатам должны соответствовать в горномарийском инлаутное какуминальное *č̣* (орф. *ч*), а между тем мы имеем здесь коми какуминальное *ǯ̣* и *č̣* (орф. *дж* и *тш*), удмуртское палатальное *ć* (орф. *ч*) и горномарийское *š* (орф. *ш*).

Тюркскими заимствованиями, безоговорочно отнесенными авторами к словам финно-угорского фонда, являются, на наш взгляд, марийские: *пӱртык* 'зерно, крупинка' (стр. 225б), *пыташ* 'кончиться', *пытараш* 'закончить' (стр. 234а), *ӓнчаш* 'обидеться' (стр. 247б), *сӓр*, *сӓрзэ* 'воинственный' (стр. 249б), *чап* 'слава' (стр. 289б), *тыгылаш* 'столпиться, набиться под жернов (о муке при размоле)' (стр. 292б), *черле* 'больной' (стр. 303б), *емыж* 'плоды, ягоды, фрукты' (стр. 329а); удмуртские: *perijaśk-* 'бесноваться', *peri*, *päri* 'черт' (< через тюркское посредство перс. *pari*, стр. 229б), *sе̊rlal-*, каз. *sе̊rlanı̊* 'делать резьбу'; ср. еще кукм. *sөrlanө* 'стегать (одеяло и пр.), прошить' (стр. 251а), *сыныр* 'сухожилие' (стр. 263б), *чалыштыны* 'затесать кол, клин' (стр. 311) и некоторые другие.

---

[9] Л. П. Грузов. Историческая грамматика марийского языка. Введение и фонетика. Йошкар-Ола, 1969, стр. 198—199.

[10] О переходе *з* > *ж* в тюркских заимствованиях в марийском см.: Л. П. Грузов, стр. 162.

[11] Даль[3] II, стб. 1702.

[12] Ö. Beke. Zur Geschichte der finnisch-ugrischen *s*-laute. — FUF XXII. Helsingfors, 1904, стр. 111.

В словаре встречаются некоторые противоречивые сопоставления. Например, дериваты одного и того же корня удмуртского (resp. марийского) языка или одно и то же полисемантическое слово с разными своими значениями попадают в различные этимологические статьи и сравниваются с довольно далекими в фонетическом и семантическом отношениях (возможно, и этимологически не имеющими ничего общего) словами коми языка.

Мар. *укш* 'сук' связывается с коми *вос* II 'зазубрина, зуб (крючка, остроги и т. п.)' (стр. 63—64), а его производное *укшер* 'хворост' (*-ер* — суффикс [13]) сравнивается (правда, под вопросом) с коми *öкшым* 'охвостье' (стр. 211).

В разные этимологические гнезда попали (также под вопросом) мар. *tšak* 'близко; чуть-чуть', коми *джаг*: *джаг гöрöд* 'глухой, мертвый узел' (стр. 88а) и производный от него глагол *чакемаш* 'сблизиться, уплотниться, сплотиться', коми *сюктöм* л. 'затор, скопление ледяных глыб' (стр. 274а).

Удм. *пуд* 'ботва' сопоставляется в словаре с коми *под* (*подй-*) 'нога; ножка (гриба), кочерыжка (капусты), копыл (саней)' (стр. 225а), а со значением 'куст, кустарник' — входит в одно этимологическое гнездо с коми *пудлас*: *лежнöг пудлас* 'бородавка'; первоначально 'куст шиповника' (*лежнöг* 'шиповник'), ср. *пудлас* 'куст' (стр. 231а).

На стр. 264б удм. *сэрек* 'горячий, беспокойный, вспыльчивый', *сэрек кöлыны* 'спать неспокойно' сопоставляется с коми *сöрны* 'бредить (во сне), болтать, молоть, врать', а на стр. 272 деривационно связанный с первыми удм. глагол *сэректыны*: *сюлэм сэректэ* 'я нервничаю (букв. сердце беспокоится)' оказался в одном этимологическом гнезде с коми *сэрöдны*: *корöг сэрöдны* 'разбивать комья земли, разрыхлять землю' (*корöг* 'ком, комок земли') и удм. *сэрттыны* 'распустить, размотать, распустить'.

На стр. 301б: коми *чамзыны* 'кричать пронзительным голосом' // ? мар. *чаҥа* 'галка', *чаҥ* 'колокол' < общеперм. **ćaŋ-*, < доперм. **ćaŋa* 'резкий, пронзительный звук'.

В отношении данной этимологической статьи следует сказать следующее

1) мар. *чаҥ* 'колокол' фигурирует в двух этимологических статьях и сопоставляется то с коми *жынњян* 'колокол' (стр. 103б), то с указанным выше *чамзыны* и в обоих случаях не совсем удачно;

2) оба слова попали в марийский (resp. удмуртский) язык из тюркских: а) мар. *чаҥа* 'галка', удм. *ӵана*, южн. и юго-зап. *šaŋa* 'галка' < чув.[14]; ср. еще карач., балкар. *čaиka* 'галка', татар. *čäйkä*, чув. *čavGa*, *čana* (венг. *csóka*, Räsänen, 101а); б) мар. *чаҥ*, *цанг* Г. 'колокол', удм. кукм. *ćaŋ* 'набат', ср. уйг., чагат., татар. *čaŋ* 'колокол', тур. *čan*, тобол., бар. *caŋ*, алт. и др. *šaŋ* то же (> чув. *čan*), якут. *čaŋ*, *čāŋ* 'сплав меди и олова, бронза' = монг. *čaŋ* 'музыкальный инструмент' < перс. *čang* (Räsänen, 99а).

Учет закономерностей семантического развития слов и знание тех реалий, с которым связано то или иное рассматриваемое слово, является важнейшим подспорьем при этимологизации слов.

Коми *сьöм* 'деньги', например, несомненно восходит к коми *сьöм* 'чешуя (рыбы)' (стр. 270), поскольку совпадение названия денег, денежной единицы и т. д. с названием рыбьей чешуи (клеска) > 'монета, рубль; деньги' характерны и для других языков, ср. в татарском *тәңкә* 'монета, рубль' и 'чешуя'.

В отношении происхождения коми *муса* и удм. *мусо* 'милый, любимый, дорогой' автор приводит в соответствующей этимологической статье

---

[13] И. С. Галкин. Историческая грамматика марийского языка. Морфология, II. Йошкар-Ола, 1966, стр. 13.

[14] Y. Wichmann. Tschuwassische Lehnwörter in den permischen Sprachen. Mémoires de la Société Finno-ougrienne, XXI. Helsingfors, 1903, стр. 112.

(стр. 179б) два различных мнения, существующие в финно-угроведческой литературе: 1) *муса* и *мусо* от *мус* 'печень' (*-а* и *-о* — суффиксы) и 2) *муса*, *мусо*, мокш. *мазы*, *мази* 'красивый, миловидный', эрз. *мазый* то же. К сожалению, из этимологической статьи невозможно понять, противоречит ли одно мнение другому, и если да, то какого из них придерживается автор и почему. А между тем предположение Уотилы (1-е) не лишено рационального зерна. Как известно, многие отвлеченные понятия, связанные с душевными переживаниями и психическим состоянием человека, получили название в удмуртском языке (и не только в удмуртском) от наименований определенных внутренних органов: сердца, печени, живота, желчи и т. п. Ср. в удмуртском языке от слова *сюлэм* 'сердце': *сюлмо* 'прилежный, старательный (букв., с сердцем, имеющий сердце)', *сюлмаськыны* 'заботиться, беспокоиться, стараться', *сюлмаськон* 'забота, беспокойство', *сюлэмшугъяськон* 'беспокойство, нервничание' и др.; от слова *кӧт* 'живот, брюхо; желудок': *кӧтшӧдон* 'предчувствие (букв. живота ощущение)', *кӧтвеськантэм* 'несносный, невыносимый, неприятный' (букв. в живот не умещающийся, не укладывающийся), *кӧткуректон* 'кручина, печаль, горе' (букв. 'саднящая боль в животе)' и т. д. Таким образом, и у прилагательного *мусо* 'имеющий печень, с печенью', образованного от имени существительного *мус* 'печень' посредством суффикса *-о*, вполне могло развиться вторичное значение 'милый, любимый, дорогой', которое впоследствии стало его основным значением.

Несколько слов об оформлении книги. Хотя объем словаря сравнительно небольшой, издатели выпустили его в хорошем переплете. Шрифт удобочитаемый. Ясно выделены авторские слова и ссылочные материалы. Однако с досадой приходится отметить, что такая нужная для специалистов книга, которая постоянно будет служить справочником для многих читателей, не лишена опечаток.

Несмотря на некоторые недочеты рецензируемой книги, издание ее, безусловно, является полезным делом. Это первый опубликованный в СССР этимологический словарь из числа языков финно-угорской группы. Он вносит большой вклад в советское финно-угроведение.

В. К. Кельмаков, Т. И. Тепляшина

Принятые сокращения

Источники

Бор. —	Т. К. Борисов. Удмуртско-русский толковый словарь. Ижевск, 1931.
Рукопись УРСл. —	Рукопись удмуртско-русского словаря, подготовленного к изданию сектором языка Удмуртского научно-исследовательского института.
УРСл. —	Удмуртско-русский словарь. М., 1948.
ЭСЧЯ —	В. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1969.

Названия языков и диалектов

вв.	верхневычегодский
ит.	итинский говор среднего наречия удмуртского языка
к.	коми язык

каз.	казанский диалект удмуртского языка (по В. Мукачи)
карач.	карачарский
кз.	коми-зырянский
кя.	коми-язьвинский диалект коми языка
мар. Г.	марийский горный
мокш.	мокша-мордовский
нв.	нижневычегодский
скр.	сыктывкарский
сс.	среднесысольский
юз.	юго-западное наречие удмуртского языка

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

БД	Българска диалектология, I—V. София, 1962—1970.
БЕР	Български етимологичен речник. Съставили Вл. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев. Св. I—VII. София, 1962—1969.
Варшавский словарь	J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiedzki. Słownik języka polskiego, I—VIII. Warszawa, 1904—1927 (1952—1953).
Васнецов	Н. М. Васнецов. Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора. Вятка, 1908.
Гарэцкі	М. Гарэцкі. Беларуска-расійскі слоўнічак, выд. 3. Минск, 1925.
Герасимов	М. К. Герасимов. Словарь уездного Череповецкого говора. — Сб. ОРЯС, т. 87, кн. 3.
Геров	Н. Геров. Рѣчникъ на блъгарскый языкъ, I—V. Пловдив, 1895—1904.
Гринченко	Б. Д. Гринченко. Словарь украинского языка, I—IV, Киев, 1907—1909.
Даль[2]	В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, I—IV. Изд. 2. М., 1880—1882 (1955).
Даль[3]	В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, I—IV. Изд. 3. М., 1903—1909.
Даль[4]	В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, I—IV. Изд. 4. М., 1912.
Деулинский словарь	Словарь современного русского народного говора (С. Деулино). Под ред. И. А. Оссовецкого. М., 1969.
Добровольский	В. Н. Добровольский. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.
Дополнение к Опыту	Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858.
Дювернуа	А. Дювернуа. Словарь болгарского языка. I—IX. М., 1885—1889.
Егоров	В. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.
Караџић	Вук. Стеф. Караџић. Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима. Треће (државно) издање. У Биограду, 1898.
Картотека ДРС	Картотека словаря древнерусского языка XI—XIV вв. (Институт русского языка АН СССР).
Куликовский	Г. Куликовский. Словарь областного олонецкого наречия. СПб, 1898.
Мельниченко	Г. Г. Мельниченко. Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961.

Миртов	А. В. Миртов. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов-на-Дону, 1929.
Младенов	С. Младенов. Етимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941.
Мука	Э. Мука. Словарь нижне-лужицкого языка, I—II. Пг., 1921—1928.
Носович	И. И. Носович. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.
Опыт	Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1855.
Подвысоцкий	А. И. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
Преображенский	А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, I—II. М., 1910—1914; Окончание. «Труды ИРЯ», I. М., 1949.
Радлов	В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, I—IV. СПб., 1891—1911.
Сл. сред. Урала	Словарь русских говоров Среднего Урала, I—II. Свердловск, 1964—1971.
Срезневский	И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, I—III. СПб., 1893—1903.
Тимченко	Е. Тимченко. Історичний словник українського язика. Харків—Київ, 1930.
Тупиков	Н. М. Тупиков. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903.
Ушаков	Толковый словарь русского языка, под ред. Д. Н. Ушакова, I—IV. М., 1935—1940.
Фасмер	М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева, I—III. М., 1964—1971.
Филин	Словарь русских народных говоров. Под редакцией Ф. П. Филина, I—VI. Л., 1966—1970.
Шанский	Этимологический словарь русского языка. Автор-составитель Н. М. Шанский, I (вып. 1—3). Москва, 1963—1968.
Berneker	E. Berneker. Slavisches etymologisches Wörterbuch. A — morъ. Heidelberg, 1908—1913.
Bezlaj Eseji.	F. Bezlaj. Eseji o slovenskem jeziku. Ljubljana, 1967.
Brückner	A. Brückner. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927.
Collinder FUV	Bj. Collinder. Fenno-ugric Vocabulary. An etymological dictionary of the Uralic languages. Stockholm, 1955.
Ernout — Meillet³	A. Ernout, A. Meillet. Dictionnaire étymologique de la langue latine, I—II. 3 éd. Paris, 1951.
Feist³	S. Feist. Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache. 3 Aufl. Leiden, 1939.
Fraenkel	E. Fraenkel. Litauisches etymologisches Wörterbuch, 1—16. Heidelberg—Göttingen, 1955.

Friedrich	J. Friedrich. Hethitisches Wörterbuch, I—IV. Heidelberg, 1952—1954.
Frisk	Hj. Frisk. Griechisches etymologisches Wörterbuch, 1. Heidelberg, 1954.
Holub—Kopečný	J. Holub, F. Kopečný. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1952.
Jungmann	J. Jungmann. Slownik česko-německý, I—V. Praha, 1835—1839.
Iveković—Broz	F. Iveković, I. Broz. Rječnik hrvatskoga jezika, I—II. Zagreb, 1901.
Kott	F. Št. Kott. Česko-německý slovník, I—VII. Praha, 1878—1893.
Linde	S. Linde. Słownik języka polskiego, I—VI. Lwów, 1854—1860.
Lorentz	Fr. Lorentz. Pomoranisches Wörterbuch, I—II. Berlin, 1958—1968.
Machek[1]	V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.
Machek[2]	V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého. Druhé, opravené a doplněné vydání. Praha, 1968.
Mayrhofer	M. Mayrhofer. Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen, 1—22. Heidelberg, 1953—1970.
Meyer-Lübke[3]	W. Meyer-Lübke. Romanisches etymologisches Wörterbuch. 3. Aufl. Heidelberg. 1935.
Miklosich	F. Miklosich. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.
Miklosich LP	F. Miklosich. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862—1886.
Mühlenbach—Endzelin	K. Mühlenbach. Latviešu valodas vārdnīca, red. J. Endzelīns, burt. I—XLV. Rīga, 1923—1932.
Niedermann—Senn—Brender	M. Niedermann, A. Senn, F. Brender, A. Salys. Wörterbuch der litauischen Schriftsprache. I—V. Heidelberg, 1960—1967.
Pfuhl	Dr. Pfuhl. Lužiski serbski słownik. Budyšin, 1866.
Pleteršnik	M. Pleteršnik. Slovensko-nemški slovar, I—II. Ljubljana, 1894—1895.
Pokorny	J. Pokorny. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, I—II. Bern, 1949, 1959.
PSJČ	Příruční slovník jazyka českého. I—VIII. Praha, 1925—1957.
Räsänen	M. Räsänen. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969.
RJA	Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, I. Zagreb, 1880.
Skok	P. Skok. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, I. Zagreb, 1971.
Sławski	F. Sławski. Słownik etymologiczny języka polskiego, 1—16. Kraków, 1953—1970.
Sł. stpol.	Słownik staropolski, 1—34. Warszawa, 1953—1970.
SSJ	Slovník slovenského jazyka. Vyd. Slovenskej Akademie Vied, I—VI. Bratislava, 1959—1968.

Sychta	B. Sychta. Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej, I—III. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1967—1969.
Vasmer	M. Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch, I—III. Heidelberg, 1953—1958.
de Vries	J. de Vries. Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Leiden, 1957—1961.
Walde—Hofmann	A. Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 3. neubearb. Aufl. von J. B. Hofmann. Heidelberg, 1938.

ВЯ	Вопросы языкознания
ВСЯ	Вопросы славянского языкознания
ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения
ЖСт	Живая Старина
Известия ИЯИМК	Известия Института языка, истории и материальной культуры
ИОРЯС	Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук
JФ	Јужнословенски филолог
Лекс. бюл.	Лексикологический бюллетень
МЯЯ	Материалы по яфетическому языкознанию
РФВ	Русский Филологический Вестник
Сб. ОРЯС	Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук
СФУ	Советское финно-угроведение
Уз ЛГУ	Ученые записки Ленинградского Государственного университета
Уз УрГУ	Ученые записки Уральского Государственного университета
AfslPh	Archiv für slavische Philologie
AION	Annali del Istituto Orientale di Napoli. Sezione linguistica
AO	Archiv Orientální
BB	Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen herausgeg. von A. Bezzenberger
BSL	Bulletin de la Société de linguistique de Paris
FBR	Filologu biedrības raksti
FUF	Finnisch-ugrische Forschungen
IF	Indogermanische Forschungen
JAOS	Journal of the American Oriental Society
JCS	Journal of Cuneiforn Studies
JP	Język Polski
KZ	Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen
LF	Listy Filologické
LM	Les langues modernes
LSFU	Lexica Societatis Fenno-ugricae
MSFOu(gr)	Mémoires de la Société Finno-Ougrienne

MSL	Mémoires de la Société de linguistique de Paris
Nyk	Nyelvtudományi rözlemények
PBB	Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. Begründet von H. Paul und W. Braun.
PF	Prace Filologiczne
PJ	Poradnik językowy
Rad	Rad Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti
RS	Rocznik Slawistyczny
SOc	Slavia Occidentalis
SPAW	Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften
SR	Slavistična revija
UAJb	Ural-Altaische Jahrbücher
WZKM	Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes
ZDMG	Zeitschrift der deutschen Morgenländischen Gesellschaft
ZfceltPh	Zeitschrift für celtische Philologie
ZfS	Zeitschrift für Slawistik

Названия языков и диалектов

абазин.	абазинский
абхаз.	абхазский
абхаз.-адыг.	абхазо-адыгский
авар.	аварский
авест.	авестийский
адыг.	адыгский
адыгейск.	адыгейский
алб.	албанский
алт.	алтайский
амур.	амурский
анат.	анатолийский
англ.	английский
англос.	англосаксонский
арм.	армянский
арханг.	архангельский
атт.	аттический
балкар.	балкарский
балт.	балтийский
бар.	барабинский
бартанг.	бартангский
бацб.	бацбийский
башк.	башкирский
белозер.	белозерский
блр.	белорусский
богучар.	богучарский
бойков.	бойковский
болг.	болгарский
брет.	бретонский
буковинск.	буковинский
буруш.	бурушаски
вал.	валашский
валл.	валлийский
вах.	ваховский
вед.	ведийский
венг.	венгерский
венец.	венецианский
вепс.	вепсский
верш.	вершикский
вилегод.	вилегодский
влад.	владимирский
в.-луж.	верхнелужицкий
вод.	водский
волж.	волжский
волог.	вологодский
ворон.	воронежский
вост.	восточный, восточно-
вульг.-лат.	вульгарный латинский
вым.	вымский
вят.	вятский
галльск.	галльский
герм.	германский
глаз.	глазовский говор удмуртского языка
глушк.	глушковский
голл.	голландский
горьк.	горьковский
гот.	готский
греч.	греческий
груз.	грузинский
груз.-зан.	грузинско-занский
гурийск.	гурийский
даг.	дагестанский
дарг.	даргинский
дат.	датский
долен.	доленский
донск.	донской
доперм.	допермский
дор.	дорический
дослав.	дославянский
др.	древний, древне-
др.-болг.	дневнеболгарский (тюркский)
др.-в.-нем.	древневерхненемецкий
др.-евр.	древнееврейский
др.-инд.	древнеиндийский
др.-прусск.	древнепрусский
жем.	жемайтский
иж.	ижемский
ижор.	ижорский
имерет.	имеретинский
ин.	Инари
индо-иран.	индо-иранский
ион.	ионический
иран.	иранский
ирк.	иркутский
ирл.	ирландский
исл.	исландский
исп.	испанский
ит.	итальянский
италийск.	италийский
ишк.	ишкашимский
йок.	йоканьгский
каб.	кабардинский
кадн.	кадниковский
казан.	казанский
казах.	казахский
кайк.	кайкавский
калинин.	калининский
калуж.	калужский
караим.	караимский
каракалп.	каракалпакский
карач.	карачаевский
карг.	каргопольский
карел.	карельский
карт.	картвельский
касп.-волж.	каспийско-волжский
кашуб.	кашубский
кельт.	кельтский
кемер.	кемеровский
кильд.	кильдинский
кильд. йок.	кильдинский йоки
кимр.	кимрский
кирг.	киргизский

колт.	колтовский
ком.	команский
коми-зыр.	коми-зырянский
корн.	корнуэльский
костр.	костромской
кукм.	кукморский говор югозападного наречия удмуртского языка
курск.	курский
кхмер.	кхмерский
кюэр.	кюэрикский
ладож.	ладожский
лакск.	лакский
лат.	латинский
лезг.	лезгинский
лемковск.	лемковский
ленингр.	ленинградский
лет.	летский
ливв.	ливвиковский
ливск.	ливский
лит.	литовский
лтш.	латышский
лув.	лувийский
луж.	лужский
льгов.	льговский
люд.	людиковский
мазур.	мазурский
манс.	мансийский
мар.	марийский
мар. горн.	марийский горный
мегр.	мегрельский
мезен.	мезенский
мещовск.	мещовск.
микен.	микенский
мистрш.	мистршицкий
мокш.	мокшанский
молд.	молдавский
монг.	монгольский
морав.	моравский
морд.	мордовский
мундж.	мунджанский
мэнск.	мэнский
надсанск.	надсанский
нар.-лат.	народнолатинский
нах.	нахский
нем.	немецкий
ненец.	ненецкий
н.-греч.	новогреческий
нижег.	нижегородский
н.-луж.	нижнелужицкий
новг.	новгородский
нов.-в.-нем.	нововерхнемецкий
ногайск.	ногайский
норв.	норвежский
ностратич.	ностратический
нот.	нотозерский
н.-перс.	новоперсидский
обск.	обский
общекартв.	общекартвельский
огам.	огамский
ойр.	ойротский
олон.	олонецкий
омск.	омский
онеж.	онежский
орл.	орловский
оренб.	оренбургский
осет.	осетинский
осм.	османский
осм.-крм.	османско-крымский
осташ.	осташковский
патс.	Патс-йоки
пенз.	пензенский
перм.	пермский
перс.	персидский
петербург.	петербургский
петрозавод.	петрозаводский
печор.	печорский
пирдоп.	пирдопский
полесск.	полесский
польск.	польский
помор.	поморский
праи.-е.	праиндоевропейский
праслав.	праславянский
приб.-фин.	прибалтийско-финский
прованс.	провансальский
прусск.	прусский
псков.	псковский
пуст.	пустошинский
пшавск.	пшавский диалект грузинского языка
рум.	румынский
русск.	русский
русск.-ц.-слав.	русско-церковнославянский
рутул.	рутульский
руш.-хуф.	рушанско-хуфский
рыльск.	рыльский
рязан.	рязанский
саам.	саамский
саам. ин.	Инари диалект саамского языка
саам. норв.	норвежский диалект саамского языка
саам. патс.	Патс-йоки диалект саамского языка
саам. швед.	шведский диалект саамского языка
саг.	сагайский
сакс.	саксонский
санскр.	санскритский
сарат.	саратовский
сарык.	сарыкольский
сван.	сванский
свердл.	свердловский
себеж.	себежский
сев.-чакав.	северочакавский
сельск.	селькупский
сиб.	сибирский

силез.	силезский
симб.	симбирский
слав.	славянский
слвц.	словацкий
словен.	словенский
словин.	словинский
смол.	смоленский
согд.	согдийский
сойон.	сойонский
ср.	средний, средне-
ср.-в.-нем.	средневерхненемецкий
ср.-н.-нем.	средненижненемецкий
ср.-уральск.	русские говоры Среднего Урала
ст.	старый, старо-
ст.-слав.	старославянский
с.-хорв. (сербохорв.)	сербохорватский
с.-ц.-слав.	сербско-церковнославянский
табас.	табасаранский
тадж.	таджикский
тамб.	тамбовский
татар.	татарский
твер.	тверской
тел.	телеутский
терск.	терский
тимоч.-луж.	тимочско-лужицкий
тобол.	тобольский
томск.	томский
тульск.	тульский
тур.	турецкий
туркм.	туркменский
тюрк.	тюркский
удин.	удинский
удм.	удмуртский
удм. юз.	югозападное наречие удмуртского языка
узб.	узбекский
уйгур.	уйгурский
укр.	украинский
умбр.	умбрский
урал.	уральский
урс.	урсыгуртский
фесс.	фессалийский
фин.	финский
фрак.	фракийский
франц.	французский
фриг.	фригийский
фриз.	фризский
фриул.	фриульский
хакас.	хакасский
хант.	хантыйский
хевсур.	хевсурский
хетт.	хеттский
ход.	ходский
хорв.	хорватский
хорезм.	хорезмский
цахур.	цахурский
ц.-слав.	церковнославянский
чагат.	чагатайский
чак(ав).	чакавский
чан.	чанский
чапаев.	чапаевский
чеч.	чеченский
чеш.	чешский
чрнмр.	черноморский
чув.	чувашский
швед.	шведский
шток.	штокавский
шугн.	шугнанский
эрз.	эрзянский
эст.	эстонский
ягноб.	ягнобский
якут.	якутский
яросл.	ярославский

Содержание

СТАТЬИ

КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

Этимология. 1971

Утверждено к печати
Институтом русского языка АН СССР

Редактор издательства *Т. М. Скрипова*
Технический редактор *О. Г. Ульянова*

Сданов набор 18/IX 1972 г.
Подписано к печати 27/II 1973 г.
Формат $60 \times 90^1/_{16}$. Бумага № 1. Усл. печ. л. 25,5.
Уч.-изд. л. 29,6. Тираж 3000 экз. Тип. зак. 1438.
Цена 1 р. 98 к.

Издательство «Наука»,
103717 ГСП, Москва, К-62,
Подсосенский пер., 21.

1-я типография издательства «Наука».
199034, Ленинград, 9 линия, дом 12